КОМИССИЯ ЦИК СССР
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ
20-ЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 ГОДА
и ИСТПАРТ ЦК РКП(б)

1905

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М.Н. ПОКРОВСКОГО

АРМИЯ В ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 2 7

КОМИССИЯ ЦИК СССР
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 20-ЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.
и ИСТПАРТ ЦК ВКП (б)

1905

★

МАТЕРИАЛЫ
И
ДОКУМЕНТЫ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

МОСКВА ★ MCMXXVII ★ ЛЕНИНГРАД

КОМИССИЯ ЦИК СССР
ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРАЗДНОВАНИЯ 20-ЛЕТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.
и ИСТПАРТ ЦК ВКП (б)

1905

★

АРМИЯ В ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ОЧЕРКИ И МАТЕРИАЛЫ

Составили
сотрудники Военно-Истор. Отд.
штаба РККА

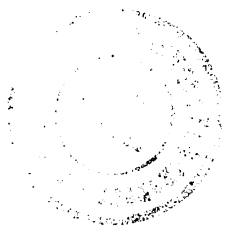
29-4466
XXVII-16157

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Главлит № 74346.
Гиз 16745. Тираж 3.000

Заказ № 59.

ОТ ИСТПАРТА.

Вопросы, связанные с значением участия армии в революции, были поставлены задолго до революции 1905 г. Всякое мощное народное движение, направленное против старого режима, приводило к определению силы армии, как силы, решавшей победу или поражение революции.

Армия — опора существующего режима, боевой орган господствующих классов в охранении их внутренней устойчивости, в расширении их внешнего могущества. Поэтому сюда в наибольшей мере устремлен весь аппарат идеологического подчинения солдат интересам господствующих классов, в лице их исполнительного комитета — правительства и государства.

Даже в буржуазных государствах эта основная цель существования армии приводит к эксплоатации остатков крепостнического наследия для большего подчинения солдатской массы воле командующих классов. Религия и чинопочитание, мундиры и ордена, всяческие иные материальные и идеологические побрякушки звоном своим призваны заглушить классовое сознание солдата, приковать его к колеснице капиталистического режима.

С тем большей силой эта идеологическая и материальная муштровка выступала в царской армии полукрепостнической России. Чин и эполеты, фронт и тяжесть службы должны были не только внушить солдату уважение к создавшим махину-армию, но и внедрить сознание ее особого назначения — быть нападающей силой на «врагов внутренних и внешних». Особая забитость российского солдата могла быть единственной опорой такого притупления классового сознания, единственно обеспечивала «верность» солдата своим могущественным эксплоататорам. Неудивительно поэтому, что российская армия была по существу сословно разделенной. Отражая социальные отношения, господствовавшие в государстве российском, армия состояла из «благородного» офицерства — в большинстве дворян, и нижних чинов, состав

коих пополнялся из народа. Сохранение армейского руководства за «первенствующим» сословием — дворянством, приближение к дворянству тех, кто сумел добраться до высших ступеней службы, делало царскую армию прочной опорой помещичьего государства. Сохраняя руководство в своих руках, обеспечивая за собой главенство, помещичье-дворянская Россия долго и прочно держала в своих руках собранные под ружье народные массы. И нужен был особый взрыв народного гнева и народной ненависти, чтобы поколебать прочно коренившиеся в войске «верноподданнические» чувства. Нужно было, чтобы армия почувствовала свою классовую природу через напяленный на нее мундир, чтобы ярко вскрывшиеся страдания народа вызвали бурный отклик в сердцах и действиях солдат.

Ниже печатающиеся очерки и дают обзоры развернувшейся в армии борьбы. Восстания, происходившие то здесь, то там, во многом напоминающие по своему характеру крестьянское движение, были частицами наступления революции. Они не сыграли в ней решающей роли, не дали победу революции. Но они были также ее составной частью, определили картину «великого восстания 1905—1907 г.г.».

Чего ожидала революция от армии? Подводя итоги значению восстания на «Потемкине», тов. Ленин писал:

«Самодержавие годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском, и теперь оно пожинает то, что сеяло. Из самого войска выходят отряды революционной армии. Дело таких отрядов — провозгласить восстание, дать массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить — сначала хотя бы в небольшой части территории государства — полную политическую свободу, начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которые мало участвуют в этом творчестве в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революции» [1]).

Такую программу действий в первой революции армии выполнить не довелось. Лишь Октябрьская революция привела к широкому использованию творческих элементов старой армии. Она же создала армии возможность стать опорой революционного преобразования социальных основ. В первой революции солдат шел к осознанию своего

[1]) Н. Ленин. Собрание сочинений, т. VI, стр. 268.

положения, начиная понимать тяжесть царского гнета и свою роль, как удушителя воли своего же класса. Отчетливо этот процесс, шедший параллельно нарастанию самой революции, виден из писем самих солдат.

Вот перед нами письмо осужденных солдат саперной роты, восставшей в Севастополе. Бесхитростно и ярко рисуют они процессы, шедшие среди солдат в связи с под'емом революционной волны, развязывавшей волю миллионов.

Отчетливо виден рост сознания забитых, вымуштрованных солдат благодаря росту самой революции.

«Волна освободительного движения, хлынувшая могучим потоком по лицу необ'ятной России, проникла во все отдаленные уголки, коснувшись всех слоев общества, заставила пульс нашей жизнедеятельности биться напряженнее. Эта волна в своем стремительном потоке пробила брешь и в нашей узко-косной военно-бюрократической среде, служившей лишь застенком самого классического крепостничества с его верными спутниками: грубостью, произволом, издевательством и невежеством, и обдала своими живительными брызгами почти каждого. Доселе равнодушная ко всему, солдатская масса, бывшая лишь слепым орудием произвола, была вовлечена в этот освободительный водоворот и начала с жарким вниманием прислушиваться к глухому многоговорящему стону России, начала интересоваться всеми происходящими явлениями и на все лады обсуждать их.

«С тех пор нас уже начинали не удовлетворять органы, служившие только лишь гноилищем мыслей, вроде «Дружеские Речи» и «Свет», которыми так усердно пичкались солдатские библиотеки, где мы вовсе не находили ответов на наши проснувшиеся вопросы, которые преследовали нас своею неотвязчивостью на каждом шагу, мучили нас своей неясностью и неопределенностью и требовали своего разрешения. Теперь они перестали служить нашим духовным питанием, и мы, подобно угнетенным деревьям с наступлением весны, начали тянуться к свету, ища другого источника питания. На место заклейменных пренебрежением и заброшенных человеконенавистнических газет тайком мы начали выписывать одну из прогрессивных газет, которая действительно отвечала нашим внутренним запросам, освещая правильно все жизненные течения, которыми так чревата за последнее время Россия, начиная с 9 января 1905 года, этого поворотного пункта в нашей истории, когда жизнь в своем неудержимом порыве мчится вперед, невзирая на искусственно приготовленные препятствия.

«С ростом освободительного движения росло и наше самосознание, и уже к 20 июля, когда было восстание «Потемкина», сознательность вылилась в такие формы, что все с нетерпением ожидали, что вот-вот восторжествует то великое дело, за которое смелые потемкинцы взялись, ждали реального воплощения пронесшегося слуха о выходе всей эскадры и присоединении к восставшим и внутренно слали горячие пожелания успеха. Помню, как сейчас, в эти дни напряжения рота, совершенно изменившись, только и жила этим явлением. Только и было разговоров об этом громком событии, вылившемся в такие резкие формы. Все время проходило в рассуждениях, где касались и причин волнения. Не обошли молчанием и самый важный вопрос — действия роты в случае командировки для усмирений матросов, находящихся в экипаже, где тоже было неспокойно. Конечно, сочувствуя всему этому восстанию, мы далеки были от мысли быть предателями и убийцами восставших в защиту попранных прав и р е ш и л и д е й с т в о в а т ь п а с с и в н о (курсив наш). Вообще и до этого случая мы возмущались, когда казаками и солдатами пускались нагайки, пули, штыки в безоружных людей — наших отцов и братьев, поднявших знамя за улучшение горького обездоленного житья-бытья.

«Видя такое настроение, некоторые из наших, более сознательные, задумывались, как бы сплотить эту разрозненную массу, приготовить из нее вполне сознательную единицу, которая в случае необходимости могла бы принести неоценимую услугу делу освобождения. С этой целью было заведено знакомство с представителем СДРП, который с особым рвением давал соответствующие указания в деле агитации и организации, устраивал довольно часто с нами беседы и снабжал нас литературой, которая читалась нарасхват. С этого времени собственно и начинается сознательная агитация среди всей части, которая пошла довольно успешно, благодаря ранее почти бессознательно подготовленной почве. Семя пропаганды встретило благоприятную почву, вскоре взошло и пустило большие побеги. Над всем тем, мимо чего раньше нижние чины проходили равнодушным молчанием, они начали возмущаться, давать соответствующую оценку всему окружающему, винить весь бюрократический механизм, превративший родину ради своих дико-эгоистических целей в болото невежества и кабалы» [1]).

В приведенном письме дана по существу характеристика оформления классового сознания не одной саперной роты. Таков же процесс и почти во всех других частях армии. Революция заставила «приза-

[1]) «Право», 1906 год, № 20, стр. 1845—46.

думаться», она уже в силах поставить вопрос «о попранных правах». Но ее слабость в первые месяцы не дает возможности развязать активность будущих борцов. Пока «решили действовать пассивно». Дальнейшие успехи революции, под'ем движения в последнюю четверть 1905 года приобщил к ней и эти колеблющиеся отряды, делая их армией революции.

Революционное движение в армии развернулось, главным образом, в последние месяцы 1905 года. Предыдущие ¾ года ушли на внутреннее брожение умов, на те мелкие сдвиги, которые подготовили волну солдатских и матросских восстаний. Уже в 1904 году адмирал Чухнин доносил из Севастополя: «В конце ноября в Севастополь прибудет более 6 тысяч человек нижних чинов запаса армии и будут размещены в обывательских квартирах. Принимая во внимание, что запасные эти из южных губерний, где политическая пропаганда широко распространена и где есть много лиц, зараженных ею, а также и то обстоятельство, что гор. Севастополь сам по себе есть очаг политической пропаганды, считаю долгом доложить вашему превосходительству об этом и просить, в особенности ввиду беспорядков, бывших 3 ноября, ходатайствовать, чтобы запасные не были размещены в обывательских квартирах гор. Севастополя, а для них был бы выбран другой какой-нибудь город, так как с прибытием их можно ожидать повторения беспорядков» [1]).

Начало и лето 1905 года усложняют положение в армии. Значительно учащаются случаи неповиновения, сопротивления приказам начальства. Столкновения солдат с начальством принимают резкие формы, граница с бунтом. Такова история сожжения офицера в Курске.

«17 июня в Курске стоял прибывший из Воронежа товарный поезд с эшелоном конно-горной батареи, состоящий из одного вагона I класса, где помещался офицер, и пяти или шести (по другим версиям — двух) товарных вагонов с известной надписью: «8 лошадей, 40 человек». В последних в страшной тесноте, при 30-градусной жаре, жались нижние чины. На окрик командира, почему он не садится, один из них отвечал, что в вагоне невозможно дышать от тесноты, и от имени товарищей просил, чтобы прицепили еще вагонов. Офицер накричал на солдата и, когда тот стал возражать, велел связать его. Тогда солдат, уже связанный, обругал офицера. Офицер выхватывает шашку и одним взмахом почти сносит ему голову. Солдат без крика, мертвый, падает на платформу. Весть о происшедшем моментально разнеслась

[1]) Дневник Богдановича. «Три последних самодержца». Донесение Чухнина за 1904 г.

по мастерским, и в короткий промежуток времени громадная толпа народа окружила поезд. Офицер скрылся в вагоне... Вагон был облит керосином, подожжен, и убийца-офицер погиб в пламени... Солдаты же эшелона все время молча сидели в своих вагонах» [1]).

Тактика невмешательства и пассивного сопротивления начинает переходить и в активное действие — сначала одиночек, а затем и масс. Протест против самовластия офицера сменяется протестом против всего режима. «Уроженец Тульской губернии, бывший рабочий, солдат Ефим Самохин ответил отказом на требование ротного командира капитана Савина стать на утренние занятия. Затем он обратился к выстроенной роте с речью, в которой просил солдат образумиться, протестовать против произвола и насилия, царящих в войске, и против грубой эксплоатации солдат. Далее, указывая на портрет царя, он сказал: «Смотрите, братцы: это — солдатский кровопийца и народный грабитель, который привел всю страну к полному разорению. Опомнитесь, братья, довольно терпеть!» [2]).

Приведенные два примера характерны не только тем, что отчетливо вырисовывают выросшую злобу солдат против своего начальства и начавшую пробиваться мысль, что дело не столько в офицерстве, сколько во всем царском строе. Они вместе с тем выявляют и «революционную бациллу» в армии — рабочего.

В Курске действует толпа из мастерских. В последнем случае речь держит солдат из рабочих.

Эту неизбежную личную связь с войском углубляла революция и ее органы своим коллективным обращением к солдату. Нельзя сказать, чтобы вопросы пропаганды в армии и организации в ней революционных элементов стояли до революции выпукло в сознании революционных партий. В статье «Что делается в войсках» «Пролетарий», орган большевиков, пишет: «Напрасно стали бы мы искать пункт об агитации в войсках и в общей резолюции о пропаганде. Во всех опубликованных работах с'езда (III) о нем нет ни слова; нет даже намека на необходимость такой агитации; нет указания на то, с чем подойти к солдату, какие конкретные лозунги именно теперь следует выдвинуть; не сделано попытки идейного и практического об'единения этого рода работы» [3]).

---

[1]) «Пролетарий», № 8, стр. 8.

[2]) Там же, стр. 12.

[3]) Там же, № 6, стр. 4.

Отсутствие руководящих указаний с'езда приводило к тому, что меньшевики в Одессе договорились до предложения солдатам, «п о б р о с а в оружие, переходить на сторону народа».

В процессе самой революции лихорадочно создавались и развивались военно-революционные организации, пытавшиеся собрать революционные элементы армии и вдохновить их на дальнейшую борьбу.

Слабая организованность работы в армии, недостаточность руководства в ней революционной работой лишь отчасти восполнялись обращением к ней Советов и общественных организаций.

«Известия Петербургского Совета Рабочих Депутатов» одни из первых публикуют обращение к братьям-солдатам, в коем призывают

1905 г о д.

	Январь—март.	Апрель—июнь.	Июль—сент.	Октябрь—дек.
Рабочих стачек (в тыс.) . . .	777	441	265	1 223
Крестьянск. выступлений (число случаев)	229	935	474	1 590
Солдатских выступлений (число случаев)	—	2	8	89

солдат «организоваться между собой, чтобы в нужный момент по одному призыву стать в ряды восставших и передать народу арсеналы, пулеметы, пушки» [1]).

И солдатское восстание шло по пути смыка с рабоче-крестьянской революцией. Его волна подымается в месяцы под'ема рабочей революции и крестьянского восстания и падает вместе с ними.

Приводимая таблица наглядно иллюстрирует этот наметившийся смык народной революции.

Как рабочие и крестьянские выступления, солдатские движения достигают в октябре — декабре своего наибольшего числа. Солдат искал возможности влить свое революционное возмущение, свой гнев в общую волну народного возмущения, народного восстания. Это не удалось ни крестьянскому, ни солдатскому восстанию. Слабость пролетарского

[1]) «Известия Совета Рабочих Депутатов», № 3, 20 октября 1905 г.

руководства делала нестойкой борьбу этих сил революции. Дав яркую вспышку борьбы, они довольно быстро упускали возможности закрепления победы, дезорганизовывали свой успех и тем дали силу контрреволюции разгромить в одиночку крестьянское, солдатское и рабочее движение.

Тот союз, который наметился в дни первой революции, вырос лишь к 1917 году, когда пролетариат шел к власти, одерживая победу через Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От Истпарта V

Л. И. Андреев.— Революционн. движение в войсках северо-западных округов 1

I. Петербургский округ . . . . . —

II. Финляндский округ 28

III. Свеаборгское восстание 38

IV. Кронштадтское восстание 52

V. Заключение 78

Приложение 80

Г. И. Железнов.— Революционное движение в войсках Московского военного округа в 1905 году 121

I. Подготовка восстания . . . . . —

II. Движения в воинских частях 127

III. Итоги 155

Приложение 158

Г. К. Корольков.— Революционное движение в войсках Виленского и Варшавского военных округов 160

I. Виленский округ . . . . . —

II. Варшавский округ 174

Приложение 178

П. И. Овсянников.— Революционное движение в войсках Киевского и Одесского военных округов 180

I. Киевский округ . . . . . —

II. Одесский округ 193

III. Восстание на «Потемкине-Таврическом» 197

IV. Бунт в Херсонском дисциплинарном батальоне 210

V. Восстания в Севастополе 213

Приложения 229

П. Черкасов.— Революционное движение в войсках Сибирского и Туркестанского военных округов 234

I. Введение . . . . . —

II. Сибирский военный округ 236

III. Туркестанский округ 279

Приложения 306

Стр.

Г. Корольков.— Революционное движение в войсках Кавказского военного округа 338
I. Северный Кавказ 339
II. Закавказье 350
Г. Корольков.— Революционное движение в войсках Приамурского военного округа 358
Движение во Владивостокской крепости 360
Хронологический указатель революционных движений в войсках в 1904, 1905 и 1906 годах 375
Алфавитный указатель 380

АРМИЯ В ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Л. И. АНДРЕЕВ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОЙСКАХ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ОКРУГОВ.

I. ПЕТЕРБУРГСКИЙ ОКРУГ.

Обстановка движения. Войска Петербургского военного округа, и особенно гарнизон Петербурга, по сравнению с войсками других округов бывш. Российской империи находились в особых условиях в связи с тем исключительным положением, какое занимал Петербург в общем революционном движении 1905—1906 гг. в стране, как столица — средоточие всех правительственных учреждений, как промышленный центр, как центр политической и общественной жизни страны (царское правительство, Петербургский Совет Рабочих Депутатов, Государственная Дума).

Революционные партии, боровшиеся с самодержавием, учитывали ту решающую роль, которую могли сыграть войска Петербургского военного округа, особенно гарнизон Петербурга и войска, расположенные вблизи от столицы, в момент решительных боев с самодержавием. Большевистское крыло, господствовавшее в Петербургской организации РСДРП после событий 9 января 1905 г., считало бесспорными следующие положения, которые определяли собой все направление работы партии: 1) что в предстоящем всенародном восстании исключительно ответственная, решающая роль будет принадлежать петербургскому пролетариату, но вместе с тем, 2) что последний только тогда сможет выполнить свою историческую задачу, если на его стороне будет хоть часть петербургского гарнизона [1]).

Отсюда ясно то значение, какое приобретало движение в войсках Петербургского военного округа.

Это обстоятельство учитывалось и царским правительством, державшим в округе лучшие войска империи, а в Петербурге — исключительно войска гвардии, находившиеся в особо привилегированном положении как в отношении материального обеспечения, в смысле пищи, одежды, казарменных помещений, так и в отношении подбора

[1]) Вл. Войтинский. «Дело с.-д. фракции 2-й Государственной Думы и военная организация», стр. 105. «Летопись Революции». Изд. Гржебина.

офицерского состава. С другой стороны, среди войск петербургского гарнизона энергичнее и успешнее, по причине указанных условий и тщательно проводившейся изоляции солдат от общественной жизни, велось воспитание солдат в духе «верности царю и отечеству». Что касается остальных армейских и флотских частей Петербургского округа, то они находились в более благоприятном, а некоторые, как, например, флотские экипажи и крепостные войска, в особо благоприятном положении для развития среди них брожения, вследствие плохих условий существования и службы и значительного числа рабочих, входивших в состав флота. Этому же в значительной степени способствовали близость промышленного и политического центра страны и более благоприятные условия для развития в этих частях деятельности революционных партийных организаций.

Характер и формы движения. Движение среди войск Петербургского военного округа наметилось еще в 1904 г. Событием, послужившим толчком к развитию движения в войсках округа, была война с Японией. Непопулярность этой войны в народе, неудачи русской армии в Манчжурии, всевозможные лишения, которым подвергались солдаты в связи с этой войной, злоупотребления и беззастенчивый грабеж начальства, — все это сильно отразилось на войсках, вызвав в них брожение с самого начала войны.

Развитию движения в войсках, его оформлению содействовала, главным образом, работа революционных партий, ведших активную борьбу против царизма: с.-дов и с.-ров.

Свою работу эти партии вели в труднейших условиях (усиленный жандармский надзор, политический сыск), постепенно завоевывая влияние в солдатских массах.

В 1905 г. работа эта только началась, и в силу особой трудности и новизны она не могла дать значительных результатов. Революционная пропаганда, которая велась в 1905 г., главным образом, социал-демократами, затронула только единицы, которые были организованы в специальные военные кружки, масса же солдатская оставалась вне непосредственного партийного влияния. Это обстоятельство естественно наложило свой отпечаток на характер и формы движения в войсках. И последнее в 1905 г. в частях Петербургского военного округа проходит под знаком экономической борьбы, в форме робких попыток пред'явления начальству мелких житейских требований, а иногда выражается в форме забастовок. Политический момент в движении почти отсутствовал, если не говорить, правда, о большом количестве, но разрозненных и неорганизованных революционных выступлений отдельных солдат или маленьких групп, выражавшихся в демонстративном нарушении дисциплины, открытой революционной агитации и т. п.

Интересно отметить следующий характерный эпизод, происшедший непосредственно и несомненно под впечатлением событий 9 января.

12 января на морском полигоне, расположенном близ гор. Сестрорецка, ротный командир команды морского полигона штабс-капитан Нелидов обратился к солдатам с речью о том, как должна действовать

БАРЕНЦОВО МОРЕ
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ГЕРМАНИЯ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
СЕРБИЯ
БОЛГАРИЯ
ГРЕЦИЯ
ТУРЦИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ПЕРСИЯ
Улеаборг
Николаштадт
Куопио
С. Михель
Тавастгус
Або
Выборг
Гельсингфорс
Ревель
Кронштадт
С. ПЕТЕРБУРГ
Архангельск
Петрозаводск
Новгород
Вологда
Вятка
Пермь
Екатеринбург
Либава
Рига
Псков
Ярославль
Кострома
Тверь
Митава
Ковно
Витебск
МОСКВА
Владимир
Казань
Н.Новгород
Уфа
Сувалки
Вильна
Гродно
Смоленск
Рязань
Симбирск
Плоцк
Калиш
Варшава
Ломжа
Минск
Могилев
Калуга
Тула
Пенза
Самара
Оренбург
Седлец
Брест-Литовск
Петроков
Радом
Люблин
Кельцы
Ровно
Житомир
Чернигов
Орел
Тамбов
Саратов
Уральск
Курск
Воронеж
Киев
Полтава
Харьков
К.Подольск
Царицын
Екатеринослав
Кишинев
Одесса
Херсон
Ростов
Астрахань
Крым
Симферополь
Севастополь
Екатеринодар
Ставрополь
Новороссийск
Владикавказ
Кутаис
Темир-хан-Шура
Тифлис
Батум
Карс
Елизаветполь
Баку
Эривань
ВОЕННЫЕ ОКРУГА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ до 1914 г.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Государственн. границы
Окружные „ „
Губернские „ „
МАСШТАБ 1: 25.000.000
200 0 200 300 400 500 Кл.
исп. С.В. Милюков

команда в случае призыва для подавления беспорядков, об обязанности стрелять в народ в этих случаях. В ответ выступивший из строя матрос (Владимиров) бросился на говорившего офицера и ранил его. Об этом случае было немедленно донесено царю, который на рапорте министра внутренних дел ген.-лейт. кн. Святополк-Мирского наложил резолюцию: «Предать полевому суду для примера» [1]).

К концу 1905 г., с увеличением размаха революционного движения в стране, в характере движения в войсках округа все больше и ярче стал выявляться политический оттенок. Огромным толчком к развитию революционного сознания у солдат послужила всеобщая политическая стачка, вырвавшая у царского правительства пресловутый манифест 17 октября. Солдатская масса, до того времени еще сильно чувствовавшая на себе действие военной дисциплины, в связи с об'явленными свободами для всего народа еще острее, чем когда-либо, почувствовала тягость своего положения: полное бесправие, моральный гнет начальства: жестокую дисциплину и тяжелый казарменный режим.

В радикальных и социалистических газетах того времени стали все чаще и чаще появляться письма солдат, а иногда и офицеров, излагающие разные солдатские нужды и задевающие вопросы об отношении армии к политике, о распространении свобод и на армию; на митингах все чаще и в большем количестве стали появляться солдаты и матросы, активно выступавшие со своими требованиями.

В то время революционное движение в стране переживало новую фазу решительной борьбы с самодержавием. Кровавые события, погромы, происшедшие тотчас же после об'явления манифеста 17 октября, инспирированные правительством, делали ясным всякому, что хотя манифест 17 октября и об'являл свободы и реформы, но что их надо было еще завоевать и закрепить за собой упорной борьбой. И эта борьба началась повсюду. Особенно ярко она протекала в Петербурге, где волею петербургского пролетариата возник Совет Рабочих Депутатов, особенно четко отражавший на своих заседаниях, в резолюциях и постановлениях эту борьбу.

На этом фоне все усиливавшейся борьбы вспыхнуло военное восстание в Кронштадте.

Кронштадтское восстание и погром. Брожение среди матросов, явившихся главными застрельщиками восстания, началось давно, но особенно деятельная работа среди матросов в смысле революционной пропаганды началась с мая 1905 г. Матросская среда к тому времени представляла весьма благодарную почву для этой работы.

Кроме тяжелых условий жизни и службы, развитию брожения содействовало еще и то обстоятельство, что правительство превратило Кронштадт в ссыльный город, отправляя туда политически неблагонадежных матросов, которые заражали активным революционным настроением окружающую их среду.

---

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3, стр. 2.

Восстанию 26 октября предшествовали следующие события. Под напором народных требований 21 октября был об'явлен указ об амнистии и в тот же день из тюремных помещений 8-го, 14-го и 18-го флотских экипажей, находившихся в Петербурге, было выпущено на свободу большое количество матросов, заключенных за революционную деятельность. Все эти политически неблагонадежные матросы в количестве 140 чел. были отправлены в тот же день в Кронштадт.

Матросы с пением революционных песен двинулись к Балтийскому вокзалу, откуда в отдельных вагонах их перевезли в Ораниенбаум, а оттуда в Кронштадт. В Кронштадте они были разбиты по ротам расположенных там экипажей [1]).

В это время в Кронштадте в связи с манифестом 17 октября ежедневно происходили многолюдные митинги, на которых главную массу составляли матросы. Вот как об этих днях рассказывает один из участников восстания: «Настроение команды, как морской, так и сухопутной, было сильно приподнятое, и все находились в особо напряженном состоянии. На происходивших в Кронштадте многочисленных митингах собиралось много матросов. Речи ораторов выслушивались с большим вниманием. Залы не в состоянии были вмещать всех желающих попасть туда. Находились и несознательные, которые не понимали великого значения митингов и поэтому не ходили на них. Более же сознательные, но находившиеся в это время в караулах, часто просили не ходивших товарищей заменять их, отдавая за каждый час — два. Побывавшие на митингах товарищи приходили в казармы, рассказывали товарищам о всех речах и постановлениях на митингах» [2]).

23 октября, в 5 часов вечера, на Соборной площади, возле манежа, был организован большой митинг, на котором присутствовало несколько тысяч матросов, большое количество депутатов от всех частей гарнизона крепости Кронштадта (артиллерии, пехоты и от каждой роты и команды).

Митинг решено было считать предварительным и оставаться пока в выжидательном положении, а на следующее воскресенье назначить общее собрание. Но уже на этом митинге была составлена петиция. Она состояла из следующих семи пунктов:

«1) Согласно дарованному манифесту, матросы являются российскими гражданами. Как таковые, они имеют право собираться и обсуждать свои дела. Если военным неудобно собираться на площади, пусть им отведут манеж.

2) Сократить срок службы.

3) Жалованье не меньше 6 рублей в месяц.

4) Выдавать хорошую обмундировку и хорошую пищу, а то приходится чуть не круглый год одеваться на свои деньги. Кормятся же они человек десять из одного бака, больные и здоровые, все вместе. Некоторые по этой причине не могут часто есть и изнуряются. Потому каждый должен иметь свой прибор.

---

[1]) «Из революционной истории флота». Из записок о восстании в Кронштадте в 1905 г., стр. 24.

[2]) Там же.

5) Матросы должны по своему усмотрению располагать свободным временем. Теперь же — как крепостные: о всем всем просить разрешения приходится.

6) Беспрепятственная доставка вина, так как матросы не дети, опекаемые родителями.

7) Военные должны иметь доступ всюду, на все частные собрания, теперь же они в этом стеснены. Например, в одном сквере есть надпись: «Вход с собаками запрещен» и т. д., и тут же внизу: «Матросам и солдатам вход воспрещается». А между тем они — «защитники отечества», исполняют трудную службу и в то же время на-ряду с собаками поставлены».

На митинге говорилось, главным образом, об экономических требованиях. Поднимались и политические вопросы. Матросы не ограничились вопросами своей службы, они требовали коренного изменения всего государственного строя и на-ряду с перечисленными выше выставили требования:

1) Всеобщего избирательного права, уничтожения сословий.
2) Свободы религии.
3) Неприкосновенности личности.
4) Образования на родном языке.
5) Свободы слова.

Понимая, что эти требования сможет разрешить лишь правительство, вышедшее из революции, митинг решил бороться вместе с народом за свободу и демократическую республику [1]).

Во время митинга прибыл главный командир Балтийского флота вице-адмирал Никонов. С тревогой в голосе Никонов стал спрашивать о причинах митинга и чем недовольны матросы. Матросы, к которым он обратился, отделывались пустыми фразами. Но один матрос, при одобрении окружающих его товарищей, смело вступил с ним в разговор, нарисовал картину матросской жизни на судах и на суше, картину сплошных издевательств над нижними чинами, говорил о мордобитии, о плохих харчах, об обкрадывании солдат и т. п. Никонов, выслушав все это, молча покачал головой и поспешил покинуть митинг. Приходило туда и другое начальство, которое утоваривало разойтись, советуя поговорить в экипажах, а общее собрание устроить, когда кончится служба.

Митинг закончился в 7½ часов вечера, и участники с пением революционных песен разошлись по казармам.

В течение 24—25 октября повсюду происходили митинги, на которых ораторы обрисовывали положение, предлагали не верить царским обещаниям, а самим, с оружием в руках, добиваться настоящей свободы народа. Такие и им подобные лозунги горячо встречались аудиторией, состоявшей из матросов, солдат и рабочих.

Под влиянием революционной агитации дисциплина в частях быстро падала. Возбуждение росло. Чувствовалась неизбежность стихийного взрыва.

---

[1]) Газета «Новая Жизнь», № 5, 1 ноября 1905 г.

Учитывая неблагоприятность момента для восстания, политически сознательные матросы и солдаты указывали на это остальным. Но стихийная ярость против своих непосредственных угнетателей — офицеров — прорывалась наружу.

Еще 25 октября произошли беспорядки среди солдат сборной команды разных частей гарнизона крепости, находившейся на форте «Константин». Команда во время обеда разлила суп и опрокинула котлы. По прибытии на место беспорядка коменданта крепости команда демонстративно кричала «ура». Выделялись отдельные возгласы: «убить его». После долгого увещевания солдаты разошлись по казармам. Все требования их были удовлетворены, а по поводу заявления о дурной пище было назначено расследование [1]).

Высшее начальство стремилось уговорами и увещеваниями предотвратить надвигавшийся взрыв. Адмирал Никонов каждый день с самого утра об'езжал экипажи и старался казаться «отцом добрым». Во время этих об'ездов он выведывал как причины недовольства, так и имена наиболее активных матросов и солдат, заговаривая с этой целью с отдельными людьми. Всюду по прибытии в экипаж или команду он просил, чтобы данная часть команды выделила товарища для переговоров с ним. Но, конечно, в большинстве случаев из этого ничего не выходило, и адмирал уезжал ни с чем. Некоторые части, как, например, 5-й флотский экипаж, избегали разговоров с Никоновым, выходя демонстративно из казармы. Начальство теряло всякое влияние на матросов и солдат. Последние твердо требовали распространения свобод, об'явленных в манифесте 17 октября, на матросов и солдат. Так продолжалось до 26 октября [2]).

Накануне, 25 октября, 2-я рота 2-го Кронштадтского крепостного батальона устроила митинг, на котором было решено пред'явить некоторые требования начальству. С этой целью выбранным на этом митинге нескольким человекам было поручено составление требований и вручение их фельдфебелю. Последний должен был представить эти требования командиру батальона.

Утром 26 октября рота отказалась итти на работу. Об этом дежурным по батальону поручиком Ивановым было немедленно же сообщено командиру батальона. Последний, приехав тотчас же в казармы батальона, приказал роте одеваться и итти на работу. Затем, обратившись к унтер-офицерам роты, он спросил о причине отказа итти на работу. Унтер-офицер Щербаков и некоторые другие унтер-офицеры ответили, что на железной дороге солдаты роты работают охотно, но их заставляют очищать дворы и около отхожих мест. При этом было заявлено, что у фельдфебеля есть «прошение» нижних чинов. Фельдфебель, сняв фуражку и вынув оттуда написанные требования, подал их командиру батальона. Солдаты просили начальство, «чтобы господа офицеры обращались с нижними чинами не грубо, что не получены

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3, стр. 116.
[2]) «Из революционной истории флота», стр. 24.

заработанные деньги по постройке финской батареи за 1904—1905 гг., что не получены деньги за празднование двухсотлетия Кронштадта, чтобы прибавили жалованья, чтобы в среду и пятницу не варили постной пищи и, наконец, чтобы меньше было работы, больше строевых занятий и уволить в запас 1902 год».

Получив прошение, командир батальона приказал итти на работу. Рота вышла под командой фельдфебеля и, спускаясь с лестницы, кричала «ура». Следуя к месту работы, рота пошла не по Северному бульвару, как обычно, а по Павловской улице (где расположены казармы флотских экипажей). По дороге зашли с криками «ура», «свобода» во двор учебно-минного отряда. К моменту прихода команды матросов в казарме было немного: как обычно, большинство из них с утра были разогнаны на работу, остальные были заняты в классах и на судах. К команде никто не шел. Выполнив работу — разгрузив четыре платформы с камнем, солдаты возвратились в казармы. После обеда комендант приказал выделить всех солдат, ходивших на работу, и отправить на форт «Павел». Солдаты в количестве 52 чел. были выделены и немедленно же отправлены на вокзал для посадки на поезд [1]). Про это узнали матросы и солдаты, которые стали группами собираться в район железной дороги, чтобы не допустить отправки товарищей на форт.

Около 5 час. вечера, когда поезд с арестованными был готов к отходу, толпа матросов стала препятствовать отправлению поезда, требуя освобождения арестованных [2]). Так как это требование не исполнялось, то толпа негодующе шумела и бросала камни. Для водворения порядка была вызвана боевая рота, с офицером во главе. Последний, прибыв на место, немедленно отдал приказ стрелять в толпу, препятствовавшую отправке поезда, но солдаты отказались исполнить приказ, взяли «к ноге». Тогда ротные офицеры сами произвели в толпу несколько выстрелов; в результате был убит один матрос и несколько человек ранено.

Во время происшедшей после этого суматохи поезд с арестованными был все же отправлен. Возмущенные матросы и солдаты вернулись в казармы.

Этот случай вызвал большое волнение среди всего гарнизона Кронштадта. Команды, собравшись во дворах своих казарм, обсуждали положение. Начальство, опасаясь эксцессов, распорядилось запереть наглухо все казарменные ворота, чтобы никто не смог выйти на улицу. Но волнение росло и принимало такие размеры, что никакими запорами и воротами нельзя было его сдержать. Около 8 час. вечера команды минно-учебного и учебно-артиллерийского отряда выломали ворота своих казарм и вышли на Павловскую ул. С криками, пальбой из винтовок они ворвались во двор 5-го и 10-го экипажей с призывом присоединиться к ним [3]).

---

[1]) Обвинительный акт по делу о кронштадтских беспорядках. «Самарская Газета», № 230, 1905 г.

[2]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3, стр. 185.

[3]) «Из революционной истории флота», стр. 26.

В это время, по своей инициативе, узнав об убийстве на Александровской ул. сухопутными своего товарища, матросы 7-го флотского экипажа, под руководством матроса Булавского, разобрали винтовки, взломали арсенал и, набрав патронов, двинулись к казармам 4-го флотского экипажа с требованием присоединиться. Произошло колебание. Тогда матросы 7-го экипажа открыли стрельбу, после чего часть 4-го флотского экипажа бежала, часть же присоединилась и вместе, разгромив морское собрание и офицерские флигеля, пошли по другим экипажам [1]).

К восставшим присоединились матросы почти всех экипажей, за исключением 1-го экипажа и части 11-го и 20-го экипажей, где офицерам удалось удержать матросов от выступления.

Обойдя все флотские экипажи, матросы двинулись в город, где к ним присоединилась часть солдат кронштадтской крепостной артиллерии [2]).

Дальнейшие события развивались следующим образом. В 8½ час. вечера горнисты и барабанщики пробили сбор, большинство матросов явилось в казармы; часть же матросов продолжала ходить по улицам с пением революционных песен. После вечерней молитвы, пользуясь выломанными воротами, команды экипажей стали выходить на Павловскую ул., где собирались группами, делились впечатлениями дня, распевали марсельезу, «Вы жертвою пали». Постепенно вся улица была запружена матросами. Образовались импровизированные митинги. Выступавшие матросы в своих речах касались неисполнения главным командиром флота и портов обещания выхлопотать удовлетворение всех требований, пред'явленных матросами. Многие ораторы указывали, что обещания адмирала есть лишь оттяжка времени, чтобы дать возможность правительству собрать в Кронштадт войска для усмирения матросов [3]).

Надо сказать, что меры к этому были уже приняты. Незадолго до восстания в Кронштадт были введены красносельские драгуны в количестве 400 чел., которые с успехом выполняли жандармскую роль. Матросы на митинге единодушно требовали вывода драгун.

Во время митинга отряд кавалеристов бросился на собравшихся матросов. Последние, не будучи вооружены, разбежались в разные стороны, прячась во дворах экипажей и частных домов. Когда кавалеристы, оказавшиеся драгунами, скрылись за переулком, матросы снова высыпали на Павловскую ул. Раздались выстрелы. Матросы в ответ бросились в экипажи за ружьями.

Было около 11 часов ночи. В это время из-за стрельбища показались матросы минного и артиллерийского отрядов, шедшие стройными рядами, с пением революционных песен. Часть матросов вышла на Павловскую ул., и по ним была открыта частая стрельба со стороны казарм 1-го пехотного Кронштадтского батальона. Неожиданный

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3.
[2]) Там же, стр. 115.
[3]) «Из революционной истории флота», стр. 26.

обстрел заставил матросов рассеяться. Часть матросов бросилась по Павловской ул., но попала под сильный обстрел из-за забора казармы 1-го флотского экипажа (как оказалось впоследствии, здесь была засада драгун). Часть матросов 7-го экипажа вступила в перестрелку, но их обстрел не мог принести никакого вреда нападавшим, находившимся под прикрытием каменных казарменных стен.

Это столкновение стоило восставшим матросам нескольких человек убитыми и ранеными.

После этого столкновения сознательная часть матросов решила создать оборону города от усмирителей, которых можно было уже ожидать с часу на час.

Но тут случилось то, что совершенно дезорганизовало восстание и очернило революционное выступление большинства сознательных матросов. С самого начала волнения к матросам примкнули разные подонки и отбросы из хулиганов и черносотенцев — банды известного «чудотворца» Иоанна Кронштадтского, которые не прочь были поживиться на чужой счет; многие же были специально подосланы охранкой, с целью спровоцировать матросов на пьянство и погром. К матросам подходили какие-то люди, подговаривая их «выпить по чарке», разгромив для этого винные лавки. Агитация велась настойчиво и непрерывно, но матросы не соглашались. Воспользовавшись возникшим смятением среди матросов во время стрельбы, хулиганы бросились поджигать дома и в первую голову набросились на казенные винные лавки. «Вдруг, — рассказывает один очевидец, — невдалеке раздался треск, шум; бросились защищать, но... страсти разгорелись, и не было уже удержу. Грабеж производился только вольными людьми, но к пьющим постепенно присоединились некоторые матросы. В пьяном виде хулиганы бросились грабить и поджигать дома. Вскоре весь квартал представлял собою море огня. Это была ужасная картина разрушения. Все в огне. В воздухе отборная ругань пьяных хулиганов. К этому присоединилась еще беспорядочная стрельба выпивших матросов и провокаторов» [1]).

Часть сознательных матросов и несколько пехотных солдат направились тем временем освобождать из карцера товарищей 5-го и 18-го флотских экипажей, что им и удалось после маленькой перестрелки, в результате которой оказалось по одному убитому со стороны матросов и охранявших карцер часовых.

Когда команда вышла на улицу, разгром был в полном разгаре. Громили магазины и винные лавки. Бороться со стихийным разгулом матросы не могли и вынуждены были уйти в казармы.

Другая часть пыталась остановить разгром: они останавливали несших узлы с награбленным, ставили около них патрули, защищали детей, женщин и стариков, разгоняли толпы хулиганов, стреляли в воздух, — все было напрасно. Было ясно, что со стихией не совладать, и многие матросы начинали постепенно расходиться по своим казармам [2]).

[1]) «Новая Жизнь», № 5, 1 ноября 1905 г.
[2]) Там же.

Погром же продолжался всю ночь, и только к часу дня 27 октября, когда в Кронштадт стали прибывать войска из Петербурга, погром стал прекращаться, а пьяные хулиганы и погромщики — расходиться по домам.

На другой день после погрома город представлял из себя ужасную картину. «Вид улицы необычайный. У разграбленных лавок куча случайно спасенного скарба. У пылающих развалин собираются кучки чернорабочих. Матросов нигде не видно. На Соборной, Господской и др. улицах расставлены пулеметы, готовые действовать по первому сигналу. Множество матросов арестовано, их держат под караулами пехоты в экипажах. Улицы полны войск. Немногие магазины торгуют. Результат грабежей подавляющий: сожжено не менее 20 домов, разграблено не менее 200 квартир. Вид морского собрания, офицерских флигелей, множества магазинов на Господской, Соборной, Екатерининской, Песочной, Богоявленской, Галкиной, Шкиперской, Бочарной улицах ужасен. Бродят личности с награбленным имуществом; за несколько рублей продают золотые часы, брошки и кольца [1]).

Как видно из копии донесения кронштадтского полицеймейстера и списков учреждений и лиц, пострадавших от погрома, во время беспорядков в городе разграблено: казенных винных лавок — 8, прочих лавок и магазинов — 106, подожжено частных домов — 8. Общий убыток казны от разгрома казенных винных лавок и сторожевых полицейских будок составляет 29.236 руб. 88 коп., а общий убыток частных лиц от погрома, грабежа и пожара выражается в сумме 984.902 руб. 24 коп.

За время этих беспорядков оказалось убитых 17 чел., раненых — 82 чел.

Поведение властей и начальства. Как реагировали власти и начальство на происходившие 26—27 октября события? Выявление этого вопроса делает понятным, почему восстание закончилось нелепым, безобразным погромом и пьянкой. Этому в значительной степени способствовало поведение властей.

В начале восстания власти растерялись. Растерянность эта увеличивалась по мере увеличения размаха событий. Это видно из телеграмм, которыми засыпался Петербург от всех категорий «властей предержащих».

Главный командир флота и портов (он же начальник морской обороны Балтийского моря и военный губернатор г. Кронштадта) вице-адмирал Никонов, видя нарастание брожения и взвесив положение, сразу забил тревогу, прося о присылке войск извне. В шифрованной телеграмме № 1064 от 26 октября на имя генерал-губернатора он писал: «Сегодня, около 10 час. утра, нижние чины 2-го крепостного пех. батальона в числе около 50 чел. зашли фронтом во двор учебно-минного отряда, призывая матросов присоединиться к ним и итти на сходку. При этом кричали «ура», «свобода» и вообще производили

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3, стр. 109.

шум и беспорядок. Как среди сухопутных, так и среди морских команд идет большое брожение, сухопутные войска выходят из повиновения. Готовится какая-то грандиозная военная демонстрация на 30-е. Рассчитывать на войска и матросов не могу. В случае возникновения серьезных беспорядков город и порт могут оказаться в безвыходном положении, а потому необходимо прибытие надежных войск... Вице-адмирал Никонов» [1]).

Комендант города ген. Беляев совершенно теряется, бомбардируя штаб Петербургского военного округа телеграммами о присылке «свежих сил», не забывая подчеркивать, что им кое-что предпринимается, «войска отстаиваются», «держатся оборонительно», что у него «значительные потери». Комендант действительно вызвал по тревоге весь крепостной гарнизон, но большая часть солдат 3-го и 5-го батальонов крепостной артиллерии отказалась итти против восставших, часть же перешла на сторону последних [2]). Тогда Никонов, ознакомившись с положением вещей и убедившись в том, что некоторые экипажи были удержаны офицерами от выступления, приказал составить сводный отряд, который и употребить для подавления восстания.

Из матросов предательскую роль «усмирителя» сыграл 1-й флотский экипаж. Последний, получив обещание особой награды от высшего начальства, согласился на разоружение матросов. С этой целью команда этого экипажа в боевом снаряжении, в стройном порядке отправилась по флотским экипажам и, несмотря на то, что в некоторых экипажах к ним обращались матросы, 1-й флотский экипаж по приказу командира задачу разоружения в некоторых экипажах (3-м и 5-м) выполнил без особого сопротивления со стороны революционных команд.

В то время как начальство разоружало матросов, в отношении хулиганов, производивших погром в городе, никаких мер не принималось. Это указывает на то, что погром производился не без ведома и участия властей. Последним было нужно дезорганизовать восстание, чтобы легче его подавить, и оно этого достигло.

Во время погрома высшее начальство отсиживалось, спрятавшись под охрану оставшейся верной части гарнизона, дожидаясь высадки вызванных из Петербурга войск. Перехваченные охранкой телеграммы некоего Волкова рисуют положение так:

> «Из Кронштадта. 27(12)27 д. ПРБГ собрание экономистов. Войска в Кронштадте взбунтовались. Город горит. Ночью магазины и жителей грабили. Выехать из города нет возможности. Всю ночь бунтовщики стреляли залпами и из пулеметов. Главный командир и комендант попрятались. Город предоставлен на произвол судьбы. Иду в думу принять меры к умиротворению. Пока жив. Волков» [3]).

Начальник кронштадтского жандармского управления в своем докладе о происшедших событиях директору департамента полиции от

---

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3, стр. 96.
[2]) Там же, стр. 115.
[3]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3, стр. 102.

31 октября 1905 года, за № 1232, указывает, что морские власти бездействовали «за неимением в своих руках, — как выразился начальник штаба порта, — средств к усмирению бунта». Находившиеся в распоряжении коменданта крепости два крепостных батальона и эскадрон драгун «оказать помощь городу не имели возможности» [1]).

Вице-адмирал Никонов в своем донесении пишет:

> «На обращение мое к коменданту крепости с просьбой выслать сухопутные войска для водворения порядка, комендант не мог исполнить этого и заявил мне, что ему приходится также ограждать порядок в своих частях и обезопасить от могущего произойти разгрома свои здания. Ввиду этого коменданту крепости было дано только полэскадрона драгун, который, проехав на рысях по Михайловской ул., Николаевскому проспекту и части Соборной ул., имел успех» [2]).

Тем временем охранка делала свое гнусное дело, организовывая провокацию. По свидетельству одного из очевидцев, в погроме участвовали переодетые в штатское платье городовые, с полицеймейстером во главе.

«Удалось установить, что весь погром был организован полицеймейстером. Уже в среду утром все городовые были на постах в штатском платье и усиленном наряде. Когда же в разгаре событий матросы бросились для защиты в одно место, где производился главный погром, они увидели следующую картину: во главе шайки хулиганов находился сам полицеймейстер, одетый в штатское.

Он руководил действиями разнузданной толпы и направлял ее на богатые магазины» [3]).

Духовенство также было привлечено к этому со своими средствами, устраивая черносотенные крестные ходы. На другой день событий (27 октября) произошел следующий эпизод, описанный одним из участников. «По выходе на Павловскую улицу я натолкнулся на крестный ход, и у меня мелькнула мысль обратиться к священнику с просьбой оказать воздействие на хулиганствующую толпу, чтобы она прекратила грабежи и поджоги. Для этой цели я предложил священнику остановить крестный ход и обратиться к народу с речью или проповедью, как он найдет более удобным. На мое предложение священник ответил мне буквально следующее:

— Я не могу подвергать себя гонению со стороны начальства, которое не давало мне поручения обращаться к толпе с увещеванием, а бунт и сам по себе когда-нибудь остановится.

— Так зачем же вы, батюшка, вышли с крестным ходом? — задал я ему вопрос.

— Так что начальство так приказало, я же лишь исполняю его волю; как оно прикажет, так и делаю. Оно лучше нас с вами знает, что хорошо, что худо.

---

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3. стр. 115.
[2]) Там же, стр. 186.
[3]) «Новая Жизнь», № 5, 1 ноября 1905 г.

Тут для меня и других товарищей стало еще более ясно, к чему стремится воля начальства и какую гнусную роль должно сыграть в развертывавшейся трагедии духовенство» [1]).

Поведение ближайшего начальства — офицеров — также характерно. Часть их попряталась по домам, большинство же, переодевшись в штатское платье, занялось сыском среди матросов. Впоследствии ими было выдано много активных революционных матросов и солдат [2]).

Ликвидация восстания. В то время как производился погром, петербургские власти деятельно готовились к подавлению восставшего кронштадтского гарнизона. Для этой цели была стянута со всего округа целая дивизия надежных войск (гвардейские Преображенский и Павловский полки, части 24-й пех. дивизии, драгуны и другие части). Все эти части были подвезены к Ораниенбауму, откуда была произведена их высадка на остров Котлин по всем правилам военного искусства [3]). Кронштадт был об'явлен на военном положении, и прибывшие войска вместе с оставшейся верной правительству частью кронштадтского гарнизона пошли в «наступление» против «крамольных» матросов и солдат. Командир гвардейской бригады, посланной на подавление восстания, доносит командующему войсками Петербургского военного округа вел. кн. Николаю Николаевичу:

«Доношу вашему императорскому высочеству: преображенцы, павловцы и батарея благополучно прибыли в Кронштадт. Все армейские части и пулеметы здесь. Вчера ранено офицеров — 1, нижних чинов: убито — 4, ранено — 15; матросов около 200. Разорено много зданий и морское собрание. Вчера матросы сдали три пулемета и отброшены в казармы. Сегодня будет потребована сдача всего оружия; военное положение об'явлено. Мнение коменданта и мое — в дальнейших подкреплениях нет надобности [4]).

Кронштадт. 28 октября 2 ч. 52 м.».

Фактически матросы и солдаты, к тому времени узнав о направлении в Кронштадт большого количества войск и убедившись в том, что сопротивление излишне, сами уже разошлись по казармам и пассивно ожидали расправы. Некоторые же бежали. Начальство организовало настоящее планомерное наступление, ожидая, повидимому, активного сопротивления.

Это наступление протекало так:

«До вчерашнего дня, — доносит 28 октября комендант ген. Беляев командующему войсками ПВО вел. кн. Николаю Николаевичу, — гарнизон занимал оборонительное положение. С прибытием поддержек из Ораниенбаума перешел в наступление и занял все ближайшие и бывшие в огне кварталы. Затем блокировал Павловскую казарму, где находились отряды артиллерийские, минные и несколько экипажей. Первое

[1]) «Из революционной истории флота», стр. 29.
[2]) Там же, стр. 28.
[3]) «Новая Жизнь», № 6, 1905 г.
[4]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3, стр. 107.

последствие этой меры была выдача артиллерийским отрядам оружия; при благотворном, по моему поручению, воздействии на отряд его начальника морской артиллерии подполковника Петрова, были сданы три пулемета. Пока спокойно. Вступил в права по военному положению» [1]).

29 октября, ночью, он же доносит:

«Город и крепость об'явлены на военном положении. Оружие и патроны от чинов, вышедших из повиновения, отобраны. Сегодня в городе тихо» [2]).

При оценке кронштадтских событий 26—28 октября следует различать два момента: *восстание* и *погром.* Восстали матросы и часть крепостной артиллерии и пехоты, громили и сжигали город хулиганы-черносотенцы, которые спровоцировали на погром бессознательный элемент из числа восставших.

Большой ошибкой, в которой сознаются и сами участники восстания, было непринятие решительных мер в борьбе с хулиганскими выступлениями и возвращение в казармы матросов и солдат, оставивших город и мирных жителей на произвол пьяных грабителей. Правда, были отдельные разрозненные попытки в этом направлении, но они тонули в разбушевавшейся стихии. Но эта ошибка была естественна в той обстановке, при которой началось и протекало восстание. Восстание разразилось стихийно. Никакой предварительной подготовки к нему не велось. Никакого руководства не было. Когда же восстание вспыхнуло, некогда и невозможно было думать, при том еще слабом уровне революционной боевой подготовки матросской и солдатской массы, о какой-либо организации. Это и решило исход восстания.

Расправа с восставшими. Мощный протест петербургского пролетариата. 28 октября появились слухи, что кронштадтские матросы будут преданы полевому суду.

Так, корреспондент газеты «Русь» пишет в своей телеграмме от 28 октября:

«На завтра назначен полевой суд. Предполагается, будет расстреляно до 300 матросов» [3]).

3 ноября главным командиром флота и портов, вице-адмиралом Никоновым, был издан приказ за № 497, который подтвердил эти слухи.

«Штаб Кронштадтской крепости препроводил мне при надписи от 1 сего ноября за № 8196 копию нижеследующего предписания его императорского высочества главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа вел. кн. Николая Николаевича на имя коменданта Кронштадтской крепости:

«По важности обстоятельств настоящего времени признаю необходимым для охранения воинской дисциплины виновников в производстве беспорядков наказать по всей строгости военно-уголовных законов.

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3, стр. 110.
[2]) Там же, стр. 113.
[3]) Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3, стр. 109.

Предписываю, на основании 91 ст. XXII кн. свода военных постановлений 1869 г., изд. 3, во всех подлежащих случаях совершения воинских преступлений, предусмотренных XXII кн. свода и произошедших в течение октября с. г. до об'явления крепости на военном положении, предавать виновных суду с применением наказаний, определенных в сей книге для военного времени».

О чем по порту и об'явлю» [1]).

Над сотнями матросов и солдат нависла угроза смертной казни.

Одновременно с об'явлением Кронштадта на военном положении таковое же было об'явлено и во всей Польше, требовавшей себе автономии, как «посягнувшей на целость государства».

Пролетариат Петербурга, чутко следивший за революционным движением в России, немедленно же откликнулся на эти события. 29—30 октября и 1 ноября на большинстве петербургских фабрично-заводских предприятий происходят массовые митинги, на которых рабочие требуют от Петербургского Совета решительных мер протеста против действий правительства.

1 ноября происходит собрание Петербургского Совета Рабочих Депутатов. После выступления приехавших из Польши делегатов, сделавших сообщение о целях и характере борьбы польского народа, остальное время было посвящено кронштадтским событиям.

Вот как описывается это весьма интересное и характерное с точки зрения работы первого Совета Рабочих Депутатов собрание:

«Следующий вопрос, вызвавший громадное воодушевление, был вопрос о кронштадтских событиях. Слово предоставляется матросу, которому была устроена овация. Смущенный матрос, повидимому, так растерялся, что из всей его речи можно было понять только одно: «матросы были не против рабочих, а против правительства». Следующие ораторы давали фактические сообщения о кронштадтских событиях. По словам одного оратора, сознательные матросы не призывали товарищей к восстанию, находя его в настоящее время несвоевременным, но принуждены были при начале движения стать во главе его. В самой истории бунта характерно, главным образом, поведение офицеров: когда матросы жаловались на дурное отношение и обращение, то приезжали командиры, говорили речи о терпении и послушании и затем приказывали кричать «ура», чем и кончались заботы начальников о своих подчиненных. Когда же взбунтовавшиеся матросы 4-го экипажа потребовали оружие, командир бросил им все ключи и удрал из Кронштадта.

Другие ораторы подчеркивали провокаторский характер погрома, а также тот ужасный факт, что в результате должны пострадать именно сознательные товарищи, которые в погроме не участвовали, но всегда выделялись во всех протестах.

Далее оратор-делегат в горячей речи, вызвавшей громадный энтузиазм, призывает к протесту против военного суда: «Если мы отнимем товарищей матросов у самодержавия и спасем их от смерти, то мы тем самым приготовим смерть самому самодержавию, своей защитой мы приобретем себе друзей среди войска».

Делаются сообщения делегатов о настроении рабочих, выразившемся на митингах по поводу кронштадтских событий. Повсюду единодушное возмущение назначением военно-полевого суда, проявившееся в резких негодующих резолюциях.

[1]) Газета «Котлин», № 261.

Заводы Семянниковский, Леонтьева, Лесснер, Александровский механический завод, орудийный завод, Балтийский, Франко-Русский, адмиралтейство, завод Пульмана — все эти заводы выражают свое крайнее негодование и готовы присоединиться к протесту в той форме, как его выражает Совет» [1]).

В заключение собрание, учитывая боевое настроение рабочих, вносит резолюцию, которая призывает петербургский пролетариат протестовать против расправы царского правительства с революционными матросами путем общей политической забастовки.

«Царское правительство продолжает шагать по трупам, оно предает полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польши петлю военного положения.

Рабочий Совет призывает революционный пролетариат Петербурга посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, демонстрировать свою братскую солидарность с революционным солдатом и матросом Кронштадта и революционным пролетариатом Польши.

Завтра, в 12 час. дня, рабочие Петербурга прекращают работу с революционными лозунгами: «долой полевые суды, долой смертную казнь, долой военное положение Польши и всей России» [2]).

На другой день, 2 ноября, в 12 час. дня, в Петербурге остановились все крупные заводы и многие фабрики. За ними вскоре стали и мелкие. В тот же день прекратилось движение на Варшавской и Балтийской железных дорогах, 4 декабря — на Николаевской, Финляндской и Московско-Виндаво-Рыбинской и 6 декабря — на Сестрорецкой. Возмущение петербургских рабочих было настолько велико, что подняло их всех на ноги. 7 ноября, в день прекращения забастовки, по сведениям фабричной инспекции, еще бастовало 104.597 чел. в 452 фабрично-заводских предприятиях [3]).

Правительство, чрезвычайно напуганное этой хорошо организованной политической забастовкой-протестом, в лице Витте сделало попытку «уговорить» рабочих, обратившись к ним с полным внутреннего цинизма и лицемерия воззванием, начинающимся словами:

«Братья-рабочие, станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте своих жен и детей. Не слушайте дурных советов, и т. д...».

Петербургский Совет ответил резолюцией: «Пролетарии ни в каком родстве с Витте не состоят» и дальше вновь подтвердил, что «главным требованием рабочих остается народное правление на основе всеобщего, тайного и прямого голосования».

Тогда 5 ноября правительством была опубликована телеграмма, в которой об'являлось, что кронштадтские матросы предаются не военно-полевому, а военно-окружному суду.

---

[1]) «Самарская Газета», № 214, 1905 г.

[2]) Л. Троцкий. «1905 г.», стр. 154.

[3]) «Общественное движение в России в начале XX века», под ред. Мартова, Маслова и Потресова, стр. 111.

«Ввиду распространившихся в провинции слухов, — писалось в ней,— о применении военно-полевого суда и смертной казни к нижним чинам, участвовавшим в беспорядках в Кронштадте, мы уполномочены заявить, что все подобные слухи преждевременны и лишены основания... Полевым судом участники кронштадтских событий судимы не были и не будут» [1]).

В тот же день Совет Рабочих Депутатов, в связи с уже начавшейся обнаруживаться усталостью среди забастовщиков, принял резолюцию, в которой, между прочим, говорилось:

«Совет Рабочих Депутатов, считая необходимым сберечь силы для решительных выступлений, постановляет прекратить стачечные манифестации в понедельник 7 ноября».

В назначенный день и час стачка-протест была прекращена, так же единодушно, как и началась: она длилась всего 120 часов [2]).

19 ноября 1905 г. появляется приказ вице-адмирала Никонова, которым отменялся приказ от 3 ноября. Любопытно отметить мотивировку отмены, которая была надумана специально с целью затушевать отступление, что статья закона, указанная в прежнем приказе, к морскому ведомству не относится и потому к нижним чинам флота не должна применяться.

«Приказ № 523. Кронштадт. 19 ноября 1905 г. Согласно уведомления главного военно-морского управления от 17 сего ноября, за № 1375, предписание его императорского высочества главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, препровожденное мне при надписи штаба Кронштадтской крепости от 1 сего ноября за № 3196, *к морскому ведомству не относится и потому к чинам флота не должно быть применяемо*» [3]).

Военно-морской суд Кронштадтского порта, после 49 заседаний и двухсуточного совещания, 18 марта вынес резолюцию, которой признано виновными 123 чел. и оправдано 83 чел. Матрос Булавский присужден к бессрочной каторге, 8 человек были присуждены к каторге на сроки от 6 до 20 лет (6, 8, 12, 20 лет), 36 матросов—к заключению в арестантские отделения от 1 до 2 лет, 32 человека — к заключению в исправительные тюрьмы на 6, 5, 4, 3 и 2 месяца, к аресту на 20—10 дней — 28 чел. и 1 — к увольнению с военной службы. Кроме того, все присужденные к тюремному заключению и другим наказаниям были отданы под надзор полиции на 4 года [4]).

17 апреля приказом главного командира флота и портов об'явлено о сокращении сроков ссылки на каторжные работы и к отдаче в исправительные арестантские отделения наполовину, а матросу Булавскому о замене бессрочной каторги срочною — на 25 лет [5]).

---

[1]) Л. Троцкий. «1905 г.», стр. 156.
[2]) Там же, стр. 160.
[3]) Газета «Котлин», № 261, 1905 г. Кронштадт.
[4]) Газета «Казарма», № 3, 1906 г.
[5]) Там же, № 9, 1906 г.

Ноябрьская стачка была кличем солидарности, брошенным пролетариатом через голову правительства и буржуазии пленникам казармы, и если ей не удалось вырвать совершенно из рук царских палачей революционных матросов и солдат, то она, несомненно, предотвратила жестокую с ними расправу.

Но ее значение было еще и в том, что она оказала огромное революционизирующее влияние на армию и флот. «Своей защитой мы приобретем себе друзей среди войск». Этот лозунг одного из участников собрания Совета Рабочих Депутатов от 1 ноября, как мы увидим, вполне оправдался в дальнейшем ходе развития движения в войсках.

Волнения в Свеаборге. Приблизительно в то же время возникло волнение среди войск, расположенных в крепости Свеаборг. Волнение это протекло более организованно, и в результате солдаты одержали значительную победу.

Поводом к волнению послужило то, что правительство, несмотря на окончание войны с Японией, медлило с отпуском в запас солдат призывов 1901—1902 гг.

Так как возбуждение среди солдат в связи с этим росло, в среде наиболее развитых, сознательных солдат явилась мысль организовать по этому поводу сходку солдат всего свеаборгского гарнизона. Об этом были разбросаны соответствующие прокламации. Начальство, узнав о готовящейся сходке, растерялось, не зная, что предпринять, и пассивно ожидало дальнейшего хода событий, решив не препятствовать сходке. Затем решило сделать попытку утихомирить солдат, пустив в ход все средства морального воздействия. Священник сделал подготовку проповедью в церкви на тему: «бога бойтесь и царя чтите». А комендант, собрав на плацу всех подлежащих увольнению в запас нижних чинов и оцепив их предварительно пехотой в полной боевой готовности, произнес перед ними речь, в которой он упомянул, между прочим, о том, что им уже послана телеграмма в Петербург с ходатайством об ускорении увольнения в запас нижних чинов, выслуживших свой срок.

Когда после этого солдаты разошлись по ротам, им было об'явлено о том, что они могут представить требования в письменной форме через фельдфебелей.

Солдаты представили эти требования поротно в тот же вечер. Требования получились в общем однообразными и сводились к следующим пунктам [1]):

1) Об увольнении нижних чинов в запас армии дать ответ в трехдневный срок.

2) Сверхсрочно служащих фельдфебелей и фейерверкеров удалить, заменить их действительно служащими.

3) Улучшение довольствия: а) пища приготовлялась чтобы действительно усиленная (а не ½ фун. мяса для улучшения пищи), т.-е. сало,

[1]) «Три дня восстания в Свеаборге». Воспоминания шт.-кап. Циона, стр. 21—24. Гельсингфорс. Изд. «Фугас». 1907 г.

масло, крупа, мука и т. п., б) чайное довольствие выдавалось бы для нижних чинов с таким расчетом, чтобы хватало на выданное время и доброкачественное, а не какие-нибудь отбросы, как выдают теперь: один фунт чаю стоимостью 96 коп., дачка 2 зол. чая и 8 зол. сахару в день.

4) Обмундирование производилось чтобы по положению: мундир на 2 года, шинель — 2 года, фуражка — 2 года, шаровары — ежегодно, а не как производится теперь: дадут с новобранства обмундирование, служи, чини и в запас в этом же поезжай.

5) Честь отдавать при исполнении служебных обязанностей, а на улице — при проходе в первый раз, и чтобы гг. офицеры не ставили нас бесчувственной скотиной и не подвергали насмешкам.

6) Проступок, сделанный солдатом, чтобы не решался без ведома солдат, а то у нас принято, как провинился солдат, доложили, а он, начальник, на то время был в ссоре со своей барыней и вот, чтобы на чем-нибудь сорвать свою злобу, облает, как позволяет русский язык, а арест на всю власть. Удалите.

7) Курение табаку разрешать чтобы повсюду, а не как теперь, что солдату разрешено курить только в отхожем месте.

8) Увольнение нижних чинов в город и повсюду было чтобы беспрепятственно, а не как это делается теперь: надо, например, сапожного товару, иди к маркитантам купи, но как же купить? То товар плохой, цена дорогая, купить — значит носить нечего, а не купить — ходить не в чем; а в город увольнения нет: горе наше.

9) Жандармерия для честных людей не нужна. Я — солдат, значит, и блюститель порядка, а его к чорту — лишние сплетни и кляуза. Из-за этих блюстителей порядка бедному солдату солоно достается; вернулся из города выпивши, заметил жандарм, — значит, пропал: под арест, а то еще и под суд.

10) Уставы составлены за подписями генералов, полковников и капитанов, — отменить; не нужны нам эти истязания, нам надо тот устав, в котором будет подпись сиволапого мужика из деревни (Государственная Дума).

11) Журналы взысканий на нижних чинов уничтожить немедленно же, а писать взыскания действительным преступникам, как, скажем, наши заведующие, а на Дальнем Востоке командующие и главнокомандующие, которые обратили последние капли крови у бедного мужика, а армию оставили нагу и голу, и после заключения мира пораз'ехались лечиться, кто за границу, кто куда, — этих преступников судить надо.

12) Жалованье доходило чтобы до японского или германского войска, как, например, в Японии подпоручик получает 15 руб., а рядовой 5 руб. в месяц, это еще приблизительно, а у нас рядовой 45 коп. в два месяца, а подпоручик 45 руб. в месяц. *За что, какие особые подвиги?*

13) Отпускаемые от интендантства довольствие и обмундирование надо чтобы попадало нам в руки, а не кормить целую стаю прожорливой птицы.

14) Фельдфебель — кто он такой, а не фабричный ли рабочий? Нет, я — фельдфебель, я — хозяин роты, что хочу, то и делаю, да вдобавок получаю жалованья 32 руб. в месяц, не считая сколько украду. Долой шкуру, да здравствует действительно служащий!

15) Помещение солдатское — казармы, в которых стоять только скотине в таком количестве, как солдаты, а не молодым полным здоровья людям; отчего впоследствии времени являются заболевания и насекомые (вши, блохи), и не обойтись, потому спят солдат на солдате. *Дай нам вольные квартиры* и такие помещения, как и офицерские, с большими окнами.

16) Доктора — военные врачи — подавали чтобы помощь своевременно и лекарства, соответствующие болезни, а не как теперь, что, если отрубил палец, дают касторки, и т. п.

17) Газеты были чтобы выписаны в каждую роту на артельные суммы. Мы хотим знать, что делается на родной Руси, а также и приказы по войскам попадали чтобы в наши руки, — нам надо знать, что делается и в военном ведомстве.

18) Для несения караульной службы в зимнее время были чтобы теплые валенки из шерсти.

19) При увольнении в отпуск для свидания с родственниками никакой пошлины за проезд по железным дорогам не взимать, а если я казенный человек, то должна быть и дорога казенная, даже с прибавкою путевых, как это приходится слышать в приказах по части, что вот такому-то полковнику, капитану и т. п. за проезд по железной дороге до Петербурга столько-то, капитану и т. п. за проезд по железной дороге до Петербурга столько-то.

20) Солдатское собрание необходимо нужно потому, что надо переговорить наши нужды и высказать свои мнения.

Вперед, братцы, с богом».

Кроме этих требований, были еще требования о том, чтобы получаемые солдатами письма не вскрывались, как это практиковалось по приказу коменданта, и чтобы денежные письма не задерживались к выдаче; чтобы солдатам была предоставлена возможность чаще ходить в баню; чтобы было выдано казенное постельное белье; чтобы употребляемые солдатами вместо матрацев ввиду приказа коменданта «маты» были заменены соломою; об отпуске на баню и для стирки белья мыла; об урегулировании по всем ротам времени производства разных работ, напр., инженерных, на которые солдат все-таки посылали, о неналожении взысканий, как это зачастую практиковалось, за заявление солдатами жалоб на начальство и своих претензий, об улучшении освещения жилых помещений нижних чинов и многие другие.

По поступлении требований офицеры устроили свое собрание, на котором приступили к сводке этих требований и выработке ответа на них в форме приказа. Большинство офицеров склонялось к удовлетворению большинства требований. Составленный в этом духе приказ представили коменданту. Тот долго не соглашался его подписать, но все же уступил настояниям офицеров, и 1 ноября за № 205 появился приказ по гарнизону крепости из 33 пунктов, которым в той или иной степени — полностью, отчасти обещанием принять меры, возбудить ходатайство — удовлетворялось большинство солдатских требований [1]). Таким образом солдаты одержали победу. Эта победа в обстановке полного солдатского бесправия явилась крупным толчком, обусловившим дальнейший рост революционной сознательности и революционной активности солдатской массы этой крепости, которая привела через 8 месяцев к знаменитым «свеаборгским дням».

Отражение ноябрьской забастовки-протеста в войсках ПВО. Ноябрьский протест рабочих Петербурга упал на чрезвычайно благодарную почву. Вмешательство рабочих, заступившихся за кронштадт-

[1]) «Три дня восстания в Свеаборге». Воспоминания шт.-кап. Циона.

ских матросов и солдат, имело огромное моральное влияние на массы солдат.

Оно одним ударом встряхнуло широкие круги армии и уже в ближайшие дни вызвало ряд митингов в казармах петербургского гарнизона. В Исполнительный Комитет, даже на заседания самого Совета, стали являться не только отдельные солдаты, но и солдатские делегаты, произносили речи, требовали поддержки; революционные связи среди солдат упрочились, прокламации находили широкий сбыт [1]).

Как на один из первых непосредственных и вместе с тем характерных откликов на демонстративную стачку-протест петербургского пролетариата можно указать на волнения в электро-технической роте в Петербурге.

14 ноября рота и нестроевая команда, собравшись в ротном помещении и пригласив начальника, пред'явили ему 31 пункт требований. Вот некоторые из них: свобода собраний в казармах, не посылать для выполнения полицейских обязанностей, уничтожение обысков, немедленное увольнение в запас всех выслуживших установленный срок, сокращение срока службы, человеческое обращение на «вы», свободный допуск книг в казармы, доступ в библиотеки общественные и частные, свободное увольнение со двора, улучшение пищи, ведение ротного хозяйства самой ротой, и т. д.

В Петербурге, где остальные войска были сравнительно спокойны, с электро-техниками поступили быстро и круто: 144 нижних чина были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость [2]).

Боясь открытого сопротивления, начальство обставило арест электро-технической роты большими предосторожностями. Было дано секретное предписание вызвать роту во двор казармы, якобы для встречи великого князя. Вызов был произведен так быстро и неожиданно, что нарочно снятые с работы на электрической станции солдаты вышли во двор неумытыми и в одних рабочих блузах. Во дворе рота была окружена выведенными из потаенных мест вызванными и помещенными там заблаговременно гвардейцами Павловского полка, под конвоем которых арестованные, в количестве 144 человек, были немедленно отправлены в Петропавловскую крепость. В казарме был произведен тщательный обыск, не приведший ни к каким результатам. Незначительное количество солдат, оставшихся для работы на электрической станции и для несения дневальной службы, из солидарности с своими товарищами, несмотря на угрозы, требовали, чтобы их присоединили к арестованным.

По словам некоторых газет («Новая Жизнь», «Слово»), солдаты Семеновского и Егерского полков отказались итти арестовывать солдат электро-технической роты [3]).

До этого случая за несколько дней (11 ноября) в той же роте была организована забастовка. Выставлены были требования экономи-

[1]) Л. Троцкий. «1905 г.», стр. 161.

[2]) «Общественное движение в России в начале XX века», под ред. Маркова и др., стр. 126.

[3]) «Самарская Газета», № 230, 1905 г.

ческого характера: 1) выдача задержанного жалованья, 2) экономных денег, полученных от продажи оставшихся продуктов, 3) выдача одежды. Забастовка продолжалась три часа, окончившись полной победой солдат. Все требования начальством были полностью исполнены.

Параллельно забастовкам на заводах и фабриках развилась целая эпидемия забастовок в частях войск округа. Кажется, не было ни одной части в округе, где не было бы случая пред'явления требований к своему начальству в этот период. Все эти требования в общем сводились к следующему:

1) О сокращении срока службы в армии и гвардии на два года, во флоте — на три.

2) Право посещать в форме все публичные собрания и места наравне со всеми гражданами.

3) Полная отмена телесных наказаний в войсках, дисциплинарных батальонах и военных тюрьмах.

4) Уравнение в правах по военной службе всех национальностей и вероисповеданий.

5) Беспрепятственное увольнение со двора в будни с 4 час. пополудни до 11 час. вечера, в праздники с 8 час. утра до 12 час. ночи всем без исключения, кроме находящихся в казарме дежурных и дневальных.

6) Право читать и держать в казарме все книги, газеты и журналы. Отмена обязательного представления книг для подписи ротному командиру.

7) Ненаказуемость сотрудничества в газетах и журналах.

8) Полная отмена цензуры писем, получаемых нижними чинами.

9) Свобода совести. Отмена обязательной присяги и исполнения церковных обрядов.

10) Уничтожение военно-полевого и военно-окружного судов и подчинение всех военно-судебных дел общегражданскому суду.

11) Выборный полковой суд с представителями: от штаб-офицеров — 1, от обер-офицеров — 2 и нижних чинов — 3, с равным правом голоса для всех.

12) Право подавать жалобы на ближайших и высших начальников в полковой и окружной суд.

13) Наложение ареста свыше 5 суток только по приговору полкового или окружного суда.

14) Право подавать коллективные жалобы в полковой и окружной суды и высшему начальству.

15) Право защищаться при малейших поползновениях со стороны начальников ударить.

16) Вежливое обращение начальников с подчиненными, замена «ты» более вежливым «вы».

17) Воспрещение офицерам пользоваться нижними чинами для домашних услуг, с уничтожением института денщиков.

18) Сохранение чинопочитания только в казарме и на службе. Вне службы полная отмена его.

19) Продолжительность ежедневных занятий не должна превышать 8 час. с необходимыми перерывами. Все перерывы в совокупности должны быть не менее 3 часов, начало занятий не ранее 8 час. утра и окончание не позднее 4 час. пополудни.

20) Исполнение необходимых хозяйственных работ должно производиться исключительно во время, назначенное для занятий.

21) Предоставление права всем без исключения нижним чинам держать экзамен во все юнкерские и военные училища.

22) Для производства в фельдфебеля обязательный образовательный ценз не ниже городского училища.
23) Устройство в каждом полку и части библиотек.
24) Участие выборных нижних чинов наравне с офицерами в контролировании расходов хозяйственных сумм.
25) Улучшение пищи.
26) Отпускать на каждого нижнего чина на ежедневное продовольствие не менее 25 коп.
27) Улучшение обмундировки и помещений.
28) Увеличение ежемесячного жалованья до 3 руб. рядовым, 5 руб. — ефрейтору и 10 руб. — ст. унтер-офицеру [1]).

По поводу этой сводки требований петербургских солдат и матросов тов. Ленин в статье «Войско и революция» писал:

«Севастопольские события не одиноки и не случайны. Не будем говорить о прежних попытках прямого восстания во флоте и армии. Сопоставим с севастопольским пожаром петербургские искры. Вспомним те солдатские требования, которые намечаются теперь в различных воинских частях Петербурга (они напечатаны во вчерашнем номере нашей газеты). Какой замечательный документ этот список требований! Как ясно показывает он, что армия рабская превращается в армию революционную. И какая сила удержит теперь распространение подобных требований во всем флоте и во всей армии? Петербургские солдаты хотят добиваться улучшения пищи, одежды, помещений, увеличения жалованья, сокращения срока службы и времени ежедневных занятий. Но среди их требований еще больше места занимают другие, которые мог пред'явить только солдат-гражданин. Право посещать в форме все собрания, «наравне со всеми гражданами», право читать и держать в казарме все газеты, свобода совести, уравнение в правах всех национальностей, полная отмена всякого чинопочитания вне казармы, уничтожение денщиков, уничтожение военных судов и подчинение всех военно-судебных дел общегражданскому суду, право подавать коллективные жалобы, право защищаться при малейшем поползновении со стороны начальника ударить. Таковы главнейшие требования солдат» [2]).

Репрессии. В ответ на все растущее движение петербургских солдат и матросов царское правительство производит ряд репрессий. В Петербурге были арестованы, по сведениям из газет («Биржевые Ведомости»), 200 чел. Аресты коснулись и войск гвардии. В Преображенском полку было арестовано 25 чел., из которых 15 чел. заключены в Петропавловскую крепость, остальные (10 чел.) — на гауптвахту [3]).

Революционно настроенные матросы ссылались в Кронштадт целыми экипажами.

Так, под утро 23 ноября под конвоем солдат были отправлены в крепость Кронштадт матросы 8-го, 14-го и 18-го флотских экипажей.

---

[1]) «Новая Жизнь», № 13, 1905 г.
[2]) Там же, № 14.
[3]) Там же, № 13.

Матросы этих экипажей отличались особенно революционным настроением. Правительству надо было во что бы то ни стало как-то избавиться от них. Решено их было обезоружить и отправить в Кронштадт, который находился в это время на военном положении. К этому было приступлено планомерно. За неделю до отправки от матросов были отобраны все патроны, а потом был отдан приказ об отправке матросов этих экипажей в Кронштадт. Когда слух об этом распространился между матросами, последние немедленно собрались в столовой и открыли по этому поводу митинг. Для всех присутствовавших на митинге было очевидно, что отправка экипажей в крепость Кронштадт, находящуюся на военном положении, после отобрания патронов, т.-е. после фактического обезоружения, не есть простой перевод в другое место, а способ наказания.

После «громкого разговора» с присутствовавшим на митинге начальством, матросы вынесли резолюцию об отказе ехать в Кронштадт, пока там не снимут военного положения и не будет об'явлено, для какой цели переводят туда экипажи. Офицеры на это пригрозили войсками. «Нет, не поедем. Если нужно, умрем», — об'явили матросы. Офицеры ушли.

Было около 6 час. утра. Вскоре, минут через 10, к казармам подошли приготовленные заранее войска. Тогда матросы выстроились, часть матросов разобрала ружья. Так как патронов не было, то матросы решили, в крайнем случае, защищаться штыками.

Когда затем матросы вышли на двор, войска были уже выстроены в боевой порядок, с ружьями «на изготовку», готовые стрелять. Матросы, посовещавшись между собою, видя, что всякое сопротивление может вызвать только безрезультатное кровопролитие, решили сдаться. Немедленно же было приступлено к разоружению. Отобранные винтовки были увезены солдатами. Матросы же были препровождены под усиленным конвоем на площадь возле Крюкова моста, откуда, на заранее приготовленных баржах, были переправлены в Кронштадт [1]).

Количество арестов и других наказаний среди войск петербургского гарнизона все увеличивалось. Помня о том участии, какое проявлял Петербургский Совет по отношению к революционному движению среди солдат и матросов, последние все чаще и чаще обращались к нему, ища защиты и спрашивая, что делать.

На это Совет ответил особым воззванием, ставшим известным под именем «Манифеста к солдатам»:

> «Совет Рабочих Депутатов отвечает солдатам:
> Братья-солдаты армии и флота!
> Вы часто обращаетесь к нам, Совету Рабочих Депутатов, за советом и поддержкой. Когда арестовали солдат Преображенского полка, вы обратились к нам за помощью. Когда арестовали учеников военной электро-технической школы, вы обратились к нам за поддержкой. Когда

[1]) «Новая Жизнь», № 18, 23 ноября 1905 г.

флотские экипажи высылались под конвоем из Петербурга в Кронштадт, они искали у нас защиты.

Целый ряд полков посылает к нам своих депутатов.

Братья-солдаты, вы правы. У вас нет другой защиты, кроме рабочего народа. Если за вас не вступятся рабочие, — вам нет спасения. Проклятая казарма задушит вас.

Рабочие всегда за честных солдат. В Кронштадте и Севастополе рабочие боролись и умирали вместе с матросами. Правительство назначило военно-полевой суд над матросами и солдатами в Кронштадте, — тотчас же петербургские рабочие повсеместно прекратили работу.

Они согласны голодать, но не согласны молча глядеть, как истязают солдата.

Мы, Совет Рабочих Депутатов, говорим вам, солдаты, от имени всех петербургских рабочих:

Ваше горе — наше горе, ваши нужды — наши нужды, ваша борьба — наша борьба. Наша победа — будет вашей победой. Одни и те же цепи сковывают нас. Только дружные усилия народа и армии разорвут их.

Как освободить преображенцев? Как спасти кронштадтцев и севастопольцев?

Для этого нужно очистить страну от царских тюрем и военных судов. Отдельным ударом нам не освободить преображенцев и не спасти севастопольцев и кронштадтцев. Нужно общим могучим натиском смести с лица земли нашей родины произвол и самовластие.

Кто же может сделать это великое дело?

Только рабочий народ вместе с братскими войсками.

Братья-солдаты! Пробуждайтесь. Подымайтесь. Идите к нам. Честные и смелые солдаты, соединяйтесь в союзы.

Будите спящих. Тащите отставших. Сговаривайтесь с рабочими. Связывайтесь с Советом Рабочих Депутатов.

Вперед, за правду, за народ, за свободу, за жен и детей наших.

Братскую руку протягивает вам

Совет Рабочих Депутатов» [1]).

Этот манифест показывает, какое значение мог бы иметь Петербургский Совет Рабочих Депутатов для дальнейшего развития движения в войсках, в отношении революционизирования и организации солдат и матросов царской армии и флота.

Развитие движения в войсках. Революционные военные организации. Но Совет Рабочих Депутатов — это «рабочее правительство», как его тогда называли, — доживал уже последние дни. Вскоре, 3 декабря, он был арестован. Рабочий класс, изнеможденный, измученный всеми лишениями, сопутствовавшими его борьбе, уже не имел достаточных сил противостоять напору реакции. Революционное движение шло на убыль, вступив в новую полосу «собирания и организации сил» для новой решительной борьбы.

И вот, в то время как революционное движение находится в состоянии «задавленного восстания», движение в войсках продолжает развиваться усиленным темпом. Этому способствует деятельность военно-революционных организаций.

Учитывая все растущее революционное движение среди войск, зная вообще всю важность роли, которую последние играют в общем револю-

[1]) Л. Троцкий. «1905 г.», стр. 163.

ционном движении, тогдашние революционные партии (социал-демократы и социал-революционеры) в этот период обращают особое внимание на развитие работы в войсках. Энергичная работа в этом направлении, в силу благоприятных условий, лежавших в быту и службе солдат и матросов, скоро дала значительные результаты. Работа в войсках принимает постепенно более организованный и массовый характер по сравнению с предыдущим периодом нащупывания и первых опытов. Военные организации стали крепнуть, и влияние их на солдатские и матросские массы сильно возросло.

Наибольшим влиянием в войсках ПВО и Финляндии пользовались социал-демократические военные организации, которые охватили своей работой многие части войск ПВО.

Петербургская социал-демократическая военная организация, подразделяя свою работу по территориальному расположению войск на ряд районов, охватывала к середине лета большинство частей войск, расположенных как в самом Петербурге, так и в его окрестностях.

II. ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ.

Финляндская социал-демократическая военная организация охватывала сферой своего влияния все, находившиеся в пределах Финляндии, войска: восемь стрелковых полков, полевую артиллерию, горную артиллерию, пулеметные части, крепостную артиллерию, минеров, саперов и мелкие части, как телеграфная команда, инженерная команда, конвойная команда, лазарет. Завязана связь с судами, образованы судовые комитеты, которые были на семи судах [1]).

Организационная схема работы в военных организациях. Организационной ячейкой Кронштадтской военной организации являлся ротный комитет. Ротные комитеты выбирали батальонный, батальонные — полковой. Руководящим коллективом являлось гарнизонное собрание — из выборных представителей всех частей гарнизона. Гарнизонное собрание выделяло из своего состава исполнительный комитет. В состав исполнительного комитета входили представители общепролетарской социал-демократической организации [2]).

О схеме социал-демократической военной организации г. Петербурга нет точных данных, но она представляла примерно такую же картину, как и Кронштадтская.

Несколько иную схему организации, в силу особенных условий работы, представляла *Финляндская военная организация.* В то время, как все организации работали бок-о-бок с пролетарскими организациями, в Финляндии военная организация являлась единственной организацией РСДРП.

Финляндская военная организация охватывала своей деятельностью весь финляндский гарнизон, рассеянный в разных пунктах Финляндии. Все это наложило свой отпечаток на структуру организации. Вся Финляндская военная организация состояла из нескольких *местных групп,* как, напр., Гельсингфорсская, Выборгская, Вильманстрандская, Абоская, Тюсьбинская и несколько групп содействия в других местах Финляндии.

Деятельность этих, автономных в пределах своей местной работы, групп, об'единялась через *Центральную Группу,* которая руководила всей организацией в целом. Высшим учреждением организации являлась

---

[1]) «Протоколы конференции военных и боевых организаций РСДРП» (нелегальное издание).

[2]) Там же.

конференция работников Финляндской военной организации, которая и выделяла свой исполнительный орган — Центральную Группу. Конференция, собираясь периодически, была учреждением постоянным.

Местные группы составлялись из представителей полковых комитетов и товарищей из ответственных партийных работников. Дальнейшее разветвление организационной схемы было обычно приурочено к схеме войсковой организации: батальонные, ротные (батарейные и эскадронные) комитеты.

В случаях частичных выступлений местные группы были обязаны созывать для обсуждения Совет из представителей всех организационных ячеек гарнизона [1]).

Условия, об'ем и формы работы военных организаций. Недостаток работников в военных организациях не давал возможности вести вполне оформленную работу во всех частях, находившихся в сфере их деятельности. Кроме того, этому мешали специфические условия, в которых находились некоторые части.

Слабее всего была поставлена работа в пехоте вообще и, в частности, в пехоте крепостей Кронштадта и Свеаборга, чему были причиной «отборный» состав, более строгий казарменный режим — редкие отпуски в город, усиленный надзор и т. п.

Менее продуктивной была работа среди матросов, находившихся на судах, вследствие постоянного передвижения их на судах с места на место. С большим трудом с матросами на судах завязывались связи. Но вот суда снимались с места, и у организации не оказывалось возможности передавать им связи с другими военными организациями, которые могли бы развивать работу дальше.

Поэтому в подобных случаях работа ограничивалась только распространением литературы или поддержанием связи через отдельных солдат и матросов путем переписки.

Формами работы военных организаций были явки, массовки, митинги и пропаганда через печать.

Лучшей формой работы, выработанной практикой, были ***явки,*** которые широко проводились во всех организациях. Явки заключались в том, что в определенный час на какой-нибудь конспиративной квартире собирались солдаты или матросы (матросы обыкновенно из некоторых практических соображений собирались отдельно). Солдаты и матросы сообщали о положении в своих частях, совещались, как поступать в тех или иных случаях, и т. д. Затем происходили беседы на различные темы, руководимые ответственными работниками военных организаций. Темы бесед обыкновенно намечались самими солдатами и бывали весьма разнообразны: о программах партий, о Государственной Думе, о религии, об уничтожении постоянной армии и т. п. Руководитель, проводя беседу, стремился втягивать самих солдат, чтобы они сами высказывались. Это удавалось, и беседы проходили весьма оживленно. Солдаты этими беседами весьма дорожили. Явки происходили почти ежедневно

[1]) «Протоколы конференции военных и боевых организаций РСДРП».

и собирали до нескольких десятков человек. На этих явках присутствующие имели возможность читать книги, брошюры, газеты, которыми снабжались в достаточном количестве и разнообразно места явок.

Очень популярными были среди солдат и матросов *митинги*. Митинги военные проходили по образцу рабочих массовок где-нибудь в укромном месте, в поле, в лесу, а иногда и в казармах, большею частью ночью. Митинги среди войск были в это время вообще частым явлением и происходили чуть не ежедневно. О популярности митингов говорит то, что нередко казармы или лагерные палатки пустовали, так как обитатели их уходили на митинги; часто патрули, снаряжаемые начальством для слежки за митингами, сами приходили с винтовками на митинг и оставались его слушать. Иногда патрули отдавали честь агитаторам.

На митингах работники военных организаций старались приучать наиболее подготовленных солдат выступать с речами.

Печатная пропаганда военной организации выражалась в издании и распространении среди войск газет, брошюр, прокламаций и листовок.

Петербургская военная организация издавала газету «Казарма», Финляндская — газету «Вестник Казармы».

Для характеристики печатной пропаганды приведу несколько цифр. В Кронштадте за шесть месяцев в 1906 г. распространено 12.000 брошюр, 24.000 экз. газеты «Казарма» и разных листовок и прокламаций 10.000. Финляндская военная организация до октября 1906 г. издала двести с небольшим тысяч прокламаций и 9 номеров «Вестника Казармы» (13.500 экз. [1]).

Несмотря на репрессии, брожение в войсках ПВО не утихало, а, наоборот, с укреплением военных организаций, принимало все более и более организованные формы. Участились митинги солдат и матросов. Солдаты из солидарности с рабочим движением отказывались от несения полицейской службы (2-й Финляндский полк). Солдаты Выборгского полка отказались разогнать рабочий митинг на заводе «Новое Адмиралтейство» [2]).

Забастовка в Або 3-го Финляндского полка. В конце 1905 г. и в начале 1906 г. в частях ПВО то там, то тут продолжают вспыхивать забастовки. Как на характерную, можно указать на трехдневную забастовку солдат 3-го Финляндского полка, расположенного в гор. Або (Финляндия). Забастовка возникла на почве тяжелого казарменного гнета, выражавшегося в чрезмерных строевых и учебных занятиях, тяжелой караульной службе и пр. Поводом к забастовкам послужил следующий случай: 1 июня в 8-й роте начали выдавать рубашки. Солдаты потребовали, чтобы им выдали все сразу, что полагается. Ротный командир стал угрожать арестом одного из солдат, выкрикивавшего это требование. Солдаты закричали, что товарища они не дадут посадить под арест, — «пусть сажают всю роту». Узнав об этом, заволновались и

---

[1]) «Протоколы конференции военных и боевых организаций РСДРП».
[2]) «Солдатская Мысль», № 2, 1906 г.

другие роты. Поднялись 5-я, 6-я и 7-я роты. Солдаты избили прикладами и выгнали из роты унтер-офицера 8-й роты Бачурова. В 5-й роте был выкинут красный флаг с криками: «Свобода, свобода, бей офицеров». В казарме всю ночь кричали «ура». Офицеры попрятались в помещение офицерского собрания. К утру движение начало принимать организованный характер. Солдаты выработали требования, которые состояли из следующих основных пунктов:

1) Освободить арестованных в прежние дни за разные поступки.
2) Уменьшить караульную службу и разные наряды.
3) Отменить незаконные вечерние занятия.
4) Выдавать наволочки, простыни, одеяла и пр.
5) Выдавать, как полагается, амуничные деньги, вещи и пр.
6) Улучшить пищу: выдавать к обеду по $^3/_4$ фунта мяса, давать хороший хлеб, а не из старых сухарей и пр.
7) Разрешить отпуска без билетов до 12 час. ночи, куда угодно, в город и за город.
8) Разрешить все книги и газеты, кроме «Голоса Правды» и «Зорьки».
9) Отменить отдание чести офицерам из других рот.
10) Отпустить домой 1906 год.
11) Отменить обыски и ряд других мелких требований.

Эти требования были пред'явлены начальству в тот же день. Для этого роты собрались на плацу, куда пришел командир полка с офицерами. Последним были прочитаны требования. Командир полка растерялся, солдаты же стояли на своем: не будут ходить на занятия и вообще нести службу до тех пор, пока не удовлетворят их требований. Об'яснение с командиром полка в резкой форме происходило до 12 час. дня. Командир полка, видя, что солдаты тверды в своих требованиях, стал уступать и, наконец, заявил, что их требования будут удовлетворены. Солдаты хотели собраться в 4 часа на плацу с оружием в руках на митинг слушать ораторов, но их отговорили наиболее осторожные солдаты. Поднимался вопрос о посылке приветствия Государственной Думе с обещанием поддержки в ее борьбе с царизмом. Начальство прибегло к угрозам вызвать войска. Тогда 5-я, а за нею и 6-я роты разобрали оружие и патроны. Так в напряженном состоянии прошел день. На следующий день произошли опять об'яснения с начальством на плацу. Ввиду сделанных начальством некоторых уступок масса под влиянием солдат-руководителей начала постепенно успокаиваться. К вечеру, после того, как командир дал честное слово не производить суда, не арестовывать и исполнить обещание, забастовка прекратилась. На четвертый день (4 июня) все солдаты стали на занятия. Солдаты решили не выдавать вожаков забастовки, твердо стоять за них, хотя бы с оружием в руках. В результате забастовки начальство уступило в следующем:

1) Улучшение пищи.
2) Выдача вещей и белья.
3) Отпуски до 12 час. ночи.

4) Уменьшение караульной и др. службы.

5) Отмена некоторых занятий, еженедельная баня, разрешение получать все газеты, которые выписываются в офицерском собрании.

Моральное значение забастовки было огромно, а победа, одержанная в результате последней, вселила в массу солдат уверенность в своей силе [1]).

Волнения в войсках гвардии. Революционное движение в войсках, разрастаясь, вовлекало в свою орбиту и самые привилегированные и «отборные» войска царской армии — гвардию. С начала 1906 г. движение в войсках гвардии начинает приобретать массовый характер. Этого не могло не видеть высшее начальство, которое стремилось всеми средствами бороться с ним. Одна из мер, проводимых начальством с целью уберечь эти войска от революции, заключалась в частых перебросках с места на место. Вот как красочно описывается это положение в одной из солдатских газет того времени:

> «В гвардии смута. На гвардейскую пехоту нельзя положиться, ни на семеновцев, ни на преображенцев, ни на кого... Ты побеждаешь, революция!
>
> Что делать? — тревожно спрашивают генералы. — Революционный дух заразил гвардию... Со стоянки на стоянку, скорей. Из одного города в другой. Пусть кружится вокруг Петербурга: из Петергофа в Ораниенбаум через Кронштадт, Колпино, Красное Село и назад в Петергоф. Лошади в поту, люди измучены — авось, революция не догонит. Э, круговым движением обойдем революцию» [2]).

Наиболее крупные волнения были в двух полках гвардии: *Семеновском и Преображенском.* Поводом к волнениям в Семеновском полку послужил следующий случай: к одному из читающих газету солдат подошел офицер и с грубым окриком вырвал ее из рук солдата. Тот бросился бежать и рассказал о случившемся товарищам. Собралось много солдат, которые организовали митинг. Солдаты в большом возбуждении говорили о своих нуждах. Митинг полка разрастался. Начальством были вызваны преображенцы, но последние отказались применять силу для разгона митинга [3]).

Волнения в Преображенском гвардейском полку. Серьезные волнения, кончившиеся разоружением целого батальона, произошли в июне 1906 г. в Преображенском полку [4]). 6—7 июня полк устроил в лагерях открытый митинг в присутствии Семеновского полка. Этот митинг носил чисто экономический характер. 8 июня полк был отправлен в Новый Петергоф для несения охранной службы. Ввиду того, что казармы в это время ремонтировались, полк был размещен в манежах

---

[1]) «Вестник Казармы», № 5, 1906 г.

[2]) «Солдатская Мысль», № 2, 1906 г.

[3]) Там же.

[4]) Революционными руководителями преображенцев были рядовой Басин и унтер-офицер Прутков («Солдатская Доля», № 13, 1906 г.).

двух кавалерийских полков: 1-й и 3-й батальоны — Уланского его величества полка, 2-й и 4-й батальоны — Конно-Гренадерского.

9 июня, после поверки, в 10 час. вечера, 1-й батальон Преображенского полка устроил во дворе митинг. На нем присутствовала и часть солдат 3-го батальона, музыканты и певчие, всего 400 чел. В конце митинга, около 11 час. ночи, явился дежурный офицер со своим помощником, требуя, чтобы солдаты разошлись. Требование исполнено не было. Вскоре после его ухода на митинг пришли ротные командиры, которые стали уговаривать солдат разойтись. Солдаты молчали. Это вызвало большой переполох. На следующий день, в 12 час. дня, в казармы прибыл начальник дивизии ген.-майор Озеров. На вопрос его о том, какие у солдат требования, последние потребовали оставить их одних для выработки требований. Озеров вместе со всеми своими офицерами немедленно удалился. Начальство ожидало целый час, пока солдаты сумели сформулировать свои требования, состоявшие из 19 пунктов. Требования заканчивались девизом: «все за одного, один за всех». Требования были вручены ген.-майору Озерову [1]). Тем временем высшим начальством, испугавшимся брожения в гвардии, принимались меры. Для ликвидации его 12 июня в Петергоф была командирована по высочайшему указанию целая дивизия: лейб-гвардии Гренадерский, Стрелковый, Уланский его величества, 2-я батарея гвардейской конно-артиллерийской бригады, из Ораниенбаума туда же была направлена пулеметная рота 2-й гвардейской дивизии [2]). 1-й батальон Преображенского полка был обезоружен и 13 июня направлен в Красное Село. 13 июня последовал приказ командующего ПВО и войсками гвардии об этом событии, с назначением строжайшего следствия для обнаружения меры виновности каждого из нижних чинов 1-го батальона и предания их суду и т. д. и производства судебного расследования для определения степени виновности в допущении беспорядков: командира полка, командующего батальоном, ротных командиров и младших офицеров этого батальона. В этом же приказе командиру 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии, командующему 1-й гвардейской пехотной дивизией и командиру гвардейского корпуса был об'явлен выговор [3]).

Далее возник вопрос, как поступить с «беспокойным» 1-м батальоном. По этому поводу военный министр Редигер представил царю свои соображения, которые и были утверждены последним.

«В отношении дальнейшей судьбы 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка, — пишет Редигер, — позволяю себе представить на благоусмотрение вашего императорского величества следующие предположения: так как влитие его или его рот в другие части хотя бы армии было бы обидным для этих частей, батальону не давать ново-

[1]) «Солдатская Доля», № 13, 1906 г.
[2]) Дело главного штаба, 3 ст., 2 отд., № 59, 1906 г., секр.
[3]) Там же.

бранцев, чтобы он в течение 3 лет исчез, часть офицеров могла бы быть возвращаема в лейб-гвардии Преображенский полк» [1]).

Приказом № 31 от 16 июня 1906 г. 1-й батальон лейб-гвардии Преображенского полка переименовывается в *особый батальон* и лишается прав гвардии [2]). В тот же день, утром, этот батальон был отправлен на постоянное квартирование в село Медведь (Новгородской губ.), где были расположены казармы, занимавшиеся ранее пленными японцами [3]). Приказом № 32 от 17 июня он включен в состав 50-й пехотной резервной бригады с подчинением во всех отношениях командиру 199-го пехотного резервного Свирского полка [4]). Для содействия в случае надобности командующему этим батальоном в поддержании порядка из Новгорода была направлена одна рота 199-го пехотного резервного Свирского полка; вместе с особым батальоном был отправлен в село Медведь целый ряд офицеров в тех же чинах, один с лишением звания флигель-ад'ютанта [5]).

Усиление революционного движения в войсках округа к середине 1906 г. Борьба с ним правительства. К середине лета 1906 года движение в войсках округа достигает кульминационной точки развития, приняв ярко выраженный политический характер и форму массовых вооруженных выступлений. Июль 1906 г. явился в этом отношении критическим для самодержавия.

Политическому оформлению движения способствует деятельность военных организаций, достигшая к этому времени наивысшего расцвета.

Главнейшим фактором, с которым связывалось это движение, была Государственная Дума и деятельность в ней так называемой *«трудовой» группы и социал-демократической фракции*. Эта связь, естественно, находит свое яркое выражение в движении среди войск, расположенных в непосредственной близости от политического центра страны — в войсках ПВО.

Центром наиболее развитого политического движения становятся гарнизоны Петербурга, Кронштадта, Гельсингфорса и Свеаборга, где действуют соответствующие сильные военные организации социал-демократов и социалистов-революционеров. Митинги частей войск, расположенных в этих пунктах, собрания солдат и матросов в частях и делегатские собрания их принимают организованный политический характер. На них выносятся самые решительные резолюции: о поддержке армией требований Думы и о необходимости прямого вооруженного восстания.

Официальные документы, находящиеся в делах охранки и штаба ПВО—донесения начальника жандармского управления, переписка министерства внутренних дел с военным и морским министерствами, перлюстрированные различные письма — рисуют следующую картину

[1]) Дело главного штаба, 3 ст., 2 отд., № 59, 1906 г., секр.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.
[5]) Там же.

положения в войсках ПВО, тесно связанного с деятельностью военных организаций.

Начальник петербургского охранного отделения полковник Герасимов в своем докладе от 29 мая сообщает на имя директора департамента полиции:

«...Из последнего отчета о пропаганде в войсках кронштадтского гарнизона видно, что революционная пропаганда в войсках идет настолько успешно, что 50% из числа воинских нижних чинов признаются «сознательными», т.-е. революционерами. В экипажах процент сознательных матросов доходит до 80%. Очень слабо ведется пропаганда в двух батальонах расквартированного там Каспийского пех. полка, хотя связи с чинами последнего есть, и в недалеком будущем можно рассчитывать на успех пропаганды и в этих батальонах.

Обращается особое внимание на революционность начальников из нижних чинов. Они настолько революционизированы, что самостоятельно выступают на митингах в качестве ораторов. Митинги устраиваются большею частью в казармах, и притом почти ежедневно. На митинги допускаются также ораторы-революционеры. Вход таких ораторов в экипажи, казармы артиллеристов и сапер беспрепятственный. В экипажах в день митингов расклеиваются с утра об'явления, приглашающие товарищей собираться на митинги. Такие об'явления красуются в течение дня на глазах начальства.

На митинге, бывшем 22 мая на Лисьем Носу, присутствовало 6 офицеров, в том числе 2 сапера.

Нижние чины достаточно снабжены революционной литературой, ныне издаваемой легально в России и беспрепятственно распространяемой в среде населения империи. Все митинги проводятся в критике правительства по отношению к Государственной Думе и необходимости поддерживать оружием требования последней. Ораторы призывают войска с оружием в руках явиться в Петергоф и потребовать от государя императора выполнить все требования, выставленные Государственной Думой.

По словам сознательных матросов, революционное настроение настолько повышено, что они не дождутся момента конфликта Думы с правительством. Они даже готовы воспользоваться призывом «трудовой группы» и стать на ее защиту, так как эта группа является настоящей выразительницей нужд народа.

Происходящие в последнее время вспышки в среде матросов на экономической почве удерживаются революционерами, дабы сохранить силу в нужную минуту...

...Независимо от сего у меня имеются сведения, что Центральным Комитетом партии социалистов-революционеров действительно будет предложено Кронштадтской военной революционной организации атаковать резиденцию государя императора» [1]).

В своем письме от 16 июня военному министру Редигеру товарищ министра внутренних дел Макаров указывает, что, «по полученным в департаменте полиции из секретных источников сведениям, в Финляндии во всех стрелковых полках настроение нижних чинов настолько приподнятое, что достаточно самого незначительного повода к возникновению в местных воинских частях волнений» [2]).

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 2, ч. 4, стр. 22.
[2]) Там же, № 6, ч. 3, л. А.

Весьма неспокойно и среди команд военных судов Балтийского флота, где все время происходят волнения на почве тяжелой службы и недовольства пищей. Столыпин по этому поводу пишет морскому министру Бирилеву:

«По имеющимся сведениям, среди команд Балтийского флота, находящихся на судах, тревожное настроение усилилось вследствие недовольства пищей. На берегу последние месяцы матросы продовольствовались хорошо; с переходом же на суда свежее мясо заменяется солониной, хранящейся уже два года, значительный процент которой испортился. Хотя на судах ее свидетельствуют и бракуют, но иногда попадается в котлы солонина, хотя и годная к употреблению, но имеющая уже своеобразный запах; капуста тоже, как прошлогодняя и долитая, утратила нормальные вкусовые качества и, наконец, постоянная варка на ужин гречневой каши, не любимой матросами, тоже вызывает их неудовольствие. Ряд заявлений, имевших ранее место против каши, вызвал разрешение заменять ее на берегу макаронами и другими соответственными по цене продуктами; на судах же это не делается. В виде пробы оставлено продовольствие на береговых условиях на одном лишь судне «Азия». Неудовольствие выражается тем, что команды демонстративно выливают пищу за борт. В Кронштадте идут толки, что подобные случаи имели место даже на судне «Алмаз», на коем находится вел. кн. Александр Михайлович. Кроме того, есть слухи, что на крейсере «Алмаз» во время перехода из Либавы в Кронштадт под флагом его императорского высочества команда на вызов наверх не вышла...

...25 сего мая начальник штаба порта довел до сведения коменданта крепости, что среди группы матросов и артеллеристов был подслушан разговор, в коем первые уговаривали последних не стрелять в них, если 27 и 30 мая матросы начнут обстреливать город Кронштадт или Петергоф. В настоящее время под председательством коменданта крепости заседает комиссия для выработки позиции на случай отражения мятежного нападения. Толки между матросами о подобных действиях «с выходом кораблей в плавание» ведутся уже с ранней весны» [1]).

Выписка из перлюстрированного письма с датой от 18 мая передает следующий случай, имевший место в Кронштадте и характеризующий настроение матросов.

«Вот новость, официально не известная: не сегодня — завтра, по словам одного с.-р., в Кронштадте вспыхнет матросское восстание. Пришли из Владивостока заплатанные крейсера «Россия» и «Громобой», команды которых вооружены винтовками. На берегу против них расположились вооруженные драгуны. Солдаты (матросы. *Прим. ред.)* страшно возмутились этим обстоятельством, вышли на берег, захвативши винтовки и пулеметы. Тогда командир флота чуть не со слезами просил солдат успокоиться; согласился убрать драгун. Солдаты удалились. И было сделано приказание разоружить, но не тут-то было: они отказались отдать винтовки, и вот в озлобленном состоянии, вооруженные, они сейчас пребывают» [2]).

Правительство, обеспокоенное таким положением в войсках, принимает ряд мер: усиливает жандармский надзор и политический сыск, организует экспедиционные отряды из надежных частей войск

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 2, ч. 4, стр. 16.
[2]) Там же, стр. 19.

округа. Рассылается целый ряд тайных и явных циркуляров, ставивших войска армии под чрезвычайную охрану. В целях ограждения солдат и матросов от политической жизни начальство издает ряд приказов, ухудшающих казарменный режим, отрезая их от внеказарменной жизни, усиливающих репрессии за агитацию и пропаганду, за связь с революционерами, за всякое касательство к политике, вплоть до... запрещения солдатам в Петербурге ходить по Потемкинской ул., где находилась Государственная Дума, так как солдаты встречались на ней с членами Государственной Думы и заводили с ними разговоры [1]).

Начальство в своих частях провоцировало солдат на выступления, чтобы вырвать из их рядов наиболее активных руководителей и тем самым дезорганизовать надвигающееся вооруженное восстание.

В противовес военные организации ответили усилением как устной, так и всякой другой пропаганды, вместе с тем на митингах, в газетах и листовках предупреждая солдат и матросов от отдельных разрозненных выступлений. Так, Центральная Группа ФВО обращается со следующим предостережением:

> «Товарищи, остерегайтесь! Начальство решило вызывать мелкие с ним стычки преждевременно, чтобы из'ять лучших из вашей среды и оставить вас без руководителей. Избегайте мелких столкновений и не поддавайтесь выходкам начальства и правительства» [2]).

Но сдерживать солдат и матросов становилось все труднее. Их революционная энергия била наружу, она искала выхода. Все мероприятия правительства и начальства только подливали масла в огонь. Атмосфера накалялась. Чувствовалось приближение грозы. И она разразилась: в середине июля вспыхивает знаменитое свеаборгское восстание, перекинувшееся в Кронштадт и на некоторые суда Балтийского флота.

---

[1]) «Солдатская Мысль», № 1, 1906 г.
[2]) «Вестник Казармы», № 4, 1906 г.

III. СВЕАБОРГСКОЕ ВОССТАНИЕ.

План и подготовка к восстанию. Восстание это входило в план более широкого восстания в войсках, которое должно было быть частью подготовлявшегося революционными партиями общего восстания в стране. Необходимо отметить, что, ведя подготовку вооруженного восстания, обе партии имели разные планы и разные взгляды на роль восстания в войсках.

План социал-демократов заключался в следующем: выбрав удобный момент, с развитием массового активного революционного движения в стране (городах и деревнях), поднять восстание в войсках, которые должны были добить царизм [1]). Социалисты-революционеры считали достаточным поднять военное восстание в Кронштадте, Ревеле, Либаве, чтобы решить дело революции. Вот как описывается этот план одним из членов партии социалистов-революционеров:

«План был таков. Предполагалось, что захват крепостей побережья Финского залива и Балтийского флота даст возможность совершенно обессилить Петербург и захватить его. Захват Петербурга и должен был означать собой победу вооруженного восстания. План с первого взгляда как будто очень простой и верный. В самом деле. Петербург держится Кронштадтом, главная сила правительства — Балтийский флот. Захватить все — и победа наша. Коротко, ясно и просто... [2]).

Восстание вспыхнуло преждевременно в самый разгар подготовительной агитационно-пропагандистской и организационной работы.

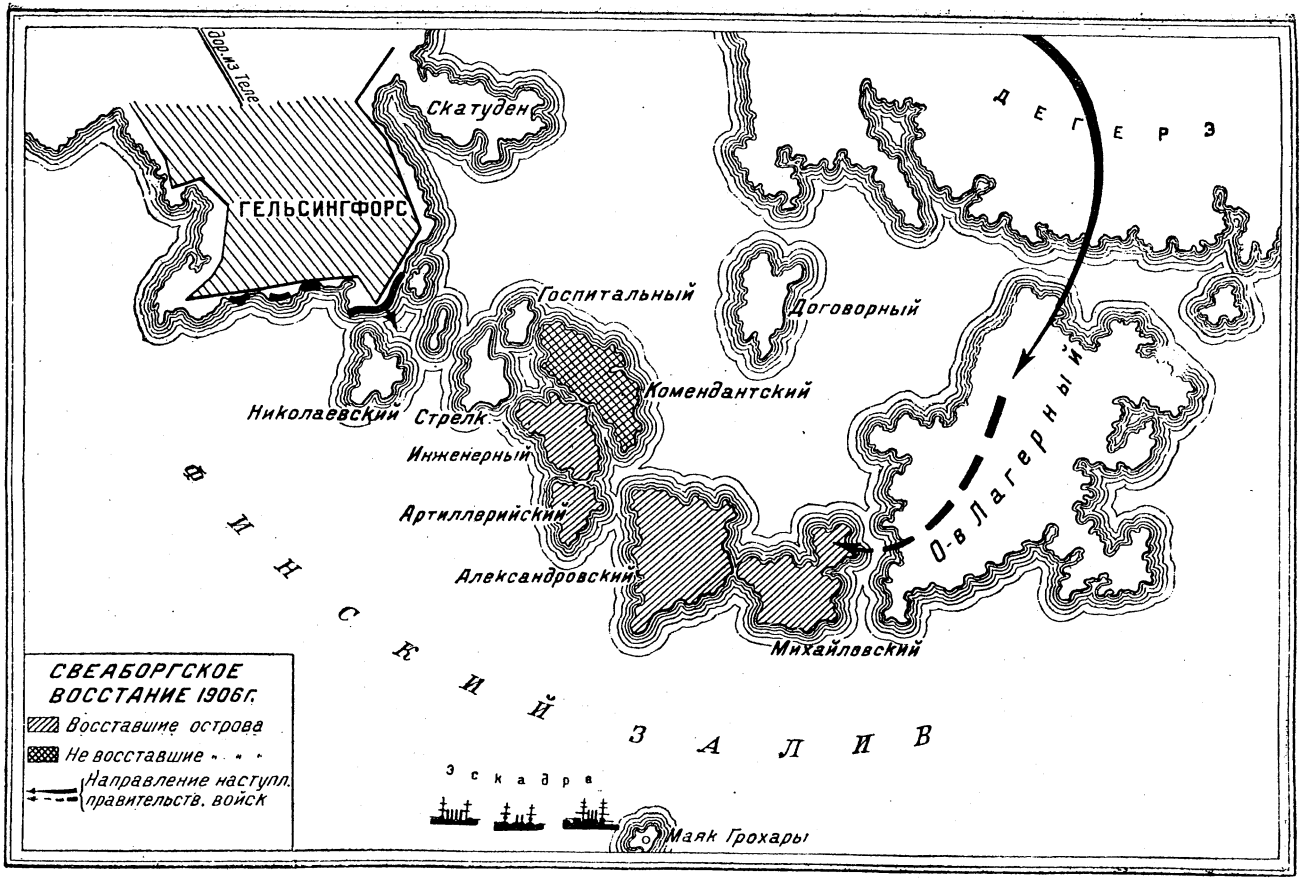
Событием общеполитического значения, тесно связанным с этим восстанием, вызвавшим решительное боевое настроение у солдат и матросов, был разгон 9 июля Государственной Думы.

«Манифест к армии и флоту», выпущенный революционными партиями, и выборгское воззвание Государственной Думы, незаконно собравшейся в Выборге на последнее заседание, через прокламации и митинги, на которых эти воззвания читались и комментировались, стали быстро известны войскам. В войсках Петербургского военного округа особенно остро реагировали на эти воззвания, ярко рисующие произвол самодержавного правительства и призывающие к активной борьбе против него гарнизоны Свеаборга и Кронштадта. Воззвания вызвали огром-

---

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 6, 3.

[2]) Б. Военный. «К вопросу о причинах неудач военных восстаний». «Социалист-Революционер», № 2.

Дорога Тейс
ГЕЛЬСИНГФОРС
Скатудден
Д Е Г Е Р Э
Госпитальный
Договорный
Комендантский
Николаевский
Стрелк.
Инженерный
Артиллерийский
О-в Лагерный
Александровский
Ф И Н С К И Й З А Л И В
Михайловский
СВЕАБОРГСКОЕ ВОССТАНИЕ 1906 Г.
Восставшие острова
Не восставшие
Направление наступл. правительств. войск
Эскадра
Маяк Грохары

ный под'ем революционного настроения в солдатской массе гарнизонов этих крепостей.

Первыми, ответившими на акт произвола царского правительства и на призывы трудовой группы и соц.-дем. фракции, были свеаборжцы. Восстание, начавшись с волнения в минной роте, охватило собой весь гарнизон крепости Свеаборг и, приняв сразу политический характер, протекало под лозунгами: «Земля и воля» и «Учредительное Собрание».

Восстание в крепости Свеаборг. Брожение в гарнизоне Свеаборга происходило давно. Причины его лежали в тех же невыносимых условиях существования, которые в крепостях были особенно тяжелы. К этому еще примешивался беззастенчивый грабеж и произвол, чинимый крепостным начальством и офицерским составом. В связи с этим революционные организации нашли с самого начала своей работы уже хорошо подготовленную почву для революционной пропаганды, которая приняла особенно широкие размеры со времени прошлогодней победной забастовки и начавшейся после нее со сменой крепостного начальства полосы репрессий, еще более разжигавших недовольство среди солдат.

Крепость Свеаборг стоит на нескольких островах, близко расположенных полукольцом против гор. Гельсингфорса. Эта крепость закрывала вход в гельсингфорсский рейд, служивший стоянкой части Балтийского флота. Главные форты этой крепости расположены на островах Дегерэ, Михайловском, Александровском и Артиллерийском. Кроме того, в район крепости входили острова Комендантский, служивший цитаделью крепости, Госпитальный, Ключевой, Николаевский и за ними к востоку — Опасный и Договорный.

Главная масса солдат свеаборгского гарнизона в момент восстания была расположена на Лагерном острове. На нем находились около 5 рот артиллеристов, 2 роты крепостного пех. полка, минная рота, телеграфисты и др. На Комендантском острове, где находилось управление коменданта крепости, был расположен 2-й крепостной пех. батальон, на Михайловском — 7-я и 10-я роты крепостной артиллерии, на Александровском — 3-я и 4-я роты, на Николаевском — 1-я рота крепостной артиллерии.

На полуострове Скатудден, вдающемся в море вблизи гор. Гельсингфорса, находился военный порт, казармы военно-морского ведомства. В этих казармах помещались матросы Свеаборгской флотской роты. На рейде стояли минные крейсера и миноносцы.

Недели за две до восстания в Гельсингфорс с'ехалось значительное количество русских революционеров, которые занялись усиленной пропагандой среди войск гельсингфорсского и свеаборгского гарнизонов и вошли в тесную связь с руководителями финской красной гвардии.

Приблизительно с этого же времени Финляндской военной организацией, учитывавшей под'ем революционного настроения солдатской массы, было приступлено к практической работе по непосредственной подготовке к восстанию.

В конце июня, по инициативе Центральной Группы ФВО, был образован военно-боевой центр, в который входили представители Цен-

тральной Группы, красной гвардии и специалисты из членов ФВО, среди которых был и подпоручик Емельянов.

Задачей этой коллегии являлась выработка плана действий в момент восстания, координации действий армии и финского пролетариата.

Выделенная в то же время разведочная комиссия имела своим назначением собирать сведения, материалы, изучать условия, при которых будет протекать восстание [1]).

В то же время эсеровская военная организация предложила социал-демократам вступить в соглашение для совместных действий. Последние отклонили это предложение, мотивируя тем, что для об'единения работы необходимо предварительное соглашение между ЦК обеих партий. Социал-демократы предложили, со своей стороны, для согласования действий с эсеровской военной организацией создание комиссии информационного характера. На этом и остановились [2]).

За несколько дней до восстания эсеровская военная организация пригласила представителей социал-демократической организации на экстренное совещание. На этом совещании приехавший от эсеровской Кронштадтской военной организации представитель предлагал от имени Кронштадта свеаборжцам поддержать кронштадтцев, «которые должны подняться на-днях». Представители ФВО отклонили это предложение, указавши на то, что такой ответственный шаг должен быть санкционирован партией, которая, учитывая возможность выступления, должна выработать общий план действия. Что же касается до Свеаборга, то представители социал-демократов считали его еще недостаточно подготовленным, и если можно там вызвать восстание, то не было никаких данных для его планомерного проведения. После долгих и острых прений было принято предложение представителей социал-демократов о том, чтобы та и другая сторона единолично готовились к восстанию, но чтобы Кронштадт не выступал раньше извещения о готовности Свеаборга поддержать его. Восстание должно начаться в обеих крепостях одновременно, для чего они должны быть извещены условными знаками. Решено также принять все меры к оповещению всех военных судов, на которых имелись связи, и постараться добиться сосредоточения этих судов к моменту восстания под Свеаборгом. О принятом решении было дано извещение также в Ревель, где стояла эскадра.

Решение не выступать немедленно должны были принять и свеаборжцы как социал-демократической организации, так и эсеровской (вернее, организации штабс-капитана Циона, как анархиста, исключенного из Финляндской организации РСДРП, связавшегося с эсеровской группой в гор. Гельсингфорсе) [3]).

В то время как в Гельсингфорсе происходили совещания по подготовке восстания, на свеаборгских островах назревали события, вызвавшие внезапный взрыв.

[1]) «Протоколы конференции военных и боевых организаций».
[2]) Там же.
[3]) Там же.

Волнения в минной роте. На Лагерном острове, около стрельбища, ежедневно происходили митинги, на которых принимало участие большое количество солдат свеаборгского гарнизона — артиллеристы, минеры, телеграфисты и солдаты др. частей. 15 июля на митинге читались письма и воззвания от Балтийского флота и говорилось о плане восстания, в который входил захват с помощью флота и красной гвардии крепостей Свеаборга и Кронштадта с последующим движением на Петербург, «с целью захватить правительство, чтобы добиться выполнения требований трудовой партии о «земле и воле» [1]). Среди солдат свеаборгского гарнизона и матросов судов, стоявших на свеаборгском рейде, шли разговоры о близком восстании [2]). В связи с этим нервное напряжение солдат увеличилось. Поведение же начальства способствует нарастанию негодования. Настроение среди войск становилось таким, что достаточно было малейшего повода, чтобы вызвать волнение.

16 июля, после вечерней поверки, солдаты минной роты попросили доложить командиру роты подполковнику Неронову, что они желают выяснить с ним недоразумение с «винными деньгами» [3]), которые почему-то вдруг перестали выдаваться солдатам на руки. Командир роты приказал собраться у него в саду перед бараком взводным унтер-офицерам и отделенным начальникам роты. В присутствии офицеров роты он начал свое раз'яснение. Раз'яснение командира роты не удовлетворило взводных и отделенных, и последние настаивали на том, чтобы им деньги на вино попрежнему выдавались на руки. Некоторые стали указывать на тяжесть службы. Собравшиеся перед своими бараками остальные солдаты минной роты через некоторое время, с криками: «взводные, назад», сами двинулись к саду Неронова. Ротный командир, отпустив взводных унтер-офицеров и отделенных начальников, в сопровождении офицеров направился к роте.

---

[1]) Обвинительный акт по делу о нижних чинах Свеаборгской минной роты. Дело вр. военного суда в крепости Свеаборг о н. ч. Свеаборгской минной роты, 1906 г., № 83/291, арх. № 56, 1911 г.

[2]) Там же.

[3]) Положением о минных ротах (приказ по военному ведомству 1870 г., № 97, п. 33) установлено отпускать во время летних практических занятий с 1 мая по 1 октября сверх общего приварочного оклада еще по 10 коп. в день на человека на улучшение пищи и винные порции.

Во всех минных ротах означенные деньги расходовались таким образом, что винные порции давались в летнее время не каждый день, а по усмотрению командира роты, и только в эти дни не пьющие водку солдаты получали деньги на руки. Остававшаяся вследствие этого экономия обращалась в зимнее время на улучшение пищи.

В Свеаборгской минной роте существовал другой порядок: вместо водки, которая большей частью не выдавалась, солдаты получали деньги на руки, считая по 2 коп. в день. Деньги эти выдавались по окончании летних занятий сразу за все время. Бывали дни, когда, по усмотрению командира роты, выдавалась водка. После получения приказа об изменении такого порядка командир роты стал выдавать по ½ ф. белого хлеба и довольствие чаем и сахаром. Солдаты минной роты получали за лето в среднем 17 финских марок. Эти деньги солдаты употребляли на покупку сапог, так как выдаваемые начальством сапоги были обычно плохого качества и в короткий срок приходили в совершенную негодность.

Он повторил свои доводы перед всей ротой. Рота, не соглашаясь с Нероновым, шумно выражала свое недоверие действиям командира роты. На шум к минной роте подошел начальник Лагерного острова, командир Свеаборгского пех. полка полковник Раевский. Рота не хотела его слушать. «Пошел к чорту! У нас свое начальство», — заявили ему из роты. В ответ Раевский пригрозил, что он может «привести к порядку». Тогда минеры с криками: «бери ружья, разбирай винтовки!» бросились к баракам. Раевский поспешил уйти. Вскоре к минерам приехал комендант ген.-майор Лайминг в сопровождении роты пехоты. Его разговор с ротой минеров чрезвычайно характерен, он отображает собой весь ужас рабского существования солдат царской армии, доведшего последних до отчаяния и готовых на все.

Вот как этот разговор и последующие события рисует обвинительный акт [1]):

«Поздоровавшись с людьми, Лайминг сказал: «Бунтуете, братцы?» — «Нет, никак нет, мы только просим о винных деньгах, просим вас разобрать это дело», — ответили минеры. Комендант сказал, что теперь разбирать не будет, потому что они незаконным образом заявляют свою просьбу. На это унтер-офицер Федоров возразил: «Ну, жалобу как ни пиши по уставчикам, все равно ты же виноват будешь, и тебя же вздуют». Не желая слушать об'яснений, комендант приказал разойтись. Но на это приказание последовал отказ с угрозами: «Не разойдемся». — «Разойдись, ребятушки», — повторил комендант. — «Не разойдемся», — ответили солдаты минной роты. — «Я вас заставлю, ребятушки, разойтись», — повторил генерал Лайминг. — «Не заставите», — послышались голоса из толпы минеров. — «Ребятушки, со мною пехота, стрелять будет», — снова сказал комендант. Минеры опять ответили отказом, а рядовой Соловьев, как удостоверяет подпоручик Шестаков, кроме того, прибавил: «Мы не боимся пехоты. Плохой солдат, который боится смерти». Генерал Лайминг, видя, что угрозы не действуют, пошел на хитрость, предложив выйти кому-нибудь одному для переговоров. На это предложение вышел ефрейтор Черноусов и сказал: «Говорить нельзя, ваше превосходительство, потому что зашлете». — «За правду не зашлю, а за ложь зашлю». Непосредственно за сим послышались разные жалобы на тягость службы, на то, что больше правды не стало, и т. п. Разговаривая с комендантом, рота держала себя непочтительно, дерзко и вызывающе. Так, напр., на замечание ген. Лайминга, что в его присутствии курят, ефрейтор Черноусов возразил: «Здесь не строй, а толпа, потому курить можно». Рядовой же Лытиков, желая охарактеризовать тягость службы, позволил себе иронизировать: «Только и есть свободного времени, когда стоишь под ранцем». Затем по поводу раз'яснений коменданта, каким путем надлежит приносить жалобы, тот же Черноусов заметил: «Больше ждать нельзя, терпение может лопнуть». На замечание же коменданта: «Не может» Черноусов возразил: «Лопнуло». Далее комендант Лайминг, подлаживаясь к солдатам, стал отпускать циничные шутки и, воспользовавшись моментом, когда рота стала немного успокаиваться, уехал. В тот же день командир роты, опасаясь, чтобы рота в связи с происходившими в ней волнениями «не воспользовалась с преступной целью патронами», приказал

[1]) Дело вр. военного суда в крепости Свеаборг о н. ч. Свеаборгской минной роты унтер-офицере Георгии Михайлове и др., 1906 г., № 83/291, арх. № 56, 1911 г.

отвезти их в склад. Так как один из унтер-офицеров, которому было приказано сделать это, отказался, ссылаясь на то, что рота его может убить, командир роты приказал эти патроны потопить в море, что и было сделано одним офицером».

17 июля минная рота отказалась выйти на занятия, заявив, что не выйдет до тех пор, пока начальство не исполнит их требований о винных деньгах. После доклада об этом коменданту крепости последний, прибыв на Лагерный остров, приказал прибывшим с ним двум пехотным ротам обезоружить минеров. После этого Лайминг разжаловал унтер-офицеров и ефрейторов, самолично срывая с них «лычки», и приказал прекратить специальные по минному делу занятия, а заниматься строевыми учениями и воинскими уставами. Рота была арестована и окружена двумя ротами пехоты [1]).

Это событие вызвало среди свеаборгских солдат и матросов большое возбуждение. Особенно остро реагировали на него артиллеристы, являвшиеся наиболее передовой и революционно организованной частью свеаборгского гарнизона. Артиллеристы решили во что бы то ни стало выручить минеров. Среди них созрело решение приступить к решительным действиям — поднять восстание. В тот же день, 17 июля, в крепости говорили о сигнале к восстанию, который будет подан с Михайловского острова.

Революционные организации в Гельсингфорсе, знавшие о соглашении солдат гарнизона Свеаборга «не выступать раньше определенной ситуации в России», ничего не подозревали о готовящемся восстании [2]). Вдруг вечером 17 июля к шт.-кап. артиллерии в отставке Циону, пользовавшемуся большой популярностью среди солдат свеаборгской артиллерии, прибыл из крепости артиллерист, который известил, что «сегодня решено начинать». Цион бросился в крепость, чтобы предупредить свеаборжцев отменить принятое решение и обождать с выступлением, пока не будут проведены в жизнь все подготовительные меры. Собрав представителей комитетов нескольких (шести) рот артиллеристов, Цион доказывал необходимость подождать несколько дней, когда получатся сведения с судов из Кронштадта и Севастополя, куда уже дано было знать. Представители рот на это согласились. Немедленно (было 9 час. веч.) приступили к извещению об этом участников [3]).

Начало восстания. Не успели ли этого сделать, или солдаты, несмотря на предупреждение, все же стихийно поднялись, — точно это установить трудно, так как источники говорят по-разному, но артиллеристы на Лагерном острове около 12 час. ночи, разобрав винтовки, захвативши с собой орудия, пулеметы, почти все шлюпки, перебрались на Михайловский остров, и в 12 час. ночи с этого острова прогремел первый орудийный выстрел, оповестивший о начале восстания.

---

[1]) Дело вр. военного суда в крепости Свеаборг о н. ч. Свеаборгской минной роты унтер-офицере Георгии Михайлове, 1906 г., № 83/291, арх. № 56. 1911 г. (Приложение № 8.)

[2]) «Протоколы конференции военных и боевых организаций».

[3]) Шт.-кап. Цион. «Три дня восстания в Свеаборге».

Восстание быстро охватило почти все острова. Вся солдатская организация, вместе с офицерами членами социал-демократической военной организации, подпоручиками Емельяновым и Коханским, стала во главе восставших.

В крепости Свеаборг в восстании приняли участие 2-я, 3-я, 4-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я и 10-я роты, нестроевая рота, команды учебная, рабочая, лабораторская и специальная свеаборгской крепостной артиллерии. Восставшие захватили острова Михайловский, Александровский, Артиллерийский и Инженерный.

Находившиеся на этих островах в момент восстания офицеры, во главе с начальником артиллерии крепости ген. Агеевым, были восставшими арестованы «от имени Центрального Комитета» и помещены в квартире одного офицера. Двое офицеров — заведующий практическими занятиями полк. Нотара и подпоручик Жаков — были убиты. Один из офицеров, шт.-кап. Борк, застрелился сам, не желая сдаваться артиллеристам, намеревавшимся его арестовать. Перед этим он, отстреливаясь, ранил четырех из напавших на него артиллеристов.

На Комендантском острове стоявшая там в лагерях специальная команда крепостной артиллерии после поданного сигнала бросилась в артиллерийский манеж, где захватила стоявшие в нем в полной боевой готовности 18 пулеметов (2 пулемета без замков были оставлены). Часть артиллеристов затем направилась к гауптвахте освобождать арестованных. Зная о том, что на гауптвахте стоит караул из солдат учебной команды, считавшейся малосознательной, артиллеристы организовали наступление двумя отрядами с двух сторон: спереди и сзади. После происшедшей краткой перестрелки караул отступил к дому коменданта, и гауптвахта была занята восставшими. Все находившиеся в ней арестованные были тотчас же выпущены на свободу.

Тем временем начальство, подняв пехоту, находившуюся на Комендантском острове, двинуло ее против артиллеристов. Те стали призывать пехоту присоединиться к ним:

«Товарищи, — кричали они, — бей офицеров и переходите к нам! Мы идем добывать «землю и волю». Правительство грабителей хотим заменить Учредительным Собранием».

Пехотинцы колебались. Из их рядов отвечали, что не будут стрелять, если не начнут артиллеристы. По рассказу Циона, кто-то со стороны последних все же выстрелил, повидимому, метясь в офицера, и ранил одного пехотинца. Пехота бросилась врассыпную. Вскоре она была собрана офицерами и отведена на восточную часть острова, к Александровскому собору, откуда начала стрелять по артиллеристам, которые после краткой перестрелки отступили, перейдя на Инженерный и Артиллерийский острова [1]).

На Инженерном острове артиллеристы собрали митинг, на котором выступил один из артиллеристов, сказав политическую речь: «Товарищи, — сказал он, — мы будем бороться за «землю и волю». Мы за-

[1]) Шт.-кап. Ц и о н. «Три дня восстания в Свеаборге», стр. 46.

щищать будем наших отцов и братьев. Умрем же за них или победим. Да здравствует Учредительное Собрание!» [1]). Артиллеристы были настолько возбуждены, что хотели немедленно итти на Комендантский остров, но руководители их удержали.

Вся ночь прошла в приготовлениях: устанавливали орудия, подтаскивали снаряды и заряды к ним, ввинчивали дистанционные трубки, устраивали баррикады, организовывали перевязочные пункты и т. д. Среди восставших царило бодрое настроение. «Кое-где пели революционные песни, где слышался шопот молитвы об успехе затеянного дела» [2]).

Первый день восстания. С раннего утра следующего дня с островов, занятых восставшими, производилась перевозка на континент членов семейств офицеров, женщин и детей, а также всех не принадлежащих к составу строевых частей (военные инженеры, техники и т. п.).

Вскоре со стороны Лагерного острова начался обстрел других островов, занятых восставшими. Восставшие ответили орудийным огнем с Михайловского острова.

В то же утро одному из руководителей восстания, подпоручику Емельянову, удалось пробраться из крепости в Гельсингфорс, где им было доложено ЦК о всем происходящем на островах. На обратном пути, возвращаясь назад в тот же день, он захватил с собой красный флаг.

К полудню начавшаяся с утра канонада приняла грандиозные размеры. Тяжелая артиллерия восставших причиняла большие разрушения на Лагерном и Комендантском островах. Противная сторона засыпала восставших шрапнелью и градом ружейных пуль.

Из Гельсингфорса прибывает отряд финской красной гвардии — человек в 200, который располагается на берегу, в тылу батарей Михайловского острова, для обеспечения от возможности высадки пехоты с Лагерного острова.

К вечеру, с темнотою, канонада прекратилась, и во всей крепости наступила тишина.

Штабс-капитан Цион отправился на одном из имевшихся в руках восставших крепостных пароходов («Выстрел») в Гельсингфорс за провизией и перевязочным материалом, что у восставших почти совершенно отсутствовало.

Как только весть о восстании на свеаборгских островах дошла до Центральной Группы, последней решено было восстание поддержать. Немедленно были приняты меры к подготовке восстания в городе, матросов, находящихся на судах на рейде, и матросов свеаборгской флотской роты, расположенной на полуострове Скатудден. Центральной Группой была выпущена прокламация, которая распространялась среди солдат свеаборгского и гельсингфорсского гарнизонов. Содержание ее было следующее:

---

[1]) Шт.-кап. Цион. «Три дня восстания в Свеаборге», стр. 48.
[2]) Там же, стр. 50.

«Военная Организация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии в Финляндии.

Товарищи солдаты!

200 человек из минной роты арестовали начальника крепости. Двух солдат-артиллеристов убил комендант своей преступной рукой. Убил и скрылся. И не стерпели солдаты этого. Как один человек, поднялись они за обиду своих товарищей. Солдаты Свеаборга решили уже раз навсегда избавить свою многострадальную родину от кровопийц — чиновников и дворян. Свеаборжцы решили восстать вместе со всем русским народом, вместе с рабочими и крестьянами *за всю землю и волю.*

И подняли солдаты гордое знамя восстания.

Михайловский остров уже в руках восставшего войска. Все батареи центральной крепости Свеаборга в руках солдат, борцов за свободу. Один подполковник убит восставшими солдатами. Один артиллерийский генерал взят в плен. Только на Лагерном засели ваши кровопийцы-офицеры и строят злые замыслы, как подавить славную борьбу солдат за освобождение всей России. Но нет. Не суждено исполниться этим замыслам. Флот поднимается на поддержку свеаборжцев. Теперь, товарищи, очередь за вами. Наступил момент, когда русский солдат должен смыть с себя позорное клеймо братоубийцы. Восстаньте же, как один человек. Примкните к восставшим свеаборжцам, — тогда мы победим.

Захватите власть в свои руки. Уничтожьте всех тех офицеров, кто пил вашу кровь и будет вам противодействовать. Действуйте вместе. Дружно. Помните, что весь русский народ за вас.

Да здравствует всенародное вооруженное восстание!
Да здравствует единение армии и флота с народом!
Да здравствует Учредительное Собрание!

Центральная Группа военной организации
Российской Социал-Демократической Рабочей
Партии в Финляндии.

18 июля 1906 года».

В то же время была приведена в боевое состояние и начала свои действия красная гвардия. Начальником красной гвардии капитаном Коком в городе была об'явлена забастовка.

Восстание на Скатуддене. В 6 час. (по рассказам участников, в 8 час.) утра 18 июля началось восстание на Скатуддене. По условленному сигналу горниста большинство матросов роты вооружились и, набрав патронов, выбежали во двор казармы, куда пришли несколько человек агитаторов. Рота была выстроена и рассчитана. Затем, дав три залпа, как сигнал свеаборжцам о присоединении рот к восстанию, и подняв на флагштоке в порту красный флаг, восставшие стали ждать сигнала с судов, которые по разработанному плану должны были также присоединиться. Так как сигнала долго не было, решено было набрать и поднять сигнал «все готово». На судах не отвечали. В напряженном состоянии матросы ожидали около часу. И вдруг со стороны моря раздалась стрельба из ружей и пулеметов. Стреляли с «Финна» и «Эмира Бухарского», т.-е. с тех судов, на которые восставшие так рассчитывали. Матросы растерялись. Ища спасения от пуль, матросы отошли за ка-

зармы. С судов начали стрелять из 47-мм орудий. Часов около 12 дня к берегу под'ехал катер. Вышедший из него офицер (мичман де-Ливрон) направился к флагштоку, намереваясь сорвать красный флаг; 10—15 матросов бросились навстречу. Офицер успел сорвать флаг, но был тотчас же убит [1]).

Вскоре из города к матросам пришел отряд финских красногвардейцев, человек в 100. Это подняло несколько дух матросов. Но вскоре, потеряв всякую надежду на присоединение судов к восставшим и боясь быть отрезанными от города, матросы и красногвардейцы решили покинуть Скатудден и пробраться в город. Во 2 часу дня в количестве более 300 чел. они двинулись в город, но у моста они были встречены казаками и двумя ротами 2-го стрелкового полка. Отряд повернул обратно. Часть из него, добыв лодку, отправилась на форты Свеаборга, занятые восставшими. Часть же пыталась пробиться в город, но большинство из них (110 чел. матросов и 11 чел. частных лиц) было арестовано. Скатудден был занят правительственными войсками [2]).

Действия финской красной гвардии. Выполняя задания воспрепятствовать подвозу и подходу правительственных войск к Гельсингфорсу, остальная часть красной гвардии действовала следующим образом: один батальон, под командой бывшего фельдфебеля финских войск Лаптинена, был направлен на порчу железнодорожного пути Гельсингфорс — Петербург. Им был взорван мост у станции Симола. Другой занял позицию около полотна железной дороги в парке Дюргорден, третий стал на Телевской дороге между сахарным заводом и Дюргорденом. Этими отрядами во многих местах было испорчено железнодорожное полотно, сняты рельсы, взорваны мосты. В результате было совершенно остановлено железнодорожное движение между Гельсингфорсом и Выборгом и на всех дачных линиях. Срезаны во многих местах телеграфные столбы, вследствие чего телеграф во все время восстания не действовал и телеграммы шли через Ревель. Не действовал также телефон. Некоторые части красной гвардии, исполняя задание командования, занимались перевозкой оружия и припасов, которые хранились в так называемых «рабочих домах» по Телевской дороге.

Мероприятия правительства по борьбе с восстанием. В Петербурге о начавшемся восстании в крепости Свеаборг стало известно в ту же ночь с 17 на 18 июля. Первая телеграмма, сообщавшая о свеаборгских событиях, была послана из Гельсингфорса в Петербург в 2 час. 50 мин. в ночь на 18 июля. Жандармский подполковник Жилин телеграфирует:

> «В Свеаборге военный бунт минной роты и крепостной артиллерии, завладевшей батареями и пулеметами: с вечера бунтовщики обстреливали крепость. Положение критическое; есть убитые. Гельсингфорс без войска; сильно опасаются присоединения к войсковому бунту красной

[1]) «На Скатуддене». Эпизод из великого свеаборгского восстания. «Красная Летопись», изд. Ленинградского Истпарта, № 22 1922 г., стр. 228.

[2]) Н. Ольшанский. «Свеаборгское восстание». «Красная Летопись», № 4 1922 г., стр. 210.

гвардии, социал-революционеров и насилий над офицерами вообще. В связи с бунтом сейчас началась в городе забастовка».

С самого начала восстания Петербург засыпался телеграммами от разных гражданских и военных властей. Эти телеграммы отмечали собой чуть не каждый момент восстания. В Петербурге немедленно принимаются меры. Высылается 1-й Финляндский полк, 2 пулеметных роты и артиллерия; на случай забастовки приготовляется «поезд-таран». Отправляется охранительный поезд в составе 2 паровозов, из коих один передовым для осмотра пути, и 20 вагонов с одной только пехотой, 2 орудиями, эскадроном кавалерии, 10 унтер-офицерами жандармского жел.-дор. отделения, 20 ремонтными рабочими и 10 рабочими службы тяги.

Наконец, по соглашению с морским министром, в Свеаборг была направлена целая эскадра военных кораблей.

Второй день восстания. Утром 19 июля канонада на островах возобновилась с новой силой. Восставшими было решено огнем 11-дм. тяжелой артиллерии разбить все здания, находившиеся на Комендантском острове, и тем лишить пехоту естественных укрытий от пуль артиллеристов, расположенных напротив, на Инженерном и Артиллерийском островах. На Михайловском острове, на самом возвышенном пункте крепости Свеаборг, на месте «кайзер-флага» был водружен доставленный накануне из Гельсингфорса подпоручиком Емельяновым упоминавшийся выше большой красный флаг с надписью «Земля и воля» и «Учредительное Собрание».

В самый разгар канонады восставшими было получено известие от перебежчиков с Лагерного острова, что правительственная пехота согласна сдаться, но мешают этому офицеры, которые следят за солдатами и всячески их удерживают. Собранный по этому поводу на Михайловском острове, где находились руководители восставших, военный совет решил через посредство начальника артиллерии ген. Агеева воздействовать на коменданта крепости, чтобы тот сдался. Агеев, после некоторого колебания, посоветовавшись с офицерами, согласился на предложенное посредничество и написал коменданту следующее письмо:

«Ввиду того, что оружие пехоты не может противостоять оружию артиллерии, считаю бесполезным сопротивляться артиллерии и, во избежание дальнейших жертв и громадных убытков, советую вам сдаться. Перемирие артиллеристы назначили в 2 часа» [1]).

Комендант, повидимому, извещенный по беспроволочному телеграфу о мерах, принятых к ликвидации восстания, ответил отказом. После этого начался еще более интенсивный обстрел занятых восставшими островов. Возмущенные таким ответом, восставшие ответили тем же, и канонада усилилась. В крепости вспыхнули во многих местах пожары.

[1]) Н. Ольшанский. «Свеаборгское восстание», «Кр. Лет.», № 4 1922 г., стр. 65.

Положение восставших, в связи с их полной изоляцией, отсутствием поддержки, с ликвидацией восстания на Скатуддене, с голодом, который уже стал сильно ощущаться восставшими, утомлением, бессонными ночами, почти полным отсутствием врачебно-санитарной помощи, становилось весьма тяжелым. На военном совете (на Михайловском острове) поднимается вопрос о взрыве Договорного острова, где расположены огромные пироксилиновые склады крепости. В случае взрыва этих складов от центральной крепости (Комендантского острова), расположенной недалеко от Договорного острова, не осталось бы и следа. Но это предложение отвергается, исходя из тех соображений, что, во-первых, погиб бы и Александровский остров с находящейся на нем пехотой и 5-й ротой артиллерии, сочувственно относившимися к восставшим и готовыми при удобном случае перейти на их сторону, во-вторых, можно было ожидать разрушения Скатуддена и прибережной части Гельсингфорса, чего не хотели восставшие, так как это, несомненно, вызвало бы справедливое возмущение в Финляндии. Наконец, пироксилин понадобился бы самим восставшим, в случае удачного для них исхода борьбы на островах, для минирования подступов к Свеаборгу со стороны моря [1]).

Между тем артиллеристы, «не покладая рук», громили Комендантский и Лагерный острова. Вдруг от спешной и неосторожной стрельбы на Михайловском острове взорвались снаряды и порох. Взрыв повлек за собой потерю до 60 чел. артиллеристов убитыми и ранеными. Этот случай подействовал удручающе на остальных, и среди них появилась некоторая растерянность. Но вот в 4 часу дня показались дымки эскадры, шедшей по направлению к Свеаборгу. Подойдя к маяку Грохары, эскадра, состоявшая из броненосцев «Цесаревич» и «Слава» и крейсера «Богатырь», стала и сделала 4 холостых выстрела. Восставшие приняли это за сигнал революционной эскадры. «Ура!», — радостно закричали они в ответ. Но радость их вскоре сменилась недоумением: эскадра снялась и стала удаляться в море. Став на расстоянии приблизительно 11 верст, т.-е. вне досягаемости огня крепостной артиллерии, она открыла сильный огонь из 13- и 14-дм. орудий. Предполагая, что это недоразумение, подпоручик Коханский отправился с несколькими артиллеристами на пароходе «Выстрел» к эскадре. Но там они были арестованы.

Сильнейший обстрел продолжался часа три, до наступления темноты (часов до 9 вечера). В результате обстрела на островах, занятых восставшими, вспыхнули пожары, угрожавшие взрывами пороховых погребов и складов со снарядами. В тот же вечер началась перевозка солдат 1-го Финляндского полка с острова Дегерэ на Лагерный остров. Отряд красной гвардии, успешно высадившийся на этот остров, должен был вследствие этого перебраться назад на Михайловский остров. В связи с создавшимся положением снова поднимается вопрос о взрыве Договорного острова и снова по тем же соображениям отвергается.

---

[1]) Цион. «Три дня восстания в Свеаборге», стр. 63.

Подавление восстания в крепости. На рассвете 20 июля бомбардировка судами островов, занятых восставшими, возобновилась. Восставшие не были в состоянии бороться с эскадрой, так как огонь крепостной артиллерии не достигал ее. В то же время на острова, занятые восставшими, под прикрытием огня судовой артиллерии начали высаживаться части 1-го Финляндского полка [1]). Положение становилось безнадежным. Собранный раненым подпоручиком Емельяновым военный совет представителей рот решил единогласно сдаться.

Над Михайловским островом взвился белый флаг. Белые флаги были подняты и на остальных островах.

Несмотря на это, бомбардировка прекратилась не сразу, продолжаясь до 9 часов утра. Под ее прикрытием пехота продолжала занимать острова. Повстанцы же, с поднятием белого флага, бросились спасаться на лодках. Часть из них направилась прямым путем мимо Николаевского острова, но попала под жестокий орудийный и ружейный обстрел с этого острова и с берега (Брунспарк), где были расположены стрелки Финляндского полка. Много лодок с беглецами было потоплено. До полудня 20 июля шли бесчеловечные расстрелы безоружных, бежавших с острова на лодках. Пощады не было. Кто спасался от шрапнельного огня с Николаевского острова, того доканчивали стрелки, рассеянные по всему берегу. Большинство же направившихся на континент кружным путем спаслись [2]). Все оставшиеся на островах были арестованы. Между ними был задержан и раненый осколком снаряда подпоручик Емельянов. Шт.-кап. Цион успел скрыться.

В городе тем временем происходили вооруженные столкновения между отрядами красной гвардии, применявшей вооруженную силу в отношении не подчинявшихся об'явленной общей забастовке, и городской охранной милицией (носившей название «белой гвардии»), противодействовавшей забастовке. В столкновениях было убито и ранено несколько человек из белой гвардии. Подошедшие на помощь белой гвардии войска оттеснили красногвардейцев. Затем в городе при помощи войск были произведены обыски и взято оружие и динамит в количестве нескольких ящиков. В окрестностях происходили розыски и аресты бежавших с фортов. В самой крепости арестовано до 1000 солдат, 66 финских красногвардейцев и 10 человек штатских русских. На островах было найдено 17 трупов солдат и 2 трупа штатских. Но это была только часть погибших, так как было известно, что много убитых спущено восставшими в море. Неизвестно также, сколько бежало и спаслось.

Свеаборгское восстание закончилось.

В ночь на 20 июля, на вторые сутки свеаборгского восстания, поднялся Кронштадт.

---

[1]) Цион. «Три дня восстания в Свеаборге», стр. 69.
[2]) Там же, стр. 73.

IV. КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ.

События и обстановка. Перед восстанием. Прежде чем перейти к описанию восстания, необходимо остановиться на некоторых событиях и обстановке, сложившейся к моменту восстания.

В Кронштадте было все время неспокойно. Наиболее революционно настроенными были матросы флотских экипажей. В Кронштадт, как уже упоминалось выше, правительство высылало всех «неблагонадежных» матросов Балтийского флота. Большинство матросов хорошо помнили, а многие из них участвовали в первой попытке вооруженного восстания в Кронштадте, и они не оставляли мысли о продолжении активной борьбы с правительством за лучшую жизнь для себя и для народа. Бесправное положение, в котором они находились, жестокий гнет начальства, тяжелые материальные условия существования усугублялись суровостью обстановки военного положения, в котором почти все время с прошлогоднего восстания находился Кронштадт. Глухое брожение среди матросов в связи с этим не прекращалось. Так же остро переживалось это и остальными частями кронштадтского гарнизона, особенно минерами и саперами. Такое положение в Кронштадте создавало благоприятную обстановку для работы в войсках революционных организаций, обусловившей ее большой успех и широкий размах. Почти весь гарнизон и суда, стоявшие на кронштадтском рейде, в той или иной степени находились в сфере влияния революционных организаций. Организационные ячейки, опиравшиеся на известное количество организованных солдат, имелись во всех ротах пехоты (Енисейский и Двинский полки и Кронштадтский крепостной пех. полк), артиллерии, минной и саперной ротах, инженерной и учебной командах и во флоте на крейсерах «Александр II», «Громобой» и др.

Сознательнее и организованнее всех были технические части войск гарнизона: минная и саперная роты, среди которых работали и социал-демократы и социалисты-революционеры. Эти роты полностью входили в ту или иную организацию [1]).

Менее всего подвержены революционной пропаганде были солдаты Енисейского полка, большинство которых, в силу той обстановки, в которой находился полк, оставались вне воздействия революционных организаций. На этот полк, как на свою опору, начальством было

---

[1]) «Солдатская Газета», № 2, 1906 г.

обращено особое внимание. С одной стороны, он был поставлен в особо строгие казарменные условия, с другой — в нем офицерами усиленно велась обработка солдат в черносотенном духе. При этом офицеры задабривали солдат, прикидываясь их искренними друзьями и в притворно-дружеских беседах старались прививать им черносотенные взгляды. Так как енисейцы были разобщены от остальных частей войск и все время проводили или в казармах или в караулах, то офицерские уловки имели среди солдат некоторый успех. Те, кто состоял в революционных организациях, не успевали посещать кружки, так как почти все время отнимали у них караулы. Этот полк имел большое значение, так как он имел большой состав и был хорошо вооружен, в то время как революционно-настроенные матросы, составлявшие значительную часть гарнизона (около 3.000), были начальством обезоружены. Этот момент сыграл в дальнейшем большую роль.

Так же неудачна была попытка вовлечь в революционную работу пулеметную роту. Минеры пробовали заниматься с солдатами этой роты: приходили, вели беседы. Но гренадеры, находившиеся в той же казарме, донесли начальству, и агитаторы были арестованы, а за ротой был учрежден строгий надзор. Не успели войти в связь с артиллеристами 1-й гвардейской бригады и батальоном Финляндского полка, незадолго до восстания прибывшими из Петербурга.

Во главе всех организованных солдат стоял Исполнительный Комитет, в который входили выборные от разных воинских частей. Этот Комитет был беспартийный, не принадлежа в целом ни к какой партии, но в нем было сильно влияние эсеров, которые являлись инициаторами так наз. «беспартийной военной организации». Социал-демократы, являвшиеся противниками беспартийности, борясь за необходимость строго социалистического руководства, активного участия в работах этого Исполнительного Комитета не принимали.

Случаев, вызывавших боевое решительное настроение матросов и солдат, было много, и военным организациям с большим трудом приходилось сдерживать последних от выступления, так как нервное напряжение их было огромно.

13 июня был момент, когда готово было вспыхнуть восстание в гарнизоне. Поводом к нему послужило следующее обстоятельство: начальство потребовало всю артиллерию крепости на смотр в Петербург. Ввиду того, что раньше таких смотров с вызовом в Петербург не было, то многие считали, что революционных артиллеристов хотят просто увезти куда-то из Кронштадта. Исполнительный Комитет поставил было вопрос о поднятии восстания. Большинство решило выжидать. Артиллерия вскоре вернулась назад в Кронштадт [1]).

В конце мая и начале июня брожение среди частей кронштадтского гарнизона приняло серьезные размеры. В это время всюду на митингах, в (перлюстрированных) письмах, в разговорах среди солдат говорилось

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 2, ч. 4, стр. 33.

о близком восстании. 2 июня полковник Герасимов срочно доносит министру внутренних дел:

«По полученным сегодня ночью сведениям, в сухопутных и морских частях возникла мысль о забастовке, которую предположено начать в ближайшее время. Решено первоначально пред'явить экономические требования, а затем и политические и перейти к вооруженному восстанию» [1]).

3 июня эта мысль дошла до Николая Романова, и он немедленно же по телефону приказал командировать в Кронштадт войска под начальством ген.-ад'ютанта Данилова. Это приказание в шифрованной телеграмме повторил дворцовый комендант Трепов. В 1 час ночи 4 июня из лагеря была выслана лейб-гвардии 1-я бригада (Московский и Гренадерский полки). В Ораниенбауме к ней должны были присоединиться пулеметы 1-й и 2-й гвардейских дивизий и артиллерия 1-й гвардейской бригады. В 10 час. утра того же дня все эти части из Ораниенбаума на судах были доставлены в Кронштадт. В тот же день войска, кроме пулеметной роты 23-й пех. дивизии, возвратились назад в места своего расположения [2]).

«Неожиданное прибытие столь значительного количества войск, — доносит начальник кронштадтского жандармского управления, — вызвало среди населения беспокойство. В войсках гарнизона полное недоумение, которое сменилось неудовольствием на почве, якобы, недоверия к ним, даже среди офицеров...» [3]).

13 июня встревоженное положением в Кронштадте правительство посылает еще батальон лейб-гвардии Гренадерского полка и часть артиллерии лейб-гвардии артиллерийской бригады, которые там были оставлены. Таким образом, в гарнизон Кронштадта было введено значительное количество «свежих» войск: батальон пехоты, пулеметная рота и артиллерия 1-й гвардейской бригады. Это весьма усложнило обстановку работы революционных организаций. Необходимо было время для установления с ними связи и их революционизирования. События же быстро надвигались. Но этим правительство не ограничилось. 8 июля неожиданно в Кронштадте были произведены массовые аресты, которыми революционные организации были сильно ослаблены. Особенно пострадала соц.-дем. организация. Организованные ею кружки были почти все ликвидированы. Это же обстоятельство в значительной степени дезорганизовало большую работу по подготовке вооруженного восстания, ведшуюся с самого начала весны.

План восстания вырабатывался в Петербурге. Непосредственную подготовку к восстанию вел Исполнительный Комитет кронштадтского гарнизона. Одним из главнейших моментов подготовки восстания являлась добыча оружия и бомб, которых было мало в распоряжении революционеров. К этому было приступлено с весны. В целях конспи-

---

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 2, ч. 4, стр. 33.
[2]) Дело гл. штаба, 3 ст., 2 отд., № 59, 1906 г.
[3]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 2, ч. 4, стр. 41а.

рации места хранения добытого оружия были известны немногим. Но знавшие места хранения оружия были арестованы в числе других во время арестов 8 июля. Уцелевшие от арестов энергично приступили к восстановлению работы. Роспуск Государственной Думы дал новый толчок к развитию в кронштадтском гарнизоне революционно-боевого настроения. Эсеровская военная организация решила поднять восстание. С этой целью организация отправила делегатов в Гельсингфорс и Ревель, чтобы сговориться об единовременном выступлении с местными организациями этих городов и стоящих на их рейдах судов, и получила ответ из Гельсингфорса о готовности поднять восстание одновременно, но только после предварительного обмена условными телеграммами. Было условлено, что кронштадтцы поднимут восстание после того, как получат из Гельсингфорса телеграмму: «Отец болен», которая должна была означать, что в Свеаборге уже началось восстание и что восставший флот пошел к Кронштадту [1]).

За несколько дней до восстания в Кронштадте происходят заседания об'единенного комитета военно-революционных организаций Кронштадта. На этих заседаниях, проходивших в страстных прениях, по вопросу о выступлении мнения резко расходились между входившими в этот комитет с.-р. и соц.-дем. В то время как с.-р. требовали немедленного выступления, соц.-дем. прилагали все усилия, чтобы удержать от немедленного выступления, считая его преждевременным. Вдруг получается известие, что в Свеаборге вспыхнуло восстание. Это известие застало кронштадтцев врасплох, поставило их в затруднительное положение, так как Кронштадт был совершенно неподготовлен к восстанию. В 1 час дня 18 июля была получена условная телеграмма из Гельсингфорса: «Отец болен», что должно было означать, что суда восстали, направляются к Кронштадту. Поздно вечером того же дня было собрано экстренное заседание представителей воинских частей и рабочих для выработки окончательного решения о выступлении. Представителей многих частей нехватало. Не придя ни к какому определенному решению, собрание разошлось в 4 часу утра. Разойдясь с заседания, военные представители немедленно же собрали в своих казармах и экипажах ротные комитеты и в 8 час. утра следующего дня вновь собрались на конспиративной квартире на гарнизонное собрание. На этом собрании, кроме партийных руководителей с.-р. и соц.-дем., присутствовали все представители от воинских частей и несколько партийных работников, прибывших из Петербурга. Сообщения о настроении частей были благоприятны для восстания. Неопределенно было настроение у енисейцев, на которых, главным образом, ориентировались руководители. Затруднялся вопрос о поддержке постоянного контакта с гарнизоном фортов. Не решив основного вопроса, выступать или нет, собрание отвлеклось в сторону, начав обсуждать вопрос о том, как поступать с офицерами: убивать их или только арестовывать.

---

[1]) Ю. Зюбелевич («Даша»). «Кронштадт в 1906 г.». (Воспоминания революционерки.)

После длительных дебатов вопрос этот был решен в том смысле, что без крайней нужды их убивать не следует, — «действовать сообразно обстоятельствам». При решении вопроса о выступлениях собрание не было единодушно. Некоторые высказывали определенные опасения относительно успеха восстания. Вызывало большое сомнение, что суда восстали и двигаются к Кронштадту, так как не было получено условной телеграммы о готовности судов к восстанию («Отец здоров»). Считали, что без помощи судов трудно рассчитывать на успех. Кроме того, для всех собравшихся было ясно, что успех восстания базировался на выступлении енисейцев, а между тем настроение енисейцев было совершенно неясным [1]).

Но настроение собравшихся было настолько приподнятым, что осторожные голоса игнорировались. В самый разгар прений на собрание прибыл из Петербурга представитель с.-р., приехавший туда с целью переговоров с ЦК соц.-дем. о том, чтобы последний дал свою санкцию на восстание кронштадтским соц.-дем., которые без него не решались выступать. Этот представитель сообщил, что соц.-дем. ему заявили: в случае восстания соц.-дем. присоединятся. После этого сообщения и под влиянием речей «трудовика» и партийных работников, приехавших из Петербурга, известивших, что восставшие суда подойдут к Кронштадту в 12 час. ночи, собрание, наконец, приняло решение выступить. Моментом восстания назначено 11 час. ночи на 20 июля. Был оглашен привезенный перед самым собранием из Петербурга план восстания. Он заключался в следующем:

«Каждая войсковая часть, расправившись с офицерами и начальниками из нижних чинов, овладевает оружием и действует с целью поднятия восстания всего кронштадтского гарнизона и флота. Часть флота мешает подвозу войск из Петербурга против восставших, другая же бомбардирует Петербург. Правительству пред'является ультимативное требование о созыве Учредительного Собрания».

Распределение ролей отдельных войсковых частей и задачи, возлагавшиеся на них, в главных чертах были таковы.

Матросы 1-й дивизии овладевают Енисейским пехотным полком и, перетянув его на сторону восставших, действуют в дальнейшем с ним совместно, взяв часть винтовок у него для матросов.

Отдельный отряд командируется для присоединения к восставшим одного из батальонов енисейцев, расположенного отдельно от полка.

Минная рота завладевает артиллерией и пулеметами, присланными в распоряжение коменданта, при помощи которых занимает батарею «Константин», поднимает там черный флаг и дает четыре орудийных выстрела, которые служат сигналом всеобщего восстания.

Отряд матросов 2-й дивизии, с матросом Егоровым, едет на один из морских фортов и поднимает там поджидающую его артиллерию.

Арестованные нижние чины, находящиеся в одном здании с Енисейским полком, обезоруживают свой караул и, вооружившись его

[1]) Ю. Зюбелевич («Даша»). «Кронштадт в 1906 г.».

винтовками, арестуют офицеров Енисейского полка и воздействуют на полк, чтобы он принял участие в восстании.

Особая команда отряжается для занятия телефонной станции.

Все это выполняется под руководством войсковых «представителей» и интеллигентов партии социалистов-революционеров: «Димитрия», «Семена», «Красавца» и еще нескольких человек.

Социал-демократы же, во главе с своим организатором, поднимают крепостную пехоту, в которой они уже давно вели самостоятельно пропаганду и где они насчитывали до 2.000 распропагандированных солдат [1]).

Собрание закончилось в 2 часа. Попрощавшись, возбужденные участники собрания разошлись, и в частях войск закипела последняя подготовительная работа.

Между тем военные власти хотя и не знали подробностей предстоящего восстания, но кое-какие сведения о нем имели и потому приняли некоторые меры.

Восстание. Действия матросов. Восстание началось около 11 час. ночи. Первыми поднялись матросы. По намеченному же плану начала восстания первыми должны были выступить енисейцы (три батальона), так как у матросов почти не было оружия. Ввиду их малосознательности и нерешительности первый толчок они должны были получить от сидящих за перегородкой 400 арестованных матросов и других нижних чинов. Решено было, что эти последние ночью, овладев вооруженным караулом в 95 чел., проломают дверь, ведущую к енисейцам, и закричат им: «Товарищи, присоединяйтесь к нам, мы идем добывать землю и волю». С этим криком они ворвутся к енисейцам, набросятся на 3—4 офицеров, обыкновенно у них ночующих, овладеют канцелярией, порвут телефонное сообщение, овладеют оружием и соединятся с енисейцами.

Представитель енисейцев должен был заранее привести оратора, который бы в этот момент выступил с речью, чтобы раз'яснить солдатам, за что идет борьба, и «вдохнуть в них мужество». Затем предполагалось двинуться в поход под прикрытием 8 пушек, стоявших тут же во дворе. Один отряд должен был итти на пристань, другой — к енисейскому 4-му батальону, финляндскому батальону, к пулеметной роте, затем к коменданту; третий отряд должен был отправиться в экипажи к невооруженным матросам, захватить с ними в арсенале оружие, вооружить матросов, затем двинуться к дому коменданта.

Но все вышло совершенно иначе. Арестованные в назначенный час не ворвались к енисейцам. Не явился оратор, пропал и представитель. Потом оказалось, что их обоих арестовали при входе в казарму, а у арестованных заблаговременно был сменен караул на более надежный. Солдаты, не получив «толчка», не имея никакого руководства, бездействовали. В это время к ним в казарму пришли офицеры. Енисейцы

[1]) Егоров. «Кронштадтское восстание». «Былое», № 4, октябрь 1907 г., стр. 96.

были ими выстроены и двинуты на подавление начавшегося восстания. Некоторые не пошли и были арестованы [1]).

Матросы выступили около 11 час. ночи. В казарме 1-й дивизии матросы, овладев цейхгаузом, разобрали оружие, арестовали офицеров и выбежали во двор. К ним вскоре явился «трудовик», который произнес речь о смысле восстания. По окончании речи оратор предложил избрать представителя, которым и был выбран, по его указанию, один квартирмейстер. Согласно плана матросы должны были двинуться к Енисейскому полку, но ввиду получения известий о том, что енисейцы с орудиями и пулеметами собрались у дома коменданта, чтобы итти подавлять восстание, предводитель повел свой отряд к казармам матросов 2-й дивизии.

Матросы же 2-й дивизии (11-й, 16-й и 20-й флотские экипажи), одевшись по условию в темные фланелевые рубашки (форменки) и поснимав белые чехлы с фуражек, вышли на двор. Часть матросов бросилась в канцелярию, где убили (закололи штыками) дежурного офицера Стояновского, затем взломали ящики с патронами и револьверами. Вооружившись и набрав патронов, матросы вышли на двор, где к ним пристроились безоружные матросы. Вскоре к ним подошел младший флагман 2-й дивизии контр-адмирал Беклемишев в сопровождении капитана 1-го ранга Родионова, попытавшегося подействовать на матросов. Беклемишев приказал собравшимся матросам разойтись. В ответ раздалось несколько выстрелов, которыми Беклемишев был тяжело ранен, а Родионов убит. Между тем к ротам подошли матросы. Пришедшие кричали, чтобы матросы 2-й дивизии пристраивались к ним. По плану же матросы 2-й дивизии должны были со своим предводителем, матросом Егоровым, отправиться на катерах на форты поднимать на них артиллеристов. Это вызвало недоумение, но спорить было не время, пререкания были опасны, и предводитель 2-й дивизии уступил. Оба отряда, соединившись, двинулись затем на Широкую улицу. Придя туда, отряды остановились и не знали, что делать. Простояв бесцельно на улице некоторое время, отряды матросов были отведены в разные стороны. После этого матросы с присоединившимися к ним рабочими порта (до 400 чел.) стали двигаться по улицам без всякого плана, наобум, по первому совету, по первому выкрику кого-нибудь из толпы итти туда или сюда. Отряд матросов 2-й дивизии направился было к арсеналу, думая найти там рабочих, но, никого не найдя, повернул к енисейцам с целью попытаться поднять их. Вооруженных в этом отряде было всего 45 чел. По пути он завернул на электрическую станцию, где матросами был взят без сопротивления караул в 10 чел. и поставлен свой. Подходя к казармам, отряд встретился с енисейцами, стоявшими в полной боевой готовности у казарм. Матросы стали кричать, чтобы те присоединились к ним. Раздалась команда, и затрещали выстрелы. Сбоку зарокотал пулемет. Матросы, отстреливаясь, бежали [2]).

[1]) «Солдатская Газета», № 2 1906 г.

[2]) Егоров. «Кронштадтское восстание». «Былое», № 4, октябрь 1907 г., стр. 98.

Матросы 1-й дивизии пошли по улицам без всякой определенной цели, сопровождая свое бесцельное хождение беспорядочной стрельбой. Двигаясь по городу, они убили офицеров Мальцева и Шумова, арестовали, по приказанию находившегося при них «трудовика», офицера Добровольского, которого кто-то затем застрелил. Наткнувшись на Северном бульваре на отряд гвардейцев Финляндского гвардейского полка, матросы повернули назад, к арсеналу. Овладев арсеналом, матросы взломали так называемые «пушечные ворота»; проникнув через эти ворота внутрь, матросы быстро забрали находившееся там оружие, до 100 старых винтовок. Патронов же к ним не оказалось. Но в это время к арсеналу подошла рота енисейцев, сразу же открывшая пачками огонь по собравшейся у арсенала толпе матросов. Бросая захваченное оружие, матросы и бывшие с ними рабочие стали разбегаться и собрались вновь недалеко от арсенала, на Красной ул., около почтовой конторы № 2, намереваясь, повидимому, разгромить контору, так как в ней работал телеграф. Но появившийся снова отряд енисейцев окончательно рассеял восставших матросов. Были еще два или три отряда. Все они подверглись той же участи: натыкаясь на енисейцев, матросы легко рассеивались их огнем.

Матросы, теснимые со всех улиц окружившей город пехотой (енисейцы и прибывшие два батальона Финляндского полка), были ею загнаны в казармы экипажей. После маленькой перестрелки с изредка стрелявшими из окон казармы матросами казармы эти были заняты пехотой, и оказавшиеся в них матросы были обезоружены и арестованы. К 10 час. утра 20 июля все было кончено [1]).

Действия минеров и саперов. Значительный, хотя и кратковременный успех имели минеры. Минная рота вместе с частью саперной роты, электротехнической ротой и 1-м и 2-м Кронштадтскими пех. батальонами были расположены за городом, в лагерях. Большая часть пехоты была заблаговременно вызвана по тревоге в город. Для охраны лагеря были оставлены по полуроте обоих Кронштадтских батальонов.

Как только в лагере стало известно о начале восстания в городе, минеры быстро разобрали оружие и под командой 4—6 пришедших в лагери штатских — представителей военных организаций — двинулись к саперному лагерю, а оттуда вместе с присоединившимися к ним саперами — к минному городку, где были розданы патроны. Одновременно производились аресты офицеров, при чем были убиты командир 6-го понтонного батальона (быв. командир минной роты) полковник Александров и временно командующий крепостной минной ротой капитан Врочинский. В районе лагерей были арестованы девять офицеров. Все они были отведены в сарай, около которого был поставлен караул.

Затем минеры двинулись по косе к ст. Литке, где ими был обезоружен пехотный караул и разбит погреб, где хранились ружейные патроны. Захватив подошедший в это время к ст. Литке поезд, минеры

[1]) Дело петербургского военно-окружного суда. Донесения членов военно-сухопутного и морского ведомства. Общая переписка, т. III, арх. № 461, 1914 г. (Приложение 14.)

отправились на нем, потушив огни, к форту «Константин». Совершенно незаметно без огней и под шум моря под'ехали к форту минеры. Высадившись, сразу же бросились в казармы расположенных там 15-й и 16-й рот крепостной артиллерии. Часть минеров бросилась арестовывать офицеров. На форту были арестованы все находившиеся на нем офицеры: кап. Анисимов, шт.-кап. Коренев, подпор. Заркевич, Савицкий и прапор. Быстров. Подп. Заркевич, бывший в ту ночь рундом, вместе с кап. Анисимовым успел добежать до телефона и сообщить коменданту крепости о восстании, после чего телефон был перерезан. Когда минеры вбежали в казармы артиллеристов, те спали. Минеры захватили прежде всего оружие и арестовали фельдфебелей. Затем стали приглашать артиллеристов присоединиться к ним с криками: «Товарищи, требуйте землю и волю». Минеры звали артиллеристов, чтобы те приготовили орудия для стрельбы по городу, но артиллеристы не только не присоединились, но часть из них бросилась к орудиям и, с целью лишить возможности действовать ими, стали снимать у орудий пружины и вынимать бойки. Произошло несколько схваток, при чем артиллеристы стремились разоружить минеров. Все же кто-то успел выстрелить из 57-мм пушки. Снаряд, пролетев над городом, разорвался над кладбищем, не причинив никому вреда. Над фортом взвились красный и черный флаги.

Тем временем к форту стали подходить части отряда, посланного из города комендантом для подавления восстания минеров. Комендантом, по получении телефонного извещения о восстании минеров, немедленно был послан отряд, состоявший из двух рот: учебной команды и охотничьей команды 2-го крепостного пехотного батальона, под начальством подполк. Марухевича. А затем около 2 час. ночи на 20 июля были двинуты против восставших минеров еще две роты крепостной артиллерии под командой подполк. Сергеева.

Подойдя по дамбе к форту «Константин», пехота расположилась против него, заняв удобные позиции на дамбе. Около 3 час. подошел еще отряд из 4 орудий 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады с ротой прикрытия. Прибывший вместе с ним полк. Шелов принял общее командование. Им было написано ультимативное письмо на форт «Константин» с требованием сдачи:

«Если не сдадитесь, то через пять минут будет открыт огонь».

Эта записка была положена на середину дамбы недалеко от форта. Записка была взята. Так как минеры молчали, то по истечении 5 минут был подан трижды сигнал: «слушайте все». В ответ раздалось несколько (15—16) выстрелов. Тогда был открыт огонь из ружей и пулеметов, под прикрытием которого были двинуты цепи. По форту было выпущено 5—6 шрапнелей, после чего на мачте «Константина» появился белый флаг [1]).

Большая часть восставших, как только был поднят белый флаг, побежала к пароходу «Минер», где и укрылась. Артиллеристы же, вы-

[1]) Судя по следственному материалу, белый флаг, возможно, был поднят артиллеристами.

пустив заключенных офицеров, вместе с прибывшей пехотой бросились разыскивать и арестовывать минеров.

Всего на пароходе «Минер» и на форту в казематах было арестовано 142 чел., среди которых был один штатский, назвавшийся крестьянином Конаковым, в котором артиллеристы признали одного из руководителей восставших, бегавшего с красным флагом и дававшего распоряжения [1]).

Между тем на других фортах, раскинутых далеко в море кругом Кронштадта, тщетно ждали условных 4 выстрелов, обозначавших подход эскадры и начало восстания, и прибытия по условию катера с небольшим десантом, как доказательство того, что восстание удачно и все средства в руках восставших. Только утром узнали, что в городе было восстание, но уже подавлено, и идут аресты восставших.

К восстанию не примкнули и военные суда, стоявшие на кронштадтском рейде, на которых имелись только «связи». На «Александре II» отказались стрелять по восставшим. Из опасения выступления команды командиром корабля было приказано затопить пороховые погреба, а команде было предложено сдать оружие. Так как она отказалась это сделать, то была разоружена наутро с помощью пехоты. В то же утро аресты были произведены не только на «Александре II», но и на других судах, находившихся в порту.

За ночь в морской госпиталь было доставлено всего 9 трупов, в том числе четырех офицеров (кап. 1-го ранга Родионов, 2-го ранга Шумов и Добровольский и шт.-кап. по адмиралтейству Стояновский) и одного штатского, и около 20 чел. раненых [2]).

Об'явление осадного положения в крепости и городе. Полевой суд. С утра 20 июля крепость и город Кронштадт были об'явлены на осадном положении, и сразу же началась расправа.

В 4½ час. утра 20 июля, как только сдавшиеся минеры были арестованы, комендантом крепости было приказано начальнику инженеров крепости ехать на Косу, задержать отправку в город арестованных на «Константине», произвести немедленно расследование, полевой суд с казнью — расстрелом.

Наскоро составленный из офицеров «суд» тотчас же начал свою «работу», которую кончил в 3½ час. дня. Вынесено было 7 смертных приговоров над солдатами-минерами: унтер-офицерами Михаилом Алексеевым и Оскаром Пурвином, рядовыми Веньямином Казаковым, Иваном Баклановым, Михаилом Озеровым, Алексеем Якушевым и Михаилом Васелла.

Вот как описывается все это самим производившим расстрел начальником инженеров крепости:

«Я с начальником штаба крепости генерал-майором Шульманом, командиром 1-го крепостного пех. батальона полковником Гулиным и

[1]) Дело петербургского военного окружного суда № 579, 1913 г. Следственное производство по делу о нижних чинах кронштадтских крепостных минной и саперной рот, т. I. (Приложения 15 и 16.)

[2]) Ю. Зюбелевич («Даша»). «Кронштадт в 1906 году».

другими офицерами отправились на поезде на Косу в 8 часов утра 20-го. В это время вели уже арестованных в город, — встретили их у раз'езда загородных сараев. Приказал повернуть обратно, к лагерю инженерных войск. Здесь начали расследование опросом офицеров, которые затем давали письменные показания, вызвал начальника электро-технической школы генерал-майора Павлова, опросил его; оказалось, рота его спала, была на месте, он же по прибытии отряда к южному валу оказал содействие сбором чинов саперной и минной рот, оставшихся в лагере, или тех, которые сначала разбежались, попрятались, а затем возвращались поодиночке [1]). Мною генерал Павлов был приглашен помочь производить расследование, а затем членом суда. На полковника Гулина была возложена обязанность прокурора, а защищать предложено было подпоручику 1-го крепостного пехотного батальона Сидорову; делопроизводителем я назначил поручика минной роты Беляева. Все расследование и суд происходили в присутствии товарища прокурора кронштадтского военно-морского суда штабс-капитана Твердого. Опросы нижних чинов и составление списка их было поручено офицерам пехотных батальонов, саперной и минной рот, под руководством полковника Гулина. Видя, *что дело туго подвигается, я вошел в круг арестованных, обратился к ним с увещаниями выдать зачинщиков и убийц своих начальников, пригрозив при запирательстве массовым расстрелянием,* — немедленно нижние чины минеры начали выдавать зачинщиков и убийц, фамилии таковых записывались. *После того были сняты показания, кто на кого указывает, что и записано в две таблицы; в заголовке имена убийц, в другой — зачинщиков, а в вертикальных столбцах собственноручно расписывался указывающий;* снято показание с убийц; было указано 8 минеров, на восьмого, рядового Павла Александрова, было только одно показание, почему полевой суд не нашел возможным по наскоро собранным данным предать его смертной казни сейчас же. Суд окончился около 3½ часов дня. Тогда же были отделены осужденные, и им был об'явлен приговор. К ним был послан протоиерей отец Василий Корольков, одновременно шло вкапывание столбов, привезены мешки для обвязки голов, веревки для привязывания к столбам осужденных и вырыты могилы, *рытье могил* (что под караулом) *производили участники бунта минеры.*

Для расстреливания была назначена 2-я рота 2-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона, казнь в 5½ часов дня совершена в присутствии всех арестованных на «Константине» и в лагере, под конвоем двух рот л.-гв. Финляндского полка и двух рот 1-го Кронштадтского пехотного батальона и одной роты кронштадтской крепостной артиллерии.

Затем по окончании казни и зарытии могил войска и арестованные были пропущены церемониальным маршем через места могил.

О ходе дознания я докладывал и. д. коменданта крепости около часу дня, во время об'езда им Косы, и *получил от него указания относительно скорейшего окончания казни, согласно распоряжений августейшего главнокомандующего округом»* [2]).

Так спешило царское правительство с своей расправой. Вскоре, через несколько дней, открыл свои действия так называемый временный военный суд в крепости Кронштадте.

---

[1]) Нижние чины электро-технической роты были назначены для опорожнения бараков минной роты от вещей, для караула при вещах и для вкапывания столбов для казненных. (Примечание в докладе начальника инженерных войск крепости.)

[2]) Следственное производство по делу о н. ч. кронштадтских саперной и минной рот, арх. № 579, 1913 г. (Приложение 16.)

Восстание на крейсере «Память Азова» (в ночь с 19 на 20 июля). Восставшие свеаборжцы и кронштадтцы тщетно ждали подхода восставших войск. Флот глухо волновался, но восстание не произошло. Единственным судном Балтийского флота, поднявшим знамя восстания, был крейсер 1-го ранга «Память Азова». Но и это восстание, не поддержанное на других судах, было быстро подавлено самой же командой.

По плану, выработанному в Гельсингфорсе, предполагалось, подняв восстание в Балтийском флоте, двинуться с ним к Кронштадту и Свеаборгу для помощи восставшим и для дальнейшего движения на Петербург.

18 июля организации судов учебно-артиллерийского отряда, находившегося близ Ревеля, в бухте Папенвик, из Гельсингфорса была послана условная телеграмма, согласно которой эта организация должна была немедленно поддержать начавшееся восстание.

Среди команд судов этого отряда, во главе которого стоял крейсер 1-го ранга «Память Азова», работали, главным образом, с.-р., одним из организаторов которых являлся Коптюх. На некоторых судах были организованы судовые комитеты.

На «Памяти Азова» условная телеграмма из Гельсингфорса была получена 19 июля и немедленно же была передана на обсуждение судового комитета. Судовой комитет собрался в 10 час. вечера в таранном отделении, при участии пробравшегося незаметно для начальства под видом матроса с.-р. Коптюха. На собрании сначала присутствовали рядовые члены судовой организации, а затем для дальнейшего совещания остались лишь члены комитета.

На этом собрании был выработан план восстания на корабле, по которому предположено было утром, во время проверки, обезоружить и арестовать капитана и офицеров и взять командование крейсером в свои руки.

Но этот план не удался.

В 1 час. ночи старший офицер корабля Мазуров при обходе заметил Коптюха. Коптюх был арестован, обыскан, при чем у него был найден при обыске браунинг и патроны. Он был подвергнут допросу и предназначался отправке в Ревель для передачи сухопутным властям. Этот случай послужил причиной того, что восстание вспыхнуло раньше, чем предполагалось по плану.

Арест организатора мгновенно обострил положение на корабле. Среди матросов началось сильное волнение. Офицеры обнаружили пропажу ящика с патронами. Для обсуждения положения испуганные офицеры собрались в кают-компании. В это время матросы начали действовать. Один матрос выстрелил в стоявшего на вахте мичмана Зборовского, которого убил наповал. Затем было потушено электричество, и матросы бросились освобождать арестованного Коптюха. В результате начавшейся стрельбы были ранены командир корабля, капитан 1-го ранга Лозинский и двое офицеров. Тогда большинство офицеров и классных чинов, в числе 11 чел., воспользовавшись сумятохой, вылезли в окно адмиральской каюты, сели на таранный баркас и поплыли к берегу. По ним был открыт орудийный и ружейный огонь.

Из сбежавших командир Лозинский был убит, у мичмана Погожева были оторваны ноги, два офицера ранены. Когда катер приткнулся к мели, оставшиеся в живых офицеры вплавь достигли берега и убежали в лес. Командование крейсером перешло к революционерам. На флагштоке был поднят красный флаг. Революционным командиром судна был выбран матрос Лободин [1]).

Команды остальных судов были совершенно не готовы к восстанию. С ними еще не сговорились. Тем временем офицеры этих судов предприняли некоторые меры для предупреждения восстания команд.

Дальнейший ход восстания рисуется, по воспоминаниям участников, приблизительно в следующем виде.

Стоявшему невдалеке крейсеру «Воевода» был дан сигнал сняться с якоря и подойти к крейсеру «Память Азова». Тот пошел с открытыми минными аппаратами, а потому ему был подан сигнал «стать на якорь». Затем последовал сигнал крейсеру «Абрек» и миноносцу «Ретивый»: «следуй за мной», что не было исполнено. Тогда восставший крейсер открыл по ним огонь, после чего все суда направились к берегу, и их экипажи укрылись в лесу. Направившись затем в море, «Память Азова» встретил миноносец «Летучий». Ему также был дан сигнал о присоединении, но тот удалился. Нежелание других судов отряда поддержать восстание внесло смятение в ряды восставших. На корабле было устроено общее собрание, на котором был избран Исполнительный Комитет. Коптюх произнес речь о смысле восстания: «Многие из вас, товарищи, и даже очень многие, и сейчас не знают, отчего произошло настоящее восстание. Я постараюсь об'яснить это. Мы восстали потому, что распустили Государственную Думу и самых лучших людей из состава ее арестовали, а оставшиеся члены Государственной Думы, собравшись в Выборге, решили начать это великое дело освобождения. Правительство говорит, что земли нет, между тем как у государя, церквей и помещиков земли много. И вот «трудовая группа», социалисты-революционеры и социал-демократы постановили эту землю отобрать»...

Но контр-революционное брожение на корабле все усиливалось. Часть матросов, сагитированная и сорганизованная кондукторами Огурцовым, Янсоном и Давыдовым, внезапно напала на революционеров. На палубе крейсера произошла кровавая схватка, — революционеры-матросы были побеждены. Погиб командир судна Лободин. Большая часть из них была арестована. Часть матросов-революционеров бросилась на шлюпку и отплыла к берегу, но была перехвачена войсками, и все находившиеся в шлюпке были арестованы. Около 5 час. вечера (20 июля) «Память Азова» бросил якорь в Ревеле. Через три часа к крейсеру на сторожевом судне «Беркут» под'ехала вызванная из города пехота, которой было арестовано и свезено на берег 223 матроса, в том числе и приехавший на крейсер Коптюх. Все арестованные были немедленно размещены по тюрьмам.

---

[1]) Матрос Шебалин. «Светлой памяти казненных моряков «Памяти Азова». «Дело Народа», № 119 1917 г.

В Ревеле, в знак солидарности с революционными матросами, была об'явлена забастовка [1]).

Причины, обусловившие неудачу восстания. Этими описанными восстаниями в крепостях Свеаборг и Кронштадт и на крейсере «Память Азова» и ограничилось подготовлявшееся революционными партиями вооруженное восстание. Вспыхнув неожиданно, стихийно, в обстановке не растущего, а все падающего революционного движения в стране, это военное восстание не было активно поддержано массами и потому было наперед обречено на неудачу. В этом заключается главная и основная причина поражения восстания.

Массы не сумели поддержать восстания, так как рабочий класс, разбитый в предшествовавших боях, находился в процессе собирания сил. Совпав со временем полевых работ, восстание не встретило реальной поддержки и крестьянского движения.

Социал-демократы, правильно учитывавшие обстановку, в своих газетах, листовках, на митингах предостерегали солдат и матросов от вооруженного выступления раньше, чем в России создадутся условия для повсеместного восстания, когда к нему будут достаточно подготовлены рабоче-крестьянские массы. «Не военные бунты нужны нам, а переход войск в решительный момент на сторону восставших народных масс», — говорили соц.-демократы. За несколько дней до восстания социал-демократы говорили в особо выпущенном листке о необходимости приберечь силы для всеобщего восстания. Социалисты-революционеры, не понимавшие значения массовой борьбы в революции, считали, что достаточно поднять восстание в крепостях и на судах Балтийского флота, чтобы за ними встала вся Россия. Не сумевшее связать своего удара с выступлением рабочих и крестьян, восстание в армии было обречено на поражение.

Неудаче восстания и его довольно быстрой ликвидации способствовали также многие ошибки и промахи, допущенные восставшими.

Свеаборг. Наиболее организованно протекало восстание в крепости Свеаборг. Восстал почти весь гарнизон. Во-время захвачены крепостные артиллерийские батареи, оружие, патроны, снаряды, а также крепостные суда и лодки.

С начала восстания ставшие во главе его знающие военное дело офицеры соц.-демократы внесли в стихийно-вспыхнувшее без предварительного плана восстание некоторую организованность, порядок. И это восстание могло бы наделать еще много хлопот царскому правительству, если бы не ряд ошибок, которые были допущены восставшими и роковым образом отразились на исходе восстания.

1) В ночь восстания восставшие не взяли Комендантского острова, чтобы захватить все крепостное начальство и стать полным хозяином крепости; а они вели себя несмело: они должны были не ограничиваться

[1]) Матрос Шебалин. «Светлой памяти казненных моряков «Памяти Азова». «Дело Народа», № 19, 1917 г.

одной только бомбардировкой, а под ее прикрытием взять остров во что бы то ни стало или прямой атакой по дамбе, или высадкой на него десанта.

2) Со стороны восставших не было попыток к установлению боевой связи с континентом. Вообще восставшие действовали оборонительно, выжидая, пока к ним присоединятся солдаты других частей и эскадра, в то время как была полная возможность к более активным наступательным действиям, при наличии большого количества восставших — до 3.000 чел., при 40 пулеметах и большей части крепостной артиллерии и нескольких судах.

3) Образ же действий восставших привел к тому, что начальство крепости захвачено не было. Комендант крепости оказался энергичным человеком, сумевшим организовать некоторое противодействие восставшим и тем отвлечь их внимание.

Восстание матросов на Скатуддене, вне боевой связи с крепостью, было быстро подавлено. А это обстоятельство совершенно изолировало восставших на островах, что сделало невозможными доставку продовольствия и транспорт раненых, лишило связи с партийными организациями, находившимися на континенте. В последний же день восстания, когда чувствовалось наступление кризиса, восставшими был допущен взрыв порохового погреба на Михайловском острове, что, в связи с сознанием изолированности положения на островах, внесло в среду восставших растерянность, послужившую одной из ближайших причин их сдачи. Главным же обстоятельством, принудившим восставших сдаться, был открытый неожиданно для восставших огонь тяжелой судовой артиллерии с подошедшей к Свеаборгу эскадры.

Кронштадт. Весьма характерную картину представляло кронштадтское восстание. На Кронштадт обращено было особое внимание революционными партиями, ведшими среди кронштадтских солдат, матросов и рабочих усиленную подготовку к вооруженному восстанию. В нем существовали сильные военные организации, имелся план восстания в крепости и городе Кронштадте. Когда же план начали реализовать, началось восстание, то оно продолжалось всего несколько часов и в ту же ночь быстро и легко было подавлено. Как это видно из хода восстания, столь быстрое и легкое его подавление обусловливается, с одной стороны, плохой организацией восстания, излишней поспешностью, отсутствием достаточного количества оружия и патронов, трениями между обеими работающими военными организациями, с другой — противопоставленной ему организованностью, планомерностью действий властей, заблаговременно подготовившихся к восстанию.

Выработанный в Петербурге план восстания стал известен гарнизонному собранию всего за несколько часов до восстания. Организатору же социал-демократу план восстания был сообщен всего за 2—3 часа до восстания.

План хотя и был составлен, но он представлял собой только *частные задания для отдельных отрядов, лица же или центра, который*

руководил бы всем восстанием в целом и об'единял действия отдельных отрядов, не было.

Сами составители плана, знавшие, что он построен на согласованности всех частей, не предупрежденные о поднятии восстания, находились в Петербурге и приехали уже тогда, когда оно приходило к концу.

Ввиду отсутствия у матросов оружия весь план базировался на восстании Енисейского полка и овладении находившимся в его распоряжении оружием, в то время как настроение его не давало уверенности в том, что он присоединится.

Весть о неприсоединении к восстанию Енисейского полка совершенно обескуражила восставших и сразу внесла полную дезорганизацию в их ряды, что при отсутствии общего руководства и отсутствии варианта плана на случай неприсоединения енисейцев к восстанию, не могло предвещать успеха. Как матросы, в большинстве своем безоружные, так и вооруженные до зубов боевые рабочие дружины растекаются по городу и начинают бродить толпами бесцельно по его улицам, не зная, что делать. Натыкаясь на заставы енисейцев, эти неорганизованные толпы матросов легко рассеивались огнем солдат. Между тем, судя по малому относительно количеству потерь среди восставших (среди раненых, отправленных в госпиталь, было больше сухопутных, т.-е. подавлявших восстание, чем матросов), в которых енисейцы выпустили тысячи патрон из пулеметов и винтовок, последние стреляли, повидимому, больше в воздух и поверх голов. Это указывает на то, что енисейцы в своей массе сочувствовали восстанию и при других обстоятельствах, вероятно, сами бы были в рядах восставших, что «если бы к енисейцам пришла не скрытая в темноте горсть (40—50 вооруженных), а тысячная толпа, — говорит социал-демократическая листовка, выпущенная после восстания, — в том полку одержало бы верх настроение организованных солдат, и они не стали бы стрелять, а весьма возможно были бы увлечены общим потоком».

Вот как характеризуют свое положение сами енисейцы: «Матросы теперь очень злы на кронштадтских солдат, что мы их не только не поддержали, но даже усмиряли. Правда, у нас в полку Енисейском много черной сотни, но есть и сознательные, и их большинство в некоторых ротах, так что можно было рассчитывать на поддержку. Но беда в том, что о восстании мы ничего не знали, а уж как вывели, — шум, стрельба, кого-то убивают; тут трудно вести агитацию: если есть время, можно перетянуть колеблющихся, а раз началось столкновение, дело кончено, — солдат стал, как машина: знай щелкай затвором, и особенно ночью, когда ничего толком не разберешь. Остановить стрельбу тогда почти невозможно.

Надо еще знать, что солдаты еще плохо разбирают и не пойдут усмирять только в том случае, когда будут знать, в чем дело, а для этого надо пошире связи заводить...» [1]).

[1]) «Казарма», № 8, 1906 г.

Не были извещены не только енисейцы, — не успели известить целых два батальона «крепостников» (1-й и 2-й креп. пех. батальоны), среди которых долго работали социал-демократы и на участие которых тоже сильно рассчитывали.

Сыграл свою роль и авантюризм с.-р. Они игнорировали серьезные связи, имевшиеся в крепостных батальонах, на некоторых судах, и не находили нужным сговариваться с рабочими организациями. Такое положение в значительной степени дезорганизовывало восстание.

«Эсеры, стоявшие во главе беспартийной военной организации, — пишет соц.-дем. листовка, анализирующая причины поражения восстания, — не только очень пренебрежительно отзывались о военных силах социал-демократической военной организации, не только не хотели считаться с очень серьезными связями, какие мы имели на судах и в крепостных батальонах, — они не потрудились сговориться и с рабочими организациями. Все свое дело они вели, как заговорщики, рассчитывая на то, что самое важное в этом деле тайна, внезапность нападения. Мы же полагали, что если уж итти на восстание, то надо придать ему массовый характер, надо подготовить настроение на митингах и массовках и в решительный момент вызвать на улицу многотысячную толпу рабочих. Эсеры воображали, что могут обойтись и без этого. Они подготовляли взрыв и не сочли нужным ни полусловом уведомить социал-демократов о своих затеях. «Они, мол, только критикуют нас; ну, коли так, мы и без них обойдемся». И мы, как повелел нам наш политический долг, продолжали твердить и рабочим массам, и нашим организованным матросам и солдатам, что надо крепиться и ждать решительной всероссийской войны.

И вдруг, в один прекрасный день, нас извещают без далеких слов: сегодня в 11 часов ночи будет восстание.

Рассуждать, спорить, критиковать было некогда. Что можно было сделать для поддержки товарищей, то было сделано. Но времени было мало: многих матросов мы просто физически не успели известить, другие приняли наши призывы холодно и недоверчиво; ведь ничего не было подготовлено, ведь мы накануне доказали неразумность такого шага [1]).

Пока восстание подготовлялось, власти не спали и готовились к нему. Что они знали о подготовке восстания, — можно судить по ряду перлюстрированных писем, донесений, телеграмм, поступавших в департамент полиции. «С.-р. готовятся к вооруженному восстанию, — пишет некто под инициалами N. N. в письме, датированном 2 мая 1906 г. из Петербурга в Москву. — Особенно хороша организация в Кронштадте. Все войска уже на стороне рабочих. Ждут только сигнала, который должен быть дан рабочими же. Приходят утешительные вести о работе «серых», особенно, говорят, прочно они устроились во флоте и в Кронштадте. Говорят о готовящемся крупном предприятии, но об этом говорят уже на всех перекрестках»... [2]).

---

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 6, ч. 3. (Приложение 20.)
[2]) Там же, № 2, ч. 4, стр. 20.

Полковник Герасимов в докладе своем директору департамента полиции пишет: «После беспорядков, бывших в ноябре месяце прошлого года среди войсковых частей кронштадтского гарнизона, функционировавшие там военно-революционные организации, принадлежащие к партиям Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и социалистов-революционеров, об'единились в одну военно-революционную организацию города Кронштадта, выделив из себя Комитет названной организации, игнорируя программные вопросы каждой из названных партий.

Об'единение состоялось в целях широкого ведения пропаганды в среде войск для подготовки вооруженного восстания как ближайшей цели, преследуемой обеими партиями» [1]).

Власти, ожидая восстания, были наготове. Для противодействия ему в Кронштадт было введено заблаговременно значительное количество «свежих» войск. Узнали власти, повидимому, и об окончательно намеченном восстании в тот же вечер, приняв заранее некоторые меры: дано распоряжение о высылке двух рот в распоряжение полиции. У арестованных сменен караул на более надежный. Заранее, вероятно, были вызваны из Петербурга войска. В организации борьбы с восставшими чувствуется планомерность, подготовка, говорящая о том, что власти не были застигнуты врасплох. Это можно видеть по докладам начальников, руководивших подавлением восстания [2]): командующего Енисейским полком полк. Лобановского в городе и временно командующего кронштадтской креп. артиллерией полк. Шелова. В крепости город был окружен заставами, которые, двигаясь все время вперед, оттеснили восставших матросов к казармам и к набережной, где все были арестованы. Полк. Шелов, приняв командование над отрядом для занятия форта «Константин», захваченного восставшими минерами, организовал настоящее наступление с артиллерийской и пулеметной подготовкой и цепями.

Власти Кронштадта, подготовленные к восстанию, встретили его организованно, во всеоружии; восставшие же действовали без оружия, без руководства, разрозненно, и восстание быстро и легко было подавлено.

Балтийский флот. «Память Азова». Балтийский флот не поддержал восстания, ответив только одним неудачным восстанием и отказом команды крейсера «Александр II» действовать против восставших кронштадтцев. Некоторые же суда приняли даже участие в подавлении восстания. Это об'ясняется тем, что флот вообще революционно был слабо организован. На судах имелись только «связи». Организаций же сильных, действенных почти не было.

С другой стороны, этому мешали меры предупредительного характера, принятые правительством ввиду развития брожения на судах: за командами матросов был на судах усиленный надзор; на некоторых судах ко времени восстания матросы были частью заменены

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 2, ч. 4, стр. 22.
[2]) См. приложения 14 и 15.

морскими кадетами, как это было проделано на «Цесаревиче», «Славе», посланных на подавление свеаборгского восстания.

На некоторых судах была произведена замена части постоянной команды переменною, матросами с других кораблей. Эта мера, проведенная незадолго до восстания на крейсере «Память Азова», оказала свое решающее влияние на исход восстания. Матросы переменного состава (составлявшие большую часть команды судна, около 500 чел.), чужие для крейсера люди, еще совсем темные в политическом смысле, легко поддавшись контр-революционной, черносотенной агитации кондукторов, являвшихся, как известно, самым реакционным элементом во флоте, погубили дело восстания: оно было их же руками подавлено [1]).

Расправа царского правительства с восставшими. После подавления восстания царское правительство немедленно же начало расправу с восставшими солдатами и матросами, так геройски боровшимися за право на жизнь. В связи с этим восстанием тысячи их были арестованы и судимы военно-полевыми и разными особыми временными судами (то же, что и полевые). Почти все они, за малым исключением, были признаны виновными «в явном восстании». Десятки их были расстреляны и повешены, остальные осуждены на каторжные работы, в исправительные арестантские отделения, в военные тюрьмы на разные сроки.

В день подавления восстания, 20 июля, из Петербурга приехала военно-следственная комиссия, и немедленно же открыл свои действия так называемый «временный военный суд». В первую очередь были преданы этому суду 8 чел. — офицеры: подпоручики Емельянов и Коханский и 6 ниж. чинов: нестроевой старшего разряда Т. Я. Детинич, фейерверкеры В. Е. Тиханов, М. И. Иванов, П. Г. Герасимов, В. Е. Виноградов и рядовой свеаборгского крепостного полка Н. М. Воробьев. 26 июля был составлен обвинительный акт, 29-го — произнесен приговор, по которому все восемь чел. были присуждены к смертной казни через расстреляние. В тот же день приговор был утвержден командующим 22-м армейским корпусом ген. бар. Зальца и в течение суток приведен был в исполнение [2]).

21 августа тот же суд вынес еще 22 смертных приговора: над 19 солдатами (главным образом, артиллеристами) и 3 штатскими. Кроме того, к каторжным работам от 12 до 13 лет приговорены 33 солдата, на 4 года—33 солдата, в дисциплинарный батальон сроком от 3—4 лет — 195 чел., в военные тюрьмы на 3—4 месяца — 298 чел., 75 чел. — к дисциплинарному аресту на 20 суток. Оправдано 30 чел. Приговор утвержден ген. Зальца с заменой смертной казни каторжными работами одному — без срока, троим на — 20 лет, шестерым — на 15 лет, а остальным нижним чинам и двум штатским — на 12 лет [3]).

5 сентября был вынесен приговор над участниками восстания на Скатудене. 17 чел. было приговорено к расстрелу, 7 чел. — на каторж-

[1]) «Солдатская Беседа», № 1, 1906 г.

[2]) Н. Ольшанский. «Свеаборгское восстание». «Красная Летопись», № 4, 1922 г., стр. 215.

[3]) «Солдатская Беседа», № 1, 1906 г.

ные работы без срока, 7 чел. — сроком на 20 лет, 4 чел. — сроком на 15 лет, 4 чел. — на 8 лет, 10 чел. — на 6 лет, 21 чел. — на 4 года, 18 чел. — в исправительные арестантские отделения (из них 8 чел. — на шесть лет, 10 чел. — на пять лет). Приговор был утвержден ген. Зальца, и 17 чел., осужденных на смертную казнь, были расстреляны 5 же сентября [1]).

11 сентября был произнесен приговор по делу о нижних чинах минной роты, хотя они фактически и не принимали участия в восстании, но им было пред'явлено обвинение в том, что «с намерением завладеть крепостью Свеаборг, чтобы заставить правительство исполнить требование трудовой партии о «земле и воле», согласились на митингах, собиравшихся 15—16 июля сего года на Лагерном острове, принять участие с крепостной артиллерией в явном восстании, которое предполагалось начать в ночь на 18 июля на входящих в район крепости островах Михайловском, Александровском и Артиллерийском и с этих островов открыть огонь по остальной крепости, для чего, согласно выработанному на митингах плану, они, в целях отвлечь внимание крепостного начальства от названных островов и дать возможность мятежникам сосредоточиться и приготовиться на Михайловском острове, как центре восстания, вечером 16 июля пред'явили своему начальству требование об отмене об'явленного в приказе по роте приказания инспектора инженеров о прекращении выдачи им на руки винных денег и об обращении таковых на улучшение пищи, и во время об'яснений по этому поводу с командиром роты, подполковником Нероновым, начальником Лагерного острова полковником Раевским и комендантом крепости держали себя дерзко, вызывающе: курили в присутствии их, произносили площадную брань и требования свои сопровождали угрозами употребить в дело оружие, затем по утру 17 июля отказались выходить на занятия, пока не будет исполнено их требование, вследствие сего, и в особенности угроз их употребить в дело оружие, были обезоружены двумя ротами пехоты, при чем выдали свои винтовки только под страхом, что пехота будет по ним стрелять, когда же затем в ночь на 18 июля вспыхнуло восстание, то они, по независящим от них обстоятельствам, как обезоруженные и оставленные под надзором двух рот пехоты, хотя и не приняли участия в этом восстании, продолжавшемся по 20-е того же июля, но в то же время отказались принять отобранные от них винтовки и действовать ими для подавления восстания против мятежников совместно с войсками, оставшимися верными своему долгу».

Обвинительный акт составлен в крепости Свеаборг 2 сентября 1906 года.

На этот раз было вынесено 4 смертных приговора. Из остальных 5 чел. были приговорены на каторжные работы без срока, 18 чел. — сроком от 20 до 6 лет, 31 чел. — в арестантские отделения сроком на

[1]) Расстреляны: И. Яковлев, Кузин, Насал, Кульбаков, Ягненков, Роговицкий, Муравьев, Назаров, Парфенов, Елизаров, Цеховский, Ермохин, Николайчук, Татарченко, Соловьев, Большаков, Санцевич. («Солдатская Мысль», № 2, 1906 г.)

6 лет, 61 чел. — в арестантские отделения на 4 года, 55 чел. оправданы [1]).

Таким образом по делу свеаборгского восстания по приговорам вр. военн. суда расстреляно 29 чел., осуждены на бессрочную каторгу 13 чел., на каторжные работы сроком от 4—20 лет — 151 чел., в арестантские отделения—141 чел., в дисциплинарные батальоны на 3—4 года — 195 чел., в военные тюрьмы на 3—4 месяца — 298 чел., к дисциплинарному аресту — 75 чел. Шт.-кап. Кузьмин, обвиненный в подстрекательстве, был приговорен к 8 месяцам крепости.

Среди задержанных на фортах участников восстания были штатские финны. Они были также преданы военному суду. По настоянию финляндского ген.-губернатора Герарда, финны были из'яты из ведения военного суда, и их судил абоский гофгерихт. Все 81 чел. были признаны виновными и присуждены к заключению в каторжной тюрьме: один — на 6 лет, 1 — на 5 лет, остальные — на 4 года, с зачетом предварительного заключения.

Скрывшегося капитана Кока сенат постановил привлечь к судебной ответственности и принять меры к розыску его.

Состоялось также постановление военно-полевого суда о розыске и предании военному суду скрывшегося шт.-капитана Циона.

За бездействие власти немедленно по подавлении восстания были отстранены от должностей в административном порядке: начальник артиллерии крепости ген. Агеев, заведующий хозяйством крепостной артиллерии подполк. Ярошевский и ротный командир кап. Глушановский.

После полевого суда, расстрелявшего 7 чел. восставших в день подавления восстания, 20 июля открыл свои действия временный военный суд города и крепости Кронштадта. 5 августа этим судом были приговорены к смертной казни 10 чел.: из них 3 штатских, кр. П. П. Конаков, студент Тер-Мкртычанц и сын ремесленника К. Н. Иванов и 7 нижних чинов минной роты: мл. унтер-офицеры Тихон Герасимов и Трофим Дорошенков, рядовые: Петр Виноградов, Николай Рюмаев, Федор Сильченков, Яков Степанов и Михаил Филиппов. Приговор был приведен в исполнение 7 августа в 3 часа 45 минут утра [2]).

Вот как это описывает в официальном донесении начальник кронштадтского жандармского управления от 7 августа 1906 г., № 1283:

«Сего числа, в 3 часа 45 минут утра, на площадке у форта «Константин» приведен в исполнение конфирмованный приговор над 7 нижн. чинами Кронштадтской минной роты и 3 штатскими: Ивановым, Тер-Мкртычанцем и Конаковым. Нижние чины очень набожно молились и приняли св. причастие, штатские же отказались.

По прочтении приговора один из приговоренных, штатский Конаков, порывался говорить, при чем успел сказать фразу: «Снимите с нас позорное клеймо убийц офицеров, в остальном же мы виноваты».

[1]) Дело вр. военного суда в крепости Свеаборг, 1906 г., № 83/291. арх. № 56, 1911 г. (2-е отделение юридической секции ЕГАФ.) (Приложения 8, 10.)

[2]) «Солдатская Мысль», № 2, 1906 г.

После того как приговоренные были привязаны к столбам, студент Тер-Мкртычанц крикнул: «Долой самодержавие, смерть палачам». Залп произвела рота кронштадтской крепостной артиллерии. По окончании казни тела убитых по железной дороге перевезены на форт «Константин», оттуда на баркасе «Северный» отправлены в море для потопления у Толбухина маяка [1]).

Из остальных судившихся с ними 144 чел. суд приговорил: 81 чел. к отдаче в каторжные работы на сроки от 4 до 20 лет, 33 чел. — к отдаче в исправительные отделения на сроки от 2 до 4 лет и 7 чел. — к заключению в гражданские тюрьмы на 2 года. 16 чел. были оправданы [2]).

21 сентября, в 6 часов утра, приведен в исполнение вынесенный тем же судом смертный приговор над 19 матросами (описание казни см. приложение 19) [3]).

Из судившихся вместе с ними 114 чел. приговорены к каторжным работам (из них 12 — к бессрочной и 102 — на различные сроки от 4 до 20 лет), 425 чел. — к тюремному заключению на разные сроки, с лишением воинского звания, 129 матросов и 3 «вольных» были оправданы [4]).

Привлеченный к суду по обвинению в участии в кронштадтском восстании член Государственной Думы Онипко был приговорен к высылке на поселение в Сибирь с лишением прав [5]).

По делу о кронштадтском восстании, таким образом, по приговорам временного военного суда расстреляно 36 чел., осуждены на бессрочную каторгу 12 чел., на каторгу сроком от 4 до 20 лет — 183 чел., в арестантские исправительные отделения на сроки от 2 до 4 лет—458 чел.

По делу о восстании на крейсере «Память Азова» так называемой «временной судовой комиссией» (то же, что и полевой суд) приговорено 4 августа к смертной казни 17 чел. матросов и 1 штатский, остальные — на каторгу на разные сроки (описание казни см. приложение 23) [6]).

Конечно, всеми этими приговорами не исчерпывается расправа правительства с восставшими. Много солдат, матросов и штатских революционеров, скрывшихся после восстания, было разыскано и после судимо отдельно.

На кораблях, находившихся в момент восстания в портах Свеаборга и Кронштадта, было предано суду также много матросов, проявивших солидарность с восставшими, отказавшись действовать оружием против

---

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 274, стр. 90.

[2]) Дело петербургского военно-окружного суда, № 370, 1906 г., арх. № 579, 1913 г. (2-е отдел. юридич. секции ЕГАФ.)

[3]) Расстреляны: С. Зендриков, Ф. Голованов, А. Кузнецов, Т. Глебко, Д. Никитин, Н. Комарницкий, И. Красненков, Е. Лисицкий, И. Карагодов, С. Юров, П. Крашенинников, М. Востриков, И. Москаев, Е. Лящук, А. Кукарцев, П. Новожилов, Ф. Ковальчук, М. Савостьянов, Р. Короточкин. («Солдатская Мысль», № 2.)

[4]) «Солдатская Беседа», № 1, 1906 г.

[5]) «Солдатская Газета», № 3, 1906 г.

[6]) «Солдатская Мысль», № 2, 1906 г.

них. Многие посажены были в тюрьмы по одному подозрению и выпущены через некоторое время за неимением улик.

Значение июльского военного восстания. Усиление реакции. Несмотря на поражение, июльское военное восстание в крепостях и во флоте имело огромное моральное значение. Оно явилось непосредственным могучим боевым откликом на призывы членов «трудовой группы» и социал-демократической партии встать на защиту народного представительства. Ярко выраженный политический характер этого восстания в крепостях и во флоте в непосредственной близости от Петербурга заставил сильно трепетать за свою судьбу царское правительство. Боясь откликов на это восстание среди народных масс, оно поспешило со своей расправой.

Но страна на разгон Государственной Думы, на выборгское воззвание и на последовавшее за тем это серьезное военное восстание ответила почти повсеместным молчанием. Только в некоторых городах были разрозненные забастовки, не имевшие большого значения. Восторжествовавшая реакция подняла голову, и ее усиление пошло быстрым темпом. Революционные организации ушли еще глубже в подполье.

Разгром революционных военных и боевых организаций. Царское правительство, еще более усилив свою борьбу с революционным движением, обрушивается и на военно-революционные организации. Оно усиливает средства жандармского управления, мобилизует для борьбы с «крамолой» все средства политического сыска. И вот в течение ближайших месяцев после июльского восстания производится ряд ликвидаций боевых и военно-революционных организаций, надолго расстроивших хорошо налаженную ими революционную работу. Особое внимание царским правительством, естественно, было обращено на Петербург и Кронштадт. Еще в ночь на 21 июля по указаниям охранки была разгромлена Петербургская военная организация при Петербургском Комитете РСДРП. При этом было арестовано 26 человек. Из них врач Гусаров и инженер Малоземов были арестованы в Кронштадте во время восстания. По сведениям охранки, они были в числе организаторов этого восстания [1]).

С целью разгрома революционных организаций в Кронштадте были усилены средства местного жандармского управления, направлена часть «сил» петербургского охранного отделения [2]).

6 сентября об'единенными усилиями петербургского и кронштадтского охранных отделений производится ликвидация Кронштадтского Военно-Революционного Комитета Социал-Демократической Рабочей Партии во время заседания последнего на конспиративной квартире на Михайловской улице. Всего было арестовано 8 чел., двое же, разбив окно, успели скрыться [3]). При обыске квартиры и арестованных лиц была захвачена вся переписка комитета, планы, революционная лите-

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 6, 7, 8, стр. 79.
[2]) Там же, № 2, ч. 4, стр. 178.
[3]) Там же, стр. 131.

ратура, печать Кронштадтского Комитета, изорванные листы протокола заседаний, уставы военно-боевого комитета и боевой дружины и много писем и записочек, говоривших о принадлежности их авторов к военной организации. Арестованные были помещены в военную тюрьму, где многие пробыли несколько месяцев, ожидая пред'явления каких-либо обвинений. Только 18 июля 1907 г. дело попало в суд и слушалось в спб. военно-окружном суде при закрытых дверях. Все они обвинялись в том, что «вступили в преступное сообщество, присвоившее себе наименование «Кронштадтской военной организации» и заведомо для них поставившее целью своей деятельности ниспровержение существующего в Российской империи общественного строя. Для достижения этой цели на собраниях общества, в доме № 49 по Михайловской улице, в г. Кронштадте, был выработан устав боевой дружины и боевого комитета, образованного при названном сообществе и имевшего целью техническую подготовку военного восстания, приобретение оружия для боевых дружин, обучение и подготовку их и руководство военным восстанием в момент его возникновения. Все это предусмотрено в отношении каждого из обвиняемых ст. 126 уголовного уложения». Военно-окружным судом большинство обвиняемых были приговорены к отдаче на каторжные работы сроком от 4 до 8 лет, остальные отделались менее тяжкими наказаниями — тюрьмой и ссылкой [1]).

2 октября 1906 г. в Кронштадте был арестован весь состав боевой организации при Об'единенном Комитете Кронштадтской военной организации. Арест этой организации произошел при следующих обстоятельствах: «20 августа в Кронштадт прибыла группа боевиков. Она вошла в связь с местной военной организацией и выделила из себя «боевую дружину», во главе с Тубелевичем, задача которой состояла в первую очередь в убийстве коменданта крепости ген. Адлерберга и освобождении члена Гос. Думы Онипко и некоторых других арестованных. Об этом стало известно охранке, которая приняла чрезвычайные меры к ликвидации «боевой дружины». Вместе с тем была усилена охрана начальствующих лиц.

Так как слежка членов боевой организации за ген. Адлербергом не дала желательных результатов, было решено произвести покушение во время заседания военно-полевого суда, с тем, чтобы убить ген. Адлерберга и вместе с ним и весь состав суда. По плану, Тубелевич должен был вручить Ипатову, одному из членов боевой организации, солдату 1-го Кронштадтского пехотного батальона, специальный разрывной снаряд, который тот должен был передать одному из подсудимых, взявшемуся бросить этот снаряд во время заседания суда. Было условлено сначала произвести доставку снаряда в Кронштадт из Петербурга, где он был приготовлен, 29 сентября. Но в этот день почему-то не удалось этого сделать. Тогда было решено перенести это на 20 октября, день, когда должна была заступить в караул рота, в которой на-

[1]) Н. Ольшанский. «Кронштадтское восстание». «Красная Летопись», № 5, 1923 г., стр. 216.

ходился Ипатов. Все это было известно охранке путем внутренней агентуры, следившей за каждым шагом деятельности боевой дружины. Заблаговременно были приняты меры к аресту в тот же день членов боевой организации.

2 октября, в 9 часов 30 минут утра, из Петербурга в Кронштадт на пароходе приехали Тубелевич и слушательница высших женских курсов Анна Венедиктова, при чем у Венедиктовой был в руках какой-то тяжелый предмет, завернутый в белый платок. С пристани они отправились разными путями на Чеботареву улицу, в дом Тимофеева, к проживавшему там нелегальному Андрею Муромову, квартира которого служила для конспиративных заседаний членов организации. Через некоторое время вскоре туда же пришел канонир крепостной артиллерии Власов, которого послал вместо себя Ипатов, занятый в тот день по делам службы. Через 40 минут Власов вышел со свертком, привезенным с собою Венедиктовой, и был тут же задержан агентами охранного отделения, при чем в вынесенном им свертке оказался завернутый в бумагу снаряд и отдельно два запала. Вслед за ним вышли из квартиры с некоторыми промежутками Тубелевич, Венедиктова и Муромов. Первых двух агентам охранки удалось задержать, третий же, Муромов, оказав энергичное сопротивление, скрылся [1]).

В тот же день, вслед за этими арестами, охранкой было приступлено к ликвидации всей выслеженной заранее Кронштадтской военной организации и боевой дружины. Всего было арестовано 2 октября в Петербурге и Кронштадте 52 человека и по сношениям с этими лицами были обысканы, но не арестованы 36 человек [2]).

В результате был произведен полный разгром Кронштадтской военной организации, арестован Об'единенный Комитет ее, весь состав боевой организации и находившиеся при Об'единенном Комитете пропагандисты.

Из всей этой группы арестованных были выделены 5 человек: Тубелевич, Венедиктова, Мамаева, Власов и Ипатов, которые в срочном порядке были преданы военно-полевому суду, как активные члены боевой организации. Они обвинялись в непосредственном участии в приготовлениях к покушению на жизнь коменданта кронштадтской крепости ген. Адлерберга, председателя вр. военного суда в Кронштадте ген. Томашевича, членов этого суда и всего его состава.

Всех пятерых подсудимых военно-полевой суд приговорил к смертной казни, которая была приведена в исполнение 14 октября 1906 г. в Кронштадте, на форте № 6 [3]).

Упадок революционного движения в войсках. Разгром военных и боевых организаций в Кронштадте повлек за собой полное расстройство революционной работы среди войск кронштадтского гарнизона.

---

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 6, ч. 4.
[2]) Там же, № 2, ч. 4, стр. 178.
[3]) Н. Ольшанский. «Кронштадтское восстание». «Красная Летопись» № 5, 1923 г., стр. 207.

23 ноября начальник кронштадтского жандармского управления доносит, «что за... последнее время агитационной деятельностью в Кронштадте почти исключительно занимаются отдельные революционеры, прибывающие из Петербурга, что же касается местных организаций, то они настолько ослаблены, что активной деятельности почти не проявляют и серьезного влияния на развитие пропаганды среди кронштадтского гарнизона не имеют» [1]).

Ослабляется деятельность и военных организаций Петербурга.

Вследствие потерь в военной организации во время подавления свеаборгского восстания и отсутствия средств на работу (все средства уходили на отправку и содержание бежавших после восстания революционных солдат и матросов) приходит в упадок и деятельность Финляндской военной организации РСДРП. Последняя вынуждена была, в силу создавшихся условий, отказаться от прежних форм работы и центр тяжести перенести на печатную агитацию.

Вообще после июльского восстания и последовавшего во время подавления его и вслед за ним разгрома военных организаций революционная работа в войсках округа затихает, ограничиваясь первое время почти одной печатной агитацией.

Неудачное июльское военное восстание повлекло за собой упадок революционного настроения в солдатской массе, выразившись в пассивности, индиферентности и разочарованности. А это обстоятельство вместе с ослаблением революционной работы в войсках округа оказало свое заметное влияние на размеры и характер дальнейшего движения в них.

Движение в войсках округа быстро падает.

Одновременно царское правительство пускает в ход все средства материального и морального воздействия, чтобы вырвать армию — свою опору — из-под влияния революционных организаций, предпринимая ряд соответствующих «реформ» и развивая в войсках усиленную черносотенную агитацию.

---

[1]) Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 2, ч. 4, стр. 178.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Движение в войсках Петербургского военного округа характеризуется следующими моментами:

1. Движение в войсках ПВО шло и развивалось в тесной связи с общим революционным движением в стране и, в частности, в столице ее — Петербурге, являвшемся одним из центров политической борьбы. Все значительные события политического характера 1905—1906 гг. (события 9 января, октябрьская политическая забастовка, манифест 17 октября, деятельность Совета Рабочих Депутатов, Государственная Дума, разгон I Государственной Думы) имели сильное отражение на войсках ПВО, служа как бы этапами развития в них революционного сознания.

В то же время некоторые значительные акты брожения в войсках (кронштадтское восстание 1905 г., июльское военное восстание 1906 г. в крепостях Свеаборг и Кронштадт и во флоте) вызывали отклик — политические действия пролетариата, политические забастовки (Петербург, Гельсингфорс, Ревель и др.), совместная вооруженная борьба (красной гвардии Финляндии и боевых рабочих дружин в Кронштадте и Гельсингфорсе).

2. Развитию движения в войсках и политическому его оформлению способствует деятельность тогдашних революционных партий социал-демократов и социалистов-революционеров, которые создают с этой целью особые военно-революционные организации, охватившие своей деятельностью в той или иной степени все части войск Петербургского военного округа.

С укреплением военных организаций все акты волнений среди солдат, выражавшихся в форме пред'явления начальству требований, забастовок и, наконец, вооруженных выступлений, проходят под их непосредственным руководством. Военно-революционные организации используют каждый случай недовольства для проведения в массах солдат политических идей. В движение среди войск вносится элемент организованности и дисциплинированности.

Влияние военно-революционных организаций на организованность выступлений солдат наглядно видно из сравнения двух крупных военных восстаний: кронштадтского (1905 г.) и свеаборгского (1906 г.).

Кронштадтское восстание в октябре 1905 г. вспыхнуло стихийно, в условиях полного отсутствия предварительной подготовки к восстанию и полного отсутствия руководства, — получился бунт, закончившийся погромом.

Вооруженное выступление политически организованных свеаборгских артиллеристов и матросов в июле 1906 г. уже носило относительно организованный характер. Восставшие перед ожидавшейся бомбардировкой беспокоятся об эвакуации с островов, занятых ими, всех женщин и детей, а также всех лиц, не принадлежащих к составу строевых частей; не было случая грабежей и насилия. «Не лишено интереса, — пишет в своем показании портовый доктор Свеаборгского порта Мартенс,— что бунтовщики никого из вольнонаемных не заставили примкнуть к себе, до чужого имущества не дотрагивались и даже в открытые двери и окна не вламывались». Эти факты говорят о политической подготовленности и дисциплинированности восставших, руководимых членами военно-революционной организации.

Наиболее революционно-организованными среди войск округа были технические части: артиллеристы, саперы, минеры. Большой революционной активностью отличались матросы. Наиболее отсталой была пехота. Это обстоятельство находит свое об'яснение в порядке комплектования частей этих родов оружия. Технические войска, ввиду сложности службы в них, комплектовались, главным образом, из населения городов, из лиц, имеющих техническую подготовку: промышленных рабочих и ремесленников. Знакомые с революционным движением или сами принимавшие в нем участие, последние являлись застрельщиками революционного движения в армии. В пехоте преобладающее большинство состояло из темной, неграмотной крестьянской массы.

Матросы комплектовались в своем большинстве также из крестьян, но во флот при приемке из них отбирались наиболее развитые во всех отношениях (физическом и умственном). Условия же службы во флоте воспитывали в матросах самостоятельность, развивали в них находчивость, решительность и инициативу. Разница в комплектовании и умственном развитии солдат разных родов оружия находит свое яркое отражение на поведении солдат тех и других частей во время вооруженных восстаний, имевших место в округе. Поднимают восстания и ведут вооруженную борьбу артиллеристы, минеры, саперы и матросы. Солдаты пехоты, в силу своей неразвитости, сильно чувствующие на себе гипноз воинской дисциплины, во время восстаний проявляют нерешительность, колебание, но, в конце концов, легко подчиняются приказу начальства и «усмиряют» восставших.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Приказ по 24-й пехотной дивизии. 23 марта 1905 г. № 24 [1]).

Вследствие обнаружившегося количества пищи, выдаваемого на ужин нижним чинам полков дивизий, предлагаю во изменение приказа моего с. г. за № 10:

1. В скоромную гречневую и ячневую размазню вместо трех ведер воды на 100 человек вливать 3½ ведра.
2. В постную гречневую и ячневую размазню вливать 3½ ведра воды вместо трех вливаемых до настоящего времени на 100 чел.
3. В мятый картофель как постной, так и скоромной варки вливать 4 ведра воды и класть по 2 фунта ячневой крупы на 100 человек.
4. В солянку вливать 3½ ведра воды и 35 фунтов капусты.
5. В винегрет класть 1 пуд капусты на 100 человек.

Начальник дивизии генерал-лейтенант *Романенко.*
Начальник штаба полковник *Козлов.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

1 Секретное донесение начальника кронштадтского жандармского управления от 31 октября 1905 г., № 1232, с описанием кронштадтского октябрьского восстания.

В дополнение к донесению моему от 26 сего октября, за № 1221, и телеграмме от того же и 27 и 28 сего октября, доношу, что общая картина военного бунта представляется так: около 11 часов утра 2-я рота 2-го Кронштадтского крепостного батальона самовольно вышла из казарм и отправилась по флотским экипажам созывать матросов на общий военный митинг. Вскоре после этого масса крепостных артиллеристов и матросов собралась возле публичных домов и начала бить окна и жечь оконные занавеси и драпировки. В то же время крепостное начальство арестовало главных виновных упомянутой роты, в числе 52, и сажало их в поданный на станцию поезд для дальнейшей отправки на форт. Толпа матросов с криком «ура» бросилась к вагону с арестованными с целью их освободить. Боевая рота дала залп, при чем убит 1 и ранено 2 матроса.

Это обстоятельство послужило причиною для дальнейших беспорядков, и матросы бросились в экипажи за ружьями, чтобы с ними в руках итти для совершения погромов, избиения полиции, жандармов и офицерства, а также для того, чтобы заставить присоединиться к себе и крепостную артиллерию. О таковом намерении матросов мною тотчас же через моего помощника был поставлен в известность начальник штаба порта, но, несмотря на это, 7-й флот-

---

[1]) Из газеты «Новая Жизнь», № 5, 1905 г.

ский экипаж, овладев оружием и патронами, потребовал от своих соседей по казармам, 4-го флотского экипажа, присоединиться к ним.

Произошло колебание со стороны матросов 4-го флотского экипажа, и 7-й экипаж открыл по ним стрельбу, после чего часть 4-го флотского экипажа убежала, часть же присоединилась и вместе пошла далее по другим экипажам. Масса матросов осталась солидарна с бунтовщиками, и лишь 1-й, 11-й, 12-й, 16-й, 19-й и 20-й экипажи, за исключением единичных случаев, остались верными присяге и не присоединились к бунту, тем не менее начальствующие лица признали их ненадежными для действия оружием против бунтовщиков.

Вслед за этим сводная толпа вооруженных матросов бросилась в город, где к ней присоединилась часть вооруженных людей кронштадтской крепостной артиллерии, и вместе начали производить в полном смысле слова разграбление всего, что ими громилось.

Еще накануне, 25 сего октября, среди нижних чинов крепостной артиллерии заметно было брожение, и сборная команда разных частей гарнизона крепости, находившаяся на форте «Константин», во время обеда произвела беспорядок, разлив суп на пол и опрокинув котлы. По прибытии на место беспорядка коменданта крепости толпа артиллеристов кричала демонстративно «ура» и выделялись отдельные возгласы «убить его»; после увещевания комендантом нижние чины разошлись по казармам, и все требования их были удовлетворены, а на заявление их о дурной пище было назначено расследование.

По получении сведений от губернатора о бунте матросов комендант крепости вызвал по тревоге весь крепостной гарнизон, но во время усмирения мятежа большая часть нижних чинов 3-го и 5-го батальонов крепостной артиллерии отказалась итти против мятежников, часть же перешла на сторону последних.

Таким образом мятежные матросы и артиллеристы, соединившись, пошли по городу.

Одновременно с этим начались в разных местах города пожары, тушить которые было нечем, так как бунтовщики перерезали пожарные шланги. Подверглось разграблению и все вынесенное из горевших домов имущество.

При пожаре каменного дома Синебрюховой, где находились торговля купцов Филипповых, квартиры тех же купцов и заведывающего полицейским надзором порта (сыском) подполковника фон-Миниха и моего помощника по городу ротмистра Садовского (накануне случайно переехавшего на новую квартиру и успевшего перевезти большую часть своего имущества и канцелярии), матросы открыли по дому стрельбу, и пожарные даже не под'езжали. Разбиты и разграблены торговые заведения в большей части города; есть улицы, где не осталось целою ни одной лавки. На улицах Петербургской, Павловской, Соборной, Богоявленской и Песочной разграблено большинство частных квартир.

Посторонний элемент к местам погромов и разграблений бунтовщиками не допускался, и хулиганы пользовались лишь остатками. До поздней ночи перепившиеся матросы и солдаты производили стрельбу в воздух, а также против пехотных частей, открывших по ним огонь. Постороннюю публику, за исключением единичных случаев, бунтовщики не трогали.

Морские власти, за неимением в своих руках, как выразился начальник штаба порта, средств к усмирению бунта, бездействовали. Два сухопутных батальона и эскадрон драгун находились в распоряжении коменданта крепости и оказать помощь городу не имели возможности.

Весь город целые сутки находился во власти пьяных бунтовщиков; население было об'ято паникой.

Около часу дня стали постепенно прибывать в крепость петербургские войска, и тогда часть матросов, безусловно только от того, что убедилась воочию, что войска высадились, стала расходиться и прекращать погромы.

Потери за эти сутки выразились в 17 чел. убитыми и 82 чел. ранеными, при чем убито: нижних чинов флота — 6, крепостной артиллерии — 4, 2-го

Кронштадтского крепостного пехотного батальона — 2, неизвестной воинской части — 1, тюремный стражник — 1 и частных лиц — 4; ранено: матросов — 50, 1-го крепостного пехотного батальона — 3, 2-го крепостного пехотного батальона — 3, крепостной артиллерии — 5, Севастопольской минной роты — 1, пожарных — 2, вольных — 17 и подполковник артиллерии Бек.

Полковник *Котляр.*

Дело деп. пол., О. О., 1905 г., № 1877, ч. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Прокламация трудовиков и социал-демократической фракции Государственной Думы по поводу роспуска Думы.

Манифест к армии и флоту.

От трудовой группы и социал-демократической фракции Государственной Думы.

Солдаты и матросы! Правительство царским указом распустило Государственную Думу и собрало со всех сторон войска для того, чтобы силою оружия подавить народ. Народные представители были избраны вашими отцами и братьями для того, чтобы заявить царю про все народные обиды и добиться для народа *земли и воли.* Но царь не пожелал послушать избранников народа. Он послушал своих прежних советников, великих князей, министров, генералов и богатейших помещиков, которые не желают выпустить из рук свои имения, свои многотысячные оклады и безответственную власть. Вся Россия разделилась теперь на две стороны. На одной стороне — огромное большинство, все крестьянство и рабочие, все бедные и угнетенные, лучшие из ученых и образованных людей, сознательные солдаты, лучшие офицеры и все мученики, которые в тюрьмах, в том числе тысячи солдат и матросов. На другой стороне — кучка насильников: Трепов, Победоносцев, манчжурские генералы, которые убегали от японцев, но расстреливали Москву, Одессу, Читу, земские начальники, полиция, шпионы и вся черная сотня. Они рассчитывают на вашу силу для того, чтобы подавить весь русский народ. Будете ли вы стрелять в народ, проливать народную кровь, пробивать штыками народную грудь? Вспомните, вы, сыновья крестьян, дети русского народа: в это самое время в той деревне, откуда вы родом, собственные братья ваши, те, которые остались дома, тоже волнуются, требуют земли и воли, а правительство посылает туда других солдат для того, чтобы стрелять и избивать их. Зачем вы будете защищать правительство? Разве вам хорошо живется? Разве вы сами не угнетены? Вас угнетают хуже, чем всех других, отдают вас в рабскую службу денщиками к офицерам, истязают в штрафных батальонах за каждое смелое слово, ссылают в каторгу и расстреливают. Мы, народные представители, желали улучшить ваше положение, мы хотели издать законы о сокращении военной службы до двух лет, об отмене денщичьей службы, о назначении солдатам месячного денежного жалованья, о строгом запрещении всяких оскорблений солдат со стороны военных чинов, мы хотели улучшить участь солдат, как и вообще улучшить долю всего трудового народа. Чтобы помешать этому, правительство поспешило разогнать Государственную Думу.

Солдаты и матросы! Мы, законно избранные представители от крестьянства и рабочих, об'являем вам: без Государственной Думы *правительство незаконно,* приказы *его не имеют законной силы.*

Мы призываем вас: 1) Перестать повиноваться незаконному правительству и выступить против него вместе с нами и со всем обездоленным народом.

Вы присягали защищать отечество. Ваше отечество — это русские города и села и весь русский народ: *защищайте же его, стойте вместе с ним, за землю и волю.* 2) Всякий, кто будет стрелять в народ, есть преступник, изменник и враг народа. Тем, кто будет стрелять в народ, мы об'являем от лица их братьев и отцов, что им не будет возврата в родные селения и что над их именами будет тяготеть вечное проклятие народа. 3) Правительство вступило в переговоры с австрийским и германским императорами; немецкие войска готовы будут вторгнуться в нашу страну защищать опостылевшее народу правительство силою чужеземного оружия. За такие переговоры мы об'являем правительство, как виновное в государственной измене, вне закона.

Солдаты и матросы! Ваша священная обязанность освободить русский народ от изменнического правительства и защищать Государственную Думу. Всякий, кто положит свою голову в этой священной войне, покроет себя неувядаемой славой, и русский народ благословит его имя. *В этой борьбе избранники народные будут вместе с вами.* Смело же за родину, за народ, за землю и волю против преступного правительства!

Соединенный Комитет трудовой группы и социал-демократической фракции Государственной Думы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Прокламация к войскам от «группы сознательных солдат» по поводу роспуска Думы.

К о л д а т а м.

Граждане-солдаты.

Правительство разогнало лучших, доверием народа облеченных людей, избранных народом в Государственную Думу.

Правительство говорит, что разогнало Думу за то, что «избранники народа расследовали действия местных властей и указывали на несовершенства основных законов».

Да, граждане-солдаты. Они это делали. Они должны были это делать, этого требовал от них пославший их русский народ. Пока не было Думы, на все обиды, на все злодейства, чинимые властями, некому было жаловаться. Ведь вы знаете, — всякий знает, — что бывает с теми, кто на одних властей жалуется другим. Но стоном-стонала от их действия вся русская земля. И как только собралась Дума, к ней со всех сторон понеслись эти стоны. Ей со всех сторон, из всех углов России, из городов и деревень кричали: вот что делают местные власти, вот какие беззакония терпим, вот что нам надо. Народные представители действительно «расследовали» все это. Они спрашивали министров: знаете ли вы, что делают местные власти, что вы намерены предпринимать, чтобы прекратить эти беззакония? Министры отвечали, что местные власти «по закону» делают все, что хотят, во всех тех местах, где существует военное положение, где об'явлена охрана, усиленная или чрезвычайная, — а она об'явлена чуть ли не по всей России; что «по закону» чуть не по всей России каждый генерал-губернатор может нарушать все законы. И народные представители, действительно, «указывали», что никуда не годятся эти беззаконные законы, что должны быть отменены все те, которые не дают возможности народным представителям помочь народу.

Но прежде всего и больше всего провинилась Дума перед правительством и всеми окружающими его крупными помещиками, перед чиновниками, распоряжающимися казенными и удельными землями и перед высшим духовенством тем, что вместе со всем крестьянством признала, что крестьянам нужна земля, и начала вырабатывать закон, передающий народу необ-

ходимую ему землю. «Пахарь русский, — говорит та же правительственная бумага, — без ущерба чужому владению получит способ расширить свое землевладение». Но знает пахарь, знает и само правительство, что все это — неправда, что вся земля в России за кем-нибудь да числится, и что нельзя дать крестьянам земли, не взявши ее из «чужого владения».

Вот за то, что Дума требовала того, чего требует избравший ее народ, она разогнана. Колебалось правительство, раньше чем решиться на это последнее злодеяние. Оно слышало, что есть недовольство среди солдат, но военный министр Редигер его успокоил. Войско перестреляет всех, кто не может молчать, кто ответит возмущением на замышляемое злодейство. Солдат нетрудно удовлетворить, — говорит высшее начальство. Карательные отряды будут сыты и пьяны, чего им еще! У солдат, по их мнению, нет ни души ни сердца, есть одна только утроба.

Теперь одно только войско стоит на дороге народа к лучшему будущему; только войско и осталось у горсти насильников, которые решили издеваться над народом, пока есть солдаты, согласные его расстреливать. Народ успокоиться не может, пока власть не перейдет к народным представителям, как не могут прекратиться начавшиеся роды, пока не родится ребенок или не будет убита рожающая его мать. Прекратить кровопролитие может только войско.

Граждане-солдаты. Весь народ в праве от вас требовать, чтобы вы заявили начальству, что не пойдете против тех, кто встанет на защиту Думы, что не станете отстаивать совершенного над нею беззакония. Заранее сговорившись целыми полками, вы можете это сделать без опасности для себя. И Каинами будут те солдаты, которые теперь захотят проливать кровь народа. Отказаться проливать ее — это наименьшее, что должны сделать солдаты. Но с любовью из рода в род будут передаваться имена тех солдат, которые сделают больше и, первыми перейдя на сторону народа, сами потребуют восстановления Думы, снабженной властью исполнить народные требования.

Группа сознательных солдат.

Товарищи, всеми силами распространяйте это воззвание в войсках.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Обвинительный акт по делу о свеаборгском восстании в июле 1906 г.

Обвинительный акт

по делу о чинах свеаборгской крепостной артиллерии, подпоручиках: Аркадии Петровиче Емельянове, Евгении Львовиче Коханском, нестроевом старшего разряда Терентии Яковлевиче Детинич, фейерверкерах: Василье Евсеевиче Тиханове, Макаре Ивановиче Иванове, Петре Герасимовиче Герасимове, Василье Ефимовиче Виноградове и рядовом Свеаборгского крепостного пехотного полка Николае Матвеевиче Воробьеве.

17 июля с. г. во 2-й, 3-й, 4-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й ротах, нестроевой роте, командах учебной, рабочей, лабораторской и специальной свеаборгской крепостной артиллерии вспыхнуло явное восстание. Восставшие части захватили входящие в район Свеаборгской крепости острова Лагерный, Артиллерийский, Александровский и Михайловский, открыли огонь из орудий, пулеметов и ружей по Комендантскому острову с тем, чтобы завладеть всею крепостью, и держались на этих островах до утра 20 июля, когда были оттуда выбиты артиллерийским огнем с пришедших для подавления восстания броненосцев «Цесаревич», «Слава» и крейсера «Богатырь», и сдались.

На произведенном засим предварительном следствии из показаний допрошенных в качестве свидетелей командира артиллерии ген.-м. Агеева, офицеров: Баранова, Зайцева, Широченко, Громова, Никитина, Лаврова, Морозова, Селезнева, Данилова, Цымбан, Александрова, капитанов: Власова и Никифорова, подполковника Глушкова и рядового Чекалаева выяснилось, что к восстанию нижних чинов свеаборгской крепостной артиллерии подготовили той же артиллерии штабс-капитан Цион, бежавший и до сего времени не разысканный, и подпоручики: Емельянов и Коханский, действуя в качестве агентов революционной организации, целью которой было захватить все крепости при помощи возмутившихся гарнизонов, а в приморских крепостях — и при участии флота, с тем, чтобы заставить тогда правительство исполнить требование «земли и воли» социал-демократов и социал-революционеров, известных среди нижних чинов более под названием «трудовой партии». С целью подготовить к восстанию нижних чинов, подпоручики Емельянов и Коханский приглашали их к себе на квартиры, беседовали с ними и раздавали им запрещенные брошюры и прокламации. Когда же таким образом подготовленное ими восстание вспыхнуло, то они, при участии ближайших своих сообщников и помощников, нестроевого старшего разряда Детинича, фейерверкеров Тиханова, Макара Иванова, Герасимова, Виноградова и рядового Воробьева, руководили действиями восставших. Под угрозою смерти заставляли присоединяться к восставшим тех нижних чинов, которые не хотели принимать участия в восстании. Офицеров же, в том числе и командира артиллерии, генерал-майора Агеева, а также и фельдфебелей, чтобы они не препятствовали восстанию, арестовали; полковника же Натара застрелили, как наиболее опасного для них. Затем взяли пулеметы, орудия, взломав двери в пороховые погреба, достали оттуда патроны, заряды и снаряды и под своим руководством открыли огонь по Комендантскому острову. Наконец, 19 июля, когда прибыл флот для подавления восстания, подпоручик Коханский с несколькими нижними чинами отправился на казенном пароходе «Выстрел» на броненосец «Цесаревич», чтобы возмутить и привлечь на свою сторону матросов, но был арестован мичманом Петуховым, а в своем намерении возмутить матросов признался тогда же лейтенанту Тимерову.

Привлеченные к уголовной ответственности подпоручик Емельянов признал себя виновным как в подготовлении к восстанию нижних чинов артиллерии, так и в руководстве ими во время восстания, а подпоручик Коханский признал себя виновным только в участии в восстании, нижние же чины Детинич, Тиханов, Иванов, Герасимов, Виноградов и Воробьев не признали себя виновными и в свое оправдание заявили, что они никакого участия в восстании не принимали, хотя Герасимов и не отрицает того, что во время стрельбы по Комендантскому острову находился на 8-й батарее, с которой обстреливали этот остров.

На основании изложенного обвиняются подпоручики Емельянов и Коханский, нестроевой старшего разряда Терентий Детинич, фейерверкеры: Василий Тиханов, Макар Иванов, Петр Герасимов, Василий Виноградов и Николай Воробьев в том, что по предварительному между собою соглашению они, с целью завладеть Свеаборгскою крепостью, чтобы заставить правительство исполнить требование трудовой партии о «земле и воле», склонили нижних чинов свеаборгской крепостной артиллерии к явному восстанию и, когда таковое вспыхнуло 17 июля сего года во 2-й, 3-й, 4-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й и нестроевой ротах означенной артиллерии, приняли на себя руководство восставшими частями, захватили с перечисленными ротами входящие в состав названной крепости острова Лагерный, Артиллерийский, Александровский и Михайловский, арестовали командира артиллерии генерал-майора Агеева и других офицеров, препятствовавших восстанию, а полковника Натара, как более опасного для них, убили, затем с означенною выше целью открыли по Комендантскому острову с названных островов огонь из ружей, пулеметов и орудий и обстреливали таковой по 20 июля, когда, будучи подавлены артиллерийским огнем с пришедших для усмирения их военных

судов, принуждены были сдаться, что предусмотрено 110 ст. XXII кн. св. воен. пост., 1869 г., изд. 3, за каковое деяние они преданы командиром 22-го армейского корпуса военно-окружному суду с тем, чтобы к вине их было применено, согласно 91 ст. той же книги, наказание, указанное в лит. Б. 110 ст. для военного времени.

Обвинительный акт составлен в креп. Свеаборге, июля 26 дня 1906 года.

И. об. военного прокурора во временно-военном суде
полковник *Адрианов.*

Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 6, ч. 3, л. А, стр. 32.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Обвинительный акт по делу о свеаборгском восстании в июле 1906 г.

Обвинительный акт

по делу о штабс-капитане свеаборгской крепостной артиллерии Викторе Николаевиче Кузьмине, служителе гельсингфорсского местного лазарета Николае Козлове, киевском мещанине Владимире Тимошенко, крестьянах Тверской г.: Иване Ананьевиче Копылове, Николае Михайловиче Яковлеве и других.

17 июля сего года во 2-й, 3-й, 4-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й и нестроевой ротах свеаборгской крепостной артиллерии вспыхнуло явное восстание; восставшие части захватили входящие в район Свеаборгской крепости острова Лагерный, Михайловский, Александровский и Артиллерийский, открыли огонь из орудий, пулеметов и ружей по Комендантскому острову с тем, чтобы завладеть всею крепостью, и держались на этих островах до утра 20 июля, когда принуждены были сдаться вследствие того, что были выбиты с названных островов артиллерийским огнем с пришедших для подавления восстания броненосцев «Цесаревич», «Слава» и крейсера «Богатырь».

Из показаний допрошенных в качестве свидетелей командира артиллерии ген.-майора Агеева, офицеров Николаева, Глушановского и других лиц, перечисленных в прилагаемом при сем списке свидетелей, выяснилось, что к восстанию нижних чинов свеаборгской крепостной артиллерии подготовляли той же артиллерии шт.-кап. Цион, бежавший и до сего времени не разысканный, подпоручики: Емельянов и Коханский, казненные по приговору суда, шт.-кап. Кузьмин, служитель гельсингфорсского местного лазарета Козлов, мещанин Тимошенко, крестьяне Копылов и Яковлев, действуя в качестве агентов революционной организации, целью которой было захватить все крепости при помощи возмутившихся гарнизонов, а в приморских крепостях — и при участии флота, с тем, чтобы заставить тогда правительство исполнить требования о «земле и воле» социал-демократов и социал-революционеров, известных среди нижних чинов более под названием «трудовой партии». С целью подготовить к восстанию нижних чинов, названные лица вели с ними беседы на соответствующие темы, раздавали им запрещенные брошюры и прокламации, при чем последние доставлялись в крепость и раздавались нижними чинами Березовским, Белицким, Степаном Романенко и Зубаревым. Когда же подготовленное таким образом восстание вспыхнуло, то они, при участии ближайших своих сообщников и помощников, перечисленных ниже в первом пункте сего обвинительного акта, руководили действиями восставших, продолжая таковую свою деятельность и после об'явления крепости на осадном положении. Под угрозою смерти заставляли присоединяться к восставшим тех нижних чинов, которые не хотели принимать участие в восстании. Офицеров же, в том числе и командира артиллерии ген.-майора Агеева, а также и фельдфебелей арестовали, чтобы они не пре-

пятствовали восстанию. Затем взяли пулеметы, орудия, взломали двери в пороховые погреба, достали оттуда патроны, заряды и снаряды и под своим руководством открыли и продолжали до 20 июля огонь по Комендантскому острову, против воинских команд, принимавших участие в подавлении восстания, при чем таковым их огнем были убиты полковник Натара, подпоручик Исаков и в усмирявшем мятеж Свеаборгском крепостном полку рядовые Викторов, Амакин и Норов и, кроме того, одиннадцать чинов этого полка были ранены.

С началом восстания комендант об'явил крепость в осадном положении, таковое распоряжение было сообщено всем частям крепости в ночь на 18 июля, расклеено на видных местах крепости и даже сообщено тогда же мятежникам.

Нижепоименованные обвиняемые не признали себя виновными и отрицали всякое участие свое в описанном восстании (следует перечень фамилий), в том, что по подговору и под руководством поименованных в предыдущем пункте лиц, с целью завладеть Свеаборгской крепостью, чтобы заставить правительство исполнить требование трудовой партии о «земле и воле», захватили 17 июля сего года входящие в район названной крепости острова Лагерный, Михайловский, Александровский и Артиллерийский, арестовали командира артиллерии ген.-майора Агеева и других офицеров, препятствовавших восстанию, затем с означенною выше целью открыли с названных островов по Комендантскому острову против чинов, принимавших участие в подавлении восстания, огонь из ружей, пулеметов и орудий и продолжали таковой огонь после об'явления 18 того же июля крепости в осадном положении, при чем открытым ими огнем убили названной артиллерии полковника Натара, подпоручика Исакова и в принимавшем участие в усмирении восстания Свеаборгском креп. пех. полку рядовых: Викторова, Амахина и Норова и, кроме того, ранили 11 нижних чинов и таким образом обстреливали Комендантский остров по 20 июля, когда, будучи подавлены артиллерийским огнем с пришедших для усмирения их военных судов, принуждены были сдаться, что предусмотрено лит. Б. 110 ст. XXII кн. св. в. п. 1869 г., изд. 3.

За такое деяние все поименованные лица преданы командиром 22-го армейского корпуса военно-окружному суду, на основании 1334 ст. военн. суд. уст.

Обвинительный акт составлен в крепости Свеаборге августа 9 дня 1906 года.

И. о. военн. прокурора при врем. военн. суде
полковник *Адрианов.*

Дело деп. пол., О. О., 1906 г., № 6, ч. 3, л. А, стр. 54.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

Показания офицера по делу о свеаборгском восстании в июле 1906 г.

Выписка из докладной записки мичмана 12-го флотского ее величества королевы эллинов экипажа Ивана Билибина.

Все нижние чины почти без исключения, как я слыхал, показали, что, будто бы, их выгоняли насильно, и они старались всеми силами скрыться и не принимать участия в бунте. Таким образом, по их показаниям, выходит, что 10—15 человек заставили силой бунтовать 300, старавшихся всеми силами участия в бунте не принимать. Конечно, это явление трудно признать нормальным.

Кондуктор Назаров, Першин и фельдфебель Черников заявили, что это показание совершенно несправедливо, что при первом сигнале горниста

огромное большинство нижних чинов с радостью выбежали на двор, с видимым удовольствием разбирали винтовки и стреляли, каждый усиленно стараясь сделать что-либо полезное для бунта.

Скорый же их упадок духа и старание скрыться явились исключительно благодаря сознанию неудавшегося бунта и боязни ответственности...

Мичман *Ив. Билибин.*

Дело канцелярии военного прокурора петербургского военно-окружного суда. Дознание по делу о матросах Свеаборгской флотской роты Иване Клименко и других. 1906 г., № 292 и 289, арх. № к № 58, 1911 г. (2-е отделение юридической секции ЕГАФ).

ПРИЛОЖЕНИЕ 8.

Обвинительный акт по делу о свеаборгском восстании в июле 1906 г.

Обвинительный акт

по делу о нижних чинах Свеаборгской минной роты, унтер-офицерах: Георгии Михайлове, Иосифе Шамшине, Иване Щербине, рядовых: Алексее Кожине, Игнатии Черноусове и других.

Его императорское высочество инспектор инженеров, усмотрев из доклада генерал-лейтенанта Свищевского, смотревшего Свеаборгскую минную роту, что в этой роте ежедневно во время лагерного сбора выдаются на руки нижним чинам деньги, предназначенные на винные порции, тогда как в других минных ротах деньги эти идут на улучшение пищи, приказом от 26 апреля сего года, за № 8, приказал употреблять указанные деньги и в названной роте, на одинаковом основании с прочими ротами, на улучшение пищи нижним чинам. По об'явлении такового приказания в приказе по роте от 12 июля сего года, за № 193, нижние чины заявили 16 того же июля свое требование, чтобы попрежнему выдавались эти деньги им на руки, а когда им в этом было отказано, то они 17 июля отказались выходить на занятия до удовлетворения их требования.

На произведенном по сему поводу дознании из показаний командира роты, подполк. Неронова, старшего офицера капит. Ильина, младших офицеров шт.-кап. Орешко, подпоруч. Михневича, Новикова, подпоручиков Иванова и Шестакова выяснилось, что 16 июля с. г. после вечерней поверки люди окружили подпор. Иванова и просили доложить командиру роты, подполк. Неронову, что они желают выяснить недоразумение о винных деньгах. Командир роты приказал собраться у него в саду перед бараком взводным и отделенным начальникам, которым в присутствии офицеров роты раз'яснил, что распоряжение о винных деньгах сделано вследствие приказа его императорского высочества инспектора инженеров, и что поэтому не в его власти отменить это распоряжение, и что ему нужно подчиниться. Несмотря на раз'яснение подполковника Неронова, взводные и отделенные настаивали на том, чтобы им попрежнему выдавались на руки винные деньги; в особенности настойчивы были в своих требованиях унтер-офицеры Шишков, Сергей Федоров и Кожин, который к тому же заявил, что «в настоящее время стало тяжело служить в роте, очень притесняют за всякие пустяки и каждый день человека 3—4 стоят под ранцем». В то время пока командир роты разговаривал с отделенными и взводными, остальные люди собрались на площадке перед самыми бараками, где шумели, кричали и, наконец, с криками «взводные назад, взводные сюда» хлынули к саду подполковника Неронова. Командир роты отпустил взводных и отделенных к роте, но и сам в сопровождении офи-

церов пошел к роте на площадку. Он прочитал перед ротой приказ о винных деньгах и повторил свои доводы. Для дальнейших об'яснений с ним от роты был выбран рядовой Прозоров. Но все доводы подполковника Неронова встречались шумом и криками недоверия, а в ответ на его пояснение, что он не может изменить приказ, подписанный великим князем, раздались крики, сопровождаемые площадною бранью: «неправда, сам подписал, вовсе это не приказ великого князя». Во время об'яснений подполковника Неронова многими выражалось неудовольствие против него и открыто обвиняли его в лишении их винных денег, ссылаясь на слова прежнего ротного командира, который, будто бы, сказал, что с его уходом они больше винных денег получать не будут, потому что новый ротный командир выдавать их не будет. При этом унтер-офицер Шишков, рядовые Василий Тихонов, Наздрин и Медведев с особенной настойчивостью доказывали, что они лишены винных денег только по произволу подполковника Неронова. Ефрейтор же Черноусов, рядовые Соловьев и Скипидаров больше других шумели и наиболее дерзко держали себя в отношении командира роты. На шум к минной роте подошел начальник Лагерного острова, на котором стояла минная рота, командир Свеаборгского крепостного пехотного полка полковник Раевский. Он поздоровался с людьми, и те ответили ему на приветствие. Когда же полковник Раевский спросил: «в чем дело?», то нижние чины минной роты стали кричать: «убирайся вон, пошел к чорту, зачем пришел, у нас есть свое начальство, мы хотим говорить со своим начальством», и в то же время из толпы минеров раздавалась площадная брань. Затем раздались голоса: «мы не желаем с тобой разговаривать, расходись по баракам». Полковник Раевский на эти дерзости крикнул, чтобы минеры не шумели, так как он сумеет привести их к порядку. Минеры, как бы в ответ полковнику Раевскому, с криками: «бери ружья, разбирай винтовки», разбежались по баракам. По словам подпор. Шестакова, в числе подбивавших взять винтовки он узнал по голосу рядового Соловьева, который, подстрекая нижних чинов взять винтовки, кричал: «что же, и дома не лучше, — отцов и братьев убивают; что же здесь бояться, — один конец». После этого полковник Раевский ушел, а минеры снова стали собираться на площадке перед бараками. Вскоре за сим приехал комендант крепости, генерал-майор Лайминг, поздоровался с людьми и сказал: «Бунтуете, братцы?»—«Никак нет, мы только просим о винных деньгах, просим теперь вас разобрать это дело», — ответили минеры. Комендант сказал им, что теперь разбирать не будет, потому что они незаконным образом заявляют свою просьбу. На это унтер-офицер Федоров возразил: «Ну, жалобу-то как ни пиши по уставчикам, все равно ты же виноват будешь, и тебя же вздуют». Не желая слушать об'яснений, командир приказал разойтись. Но на это приказание последовал отказ с угрозами: «Не разойдемся». «Разойдись, ребятушки», — повторил комендант. «Не разойдемся», — ответила минная рота. «Я вас заставлю, ребятушки, разойтись», — повторил генерал Лайминг. «Не заставите», — послышались голоса из толпы минеров. «Ребятушки, со мной пехота, стрелять будет», — снова сказал комендант. Минеры опять ответили отказом, а рядовой Соловьев, как удостоверяет подпор. Шестаков, кроме того, прибавил: «Мы не боимся пехоты; плохой солдат, который боится смерти». За это генерал Лайминг похвалил его и затем согласился выслушать минеров, предложив выйти кому-нибудь одному. На это предложение вышел ефрейтор Черноусов и сказал: «Говорить нельзя, ваше превосходительство, потому что зашлете». — «За правду не зашлю, а за ложь зашлю», — возразил комендант. Непосредственно за сим послышались разные жалобы на тягость службы, на то, что больше правды не стало, и т. п. Разговаривая с комендантом, рота держала себя весьма непочтительно, дерзко и вызывающе. Так, например, на замечание генерала Лайминга, что в его присутствии курят, ефрейтор Черноусов возразил: «Здесь не строй, а толпа, потому курить можно». Рядовой же Лытиков (срока службы 1906 г.), желая охарактеризовать тягость службы, позволил себе иронизировать: «Только и есть свободного времени, когда стоишь под ранцем». Затем по поводу раз'яснений коменданта, каким путем надлежит приносить жалобы,

тот же Черноусов заметил: «Больше ждать нельзя, терпение может лопнуть». На замечание же коменданта: «Не может» Черноусов возразил: «Лопнуло». Все эти разговоры не приводили к желательным результатам, а вызывали угрожающие крики и раздражение со стороны роты. Наконец, комендант, видя, что рота не перестает шуметь, стал говорить на тему, что он сам — старый солдат и их понимает, и закончил свои слова шуткой: «Я тоже, ребятушки, не пальцем делан». Это хотя и вызвало смех, сопровождавшийся бесцеремонными остротами, но рота стала успокаиваться, и наступил момент, когда рота замолкла. Комендант воспользовался этим и спросил: «Что же вы, ребятушки, стоите?». «Да ведь вы, ваше превосходительство, нас задерживаете», — ответили минеры. Комендант, сказав шутя: «Опять я же виноват», пожелал роте спокойной ночи и ушел, а рота разошлась по баракам, сопровождая коменданта криками: «Мы-то пойдем, а вот пехоту прикажите убрать, не то застоится».

17 июля поутру рота отказалась выйти на занятия и заявила, что не будет и впредь выходить, пока не исполнят требования ее о винных порциях. По докладу об этом коменданту крепости он, прибыв на Лагерный остров, приказал двум пехотным ротам отобрать от минеров винтовки и, когда рота была разоружена, разжаловал унтер-офицеров и ефрейторов, приказал прекратить специальные занятия, а заниматься с нижними чинами строевыми учениями и воинскими уставами.

Помимо офицеров, вышеизложенное подтверждается также показаниями нижних чинов: унтер-офицера Петра Петрова, рядовых: Пареевского, Давида Савинкова, Алексея Петрова, которые к тому же указали, что руководителями беспорядков были Черноусов, Соловьев, Скипидаров, Николаевский, Прозоров и Казанцев.

После обезоружения роты 17 числа весь день прошел в порядке. В ночь на 18 июля в крепости вспыхнуло явное восстание, в котором минная рота участия не принимала, как удостоверяют вышепоименованные офицеры: 18 числа в роте производились строевые и словесные занятия; 19 июля рота перевозила на своих катерах пехоту с острова Дагерэ на Лагерный остров, а 20 июля после подавления мятежа перевозила пехоту с Лагерного на Михайловский и Александровский острова. Тем не менее в роте было заметно какое-то брожение, возбужденное состояние нижних чинов и отсутствие должной дисциплины. Так, по словам поручика Новикова, 18 числа во время строевых занятий, когда он разрешил стоять вольно, кто-то крикнул: «Курить хотим, мы не каторжные». Когда же свидетель приказал отыскать кричавшего, то рядовые Черноусов и Николаевский крикнули: «Все кричали». Затем, по словам поручиков Новикова и Михневича, 19 июля, когда около Выборгского камня показался дым, то в роте между нижними чинами слышался шопот: «Флот пришел, «Слава» пришла». Тогда же к капитану Ильину обратился рядовой Шаханов с просьбой выдать ему его 100 марок, мотивируя свою просьбу тем, что им, быть может, придется ехать в Петербург. На вопрос же капитана Ильина, откуда он это взял, Шаханов замялся и ничего не мог ответить. Наконец, 18 числа вдруг вся рота стала переодеваться по собственному произволу во фланелевые рубашки морского покроя с красными воротниками.

Описанное состояние роты давало основание предположить, что требование винных денег и отказ выходить на занятия был только поводом при наличности более серьезных причин брожения, вследствие чего на дознании было обращено внимание на раскрытие этих причин. И при дальнейшем производстве дознания удалось выяснить, что рота согласилась принять участие с крепостной артиллерией и поддержать ее в явном восстании, имевшем целью завладеть Свеаборгом, чтобы заставить правительство исполнить требование трудовой партии о «земле и воле».

16 июля унтер-офицер Алексей Иванов доложил сперва поручику Новикову, а затем и старшему офицеру капитану Ильину, что в роте неспокойно, что нижние чины роты бывают на митингах, которые собираются на острове около стрельбищ. Митинги собираются многолюдные, принимают участие

в митингах исключительно минеры, артиллеристы и телеграфисты. Такой митинг предполагается в ночь на 17 июля. На митинге 15 июля участвовали в числе других рядовые Алексей Алексеев и Воронцов, которые вернулись с митинга в 2 часа ночи и сообщили ему, Иванову, что на митинге читали письма и воззвания от Балтийского флота и что предполагается в недалеком будущем большое кровопролитие. На этом митинге был выработан план взятия Свеаборга при участии флота, затем Кронштадта и, наконец, Петербурга. На вопрос капитана Ильина, почему другие взводные ничего об этом не докладывают ему, Иванов ответил, что взводные также участвуют в митингах, как, например, Бурыгин, который совместно с бежавшим 18 июля рядовым Кречмаром приносили в роту прокламации, читали их людям и потом сжигали.

Унтер-офицер Алексей Иванов, подтверждая сделанную на него ссылку, добавил, что в план бунта входил захват названных крепостей с последующим движением на Петербург с целью захватить правительство, чтобы добиться исполнения требования трудовой партии о «земле и воле».

Далее поручики Михневич и Новиков показали, что их общий вестовой, рядовой Терпугов, доложил им 16 числа вечером, что рота требует, чтобы все вестовые оставили офицеров и ушли от них, и что рота намерена обезоружить офицеров. Рядовой Терпугов, а также вестовые Федор Климов и Михаил Васильев действительно удостоверили, что в роте были разговоры о бунте, о флоте, о захвате Свеаборга, но подробностей они не знают, так как рота на них смотрела как на доносчиков, грозила их убить, и потому они избегали часто ходить в роту. В роте спрашивали у них, есть ли у гг. офицеров оружие, какое и где хранится.

Затем вольнонаемный шкипер с транспорта Иоган Рингваль показал, что 16 июля, около 12 часов ночи, его разбудил машинист Шеблум и сказал: «Ну, теперь дело готово, солдаты взбунтовались». На другой день поутру вдруг вся команда, за исключением кочегара, села на шлюпку и уехала. На спрос свидетеля: «что вы делаете?» они ему ответили, что они не будут больше работать, а будут валяться где-нибудь в лесу. На замечание же свидетеля: «если вы вчера были пьяны, то сегодня вы трезвы и, вероятно, понимаете, что делаете», унтер-офицер Щербина ответил: «да, вчера мы были пьяны, а сегодня трезвы, и вы увидите, что будет». В тот же день около 10 часов утра к транспорту на лодке подошел подпоруч. Шестаков; оставив на транспорте солдата, подпоручик возвратился на берег. Свидетель, заметив, что и подпоручик Шестаков и этот солдат, которого он не помнит по фамилии, были сильно взволнованы, спросил солдата, отчего они взволнованы, и солдат об'яснил, что весь гарнизон крепости против офицеров, что вечером начнется ружейная стрельба с Лагерного острова и орудийная с Михайловского, и тогда произойдет всеобщее восстание в крепости. К вечеру команда вернулась с берега. Свидетель обратил внимание на их печальные лица и сказал унтер-офицеру Шамшину: «Какие глупости вы делаете», на что Шамшин ответил: «Что же мы могли сделать, когда пришли две роты пехоты и отобрали винтовки, а на наш вопрос, будут ли они в нас стрелять, ответили, что будут, если прикажут».

Другой вольнонаемный шкипер с парохода «Успех» Коллин показал, что в субботу 15 июля, проходя через лагерь минеров, он видел, как они бежали на стрельбище, и слыхал, как они гнали туда друг друга, говоря: «чего ты не идешь, нас ждут артиллеристы», но свидетель не может только указать этих лиц. От команды с парохода он узнал о предстоящем бунте. В понедельник 17 июля ему команда сказала, что сигнал к бунту будет подан с Михайловского острова, и затем требовала от него развести пары, потому что вся рота собирается ехать на Михайловский остров.

Наконец, из показаний капитана Ильина, подпор. Шестакова и унтер-офицера Алексея Иванова выяснилось, что еще 16 июля, вечером, капитан Ильин приказал отвезти все патроны в склад, вследствие волнения в роте. Во исполнение этого приказания подпор. Шестаков сложил все патроны на бензинку и приказал старшему на пароходе «Успех», унтер-офицеру Геор-

гию Михайлову, взять бензинку на буксир, но Михайлов отказался исполнить это приказание, говоря, что с бензинкой он может итти, но только патроны воспрещено ему везти ротою под страхом смерти. Точно так же отказались итти на бензинке с патронами Николай Барыгин и Владимир Савин. О случившемся доложили капитану Ильину, и тот приказал потопить патроны в море. Когда бензинка с подпор. Шестаковым и унтер-офиц. Алексеем Ивановым тронулась с патронами, чтобы отвезти их в море, то с берега раздались крики с угрозами убить их.

Выше было сказано, что 18 числа минеры вдруг все переоделись во фланельки. Свидетель подпоруч. Шестаков это переодевание об'ясняет тем, что во фланельках их могли отличить мятежники от пехоты даже издали.

После обезоружения минеров на Лагерном острове были оставлены две роты пехоты для наблюдения за ними. 19 июля утром командир минной роты, по распоряжению полковника Раевского, чтобы выяснить, поскольку возможно привлечь минеров к охране острова от мятежников и тем освободить пехоту от наблюдения за ними, об'яснил им, при каких условиях им может быть возвращено оружие, и предложил им, не желают ли они получить оружие и остаться охранять от мятежников Лагерный остров или безоружными перейти на остров Дагерэ. Минеры избрали последнее, но, однако, на остров Дагерэ они не были перевезены, потому что на этом острове было бы труднее за ними наблюдать. Тем не менее они 19 же июля, как выше упоминалось, были привлечены к перевозке пехоты с острова Дагерэ на Лагерный остров.

Из приложенного к делу рапорта полковника Раевского видно, что во время разговора коменданта крепости с минерами, среди них в задних рядах совещались о том, чтобы задержать генерала Лайминга и разобрать оружие. Слышал этот разговор жандармский унтер-офицер Юрчик.

17 июля, вечером, в 8-ю роту крепостной артиллерии, расположенную на том же Михайловском острове, как утверждают фельдфебель Широченко, фейерверкер Дмитриев и бомбардир Шестов, приходили два минера, из коих одного Широченко хорошо помнит в лицо и по пред'явлении мог бы узнать. А так как дознанием было установлено, что в артиллерию в указанное время ходил нестроевой Шаханов, то он и был пред'явлен Широченко, и последний в нем признал того минера, который был у них в роте. По словам Шестова, эти два минера обратились к нему с вопросом: «Что у вас тут делается?». В это время к ним подошел, позже расстрелянный по суду, Макар Иванов и, обратившись к минерам, сказал про Шестова, что этот бомбардир ничего не знает, его нечего спрашивать. Оба эти минера разговаривали еще в тот же вечер и с осужденным каноиром 8-й роты Федором Филипповым.

Нижепоименованные обвиняемые, не признав себя виновными, в свое оправдание заявили, что у них никакого соглашения на участие в явном восстании не было ни между собою ни с артиллеристами.

На основании изложенного нижние чины Свеаборгской минной роты (следует перечень фамилий) обвиняются в том, что с намерением завладеть крепостью Свеаборг, чтобы заставить правительство исполнить требование трудовой партии о «земле и воле», согласились на митингах, собиравшихся 15—16 июля сего года на Лагерном острове, принять участие с крепостной артиллерией в явном восстании, которое предполагалось начать в ночь на 18 июля на входящих в район крепости островах Михайловском, Александровском и Артиллерийском и с этих островов открыть огонь по остальной крепости, для чего, согласно выработанному на митингах плану, они, в целях отвлечь внимание крепостного начальства от названных островов и дать возможность мятежникам сосредоточиться и приготовиться на Михайловском острове, как центре восстания, вечером 16 июля пред'явили своему начальству требование об отмене об'явленного в приказе по роте приказания инспектора инженеров о прекращении выдачи им на руки винных денег и об обращении таковых на улучшение пищи и во время об'яснений по этому поводу с командиром роты подполк. Нероновым, начальником Лагерного острова полковником Раевским и комендантом крепости держали себя дерзко,

вызывающе, курили в присутствии их, произносили площадную брань и требования свои сопровождали угрозами употребить в дело оружие, затем поутру 17 июля отказались выходить на занятия, пока не будет исполнено их требование, вследствие сего и, в особенности, угроз их употребить в дело оружие, были обезоружены двумя ротами пехоты, при чем выдали свои винтовки только под страхом, что пехота будет по ним стрелять; когда же затем в ночь на 18 июля вспыхнуло восстание, то они по не зависящим от них обстоятельствам, как обезоруженные и оставленные под надзором двух рот пехоты, хотя и не принимали участия в этом восстании, продолжавшемся по 20 того же июля, но в то же время отказались принять отобранные от них винтовки и действовать ими для подавления восстания против мятежников совместно с войсками, оставшимися верными своему долгу, что предусмотрено 75 и 110 ст.ст. XXII кн. св. в. п. 1869 г., изд. 2, за каковое деяние они преданы командиром 22-го армейского корпуса военно-окружному суду с тем, чтобы на основании 91 ст. той же книги св. в. п. к ним было применено наказание, указанное в л. Б. 110 ст. для военного времени.

Обвинительный акт составлен в крепости Свеаборг сентября 2 дня 1906 г.

И. об. военного прокурора при временном военном суде
полковник *Адрианов.*

Дело временного военного суда в крепости Свеаборг о нижних чинах Свеаборгской минной роты унтер-офицере Георгии Михайлове и других. 1906 г., № 83/291, арх. № 56, 1911 г. (2-е отделение юридической секции ЕГАФ).

ПРИЛОЖЕНИЕ 9.

Приговор военного суда по делу о свеаборгском восстании в июле 1906 г.

Выписка из приговора временного суда в крепости Свеаборг 31 августа и 1 сентября 1906 г.

Приговорены к смертной казни через расстреляние — 17 человек.

В каторжные работы: без срока — 7 человек.
сроком на 20 лет — 7 человек,
сроком на 15 лет — 4 человека,
сроком на 8 лет — 4 человека,
сроком на 6 лет — 10 человек,
сроком на 4 года — 21 человек,

Лишить всех воинского звания, исключить из военной службы и по лишении всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ отдать в исправительные арестантские отделения всего 18 человек, из них:

на 6 лет — 8 человек.
на 5 лет — 10 человек.

Оправдано — 9 человек.

Дело временного военного суда в крепости Свеаборг, № 3/289, 1906 г., арх. № 58, 1911 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10.

Приговор военного суда по делу о свеаборгском восстании в июле 1906 г.

Выписка из резолюции временного суда в крепости Свеаборг 7, 8, 9 сентября 1906 г.

4 чел. — к смертной казни через расстреляние;
5 чел. — в каторжные работы без срока;
5 чел. — в каторжные работы на 20 лет;
3 чел. — в каторжные работы на 15 лет;
6 чел. — в каторжные работы на 10 лет;
4 чел. — в каторжные работы на 6 лет;
24 чел. — в арестантские отделения сроком на 6 лет, с последствиями, указанными в 43, 45, 46, 58[1] и 58[2] ст. улож. о наказаниях;
7 челов. — в арестантские отделения на 5 лет без последствий указанных статей;
39 чел. — в арестантские отделения на 4 года без последствий;
22 чел. — в арестантские отделения на 3 года с последствиями указанных статей;
55 человек оправданы.

Дело временного военного суда в крепости Свеаборг, № 83/291, 1906 г., арх. № 56.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11.

Обвинительный акт по делу о восстании на Скатуддене.

Обвинительный акт

по делу о фельдшерах 2-го Финляндского стрелкового полка Иване Яковлеве, Свеаборгской флотской роты боцманмате Вячеславе Павлючуке, команды миноносцев 20-го флотского экипажа боцманмате Архипе Моисеенко, минного крейсера «Уссуриец» фельдшере Федоре Соловьеве, минного крейсера «Амурец» фельдшере Петре Мозжевелове и других.

17 июля сего года вспыхнуло явное восстание в свеаборгской крепостной артиллерии. Восставшие части захватили входящие в район Свеаборгской крепости острова Лагерный, Михайловский, Александровский и Артиллерийский. 18 же июля явное восстание вспыхнуло на полуострове Скатудден, среди нижних чинов свеаборгского порта при участии до 300 человек красной гвардии из финляндских уроженцев.

Из показаний допрошенных в качестве свидетелей лейтенанта Басова, капитана Карпова, баталера Назарова, фельдфебеля Черникова, подполковников Зонна, Минина и других лиц, перечисленных в прилагаемом при сем списке свидетелей, выяснилось, что к восстанию нижних чинов морских команд свеаборгского порта подготовляли фельдшер Иван Яковлев, матрос Ефим Кульбаков, фельдшер Федор Соловьев, баталер Максим Большаков и бежавшие кочегар Дмитрий Гончаренко, минер Егор Михеев, Петр Приходько. Эти лица действовали в качестве агентов революционной организации, целью которой было захватить все крепости при помощи возмутившихся гарнизонов, а в приморских крепостях — и при участии флота, с тем, чтобы заставить тогда правительство исполнить требования о «земле и воле» социал-демокра-

тов и социал-революционеров, известных среди нижних чинов более под названием «трудовой партии». Под влиянием названных агитаторов нижние чины морских команд согласились принять участие в подготовлявшемся восстании артиллеристов Свеаборгской крепости. Когда же подготовленное таким образом восстание вспыхнуло 17 июля сего года на островах названной крепости, то названные агитаторы возбудили к восстанию и нижних чинов морских команд. 18 июля, около 6 часов утра, нижеперечисленные обвиняемые, вооружившись винтовками с боевыми патронами, дали три залпа из ружей, как условленный сигнал, чтобы сообщить крепостным артиллеристам о присоединении их к мятежу. Затем подняли на флагштоке в порте красный флаг, захватили портовый двор и морскими сигналами и голосами стали приглашать военные суда, стоявшие в гавани, присоединиться к ним, чтобы на этих судах переправиться в крепость, а судовою артиллериею действовать против крепостных частей, оставшихся верными. Под угрозою смерти заставляли присоединиться к восставшим тех нижних чинов, которые не хотели принимать участия в восстании. Офицеров же лейтенанта Басова, капитана Карпова и фельдфебеля Черникова арестовали, чтобы они не препятствовали восстанию; а мичмана де-Ливрона, пытавшегося сорвать с флагштока красный флаг, убили. Наконец, открыли ружейный огонь по военным судам, так как они отказались примкнуть к восстанию, и обстреливали их до 4 часов того же 18 июля, когда, будучи подавлены артиллерийским огнем с минных крейсеров «Финн» и «Эмир Бухарский», принуждены были сдаться.

Нижепоименованные обвиняемые, не отрицая того, что они были вооружены винтовками с боевыми патронами, в свое оправдание заявили, что вышли они на двор вооруженными под угрозой быть убитыми, в восстании же принимать участия не хотели.

На основании изложенного обвиняются (следует перечень фамилий) в том, что, сговорившись между собою, они согласились принять участие в явном восстании свеаборгской крепостной артиллерии с целью завладеть Свеаборгской крепостью, чтобы заставить правительство исполнить требование трудовой партии о «земле и воле», и когда 17 сего июля таковое восстание вспыхнуло в названной крепости, то они около 6 часов утра 18 того же июля, вооружившись винтовками с боевыми патронами, захватили на полуострове Скатуддене двор свеаборгского военного порта, тремя залпами из винтовок известили свеаборгскую крепостную артиллерию о своем присоединении к восстанию, морскими сигналами и криками приглашали присоединиться к восстанию стоявшие в гавани военные суда, арестовали препятствовавших восстанию лейтенанта Басова, капитана Карпова и фельдфебеля Черникова, а мичмана де-Ливрона, пытавшегося сорвать с флагштока красный флаг, убили и затем открыли из винтовок огонь по отказавшимся присоединиться к восстанию военным судам и обстреливали их до 4 часов того же 18 июля, когда, будучи подавлены артиллерийским огнем с минных крейсеров «Фин» и «Эмир Бухарский», принуждены были сдаться, что предусмотрено 110 ст. XXII кн. св. в. п. 1869 г., изд. 3, за каковое деяние они преданы командиром 22-го армейского корпуса военно-окружному суду с тем, чтобы к вине их было применено, согласно 91 ст. той же книги, наказание, указанное в п. Б 110 ст. для военного времени.

Обвинительный акт составлен в крепости Свеаборге августа 22 дня 1906 г.

И. об. военного прокурора при временном военном суде
полковник *Адрианов.*

Дело временного военного суда в крепости Свеаборг о фельдшере 8-го Финляндского стрелкового полка Иване Яковлеве, Свеаборгской флотской роты боцманмате Вячеславе Павлючуке, минного крейсера «Уссуриец» фельдшере Федоре Соловьеве и др. 1906 г., № 3/289, 1906 г., арх. № 58, 1911 г. (2-е отделение юридической секции ЕГАФ).

ПРИЛОЖЕНИЕ 12.

Прокламация Финляндской военной организации РСДРП в связи с подавлением свеаборгского восстания и казнями участников.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Военная организация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии в Финляндии.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ
ПОГИБШИМ БОРЦАМ ЗА СВОБОДУ.

Живым слава!

Ко всей армии и флоту в Финляндии.

Геройская борьба свеаборжцев окончена.

Революционный Свеаборг подавлен.

Сотни рабочих и крестьян в солдатских мундирах, поднявшихся во имя «земли и воли», сотни смелых борцов за освобождение России от злейшего врага ее — царского правительства — пали от братоубийственной руки таких же, в солдатских мундирах, рабочих и крестьян. Сотни славных свеаборжцев взяты в плен. О, какая радость в рядах врагов народных!

Свеаборг подавлен. Солдат, восставший за свой порабощенный народ, побежден. Народ, свободолюбивых сынов которого расстреливают такие же забитые, искалеченные казарменной выучкой сыны его, — о, этот народ можно еще угнетать, можно продолжать безнаказанно его обворовывать и набивать свои карманы его добром. Так думают народные кровопийцы и радуются.

Свеаборг подавлен.

Ну, а ты, солдат? Ты, обагривший свои честные руки кровью братьев своих, ты, которому враги народа принесут свою благодарность за «молодецкий подвиг» твой, — почему ты не ликуешь? Или трупы братьев твоих грызут твою запятнанную их кровью совесть? Или ты не понял великое преступление перед народом твоим?

Сознаешь ли ты, братоубийца, что ты сделал?

Так знай же: ты изменил своему народу, так как ты убивал восставших за освобождение его. Ты шел против отечества своего, когда выполнял приказы стрелять в восставших сынов народа, славных свеаборжцев; ты изменил своему народу, — ты защищал захлебывающееся в его крови царское правительство!

Позор и горе тебе, изменившему делу свободы народной! Позор и горе тебе, продавшемуся народным врагам!

Покайся же! Еще есть время! Битва только началась! Первая атака перешедшей на сторону народа армии отбита правительством. Сотни солдат, матросов и пришедших им на помощь рабочих-финнов легли на поле славной брани. Сотни плененных правительством борцов за свободу ждут своей участи. Эту участь разделят с ними перешедшие на сторону народа офицеры. Народное проклятье тем, кто поднимет против них свою руку.

Святая кровь павших в борьбе за счастье народа бесследно не пропала. Измученный русский народ расправляет свой богатырский стан для решительной схватки со своим вековечным врагом. Восстает рабочий класс в городах. В Петербурге уже не дымятся трубы фабрик и заводов. Восстают

крестьяне в деревнях. Войска — эта последняя опора царских холопов — уже переходят на сторону народа. За славными свеаборжцами поднялись Кронштадт, Брест-Литовск; восстал Самурский полк на Кавказе. Как один человек, поднимается вся Россия. Трепещите, народные палачи. Уже доносится грозный гул миллионов голосов разгневанного народа. Уже слышится топот миллионов ног могучей рати. Знай же, солдат: то идет твой народ *за землей и волей*. Ни виселицы, ни расстрелы, ни пули, ни нагайки не в силах остановить этого победного шествия титана-народа. Ты слышишь, солдат, как он властно зовет тебя — своего сына — итти с ним вместе против лютого врага своей родины — царского правительства. Ты видишь в его первых рядах гордое красное знамя Социал-Демократической Рабочей Партии. Спеши же стать в эти славные ряды!

Товарищи солдаты и матросы! Сговаривайтесь между собою. Будьте мудры, как змии, — сторонитесь волков в овечьей шкуре. Организуйтесь! Теснее сплачивайтесь друг с другом и об'единенными шеренгами, по сигналу нашей организации, идите к народу. С ним вместе вы победите. Без него вы будете раздавлены.

Только эта могучая рать из рабочих, крестьян, солдат и матросов сметет с лица земли русской произвол чиновников, дворян и всех народных угнетателей.

Только эта единая рать даст России полное народовластие, 8-часовой рабочий день, землю крестьянам и всю волю народу, отмену постоянной армии и замену ее народным вооружением.

Да здравствует всенародное вооруженное восстание!
Да здравствует единение армии с народом!
Долой царское правительство!
Да здравствует власть народа!
Да здравствует великая русская революция!

Центральная группа военной организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии в Финляндии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13.

Прокламация Гельсингфорсской группы Финляндской военной организации РСДРП по поводу расправы царского правительства с участниками свеаборгского восстания.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К солдатам.

17 августа военный суд в Свеаборге приговорил к расстрелу 19 нижних чинов и 3 штатских за участие в военном восстании, к каторжным работам — 66 нижних чинов, в дисциплинарный батальон — 195, в военную тюрьму — 298, 75 человек — к аресту и 30 человек освободил от наказания. 19-го получено известие, что смертная казнь применена не будет.

Товарищи солдаты и матросы, знаете ли вы, кто эти осужденные и кто эти судьи? Это — два заклятых врага. Осужденные, это — солдаты, это — дети народа, боровшиеся за то же, за что борется весь народ, — за свободу, за землю, за народную власть, за счастье миллионов людей. Судьи, это — офицеры, генералы. Их породил тот же народ, но породил, видно, не в добрый час. Они отошли от народа и, вместо того, чтобы служить ему, сделались над ними господами. Они зажили на его счет, они заперли его в тюрьму, они из всей России устроили тюрьму, где народ сотни лет страдал,

болел, мучился, бился, как рыба об лед. Они забрали себе всю землю, все богатства, всю власть, они обокрали народ. Народ стал беден, они — богаты. Они — сильны, богаты, счастливы, а народу дали особые права, которые несут с собой горе, скорбь, нищету, болезни и смерть прежде времени. Они обязали народ терпеть и молчать. Если же народ недоволен, его расстреливают.

Да, они сильны, богаты, счастливы. А разве русский народ не имеет права быть сильным, богатым, счастливым? Он хочет быть таким. Он хочет вернуть себе все, отнятое у него: всю землю, все богатства, всю власть. Он хочет вырвать их из рук грабителей. Он это решил, и неизбежная, страшная борьба началась. Два заклятых врага сошлись в бою. Они, враги наши, ненавидят русский народ, а мы ненавидим их. Они, пользуясь темнотой солдат, расстреливают нас сотнями, но нас ведь теперь миллионы. Они хотели бы расстрелять весь народ, но кто их тогда кормить будет. Крестьяне захватывают земли, — всех крестьян нужно казнить; рабочие требуют свободы, — всех рабочих нужно казнить. Казнить нужно всех крестьян, всех рабочих, всех финнов, евреев, армян, — все недовольны, всем смертная казнь. Но всех казнить нельзя, и они расстреливают передовых бойцов. Они думают нас напугать расстрелами. Но мы ненавидим, мы презираем их. Мы не боимся их, мы обещаем им смерть.

Иногда Иудин страх заползает к ним в душу, тогда они заменяют смертный приговор каторгой. Иногда они вспоминают, что на них пойдут миллионы, они чувствуют тогда веревку у себя на шее и отменяют смертную казнь.

Напрасно. Вешайте нас, расстреливайте, мы, умирая, будем смеяться над вами.

Напрасно. Они убили тысячи и думают, что народ простит их, если они помилуют десятки. Нет, они сами за смерть платят смертью. Народ — страшная сила, но он не был организован, он не имел оружия. Теперь он организуется, он запасается оружием. Солдаты, дети народа, блуждавшие раньше во тьме, нашли теперь своих родителей, братьев, сестер, — солдат стоит за народ. Мы — миллионы — с оружием в руках скоро двинемся на приступ, и твердыня зла, насилия, разбоя и грабежа падет, тогда все эти судьи, все палачи будут ползать перед нами на коленках, будут молить о пощаде, но народ раздавит их, как ядовитых змей.

Мы, социал-демократы, мы, дети рабочего класса, мы, дети народа, под красным знаменем поведем народ на последний, великий бой со злыми насильниками, мы готовим народ — рабочих, крестьян и солдат — к этому великому делу, мы отомстим злодеям за вас, расстрелянные, повешенные, убитые каторгой *братья.*

Собирайтесь, товарищи, с силой, — час решительного сражения близок, близок час народного суда.

Да здравствует вооруженная борьба за полновластное, всенародное Учредительное Собрание!

Гельсингфорсская группа военной организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Прочитав, передай товарищу.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14.

Донесение вр. командующего 94-м Енисейским пех. полком вр. и. д. коменданта Кронштадтской крепости от 21 июля 1906 г., № 4303, о восстании в ночь на 20 июля 1906 г.

Получив личные ваши указания и распоряжения, в ночь с 19 на 20 сего июля предполагалось выслать две роты в распоряжение полиции к 12 часам

ночи, но около 11½ час. в городе началась стрельба из револьверов, что можно было определить по звуку выстрелов, и потому я приказал выслать эти две роты в распоряжение полиции немедленно, предвидя надобность в военной силе. Одновременно с этим были высланы 3 дозора, в усиленном против обыкновенного составе, для выяснения обстановки вблизи казарм и ввиду начавшейся стрельбы на улицах. Через ¼ часа выяснилась необходимость запереть улицы Наличную, Петербургскую и Богоявленско-Екатерининскую для воспрепятствования доступа к морскому арестному помещению. К 12 час. пункты эти были заняты: первый — полуротою 7-й роты под командою подпоручика Элькина; второй — полуротой 5-й роты под командою подпоручика Светловского и третий — полуротой тоже 5-й роты под командою поручика Яхонтова. Всем ротам, т.-е. 1-му батальону, 6-й и 3-й ротам и 3-му батальону было приказано одеваться и готовиться к вызову по тревоге. Тогда же выслана 2-я рота во двор морского арестного помещения для поддержания порядка внутри его и для отпора на случай нападения извне. В начале 1-го часа толпа матросов и, повидимому, рабочих, первых значительно более, в числе около 200 человек, вооруженных ружьями и револьверами, направлялась на первую заставу с призывом соединиться с ними и не стрелять в них, при этом, однакоже, из толпы раздавались выстрелы. По этой толпе дозором 10-й роты, в числе 4 человек, был дан залп, после неоднократного предупреждения толпы не следовать далее. Толпа разделилась на две части, из которых одна, преимущественно моряков, продолжала двигаться в направлении к 11-й и 12-й ротам, продолжая обращаться к войскам с призывом: «Товарищи, присоединяйтесь к нам и не стреляйте, завтра уйдете в запас и будете такими же мужиками, как и мы». По наступающей толпе был открыт огонь. В толпе оказались раненые, что определилось по стону и крику, толпа разбежалась, унося с собою раненых. После этого высланный дозор 12-й роты под командою унтер-офицера Шарога задержал члена бывшей Государственной Думы Онипко. Одновременно с этим получено было ваше приказание по телефону отправить роту к дому главного командира порта. Была назначена и немедленно отправилась 8-я рота, при чем ей дано еще поручение наблюдать и охранять находящееся недалеко казначейство. За сим получено приказание отправить роту к арсеналу. В исполнение этого приказания была отправлена 9-я рота, но так как в то время к месту происшествия была ближе 11-я рота, в которой не нуждалась полиция, то я передал приказание подполковнику Андрееву двинуть эту роту скорее к арсеналу. Однакоже это действие предупредила своим прибытием 8-я рота, бывшая у дома главного командира порта. Командир 8-й роты капитан Пташинский выделил отделение для охраны входа в сад главного командира порта, с остальною частью роты вышел на Красную улицу и, услышав крики со свистом и стрельбою мятежной толпы, дал три залпа. Толпа разбежалась, отстреливаясь и унося раненых. После этого капитан Пташинский повел роту к арсеналу, где также бушевала вооруженная толпа, в которую было дано два залпа. От толпы отделились два лица, которые быстро подошли к роте, это были капитан 2-го ранга Криницкий и инженер-механик, находившиеся в плену у мятежников, судивших их и готовых привести в исполнение над ними свой смертный приговор, чему помешала 8-я рота. Самосуд состоял из 8 штатских лиц, 1 женщины и 1 матроса. Капитан 2-го ранга Криницкий остался при роте, а затем мною был отправлен в 3½ час. ночи под конвоем в морской госпиталь для перевязки, как имевший 7 штыковых ран: в грудь, шею, спину и голову.

Рассеяв толпы мятежников у арсенала, 8-я рота возвратилась к квартире и. д. главного командира над портом. Последний приказал отправить взвод в 19-й флотский экипаж, в который, по сведениям, ворвалась толпа мятежников. Этот взвод под командою поручика Прокофьева, подкрепленный еще полуротою 11-й роты под командою подпоручика Уварова, осмотрел все помещения экипажа до чердака включительно, но никто найден не был. С рассветом 8-й ротою были осмотрены суда и баржи, стоявшие в гавани, а также двор арсенала.

При осмотре задержаны и сданы под расписки в морское арестное помещение 38 человек, между ними были штатские, матросы и нижние чины крепостной артиллерии.

Когда 8-я рота шла к арсеналу от дома и. д. главного командира порта, 11-я рота следовала в том же направлении, выслав вперед дозоры. Подходя к почтовой конторе № 2, командующий ротою поручик Торопыня увидел вооруженную толпу, которая угрожала конторе. На требование разойтись мятежники стали стрелять, тогда поручик Торопыня сделал несколько залпов и тем разогнал толпу, при этом было ранено и убито 7 матросов. В морское арестное помещение было отправлено 14 человек и отобраны у задержанных 1 винтовка и 1 револьвер. Следуя далее к арсеналу, где уже была 8-я рота, к поручику Торопыне обратился с просьбою поручик Прокофьев дать ему поддержку при осмотре казарм 19-го флотского экипажа, что ему было поручено командиром 8-й роты. Поруч. Прокофьеву была дана полурота под командою подпор. Уварова, совместно с которым были осмотрены казармы 19-го флотского экипажа, при чем ни вооруженных матросов ни штатских людей в казармах найдено не было. Поручик Торопыня, выделяя полуроту для осмотра 19-го флотского экипажа, знал, что к арсеналу шла по Княжеской улице еще 9-я рота, которая вошла с ним в связь, подходя к Петровской улице. Командир 9-й роты, капитан Лосев, подойдя к арсеналу, оцепил прилегавшую к нему местность и выслал дозор в 10 человек во двор арсенала, при чем получил донесение, что несколько человек спрятались в стоявшей на берегу барже. Вблизи ее был оставлен секрет, которому было приказано, после предупреждения, стрелять, если кто-либо из баржи попытается уйти, а самый ее осмотр был отложен до рассвета. При осмотре арсенала оказалось, что цепь, запиравшая ворота, была разорвана, ворота открыты, около них на земле валялся замок, открытый подобранным ключом. В самом арсенале никого не было найдено, при чем из оружия унесено не более 100 винтовок.

Когда на рассвете подошла 8-я рота, то совместно с нею была осмотрена баржа, в которой было арестовано около 40 человек, а всего за ночь было арестовано 50 человек, при чем у многих из них были отобраны заряженные винтовки, которых вместе с подобранными оказалось 76 винтовок, кроме того, отобрано 3 револьвера, 2 палаша, 139 боевых патронов и 29 патронных плечевых сумок. Так действовали роты в районе арсенала и у дома главного командира порта.

Застава на углу Бочарной улицы и Наличной, в составе полуроты под командою подпоручика Элькина, обыскивала и задерживала проходивших пешеходов. Около часа ночи с Бочарной улицы послышались выстрелы. Приближалась к заставе толпа человек в 20 матросов и штатских, вооруженных винтовками, при чем один из матросов, призывавший солдат перейти на их сторону, тут же был убит; остальные разбежались. После этого до утра мятежники к заставе не приближались, а показывались лишь одиночные пешеходы, которые, увидя заставу, быстро скрывались.

Застава на углу Екатерининской и Богоявленской улиц в составе полуроты 5-й роты под командою поручика Яхонтова осматривала проходящих людей и высылала сильные патрули. На рассвете застава бегом направилась на выстрелы в стороне дивизионных канцелярий, где находился подпоручик Шейдеман со второю полуротою 1-й роты. Оказалось, что стреляли из Морских казарм на Екатерининской улице. Одновременно с этой заставой подошел к казармам командир 1-й роты капитан фон-Бранденбург с первой полуротой своей роты, ввиду этого поручик Яхонтов отвел заставу обратно на угол Богоявленской улицы. Утром был задержан дозором на Песочной улице переодетый матрос, который выбежал из дома Филиппова на Песочной улице. По докладу об этом поручику Яхонтову последний произвел обыск в этом доме и в пустой квартире нашел 7 заряженных винтовок, столько же матросских полусумок и 2 матросских рубашки. После ухода переодетый матрос был отправлен в арестантское помещение. После ухода заставы поручика Яхонтова к дивизионным канцеляриям, на Екатеринин-

ской улице вместо нее была выставлена застава из полуроты 4-й роты. Дозор от этой заставы задержал в Екатерининском парке матроса без чехла, который был отправлен в арестное помещение. Возвращаясь по Малой Екатерининской улице, дозор нашел 2 патронных сумки с ремнем. Другой дозор, конвоируя фельдшера, посланного в 9-ю роту к арсеналу, по дороге нашел 2 винтовки и 2 револьвера. Командиру 1-й роты капитану фон-Бранденбургу было мною отдано приказание с рассветом выставить ½ роты к мосту канала против дивизионных канцелярий, а с другой полуротой пройти по улицам Княжеской и Петровской к Летнему саду, дабы войти в связь с 8-й ротой и запереть проход к порту. Оставив ½ роты под командою подпоручика Шейдемана на мосту против дивизионных канцелярий, с другой полуротой капитан фон-Бранденбург осмотрел двор Морского собора, где были задержаны три матроса, скрывавшиеся от восставшей команды экипажа, они были арестованы и сданы в морское арестное помещение; в овраге у морского манежа был найден раненый матрос, которого принесли к заставе на углу Богоявленской ул., а отсюда на носилках моим распоряжением он был отправлен в морской госпиталь; в Екатерининском парке были найдены две патронных сумки. Возвращаясь к заставе, оставленной на мосту, была слышна стрельба из револьверов и ружейные залпы. Оказалось, что в дозор от полуроты подпоручика Шейдемана было произведено 8 залпов из револьверов из окон 11-го флотского экипажа и 2 залпа из слухового окна. Поручик Шейдеман сделал 4 залпа в окна 11-го флотского экипажа, откуда были выстрелы, после чего он с дозором проник во двор 7-го флотского экипажа, смежный с казармою 11-го экипажа, через сломанные ворота в нижней своей части, на которой были видны следы крови. Войдя во двор, в него из окон опять стреляли, тогда он собрал во двор всю заставу и с ней пытался проникнуть в казарму, но это ему не удалось, так как вход в 11-й флотский экипаж был со стороны Павловской улицы, а не Екатерининской, и при этом мост через канал оставался без прикрытия, поэтому он возвратился обратно.

С 9 час. вечера по Большой Екатерининской ул. высылались патрули от 10-й роты. В один из них стрелял из револьвера вольный, которого сопровождали еще двое; эти лица были задержаны и у одного был отобран револьвер с патронами. Затем эта полурота осмотрела сгоревший театр, так как было получено сведение, что в нем скрываются мятежники. Подпоручиком Кондаковым был театр осмотрен внутри, но никого в нем не оказалось. Утром вся 10-я рота была отправлена для усиления караула морского арестного помещения, на смену 2-й роты, которая должна была заступить 20 июля в караул.

Командир 2-й роты капитан Ананьин, получив приказание в 12 часов ночи охранять арестное помещение, прибыл туда с ротой, выставил на крышу посты для наблюдения за местностью впереди забора, заставу к входным воротам, дозоры во 2 двор для предупреждения насильственного выхода из казарм арестованных и учредил особое наблюдение за забором, выходящим к Летнему саду.

По тревоге была послана учебная команда для занятия казарм бывшего 14-го флотского экипажа, газового завода, водокачки и для наблюдения за пристанью. Дозорами учебной команды были задержаны несколько матросов, при чем у одного из них, Зайцева, отобрана винтовка с 3 боевыми патронами.

Командир 4-го батальона, прибыв по тревоге к общему резерву на Михайловской улице, сделал следующие распоряжения. 14-й роте и трем взводам 13-й роты было поручено охранять здание 3-й Северной казармы, 15-й роте — запереть выход с Николаевского проспекта и Северного бульвара, 16-й роте — одной полуротой окарауливать арестованных мятежников, а от другой полуроты высылать дозоры для наблюдения за Косой и морем.

13-я рота под командою поручика Александрова, следуя к 3-й Северной казарме под прикрытием дозора, была обстреляна беспорядочным огнем толпы восставших матросов, по которым было сделано несколько

залпов, рассеявших толпу. Дойдя до 3-й Северной казармы, один взвод был рассыпан цепью по Северному бульвару фронтом вдоль 3-й Северной казармы, а остальная часть была отведена в резерв; из последнего высылались дозоры для осмотра и арестования матросов, которые отправлялись в 3-ю Северную казарму. Дозором были принесены два трупа капитанов 2-го ранга, найденные у ворот 5-го флотского экипажа. В строящемся трехэтажном доме напротив казармы было найдено 5 переодетых матросов, которые были арестованы. Из окон 5-го флотского экипажа около 4 часов утра был открыт огонь по дозору этой роты, шедшему по Павловской улице, — последний стрелял в окна экипажа. Тот же дозор, дойдя до 11-го экипажа, узнал, что в казарме есть винтовки и револьверы; вошел в помещение и отобрал 9 винтовок, 3 револьвера и 25 шт. боевых патронов.

Командир 14-й роты капитан Федоров I, придя к 3-й Северной казарме, выставил от себя заставы и тем запер три улицы, выходившие на Павловскую. Высланными дозорами в районе расположения казарм флотских экипажей было задержано 23 матроса и 7 штатских, которые были арестованы. Так как до 2 часов ночи стрельба из окон экипажей и из-за заборов не прекращалась, то командир роты взял взвод и с ним обошел Павловскую улицу, отвечая на стрельбу залпами. В казармах 10-го флотского экипажа было им отобрано несколько ружей, револьверов и патронов, которые сданы у дома коменданта. При выходе из 10-го экипажа был ранен в левую руку рядовой Яков Нестеренков, вернувшийся после перевязки в строй. Той же роты рядовой Василий Абрамов в 11 с половиною часов ночи был ранен у казарм батальона в мягкую часть правой ноги выше колена без повреждения кости, который после перевязки был отправлен в Николаевский морской госпиталь.

15-я рота под командою капитана Нольте была выделена из общего резерва на Михайловской улице для осмотра строящегося дома против 2-й Северной казармы, где никого не было найдено, но при возвращении рота подверглась обстреливанию из окна этой казармы. Вернувшись к резерву, рота получила приказание стать заставой на углу Николаевского проспекта и Северного бульвара. Высылаемыми дозорами были задержаны 10 матросов и подобрано 2 винтовки и 17 патронов. В девятом часу утра 20 июля роте было приказано занять двор и кухни 20-го экипажа, что было исполнено, и при этом задержаны 21 матрос, винтовок при них не оказалось. В 3 часа дня 15-ю роту сменила 8-я рота.

Командир 16-й роты капитан Синкони, находясь в общем резерве, получил приказание окарауливать арестованных матросов и штатских, а также наблюдать за Косой и берегом моря. Для выполнения последней задачи им были высланы дозоры по Западному и Северному валу крепости. В 4 часа ночи он конвоировал в морское арестное помещение 106 человек матросов, саперов и частных лиц, а по возвращении получил приказание занять казармы 4-го и 7-го флотских экипажей, где им были арестованы 36 матросов, отобраны 2 винтовки и патроны. Во время ареста рядовой Иван Савцев, стоя на посту во дворе казарм, был ранен в левую ногу выше колена. Савцев был немедленно отправлен в морской госпиталь.

Командир нестроевой роты штабс-капитан Сорочинский, получив сведение о тревоге, вооружил команду 120-го пех. Серпуховского полка и нижних чинов нестроевой роты винтовками, взятыми из 1-го Кронштадтского батальона, так как команда Серпуховского полка 19 июля сдала в полк имевшееся у нее на руках оружие, ввиду назначенного ее отъезда в этот день в штаб своего полка в г. Минск. Вооружив серпуховцев и нижних чинов нестроевой роты, командир ее охранял лагерный район, так как, кроме караулов у знамен и денежных ящиков, в лагере никого не осталось.

Связь между отдельными частями полка в районе города поддерживалась конно-ординарцами и ими же производилась разведка.

На действия отдельных частей полка в городском районе значительное влияние оказывала темная ночь. Быстрое же занятие отдельных частей го-

рода разделило отдельные толпы мятежников, которые в каждом отдельном пункте встречали решительный отпор.

Бр. командующий полком полковник *Лобановский.*

Дело петербургского военно-окружного суда. Донесения чинов военно-сухопутного и морского ведомств. Общая переписка, т. III, стр. 50, 51, 52, 53, 54, арх. № 461, 1914 г. (2-е отделение юридической секции ЕГАФ).

ПРИЛОЖЕНИЕ 15.

Рапорт вр. командующего кронштадтской крепостной артиллерией и. д. коменданта Кронштадтской крепости о подавлении восстания на форте «Константин».

Около 12 часов ночи, находясь в офицерском собрании, я случайно узнал, что у дома коменданта крепости собираются части войск. Вместе с ад'ютантом капитаном Егуновым мы поспешили поехать к вашему превосходительству, получив здесь приказание вызвать учебную команду крепостной артиллерии и свободные от наряда роты 2-го батальона, — я послал исполнить это ад'ютанта. Минут через 10 прибыли учебная команда, а затем 6-я и 7-я роты 2-го батальона.

Я в это время пошел в управление и поручил штабс-капитану Пигуловичу известить батареи «Константин», «Милютин», «Обручев» и «Александршанц», т.-е. все укрепления, занятые нашими батальонами, о начавшихся беспорядках, но через некоторое время получил извещение, что ни один телефон не работает. В то же время капитан Егунов, взяв 8 человек учебной команды, с вашего разрешения отправился обыскивать Козье болото, где в отхожем месте спрятались матросы, откуда и привел их 21 человек, из которых один был ранен. Подпоручик Мещерский со взводом учебной команды обыскал костел и садик около него, где предполагалось оружие, и забрал 7 человек матросов, а затем учебная команда несколько раз водила арестованных в морское арестное помещение при 4-м экипаже флотском, при чем подвергалась ружейному огню, но сама оружие не употребляла. Около 2 часов ночи 6-я и 7-я роты 2-го батальона были двинуты для занятия батареи «Константин» под командою подполковника Сергеева.

Около 3 часов ночи 20-го, с разрешения вашего превосходительства, я принял командование над отрядом для занятия батареи «Константин» и с двумя орудиями 4-й батареи л.-гв. 1-й артиллерийской бригады под командой капитана Рерберга и подпоручика Дурова и под прикрытием 5-й роты 2-го крепостного пехотного батальона вышел через цитадельские ворота, имея в виду ближайшую дорогу, но так как пришлось бы обнаружить мятежникам подходящие орудия, а может быть, и подвергнуться обстреливанию из пушек Кане, я перевел отряд на Кронштадтское шоссе.

Подходя к Литке, по совещанию с командовавшим орудиями капитаном Рербергом, решено было поставить орудия возможно дальше, чтобы получить более круглую траекторию и этим успешнее выбить преступников из-за построек правого фланга укрепления. Предоставив капитану Рербергу выбрать закрытую позицию и оставив в его распоряжение прикрытие, я поскакал к ротам, высланным уже ранее. Здесь я нашел 1-ю роту под командой штабс-капитана Цынкова, 2-ю роту с штабс-капитаном Ивановым, учебную команду под начальством поручика Беляева и охотничью команду с подпоручиком Богатовым 2-го Кронштадтского пехотного батальона под общей командой подполковника Маруховича и 6-ю и 7-ю роты крепостной артиллерии под командой подполковника Сергеева.

Два пулемета и две роты пехоты стояли правее дамбы, ведущей на «Константин», команды же из пехотного батальона с другими двумя пуле-

метами и две роты артиллерии помещались левее дамбы, при чем пулеметы стояли на валах, а люди были укрыты за ними.

Зная, что на форту захвачено мятежниками пять офицеров и две роты, верных долгу, вверенного мне 4-го батальона (15-я и 16-я), мне, естественно, больно было открывать огонь, которым можно было перебить офицеров и преданных долгу людей, почему я вызвал охотника унтер-офицера, написал записку, что если мятежники не сдадутся в течение пяти минут, то форт будет разгромлен, записку приказано было отнести на середину дамбы, помахать платком и положить ее, что и было исполнено; унтер-офицер возвратился и со стороны мятежников записка была взята. По истечении пяти минут был три раза дан сигнал: «слушайте все», но ответом было несколько одиночных выстрелов, тогда мною было предложено действовать так: после обстреливания пулеметами двинуть цепь с небольшим резервом и начать действовать в то же время шрапнелями из полевых орудий, обстреливая правый фланг, а затем двинуть роты и при сопротивлении выбивать постепенно мятежников. Об'яснив офицерам весь план, пулеметам было приказано открыть огонь, а сам я поскакал к орудиям, которые нашел расположенными на шоссе за забором, не доходя казарм минной роты.

По приказанию открыть огонь взвод пристрелялся тремя снарядами по правому флангу укрепления, приказав вести редкий огонь исключительно по правому флангу и обстреливать всякое двигающееся в гавани судно, я возвратился снова к пулеметам, прекратил их огонь и двинул цепью одно отделение 2-й роты, с которым отправилась также дрезина с поставленным на нее пулеметом по инициативе и под командой поручика Беляева; в резерв был назначен взвод той же роты. Когда цепь вышла на дамбу, то с «Константина» раздалось несколько выстрелов, почему было велено пулеметам еще раз обстреливать форт.

Цепь быстро подвигалась вперед без выстрела, со стороны полевых орудий выпущено было еще две шрапнели, после чего на мачте «Константина» появился белый флаг, орудиям было послано приказание прекратить огонь, двинута была вся пехота, а сзади две роты крепостной артиллерии, с которыми отправился я и подполковник Сергеев. Пулеметы были оставлены на местах с прикрытием.

Когда я пришел на «Константин», то застал, что 15-я и 16-я роты артиллерии с оружием разыскивали прятавшихся мятежников и сдавали их пехотным ротам. По словам бывших на форту, среди мятежников было шесть лиц невоенных, из которых был найден только один.

На форту находились следующие офицеры: 16-й роты капитан Анисимов и прапорщик Быстров, 15-й роты поручик Савицкий, оказавший наибольшее сопротивление и давший знать офицерам о появлении мятежников, подпоручик Заркевич, бывший рундом, давший знать по телефону, что форт в опасности, и дежурный по караулам капитан Коренев.

Все офицеры с большой похвалой отзывались о поведении нижних чинов артиллерии, которыми сейчас же были вынуты бойки у 6-дюймовых пушек Кане и сняты пружины у всех, кроме одной, 57-мм. пушки, что, не испортив орудий, лишило мятежников возможности действовать по городу из орудий, имеющих круговой оборот.

Активного сопротивления не могло быть оказано по следующим причинам: в море было волнение, за шумом которого никто не мог слышать приближения поезда, шедшего без огней, и только вахтенный увидел мятежников, когда они бежали.

Люди 16-й роты помещаются около пристани в казармах, а потому ружья их были захвачены моментально, а люди сонными. Офицеры живут в середине укрепления, и известие о появлении мятежников было почти одновременно с нападением на казематы. Двое офицеров, капитан Анисимов и подпоруч. Заркевич, успели добежать до телефонного помещения, а поручик Савицкий, кинувшийся к помещению 15-й роты, был арестован у него. Ружья были захвачены мятежниками, а фельдфебеля арестованы, к тому же патронов у людей на руках не было.

Во время ареста мятежников часть людей оказалась наверху. По приказанию офицеров они приготовили орудия для обстреливания «Минера», на который бросились мятежники.

Я не мог входить в детали на «Константине», так как сутки не имел сведения с «Александр-шанца», где стоял наш 1-й батальон, а потому я ограничился арестованием мятежников, около 140 чел., которых под конвоем пехоты отправил в город, оставив на форту подполковника Сергеева с 4 ротами артиллерии (6-й, 7-й, 15-й и 16-й) для сбора оружия, осмотра и уборки батареи. Я вернулся в город, отпустив по дороге два орудия гвардейской батареи, и вкратце доложил вашему превосходительству о происшедшем. Затем отправился на батарею «Александр-шанц», где я нашел всех офицеров, и командующий батальоном подполковник Голеевский мне доложил, что он выставил охранительные посты и посылал всю ночь обходы, все было спокойно.

Вр. командующий кронштадтской крепостной артиллерией полковник *Шелов.*

К этому рапорту считаю нужным добавить, что нижние чины утверждали, что канонир 15-й роты Орлов как бы руководил мятежниками, сообщил, сколько офицеров, и ходил за рулевого на понтонере.

Полковник *Шелов.*

Дело петербургского военно-окружного суда. Следственное производство по делу о нижних чинах кронштадтских крепостных саперной и минной рот, т. I, арх. № 579, 1913 г., стр. 33, 34, 35, 36 (2-е отделение юридической секции ЕГАФ).

ПРИЛОЖЕНИЕ 16.

Секретный рапорт начальника инженеров Кронштадтской крепости вр. и. д. коменданта крепости от 25 июля 1906 г., № 118, о подавлении кронштадтского восстания.

В начале 12-го часа ночи 19 сего июля 1906 года я был вытребован к коменданту крепости, который сделал распоряжение по усмирению бунта, начавшегося в городе; в это время было несколько отказов телефона на Косе. Я поехал на главную телефонную станцию, застал всю команду на месте, вызвал капитана Андреева, дождался его и приказал ему находиться неотлучно на станции, неоднократно вызывал подпоручика саперной роты Дмоховского, заведывающего городской командой саперной роты, приказал ему проверить людей (сам же дожидался некоторое время капитана Андреева). Подпоручик Дмоховский доложил, что вся команда на месте. Для охраны станции я приказал послать за взводом сапер в лагерь, в это время телефон на Косе не действовал. Туда был отправлен поезд, на нем машинистом был унтер-офицер Казаринов, поезд этот оказался захваченным мятежниками и поездная прислуга заарестована впоследствии на форте «Константин».

Вернувшись к коменданту крепости, я был раз или два в управлении для передачи приказаний подполковнику Вальтеру о движении судов для перевозки войск. В одно из этих хождений я попросил командира 15-й или 16-й роты Енисейского полка сделать обыск Инженерного сада, туда скрылись три лица, производящие беспорядок.

В 1-м часу ночи подпоручик Заркевич, рунд в тот день, дал последнее телефонное сообщение, что выходят с поезда мятежники на «Константин» и что просят помощи[1]). После первого часа ночи дали знать из артилле-

[1]) Соответственно чему было сделано распоряжение комендантом крепости, был послан отряд под начальством подполковника Маруховича.

рийской учебной команды, что три сапера пришли в команду, я приказал привести их к дому коменданта для отправления во временное арестное помещение в 1-й Северной казарме. Когда их привели, то оказалось: ефрейтор Евменов и рядовой Минтусов, третьего не помню фамилии. Евменов и другие показали, что минеры ворвались в барак саперного лагеря, угрозами заставили стать в ружье, при чем унтер-офицер саперной роты Ефремов сопротивлялся и удерживал других, его ранили штыками, и что минеры начали арестовывать офицеров.

После этого когда телефоны и в других местах Косы стали не отвечать, то комендантом было послано подкрепление на Косу и образован отряд под начальством полковника Шелова. В это время было дано знать, что офицеры убиты. Беспокоясь о судьбе офицеров, я попросил конвой в одно отделение (от л.-гв. Финляндского полка) и на поезде отправился на Косу, к началу Константиновской дамбы. Между двумя нашими орудийными выстрелами с батареи, стоявшей у Кронштадтского шоссе, не доезжая Минной казармы, поезд перескочил за станцию Литке. В это время раздавалась беспорядочная ружейная стрельба с «Константина», а когда я подошел к валу, то пулеметы выпускали последнюю ленту.

При мне был поднят около 4 часов дня 20-го белый флаг на «Константине». Затем я пошел спрашивать своих офицеров, посетил убитых, при чем нашел: полковника Александрова убитым в коридорчике, соединявшем кухню с комнатами, на нем было несколько ран; капитана Вречинского я увидел со многими ранами штыковыми и изуродованным лицом в его кабинете; г-жи Якоби не застал, ее уже увезли в госпиталь; когда же я возвращался к коменданту крепости, то встретил ее у Кронштадтских ворот, в то время ее несли на носилках, тут же была санитарная карета.

Я с собою на поезде привез часть офицеров-сапер. Минерным же офицерам приказал запечатать склад и собрать людей в казарме и сдать их караулу, поставленному в казарме, по окончании чего прибыть к коменданту, что ими было исполнено.

Я вернулся к коменданту крепости в 4½ часа дня, там получил приказание ехать на Косу, задержать отправку в город арестованных на «Константине», произвести расследование, полевой суд и казнь расстрелянием.

Я с начальником штаба генерал-майором Шульманом, командиром 1-го крепостного пех. батальона полковником Гулиным и другими офицерами отправились на поезде на Косу в 8 часов утра 20-го. В это время вели уже арестованных в город, встретили их у раз'езда загородных сараев. Приказал повернуть обратно к лагерю инженерных войск. Здесь начал расследование опросом офицеров, которые затем давали письменные показания, вызвал начальника электротехнической школы генерал-майора Павлова, опросил его; оказалось рота его спала, была на месте, он же по прибытии отряда к Южному валу оказал содействие сбором чинов саперной и минной рот, оставшихся в лагере, или тех, которые сначала разбежались, попрятались, а затем возвращались поодиночке [1]). Мною ген. Павлов был приглашен помочь производить расследование, а затем членом суда. На полковника Гулина была возложена обязанность прокурора, а защищать предложено было подпоручику 1-го крепостного пехотного батальона Сидорову; делопроизводителем я назначил поручика минной роты Беляева. Все расследование и суд происходили в присутствии товарища прокурора кронштадтского военно-морского суда штабс-капитана Твердого. Опросы нижних чинов и составление списка их было поручено офицерам пехотных батальонов, саперной и минной рот под руководством полковника Гулина. Видя, что дело туго подвигается, я вошел в круг арестованных, обратился к ним с увещаниями выдать зачинщиков и убийц своих начальников, пригрозив при запирательстве массовым расстрелянием, — немедленно нижние чины минеры начали

[1]) Нижние чины электротехнической роты были назначены для опорожнения бараков минной роты от вещей, для караула при вещах и для вкапывания столбов для казненных.

выдавать зачинщиков и убийц, фамилии таковых записывались. После того были сняты показания, кто на кого указывает, что и записано в две таблицы: в заголовке имена убийц, в другой — зачинщиков, а в вертикальных столбцах собственноручно расписывался указывающий; снято показание с убийц; было указано 8 минер, на восьмого рядового Павла Александрова было только одно показание, почему полевой суд не нашел возможным по наскоро собранным данным предать его смертной казни сейчас же. Суд окончился около 3½ часов дня. Тогда же были отделены осужденные и им об'явлен приговор. К ним был послан протоиерей отец Василий Корольков, одновременно шло вкапывание столбов, привезены мешки для обвязки голов, веревки для привязывания к столбам осужденных и вырыты могилы, рытье могил (что под караулом) производили участники бунта минеры.

Для расстреляния были назначена 2-я рота 2-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона, казнь в 5½ часов дня совершена в присутствии всех арестованных на «Константине» и в лагере, под конвоем 2-й роты л.-гв. Финляндского полка и двух рот 1-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона и одной роты кронштадтской крепостной артиллерии.

Затем по окончании казни и зарытия могил войска и арестованные были пропущены церемониальным маршем через места могил.

О ходе дознания я докладывал и. д. коменданта крепости около 1-го часу дня во время об'езда им Косы и получил от него указания относительно скорейшего окончания казни, согласно распоряжений августейшего главнокомандующего округом. Вернувшись в 8 часов дня в город, я доложил о происшедшем коменданту крепости, осведомился о происшествиях в городе и в гавани и сообразно тому пошел в управление для отдачи распоряжений по размещению войск и, отдохнув 2 часа, с 9 часов вечера я был при коменданте крепости; в это время комендантом крепости были сделаны распоряжения об аресте Двинским полком команд судов, стоявших в гавани, и ожидалась высадка эскадрона л.-гв. Драгунского полка. Комендант крепости не спал и не отдыхал уже вторые сутки, почему на случай всякой тревоги я его сменил в 1½ ночи. В начале ночи 21 числа я дождался прибытия 2-го полуэскадрона, разместил его; обеспокоенный неполучением известий о ходе ареста судовых команд, я поехал лично узнать, в чем дело, но когда я приехал в 5½ часов утра на военный угол, то аресты уже были благополучно кончены. В 7 часов утра пошел спать, а затем в 9 часов утра началась обычная служба.

Начальник инженеров крепости генерал-майор (подпись).

Дело петербургского военно-окружного суда, арх. № 579, 1913 г. Следственное производство по делу о нижних чинах кронштадтских крепостных и саперной и минной рот, т. I, стр. 145, 146 и 147 (2-е отделение юридической секции ЕГАФ).

ПРИЛОЖЕНИЕ 17.

Обвинительный акт по делу о восстании в Кронштадтской крепости в ночь на 20 июля 1906 г.

Обвинительный акт

по делу о лицах гражданского ведомства и нижних чинах кронштадтского крепостного гарнизона, поименованных в прилагаемом при сем списке, преданных временн. военному суду в крепости Кронштадт вр. и. д. коменданта Кронштадтской крепости в порядке 1334 ст. XXIV кн. СВП. 1869 г., изд. 3.

В ночь на 20 июля 1906 года в районе лагерного расположения кронштадтских крепостных минной и саперной рот вспыхнуло вооруженное восстание среди нижних чинов.

На произведенном по этому поводу дознании показаниями опрошенных лиц и другими данными обнаружено нижеследующее:

19 июля, около 11 часов вечера, поручик минной роты Сафонов вместе с подпоручиком саперной роты Суховым сидели в летнем офицерском помещении минной роты. Вдруг бесшумно отворилась дверь с террасы, и в комнату ворвалось человек 10 нижних чинов, вооруженных винтовками, бросились на названных офицеров, схватили их за руки и потушили при этом лампу, об'явив, что должны их арестовать. На увещание офицеров распоряжавшийся нижними чинами унтер-офицер Никон Герасимов заявил, что они должны добиться «земли и воли». После этого часть нижних чинов, под начальством рядового Сильченкова, обезоружив офицеров, отвели их в сарай, где уже находился подпоручик Андреев, бывший в тот день дежурным и арестованный при обходе лагеря, куда затем были приведены полковник Григорьев, штабс-капитан Петров, поручик Волынский, поручик Краснописцев и подпоручик Полубинский. Будучи выпущен на короткое время из сарая, поручик Сафонов успел заметить стоявшего у сарая с ключами артельщика минной роты, рядового Ивана Иванова. Из числа же принимавших участие в задержании офицеров нижних чинов подпоручик Сухов заметил рядового саперной роты Якова Григорьева, разыскивавшего место пребывания офицеров. По свидетельству подполковника . . . . . он разделся, к нему около 12 часов ночи, в то время . . .[1] . . . неожиданно постучались. Оказался дежурный унтер . . . . . , который на оклик доложил, что в роте не совсем . . . . . полковник Григорьев вышел на балкон барака и тотчас же был окружен минерами, среди которых был какой-то человек за старшего с бородой, не полный. Солдаты перекликались между собою, при чем он слышал фамилии Воробьева и Сильченкова. Минеры отвели его в минный лагерь и заперли в сарай, где уже были арестованы офицеры. Арестование поручиков Краснописцева, Волынского и подпоручика Полубинского, по их свидетельству, произошло при следующих обстоятельствах. Названные офицеры возвращались в начале 12 часа ночи 19 июля с форта «Константин», после занятий с прожектором. Едва они вошли в лагерь минной роты, как на них неожиданно набросились из-за кустов человек 12 с ружьями, при чем один из них в синей фланелевой рубашке и в фуражке без чехла сказал: «По приказанию Центрального Комитета вы арестованы». На обращенный подпоручиком Полубинским вопрос «кто ты?», неизвестный назвался Пекановым. Затем офицеры были отведены в сарай, к которому были приставлены часовыми Мишенев и Аверьянов. Из бывших же на месте нижних чинов подпоручик Полубинский узнал по голосу рядового Смитанко, отдававшего какие-то приказания.

Одновременно был арестован минерами и поручик минной роты Булов. 19 июля, как видно из его показания, он вместе с сестрою вернулся из Петербурга на свою квартиру в зимнем помещении около 11 часов вечера. Не застав дома казенную прислугу, он сидел с сестрою в столовой. В это время через кухню появились неожиданно 10—12 вооруженных винтовками нижних чинов, которые, схватив его, стали выводить из квартиры, оттеснив сестру, при чем, встретив с его стороны сопротивление, нанесли ему удары прикладами и повели в карцер при караульном помещении, где начальником караула был старший унтер-офицер Трофим Дорощенков, а разводящим — рядовой Иван Карягин, солдат образцовый, но, видимо, терроризированный мятежниками. В карцере он пробыл до 3 часов ночи, когда был освобожден пришедшим поручиком Волынским, благодаря тому, что мятежники, как он узнал, отправились в форт «Константин». Кроме названных офицеров, был арестован . . . . .[2] Литке, бывший 19 июля дежурным по карауду. . . . . вом часу ночи кто-то из караульных нижних . . . . .[2] нему

[1] Вырванное место.

[2] В документе нехватает куска.

в комнату и об'явил, что карау. . . . . л [1]) енко он вышел в караульное помещение, как его окружили со всех сторон вооруженные минеры, уже успевшие овладеть караулом, который, по его словам, по малочисленности (9 чел.) не мог им оказать сопротивление. Минеры, захватив караул, отправились с ним на форт «Константин», а его препроводили в минный лагерь и посадили в сарай вместе с бывшими там офицерами.

По свидетельству командира 16-й роты кронштадтской крепостной артиллерии Анисимова, около часу ночи к нему в комнату на батарее «Константин» вбежали подпоручик Савицкий и вестовой Павлюков и заявили, что пришел поезд с хулиганами. Капитан Анисимов поспешил к роте, но встретил подпоручика Заркевича, крикнувшего, что за ним гонятся вооруженные люди. Добежав с подпоручиком Заркевичем до телефона, они успели сообщить коменданту крепости о бунте, после чего телефон был прерван. Подпоручик Савицкий бросился в помещение 15-й артиллерийской роты, но был захвачен мятежниками. Едва они успели выйти из помещения телефона, как были окружены мятежниками, между которыми были нижние чины саперной и минной рот и крепостного пехотного батальона. Мятежники провели их сначала к дамбе, но, узнав, что на другом берегу уже расположены пулеметы, отвели их обратно на батарею «Константин» и вместе с подпоручиком Савицким посадили в сарай у пристани, куда потом были препровождены штабс-капитан Коренев и прапорщик Быстров, и часа через два их всех перевели, как оказалось, по просьбе артиллерийских нижних чинов, в офицерские казематы, как более безопасное место. Вскоре после этого раздалась стрельба из пулеметов, а затем пришли артиллеристы, сообщившие, что мятежники уехали на пароходе («Минер»). Заключенные офицеры с частью рот поспешили к дамбе, по которой уже двигалась рота пехоты, которая, прибыв на форт, принялась арестовывать мятежников. По свидетельству штабс-капитана той же артиллерии Коренева, во время заключения их в сарае от форта отчалил по направлению к городу минный катер «Понтонер». Как он узнал потом от нижних чинов, на нем переправлялись шесть человек на форт «Обручев» для агитации.

По свидетельству старшего фейерверкера 16-й роты Петра Ефимова, в момент прибытия мятежников нижние чины роты спали, а потому были застигнуты врасплох. Мятежники появились в роте с криками: «Товарищи, требуйте земли и воли». Среди них было трое статских при шашках и револьверах, которых он может признать.

Один из них был арестован тотчас же по захвате мятежников, а двое других были потом найдены под мостом. Мятежники стали звать артиллеристов на форт «Обручев» и требовали, чтобы были наведены орудия на дамбу, но артиллеристы отказались это сделать. В это время по «Константину» была открыта стрельба, мятежники попрятались, а затем, по прибытии войск, при содействии бывших на форте артиллеристов были обезоружены. По словам канонира той же роты Петра Рачкова, часть нижних чинов, по приказанию фейерверкеров, подошла к 57-мм. пушке, чтобы не допустить мятежников воспользоваться ею, но кто-то успел сделать выстрел из этой пушки, возле которой фейерверкер Ефимов нашел потом два ящика с патронами, которые, по его приказанию, были немедленно убраны.

По свидетельству канониров 15-й роты Якова Корнейчука и Ивана Лебедева, по прибытии к казармам мятежников, бывшие между ними вольные закричали: «Орлов, что ты спишь, выходи». По этому крику Орлов тотчас же вскочил с постели и стал звать с собою артиллеристов. Корнейчук видел потом Орлова бегавшим вместе с минерами, саперами и статскими. Последним, по свидетельству канонира 16-й роты Егора Царькова, он показал, как заряжается 57-мм. пушка. По показанию фельдфебеля 15-й роты Григория Кудрявцева, Орлов приглашал и его примкнуть к мятежникам. По показанию полковника Шелева и штабс-капитана Пьянкова и Иванова,

[1]) В документе нехватает куска.

как только стало известно о мятеже, по приказанию коменданта крепости был вызван отряд пехоты с орудиями и пулеметами. При наступлении отряда на форт «Константин» со стороны мятежников был произведен орудийный выстрел и открыт ружейный огонь по наступающим, но после ответного огня выкинули белый флаг. Наступавшие вошли на форт и арестовали мятежников, укрывавшихся на пароходе «Минер», и освободили арестованных офицеров. После этого мятежники, в числе 142 человек, были арестованы. В числе арестованных, по словам штабс-капитана Иванова, был один штатский. При движении отряда на «Константин» был послан один взвод, под командою прапорщика Волгина, на Литке; мятежников там не оказалось, но был обнаружен разломанный погреб, где хранились ружейные патроны. Одновременно с задержанием мятежников на форте «Константин», по распоряжению начальства, были арестованы подпоручиком 2-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона оставшиеся в лагере саперы, а также задержаны несколько человек в тростниках, при чем некоторые из последних, по свидетельству названного офицера, на требование сдать оружие пытались скрыться.

На другой день, 21 июля, по свидетельству штабс-капитана Антулаева, были обнаружены возле пристани «Константин», скрывавшиеся под складом казенного имущества электротехнической роты, двое каких-то штатских, в одном из них, блондине, рядовой Полтораченко, состоящий машинистом на паровом катере школы, признал того самого, который, по его словам, прибегал в ночь на 20 июля на катер, приказывая развести пары и отваливать. Другой же, брюнет, был узнан всеми бывшими на «Константине» артиллеристами, которые, как удостоверил и капитан Анисимов, признали того неизвестного, который распоряжался при занятии «Константина» в ночь на 20 июля. При обыске задержанных у брюнета (как видно и из находящегося в деле списка) было найдено письмо капитана Анисимова к его жене, которое у последнего взято штатским, принимавшим участие в его аресто-вании, для передачи по назначению.

При допросе на дознании блондин назвался сыном С.-Петербугского ремесленника Константином Николаевым Ивановым, об'яснив, что приехал в начале июля из Петербурга для приискания работы по пекарному делу. 19 июля, ночуя за городом и услышав шум в лагере, отправился туда из любопытства, откуда по такому же побуждению последовал за минерами на форт «Константин». Там все время ходил по пристани, а когда началась стрельба из пулеметов, спрятался под сруб сарая, где и был найден. Брюнет же, назвавшись студентом 2-го курса электротехнического института, сыном чиновника, Арамом Моисеевым Тер-Мкртычанцем, происходившим из уроженцев города Шуши, 22 лет, отказался давать какие бы то ни было об'яснения. Задержанный же в ночь на 20 июля непосредственно после мятежа об'яснил, что он крестьянин Московской губернии, Богородского уезда, деревни Анциферово, Порфирий Петров Конаков, приехал 19 июля на заработки, в поисках за которыми набрел на железную дорогу, где и заснул. Когда же мимо проходил поезд, он сел на него и поехал. При остановке на поезд сели вооруженные солдаты, которые, не позволив ему сойти, довезли до форта «Константин», где он при начале стрельбы из пулеметов лег под мостом. Приведенные об'яснения как Иванова, так и Конакова, однако, не только не находят себе подтверждения в приведенных выше обстоятельствах дела, но и опровергаются показаниями допрошенных по настоящему делу нижних чинов, из числа коих унтер-офицер 1-го Кронштадтского крепостного пехотного батальона Василий Сухоруков, минной роты рядовые Константин Ферман, Василий Егоров, Евгений Максимов, саперной роты рядовой Михаил Снарский удостоверили, что Конаков был на форте «Константин» с красным флагом и распоряжался мятежниками. Означенные лица, опрошенные на дознании, 2-го крепостного пехотного батальона унтер-офицер Яков Ярошко и рядовые Иван Баранов, Константин Иванов, а равно и другие нижепоименованные нижние чины в общем показали об обстоятельствах, относящихся к возникновению восстания, и сопровождавших его обстоятельствах следующее: в ночь на 20 июля в лагере минной роты

раздались крики: «Вставай, одевайся и выходи с ружьями». По словам рядовых Алексея Агеева и других, больше всех кричал унтер-офицер Герасимов и рядовой Виноградов вместе со штатскими, в числе которых был и Конаков. По этому крику часть нижних чинов сама встала и взяла винтовки, после чего под командою штатских двинулась к саперному лагерю, а отсюда, вместе с саперами, — к минному городку, где были розданы патроны.

Арестовав офицеров и захватив шедший мимо поезд, вся команда отправилась на форт «Константин». В числе проследовавших таким образом на форт «Константин» нижних чинов были: минной роты унтер-офицер Тихон Герасимов, рядовые: Яков Теканов, Николай Рюмаев, Александр Сергеев, Петр Прокофьев, Евгений Максимов, Михаил Осипов, Дмитрий Павлов, нестроевые младшего разряда: Дмитрий Чирков, рядовые: Петр Быстряков, Алексей Агеев, Александр Потыкалов, Степан Щербаков, нестроевой младшего разряда Семен Мишенков, ефрейтор Иван Ануфриев, рядовые: Константин Ферман, Владимир Соколов, ефрейтор Яков Николаев, Георгий Егоров, нестроевой младшего разряда Сергей Ламбург, рядовой Иван Михайлов, Александр Самодранов, унт.-оф.: Александр Поликарпов, Федор Киселев, Николай Васильев, Степан Ильичев, ряд. Кузьма Устинов, Илья Нефедов, унт.-оф.: Петр Иванов, Иван Кемпе, рядовые: Федор Сильченков, Петр Виноградов, Михаил Филиппов, Павел Александров, Михаил Иванов, ефрейт.: Федор Малетенков, Гавриил Сергеев, ряд. Зиновий Подрядчиков, ефр. Василий Яковлев, рядовые: Петр Урядников, Михаил Палачев, Александр Топленников, Василий Михайлов, Федор Куклинов, Алексей Богданов, ефрейторы: Ян Юриссон, Сергей Савин, Федор Коротков, Александр Бойцов, Степан Филимонов, Павел Долженков, Семен Степанов, Григорий Смирнов, молодой солдат Константин Александров, рядовые: Василий Угомонов, Антип Никитин, Александр Краснопевцев, Александр Степанов, Трофим Семенов, Сергей Калакин, Дмитрий Богданов, Илья Семенов, Дмитрий Козин, Федор Дмитриев, нестроевой младшего разряда Павел Шумилов, рядовые: Карп Фомин, Кирилл Константинов, Михаил Гончаров, Дмитрий Комаров, Василий Митрофанов, Иван Комаров, ефрейтор Егор Кабанов, рядовые: Александр Товарков, Федор Кольцов, Василий Повалихин, Александр Эпнеров, Петр Фирулев, Степан Коновалов, Гавриил Горчаков, Василий Егоров, Юган Югансон, Семен Михайлов, Федор Шебаев, нестроевые младшего разряда: Алексей Иванов, Матвей Егоров, рядовой Иван Дубовский, фельдшер Василий Крюков, нестроевой старшего разряда Афанасий Хавский, унтер-офицер Павел Андреев, рядовые: Петр Молодцов, Михаил Алексеев, Игнатий Сергеев, саперной роты унтер-офицеры: Иван Гирин, Иван Сеньков, ефрейторы: Иван Васильев и Дмитрий Ефимов, рядовые: Василий Алифанов, Степан Козин, Василий Серебрянников, Антон Степанов, Михаил Снарский, Яков Григорьев, Федор Антонов, Пантелей Богданов, Михаил Текутьев, Михаил Смирнов, Иван Савин и Степан Нефедов. Все поименованные нижние чины, не отрицая нахождения своего в ночь на 20 июля на форте «Константин», в то же время, однако, отрицают всякое участие в мятеже. Кроме вышеупомянутых нижних чинов, на форте «Константин» в ночь на 20 июля находились саперной роты унтер-офицер Николай Казаринов и рядовые Григорий Максимов и Федор Кобызев. Нижние чины эти были посланы начальником оставшейся в городе команды подпоручиком Дмоховским в лагерь за дежурным взводом, но назад в город не вернулись, об'ясняя это обстоятельство тем, что по дороге поезд, затормозивший ход возле станции Литке, чтобы выпустить ехавших на нем трех дежурных телеграфистов, был захвачен мятежниками, которые силою заставили их следовать на форт «Константин», по прибытии на который они все попрятались. На форте же «Константин» 20 июля были арестованы команды стоявшего у форта парохода «Минер», бывший на последнем за старшего унтер-офицера Михаил Иванов и рядовые Федор Михайлов и Алексей Данилов. На «Минере» были найдены многие скрывшиеся мятежники, но команда парохода отрицает всякое соучастие с мятежниками, об'ясняя, что последние обращались к ней с требованием присоединиться к ним и развести

пары, но что они, несмотря на угрозу, не согласились и с парохода не сходили. По об'яснению занимавших с 19 на 20 июля караул при денежном ящике минной роты унтер-офицера Трофима Дорощенкова, рядовых: Ивана Карягина, Александра Слепченкова, Семена Марченкова, Александра Кийска, Федора Кравченко, Якова Федорова, Ивана Шмелева, в караульное помещение ночью неожиданно ввалилась толпа нижних чинов минной роты с штатскими людьми. Толпа привела поручика Беляева и посадила в карцер, когда же рядовой Карягин, по его словам, стал отвечать на вопросы поручика Беляева, через окно, унтер-офицер Дорощенков пригрозил ему револьвером за разговор с офицером. В 4 часа в карауле появился поручик Волынский, освободивший поручика Беляева из заключения, после чего все нижние чины караула были арестованы. По показанию рядового кронштадтской крепостной артиллерии Михаила Орлова, он вышел из казармы ночью 20 июля по команде какого-то офицера: «15-я рота, одевайся, в ружье». Одновременно с ним вышли и другие нижние чины роты, после чего он, Орлов, хотел отправиться в город, но не был допущен туда солдатами, тогда он отправился на пристань в будку и спрятался под нарой, где его нашли и арестовали. Не признавая себя виновным во взводимых на него нижними чинами обвинениях, Орлов при допросе отрицал всякое участие в мятеже.

Саперной роты унтер-офицер Лука Попович, ефрейтор Яков Николаев и рядовые: Григорий Кукушкин, Василий Прокофьев, Александр Прокофьев, Гавриил Федоров, Иван Аверьянов, Николай Соломатин, Николай Мишенев, Григорий Федоров, Иван Титенков, Тимофей Патурин и саперной роты унтер-офицеры: Александр Дурнов, Сергей Маторин, ефрейтор Павел Баранов, рядовые: Василий Антоневич, Ефрем Череноватов и Василий Курашев и крепостного пехотного батальона Федор Попиляев, также отрицая всякое участие в восстании, об'ясняют, что они своевременно спрятались от мятежников, пытавшихся склонить их в свою сторону. Однако унтер-офицер Лука Попович в то же время признал, что, по требованию минера Устинова, развел пары на пароходе «Понтонер» и отвез Устинова с форта «Константин» в «Итальянский пруд». Как видно из имеющегося в деле донесения начальника инженеров крепости вр. и. д. коменданта крепости, во время описанного восстания мятежниками были убиты: командир 6-го понтонного батальона полковник Александров и временно командующий кронштадтской крепостной минной ротой капитан Врочинский. На основании всего вышеизложенного, упомянутые в прилагаемом при сем списке нижние чины и лица гражданского ведомства обвиняются в том, что, согласившись между собою исторгнуть силою у военного начальства крепости Кронштадт предоставленную им законом власть над крепостью и городом, они, для приведения этого намерения в исполнение в ночь на 20 июля сего 1906 года, в районе лагерного расположения кронштадтских саперной и минной рот и в зимнем помещении последней, сообща напали с оружием в руках на полковника Александрова и капитана Врочинского, которых лишили жизни, и на подполковника Григорьева, штабс-капитана Петрова I, поручиков Сафонова, Краснописцева, Волынского, Беляева и подпоручиков Сухова, Полубинского и Андриянова, лишив их свободы и нанеся при этом поручику Беляеву удары прикладами ружей, после чего, обезоружив на форте «Литке» пехотный караул и завладев частью патронов из ротного огнестрельного склада, двинулись на форт «Константин» и, овладев последним, неожиданным нападением обезоружили гарнизон и захватили находившихся там капитана Анисимова, штабс-капитана Коренева, подпоручиков Заркевича, Савицкого и прапорщика Быстрова и лишили их свободы. Когда же, по распоряжению военного начальства, был выслан против них для усмирения отряд пехоты с артиллериею, они с целью оказать сопротивление наступавшим на них войскам, произвели по ним с форта «Константин» боевой выстрел из орудия и открыли оружейный огонь, но после стрельбы по ним из пулеметов сдались и были захвачены. Деяние это в отношении поименованных в приложенном при сем списке нижних чинов предусмотрено п. б 110 ст. XXII кн. СВП. 1869 г., изд. 3, а в отношении лиц

гражданского ведомства—20 п. приложен. к 22 ст. свода законов, т. II и 279 ст. упомянутой книги СВП. 1869 г., изд. 3.

Составлен в крепости Кронштадт 30 июля 1906 года.

Исп. военно-прокурорские обязанности при временном военном суде в крепости Кронштадт полковник *Чуксанов.*

Список

судей и прокурора, рассмотрению коих подлежит дело о поименованных в списке лицах:

Председательствующий — генерал-майор Томашевич.

Временные члены:

л.-гв. 1-й артиллерийской бригады полковник Головачев,
л.-гв. Московского полка полковник Мальман,
капитан 2-го ранга Берлинский,
капитан 2-го ранга Панферов,
Запасный член — полковник Ганенфельдт.

Исп. об. военного прокурора полковник Чуксанов.

Дело петербургского военно-окружного суда о гражданских лицах и о нижних чинах кронштадтских крепостных саперной и минной рот и артиллерии, всего в количестве 147 человек. 1906 г., № 370, арх. № 579, 1913 г. (2-е отделение юридической секции ЕГАФ).

ПРИЛОЖЕНИЕ 18.

Приговор военного суда по делу о кронштадтском восстании.

Выписка из резолюции временного военного суда в гор. Кронштадте 5 августа 1906 г.

Приговорены:

К смертной казни через расстреляние — 10 человек.

В каторжные работы: 8 человек — на 20 лет,
13 человек — на 15 лет,
6 человек — на 10 лет,
1 человек — на 8 лет,
42 человека — на 6 лет,
11 человек — на 4 года.

В исправительные отделения: 30 человек — на 4 года,
3 человека — на 2 года,
всех с последствиями 43, 46, 58^1 и 58^2 ст. ул. о наказан.

7 человек — на 2 года без последствий.

16 человек оправдано.

Дело петербургского военно-окружного суда, № 370, 1906 г., арх. № 579, 1913 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 19.

Описание казни 19 матросов, участников кронштадтского восстания.

21 сентября утром, в 6 час., на военном судне «Работник» осужденные с форта № 4 были привезены на батарею «Литке». На площадке, назначенной для приведения приговора в исполнение, были вкопаны два столба в 20 саженей один от другого, между которыми был натянут канат на высоте половины человеческого роста от земли. Осужденные были привязаны к канату. Во время чтения судебного приговора матросы запели: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». От последнего напутствования священника осужденные отказались. После этого на голову осужденных надели небольшие мешки, и было приступлено к казни — расстрелу. Расстреливала их рота матросов, сзади в три ряда стояли роты разных полков: егеря, елисейцы, финляндцы с ружьями «на перевес». Расстрелом руководил комендант крепости Кронштадт Адлерберг. Расстреливали из винтовок. По команде: «пли» раздался первый залп, но так как расстреливавшие, естественно, волновались и целились плохо, то после первого залпа убитыми оказались всего 3—4 человека, остальные же — тяжело или легко ранеными, а в некоторых же пули вовсе не попали.

Убитые и раненые, падая, пригибали канат, к которому все были привязаны, к земле, увлекая раненых и незадетых пулями.

Извиваясь в конвульсивных движениях недобитые, умирающие и корчащиеся от боли раненые начали дергать канат в разные стороны, так что второй залп был дан по барахтающейся, сбитой в кучу массе, целиться в которую было крайне трудно, и залп оказался почти безрезультатным. Первоначально стрелкам было роздано по два патрона. Произошло замешательство. Стали раздаваться им еще патроны, и те вновь начали заряжать винтовки, и уже сами, без команды стали беспорядочно стрелять в недобитых, чтобы скорее прекратить эту ужасную картину...

Потом покойных уложили в девять больших мешков, которые затем погрузили на пароход и отвезли к Толбухину маяку. Там привязали к мешкам железные грузы и бросили в море...

ПРИЛОЖЕНИЕ 20.

Прокламация ИК Кронштадтских военной и рабочей организаций по поводу неудачи кронштадтского восстания в ночь на 20 июля 1906 г.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К кронштадтским матросам и солдатам.

Товарищи матросы и солдаты.

Над нашими головами грозою прошумело восстание. С горечью видят теперь все, что оно очень мало сделало для освобождения России, а между тем потрясло до основания наши организации, наполнило страдальцами ужасные тюрьмы, поставило перед судом палачей сотни наших дорогих товарищей. Видя такие плоды восстания, вы невольно ищете с негодованием виновников этого несчастья, этой роковой ошибки: приходится слышать, как сознательные матросы едко упрекают рабочих за то, что они не оказали им достаточной поддержки. Раздаются обвинения против социал-демократов,

будто они способствовали поражению упрямым нежеланием слить свои силы с силами местной беспартийной организации.

Товарищи. Мы вовсе не хотим отыскивать настоящих виновников для того, чтобы направить на них ваш гнев, но нашим священным долгом является раз'яснить самые глубокие причины поражения, указать те коренные ошибки, которыми оно было обусловлено, разобраться в тех важных вопросах, которые возникали перед нами в связи с вопросом о восстании и продолжают стоять перед нами еще и теперь. Только отдавая себе отчет в своих ошибках, точный и беспощадный, можем мы итти вперед к окончательному успеху.

Товарищи. Мы твердо верим в вооруженное восстание, мы думаем, что только оно в состоянии разбить цепи русского народа и привести нас к полной свободе. Восстание окажется окончательным и победоносным в том случае, если на сторону народа перейдет значительная часть армии, солдаты, которые — все те же обездоленные рабочие и крестьяне, только одетые в ненавистные царские мундиры.

Народное восстание без поддержки армии приведет к напрасному кровопролитию. Военный бунт частей армии и флота без народного восстания так же роковым образом осужден на неудачу. Очевидно, что революционный народ и революционное войско должны действовать дружно, одновременно, возможно более планомерно. Но народ русский велик, велики и раскинуты во всей стране и его военные силы, а потому для единовременности действий крестьян в селах, рабочих в городах, части войск и флота, ставших уже втайне на сторону революции, необходима целая сеть сносящихся между собой местных организаций с единым всероссийским центром, который обязан собирать отовсюду сведения и всюду давать лозунги. Такие организации с многочисленными разветвлениями по России и с руководящими центрами имеются уже, это — революционные партии. Вы знаете хорошо, товарищи, что существует две больших революционных партии — Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия и партия социалистов-революционеров. Обе эти партии стремятся не только к тому, чтобы организовать вооруженное восстание и добиться свободы, обе они хотят большего: воспользовавшись свободой слова, собраний, союзов, печати, стачек и т. д., они хотят повести новую борьбу за социализм, т.-е. за отчуждение земли, фабрик, заводов, копей, железных дорог и пр. орудий производства от нынешних их корыстных владельцев и передать их в руки демократического, свободного, равного общества. Матросы и солдаты — дети тружеников полей и мастерских — не могут не становиться социалистами по мере того, как приходят к сознанию своих истинных интересов.

Преимущества всероссийской организации очевидны, потому что восстание должно быть всероссийским, но так же очевидно и то, что такая всероссийская организация в целях восстания и низвержения самодержавия должна быть одна. Не только социалисты-революционеры или социал-демократы должны сговориться между собою об общих действиях, — они должны привлечь к своему великому и трудному делу всех, кто искренне стоит за необходимость вооруженного восстания и за полную свободу народу. Да, сговориться для служения делу народного восстания должны все, чтобы с оружием в руках биться за свободу против правительства, — таково глубокое убеждение социал-демократов; нигде и никогда не будут они ставить препятствий такому сближению. Но часто, говоря о беспартийной организации, выдвигая ее важность, понимают под нею совсем не то, о чем говорили мы, не союз для достижения совместных ближайших целей, а полное слияние партий; призывают не к тому, чтобы различные партии делали сообща то дело, которое все они находят одинаково необходимым, а призывают к замене их чем-то совершенно новым. На это социал-демократы никогда не пойдут. Они не пойдут на это потому, что твердо убеждены в возможности завоевания настоящего социализма только единой крепкой и чистой организацией пролетариев, неимущих рабочих городов и сельских батраков. Организация рабочих—Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия—может вести борьбу за свободу вместе с другими друзьями свободы, но рас-

плыться в других непролетарских элементах, например, в массе мелких собственников, она не может, потому что она сослужила бы этим дурную службу социализму. Пусть мелкие собственники даже льнут теперь к какому-то расплывчатому полусоциализму, намеки на который раздавались, например, из уст трудовиков, — современем, приобретя свободу, приобретя землю, они станут врагами дальнейшего движения к социализму, а рабочим и батракам, которым раньше социализма не будет счастья, горько пришлось бы пожалеть тогда, что они не имеют своей собственной, в борьбе окрепшей и сплотившейся строго-социалистической организации.

Вот почему и мы, кронштадтские социал-демократы, на приглашение слиться в беспартийную военную организацию города Кронштадта ответили: мы можем войти в эту организацию для взаимного обсуждения и совета, но мы не можем подчиняться решениям большинства этой организации по двум причинам. Во-первых, мы не признаем возможным, чтобы Кронштадтская организация самостоятельно, помимо воли остальной России, решала такой общий вопрос, как вопрос о восстании; во-вторых, мы, социал-демократы, должны повиноваться в наших выступлениях воле нашей всероссийской партии. Но беспартийная организация, т.-е., в сущности, кронштадтские эсеры (с.-р.) хотели непременного слияния, и мы не вошли в организацию. Да и как могли бы мы вместе работать, если понимание положения было у нас совсем разное. Мы все время говорили: в России создается общий центр для руководства восстанием, начнется одновременное массовое движение в деревне и городе, тогда-то придет пора и для армии и для флота, тогда-то они и перейдут на сторону народа, чтобы доконать ненавистного врага. А социалисты-революционеры обвинили нас в том, что мы желаем, чтобы Питер командовал Кронштадтом; они учили, что когда поднимется Кронштадт, восстанут и суда, и Ревель, и Либава, а за ними, наконец, и вся Россия. Странно было слышать эти речи кронштадтских эсеров тем, кто слыхал их петербургских товарищей: в Питере мы доказывали, что всякое выступление до окончания полевых работ в деревне — преступная растрата сил. Итак, наша тактика была: готовиться, организовываться и ждать общего движения; тактика эсеров: начинать, а за нами, мол, не отступят и остальные.

За 10 дней до выступления в № 5 социал-демократической газеты «Казарма» мы повторяли наши взгляды: не военные бунты нужны нам, а переход войск в решительный момент на сторону восставших народных масс. За три дня до выступления мы вновь говорили в особо выпущенном листке, что надо приберечь наши силы к великому делу всеобщего восстания. А так называемая беспартийная военная организация в ослеплении готовила военный заговор и бунт.

Разногласие, которое мы только что указали, было очень важно. Но не менее важно было и другое. Эсеры, стоявшие во главе беспартийной военной организации, не только очень пренебрежительно отзывались о военных силах социал-демократической военной организации, не только не хотели считаться с очень серьезными связями, какие мы имели на судах и в крепостных батальонах, — они не потрудились сговориться и с рабочими организациями. Все свое дело они вели, как заговорщики, рассчитывая на то, что самое важное в этом деле — тайна, внезапность нападения. Мы же полагали, что если уж итти на восстание, то надо придать ему массовый характер, надо подготовить настроение на митингах и массовках и в решительный момент вызвать на улицу многотысячную толпу рабочих. Эсеры воображали, что могут обойтись и без этого. Они подготовляли взрыв и не сочли нужным ни полусловом уведомить социал-демократов о своих затеях. «Они, мол, только критикуют нас; но, коли так, мы и без них обойдемся». И мы, как повелел нам наш политический долг, продолжали твердить рабочим массам и нашим организованным матросам и солдатам, что надо крепиться и ждать решительной всероссийской войны.

И вдруг в один прекрасный день нас извещают без далеких слов: сегодня в 11 часов ночи будет восстание.

Рассуждать, спорить, критиковать было некогда. Что можно было сделать для поддержания товарищей, то было сделано. Но времени было мало: многих матросов мы просто физически не успели известить, другие приняли наши призывы холодно и недоверчиво: ведь ничего не было подготовлено, ведь мы накануне доказывали неразумность такого шага.

И все восстание шло тем же путем: кучки вооруженных людей нападали, призывали Енисейский полк присоединиться и прочее. Не создалось и не могло создаться картины массового народного восстания. Ручаться можно, что если бы к енисейцам пришла не скрытая в темноте горсть в 40 или 50 вооруженных, а тысячная толпа, в том полку одержало бы верх настроение организованных солдат, и они не стали бы стрелять, а, весьма возможно, были бы увлечены общим потоком.

Товарищи. Восстание в Кронштадте потерпело поражение. Но это было бы полгоря, если бы вместе с тем разбиты были и те ошибки, которые его породили, если бы умерла вера в военный бунт, не связанный с общим выступлением, — вера в возможность подменить массовые выступления заговорщицким внезапным нападением, оторванным от общего движения. Если бы это все отжило, то это хотя в некоторой степени вознаградило бы нас за понесенные утраты и расчистило дорогу великому движению сознательных солдат и матросов, протягивающих вооруженную руку помощи брату-рабочему в городах и селах. Будем учиться, будем подниматься после каждого поражения и наступать на врага все грознее и сильнее, — конечная победа обеспечена за нами. Да здравствует же революционная армия, восставший флот! Да здравствует русская революция и всемирная социал-демократия!

Исполнительный Комитет Кронштадтских военной и рабочей организаций Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 21.

Предсмертные письма расстрелянных матросов, участников кронштадтского восстания в ночь на 20 июля 1906 г.

Письмо матроса Глебко.

Товарищи, прошу вас, не забудьте моей просьбы, напишите письма родным, прошу, опишите все подробнее, каков был и за что погиб. Товарищи, желаем вам вскоре победить врага... Мы священника принимать не станем. Прошу не забыть лейтенанта *Буша* и фельдфебеля 11-го экипажа *Бурака,* через которых погибло шесть человек, борцов за свободу... Прощайте... прощайте...

Письмо Комарницкого.

Товарищи, остается несколько часов до расстрела, все спокойны, мысль о близком переходе в вечность нас не пугает. У окна стоит часовой и плачет, служащие со слезами приходят прощаться и просят на память ленточки, кокарды. Все понимают, что это не погром кронштадтских лавок. Все поняли прекрасно, что восстание за счастье народа, желая лучшей доли ему. Поняло и правительство это и задумалось. Да, сколько не думайте, а земли и воли дайте. Офицеры, и те многие сочувствуют нам, говоря не с презрением, а с уважением. Мы мало сделали, но сделали все, что могли, и отдали последнее — жизнь. Но пусть правительство знает, что скоро, скоро наступит расчет. Убивая и расстреливая нас, оно наживает сотни за каждую жизнь мстителей. Стонет Россия, стонет бедный народ. Но сильнее этого стона раздается крик мести народной, и поднимется русский народ на своих угнетателей — пойдет добывать себе свободу. Перепуганное, жалкое правительство спешно

режет, вешает, расстреливает, думая этим уничтожить ненавистную ему крамолу. Нет, мы не боимся, мы смело шли за правое дело, со смехом пойдем мы на казнь, мы смеемся над бессилием наших палачей. Из 3.232 человек едва-едва набрали виновных, допрос пришлось вести с револьвером над головой; более 2.000 свидетелей были со стороны защитников и только 198 человек со стороны прокурора, из которых многие говорили суть дела, не выдавая фамилий. Судьи терялись, не находя концов, и кончили тем, что набрали число, но не набрали нужных виновных, — вся Россия виновата. Вот где виновные, — невиновные только богачи и министры. Кто может спокойно смотреть, как голодный отец делит детям последний кусок хлеба. Голодная полунагая мать иссохшей грудью кормит сына. Корми, корми, болезная, готовь сына вампиру-царю...

Если не расстреляют сегодня, — конец пришлю.

Комарницкий.

«Казарма», № 9, 26 октября 1906 г.

Письма Ивана Маскаева.

Гор. Кронштадт 17 сентября 1906 г.

В первых строках моего письма, дорогие родители, уведомляю вас о том, что я пишу последнее письмо. Тятя и мама. Кланяюсь я вам по низкому поклону и желаю вам быть здоровыми. Кланяюсь дорогому брату Тимофею Ивановичу, сестрице и супругу вашему Антону Андреевичу и сестре Дарье Грутный, всем кланяюсь по низкому поклону и желаю быть здоровым.

Дорогие тятя и мама, дорогие брат Тимофей и сестра! Последнее письмо пишу вам — больше не дождетесь от меня — прощайте... Сейчас расстреляют нас, 20 матросов... Прощайте все родные, товарищи. Больше не могу, рука не владеет.

Прощайте... прощайте... прощайте..

Иван Маскаев.

Письмо дорогим родителям — батюшке моему Ивану Федоровичу и также равно маменьке моей Марье Кириловне.

От Ив. Ив. Маскаева.

«Казарма», № 9, 1906 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 22.

Главные требования, которые были пред'явлены начальству 8 июля солдатами лейб-гвардии Преображенского полка (Петербург).

Мы требуем:

1. Человеческого обращения с нами начальства.
2. Освобождения от несения полицейской службы.
3. Свободного увольнения со двора и свободного доступа всюду.
4. Устройства читальни, куда выписывались бы всевозможные передовые журналы и газеты, которые до сего времени нам не разрешено было читать.
5. Чтобы не вскрывали солдатских писем.
6. Улучшить пищу и вообще варить ее по вкусу солдат; улучшить печение хлеба, так как он всегда бывает сырой и горелый.
7. Отменить наказания за политические убеждения.
8. Выражаем свое полное согласие с требованием депутатов Государственной Думы о наделении крестьян землей.

«Казарма», № 5, 1906 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 23.

Суд над участниками восстания на крейсере «Память Азова».

Полевой суд над участниками восстания на крейсере «Память Азова» начался 30 июля. Председателем суда был командир броненосца «Слава» капитан 1-го ранга Русин. Членами суда — командир крейсера «Богатырь» Гирс II, лейтенанты Подгурский, Бутаков и др. 4 августа был вынесен приговор, по которому 18 человек (17 матросов и 1 штатский — Арсений Коптюх) были приговорены к смертной казни через повешение. С казнью торопились, боясь вмешательства рабочих и матросов других судов. Тюрьма, в которой находились осужденные, все время охранялась усиленными нарядами войск; члены суда во все время разбирательства дела оставались в здании суда, даже ночуя в нем. Выражая свое сочувствие, ревельские рабочие бастовали, а матросы команд стоявшей в Ревеле эскадры глухо волновались. Судовое начальство, боясь выступления матросов, обезоружило команды.

Приговор над осужденными на смертную казнь был приведен в исполнение на рассвете 5 числа. Осужденные на казнь были приговорены к повешению, но командующий эскадрой капитан 1-го ранга Бострем, от которого зависело приведение приговора в исполнение, «смягчил» участь осужденных: повешение было заменено расстрелянием. Расстреливали казаки. Другие стоявшие в городе войска (Царицынский, Новочеркасский и Иркутский полки), по слухам, отказались исполнять роль палачей. Осужденные были привязаны друг к другу и отведены в губернский сад, находившийся недалеко от тюрьмы. Там они все были прикреплены к протянутому между двумя деревьями канату. По просьбе осужденных, им глаз не завязывали. Перед казнью Коптюх и один из матросов обратились к казакам: «Цельтесь в нас лучше, мы умираем за вас и за весь народ. Когда-нибудь и вы вспомните нас»... После произведенных двух залпов некоторые из казненных не были убиты, их добивал из револьвера казачий офицер. Казнью распоряжался жандармский ротмистр Трохимовский-Гришкевич. Последний все время размахивал револьвером, грозя убить всякого, кто осмелится выразить сочувствие осужденным.

ИСТОЧНИКИ.

АРХИВНЫЕ:

Дела главного штаба:

1. 3 стола, 2 отдела, 1906 г., № 59, секр.
2. О пропаганде и беспорядках в частях войск Петербургского военного округа, № 26.

Дела департамента полиции, особого отдела (дела политсекции Ленинградского отделения Центрального архива):

№ 1877, ч. 3, 1905 г.
№ 20, ч. 75, 1906 г.
№ 6, ч. 8, 1906 г.
№ 2, ч. 4, 1906 г.
№ 6, ч. 3, 1906 г.
№ 6, ч. 3, л. А, 1906 г.

Дела временного военного суда в крепости Свеаборг (2-е отд. юридической секции ЕГАФ, Ленинград):

№ 58, 1911 г.
№ 56, 1911 г.

Дела временного военного суда в крепости Кронштадт:

№ 519, 1913 г.
№ 461, 1914 г.

ГАЗЕТЫ:

«Новая Жизнь», 1905 г.
«Начало», 1905 г.
«Самарская Газета», 1905 г.

Нелегальные газеты:

«Солдатская Мысль», 1906 г.
«Вестник Казармы», 1906 г.
«Казарма», 1906 г.
«Солдатская Доля», 1906 г.
«Солдатская Газета», 1906 г.
«Социалист-Революционер», 1906 г.

КНИГИ И ЖУРНАЛЫ:

«Революция и ВКП(б)».
«Из революционной истории флота». Из записок о восстании в Кронштадте в 1905 г.
Л. Троцкий. «1905 г.».
Цион. «Три дня восстания в Свеаборге».
Ю. Зюбелевич («Даша»). «Кронштадт в 1906 г.» (воспоминания революционерки).
«Общественное движение в России в начале XX века». Под ред. Мартова, Маслова и Потресова.
«Красная Летопись». Исторический журнал Ленинградского бюро Истпарта. Ленинград. №№ 2—3, 1922 г.; №№ 4 и 5, 1923 г.
Протоколы конференции военных и боевых организаций РСДРП.

Г. И. ЖЕЛЕЗНОВ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОЙСКАХ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1905 ГОДУ.

I. ПОДГОТОВКА ВОССТАНИЯ.

> «Мы должны стараться поспевать за событиями, подводить итоги, делать выводы, почерпать из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще «безмолвствует народ», и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар».
>
> (Н. Ленин. «Революционные дни», Собр. соч., т. VI, стр. 63.)

6 декабря 1905 года Московский Совет Рабочих Депутатов вместе с революционными партиями обратился с воззванием ко всем рабочим, солдатам и гражданам с призывом начать всеобщую политическую забастовку со среды 7 декабря, в 12 часов дня.

В этом обращении войска призывались к беспощадной борьбе с царским правительством плечом к плечу с революционным пролетариатом.

«Товарищи солдаты, — провозглашал Московский Совет, — вы — наши кровные братья, дети единой с нами матери, многострадальной России. Вы уже сознали и подтвердили это участием в нашей борьбе. Ныне, когда пролетариат об'являет ненавистному врагу — царскому правительству—решительную войну, действуйте и вы решительно и смело.

Отказывайтесь повиноваться своему кровожадному начальству, гоните его прочь и арестуйте, выбирайте из своей среды надежных руководителей и с оружием в руках присоединяйтесь к восставшему народу. Вместе с рабочим классом добивайтесь отмены военных судов и военного положения.

Да здравствует союз революционного пролетариата с революционной армией! Да здравствует борьба за общую свободу!»

Еще двадцать лет тому назад были намечены пути совместного революционного действия пролетариата и армии, и вопросу о подготовке совместного выступления организованных рабочих, которые должны были опираться в своей борьбе на вооруженную армию, придавалось

громаднейшее, первостепенное значение, и в течение всего 1905 года подпольные военные организации РСДРП развивали агитацию среди войск, раскинув свои организации в главных пунктах постоянного сосредоточения войск.

Среди архивных исторических документов, рисующих пропагандистскую работу в войсках, мы находим не лишенный исторического интереса материал, относящийся к шпионской работе департамента полиции.

Министр внутренних дел в своей записке на имя военного министра ген. Редигера сообщил сводку агентурных данных [1]): «По сведениям департамента полиции, в составе Российской Социал-Демократической Рабочей Партии имеется преступное сообщество, поставившее своей целью пропаганду и агитацию среди военно-служащих, главным образом среди нижних чинов, и присвоившее себе наименование «военно-революционной организации». Членами упомянутой партии для обсуждения вопросов пропаганды и тактики предположено устроить в ближайшем будущем с'езд, а около времени этого с'езда предстоит конференция членов «военно-революционной организации».

Отдельные организации с указанными целями, находившиеся в сношениях с партийной «военно-революционной организацией», имелись в разных городах и, по сведениям от первой половины сего марта [2]), таковые организации, между прочим, возникли в городах: Москве, Ярославле, Ростове (Ярославской губернии), Костроме, Твери.

Московская организация, присвоившая себе наименование «окружной», присоединила к себе в последнее время Ростовскую (под Москвой) военно-революционную организацию, которая получала из Москвы революционную литературу и денежную субсидию в размере 30 руб. в месяц. Этими деньгами оплачивалось содержание проживающего в Ростове профессионального агитатора среди нижних чинов.

Военная организация в гор. Ярославле, после выбытия из города Богородицкого пехотного полка, в котором агитаторы имели связи, представлялась уже более ослабленной; находящиеся в составе расположенных в Ярославле других воинских частей нижние чины из числа подвергшихся влиянию революционной пропаганды жаловались приезжавшим из Ростова в Ярославль агитаторам, что теперь никто не снабжает нижних чинов революционной литературой. Вследствие этого революционными агитаторами приняты новые меры к развитию пропаганды среди нижних чинов в городе Ярославле».

Весьма трудным делом было вести агитационно-пропагандистскую работу в войсках в обстановке политического режима, созданного правительством Дурново—Столыпина, с их чиновничеством, жандармами, полицейской силой и войсками, но необходимость этой работы с особенной остротой чувствовалась партией, и это обстоятельство требовало всюду на местах создания военных организаций.

---

[1]) Дело гл. штаба, 16 отд., № 50, 1906 г.
[2]) Т.-е. марта 1905 года.

Тов. Ярославский в своих воспоминаниях о Московской военной организации пишет [1]): «Помню, как лихорадочно, как жадно ловили мы всякую связь с оппозиционно-настроенными военными. В январские дни в Петрограде (Петербурге) при Петербургском Комитете нашей партии нами была организована небольшая группа военных, и эта группа послужила основанием целого ряда последующих военных организаций, захватывавших все более и более как революционные единицы из офицерской массы, так и солдатские низы».

Лето 1905 года было обильно восстаниями в армии и флоте: солдаты, хотя и отгороженные китайской стеной от народа, все же переживали те же чувства и настроения, что и весь народ. Баррикадная борьба в Москве в декабрьские дни произвела огромное впечатление на солдат.

Руководящим центром пропагандистской работы в войсках для Москвы и военного округа была окружная военная организация, созданная Московским Комитетом партии.

В работе этой организации принимали самое деятельное участие товарищи: Ем. Ярославский, Арапов, Ф. В. Голянд, З. М. Машина, братья Васильевы, Левашева и др.

Эта организация имела свои конспиративные квартиры и специальную типографию, в которой издавались листки и солдатская газета «Жизнь Солдата», нашедшая самый живой отклик в среде солдат, жадно ее читавших, рискуя попасть в дисциплинарный батальон за хранение ее в казармах.

Московская военная организация очень быстро завязала связи почти со всеми войсковыми частями и устраивала кружки там, где это было возможно.

Тов. Ярославский в своих воспоминаниях о работе военной организации в 1905 году говорит: «Почти без всякой с нашей стороны агитации к нам потянулись связи из солдатских низов. В Троице-Сергиевском полку, например, солдаты, стоявшие на охране в дни восстания, получили по 1 рублю наградных. Они собрали эти деньги и передали их в пользу семей убитых и раненых рабочих с очень трогательной резолюцией» [2]).

Весной 1906 года, в марте, была созвана в Москве военная конференция, на которую с'ехались представители из Вильны, Петербурга, Двинска, Витебска, Варшавы, Севастополя и других пунктов.

Конференция происходила в Кисловском переулке, и на первых же порах почти все участники ее были арестованы, но этот арест не разрушил самой организации, так как почти все бежали из-под ареста.

Результатом работы военной организации РСДРП явилось то обстоятельство, что в течение всего 1905 и 1906 годов волнения в войсках не прекращались, хотя они не шли дальше эпизодических вспышек, не имевших активного характера.

---

[1]) Ем. Ярославский. «Московская военная организация РСДРП (большевиков) в 1905—1906 гг.».

[2]) Там же.

В 1905 году армия состояла из солдат призывных возрастов, обезличенных трехлетней муштровкой в казармах. Она была лишена того горючего материала, который из себя представляли запасные разных сроков службы, и в общем и целом армия в дни боя пролетариата не поддержала восстания, тем не менее отказалась подавлять его, оставаясь в отдельные промежутки времени спокойно сидеть в казармах.

Когда в Москве вспыхнуло восстание в декабре 1905 года, для подавления его были вызваны отдельные войсковые части петербургского и варшавского гарнизонов, в частности Семеновский и Ладожский полки, так как на московских солдат надежда была плоха. Стоявшие тогда в Москве донские казаки были крайне ненадежны, они неоднократно отказывались выполнять приказы своего начальства.

В Ростовском, Несвижском, Троице-Сергиевском и др. полках все время заметно было брожение.

Гренадеры своим открытым возмущением показали, что в среде их имеется обильный революционный материал, и агитационно-пропагандистская работа военной организации сыграла большую роль в развитии политического сознания солдатских масс, но все же мы должны констатировать, что армия не поддержала центрального восстания, ограничившись пассивным отсиживанием в казармах. Характерно, что на одном из митингов в казармах, в дни московского декабрьского восстания, солдаты, после горячей речи представителя Московского Комитета, со слезами на глазах говорили, что сами они на улицу не пойдут, но как только рабочие победят, они их всемерно поддержат.

Они не могли понять, что победа в их руках, и понадобилась империалистическая война 1914 года с ее мировой катастрофой, понадобились четыре года напряженной кровавой бойни, истощившей все производственные силы страны; понадобился ряд мобилизаций, вливших в армию многомиллионные рабоче-крестьянские массы, чтобы раскачать и сделать негодным весь государственный аппарат, и чтобы буржуазно-дворянское правительство не могло удержать в своем повиновении восставший вооруженный народ.

Всероссийский военный союз и московский гарнизон. О зарождении этой военной организации мы узнаем из «доверительного письма» министра внутренних дел, сообщавшего в военное министерство все данные, почерпнутые охранкой, московским жандармским управлением и департаментом полиции. Агенты охранки продолжительной слежкой установили, что среди войск московского гарнизона членами Российской Социал-Демократической Рабочей Партии велась усиленная агитация, направленная к тому, чтобы склонить воинские части не принимать участия в подавлении мятежных волнений и организовать военные бунты.

Наблюдением со стороны местных жандармских властей удавалось устанавливать агитаторов, которые привлекались к ответственности. Что же касается солдат, то установление тех из них, которые, проживая в казармах, имели сношения с революционными деятелями, встречало значительные затруднения, так как агенты охранного отделения не могли проникать в черту казарм. Тем не менее вполне определенно

было известно о существовании союзной организации, составившейся из представителей разных войсковых частей.

Московский градоначальник сообщил командующему войсками об участии в этом союзе депутатов от Таврического полка — 13 человек, Киевского — 6 человек, 36-й пулеметной роты — 10, 7-го гренадерского Самогитского полка — 2, 1-й артиллерийской бригады — 2, 3-го гренадерского Перновского полка — 1.

Сообщалось также об аресте прапорщика запаса Прохорова, в квартире которого обнаружена типография военного агитационного органа «Солдатская Жизнь», а также были задержаны два собрания, происходившие с представителями от солдат: 1) с'езд делегатов военной организации и 2) собрание местных военных агитаторов.

С выступлением войск в лагери пропаганда среди них усилилась, так как обстановка жизни лагерным порядком представляла собой много выгодных сторон для широкого развития агитационной работы; солдаты часто собирались за задней лагерной линией, в прилегающих к лагерю лесных местах и в селе Всехсвятском. В особенно благоприятных условиях для революционной пропаганды находился отдаленный от города артиллерийский лагерь, расположенный близ станции Лосиноостровская Московско-Ярославской железной дороги, при с. Раеве, не охранявшийся совершенно дозорными.

Наиболее успешное развитие пропаганда получила в следующих частях: в Ростовском, Киевском и Несвижском гренадерских полках, особенно в пулеметных ротах, 36-й отдельной пулеметной роте, в саперных частях, артиллерийском арсенале и полевом парке.

Наконец, в мае месяце 1906 года в среде военно-служащих зародился «Всероссийский военный союз», который субсидировался средствами из сумм, экспроприированных 7 марта в Московском Обществе взаимного кредита. Членами Военного союза состояли не только солдаты, но и некоторые офицеры, преимущественно прапорщики запаса. Союз состоял из двух отдельных организаций, офицеров и солдат, поддерживавших между собою связь. С возникновением этого союза в изобилии стала выпускаться агитационная военная литература, печатавшаяся иногда и в легальных типографиях, при чем охранное отделение обнаружило печатание «Солдатской Жизни», «Солдатской памятки», брошюры «Эх, пора бы вам, братцы, взяться за ум», «Солдатский Вестник», «Знамя» и др.

Среди архивных материалов имеются также краткие описания двух загородных революционных собраний нижних чинов в Башуровском лесу, за деревней Шелепихой, за Пресненской заставой, в 3—4 верстах от Ходынского лагеря на поле, а также у деревни Кунцева, куда явилось много солдат различных воинских частей.

На этих собраниях обсуждались вопросы об образовании Московской организации Всероссийского военного союза, которая сформировалась по образцу уже существовавших провинциальных организаций в следующем виде: в каждой роте для заведывания агитацией в среде солдат назначались ротные представители и их заместители. Из ротных

представителей образовывался ротный полковой совет, в который выбирались также представители и их заместители. Полковые представители составляли гарнизонный совет, который высылал от себя представителя во Всероссийский военный союз, руководимый партийными органами.

Конечной целью деятельности военной организации являлась подготовка восстания войск целыми областями и отказ воинских частей от несения полицейских обязанностей и участия в подавлении беспорядков. Возмущения на экономической почве признавались желательными, но устройство их допускалось во время возникновения беспорядков в городах для создания обстановки, при которой войска казались бы ненадежными.

На происходивших собраниях военных представителей, кроме обсуждения программы Военного союза, зачастую делались доклады, посвященные отдельным вопросам организационного характера, а также сообщались сведения о происходящих волнениях: отмечались события в частях кронштадтского гарнизона и Козловском и других полках, при чем посылались приветствия и обещания поддержки.

Так жили и работали в подполье революционные партии, подготовляя почву для вооруженного восстания, опирающегося на поддержку армии.

II. ДВИЖЕНИЯ В ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ.

Ростовский полк (Москва). Волнения в войсках московского гарнизона в 1905 году, происходившие в период времени с 3 по 20 декабря, наиболее сильно выявились в Ростовском гренадерском полку.

Тем не менее надо заметить, что революционное брожение в войсках вообще, начавшееся с момента всеобщей декабрьской забастовки, не прекращалось в течение всего 1906 года, а в некоторых районах продолжалось даже до 1907 года.

События, разыгравшиеся в Москве в декабре, настолько сильно захватили солдатские массы, что в первые же дни стачечного рабочего движения весь московский гарнизон был признан неблагонадежным, совершенно неспособным принять активное участие в усмирении восставшего народа, и генерал-губернатор Дубасов в своих телеграммах на высочайшее имя неоднократно просил о срочной присылке войск из Петербурга.

Ростовский полк, расположенный в московских казармах, восстал 3 декабря, открыто заявив о своем неповиновении начальству и об отказе стрелять в демонстрантов. Этот открытый мятеж [1]) привел в полную растерянность главное командование г. Москвы, во главе с командующим войсками Московского военного округа генералом Малаховым, который шифрованной телеграммой доносит военному министру следующее: «Третьего дня в Ростовском полку вспыхнули мятежи. Люди вооружились, но оружием не действовали. По слухам, завтра примкнут некоторые части гарнизона; подкладка — политическая. Посылка войск признается неотложной».

Обследовав целый ряд подлинных архивных документов, главным образом высочайший рапорт командира гренадерского Ростовского полка и доклад штаба Московского военного округа, можно охарактеризовать события в этом полку следующим образом: командиру Ростовского полка давно было известно о существовании подпольной организации в его полку, в которой принимали деятельное участие совместно с «нижними чинами и некоторые гг. офицеры».

Организованной им слежкой удалось получить сведения о неблагонадежности и агитаторской деятельности трех солдат, которые и были арестованы в полку 2 декабря, в 11 час. утра.

---

[1]) Дело гл. штаба, 16 отд., № 8059, Лефортовский архив.

После окончания утренних строевых занятий командир полка вместе с офицерами собрались в здании офицерского собрания и обсуждали оскорбительную для полка корреспонденцию, помещенную в газете «Вечерняя Почта».

Во время собрания дежурный по полку офицер доложил командиру о том, что по ротам бегают два вольноопределяющихся (это были тт. Шавров и Миловидов) и склоняют всех солдат на митинг.

Командир полка вызвал лично в ружье солдат учебной команды, в которой к этому моменту оказалось не более 25 человек, и вывел их на плац в надежде разогнать происходивший митинг.

Солдатское собрание в это время происходило в полковой столовой, из окон которой собравшиеся на митинг увидели приготовления учебной команды, предводительствуемой командиром полка.

Вывод части учебной команды на плац и приготовления их для разгона митинга окончательно вывели из терпения весь полк.

Из всех помещений казармы стали выбегать солдаты, частью вооруженные винтовками, а 7-я рота, наиболее революционно настроенная, силою отобрала у каптенармуса караульные патроны и стала убеждать 3-й и 4-й батальоны, стоявшие до сего времени в стороне, примкнуть к сходке, при чем грозили им оружием и целились в них. Учебная команда, оказавшаяся в значительном меньшинстве, быстро перешла на сторону восставших.

На плацу скоро образовалась громадная толпа солдат, к которой обратился с увещанием командир полка и убеждал солдат войти в казармы, на что солдаты согласились, потребовав в обеспечение собственной безопасности двух офицеров. Получив двух заложников из числа добровольно вызвавшихся офицеров, ростовцы отправились внутрь казармы, и в 1 час дня снова начался митинг.

Для личной охраны были разосланы вокруг казармы патрули с целью своевременного предупреждения о появлении драгун или казаков, а также были поставлены при входе часовые, которые не должны были пропускать посторонних лиц. Митинг продлился 3 часа.

Был избран солдатский комитет, в числе двадцати человек, которому было поручено выработать требования и представить их на утверждение общеполкового собрания к вечеру этого дня.

Солдатский полковой комитет потребовал от командира выдачи всем солдатам из ротных цейхгаузов боевых патронов для охраны собственной безопасности полка и, получив в этом отказ, арестовав трех фельдфебелей и двух каптенармусов, насильно захватил часть патронов.

Было принято общее решение не прибегать к насильственным действиям до тех пор, пока не будет угрожать опасность; решили прекратить пьянство и ни в каких демонстрациях в городе не участвовать.

Пулеметная команда с 8 пулеметами фактически уже находилась в руках восставших.

Офицеры во главе с командиром полка и прибывшими в часть начальником 1-й гренадерской дивизии и командиром бригады собрались

в офицерском собрании и решились дожидаться окончательной выработки солдатами их требований.

В 9 часов вечера, после краткого нового собрания, выборные от солдат заявили начальнику дивизии, что свои требования представят не ранее 10 часов утра следующего дня, т.-е. 3 декабря.

Однако к 2 часам ночи в офицерском собрании был получен по телефону перечень требований солдат, состоящий из 56 пунктов.

В архивных материалах не сохранилось основного текста этих требований, но командующий войсками генерал Малахов говорит в своем донесении военному министру [1]), что по характеру своему эти заявления явились результатом хорошо организованной агитации и носили политический характер. Требования были подписаны: «Солдатский комитет гренадерского Ростовского полка».

Волнения в Ростовском полку ширились. Не было ни одного протестующего голоса в солдатской среде, и в короткий срок была достигнута полная сплоченность и организованное разрешение всех вопросов.

Генерал Малахов во второй своей телеграмме военному министру признавал положение в Ростовском полку «угрожающим» и требовал командирования специальных войск из Петербурга для подавления восстания.

У высшего командного состава являлось сомнение в возможности воспользоваться для подавления мятежа другими полками гарнизона, так как они хотя и не присоединились к мятежникам, но, по докладам командиров полков [2]), едва ли будут действовать решительно против своих же.

Утомленные непомерными требованиями полиции, ослабленные увольнением всех запасных, войска представляли собой благодарную почву для развившейся всюду антиправительственной агитации, оставаясь долго в нарядах как вне Москвы, так и на фабриках в городе.

По словам начальника штаба Московского военного округа, «находящиеся в большом числе в полках прапорщики запаса, — люди большей частью ненадежные, но в случае необходимости ходившие часто в наряды, а также и вольноопределяющиеся, являлись могучим орудием в руках агитаторов, поставивших себе целью вызвать волнения в войсках».

На следующее утро, 3 декабря, ростовцы ожидали прибытия к ним остальных полков 1-й гренадерской дивизии. Офицерская прислуга (денщики) была снята. Астраханский полк, расположенный в казармах совместно с Ростовским, не был выпущен восставшими ростовцами из казарм для несения караульной службы в городе.

В Ростовском полку появился [3]) какой-то прапорщик запаса из вольноопределяющихся 2-го разряда и, по поручению солдатского коми-

[1]) Дело гл. штаба, 16 отд., № 8283, 1905—1907 гг.

[2]) Дело о беспорядках в гренадерском Ростовском полку в 1905 г., Лефортовский архив.

[3]) Дело судебного отдела главного штаба № 8059.

тета, принял на себя «командование полком и руководство почти не прекращавшимися шумными митингами».

К полудню в среде высшего командования сложилось решительное мнение в полной невозможности мирного исхода мятежа, тем более, что в полк прибыли посторонние агитаторы.

В штабе округа был выработан план атаки казарм.

Командующий в своем плане признавал необходимым прибытие из Петербурга не менее двух гвардейских полков пехоты и, сверх того, одной конной батареи, вызванной из г. Твери.

Привлекать для подавления мятежа артиллерию московского гарнизона признавалось рискованным, к тому же расположение ростовских казарм по местным условиям не позволяло удобно расположить пешую артиллерию для обстреливания казарм; оставалось рассчитывать на моральное действие быстрого выезда конной артиллерии на ближнее поражение.

В 1½ дня перечень требований был окончательно выработан и передан командиру полка через 3 выборных, которые, с своей стороны, просили хозяйственное управление полка продолжать свои функции и заявили, что к денежному ящику и к складу оружия приставлен двойной караул.

К вечеру третьего декабря в полку состоялось новое собрание, на котором активно выступили посторонние лица с речами, направленными против царя и его правительства; в это же время в офицерском собрании происходило общее собеседование в офицерской среде, где раздавались очень робкие голоса в защиту солдатского движения в полку.

Наши исследования были бы неполными, если бы мы не упомянули здесь о письме командира Ростовского полка на имя штаба Московского военного округа [1]). В этом письме вполне определенно сообщается о существовании среди офицеров революционной группы в 8 человек, которые назывались участниками «красной партии» и принимали активное участие в подготовке мятежа в Ростовском полку. Все дело подготовки восстания в полку проводилось в согласии и под руководством этой группы, было задумано еще 26 ноября, по выработанному плану предположено на 14 декабря и должно было совпасть с революцией на улицах. Проведению плана помешали аресты, произведенные командиром полка 2 декабря, о которых мы говорили выше. Для выручки арестованных начали действовать ранее намеченного срока. Группа офицеров возглавлялась капитаном Булашевичем и штабс-капитаном Арцышевским. По заявлению командира полка, они оба состояли в числе деятельных членов «красной партии в полку». Капитан Булашевич предоставлял свою квартиру для собраний революционной организации своего полка и в дни беспорядков обратился с просьбой к командиру полка пойти навстречу требованиям солдат; вечером 2 декабря, при действиях полка на Сухаревской площади, еще на плацу казарм он открыто вы-

[1]) Дело гл. штаба, 16 отд. № 8670.

ражал свое негодование по поводу стрельбы по мятежникам и отказался арестовать постороннего человека, выполнявшего поручения одной из боевых дружин.

Штабс-капитан Арцышевский стоял во главе польской партии, слившейся с русской военной организацией для совместных выступлений полка. В беседе с офицерами неоднократно проводил мысль, что стрелять не следует. Его предполагалось поставить во главе устроителей мятежа 14 декабря. Ночью 3 декабря состоялась последняя сходка, на которой произошел раскол среди солдат. Во время произнесения речей в толпе появились провокаторы, срывавшие выступления ораторов. Послышался шум. Некоторые из несочувствовавших стали дезертировать через Астраханские казармы, увлекая за собой других, часть пулеметов была отбита группой людей из 3-го и 4-го батальонов. К утру 24 декабря выяснилось, что наиболее революционная 7-я рота составила весьма незначительное меньшинство оппозиционно-настроенных групп, и к 10 часам утра значительная часть полка примкнула к ротам, изъявившим покорность.

Солдаты сами указывали зачинщиков, которые немедленно арестовывались.

К 12 часам дня 4 декабря полк снова заступил в караул.

Гренадерские полки в Москве. По сведениям департамента полиции, полученным из агентурных источников [1]), среди войск московского гарнизона и, главным образом, среди гренадер московских дивизий, уже давно велась сильная агитация. Министр внутренних дел конфиденциальным письмом сообщил военному министру о том, что еще 1 ноября 1905 года на фабрике Морозова состоялось собрание делегатов от 9 гренадерских полков, на котором были задержаны 8 делегатов от Московского гренадерского полка.

Собрание было рассеянно, многие участники были арестованы, но скрылись, спасенные сильной поддержкой присутствовавших посторонних лиц.

Из дальнейших сводок департамента полиции мы усматриваем, что среди гренадер московского гарнизона велась усиленная агитация в целях подготовки в ближайшем будущем вооруженного восстания, при чем констатировалось, что успех этой агитации настолько был велик, что солдаты Сумского и Несвижского полков уже готовы были примкнуть к организаторам беспорядков.

Министр внутренних дел Столыпин [2]) придавал громадное значение состоянию войск московского гарнизона и в своем секретном письме генералу Редигеру с определенностью заявлял о полученных им официальных сведениях о положении среди войск в Москве. Он предупреждал, что в случае вооруженного восстания в Москве солдаты 9 гренадерских полков воспользуются им в своих интересах и по наущениям агитаторов будут добиваться установления двухлетнего срока службы,

[1]) Дело гл. штаба, 7 отд., № 50.
[2]) Дело гл. шт., 16 отд., № 50.

прибавки жалованья и пользования большей свободой, и в случае призыва их правительством для подавления беспорядков они откажутся стрелять, полагая, что таким образом станут на стороне Государственной Думы против правительства.

Далее Столыпин сообщал об устраивающихся при участии солдат и рабочих многолюдных митингах, на которых выносились резолюции, выражающие солидарность с социал-демократической партией и готовность поддержать Государственную Думу в ее борьбе с царским самодержавием за права народа, наделение его землей и созыв Учредительного Собрания.

Как мы знаем из декабрьских событий, имевших место в Москве, предостережения Столыпина оправдались вполне. Московские гренадеры массами отказывались стрелять в народ, и понадобилось спешным порядком двинуть из Петербурга генерала Мина с артиллерией и пулеметами для «приведения в покорность взбунтовавшейся Москвы».

Наиболее ярко и организованно выявилось возмущение в Ростовском полку, остальная часть московского гарнизона ограничилась отсиживанием в казармах, отказом подавлять беспорядки и выступить в баррикадной борьбе на улицах Москвы против рабочих дружин.

Первый резервный саперный батальон (Александров). Еще 17 ноября, то-есть почти за месяц до событий, владимирское губернское жандармское управление сообщило [1]) о работе военной организации среди солдат 1-го резервного саперного батальона.

С ноября месяца начались небольшие брожения среди солдат и выявились, главным образом, в устройстве митингов и заявлениях начальству кое-каких пожеланий об улучшениях быта солдат. В нескольких верстах от города Александрова помещалась фабрика т-ва Соколовской мануфактуры (при станции Струнино), и зачастую в митингах принимали участие солдаты саперного батальона совместно с рабочими, после чего дисциплина среди солдат все более и более ослабевала. Нередко не только рядовые, но и унтер-офицеры при встрече с офицерами не обращали на них внимания и вовсе не отдавали чести. Появились случаи, когда солдаты наносили оскорбления высшим полицейским чинам при встрече с ними на улице.

В политическом отношении многие солдаты батальона были взяты под подозрение; особенно неблагоприятное настроение отмечалось в телеграфной роте. Среди солдат обращались подпольные издания, получаемые из Москвы, а также распространяемые среди солдат, посещающих трактиры.

Настроение среди солдат 1-го саперного батальона и отношение их к чинам полиции не позволяли рассчитывать на энергичные действия батальона в случае возникновения беспорядков. Многие солдаты в беседах с частными лицами говорили, что в случае беспорядков они стрелять будут только тогда, когда будут нападать на них. Горючий мате-

[1]) Дело гл. шт., 7 отд., № 50.

риал в солдатских массах батальона накапливался постепенно, и вспышка произошла 7 декабря.

Из переписки министра внутренних дел с военным министром [1]) волнения в 1-м резервном саперном батальоне представляются в следующем освещении.

7 декабря 1905 года на фабрике Асафа Баранова, в 10 верстах от города Александрова, забастовали рабочие, разоружившие находившихся на этой фабрике чинов полиции. Одновременно с этим разоружение полиции было произведено рабочими и в городе Александрове, и были получены сведения о намерении арестовать уездного полицейского исправника и всех других должностных лиц города.

В помощь гражданским властям была затребована военная команда 1-го резервного саперного батальона, занявшая здание казначейства, полицейского управления и почты. В ночь на 8 декабря улицы города Александрова были заняты боевыми дружинами рабочих, выставившими свои патрули для охраны города.

Около 3 часов дня 8 декабря толпа рабочих до 2½ тыс. человек, в числе которых были вооруженные палками и охотничьими ружьями, с красными флагами и пением «марсельезы» двинулась на городскую площадь, где и состоялся митинг, на котором выступали приезжие неизвестные лица в военной форме.

Вечером стало известно, что посланные на фабрику Баранова для освобождения арестованных полицейских становой пристав и урядник также были арестованы и обезоружены рабочими.

Ночью для концентрации военной силы было признано необходимым оставление войсками полицейского управления и размещение войск вместе с городовыми в здании казначейства.

Солдаты по прибытии в это здание заявили требование о немедленном выводе на том основании, что ввиду большого скопления людей в казначействе, солдаты находятся в дурных гигиенических условиях и, кроме того, недовольны тем, что полиция также помещена вместе с ними.

Около 4 часов того же дня толпа рабочих в 2 тыс. человек с красными флагами, имея впереди себя партию человек в 50 — 60 вооруженных охотничьими ружьями, подошла к казначейству и плотно окружила здание. Под сильным давлением солдат командир батальона заявил полицейскому исправнику, что казначейству никакой опасности от рабочих не грозит и что дальнейшее пребывание войск в дурных гигиенических условиях представляется бесцельным.

Совершенно неожиданно для всех руководивший рабочими Сергей Баранов проник во второй этаж здания, в квартиру податного инспектора, и потребовал к себе для переговоров командира батальона, который вместе с другими лицами из числа высшей городской администрации поднялся наверх к Баранову. Последний заявил, что ввиду вредной деятельности должностных лиц города рабочие решили устранить их от

[1]) Дело гл. шт., 16 отд., № 50.

исполнения служебных обязанностей, и от командира батальона зависит избежать возможного кровопролития, если он устранит своих солдат, от защиты определенных лиц. Баранов заявлял, что рабочие идут против чиновников, тормозящих осуществление манифеста 17 октября, и в случае отказа командира батальона исполнить требование будущее правительство отнесется к нему гораздо строже.

Часовыми, охранявшими здание казначейства, была пропущена делегация от рабочих, потребовавшая от полицейского исправника немедленно сложить с себя исполнение служебных обязанностей, заявляя, что рабочие не разойдутся до тех пор, пока полиция не разоружится.

В это время казначейство стало наполняться посторонними лицами из толпы, окружавшей здание.

Вошедший в казначейство Сергей Баранов подошел к полицейскому исправнику, взял его за шашку и потребовал подчиниться общему желанию. Баранова в это время кто-то позвал в другую комнату, где были расположены солдаты 1-го резервного саперного батальона. В соседнем коридоре раздалась чья-то команда «в ружье», и солдаты стали разбирать стоявшие в коридоре у стен ружья. Через несколько секунд в комнату возвратился Баранов с несколькими рабочими и, быстро подойдя к исправнику, сказал: «Полиция разоружилась и сдалась, давайте шашку». Товарищи Баранова схватили за руки исправника и, когда он крикнул: «солдаты, ко мне», Баранов рукой зажал ему рот. Арестованного вывели из казначейства и под конвоем рабочих отправили на фабрику. Находившиеся в передней комнате казначейства городовые добровольно сдали свое оружие, солдаты же, за исключением нескольких часовых, оказались выведенными. Всем восстанием руководили тт. Баранов и Калинин вместе с 10 депутатами от рабочих, после совещания с которыми и с согласия управляющего губернией командир 1-го резервного батальона принял на себя управление городом и уездом.

Гарнизон города Брянска. В донесениях московского окружного интендантского управления [1]) мы имеем указания, что части войск брянского гарнизона на общегородском собрании военных делегатов 7 декабря 1905 г. выработали общие требования от всех частей гарнизона и адресовали на имя командующего войсками Московского военного округа.

Эти требования ночью в привокзальной полосе военными делегатами были переданы для широкого распространения среди рабочих представителю рабочих организаций интендантского продовольственного склада.

Повидимому, события 1905 г. среди войск брянского гарнизона носили мирный характер, и к вооруженным выступлениям войска не прибегали, ограничиваясь пред'явлением своих требований начальству в письменной форме.

Содержания требований в архивных документах не приводится.

[1]) Дело гл. шт., 16 отд., № 50.

1-й лейб-драгунский Московский императора Александра III полк (Тверь). Из секретного донесения начальника тверского железнодорожного жандармского управления, за № 2466, на имя военного министра генерала Редигера [1]) можно заключить, что в первом лейб-драгунском Московском полку существовала подпольная военная организация, в которую были привлечены около 20 человек драгун после размещения в слободках при фабрике Залогина, близ города Твери.

Эти драгуны-подпольщики появлялись среди рабочих фабрики и вступали с ними в беседу. Одна из сводок департамента полиции излагает следующее. У фабричных ворот фабрики Залогина к 5 часам дня появилась группа солдат драгунского полка. Эти солдаты слонялись между собравшимися фабричными рабочими, подстрекали их к забастовке и просили их приходить к ним в казармы, где они снабдят их казенным оружием, необходимым для вооруженного восстания, при чем заявляли, что к ним примкнут гренадеры и артиллерия. В момент прибытия полиции солдаты рассеялись по разным местам близ фабрики, и некоторые из них были задержаны раз'ездами конной полицейской стражи.

Далее указывается, что арестованные драгуны были Петр Салтыков и Степан Постов, у которых при личном обыске в карманах шаровар обнаружено 15 экземпляров прокламаций об убийстве губернатора Слепцова, брошюра «Первый шаг» и обрывки от двух прокламаций «Письмо товарища Спиридоновой».

Эти солдаты, как задержанные, так и скрывшиеся, призывали рабочих к вооруженному восстанию, говорили, что сами прибегнут к вооруженному восстанию. Один из солдат сбросил с себя фуражку и мундир, начал их рвать и добавил, что так, как он поступает с фуражкой и мундиром, будет поступлено и с полковым начальством.

138-й пехотный Волховский полк (Рязань). Донесение рязанского губернатора и рапорт на высочайшее имя командира Волховского полка так описывают события, происшедшие в этой части.

В ночь на 7 июня 1906 г. произошли серьезные волнения [2]). Около 10 часов вечера в расположении 4-го батальона послышались как бы ракетные или хлопушечные выстрелы, которые начали поддерживаться редким ружейным огнем. Солдаты, захватив ружья, с криками выбежали на плац и стали стрелять вверх.

Была вызвана «в ружье» учебная команда и 1-й батальон, которые выстроились в полном порядке у места сбора.

Взбунтовавшиеся пред'явили требование, главным образом, об удовлетворении их постельными принадлежностями и дополучкой амуничных денег.

После обещаний эти требования удовлетворить толпа в час ночи разошлась и улеглась спать. Беспорядки начались с 15-й роты, которая взломала замки у ротного цейхгауза и, разобрав караульные патроны,

---

[1]) Дело гл. шт., 7 отд., № 50.
[2]) Дело гл. шт., 16 отд., № 50.

отправилась в другие роты, требуя, чтобы и те последовали их примеру, что и было выполнено. Между производившими беспорядки были посторонние лица, одетые в шинели в накидку, которые, главным образом, стреляли и подстрекали солдат.

Нижегородский гарнизон. О пропаганде в войсках нижегородского гарнизона мы узнаем из письма Столыпина [1]), который писал военному министру о подготовке солдат этого гарнизона к вооруженному восстанию. Он сообщает, что в Нижнем-Новгороде организовалось «преступное общество, поставившее своею целью вести пропаганду среди нижних чинов местных войск».

В квартирах гражданских лиц собираются сходки солдат, при чем на эти сходки приносятся прокламации для распространения среди войск.

На этих собраниях принимали деятельное участие солдаты 10-го пехотного гренадерского Малороссийского полка, среди которых находились хорошо ознакомленные с революционным движением и имеющие своей целью вербовать других нижних чинов в свою организацию.

На этих собраниях присутствовали и гражданские лица, читавшие солдатам рукописные прокламации, озаглавленные «К солдатам», и раз'ясняли, что нужно делать солдатам при вызове войск для подавления забастовок.

Здесь, несомненно, мы имели случай деятельной работы Нижегородской военной организации.

1-я и 3-я гренадерские артиллерийские бригады (лагерь при с. Клементьеве, Рузского уезда). 18 июня, в 11 часов вечера [2]), толпа солдат 3-й артиллерийской бригады собралась перед серединой лагеря, и на вопрос дежурного офицера, для чего все собрались, из толпы послышались голоса, заявлявшие жалобу на строгость установленного режима, на ограничение увольнения в город и свидания со знакомыми. Толпа определенного решения не вынесла и спустя некоторое время разошлась, при чем порядок в течение ночи ничем не нарушался.

Через день толпа нижних чинов 1-й и 3-й бригад вновь собралась и не расходилась, несмотря на требования дежурных по батареям фельдфебелей.

По отношению к дежурному офицеру нижние чины держались вызывающе, и, не обращая внимания на его многократные предупреждения, толпа продолжала обсуждать вопросы о строгости начальства и суровости установленного режима.

Некоторые солдаты обходили палатки и вытаскивали на сходку товарищей, уже ложившихся спать. Прибывший в лагерь командир бригады лично приказал разойтись и всем ложиться спать, но его приказание исполнено не было. После 12 часов ночи митинг закончился, и порядок был восстановлен.

1-я и 3-я артиллерийские бригады имели постоянную стоянку в г. Ростове, Ярославской губернии. Несмотря на то, что командующий вой-

---

[1]) Дело гл. шт., 7 отд., № 50.
[2]) Там же.

ками Московского военного округа доносил военному министру о прекращении беспорядков в бригадах и об аресте двух главных зачинщиков, тем не менее он оставляет две роты пехоты в распоряжении начальника ростовского гарнизона, на случай усмирения нового бунта.

Распоряжения к принятию решительных мер сделаны,—доносит командующий войсками Московского военного округа, но тут же оговаривается, что до сих пор нет возможности к ним приступить, вследствие малочисленности и ненадежности гарнизона.

Одновременно происходили беспорядки в Любуцком лагере и в 6-й саперной бригаде, куда тоже была отправлена бригада пехоты с 4 пулеметами для приведения в повиновение взбунтовавшихся сапер. Там к этому времени были заявлены требования об отмене одного приговора батальонного суда и об удалении командира 1-го батальона.

Об агитационно-пропагандистской работе среди 1-й и 3-й гренадерских артиллерийских бригад мы имеем сведения из доклада московского губернатора Джунковского, за № 3232, от 4 июля, который доносит генерал-губернатору агентурную сводку можайского уездного полицейского исправника.

По данным этого донесения, между 1-й и 3-й бригадами существовали разногласия в политических убеждениях и по вопросу о предполагаемом военном бунте, хотя не исключалась возможность, что 3-я бригада пойдет на уступки и выступит активно.

Далее сообщалось, что некоторые из офицеров только наружно очень строги, а в частности раз'ясняют солдатам, что строгость для вида, и рекомендуют продолжать свое дело.

Сообщалось также о проживающем близ деревни студенте, который раздавал солдатам воззвания и революционную литературу.

Министр внутренних дел Столыпин в своем письме генералу Редигеру с определенностью указывает, что настроение нижних чинов двух бригад, а отчасти и офицеров, надлежит признать в настоящее время весьма возбужденным и ненадежным. Солдаты устраивали сходки в лесу и на поле, агитаторы произносили противоправительственные речи и возбуждали солдат к неповиновению. Один из таких митингов состоялся близ деревни Вандова, на котором присутствовало до 1.000 солдат и несколько офицеров.

На митингах говорилось о свободе личности вообще и воинских чинов в частности, о свободе сходок, об освобождении от гнета начальствующих лиц и т. п., при чем видное участие принимали два частных лица, переодетых в артиллерийскую форму [1]).

9-й пехотный Ингерманландский полк (Калуга). 17 июня в 9-м полку произошли беспорядки. Застрельщиками явились 5 неизвестных, одетых казаками, которые при попытке задержать их скрылись.

К вечеру полк вернулся со стрельбы. Поужинали. После вечерней переклички собралась толпа, выражая неудовольствие по поводу неудачного ужина, после чего собравшиеся перешли к ропоту на интен-

[1]) Дело гл. шт., 7 отд., № 50.

дантство и все начальство за невыдачу годовых вещей, сапог и обмундирования, указывая на обременение их начальством караулами и нарядами при полном отсутствии забот о их нуждах.

Собрание продолжалось до полуночи. Несмотря на то, что были приняты меры к изолированию полка, все же продолжалась сильная агитация извне, для которой пользовались благоприятной экономической обстановкой [1]).

7-й кавалерийский запасный полк (Тамбов). Военный министр генерал Редигер самым энергичным образом требовал немедленного подавления беспорядков в 7-м кавалерийском запасном полку.

Он телеграфировал командующему войсками Московского военного округа: «Беспорядки в Тамбове в запасном кавалерийском полку должны быть подавлены немедленно во что бы то ни стало. Жду донесения об исполнении. Генерал Редигер. По главному штабу № 5877, от 26 июня 1906 года» [2]).

Начальник тамбовского жандармского управления доносил министру внутренних дел о том, что в Тамбове в 7-м полку неспокойно, солдаты не слушают начальства. На митингах во дворе казарм составляют требования, частью противодисциплинарные, в большинстве экономические. На руках ружей нет.

Тамбовский губернатор телеграммой за № 2828 доносит министру внутренних дел об усиливающихся волнениях в 7-м кавалерийском полку, пред'явившем ряд требований. Общее положение в городе признавалось серьезным. Главный штаб, по приказанию военного министра, передал в Москву шифрованную телеграмму с сообщением о том, что полк продолжает бунтовать, разобрал ружья, заперся в казармах и изолировал себя от частей, высланных для подавления бунта, в силу чего положение угрожало всем должностным лицам и учреждениям. Рекомендовалось принять самые решительные и беспощадные меры, дабы это было примером.

Московское командование двинуло в Тамбов полк пехоты.

Министр путей сообщения уведомляет: «25-го с десяти часов вечера телеграфное сообщение станции Тамбов с Козловом прервано нижними чинами 7-го запасного кавалерийского полка, расположенного в Тамбове. Ввиду настойчивых слухов о порче пути товарное и пассажирское движение на этом участке приостановлено до рассвета.

Наконец, мы имеем одну телеграмму еще более панического содержания, посланную на высочайшее имя из Тамбова директором местной гимназии С. Трубачевым. В ней сообщалось о сильном мятеже в 7-м кавалерийском запасном полку, где был убит пехотный офицер, ранен драгун, убито 6 лошадей Нежинского эскадрона, ходившего в атаку. Полк засел в казармах, положение признавалось угрожающим...

Согласно донесений командира 7-го кавалерийского полка, волнения продолжались 19 июня. После вечерней переклички нижние чины

---

[1]) Дело гл. шт., 7 отд., № 50.
[2]) Там же

первых шести эскадронов собрались на малый полковой плац и стали кричать «ура».

Помощник по строевой части и дежурный по полку офицер, придя на эти крики, застал людей стоящими толпой и громко о чем-то разговаривающими; на этот шум и крики собрались и остальные люди из всех манежей, где на время ремонта казарм были расположены эскадроны.

Приказания «разойтись» солдаты не исполнили, заявив, что собрались для обсуждения своих нужд, о чем доложат командиру полка.

Когда командир вышел к собравшимся и спросил о причинах, побудивших их нарушить порядок внутренней службы, они стали заявлять свои требования, изложенные в 21 пункте, написанные на листе, видимо, постороннего происхождения.

После указания командира полка о незаконности избранного способа пред'явления претензий и раз'яснения, что некоторые требования имеют революционный характер, командир полка просил разойтись, что и было исполнено вскоре после его ухода.

Весь 7-й кавалерийский полк размещался в двух казармах, при чем одна из них находилась за городом, другая — в черте города, где и был расквартирован 3-й дивизон, т.-е. 7-й, 8-й и 9-й эскадроны.

Одновременно с собранием 1-го и 2-го дивизионов вечером в городских казармах 3-го дивизиона происходил также митинг, при чем люди намеревались прибыть в штаб полка, но по неизвестным причинам не явились.

На следующий день, 20 июня, в 9 часов утра, после утренней уборки лошадей, полк отказался выйти на строевые занятия и просил приехать полкового командира для выслушания требований от солдат. Все офицеры столпились отдельно около одного из манежей, а солдаты находились в соседнем помещении отдельно.

Когда к солдатам вошел командир полка, солдаты повернулись к нему спиной, на приветствие ответили недружно и тотчас же попросили удалиться из помещения всех офицеров и вахмистров.

По удалении всех своих начальствующих лиц солдаты заперли входные двери, окружили тесным кольцом командира полка и кому-то, не называя его по имени, приказали читать пункты требований. Читавший сидел на полу между солдатами, так что его нельзя было видеть.

По прочтении требований был передан лист следующего содержания:

Наши требования:

1) Удовлетворить, согласно приказа по округу от 6 декабря 1905 г., как амуничными деньгами, так и постельными принадлежностями и вещевым довольствием.

2) Самовольные отлучки не должны быть наказываемы судом. Все находящиеся за них в настоящее время под судом должны быть освобождены.

3) Мундирные вещи должны выдаваться в законные сроки и в новом виде. Комплекты в сроках должны быть уничтожены, так как

под видом их содержатся те же сроки. Полушубки должны выдаваться надлежащей длины, прочные и теплые.

4) Требуем вежливого обращения со стороны всякого начальства как в служебное время, так и вне службы.

5) Установить точное и обязательное расписание работ и занятий так, чтобы всегда были достаточные промежутки для удовлетворения своих нужд, а также окончание солдатского рабочего дня назначить в такое время, чтобы у него было не менее 2 часов вечернего отдыха до поверки.

6) В продолжение дня вечерних уборок не производить.

7) В зимнее время, если мороз свыше 15 градусов, занятий на воздухе не производить.

8) В свободное от занятий время иметь право отлучаться из казарм прямо по докладу, иметь свободный доступ всюду (на собрания, на митинги и во все увеселения), а также беспрепятственно собираться для обсуждения своих нужд.

9) Улучшить пищу, сделать ее разнообразной и готовить по вкусу солдат. Требовать чайное довольствие. Устроить чистую, светлую и теплую столовую, завести хорошую посуду и столы.

В чайной иметь газеты свободного направления и тратить отпускаемые деньги на нее полностью, а не как вздумается заведывающему.

10) Требуем права свободного доступа к высшему начальству с ходатайством о своих нуждах, хотя и целой частью.

11) Установить ежегодные отпуска не менее двух месяцев, проезд туда и обратно на казенный счет. Содержание за время отпуска сохраняется.

12) Прекратить обидные для нас всякого рода обыски. Иметь право держать и читать книги и газеты без разрешения эскадронного командира.

13) Уволить в запас армии немедленно 1902 и 1903 года нижних чинов и об'явить закон о сокращении службы.

14) При увольнении в запас в зимнее время выдавать: полушубок, шинель, мундир, башлык и шаровары, пояс и фуражку, а в летнее, т.-е. с 1 мая по 1 сентября, — шинель, мундир, шаровары, пояс и фуражку. Выдаваться все должно новым, а не по-старому — одни негодные вещи.

15) Уничтожить казенную прислугу.

16) Отмена принудительного отдания чести нижними чинами друг другу.

17) Более лучшее лечение, уход и обращение с больными.

18) Освобождение от несения полицейской службы.

19) Чтобы не вскрывать солдатских писем.

20) Требуем освобождения наших товарищей, арестованных за оказание услуг М. А. Спиридоновой.

21) Ненаказуемость за политические убеждения.

Требования свои заключаем выражением полной готовности поддерживать земельные и другие требования трудовой группы в Государственной Думе, а поэтому отказываемся участвовать в усмирении народа, восстающего на завоевание земли и воли для всех трудящихся.

По прочтении требований нижние чины заявили об отказе выходить на занятия до тех пор, пока не будут исполнены их пожелания.

Вечером в здании штаба полка в 6 часов собрались все 9 эскадронов во главе с трубачами и оркестром музыки, который сыграл национальный гимн.

Под звуки марша все солдаты последовали на учебный плац, где и начался митинг, на который не допускали офицеров.

По окончании митинга весь батальон под музыку прошел мимо здания офицерских квартир, а затем все разошлись на уборку лошадей.

Так доносил полковник Рудомино на высочайшее имя от 20 июня 1906 года, за № 36.

21 июня, в 4 часа дня, все эскадроны самовольно прибыли при холодном оружии в расположение казарм при штабе полка и, забрав трубачей, вышли на большой учебный плац, где и устроили новое совещание, длившееся до 6½ часов вечера, после чего под музыку разошлись по квартирам.

23 июня, в 2 часа дня, в городские казармы, как письменно, так и по телефону, передали приказание построить к 6 часам вечера все эскадроны и ожидать прибытия полковника Жукова, которому поручалось начальником 2-й бригады кавалерийского запаса произвести расследование причин происходящих волнений.

Не ожидая прибытия полковника Жукова, люди самовольно прибыли в 3½ часа дня при холодном оружии в расположение казарм при штабе полка и приступили к совещанию.

На требования дежурного по полку офицера разойтись солдаты ответили отказом и просили прибыть к ним назначенного для расследования полковника Жукова или командира полка.

По прибытии к месту происходящего митинга начальствующих лиц от имени полка был передан через младшего писаря старшего разряда Михаила Теплухина лист с требованиями солдат, изложенными в 28 пунктах; эти требования были прочтены вслух, и на заявление командира полка о их незаконности по знаку чьей-то поднявшейся руки солдаты дружно ответили: «желаем».

В 6 часов вечера прибыл полковник Жуков, вместе с военным следователем полковником Нечевым. Люди отказались построиться и, став вне ранжира, приступили к беседе с полковником Жуковым, потребовав предварительно удаления всех офицеров. После совещания весь полк под музыку разошелся по квартирам, передав новые требования, изложенные в 28 пунктах.

Привожу полностью их содержание:

Требования нижних чинов 7-го запасного кавалерийского полка.

1) Полная ненаказуемость и непреследование всех нас, а также наших депутатов-ораторов за пред'явление наших требований.

2) Человеческое обращение начальства с нижними чинами как на службе, так и вне службы. Отдание чести должно равняться приветствию.

3) Освободить от несения полицейской службы.

4) Уволить немедленно 1902 и 1903 годы.

5) Улучшить пищу и варить ее по вкусу солдат, как было и раньше, хлеб должен быть вообще хорошего качества, а остающуюся экономию от довольствия выдавать солдатам ежемесячно; столовые должны быть чистыми и светлыми.

6) Хорошее лечение, уход и обращение с больными со стороны медицинских чинов; иметь все лекарства и в достаточном количестве.

7) Право свободного и прямого доступа в случаях надобности к начальству с ходатайством о своих нуждах и право свободного собрания для обсуждения своих нужд.

8) Увольнять ежегодно не менее двух месяцев в отпуск и право на бесплатный проезд в отпуск, с сохранением содержания за время отпуска.

9) Ненаказуемость за политические убеждения и требуем немедленного освобождения таких арестованных.

10) Установить точное и обязательное расписание занятий. Вечерняя уборка с 4 до 6 часов, остальное же время до поверки: ужин, посещение читален и т. п. В праздничные дни вечерних уборок не производить.

11) Выдать всем на зиму хорошие полушубки, теплые сапоги и лосевые перчатки.

12) Обыски производить лишь в случаях краж, с согласия каждого эскадрона и команды; в других случаях позорные для нас обыски прекратить.

13) Солдатские письма и посылки выдавать еженедельно, не вскрывая их.

14) Увеличить чайное довольствие. Котлы для кипятка должны быть луженые и иметь краны.

15) Солдатские лавки должны быть открыты с утра и до вечера, и продукты должны быть свежи, доброкачественны и в достаточном количестве и иметь новую расценку.

16) При увольнении в запас выдавать обмундирование полное второго срока.

17) Всем письменным ходатайствам нижних чинов давать дальнейший ход.

18) Уничтожить казенную офицерскую и вахмистерскую прислугу

19) Провести в конюшни и казармы водопроводы. Оплачивать все вольные полковые работы.

20) Привести в полную исправность имеющуюся прачечную. Бани должны быть еженедельные.

21) Свободное увольнение со двора и свободный доступ во все увеселительные места в свободное время от занятий.

22) Вахмистров Грошева, Грибаренко и Попова, каптенармуса Кутузова и закройщика Кузнецова немедленно уволить от службы.

23) Свободное посещение нас родственниками и знакомыми в урочное время.

24) Шаровар выдавать в год двое.

25) Покупаемые продукты должны освидетельствоваться врачом.

26) Приговоры полковых судов до проведения их в окончательное утверждение командира полка должны подлежать рассмотрению нижних чинов и в случаях надобности принять по их мнению. Для этой цели каждый эскадрон должен назначить по два человека. Отменить существующие ныне слишком продолжительные предварительные аресты.

27) Вполне согласны с требованиями наших депутатов в Государственной Думе и примыкаем к требованиям трудовой группы.

28) Требования наши просим удовлетворить и представить по начальству. В ожидании этого работы и занятия производить будем, но не очень продолжительное время.

Наш девиз: «Один за всех и все за одного».

24 июня в течение дня порядок ничем не нарушался, и во всех эскадронах происходили занятия по расписанию; люди вели себя сдержанно и спокойно, так как было решено подождать ответа на предъявленные требования.

Однако командование сочло это выжидание за полное успокоение, и командир полка отдал приказ о производстве расследования происходивших волнений и об обнаружении зачинщиков.

Не в меру усердствовавшего в делах розыска вахмистра Антона Попова силою, вопреки желанию командира эскадрона, солдаты удалили из полка.

26 июля расследованием было обнаружено три главных руководителя движения, и немедленно последовал их арест.

Когда арестованных препровождали под усиленным конвоем в тюрьму, караул, ослушавшись офицера, не дойдя до тюрьмы, вернулся в полк вместе с арестованными.

Эскадроны немедленно явились к штабу полка в полном боевом вооружении и выстроились в боевом порядке, желая освободить арестованных товарищей.

Были вызваны для усмирения две роты Кромского и Борисоглебского полков, эскадрон драгун-нежинцев и сотня казаков.

Бунтовщики при приближении этого карательного отряда засели в убежищах вокруг казарм и открыли стрельбу. Был убит командир 8-й роты Борисоглебского полка, и легко ранено много солдат; у нежинцев четыре лошади убито, две ранены.

Пехота, эскадрон 52-го драгунского Нежинского полка и казаки отступили и стали в засаде.

Перестрелка, продолжавшаяся около часа, прекратилась, но восставшие покорности не из'явили, несмотря на то, что из своей среды потеряли трех товарищей убитыми. Настроение до крайности было возбужденное.

Офицеры все собрались при штандарте и совершенно отделились от бунтарей.

Согласно донесений командиров частей, принимавших участие в усмирении 7-го запасного кавалерийского полка, первым открыл стрельбу взбунтовавшийся полк, на что последовало два залпа повзводно, произведенных учебной командой 217-го пехотного резервного Кромского полка, но проникнуть в черту казарм не удалось, несмотря на то, что драгуны ходили в атаку.

К вечеру среди восставших стала замечаться реакция, и на утро 27 июля, около 4 часов, из первых шести эскадронов явились доверенные солдаты с докладом о готовности покориться. Было приступлено к отобранию оружия и патронов, эскадроны построились при офицерах на казарменном плацу, где был отслужен молебен в 2 часа дня.

Семь нижних чинов, наиболее замеченных в подстрекательстве к беспорядкам, скрылись, а сорок девять были арестованы...

Борисоглебский полк (Тамбов). Если мы только что говорили о том, что при усмирении тамбовских кавалеристов принимал участие Борисоглебский полк, то должны указать, что активной роли в усмирении эта часть не сыграла. Из донесений командира полка мы узнаем, что революционная агитация среди борисоглебцев также велась, и дисциплина среди солдат была настолько подорвана, что всего месяц спустя

этот полк открыто потребовал прекращения полицейской службы, и некоторые из солдат приняли деятельное участие в избиении полицейских чинов на базарной площади [1]).

По сведениям же министра внутренних дел, сообщенным им генералу Редигеру, среди солдат Борисоглебского полка уже появилось много лиц, сочувствовавших революционной пропаганде, и не исключалась возможность возникновения в скором времени беспорядков, ввиду чего управляющий губернией даже ходатайствовал перед командующим войсками Московского военного округа о выводе этого полка из губернии.

137-й пехотный Нежинский полк (Москва). Из донесения командира полка на высочайшее имя [2]) можно заключить, что революционная пропаганда среди солдат нашла вполне благоприятную почву и была направлена, главным образом, в целях подрыва военной дисциплины, чтобы подготовить отказ этой воинской части принять активное участие в усмирении вооруженной демонстрации рабочих.

Поводом для проявления беспорядков послужил факт самовольной отлучки нескольких нижних чинов и возвращения их в казармы в нетрезвом виде, при чем начальством было отобрано несколько бутылок пива.

Это обстоятельство было использовано для открытого выражения неудовольствия против чрезмерной строгости начальствующих лиц, а также группа нижних чинов, явившаяся к дежурному по полку, предъявила свои требования:

1) Разрешение свободного отпуска, вне занятий, в город.
2) Разрешение пить в казарменном помещении пиво.
3) О выдаче не выданных еще денег за неполучение за время переездки из Манчжурии в Европейскую Россию каши.
4) О выдаче старослужащим тех же годовых вещей, что и молодым солдатам.
5) Об увольнении в запас нижних чинов срока службы 1903 года.

Вместе с делегацией, передавшей свои требования, прибыла толпа солдат в сопровождении оркестра музыки, игравшей марш.

В заключение своего донесения командир полка добавляет, что беспорядок об'ясняется усиленной и неудержимой агитацией извне, чему благоприятствуют сильно разбросанное расположение полка и почти поголовное спаивание нижних чинов, увольняемых со двора.

Московское окружное инженерное управление. Крестовские казармы, в которых были расквартированы части гренадерской дивизии, были совершенно изолированы от остального московского гарнизона, и пропаганда среди этих войсковых частей встречала особые трудности.

Все же, несмотря на это, из донесений начальника 1-й московской инженерной дистанции [3]) мы имеем сведения о похищении из дистанции

[1]) Дело гл. шт., 7 отд., № 50.
[2]) Рапорт ком. полка за № 5175. Дело гл. шт., 16 отд., № 50.
[3]) Дело гл. шт. № 50. Рапорт нач. инж. дистанц. № 6.

планов Кремлевских казарм, части дома военного округа, занимаемой квартирой командующего войсками и лагерного расположения войск на Ходынском поле.

Здесь же сообщалось об арестовании полицией мастерской бомб в одной из местных военных революционных организаций, помещавшейся в здании московского окружного инженерного управления.

6-я саперная бригада (с. Любуцкое Калужской губернии). Беспорядки в саперном лагере при селе Любуцком произошли вследствие массового ареста солдат, принимавших деятельное участие в революционной пропаганде и призывавших к неповиновению начальству.

Доклады командиров частей, входивших в состав 6-й саперной бригады, а также письмо министра внутренних дел на имя генерала Редигера [1]) так рисуют обстановку дела:

23 июня среди чинов 6-й саперной бригады появился целый ряд неизвестных лиц, подстрекавших принять участие в митинге, который и состоялся на передней линейке в отсутствие офицеров.

Командир 6-го батальона настойчиво требовал, чтобы его солдаты разошлись, но это требование исполнено не было, а один из нижних чинов бросил в командира камень, которым попал ему в затылок.

После этого саперы потребовали музыкантов, которые и явились под угрозой быть избитыми, а вечером приглашен был командир бригады, которому солдаты пред'явили ряд требований: освободить одного товарища, приговоренного судом к отдаче в дисциплинарный батальон, раздать экономические суммы за время минувшей войны, приобрести одеяла и пр.

Аналогичные беспорядки произошли почти во всех саперных батальонах, расположенных в одном лагере, где в одно и то же время произошли собрания и были пред'явлены требования.

Командир 1-го резервного саперного батальона телеграфировал: в 11 часов утра саперы произвели беспорядки с целью освобождения арестованных и избили дежурного офицера, которому нанесли тяжелые побои, когда последний попытался задержать вожака, руководившего собранием солдат, при чем толпа овладела его револьвером.

Командир 6-й саперной бригады в своих рапортах на высочайшее имя с определенностью заявляет о подготовлении сапер к восстанию и указывает на рост революционной пропаганды, чему способствовал сбор всех частей бригады в одном месте, в Любуцком лагере.

Он писал, что нижние чины частей бригады собираются без разрешения в разных местах лагеря на сходки как для разговоров о своих экономических нуждах и желательности увольнения в запас всех нижних чинов срока службы 1903 года, а не четвертой части, так и для обсуждения вопроса об аресте их товарищей, обвиняемых в агитации и распространении революционной литературы.

[1]) Дело гл. шт., 7 отд., № 50, 1906 г.

Недовольство сапер увеличивалось с каждым днем, влияние пропаганды революционных идей росло и грозило вылиться в открытое возмущение.

Положение признавалось угрожающим, и, наконец, по приказанию командующего войсками Московского военного округа, был выделен из Москвы сводный карательный отряд и отправлен на усмирение сапер в Любуцкий лагерь. Отряд состоял из 12-го гренадерского Астраханского полка, 4-го пехотного Копорского полка и пулеметной роты 2-й гренадерской дивизии.

Волнения в 6-й саперной бригаде были ликвидированы прибывшим карательным отрядом, и многие руководители их были арестованы, причем небезынтересен способ, примененный трусливым командованием, пустившимся на хитрость и обман.

Прибывший отряд расположился бивуаком недалеко от штаба 6-й саперной бригады, сменил караул у патронных складов и пороховых погребов, а также были приняты меры к недопущению делегатов от сапер к московским частям, при чем было арестовано несколько сапер, проникших в бивуачное расположение.

Вследствие организованного сыска и доноса удалось выяснить фамилии зачинщиков беспорядков, которые обманом, под предлогом устройства общего праздника для сапер, были вызваны к штабу в числе 39 человек и, по заранее задуманному плану, были быстро оцеплены двумя ротами Астраханского полка и арестованы.

В это время саперы были на своих обычных занятиях и по окончании их, около 11 часов дня, прибыв в лагерь и узнав, что посланные для переговоров арестованы, они собрались на левом фланге лагеря, и с криком: «выходи, товарищей наших арестовали» бросились по передней линейке.

Была произведена тревога в карательном отряде. Огромная толпа сапер с шумом двинулась по передней линейке.

Два полка пехоты быстро были выстроены с заряженными винтовками перед передней линейкой лагеря, имея по два пулемета в каждом полку.

Саперы не выдержали и выдали зачинщиков, которые под сильным конвоем двух рот и были направлены на суд и расправу в Москву.

32-й Донской казачий полк (Нижний-Новгород). По признанию военной организации Нижнего-Новгорода казаки 32-го Донского полка жили тесным казарменным расположением, и проникновение в их среду имело значительные трудности.

Все же препятствия, в конце концов, удалось преодолеть, и к осени 1906 года связи со всеми сотнями этого полка были установлены.

Сначала казаки в одиночку были привлечены на частные квартиры, где им была роздана литература агитационного характера, а впоследствии внутри самого полка было создано небольшое военно-революционное ядро.

Состоялось собрание четырех сотен полка, на котором было постановлено о пред'явлении некоторых требований.

Командиру полка давно уже было известно о связи отдельных казаков со штатскими людьми, которые поддерживали знакомство с казаками и снабжали их агитационной литературой [1]).

Случай открытого проявления революционного настроения среди казаков описан начальником нижегородского жандармского управления в донесении департаменту полиции от 23 июня 1906 года, за № 4032.

Это произошло около 9 часов вечера 18 июня, когда группа казаков, около 100 человек, возвращаясь с митинга из окрестностей, прилегающих к сормовскому вокзалу, в сопровождении толпы рабочих, приняла участие в пении революционных песен «Вставай, подымайся, рабочий народ» и «Отречемся от старого мира».

Получив об этом сведения, сормовский полицейский пристав с командой городовых задержал нескольких казаков и, с согласия полкового начальства, препроводил арестованных в канцелярию полицмейстера.

Узнав об аресте своих однополчан, несколько казаков возвратились в казарму и своими рассказами о случившемся привели в сильное возмущение всех людей полка.

Казаки нарядили делегацию к начальству с требованием немедленного освобождения арестованных, что и было обещано, во избежание каких-либо осложнений.

С запиской об освобождении арестованных прибыла целая толпа казаков и окружила здание полиции, где содержались арестованные товарищи.

Казаки держали себя «вызывающе» по отношению к чинам полиции, грозили им разнести канцелярию и заявляли о полном отказе нести полицейскую службу.

Все арестованные были освобождены, а мятежный Донской казачий полк немедленно был отозван по распоряжению нижегородского губернатора и заменен 10-м пехотным гренадерским Малороссийским полком.

Было составлено прошение, с приложением многочисленных подписей казаков, вопреки заявлению командира о нарушении устава воинской дисциплины.

В требованиях указывалось: введение усиленного довольствия, приобретение постельных принадлежностей, отмечалось о том, что неизвестно куда поступили ковочные деньги, и т. п.

Было назначено следствие.

Двадцать четыре казака было отдано под надзор начальства [2]), а более активных арестовали и привлекли к судебной ответственности за открытое неповиновение начальству.

Воронежский гарнизон. Из донесения начальника воронежского губернского жандармского управления на имя директора департамента полиции можно судить о настроениях солдатских масс и о состоянии частей воронежского гарнизона.

Работа военной организации среди войсковых частей сказывалась в устройстве сначала отдельных небольших собраний с привлечением

[1]) Дело гл. шт., 16 отд., № 50.

[2]) Военно-судебное дело гл. шт., 7 отд., № 50.

для участия в них наиболее сознательных солдат, а впоследствии эти собрания были доведены до митингов всех частей гарнизона, на которых распространялась в большом количестве литература революционного характера.

Усиленное распространение прокламаций в частях войск в Воронеже и во всей губернии проводилось планомерно, и вся эта литература охотно разбиралась солдатами и по прочтении уничтожалась [1]).

Охранка констатировала, что содержание раздаваемых книг являлось постоянным предметом обсуждения; солдаты толковали, что они все крестьяне и против своих итти не должны; открыто заявляли о возможности с их стороны ослушания приказаний и об отказе от стрельбы. Кроме того, они горячо интересовались прениями в Государственной Думе и нарасхват читали попадающиеся к ним в руки газеты, особенно крайнего направления.

Среди войск воронежского гарнизона мы не находим случаев открытого неповиновения начальству и мятежного выступления, но среди небольших примеров следует отметить бунт в Воронежском дисциплинарном батальоне, который по своему характеру напоминает случаи, уже описанные нами и лишенные особых специфических черт.

Следует также упомянуть о происшествии в 229-м пехотном резервном Коротоякском полку в г. Воронеже, где была заявлена жалоба на грубое обращение начальства с указанием на то, что в вынесении требований этого полка о вежливом обращении начальства принимали деятельное участие посторонние лица, воспользовавшиеся замешательством и, под прикрытием кучки солдат, скрывшихся бесследно.

10-й пехотный Новоингерманландский полк (Тула). 8 июня [2]), после пробития вечерней зари, впереди лагеря собралась небольшая группа солдат 10-го пехотного полка, которая увеличивалась с каждой минутой.

По всему расположению полка бегали одиночные люди, призывавшие всех товарищей принять участие в собрании.

Устраивался митинг.

Ночь была темная, шел дождь, и в поле ничего не было видно. Начали обсуждать свои экономические нужды.

Командир полка приказал офицерам собраться в штабе полка, а командиру 2-го батальона иметь наготове учебную команду для приведения в исполнение всяких срочных распоряжений.

В ночной темноте командир полка приблизился к толпе и спросил о причинах сборища.

Ответило сразу несколько голосов, и понять ничего нельзя было; неожиданно выделился один чей-то голос, отрывисто выкрикивавший: «Суточные в резервном полку получили, а у нас нет. Арестованных трех наших товарищей требуем отпустить. Из амуничных удержано за шитье сапог. За прогулку по Киевской ад'ютант арестовывает» и т. п.

---

[1]) Дело гл. шт., 7 отд., № 50.

[2]) Дело гл. шт., 16 отд., № 50. Рапорт командира полка № 5361.

Командир обещал всякие законные требования удовлетворить и требовал немедленно разойтись, что исполнено не было.

Митинг продолжался еще часа два.

Были произнесены противоправительственные речи какими-то неизвестными ораторами, переодетыми в солдатскую форму с накинутыми на плечи шинелями.

Это была попытка, — заключает в своем донесении командир полка, — посторонних агитаторов известного направления, пользуясь темнотой ночи, поднять полк на митинг.

1-й Донской казачий полк (Москва). 4 декабря 1905 г. [1]), за три дня до об'явления всеобщей забастовки, военная организация обратила особое внимание на казачьи части, считавшиеся надежной опорой власти.

Случайно удалось завязать сношения с хорунжим 1-го Донского казачьего полка Щербаковым, который обещал свое содействие в распространении агитации среди казаков.

Когда происходили во всех районах Москвы рабочие собрания, на которых решался вопрос о вооруженном восстании, в ночь на 5 декабря, во время дежурства хорунжего Щербакова, несмотря на категорическое приказание командира полка никого не допускать в казармы ввиду начавшихся в то время волнений и беспорядков политического характера в некоторых частях войск московского гарнизона, в 1-й Донской казачий полк проникла толпа посторонних лиц, устроившая митинг казаков полка.

Агитаторы обратились к казакам с призывом пред'явить начальству различные требования экономического и политического характера и устроить забастовку.

Казаки вынесли решение о полной солидарности с рабочими организациями и обещали присоединиться к восставшему народу.

Все участники и активно выступившие на митинге скрылись, а Щербаков был арестован и предан суду по обвинению его в оказанном неповиновении начальству и политической неблагонадежности.

Как известно, донцы активного участия в усмирении восставших рабочих не приняли и в баррикадной борьбе боевых рабочих организаций на улицах Москвы сами не участвовали, оставаясь до конца вооруженного восстания в казармах.

Моршанский и Вильманстрандский полки (Вологда). Вологодский гарнизон состоял из двух пехотных полков и местной конвойной команды. Среди солдат этого гарнизона существовала военно-революционная организация, снабжавшая нижних чинов прокламациями и литературой.

В июне в Вологде скончался один крестьянин, содержавшийся под надзором полиции вместе с группой политических ссыльных.

Было принято решение участвовать в похоронной процессии, о чем поставили в известность и войсковые части [2]).

[1]) Дело гл. шт., № 50. Рапорт на высочайшее имя командующего войсками Московского округа № 15097.

[2]) Дело гл. шт., 7 отд., № 50. Письмо военному министру № 11250.

При выносе тела собралась огромная толпа солдат Вильманстрандского и Моршанского полков, присоединившаяся к рабочим, провожавшим погибшего товарища с красными флагами.

На могиле покойного представители воинских частей произносили речи и давали обещание продолжать начатое дело освобождения народа от ига самодержавия.

Говоря о настроении среди солдат вологодского гарнизона, министр внутренних дел сообщает военному министру о совершенной распущенности и несоблюдении воинской дисциплины. На улицах города бродили группы нижних чинов, которые при встрече с офицерами не отдавали чести, вели себя шумно, курили и представляли совершенно дезорганизованые воинские части.

Солдаты расквартированных в городе полков пехоты, а также местной конвойной команды всегда находились в деловых «революционных сношениях» с политическими ссыльными, принимали участие в митингах и в конце концов стали представлять собою ненадежные части на случай подавления могущих возникнуть в городе беспорядков.

Был случай, когда солдаты Вологодской конвойной команды, возвращаясь с митинга, происходившего открыто и организованного политическими ссыльными, пели революционные песни.

Газета «Народный Листок» [1]) отмечает случай неповиновения начальству нижних чинов Вильманстрандского полка, который имел место на ст. Уроч, Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги.

Этому полку было приказано нести охрану общественного порядка и безопасности в случае возникновения беспорядков в мастерских на железной дороге.

По прибытии к месту несения караульной службы смешанный отряд Моршанского и Вильманстрандского полков неожиданно отказался нести полицейскую службу и, вызвав к себе командира отряда, заявил, что солдаты не желают быть полицейскими и стрелять в народ не станут.

О случившемся немедленно было сообщено высшему начальству, результатом чего явилась срочная поездка начальника 17-го армейского корпуса для расследования на месте причин происходящих волнений.

Приехав в 5 часов вечера, генерал-следователь в 9½ часов вечера того же дня выехал оттуда, не видав ни одного солдата и почти не выходя из вагона.

Только и видел одних офицеров, от которых осведомился, как ведут себя солдаты.

Офицеры нарисовали ему положение в очень неприглядных красках, что и удержало его от выхода из вагона.

Части тамбовского гарнизона при подавлении аграрных беспорядков в уездах. Из донесения тамбовского губернатора за № 11324 [2]) мы узнаем о действиях войсковых частей при командировании их для подавления аграрных беспорядков.

---

[1]) Дело гл. шт., военно-судебн., № 50, стр. 215.
[2]) Дело судебного отд. гл. шт. № 50.

Местная военная организация широко проводила план разложения воинской дисциплины среди солдат, командируемых отдельными отрядами в различные уезды и волости Тамбовской губернии, обильно снабжая их прокламациями и вкрапливая в эти отряды своих членов.

Приводим один из случаев, рисующий агитационную работу в частях войск, который является наиболее типичным.

Управляющий губернией телеграфирует министру внутренних дел о задержании в 7-м кавалерийском полку, при отправлении нескольких его эскадронов в Моршанский уезд, ученицы местной фельдшерской школы Поповой, раздававшей прокламации и призывавшей солдат к возмущению и отказу усмирять восставших крестьян.

При подавлении крестьянских беспорядков в селе Петровке, Моршанского уезда, 14 июня отряд 7-го кавалерийского полка, вместо оказания содействия полицейским чинам, своим бездействием позволил толпе крестьян, производивших беспорядок, прорвать цепь солдат.

Кроме того, солдаты произвели беспорядочную стрельбу без команды, направляя выстрелы как бы случайно не в толпу крестьян, а в полицейских стражников, так что пули пролетели над головами последних.

После прекращения стрельбы отдельные солдаты вступили в переговоры с крестьянами, при чем заявляли им, что стрелять в них не будут, и приглашали к тому же стражников, об'ясняя, что нет надобности стрелять в своего же брата, и что крестьянам необходимо бунтовать, так как у них мало земли, а не сочувствующих этому делу стражников с негодованием называли «продажными шкурами».

238-й Клязьминский резервный батальон (с. Лысково Нижегородской губернии). Весьма благоприятно для активного выступления сложилась обстановка в Клязьминском резервном батальоне в ночь на 18 июля.

Батальон прибыл в с. Лысково на соединение с 306-м Ковровским резервным батальоном, подлежащим расформированию и влитию к клязьминцам.

Момент был очень удачным для проявления неповиновения начальству, так как недовольство среди солдат на экономической почве особенно остро проявилось в период расформирования, когда заметно пала воинская дисциплина.

Начальник гарнизона, описывая события среди клязьминцев [1]), указывает, что поводом для происшедших беспорядков послужило сравнительно незначительное обстоятельство.

Зачинщиком возмущения, руководителем движения, а также и депутатом от взбунтовавшихся солдат для переговоров с командным составом был рядовой Хромов, который направлял действия восставшего батальона весьма опытной рукой.

Солдаты Клязьминского и Ковровского батальонов долго не расходились по квартирам в ночь на 18 июля.

---

[1]) Дело судебного отд. гл. шт. № 50, стр. 233.

Они толпами бродили по селу, открыто выражая недовольство своим начальством.

Местный полицейский надзиратель, по поручению исправника, пытался оказать содействие к успокоению нижних чинов 238-го Клязьминского батальона, бродивших толпами с шумом и криками вдоль улиц с. Лыскова, где был расквартирован батальон.

Наконец, один из более активно выступавших солдат был схвачен стражниками, остальные же стали звать на помощь товарищей, и толпа, частью с ружьями, а частью с подобранными по дороге кирпичами и каменьями бросилась на стражников и полицейского надзирателя, при чем двум стражникам причинила ушибы и поранения; другая же толпа в поисках за стражниками, убегавшими от солдат, бросилась в направлении к цейхгаузу с запасом оружия, но часового не сняла и склада не тронула.

Все утихло.

На утро следующего дня настроение среди солдат снова было возбужденное и тревожное, проявлялось явно непочтительное отношение к начальствующим лицам.

При появлении командира батальона один из солдат вступил с ним в разговоры, «с заложенными за спину руками, имея крайне вызывающий вид», и заявил: «Нам всем житья от вас нет, а полиция бьет нас нагайками».

Видя явное нарушение дисциплины, командир приказал поставить под ружье неучтивого солдата.

Спустя некоторое время батальонный ад'ютант доложил, что люди, отобрав ружья и амуницию, освободили своего товарища от несения наказания.

Командир приказал построиться солдатам, при чем разделил их на две части: коренных клязьминцев и влившихся ковровцев, расположив их отдельно лицом друг другу, и предложил солдатам самим решить, хорош ли их поступок.

Не получивши никакого ответа, командир батальона приказал тем, кто находит поступок хорошим, остаться стоять, а находящим его плохим — сесть.

Все клязьминцы сели, а ковровцы остались стоять, и из строя послышались громкие крики: «Хорошо, очень хорошо», после чего весь строй смешался и превратился в толпу. Рядовой Хромов, принявший на себя роль депутата, громко выкрикнул: «Подымайтесь, братцы, что вы сидите, что вы нам говорили, что будете за нас. Поднимайтесь, помните: один за всех и все за одного. Пойдем освободим арестованных».

На вопрос командира батальона, как его фамилия, он резко ответил: «Неизвестный. Что, узнали? На-те берите меня, я весь тут».

Далее выступивший солдат обращается в своей речи к своим сотоварищам с призывом поддержать его требования, при чем толпа стала вести себя крайне дерзко и вызывающе и обступала командира батальона и бывших вблизи офицеров.

Началось собрание.

Все выступавшие ораторы выказывали злобу к офицерам, быстро затерявшимся в толпе, обсуждали вопросы о свободе и вновь подымали толпу освободить арестованных. Сильно заметно было желание вовлечь в общий бунт весь батальон, но это не удалось сделать.

К вечеру порядок восстановился, и солдаты совершенно успокоились.

Совет московского гарнизона Всероссийского военного союза. Московский окружной штаб доложил главному штабу об обнаружении им военно-революционной организации, носившей наименование [1]) «Совета московского гарнизона Всероссийского военного союза». По сведениям московской охранной полиции, этот Совет имел свою явочную квартиру, в которой помещалась тайная типография, а также были обнаружены рукописи и брошюры противоправительственного содержания, отпечатанные в этой типографии. Кроме того, при обыске были обнаружены прокламации и воззвания с призывом «с оружием в руках избавить себя и своих отцов и братьев от кровопийц — царских чиновников».

В состав этого Совета входили представители почти ото всех частей гарнизона, при чем для общей связи между собой был использован велосипедист от 12-го гренадерского Астраханского полка, состоявший в прикомандировании к штабу 3-й гренадерской дивизии.

Этот велосипедист был арестован охранной полицией в момент доставления им в части агитационной литературы, и по его следам была обнаружена военно-революционная организация.

Типография со всем находящимся в ней литературным материалом была разгромлена, но все активные работники, руководившие ее работой, успели благополучно скрыться.

239-й Окский резервный батальон (Нижний-Новгород). По наблюдениям нижегородской губернской жандармской полиции [2]), чины военной организации при местном об'единенном комитете социал-демократической и социал-революционной партий весьма продолжительное время вели самую энергичную противоправительственную пропаганду среди чинов воинских частей, расположенных в Нижнем-Новгороде, привлекли многих солдат на свою сторону и при посредстве их распространяли в воинской среде запрещенные брошюры и прокламации.

Для свиданий с сочувствующими солдатами агитаторы появлялись, преимущественно после 9 часов вечера, в ближайших местностях к казармам, куда также приходили и солдаты за получением подпольной литературы.

Кроме того, незаметно от дежурных и дневальных, прокламации и воззвания подкладывались в места расположения полков и батарей.

В праздничные дни и накануне праздников революционные деятели военной организации устраивали солдатские митинги в окрестностях города, в лесах, при чем особо отличалась работа среди солдат 239-го Окского резервного батальона.

[1]) Дело гл. шт., 16 отд., № 50.
[2]) Военно-судебное дело гл. шт., 7 отд., № 50.

Деятельное участие в подпольной работе среди солдат принимала группа вольноопределяющихся, появлявшаяся разновременно в разных частях гарнизона.

Наконец, после усиленной слежки, эта организация была раскрыта в момент своей деятельности, направленной к распространению литературы среди солдат Окского резервного батальона.

При обыске было обнаружено большое количество разных революционных брошюр и прокламаций, и вся организация привлечена к судебной ответственности.

В момент ареста Нижегородской военной организации в 239-м Окском батальоне за чертой расположения происходил митинг, и в момент разгара собрания были обнаружены большие свертки прокламаций, указывавших на участие в этой работе РСДРП.

219-й Юхновский и 220-й Епифанский пехотные резервные полки (Орел). Исследовав архивные документы, относящиеся к военно-прокурорскому надзору Московского военного округа [1]), мы получаем следующую картину активных выступлений войск лагерного сбора 36-й дивизии и, главным образом, двух пехотных полков — Юхновского и Епифанского.

Указанные полки были переведены в Орел из своей прежней стоянки в Рязани, вследствие чего была утеряна связь этих полков с революционными организациями.

Из Москвы было послано предложение Орловской социал-демократической организации с указанием о необходимости восстановления связи при посредстве специально командированных работников.

Для общих солдатских собраний было избрано место близ деревни Лужков.

Митинг состоялся в 9 часов вечера в овраге за деревней.

Приняли участие до 300 солдат указанных полков, при чем на сходке присутствовали местные крестьяне и рабочие железнодорожных мастерских.

Были произнесены речи, обращенные к солдатам, с призывом к открытому бунту и уничтожению своего начальства; на этот призыв солдаты ответили согласием и просили представителей рабочих оставаться с ними в постоянном общении.

На собрании было вынесено постановление требовать сокращения срока службы, улучшения пищи, прибавки жалованья, не участвовать в усмирениях, угрожая отказом нести какую-либо службу.

Конспирация военной организации, работавшей в Орле, была поставлена настолько хорошо, что охранке так и не удалось обнаружить участников ее, и прокурорский надзор вынужден был своим заключением по жандармскому дознанию о работе военной организации в Юхновском и Епифанском полках прекратить судебное дело за недостаточностью улик.

---

[1]) Военно-судебное дело гл. шт., 7 отд., № 50.

III. ИТОГИ.

Опыт борьбы просвещает быстрее и глубже, чем могли бы при других условиях сделать годы пропаганды.

(Н. Ленин. Собр. соч., т. VI, стр. 498.)

Революционное движение в 1905 г. поднялось на высшую ступень своего развития и быстро вырастало в общенародное восстание, в процессе своего развития вовлекая в гражданскую войну и царское войско.

Революционная социал-демократия вполне уяснила себе значение вооруженного восстания армии, находящейся на стороне народа.

На первых порах активного проявления восстания в Москве была создана окружная военная организация, являвшаяся руководящим центром для работы в войсках.

Все революционные силы частей брались на учет, и, несмотря на непреодолимые трудности, пропаганда и агитация среди войск принимала все более и более широкие размеры.

Если мы обратимся к схематическому изображению расположения войсковых частей Москвы и Московского округа, то сразу же можно притти к заключению, что революционное движение в войсках было организовано чьей-то направляющей и об'единяющей рукой и охватило всю территорию округа, распространившись в губерниях: Московской, Тверской, Калужской, Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Нижегородской, Владимирской и Вологодской.

Вся территория округа была покрыта сетью местных военных организаций. И невольно перед нами встает вопрос, не был ли это планомерно разработанный проект осуществления вооруженного восстания, проводимого революционными рабочими, опирающимися на войска? Тогда чем же об'яснить то поражение, которое в конце концов понес пролетариат, несмотря на героические усилия, проявленные им в вооруженной борьбе с царским правительством в 1905 году?

Ответ на эти вопросы мы находим в исторических архивных документах, рисующих настроения солдатских масс, которые были вовлечены в борьбу.

Здесь мы должны указать на весьма характерный случай в Ростовском гренадерском полку, происшедший на митинге во дворе полковых казарм.

После горячих речей военных агитаторов, призывавших солдат принять активное участие в борьбе московских рабочих, многие солдаты

со слезами на глазах заявляли о своем полном сочувствии борющемуся пролетариату, добавляя, что стрелять в народ они не будут, и присоединятся к народу тогда, когда он победит правительство.

Солдатские массы еще не были в состоянии воспринять идею революционной борьбы за власть, и революция 1905 г. для них имела только воспитательное значение, выделив из их среды в первом случае нейтральные массы, а в другом случае создав внутри их самих ядро революционных борцов, и если мы будем говорить об опыте революционого движения 1905 г. и влиянии его в социальном отношении, мы неизбежно придем к мысли, что значение его было велико непосредственным воспитанием масс и классов в процессе самой революционной борьбы.

Неподготовленность войск, несмотря на происходившие беспорядки в различных частях в пределах всего Московского округа, сказалась на первых шагах вооруженного восстания, и пролетариат в своей борьбе остается одиноким, изолированным от армии, но, развивая эту борьбу героическими усилиями сознательной своей части (как это было с Пресненской боевой организацией, продолжавшей борьбу, несмотря на полное прекращение ее в остальной Москве), пролетариат пробивал себе дорогу для будущей борьбы. Он в то же время намечал себе пути, по которым будет развиваться вооруженное восстание, поэтому и гражданская война того времени приняла форму упорной повстанческой войны.

Революционная борьба 1905 года была почти не подготовлена в смысле вооружения и военной готовности, и для достижения успеха нехватило того момента, который определил бы переход войска на сторону народа.

Одно остается несомненным в истории революционного движения в 1905 году: в этом опыте перехода к вооруженному восстанию по пути от мелких стачек к массовым организациям было положено невероятно много усилий на вовлечение в борьбу частей армии, которая приучалась в ходе гражданской войны к участию в политической жизни государства, а всякие отдельные, самые незначительные брожения в войсках поднимали на борьбу даже самые отсталые слои солдатской массы. Чем дольше тянулась борьба, тем неизбежнее и быстрее происходил процесс революционизирования масс.

Упорная борьба рабочих, постоянные стачки, демонстрации, частичные восстания, — все эти схватки неминуемо втягивали армию в политическую жизнь и в круг революционных вопросов, стоявших на разрешении текущего дня. Рабочее движение поднимало за собой крестьянство, вносило разложение в ряды царской армии. Проявление различного рода неповиновения своему начальству, пред'явление ему ряда требований, даже экономического характера, делало армию элементом нейтральным и тем самым исключало всякую возможность видеть армию в будущей сложной борьбе пролетариата за власть на стороне врагов революции.

Ни в коем случае нельзя претендовать на то, что организация вооруженного восстания в декабрьские дни 1905 года предусматривала

активное выступление войск Москвы и Московского округа на стороне рабочего класса, но те волнения среди войск, которые носили исключительно эпизодический характер, начавшись в 1905 году, стихийно покатились широкой волной, захватив целиком 1906 и отчасти 1907 год; эти проявления «бунтарства» среди войск, несомненно, явились началом организации высшей формы борьбы и более решительного восстания, свидетелями которого мы явились уже двадцать лет спустя, в нашей современной действительности, когда перед нами во весь свой рост стоит Красная армия, политически воспитанная вооруженная сила, с задачами и перспективами мировой проблемы — борьбы за власть пролетариата во всем мире.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень восставших войсковых частей Московского военного округа в 1906 году.

Москва.

Ростовский гренадерский полк.
Сумский драгунский полк.
Несвижский гренадерский полк.
Астраханский гренадерский полк.
Перновский гренадерский полк.
137-й Нежинский полк.
1-й Донской казачий полк.
Московское окружное инженерное управление.

Руководящие военные организации в Москве.

Окружная военная организация РСДРП.
Совет московского гарнизона.
Всероссийский военный союз.

Александров.

1-й резервный саперный батальон.

Тверь.

1-й лейб-драгунский Московский полк.

Рязань.

138-й Волховский полк.

Нижний-Новгород.

10-й Малороссийский гренадерский полк.
32-й Донской казачий полк.
239-й Окский резервный батальон.

Село Клементьево.

1-я гренадерская артиллерийская бригада.
3-я гренадерская артиллерийская бригада.

Калуга.

9-й Ингерманландский полк.

Тамбов.

7-й кавалерийский запасный полк.

Село Любуцкое.

6-я саперная бригада.

Воронеж.

229-й резервный Коротоякский полк.
Воронежский дисциплинарный батальон.

Тула.

10-й Новоингерманландский полк.

Село Лысково.

238-й Клязьминский резервный батальон.

Орел.

219-й Юхновский пехотный резервный полк.
220-й Епифанский пехотный резервный полк.

Вологда.

Моршанский полк.
Вильманстрандский полк.

Г. К. КОРОЛЬКОВ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОЙСКАХ ВИЛЕНСКОГО И ВАРШАВСКОГО ВОЕННЫХ ОКРУГОВ.

I. ВИЛЕНСКИЙ ОКРУГ.

Особенности округа. Согласно административному делению царской России, в состав Виленского военного округа входили: а) прибалтийские губернии (Остзейский край) — Курляндская губерния и Рижский уезд Лифляндской губернии, б) вся Литва (часть Северо-Западного края) — Ковенская, Виленская и Витебская губернии, в) часть Польши (Привислинский край) — Сувалкская губерния и Щучинский уезд Ломжинской губернии, г) часть Белоруссии (часть Северо-Западного края и часть Полесья) — Гродненская губерния, без Белостокского и Брест-Литовского уездов, и Минская губерния. Таким образом этот военный округ простирался от Рижского залива до болотистого Полесья, включая в себя территорию, где жило несколько народностей, различных по своему укладу и особенностям жизни.

В прибалтийских губерниях жили латыши (преобладающая народность), эстонцы, литовцы, немцы и немного поляков и русских. Немцы составляли господствующий класс. Немцы — бароны, крупные землевладельцы, первые в России освободили своих крепостных крестьян, пустив их на волю без всякого земельного надела. «Освобожденному» от земли крестьянину только и оставалось переселиться или итти к своему бывшему барону в арендаторы на самых невыгодных для себя условиях. Бароны сохранили за собою не только все свои земли, но и другие права — право пропинации (исключительное право на продажу спиртных напитков) и пасторское право (право назначения приходских пасторов). Право пропинации впоследствии правительство выкупило у баронов, а пасторское право осталось за ними до революции. Такое положение латышских крестьян создало особенно благоприятную почву для аграрного движения, и здесь оно приняло длительный и ожесточенный характер.

Сувалкская губерния и Щучинский уезд, как часть Польши, жили по новому стилю и регулировали свою жизнь по кодексу Наполеона I, составляя в гражданском отношении часть Варшавского генерал-губернаторства. Расположенные здесь войска не могли иметь благоустроенных лагерей, так как земли по кодексу Наполеона могли быть занимаемы только на годовой срок. Каждый год лагерь приходилось устраи-

вать на новом месте. На основании того же кодекса войска получали особые пивные деньги, которые после русско-японской войны были отменены. Все покупки войска производили в польских мерах, что усложняло их отчетность. Северные уезды Сувалкской губернии населены литовцами и татарами (польские татары), на остальной территории жили поляки. Русских почти не было, кроме служащих. Еврейское население доходило до 20% и сосредоточивалось преимущественно в городах.

В остальном районе округа применялось общерусское положение, но чем ближе к границам Польши, тем больше оставалось следов бывшего польского господства (забранный край). Здесь жили белоруссы, литовцы, поляки, немцы, очень мало русских, а в Полесьи — полещуки (отрасль червонороссов).

Большинство жителей занималось сельским хозяйством. Промышленность развилась в прибалтийских губерниях, и Рига сделалась крупным центром. В остальных городах были небольшие фабрики, но преобладало кустарное производство. В более тяжелых условиях приходилось существовать в Полесьи, где надо было отвоевывать у леса и болота каждый клочок земли. Здесь находились деревни, которые на 4—5 месяцев в году отрезывались распустившимися болотами от всякой связи. Иногда удавалось пользоваться рекой как дорогой для колесного сообщения, когда река не была глубока, а почти все реки, текущие среди болот, имели песчаное дно.

Виленский военный округ был пограничным и поэтому был насыщен войсками. Война с Японией заставила два корпуса и часть артиллерии других корпусов отправить в Манчжурию. На их место развернулись резервные бригады и запасные батальоны. Много призванных запасных оказались из губерний, охваченных аграрными волнениями, что вносило в войсковые части некоторое беспокойство. Часть войск отвлекалась для подавления аграрных волнений в пределах округа. Эти обстоятельства в связи с волною политических забастовок создавали тревожное настроение среди войсковых частей, но различие языка и стремлений местного населения образовало барьер между теми и другими. Проявляемое местами враждебное отношение к войскам не способствовало к сглаживанию этого барьера, а также в некоторой степени связывало свободу действий войск и не позволяло развитию выступлений в полной связи с рабочим и крестьянским движением.

Обстановка, сложившаяся в пределах округа, была благоприятна для политической пропаганды только в северной части территории, а на остальном пространстве эти условия были значительно хуже. В пределах округа работали несколько политических партий, крупнейшими из которых были: а) социал-демократическая партия Польши и Литвы, б) еврейская партия Бунда, в) социал-революционная партия Латвии (латышская) и г) местные комитеты: в Витебске, Риге, Двинске и Минске — Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия, в Вильне, Минске и Двинске — партии соц.-револ. Кроме того, было несколько мелких националистических партий.

Движения в войсках округа.

Рига. Находясь в устьях р. Западной Двины и имея удобный морской и речной порты, Рига стала не только торговым, но и промышленным центром. Здесь же был административный центр Лифляндской губернии. К началу 1905 г. Рига имела более 282.000 жителей и в том числе до 80.000 рабочих, почти исключительно немцев, латышей и евреев, с незначительным количеством русских. В гарнизоне города находилось два пехотных и два кавалерийских полка, учебный унтер-офицерский батальон (для подготовки унтер-офицеров более высокой квалификации).

В ответ на петербургское «кровавое воскресенье» рижские рабочие, в числе 15.000 человек, 13 (26) января устроили манифестацию протеста. Эта манифестация была разогнана войсками, при чем было 22 рабочих убито и 67 ранено. Вместо ожидаемого местной властью успокоения на следующий день 14 (27) января 60.000 рабочих об'явили забастовку, — закрылись фабрики, типографии, перестали выходить газеты, и среди жителей города стали циркулировать разные панические слухи [1]). Успокоение города и возобновление работ было достигнуто не так скоро, возбужденные рабочие проявляли удивительную настойчивость. Введено временное генерал-губернаторство, гарнизон усиливается, улицы города охраняются патрулями и раз'ездами. Рабочие вооружались, при чем наблюдались вооруженные нападения на солдат.

Возбужденное состояние населения длится до получения манифеста 17 (30) октября. С этого момента начинаются манифестации; происходят народные митинги. Общий политический под'ем постепенно захватывает войска, где начинается обсуждение вопросов политики сначала кучками, затем доходит до митингов. Члены военных партийных организаций проникают в войска, агитация усиливается. Учебный унтер-офицерский батальон, так жестоко усмирявший рабочих в январе, первый начинает активные выступления и 3 (16) ноября пред'являет своему начальству требования, которые сводятся к нижеследующему: а) отнять у временного генерал-губернатора право распоряжаться войсками; б) освободить солдат от нарядов для несения полицейской службы; в) должность фельдфебеля в роте сделать выборной; г) увеличить жалованье до 3 руб. 20 коп. в месяц; д) улучшить пищу [2]).

Пример унтер-офицерского батальона вызвал подражание в других частях. Политическая работа студента рижского политехникума тов. Арайса и двух сестер Гельцер оказалась не без результата. Некоторая часть солдат 115-го Вяземского и 177-го Изборского пехотных полков 10 (23) ноября пред'явили свои требования, изложив их в 38 пунктах, касающихся экономических и политических вопросов [3]). Несмотря на то, что большинство солдат не выступило, и положение

[1]) Дело гл. штаба, 3 ст., 2 отд., № 15, 1905 г., стр. 3.
[2]) Газета «Начало», № 7, 1905 г.
[3]) «Право», № 47, 1905 г., стр. 3841.

не было столь уж грозным, начальник 45-й дивизии ген. фон-Поппен, в штатском платье уехал в Петербург, за что и был удален со службы.

Командир 20-го армейского корпуса ген. Бекман, как начальник гарнизона и временный генерал-губернатор, пользуясь силами 179-го пех. Усть-Двинского полка и сохранившимися ротами Изборского и Вяземского полков, а равно полками 1-й отдельной кавалерийской бригады, подавил начавшиеся волнения. Начальство отыгрывалось на подогревании патриотических чувств солдат-русских, чему в значительной степени помогали частые нападения на патрули и раз'езды, оканчивавшиеся ранением и даже убийством солдат и постоянным отбиранием у них оружия [1]).

Усть-Двинск. Совершенно особый характер проявился в волнениях гарнизона этой небольшой крепости, расположенной в самом устьи р. Западной Двины при небольшом селении с 3.000 жителей. Задача крепости — прикрыть с моря доступ к Риге. Гарнизон крепости состоял из двух батальонов — пехотного и артиллерийского и двух рот — саперной и минной. Близость к Риге, кипевшей политическими волнениями рабочих, казалось, должна была отражаться на гарнизоне Усть-Двинска, но комендант крепости посылал самые успокоительные донесения, и тем неожиданнее было сообщение военному министру ген. Редигеру от командира жандармского корпуса ген. Трепова, что в крепости по сочувствию к бунту на броненосце «Потемкин» вспыхнул бунт крепостных артиллеристов и минер [2]). Ни в главном штабе ни в штабе Виленского округа об этом не было никаких сведений. Для проверки жандармского сообщения, по предложению начальника главного штаба ген. Мышлаевского, было решено командировать ад'ютанта военного министра полковника Чебыкина (он же начальник завода санитарных заготовлений).

28 июня (11 июля) полк. Чебыкин прибыл в Усть-Двинск и неожиданно вручил коменданту крепости ген. Петровичу свои полномочия. Очень быстро произведенное расследование выяснило следующее: а) 3-я, 4-я и 5-я роты крепостного артиллерийского батальона, расположенные в отдельном лагере, отказались есть щи из кислой капусты, считая ее недоброкачественной. Комиссия из двух врачей и одного командира роты нашли капусту вполне удовлетворительной, но роты вновь протестовали. Для их успокоения капуста была уничтожена, и стали варить супы. б) Минная рота принесла неправильную жалобу. С 1 мая по 1 октября, согласно особого закона, минеры должны получать по 10 коп. в день на улучшение пищи, но по установившемуся обычаю эти деньги, с согласия солдат, распределялись на весь год. Жалоба минерами была пред'явлена при инспекторском опросе вновь назначенного начальника инженеров крепости.

Из расследования выходило, что крепостной жандарм ротмистр Флоринский, без предварительного доклада коменданту крепости,

[1]) Дело суд. отд. гл. штаба, № 337—7629, 1905 г., стр. 29.
[2]) Там же, № 158—3847, 1905 г., стр. 1, 4.

в донесениях по своему начальству придал событиям неправильную окраску и тем ввел его в заблуждение и вызвал ненужную командировку полк. Чебыкина [1]).

Командующий войсками округа ген. Фрезе, с своей стороны, нашел: а) что комендант крепости был прав не доносить о таком беспорядке и б) что ротмистр Флоринский поступил некорректно, и его следует отозвать из крепости и заменить другим. Командир корпуса жандармов считал несомненным влияние политической пропаганды в событиях гарнизона и оставил ротмистра Флоринского в крепости. Действительно близость Риги должна была сказываться на Усть-Двинске. Здесь могли укрываться члены партий от рижского сыска, здесь вел работу тов. Кальске (от Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии) при участии других членов военной организации [2]). Они имели большое влияние на проявление артиллеристами их неудовольствия, при чем капуста послужила лишь благовидным предлогом. Под их же влиянием толпа, в составе до 200 человек крепостных артиллеристов, устроила шествие и кричала: «Долой стеснения!». Причиной этой выходки послужил приказ коменданта крепости об ограничении увольнений из лагеря. Этот эпизод крепостное начальство затушевало, чтобы скрыть его от штаба округа и показать благополучие в гарнизоне.

Так продолжалось до получения манифеста 17 (30) октября, когда в соседней Риге начались шумные манифестации и многолюдные митинги. Опасаясь возможности соблазна для гарнизона, комендант крепости своим приказом воспретил увольнять солдат из лагеря. Эта мера не оказала никакого действия, а лишь увеличила случаи нарушения дисциплины в виде самовольных отлучек. 4-я и 5-я роты крепостного артиллерийского батальона, саперная и минная роты — все почти в полном составе — самовольно ушли из лагеря и приняли участие в народном митинге в предмести Больдер-Аа, выступая на нем с речами. Ротмистр Флоринский рассылал самые тревожные депеши, а лифляндский губернатор опасался, что пример усть-двинского гарнизона может повлиять на рижский гарнизон, и требовал [3]) через министра внутренних дел немедленного удаления из крепости саперной, минной, 4-й и 5-й рот артиллерии и замены их другими частями.

Комендант крепости ген. Петрович продолжал скрывать от штаба Виленского округа действительное положение дел и в своих донесениях искажал происходящие события. Об изложенных выше событиях он доносил, что солдаты только издали смотрели на митинг, не принимая в нем участия, а потом преимущественно задержанные увольнением в запас солдаты обсуждали свои нужды. Причиной такого происшествия комендант крепости считал неправильное понимание солдатами манифеста 17 (30) октября и прибавлял, что теперь этот манифест им прочитан и раз'яснен, и все успокоилось, порядок восстановлен [4]).

---

[1]) Дело суд. отд. гл. шт., № 158—3847, 1905 г., стр. 26, 33.
[2]) Журнал «Красная Летопись», № 5, стр. 297.
[3]) Дело гл. шт., 3 ст., 2 отд., № 62, 1905 г., стр. 15.
[4]) Там же, стр. 151, 158.

Вскоре весь гарнизон крепости разделился на две враждебных стороны. Одну сторону составили 4-я и 5-я роты крепостной артиллерии, крепостная саперная и крепостная минная роты. Другую сторону образовал крепостной пехотный батальон. Первые были готовы присоединиться к народу по данному им сигналу, а второй остался в руках своих начальников и был готов прибегнуть к оружию по их приказанию. Что касается 1-й, 2-й и 3-й рот крепостной артиллерии, то они оставались как бы нейтральными, но скорее склонялись поддержать народные требования. Такое состояние войск в крепости требовало принятия немедленных мер, дабы избежать возможного кровопролития.

Наступило рождество. 25 декабря (7 января) солдаты группами бродили по селению. Группа артиллеристов числом в 17 человек встретилась с группой из 3 пехотинцев. Началась перебранка, и артиллеристы с криком «бей их» бросились на пехотинцев и начали избивать их. Явившийся на шум вооруженный патруль от пехотного батальона с большими усилиями спас избиваемых от смерти, и их отправили в лазарет с тяжелыми ранами. Другая группа артиллеристов собралась у квартиры коменданта крепости и стала требовать распоряжения открыть винные лавки, высказывая угрозы разгромить их в случае отказа. Это требование было удовлетворено, и к вечеру в разных пунктах крепости были драки, при чем патрули от минной роты проявили полное равнодушие, но патрули от пехоты многих арестовали за буйство.

На следующий день 26 декабря (8 января) 4-я и 5-я роты крепостной артиллерии начали открытое выступление. Они разобрали оружие, достали караульные патроны и готовились двинуться против пехотного батальона с целью разгромить его казармы и разнести весь батальон. Прибывшие офицеры и начальник артиллерии крепости с большими усилиями предотвратили кровавое столкновение. Лифляндский губернатор вновь начал требовать вывода из крепости революционно-настроенных рот. По распоряжению временного генерал-губернатора ген. Бекмана, в крепость прибыл 116-й пех. Малороссийский полк, саперная, минная и обе артиллерийских роты были обезоружены, а руководители арестованы. Остальных (революционные роты) предположено изолировать. Для этой цели решили воспользоваться двумя транспортными судами, которые по плану морского ведомства должны были быть присланы в Усть-Двинск на зимовку. Узнав о назначении этих транспортов, морское ведомство отказалось от их присылки.

Началось следствие, и в то же время в Риге был случайно арестован тов. Плотников, принадлежавший к членам военной организации соц.-дем. партии. У него при обыске были найдены документы, которые неожиданно осветили события в Усть-Двинске [1]).

Один из документов подробно излагал план восстания гарнизона и захвата всей крепости. Началом этого восстания должна служить новая всеобщая политическая забастовка. За две недели до этого события от

[1]) Дело суд. отд. гл. штаба № 158—3847, 1906 г., стр. 72.

частей гарнизона должно быть подано письменное изложение всех требований. По получении из Риги сведений о начавшемся там вооруженном восстании и присоединении к нему рижского гарнизона усть-двинский гарнизон переходит на сторону народа и первым актом своего выступления производит арест офицеров. План этого ареста был составлен со всеми подробностями. Главная роль выпадала на 4-ю и 5-ю роты артиллерии, саперную и минную роты, на которые, кроме ареста своих офицеров, были возложены и другие задачи. 5-я рота должна была захватить штаб крепости и разгромить крепостной пехотный батальон, для чего к казармам батальона надо подвезти несколько легких орудий, и если батальон не сдастся добровольно, расстрелять его. В документе указаны места для установки орудий и точки прицеливания. Покончив с пехотным батальоном, надо было захватить форт, а на крепостном флагштоке поднять красный флаг днем и красный фонарь ночью, как знак перехода на сторону народа. Для извещения о взятии крепости с береговой батареи надо было произвести семь выстрелов в море, а минная рота должна была поставить заграждения в 12 верстах от берега, чтобы задержать на них враждебные революции суда.

В одном из документов приводится список всех офицеров с аттестационными отметками: «хороший человек», «трус», «либерал» и тому подобное. Один из документов является списком наиболее вредных для революции офицеров рижского и усть-двинского гарнизонов, и, наконец, делается совершенно точный подсчет числа солдат в крепости.

Эти документы осветили все события в крепостных частях, и донесения ротмистра Флоринского оказались имевшими основание. Комендант крепости ген. Петрович был удален от должности, а 116-й пех. Малороссийский полк остался в составе гарнизона.

Приведенные выше подробности из документов показывают, что подготовка вооруженного восстания в гарнизоне Усть-Двинска производилась с полной ясностью всей обстановки, и разработанный план был осуществим. Этот план, несомненно, имел связь с восстанием моряков Балтийского флота и с событиями в Либаве, Ревеле и Кронштадте, а также с образованием в Риге Латышской республики.

Либава—портовый город с 65.000 жителей, связанный с Москвой железной дорогой, и морская крепость с военным портом имени Александра III. Здесь были расположены три флотских экипажа, крепостные части и 180-й пех. Виндавский полк. В связи с общим выступлением матросов на броненосце «Потемкин» и в Кронштадте и Севастополе начались волнения среди матросов в Либаве.

15 (28) июня 1-й Балтийский флотский экипаж начал открытое выступление. Матросы завладели цейхгаузом с оружием и патронами, вооружились, арестовали своих офицеров и стреляли в их квартиры. К 1-му экипажу вскоре присоединились 5-й и 6-й. Эти события заставили коменданта крепости ген. Белявского принять репрессивные меры [1]). Почти весь остальной гарнизон принял участие в подавлении

[1]) «Право», № 26, 1905 г., стр. 2188.

выступления, матросы были обезоружены и зачинщики арестованы. Комендант крепости потребовал удаления матросов, но морское ведомство находило это невыполнимым [1]). По предложению командира военного порта, было решено разоружить броненосец и поместить на нем всех восставших матросов, а судно поставить на якорях в аван-порте, чем достигалась полная изоляция, но морское ведомство отклонило эту меру и тянуло производство следствия.

Такая медленность в глазах коменданта крепости имела вид безнаказанности, и он просил не только ускорить его ход, но передать дело в полевой суд и быстро привести в исполнение приговор, имея целью воздействовать на остальные части гарнизона. Командующий войсками ген. Фрезе поддержал коменданта крепости и просил оставить в Либаве военные суда для присутствования на предстоящей казни зачинщиков.

Вильна — старая столица Литвы, сохранила за собою значение политического и административного центра и имела к началу 1905 г. более 162.000 жителей, из которых на долю евреев приходилось свыше 40%, тогда как русское население было крайне незначительное, преимущественно служащие. При такой обстановке расположенные в городе войска оказались изолированными от городского населения. В Вильне находились комитеты и военные организации почти всех революционных партий, но пропаганда в войска проникала крайне слабо, и дело не заходило далее обсуждения в небольших группах и кружках, не вызывая никаких особых мер.

Это глухое брожение только раз вышло наружу, но крайне неумело. Часть запасных солдат должна была отправиться в Ригу. Идя на станцию железной дороги для посадки, команда запасных решила протестовать и 7 (20) сентября, приближаясь к станции, начала шуметь, бить в домах стекла и выворачивать рамы. Этот беспорядок был остановлен дежурной ротой, находившейся у вокзала, и зачинщики были арестованы [2]).

Это выступление не имело ничего политического, но дознание установило влияние агитации.

Сувалки — небольшой губернский город, в котором с уходом на театр войны постоянного гарнизона разместились запасные батальоны и батальон 112-го Уральского полка. Большинство запасных в 157-м запасном батальоне оказались латыши. По письмам от своих родных они знали о сильном аграрном движении в Лифляндской и Курляндской губерниях. Эти письма подогревали их врожденную вражду к баронам-помещикам, и они полагали начать выступление, и тогда их уволят домой. Для достижения такой цели составился кружок. Загримировав одного из своих пастором, они начали обход всех казарм батальона с пением песен на латышском языке, в которых призывался народ к восстанию против баронов. Такое шумное шествие во время

[1]) Дело гл. шт., 3 ст., 2 отд., № 41, 1905 г., стр. 129, 131, 134 и 141.
[2]) Там же, № 26—230, стр. 33.

занятий повело к аресту «певцов», и дальнейшие выступления были прекращены [1]).

За этим выступлением латышей случились небольшие волнения среди солдат 112-го Уральского полка и 5-го стрелкового запасного батальона на почве недовольства пищей, и особенно капустой, явившиеся несомненным результатом пропаганды, но были подавлены в самом начале [2]).

Гродна— губернский город с 47.000 жителей. Из гарнизона города на театр войны были отправлены батареи 26-й артиллерийской бригады, кроме 1-й и 2-й, как вооруженных батарейными пушками [3]). Эти две батареи были временно включены в состав новой 72-й сводной артиллерийской бригады. Солдаты 1-й батареи 25 сентября (7 октября) произвели «дебош» в публичном месте, а прибывший патруль встретили камнями из мостовой. Патрулю пришлось применить оружие, и только тогда удалось арестовать несколько артиллеристов [4]). Этот эпизод положил начало агитации, и артиллеристы постепенно втягивались в революционное настроение. Составился небольшой кружок, начались обсуждения. Один из солдат Монахов оказался весьма восприимчивым и способствовал более широкому распространению агитации и искусно проносил в казарму прокламации. В 1-й батарее начались сходки, на которых обсуждались текущие события. Для лучшего их освещения и раз'яснения агитаторам удавалось проходить в казарму, переодевшись в солдатскую форму.

Такое поведение батареи не осталось незамеченным. Удалось проследить деятельность Монахова, и командир батареи решил его арестовать. Придя на занятия 5 (18) ноября, он приказал Монахову отправиться в карцер, но Монахов отказался выполнить это приказание. Командир батареи приказал отвести его силой, но солдаты батареи не позволили этого сделать. Желая настоять на своем, командир батареи вынул револьвер и для острастки выстрелил в воздух, но солдаты продолжали упорствовать в защите Монахова и оказывали явное неповиновение [5]). Дали знать начальству, и около 10 часов утра в батарею прибыл командир корпуса ген. Поволоцкий. По его распоряжению, батарея вышла на двор и выстроилась. При опросе претензий батарея заявила жалобу на недостаток чаю и сахару. Генерал раз'яснил, что такого довольствия от казны не положено, но если батарейная артельная сумма позволяет такой расход, то он разрешает его производить. Тогда батарея заявила жалобу на своего фельдфебеля, который позволял себе кулачную расправу. Генерал приказал произвести дознание и отправил батарею в казарму для продолжения занятий, но батарея не исполнила этого и стала требовать освобождения из карцера Монахова. Дело при-

---

[1]) Дело суд. отд. гл. шт., № 232—5365, 1905 г., стр. 300.
[2]) Газета «Начало», № 2, 1905 г.
[3]) Каждая артилл. бригада имела в 1-й и 2-й батареях 42-линейные укороченные пушки, получившие название батарейных.
[4]) Дело суд. отд. гл. шт., № 276—6302, 1905 г., стр. 181.
[5]) Там же, № 285—6513, 1905 г., стр. 40.

нимало серьезный оборот, и по телефону были вызваны две роты из ближайшего 102-го пехотного Вятского полка. Подход вооруженных рот заставил артиллеристов успокоиться и уйти в казарму.

Вечером в этот день солдаты 1-й и 2-й батарей собрались на общий митинг, на котором присутствовали два переодетых агитатора. На этом митинге пришли к решению захватить орудия и патроны к ним, поднять весь гарнизон и пред'явить требования (см. приложение). О митинге стало известно командиру корпуса, и он утром 6 (19) ноября 10 ротами 103-го пехотного Петрозаводского полка окружил казармы обеих батарей, обезоружил их, арестовал выданных зачинщиков и остальных перевел немедленно на жительство в казармы 102-го пех. Вятского полка, оставшиеся свободными за командированием нескольких рот на усмирение крестьянских волнений. Здесь артиллеристы пробыли до окончания следствия [1]).

Столь крутая мера против артиллеристов вызвала некоторое недовольство в частях гарнизона. Этим воспользовалась военная организация партии соц.-революционеров и решила устроить общий гарнизонный митинг. Этот митинг состоялся 14 (27) ноября. Собралось 140 солдат от разных частей. На митинге вынесено постановление, которое заключалось в следующем: 1) высказано негодование по поводу ареста товарищей артиллеристов за их выступление; 2) установлена полная солидарность всех частей гарнизона с требованиями артиллеристов; 3) высказано намерение продолжать борьбу до выполнения всех требований; 4) выражено полное сочувствие и солидарность к борьбе матросов в Севастополе, Одессе и Кронштадте [2]).

Двинск — небольшой уездный город и крепость-склад. С проведением железных дорог стал крупным узловым и торговым пунктом. Манифест 17 (30) октября вызвал в городе ряд манифестаций. Начавшийся общий под'ем населения передался в войска гарнизона, и политическая пропаганда проникла в казармы. Началось обсуждение манифеста и событий. Местная военная организация решила созвать общий митинг, на который 2 (15) ноября собралось до 300 солдат, преимущественно от полков 62-й пехотной дивизии, развернутой из резервной пехотной бригады. На этом митинге произносились речи и было принято постановление, которое заключалось в следующем [3]): 1) продолжать борьбу за созыв Учредительного Собрания на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; 2) приветствовать пробуждение народа, особенно крестьянства; 3) протестовать против системы подавления крестьянских волнений вооруженными войсками и 4) послать привет матросам, отстаивающим народное дело в Севастополе.

Витебск — губернский город, имеющий более 90.000 жителей. Постоянный гарнизон был на театре войны, а его место занимали запасные батальоны. Местные аграрные движения и письма из русских губерний,

[1]) Дело суд. отд. гл. шт., № 285—6513, 1905 г., стр. 40.
[2]) Газета «Начало», № 15, 1905 г.
[3]) Газета «Солдатский Листок», № 1, 1905 г. (издание Варшавской военно-революционной организации).

охваченных такими же волнениями, отражались на запасных. Это настроение способствовало проникновению в казармы политической пропаганды, и среди солдат шло глухое брожение. Это брожение выражалось в обсуждении газетных известий небольшими кружками. Брожение совершенно случайно вышло наружу. Команда запасных до 900 человек была назначена к отправке в Выборг и 10 (23) сентября была отправлена на станцию железной дороги для посадки. На пути солдаты подняли несколько красных флагов, пели революционные песни и кричали лозунги, осуждающие правительство. Эта попытка произвести демонстрацию противоправительственного характера вызвала выход дежурных рот; команда была окружена, зачинщики арестованы и оставлены в Витебске, а остальные отправлены по назначению с усиленным конвоем [1]).

Минск — губернский город с 90.000 жителей. Как узел железных дорог и крупный промышленный центр, город явился ареной большой политической работы. Местный пролетариат, среди которого было до 80% евреев, для свободы своих выступлений пытался привлечь на свою сторону части гарнизона или, по меньшей мере, вынудить от них отказ стрелять в рабочих. Однако все эти попытки оказались неудачными, ибо солдаты туго поддавались пропаганде и агитации. Эта неудача заставила рабочих формировать свои дружины. Для добывания оружия они устраивали нападения на патрули и раз'езды, иногда оканчивавшиеся ранением и даже убийством солдат [2]). Такое отношение пролетариата к солдатам только углубляло их взаимное недоверие и позволяло офицерам поддерживать в частях повиновение и дисциплину.

Октябрьская забастовка железных дорог заставила оба вокзала в Минске занять войсками и прикрывать тех служащих, которые не примыкали к забастовке и хотели продолжать свою работу. Защита войсками штрейкбрехеров возмущала рабочих, и они 18 (31) октября толпой в несколько тысяч человек окружили на вокзале находившиеся там две роты 6-го пех. Либавского полка. Толпа пыталась разоружить роты и отнимала у солдат винтовки. Солдаты оставались спокойны и пассивно боролись за свои винтовки, не выпуская их из рук. Так продолжалось дело, пока из толпы не раздалось несколько револьверных выстрелов, можно думать с целью провокации. Тогда обе роты начали стрельбу по народу. В результате — 55 убитых и 75 раненых [3]).

Барановичи — небольшой уездный город и крупный железнодорожный узел. Здесь был устроен особый железнодорожный полигон для учебной цели у казарм железнодорожной бригады, в состав которой входили батальоны Европейской России, кроме 1-го, который обслуживал царскосельскую ветку и царские поезда и находился на положении гвардии. Солдаты железнодорожных батальонов по роду своей

[1]) Дело гл. шт., 3 ст., 2 отд., № 62, 1905 г., стр. 2.
[2]) Дело суд. отд. гл. шт., № 276—6302, 1905 г., стр. 174.
[3]) Дело гл. шт., 3 ст., 2 отд., № 15, 1905 г., ч. IV, стр. 614.

службы входили в частое соприкосновение с железнодорожными рабочими и служащими, от которых получали полную информацию о задачах революции. Сочувствуя общему движению, солдаты посещали митинги и собрания железнодорожных рабочих, вследствие чего сами проникались революционными идеями. Пропаганда среди солдат-железнодорожников находила обильное число последователей. С началом первой всеобщей политической забастовки они выражали свое сочувствие, а после манифеста 17 (30) октября открыто перешли на сторону восставшего народа.

В батальонах, особенно во 2-м, почти ежедневно происходили митинги, на которых присутствовали посторонние ораторы и раз'ясняли происходившие события и данные манифестом свободы. Наконец, 2 (15) ноября был устроен общий митинг всей бригады, на котором окончательно были приняты требования частью экономические, частью политические для пред'явления их начальству. Эти требования в письменной форме были переданы командиру 2-го железнодорожного батальона полковнику Андреевскому (оставшемуся за начальника бригады ген. Артемьева) и для их выполнения поставлен предельный срок 11 (24) ноября. В случае невыполнения требований к этому сроку солдаты-делегаты заявили, что они оставляют за собою право на полную свободу действий в дальнейшем [1]).

Естественно, что эти требования к назначенному сроку не были выполнены. С 12 (25) ноября солдаты открыто присоединились к железнодорожным служащим и рабочим. Устраивались общие митинги, а солдаты 2-го батальона с оружием в руках освобождали арестованных железнодорожников, провозившихся через барановичский узел. Вернувшийся из отпуска начальник железнодорожной бригады ген. Артемьев решил своим личным влиянием водворить порядок в бригаде и отправился на митинг. При выступлении он был освистан, избит и вырвался из толпы с оборванным погоном [2]).

Так печально закончилось генеральское выступление на солдатском митинге.

Бобруйск — уездный город и крепость-склад. Здесь среди других частей гарнизона находился дисциплинарный батальон, носящий имя этого города. В числе заключенных в батальоне находилось много матросов, приговоренных за выступления в Ревеле.

Прибывшие в батальон матросы очень скоро освоились с порядками, а потом повели разговоры на политические темы. Руководителем этих бесед был Борис Поздняков, отбывавший службу по призыву. У последнего случайно сохранилось несколько прокламаций, изданных Петербургской военной организацией. Поздняков вел свое дело искусно. Цель этих бесед заключалась в составлении заговора для противодействия распоряжениям начальства и захвата в свои руки контроля над хозяйственными расходами.

[1]) Газета «Начало», № 5, 1905 г.
[2]) Дело гл. шт., 3 ст., 2 отд., № 62, 1905 г., стр. 81.

К матросам начали примыкать солдаты, но большинство их оставались враждебными. На этой почве произошла серьезная драка, во время которой было много избитых, и один из них в тот же день умер. Четверо участников этой драки были арестованы, и их ожидало телесное наказание. Этот арест дал новый повод для агитации матросов, имея целью не только освободить товарищей от розог, но и освободить их от всякого наказания, так как драка не признавалась проступком. Агитация подействовала, и 12 (25) сентября состоялось шумное собрание почти всех заключенных. Прибыл командир батальона полковник Шанский. Ему были пред'явлены требования: а) освободить 4 товарищей, арестованных за драку, б) сменить одного из фельдфебелей, как злоупотребляющего кулачной расправой, и в) отменить в батальоне телесные наказания [1]).

Такое поведение заключенных составляло настоящий бунт. Были вызваны несколько рот из состава гарнизона, восставшие усмирены и зачинщики арестованы. Последними оказались матросы, присланные из 9-го флотского экипажа (в Ревеле).

Это выступление имело политическую подкладку, но было проведено совершенно неопытными лицами и является простым отголоском пропаганды и агитации, выполненной в Ревеле опытными политическими работниками. Это выступление свидетельствует, что посеянные семена политических идей дали ростки и подготовили почву для будущего.

Заключение.

Волнения показывают успех политической пропаганды и агитации, которая велась при неблагоприятной обстановке разноплеменного населения округа. Командующий войсками округа в начале марта получил указания подготовиться к вооруженной борьбе с ожидаемыми аграрными выступлениями. Для этой цели в узлах железных дорог были подготовлены летучие отряды силою в одну роту и взвод кавалерии [2]). Эти отряды покрыли всю территорию округа, но потом их пришлось увеличивать. Всего в течение года было назначено 156 рот и 33½ эскадрона и сотни, не считая нарядов в районе расположения войск. Из этого числа более четверти пехоты и почти вся кавалерия действовали в Прибалтийском районе [3]). Здесь латыши и литовцы всеми мерами боролись с немцами-помещиками, а также с защищающими их войсками. На фоне этой борьбы зарождалась Рижская латышская республика и подготовлялось общее вооруженное восстание, в котором должны были принять участие некоторые части войск. Этот замысел вряд ли мог быть выполнен, так как все войска, кроме усть-двинского гарнизона, оказались пассивными, и в их рядах большинство солдат оставались верными начальству. Благодаря этому последнее быстро справлялось с выступлениями меньшинства.

---

[1]) Дело суд. отд. гл. шт., № 276—6302, 1905 г., стр. 19.
[2]) Дело гл. шт., 3 ст., 2 отд., № 15, 1905 г., ч. IV, стр. 32.
[3]) Дело суд. отд. гл. шт., № 35—522, 1906 г., стр. 88.

Однако как ни мал осязательный результат политической работы, но деятельность военных организаций делала свое дело — расшатывала устои дисциплины и вносила в солдатскую среду дух смелой критики. Эти последствия не ускользнули от внимания начальников, и командующий войсками округа в своем годовом отчете дает такую оценку [1]): в войсках резко падает дисциплина и политическая пропаганда легко проникает в казарму. По его мнению, главными причинами такого явления признаются: а) уменьшение надзора за солдатами, так как из частей войск много офицеров командировано на театр войны, б) призыв запасных, среди которых находились лица, принадлежащие к революционным партиям, в) командирование войск для содействия гражданским властям.

Это падение дисциплины в войсках округа чрезвычайно заботит командующего войсками, и он предлагает для устранения этого явления несколько мер. Считая при тяжелых условиях службы арест за отдых, он находит желательным ввести правило — не считать дни ареста за дни службы и поэтому при увольнении в запас оставлять подвергавшихся аресту солдат дослуживать известный срок в зависимости от числа дней ареста и его характера (арестов было три вида) [2]).

Правила для командирования войск для содействия гражданским властям командующий войсками считает неудовлетворительными и находит необходимым их пересмотреть, чтобы избавить войска от эксплоатации гражданскими властями в виде нарядов для полицейской службы, раздробления частей на мелкие команды, выходящие из-под надзора своих начальников, отправку небольших частей для дозорной и постовой службы.

В то же время признается крайне необходимым избавить войска от излишних хозяйственных забот, столь мешающих правильности занятий, особенно в случае перехода к более короткому сроку действительной службы.

Это показывает, что поступавшие от солдат требования произвели большое впечатление и вызвали предложение улучшения быта войск, что было высказано и другими округами. Все эти заявления заставили военное министерство изыскать денежные средства и приступить к проведению в законодательном порядке новых видов отпусков от казны.

---

[1]) Дело суд. отд. гл. штаба, № 35—522, 1906 г., стр. 7, 8.

[2]) В дисциплинарном уставе указывалось три вида ареста: 1) простой — содержание в светлом карцере с ежедневным получением горячей пищи; 2) усиленный — содержание в светлом карцере с получением горячей пищи через день; 3) строгий — содержание в темном карцере с получением горячей пищи через день.

II. ВАРШАВСКИЙ ОКРУГ.

Особенности округа. Из губерний бывшего Царства Польского Сувалкская и Щучинский уезд Ломжинской были включены в состав Виленского военного округа, а остальные губернии (Ломжинская, Плоцкая, Варшавская, Калишская, Келецкая, Петроковская, Радомская, Люблинская и Седлецкая) с придачей к ним Белостокского и Брест-Литовского уездов Гродненской губернии образовали Варшавский военный округ. Должность командующего войсками округа почти всегда совмещалась с должностью варшавского генерал-губернатора. В последнем случае его власть распространялась также на Сувалкскую губернию, но не распространялась на уезды Гродненской губернии.

Варшавский военный округ занимал пространство около 108 тысяч квадратных верст [1]) с населением свыше 10 миллионов. По плотности населения польские губернии превосходили основные губернии России. Большинство населения — поляки, они составляли более 76% всего населения. Значительную часть населения составляли евреи, около 14%, и на долю русских приходилось менее 7%. Еще меньше было немцев, литовцев и других народностей.

Как пограничный, Варшавский военный округ был переполнен войсками, из состава которых только один корпус был отправлен на театр войны. Из остальных частей уехали часть офицеров и различные команды. Вследствие этого в войсках округа получился некомплект офицеров до 30% и солдат до 20% [2]).

С марта 1905 года почти во всем крае вспыхивали аграрные волнения и не прекращались до конца года. Почти все части войск принимали участие в подавлении этих волнений. По подсчету штаба округа, в течение 1905 года было 2.923 случая командирования войск, и всего было послано 2.797 рот, 894 эскадрона и сотни, 56 орудий и 954 различных команд [3]). Из этого видно, что многим частям пришлось участвовать в деле подавления крестьянских волнений не один раз. Такие «командировки» нарушали обычную жизнь войск, и так как иногда «командировка» затягивалась на продолжительное время, то нарушался порядок занятий и понижалась дисциплина.

---

[1]) Ежегодник Центр. Стат. Ком. за 1905 г., стр. 40.
[2]) Дело суд. отд. гл. шт., № 35—522, 1906 г., стр 31.
[3]) Там же, стр. 35.

Эти «командировки» создавали благоприятные условия для проникновения пропаганды в войска, но усиленно поощряемая враждебность войск к полякам и ко всему польскому не давала возможности развиваться революционным выступлениям войск. Враждебность войск вызывала нападения, устройство засад и другие враждебные поступки. Эти нападения часто оканчивались убийствами. Так, были убиты несколько жандармов в Скерневицах, Петрокове, Ченстохове, несколько солдат в Варшаве, Лодзи, Ловиче, Ченстохове, Петрокове, Радоме, Люблине, Осовце и других местах. Случались и открытые нападения на патрули и раз'езды. Такие отношения мешали установлению революционного контакта между войсками и населением. Такое положение дел об'ясняет тот слабый размах, какой был проявлен в отношении революционных выступлений войсками округа.

Движения в войсках округа.

Пропаганда социалистических партий была сильна и обращалась также и к солдату. В частях войск после манифеста 17 (30) октября началось брожение.

Варшава. Это брожение вылилось в частичные митинги, и 17 (30) ноября солдаты 3-й гвардейской артиллерийской бригады подали своему начальству коллективное требование об улучшении экономического и политического положения солдата [1]). Такое же брожение наблюдалось в других частях гарнизона, особенно в гвардейском Литовском полку.

Для того, чтобы захватить в свои руки развивающуюся сознательность и активность солдат, при штабе округа стала издаваться «Солдатская Газета». В противовес этой казенной газете Варшавская военно-революционная организация с 27 декабря (9 января) приступила сама к изданию газеты «Солдатская Доля». По словам этой газеты, многие патрули [2]) от войск гарнизона помогали раздаче частям прокламаций и листков, а патрули гвардейского Литовского полка отбивали у других патрулей арестованных гражданских лиц. Рота этого полка в сопровождении полкового оркестра при выходе на лучшую улицу города — Краковское Предместье — продолжала свой марш под звуки «марсельезы», а, проходя мимо памятника поэта и польского патриота Мицкевича, оркестр грянул польский революционный гимн («Еще Польска не сгинела»).

Местное жандармское управление зорко следило не только за населением, но и за всеми проявлениями политического пульса в войсках и ожидало общего бунта всего гарнизона. Управляющий министерством внутренних дел Курлов проникся донесениями своих подчиненных и решил сообщить свои опасения военному министру ген. Редигеру.

---

[1]) «Право», № 47, 1905 г., стр. 3841.
[2]) Газета «Солдатская Доля», № 1, 1905 г.

По словам Курлова, весь варшавский гарнизон уже готов к открытому бунту и только выжидает условленного сигнала [1]).

Но части войск гарнизона дальше пред'явления требований не пошли.

Ломжа — административный центр губернии, имеющий немного более 20.000 жителей. Это — единственный губернский город Польши, не соединенный с другими городами железной дорогой. Здесь были расположены три полка 4-й пехотной дивизии. Политическая пропаганда более всего развилась в 16-м пех. Ладожском полку, в котором начавшееся брожение закончилось многолюдным митингом 16 (29) ноября. На этом митинге полк принял решение об'явить забастовку и пред'явить начальству требования об улучшении быта. С утра 17 (30) ноября полк выступил открыто [2]): солдаты отказались выйти на занятия, а в ответ на уговоры офицеров началось битье стекол в казармах и выражение угроз в отношении своих командиров.

Узнав об этом выступлении, начальник 4-й пехотной дивизии ген. Федоров без промедления вызвал по тревоге расположенные в городе остальные два полка — 13-й Беломорский и 14-й Олонецкий, окружил ими восставших ладожцев, обезоружил их и потребовал выдачи зачинщиков. Все эти требования были выполнены, и началось обычное следствие [3]).

Остроленка — небольшой уездный город с 13.000 жителей. Рядом с городом по шоссе в Ломжу находился казарменный городок, получивший название Нижегородского штаба. Здесь были размещены три полка 6-й пехотной дивизии, 16-й драгунский Глуховский полк и 10-й саперный батальон. Отдельные роты и эскадроны посылались на усмирение аграрных крестьянских волнений и возвращались с ослабленной дисциплиной. Саперы, имея в своих рядах мастеровых и рабочих с заводов, сносились с политическими партиями и получали иногда листки и прокламации. Манифест 17 (30) октября вызвал его обсуждение и толкование. По инициативе 10-го саперного батальона, было решено созвать митинг из уполномоченных всех частей гарнизона. Этот митинг состоялся 21 ноября (4 декабря) на площади среди казарм. На митинг явились представители от сапер, от 21-го пех. Муромского полка, от 16-го драг. Глуховского полка и прибыли из Острова от 24-го Низовского полка [4]).

На этом митинге были приняты заготовленные саперами требования и решено пред'явить их начальству, а до их выполнения об'явить забастовку. На митинге, кроме уполномоченных, присутствовало много солдат, которые, услышав о принятом решении забастовать, выразили протест, при чем протестующих было больше, чем уполномоченных, а из этих последних уполномоченные Низовского полка приняли сторону большинства присутствующих. В результате решение митинга оказалось сорванным, и в частях вновь началось обсуждение и споры.

---

[1]) Дело гл. штаба, 3 ст., 2 отд., № 62, 1905 г., стр. 49.
[2]) «Право», №№ 48—49, 1905 г., стр. 3940.
[3]) Дело суд. отд. гл. штаба, № 161—3174, 1906 г., стр. 6.
[4]) Там же, стр. 7.

16-й драгунский Глуховский полк оказался решительнее остальных частей гарнизона и захотел для поднятия духа других частей устроить торжественную манифестацию, пройти в город и вступить в соглашение с жителями. Во время приготовления к этой манифестации, по невыясненной причине, в одной из конюшен начался пожар, который быстро перебросился на соседнее здание [1]). Вместо манифестации пришлось тушить пожар и спасать вещи и лошадей. Манифестация не состоялась, а начавшееся следствие, подозревая умышленный поджог, начало отыскивать виновных.

Митинг и принятое на нем решение стало известно. Начальник 6-й пехотной дивизии ген. Клауз поспешил отделить роты, не затронутые пропагандой, и при их помощи водворил порядок, арестовал зачинщиков и назначил расследование. Роты, бывшие на усмирении крестьянских волнений, оказались в числе готовившихся к восстанию.

Остров — город значительно меньший, чем Остроленка. У города были казармы, получившие название Салтыковский штаб. Расположенный здесь 24-й пех. Низовский полк посылал своих делегатов на митинг в Остроленку. Эти делегаты доложили на полковом митинге о выступлении остроленского гарнизона и о готовящейся там забастовке. Солдаты Низовского полка не пожелали отстать от товарищей, и 24 ноября (7 декабря) они решили пред'явить такие же требования, но начальник 6-й пех. дивизии ген. Клауз, ожидавший выступления низовцев, с частями остроленского гарнизона быстро подавил его и арестовал зачинщиков [2]).

Рембертовский полигон. Восточнее Варшавы, у деревни Рембертова, был устроен артиллерийский полигон, куда батареи Варшавского военного округа приходили для практической стрельбы. Часть батарей не могла провести своих занятий в летние месяцы, находясь в составе отрядов, посланных для подавления аграрных волнений, и проходила свой курс стрельбы осенью. Из своей командировки артиллеристы вынесли заключение, что крестьяне добивались именно того, что дано манифестом 17 (30) октября. Они считали, что этот манифест дает и им ряд свобод, и решили потребовать их от своих начальников [3]). Согласно этого решения в некоторых батареях были случаи выступления небольших групп на почве отказа от выполнения приказаний.

Ново-Александрия — город на правом берегу р. Вислы с земледельческим институтом. В ближайших окрестностях города были случаи аграрных волнений крестьян, для подавления которых посланы части 71-го Белевского и 72-го Тульского пехотных полков. Дело происходило в июле месяце в разгар полевых работ. Роты этих полков вместо усмирения бунтовщиков братались с ними [4]).

---

[1]) Газета «Русские Ведомости», № 309, 1905 г.
[2]) Дело суд. отд. гл. штаба, № 161—3171, 1905 г., стр. 7.
[3]) Газета «Русские Ведомости», № 309, 1905 г.
[4]) III отд. гос. архива, прокламация к солдатам 3-й гвард. дивизии, №№ 9—455.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Требования, пред'явленные солдатами 1-й и 2-й батарей 26-й артиллерийской бригады (в Гродне).

1) Человеческое обращение с солдатами.
2) Сокращение срока службы до 2 лет.
3) Свободное и безбилетное увольнение со двора.
4) Свобода собраний для обсуждения своих нужд.
5) Свободное посещение солдатами театров и других увеселений.
6) Полное уничтожение особых военных судов.
7) Допущение частных защитников в военные суды до их упразднения.
8) Отмена строгих дисциплинарных взысканий.
9) Удаление со службы всех сверхсрочных фельдфебелей и унтер-офицеров.
10) Упразднение у начальствующих лиц казенной прислуги.
11) Упразднение всех хозяйственных работ.
12) Установление бесплатной пересылки солдатской корреспонденции.
13) Запрещение вскрывать и прочитывать солдатские письма.
14) Упразднить всякие обыски в казармах.
15) Установить право солдата пользоваться отпуском во всякое время года в течение 2 месяцев.
16) Установить право на бесплатный проезд в отпуск.
17) Разрешить свободный доступ в казармы книг.
18) Установить за счет казны выписку для солдат газет и журналов.
19) Устроить для солдат библиотеки и читальни.
20) Разрешить свободный доступ во все общественные и частные библиотеки.
21) Отменить посылку войск для усмирения волнений среди крестьян, рабочих и солдат.
22) Улучшить медицинскую помощь солдатам.
23) Немедленно уволить со службы всех запасных и выслуживших срок службы солдат.
24) При увольнении каждому запасному выдать пособие в размере 150 рублей.
25) Немедленно приостановить принудительное взыскание податей с семейств призванных на службу запасных.
26) Отменить все наказания со всех участников в забастовочных движениях.
27) Удалить со службы командира 1-й батареи подполковника Маклинского, стрелявшего в товарищей.
28) Освободить всех арестованных в дисциплинарном порядке за участие в политических выступлениях.
29) Увеличить жалованье солдатам до 3 рублей рядовому и до 5 рублей унтер-офицеру.
30) Улучшить пищу солдат увеличением качества хлеба и введением разнообразия в кушаньях.
31) Немедленное введение чайного довольствия, считая по 3 фунта сахару и по ¼ фунта чаю на человека.
32) Завести для каждого солдата отдельный прибор.

33) Ввести улучшение в одежде: а) две пары штанов в год; б) мундир выдавать на один год; в) вместо сапог отпускать по 3 рубля в год; г) зимою выдавать теплые портянки; д) летом выдавать по две гимнастерки и погоны; е) установить отпуск теплых перчаток и более теплых шинелей или выдавать фуфайки.

34) Установить отпуск постельного белья, подушек из перьев и теплых и летних одеял.

35) Установить ежегодный отпуск 3 комплектов белья.

36) Установить мойку белья на счет казны.

37) Установить пользование баней еженедельно.

38) Завести для каждого солдата отдельную кровать.

(«Наша Жизнь», № 12, 1905 г.)

П. И. ОВСЯННИКОВ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОЙСКАХ КИЕВСКОГО И ОДЕССКОГО ВОЕННЫХ ОКРУГОВ.

I. КИЕВСКИЙ ОКРУГ.

Революционная пропаганда в войсках округа.

Киевский военный округ включал в себе Киевскую, Черниговскую, Волынскую, часть Подольской, Полтавскую, Харьковскую и Курскую губернии.

Военная власть была сосредоточена в руках командующего войсками, а гражданская — в руках генерала-губернатора Юго-Западного края. До осени 1904 г. эти обе должности об'единялись генералом М. И. Драгомировым. После ухода Драгомирова командующим войсками был назначен ген. Сухомлинов, а генерал-губернатором — ген. Клейгельс, последний прбыл на этом посту до осени 1905 г. Когда же революционная волна охватила Киев и ген. Клейгельсу стало известно о готовящемся на него покушении, он поспешил уйти, и вся полнота власти перешла к ген. Сухомлинову.

В Киевском округе самыми большими центрами являлись города Киев и Харьков, которые в 1905 г. стали центрами революции в Юго-Западном крае.

В войска революционное движение начинает проникать и охватывать их лишь осенью 1905 года; исключение представляют саперы, к которым революционная пропаганда проникла раньше и нашла себе благоприятную почву среди солдат и офицеров.

Так в 6-м саперном батальоне, который отправлялся на Дальний Восток, был сорганизован революционный комитет, по указанию которого батальон должен был отказаться ехать на войну.

По этому поводу можно получить любопытные указания в воспоминаниях ген. Спиридовича, бывшего начальника киевского охранного отделения [1]), дающие характеристику некоторым военным начальникам царского режима, боящимся испортить свою карьеру.

В одном месте он говорит (стр. 208): «Однажды во время лагерного сбора явился в отделение (охранное) нижний чин одного из саперных

[1]) Архив Русской Революции, т. XV.

батальонов и очень толково и подробно рассказал о том, что в батальоне есть военно-революционная организация, и что там на-днях должен вспыхнуть бунт, который приурочен к молебну перед выступлением на войну. Сапер раскрыл всю военную организацию по фамилиям, рассказал, когда были собрания, что на них было решено, и как он и еще один солдат докладывали о том одному из младших офицеров, но начальство почему-то не принимает никаких мер. Между тем революционный комитет уже отдал последние распоряжения, как и когда начинать бунт. Было предположено, что батальон перебьет офицеров и откажется итти на войну.

Явившийся сапер был допрошен официально, показание его было занесено в протокол, а мой заместитель немедленно доложил о том командующему войсками округа ген. Сухомлинову. Сухомлинов в тот же день собрал у себя высших начальствующих лиц гарнизона и предложил присутствующим доложить ему по очереди о настроении в частях. Везде все оказалось в порядке, особенно же хорошо настроение по докладу саперного генерала в подчиненных ему частях.

Выслушав собравшихся, ген. Сухомлинов огласил показания нижнего чина о готовящемся бунте. Получился конфуз и некоторое недоразумение при дальнейшем обмене мыслей с саперным генералом».

Благодаря предательству этого солдата восстание было предупреждено, виновные арестованы, а батальон отправлен на войну.

После этого эпизода в 6-м саперном батальоне революционная пропаганда среди киевских сапер продолжалась и выразилась в открытом вооруженном восстании всей 3-й саперной бригады 18 ноября 1905 г. Кроме этого восстания, волнения охватили следующие части войск округа:

В Киеве [1]) (19 ноября 1905 г.) — во 2-м конно-горном артиллерийском дивизионе.

В Харькове (23 ноября 1905 года) — в 269-м Богодуховском и 202-м Старобельском пехотных полках (бывший резервный батальон).

В Чугуеве (23 ноября 1905 г.) — в 201-м Лебединском пехотном полку (бывший резервный батальон).

В Ровно (25 ноября 1905 г.) — в 127-м Путивльском полку.

В Курске (22 мая 1906 г.) — в 123-м Козловском пехотном полку.

В Полтаве (28 мая 1906 г.) — в 33-м пехотном Елецком полку (восстание).

В Полтаве (5 июля 1906 г.) — в 34-м пехотном Севском полку (восстание).

Согласно сведениям охранного отделения [2]), до 17 октября 1905 г. в войсковых частях не было регулярной агитационной работы, участие

[1]) Лефортовский архив, дело 16 отд. гл. штаба, № 161, секр., 1906 г. Из всех перечисленных частей материал найден только по 3-й сап. бригаде по Козловскому, Елецкому и Севскому полкам.

[2]) Лефортовский архив, дело 16 отд. глав. штаба, № 26, секр. Копия донесения начальника киевского охранного отд. от 28 марта 1906 г., № 899, на имя директора департамента полиции, препровожденная военному министру.

воинских чинов в революционной работе было единичным (за исключением сапер), а распространение нелегальной литературы ограничивалось в большинстве случаев подброской в казармах прокламаций.

С конца же 1905 г. почти во всех воинских частях (в особенности в Киеве и Харькове) идет планомерная работа, в полках появились особые центры, которые начали руководить движением. Часто стали устраиваться сходки солдат, в большинстве случаев за городской чертой.

В конспиративных квартирах раздавались солдатам в довольно большом количестве газеты: «Казарма», «Солдатская Жизнь», «Голос Солдата».

В то же самое время в военно-революционных организациях начинают принимать участие и офицеры (кроме саперной бригады, где деятельность вождей саперного восстания — подпоручиков Баранова, Зубкова и Жадановского — началась гораздо раньше).

Так, из частей киевского гарнизона в Одесском пехотном полку во главе полкового центра стоял поручик Долгов, в Камчатском пехотном полку — прапорщики Колинкович и Борценковский.

Кроме того, по данным киевской охранки, в Киеве было до 40 организованных офицеров (фамилии которых установить не удалось), большая часть коих саперы. Во главе их стояли ген. Мишин, гвардии полковник Матюшенко (преподаватель киевского военного училища) и полковник Оберучев. В Киеве почти во всех частях к началу 1906 г. были образованы ротные, батальонные и полковые комитеты. Представители последних входили в четыре районных комитета. Из представителей же районных комитетов составлялся гарнизонный комитет, под непосредственным руководством местного партийного комитета (с.-д.). Предполагалось к концу апреля 1906 г. поднять вооруженное восстание во всем киевском гарнизоне.

К этому же времени Киевский комитет партии с.-р. готовил запасы оружия, бомб и полученных из-за границы особых ручных пулеметов.

Но широко задуманный план восстания не был приведен в исполнение.

Движения в воинских частях.

Бунт 3-й саперной бригады в Киеве 18 ноября 1905 г. 3-я саперная бригада была расположена в Киеве, на Печерске, на Московской улице, в «Жандармских казармах» (третьи роты 4-го и 5-го понтонных батальонов и военно-телеграфная рота 14-го саперного батальона); у Никольских ворот в Никольских казармах (первые две роты 4-го и 5-го понтонных батальонов); около Печерского базара, в домах Починина (1-я рота 7-го саперного батальона); в цитадели киевской крепости — в редюите № 1 (2-я и 4-я роты 14-го саперного батальона и музыкантская команда 5-го саперного батальона), в башне № 2 (1-я и 3-я роты 14-го батальона, 2-я, 3-я и военно-телеграфная роты 7-го батальона) [1]).

[1]) Копия обвинительного акта по делу о восстании 3-й саперной бригады, хранящаяся в военно-историческом отделе штаба РККА.

Так как инженерные войска пополнялись большею частью рабочими, то революционные организации совершенно правильно обратили прежде всего свое внимание на 3-ю саперную бригаду, где успешнее всего можно было вести пропаганду.

В апреле и мае 1905 г. в частях саперной бригады началась агитация. В казармы тайно доставлялись в большом количестве прокламации, а с начала июня стали устраиваться сходки солдат во рвах Васильковского укрепления и в Голосеевском лесу, на которых им раз'яснялось истинное значение постыдной русско-японской войны, сравнивался быт солдат с бытом начальствующих лиц, раз'яснялось положение рабочих и крестьян и начавшееся движение в России, а также делался призыв не стрелять в бастующих рабочих.

Начало вооруженного выступления сапер было положено забастовкой 3-й роты 5-го понтонного батальона. В этой роте еще до выступления была образована ячейка, которая руководила движением. В состав этой ячейки входили: фельдфебель Коровин, ефрейтор Прокопенко, рядовые Кучеренко, Степанов и Васютин. Волнения в 3-й роте начали остро выявляться вечером 16 ноября. Поводом для этого послужило отсутствие в роте кухни и обеденных столов, почему приходилось ходить на обед и ужин в Никольские казармы, плохая одежда и чрезмерная строгость штабс-капитана Смирнова. Рядовым Кучеренко в этот вечер была доставлена в роту газета «Киевские Новости», в которой напечатаны были требования гродненских артиллеристов. Кучеренко собрал роту, прочел громко газету и предложил составить свои ротные требования, на что получил всеобщее согласие. Требования роты выразились в следующем:

1) об устройстве своей кухни и обеденных столов,
2) об улучшении пищи,
3) о своевременной выдаче жалованья и денежных писем,
4) о выдаче сахару, чаю и судков,
5) о замене штабс-капитана Смирнова поручиком Пилькевичем,
6) о выдаче хорошей одежды, — в противном случае отказ итти в караул.

В два часа ночи в канцелярию роты пришел штабс-капитан Смирнов, узнавший о начавшемся волнении. К нему для переговоров вышли Кучеренко, Прокопенко и Степанов и пред'явили ротные требования. В ответ на это штабс-капитан Смирнов, вынув револьвер, приказал им креститься и бить земные поклоны, а в заключение потребовал караульных и приказал депутатам одеваться и итти под арест. В роту мигом долетела весть об отданном распоряжении арестовать депутатов, и волнение усилилось. Видя это и узнав, что в карцере нет свободных мест, штабс-капитан Смирнов временно отменил свое распоряжение и ушел из помещения роты. На следующий день утром в роте решено было на обед, занятия и в караул не итти, пока не будут удовлетворены требования. Вскоре после собрания, на котором было принято последнее решение, в роту пришел командир батальона подполковник Глазко и стал производить опрос жалоб. Ему были прочитаны ротные требования,

пред'явленные ранее ротному командиру. Выслушав их, Глазко по нарядному листу стал вызывать назначенных в караул солдат и спросил, пойдут ли они в караул. Те согласились. Тогда остальная часть роты, во главе с Кучеренко, заявила, что их не выпустят из казарм, так как у всех рваная одежда, и они не спали прошлую ночь. После ухода командира батальона явился капитан Случановский для осмотра одежды, которому Кучеренко заявил, что если требования не удовлетворят, то они пропечатают об этом в газетах, и все узнают, как относятся к русскому солдату. Вслед за Случановским пришел в роту поручик Пилькевич и просил оставить его наедине с солдатами. Капитан Случановский вышел в канцелярию, а поручик Пилькевич, обращаясь к солдатам, сказал: «что начальству не надо открыто говорить о том, что хотят пропечатать в газетах о требованиях роты», а затем тихо добавил: «за что взялись, — дело серьезное, но раз взялись, то уж держитесь своего». Эти слова одобрения, сказанные устами их начальника-офицера, вдохновляющим образом подействовали на солдат, и они твердо решили продолжать забастовку. В соседней военно-телеграфной роте 14-го саперного батальона и в 3-й роте 4-го понтонного батальона, где началось брожение задолго до 18 ноября, и куда давно стали проникать прокламации и газеты, были организованы ячейки. В них входили: в телеграфной роте: унтер-офицеры Сольниченко, Рябый, Завацкий, рядовые: Песоцкий и Протасов; в 3-й роте 4-го понтонного батальона — вольноопределяющийся Мей (студент рижского политехникума, член партии с.-д.) и ефрейтор Скворцов. В этих ротах узнали о забастовке 3-й роты 5-го понтонного батальона и решили ее поддержать путем общей забастовки и выхода вооруженными на улицу. В 7 час. вечера 17 ноября подполковник Глазко прибыл в 3-ю роту 5-го понтонного батальона, сопровождая начальника саперной бригады полковника Немилова, уговаривать солдат отказаться от забастовки и итти в караул, и приказал построиться, но рота этого приказания не исполнила, и начальнику бригады пришлось ни с чем уехать.

Вечером 17 ноября, накануне восстания, в доме № 31 по Московской улице, в квартире сапожника Подградного, было собрано совещание, из представителей саперных частей и революционных организаций, на котором присутствовали принимавшие участие в начавшемся движении подпоручики Зубков, Баранов и Жадановский, которые, по показаниям на следствии их товарищей офицеров, еще будучи юнкерами, выражали сочувствие начавшемуся в России революционному движению и увлекались литературой крайнего направления. На этой сходке были окончательно редактированы требования и было решено снять все части гарнизона (так как было сделано ошибочное сообщение о готовности примкнуть к восставшим всех частей гарнизона) и с оружием в руках пред'явить высшему начальству свои требования. Эти требования главным образом сводились к следующему:

1) об улучшении пищи,
2) о введении чайного довольствия,
3) об улучшении одежды,

4) о выдаче постельного белья,
5) о казенной стирке,
6) о еженедельной бане,
7) о суточном отдыхе после караула,
8) о бесплатной пересылке писем,
9) о человеческом обращении,
10) о свободном увольнении со двора,
11) об уничтожении строгих военных судов,
12) о свободе собраний,
13) о праве посещать митинги,
14) о немедленном созыве Учредительного Собрания, которое одно только сможет помочь народному горю, улучшить положение крестьян и рабочих, создать новые свободные законы, заменить постоянную армию народной милицией, которая не будет отрывать солдат от родного дома, и заменить долгие годы службы несколькими месяцами, нужными для обучения военному делу.

Требования заканчивались призывом: «Да здравствует всенародное Учредительное Собрание!».

О событиях 17—18 ноября генерал Сухомлинов так сообщает министру внутренних дел шифрованной депешей [1]):

«Вечером 17 ноября командующий саперной бригадой доложил, что вновь сформированная рота при 5-м понтонном батальоне отказалась заступить в караул и, несмотря на принятые полковником Немиловым меры, сегодня рано утром, разобрав оружие и патроны, вышла на улицу; к ней присоединились другие части саперной бригады; пока не представилось возможности обезоружить; началась перестрелка сапер с казаками и пехотою. Забастовка почты и телеграфа продолжается; военные телеграфисты открыли телеграфные сообщения с некоторыми городами; между телеграфистами обнаружен один неблагонадежный. Положение напряженное. Признаю необходимым немедленно ввести военное положение. Прошу сообщить военному министру.

Сухомлинов».

И действительно, 18 ноября, в 7-м часу утра, накануне сговорившиеся третьи роты 4-го и 5-го понтонных батальонов и военно-телеграфная рота 14-го саперного батальона, разобрав ружья и патроны и построившись в «Жандармских казармах», вышли на Московскую улицу, выслав вперед, по распоряжению вольноопределяющегося Мея, дозоры, и двинулись к Никольским казармам, где к ним присоединились 1-я и 2-я роты 4-го понтонного батальона.

От Никольских казарм восставшие направились опять по Московской улице к Печерскому базару, где был расположен 125-й пехотный Курский полк. На угол Московской и Миллионной улиц для преграждения пути восставших была двинута распоряжением начальника саперной

[1]) Лефортовский архив, дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба, № 622, секр., 1905 г. Копия телеграммы г.-л. Сухомлинова от 18 ноября 1905 г.

бригады 1-я рота 7-го саперного батальона, под командой штабс-капитана Гиппенрейтора. Последний едва успел построить роту развернутым строем, как показалась толпа восставших. Впереди толпы и сбоку по тротуару шли полковник Немилов, подполк. Глазко и еще несколько офицеров, которые пытались уговорами вернуть солдат в казармы.

В это время из толпы послышались крики: «долой офицеров», и на полковника Немилова бросилось несколько человек с приподнятыми штыками. Но из толпы повстанцев сейчас же послышались крики: «не надо крови», «пусть так уходит».

Освобожденный полковник Немилов опять делает попытку уговорить восставших, но, видя ее бесполезность, сделал знак штабс-капитану Гиппенрейтору стрелять в повстанцев, которого тот не понял, и восставшие сильной волной смяли малочисленную роту 7-го саперного батальона и увлекли ее с собой. Тогда полковник Немилов делает последнее усилие и кричит: «7-й саперный батальон ко мне». Роте этого батальона вначале удается сомкнуться около начальника бригады, но не надолго, — стихийное движение революционной толпы увлекло эту роту и полковника Немилова с собой.

На Печерском базаре к восставшим присоединились музыкантская команда и несколько человек 125-го пехотного Курского полка, а также подпоручики Жадановский, Зубков, Баранов, Черепанов, поручик Пилькевич и прапорщик Кочергин.

С Печерского базара восставшие двинулись через Печерский плац к редюиту № 1, где захватили с собой 2-ю и 4-ю роты 14-го саперного батальона и музыкантскую команду 5-го саперного батальона. Отсюда двинулись к башне № 2, где были размещены 1-я, 3-я роты 14-го саперного батальона, 2-я, 3-я и военно-телеграфная роты 7-го саперного батальона.

Для того, чтобы не допустить восставших проникнуть во двор башни, была выдвинута 1-я рота 14-го саперного батальона под начальством командира названного батальона подполковника Ершова, который начал уговаривать восставших вернуться, но его никто не слушал; восставшие, приблизившись вплотную к роте, быстрым натиском смяли ее, ворвались во двор башни и присоединили к себе остальные части саперной бригады.

Таким образом после захвата башни № 2 с восставшими была почти вся саперная бригада, несколько человек Курского полка и два оркестра музыки. Здесь руководство движением берут в свои руки подпоручики Жадановский, Баранов, Зубков и поручик Пилькевич, которые выстраивают в порядке роты и оркестры музыки и продолжают движение колонной по саперной дороге, мимо саперных лагерей к станции Киев 2-й и далее через Демиевку на Большую Васильковскую улицу, где у 4-й гимназии была сделана остановка.

При начале движения от башни № 2, по распоряжению подпоручика Жадановского, вперед была двинута 3-я рота 5-го понтонного батальона, как инициаторша восстания, а тыл прикрывала сводная охранная рота из революционно-стойких понтонеров и сапер под начальством унтер-

офицера Завацкого. Офицеры — участники восстания шли впереди и сбоку колонны.

Около 4-й гимназии три сотни 1-го Уральского казачьего полка в конном строю преградили дорогу, но благодаря просьбе подпоручика Жадановского и поручика Пилькевича, которые старались предотвратить кровопролитие, командир казачьего полка приказал пропустить повстанцев, взявши с подпоручика Жадановского слово, что движение будет совершаться в строю и полном порядке, приказав казакам двигаться за колонной для наблюдения за восставшими. Когда одна сотня казаков зашла в тыл и приблизилась очень близко к хвосту колонны, то унтер-офицер Завацкий приказал охранной роте остановиться и повернуться лицом к казакам; те же, видя угрожающее выжидательное положение, остановились, в свою очередь, и тогда рота повернулась и снова пошла сзади главной колонны.

С Большой Васильковской улицы повстанцы повернули на Жилянскую и остановились возле казарм 33-й артиллерийской бригады, где, по поручению командующего войсками, командир 21-го армейского корпуса ген. Дракке, которому тут же были вручены требования, последний раз безрезультатно старался уговорить восставших добровольно вернуться в казармы, обещая, насколько возможно, удовлетворить требования и смягчить участь виновников восстания.

Увещание не подействовало, и колонна повстанцев, сопровождаемая казаками, стала продолжать движение по Жилянской улице, а ген. Дракке пошел к ближайшему телефону докладывать командующему войсками ген. Сухомлинову о безрезультатности увещаний и получил приказание: «Если увещание не действует, то стрелять».

От чугунно-литейного завода Южно-Русского общества к повстанцам присоединилось много рабочих с красными флагами. По Степановской улице повстанцы вместе с рабочими прошли на Галицкий базар, направляясь к казармам Азовского полка.

Тут их встретила учебная команда 168-го пехотного Миргородского полка, получившая приказание «стрелять по мятежникам». Заметив, что передние шеренги опускаются на колени, и вся команда взяла на изготовку для стрельбы, передние части повстанцев, смешанные с рабочими, начали разбегаться.

Напрасно напрягал свой голос подпоручик Жадановский, крича им: «стойте, куда бежите». Раздался залп учебной команды, затем другой. В ответ раздались беспорядочные выстрелы со стороны повстанцев. Появились раненые как с той, так и с другой стороны. В числе их был тщетно старавшийся восстановить порядок в рядах повстанцев подпоручик Жадановский.

Стрельба продолжалась еще несколько минут и все смолкло, а повстанцы окончательно рассеялись по соседним улицам и дворам.

18 ноября 1905 года восстание сапер было подавлено силою оружия и ценою крови.

Раненый подпоручик Жадановский был отнесен подпоручиком Барановым в лечебницу врачей-специалистов по Мариинско-Благовещен-

ской улице, где ему была сделана перевязка врачом общества «Скорая помощь» Станиславским, откуда по просьбе «не обнаруженных следствием дам» (как говорится в обвинительном акте) увезен был на их частную квартиру, а 29 декабря был найден полицией на ферме политехнического института, где он скрывался под фамилией Петра Николаевича Самойленко, и отправлен в киевский военный госпиталь.

Предварительное следствие по делу о восстании, начавшееся вечером 18 ноября 1905 г. и окончившееся 30 января 1906 г., установило, что численность колонны восставших солдат равнялась 800 человек при 6 офицерах, из них два офицера и четырнадцать солдат бежало.

Так как следствием было установлено, что из 800 человек в колонну восставших многие были вовлечены случайно или насильно и принесли «чистосердечное раскаяние», то военно-окружному суду были преданы лишь подпоручик Жадановский, поручик Пилькевич, подпоручик Черепанов, прапорщик Кочергин и 102 солдата.

Подпоручик Жадановский, как главный деятель восстания, был присужден к расстрелу, который ген. Сухомлиновым был заменен бессрочными каторжными работами, остальным же участникам-офицерам удалось на суде оправдаться [1]).

События в Курске. Волна революционного движения 1905 года захватила и город Курск. Волна эта захватила сначала многочисленных железнодорожных рабочих, обслуживающих обширный курский железнодорожный узел, а затем передалась в город, в круги местной интеллигенции и учащейся молодежи и, в виде волнений на экономической подкладке, в местные войсковые части: в резервный батальон и пришедший с Дальнего Востока 123-й пехотный Козловский полк.

12 февраля 1905 года [2]) учащейся молодежью г. Курска, в большинстве учениками местного губернского землемерного училища, была устроена сходка, на которой обсуждались главным образом правила внутреннего распорядка, а затем сорганизовалась манифестация по городу с красными флагами.

Отряд полиции, которому приказано было не допустить движения этой манифестации, пустил в дело против учеников нагайки и шашки. Проходившие мимо поручик Чоглоков, прапорщик Боконин и еще несколько офицеров из местного гарнизона, возмущенные такой расправой с малолетними учениками, поспешили за них вступиться, и постарались прекратить эту расправу. Этот факт вмешательства офицеров сделался сейчас же известным сначала курскому полицмейстеру, затем курскому губернатору и всему городу.

Губернатор сейчас же возбудил против этих офицеров «дело об их политической неблагонадежности» и стал требовать от военного

---

[1]) Об участи солдат документов найти не удалось.

[2]) Лефортовский архив, дело 16 отд. глав. штаба, № 11, секр., 1906 г., № 42, секр., 1905 г.

начальства разрешения выслать их из Курска в административном порядке и удаления со службы. Бывший в то время командующим войсками округа и генерал-губернатором Юго-Западного края генерал Сухомлинов не придал значения этому факту и оставил дело без последствий.

Но факт расправы был сейчас же описан в местной оппозиционной прессе, которая свои издания начала широко распространять среди солдат гарнизона.

Другим фактом, взволновавшим оппозиционные круги населения, было убийство поручиком 2-го конно-горного дивизиона Михолаповым, проходившим с эшелоном через станцию Курск, канонира Бажикова, который отказался исполнить его приказания, за что был зарублен шашкой. Собравшейся при этом инциденте возмущенной толпой вагон, в котором находился поручик Михолапов, был облит керосином и подожжен. Поручик Михолапов застрелился. Были вызваны из города воинские части, которым приказано было «очистить от толпы платформу».

К этому времени по окончании военных действий прибывает с Дальнего Востока на свою постоянную стоянку в город Курск 123-й пехотный Козловский полк, с большим количеством запасных и вольноопределяющихся, т.-е. с элементами наиболее оппозиционно-настроенными, где пропаганда могла иметь большой успех. Местные революционные организации все это учли и начали вести пропаганду, когда Козловский полк вышел в лагери под Курском, расположенные у большой дороги, где солдаты были предоставлены сами себе, так как большинство офицеров приезжало в лагери только на занятия, а жить оставались на квартирах в городе. Понемногу начали устраиваться сходки солдат, на которых им раз'яснялось общее положение в России, а также их быт, доставлялись нелегальные газеты и прокламации, а также и органы местной оппозиционно-настроенной прессы, как-то: «Голос Курска», «Курская Жизнь».

Волнения в Козловском полку выразились в том, что 22 мая 1906 года солдаты отказались нести городские караулы и наряды по содействию гражданским властям, требовали увольнения запасных. Вызванному командиру полка они подтвердили свои требования и указали на насмешки, которыми осыпает местное население солдат, несущих полицейскую службу, а затем пред'явили требования об улучшении их быта. Но прибывшему вскоре по докладу командира полка начальнику гарнизона и района своим авторитетом удалось уговорить солдат, и инцидент был исчерпан.

Солдатские требования были отпечатаны на особых листках и розданы во все роты, а затем и появились на страницах курской прессы, где также описывались события в Козловском полку [1]).

---

[1]) Газеты: «Голос Курска», 1906 г., №№ 20, 21, 22; «Курская Жизнь», №№ 12, 16.

Требования солдат Козловского пех. полка.

Мы, солдаты Козловского полка, требуем:

1) Чтобы призыв 1903 года, срок действительной службы которого кончился уже месяц тому назад, был немедленно уволен в запас.

2) Так как начальство задерживает призыв 1903 года и обещает после сентября задержать призыв 1904 года, потому что иначе ему нехватит войск для полицейской службы, а так как из-за полицейской службы нас гоняют в караулы через день, то мы решительно отказываемся входить в помощь гражданским властям.

3) Мы требуем, чтобы в не занятое службой время мы могли свободно отлучаться в город.

4) Мы требуем, чтобы были немедленно освобождены с гауптвахты товарищи, арестованные за самовольную отлучку в город.

5) Мы требуем, чтобы были выданы амуничные вещи и деньги, которые были обещаны манифестом 6 декабря 1905 года.

В случае, если наши требования не будут удовлетворены, мы, солдаты Козловского полка, готовы поддержать их забастовкой.

Издание Курского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Май 1906 года.

События в Полтаве. В Полтаве была расположена 1-я бригада (33-й Елецкий и 34-й Севский полки) 9-й пехотной дивизии, входившей в состав 10-го армейского корпуса.

Это были старые воинские части царской армии, имевшие обширное боевое прошлое, но сильно потрепанные и деморализованные во время позорной русско-японской войны. Вернувшись в Полтаву с сильно разреженными кадрами и большим количеством запасных, тяготившихся военной службой, они послужили хорошим материалом для агитации и пропаганды, которым местные революционные организации и воспользовались. (Необходимо указать, что в это время шли аграрные беспорядки, для подавления которых часто посылались воинские части.)

Так в 33-м пехотном Елецком полку была организована ячейка в количестве 30 человек, которая и начала вести агитацию в казармах, на почве неудовольствия по поводу неувольнения запасных. Подлило масла в огонь распоряжение командира полка, которым он задумал бороться с вредным влиянием агитации, совершенно запрещающее солдатам отлучаться из казарм, а также приказание забить досками окна первого этажа, — последняя мера, по его мнению, при наличии усиленных и надежных дневальных у ворот, устраняла всякую возможность проникновения в казармы нежелательных посторонних лиц и нелегальной литературы. Но результат получился иной.

28 мая 1906 года [1]) Елецкий полк на вечернюю зорю вышел с ружьями и патронами, что уставом не предусмотрено, и пред'явил своему начальству следующие требования:

1) о выдаче шаровар,

2) об увольнении в запас 1903 года,

---

[1]) Лефортовский архив, дело 16 отд. глав. штаба № 11, секр., 1906 г.

3) о выдаче одеял,
4) об увольнении в свободное время со двора,
5) об открытии окон в 1-м этаже казарм.

Надеясь присоединить к себе другие части гарнизона, Елецкий полк, окруженный большой толпой народа, с выстрелами двинулся к казармам 34-го пехотного Севского полка.

Последний и другие части гарнизона были с ружьями построены на площади командиром бригады ген. Ждановским, который был предупрежден о бунте. Не найдя никого в казармах 34-го пехотного Севского полка, ельцы повернули к себе в казармы, где были обезоружены своими офицерами и подоспевшими другими воинскими частями. Зачинщики были арестованы.

30 мая командующий войсками ген. Сухомлинов произвел смотр Елецкому и Севскому полкам, на котором ельцы принесли «раскаяние». В Полтаве водворилось спокойствие, но не надолго. Агитация началась в Севском полку. И вот 15 июля, в 10 часов вечера, взбунтовался 1-й батальон 34-го пехотного Севского полка.

Внешним поводом для этого послужил следующий инцидент: около казармы этого батальона полиция производила обыск в лавочке. Собралась большая толпа, в которой было несколько человек Севского полка. Вдруг кто-то крикнул, что гражданские власти арестовали 20 человек солдат. Этого было достаточно, чтобы долетевшая до казарм весть вызвала весь 1-й батальон Севского полка с ружьями и патронами на улицу с желанием немедленно итти к местной тюрьме освободить арестованных солдат и политических заключенных. Севцы, окруженные огромной революционно-настроенной толпой, двинулись к тюремному замку. На вопросы подоспевшего к ним начальника дивизии генерала Полковникова солдаты из толпы отвечали последнему: «идем освобождать арестованных своих и арестованных за свободу», «зачем разогнали Думу», «хотим земли и воли».

Тюрьму охраняли взводы ельцов и севцев, которые не позволили толпе ворваться во двор.

Тогда повстанцы решили присоединить к себе расположенных вблизи 2-ю и 3-ю батареи 9-й артиллерийской бригады. Ворвавшись в казармы артиллеристов и захватив с собой 4 орудия, повстанцы вновь появились перед воротами тюрьмы, наведя на них орудия. Против повстанцев начальником 9-й пехотной дивизии ген. Полковниковым было выслано три роты 33-го пехотного Елецкого полка и две сотни 16-го Донского казачьего полка. Произошло столкновение.

В результате столкновения повстанцы были рассеяны. Было 5 убитых и 5 раненых с той и другой стороны.

Этим кровавым эпизодом закончились в Полтаве волнения в воинских частях.

Волнения среди войск Киевского военного округа начались в 6-м саперном батальоне, перед отправлением на войну, затем последовал бунт всей саперной бригады в Киеве (саперы никогда не считались

надежными и дисциплинированными частями); волнения коснулись резервных частей, расположенных в Харькове, Чугуеве, и, наконец, закончились по возвращении с войны бунтами в 123-м пехотном Козловском полку, в 33-м пехотном Елецком и 34-м пехотном Севском полках — старых частях царской армии, до этого отличавшихся железной дисциплиной и верностью существующему строю.

Николай II на донесении о бунте в Елецком полку [1]) положил следующую резолюцию: «Как может подобное случиться в старой боевой части? Очевидно, надзор за внутренним порядком отсутствует».

Революционное движение делало свое дело. Оно проникало и подрывало дисциплину в лучших частях царской армии, этого оплота самодержавия.

---

[1]) Лефортовский архив, дело 16 отд. глав. штаба № 11, секр., 1906 г. докладная записка глав. штаба, № 160.

II. ОДЕССКИЙ ОКРУГ.

Особенности округа, пропаганда среди войск и Черноморского флота. В состав Одесского военного округа входили губернии: Херсонская, Бессарабская, Екатеринославская и Таврическая.

Главными военными и административными центрами в округе являлись города: Одесса — местопребывание командующего войсками округа (гражданская власть была сосредоточена в руках градоначальника) и Севастополь — морская крепость, стоянка Черноморского флота. Во главе флота стоял адмирал, который назывался «главный командир флота и портов Черного моря», и хотя стоянка флота была на территории округа, но главный командир подчинялся непосредственно морскому министру.

Главные военные и административные центры — Одесса и Севастополь — в 1905 году сделались очагами забастовок и вооруженных восстаний.

Одесса — большой портовый и фабричный город с массой рабочих и интернациональным населением.

Севастополь, как уже сказано выше, — морская крепость, главная стоянка Черноморского флота, с массою доков и рабочих, их обслуживающих.

Матросы флота представляли собой всегда хорошую почву для революционной пропаганды, так как казарменный режим царской России нигде не выявлялся так остро со всеми своими недостатками, как во флоте, где, как нигде, был развит антагонизм между начальниками и подчиненными (матросами и офицерами).

Другим, не менее важным фактором, способствовавшим успеху революционной пропаганды, было соседство округа с Румынией, откуда при посредстве живших там на границе с Россией русских сектантов, выселившихся туда под давлением гнета царской России [1]), доставлялась нелегальная литература, шедшая из Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Будапешта, Женевы, Берна и Лозанны.

Кроме всего этого, в пределах округа, в городе Херсоне, находился Херсонский дисциплинарный батальон — «воинская часть — тюрьма», куда обыкновенно заключались нижние чины по приговору военных

---

[1]) Владимир Бонч-Бруевич. «Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии», страница 27.

судов, лишенные всех прав, или в административном порядке для исправления за уголовные и политические преступления. В дисциплинарных батальонах наказания розгами поощрялись законом.

В. Бонч-Бруевич, который специально изучил быт и режим дисциплинарных батальонов, так характеризует эти части в своем предисловии к труду «Волнения в войсках и военные тюрьмы»: «Революционное движение 1905 года, перебросившееся в солдатскую массу, с особой силой отразилось в дисциплинарных батальонах, где смертобойная дисциплина старого режима, издевательство над личностью солдата, унижения и наказания господствовали безраздельно и применялись как нечто обязательное, предписываемое законом. И в дисциплинарных батальонах вспыхнули кровавые бунты».

Революционные организации прежде всего свой взор обратили на Черноморский флот, где пропаганда велась с 1904 года. Сначала исключительное внимание было обращено на обрисовку тяжелой и долгой службы матросов, их быта и грубого обращения с ними офицеров.

Почти исключительно на этой почве был первый матросский бунт в Севастополе 3 ноября 1904 года. Внешней причиной для этого бунта был приказ главного командира Черноморского флота адмирала Чухнина, запрещающий матросам свободный выход из морских казарм в город. Этот бунт был первым вооруженным протестом против старого казарменного режима. Были выбиты окна флотских казарм, фонари на улицах, двери и рамы в офицерских флигелях. Восстание было рассеяно несколькими залпами команды крейсера «Память Меркурия».

После этого восстания Севастопольским Комитетом партии с.-д. стали выпускаться прокламации: «Пора кончать», «Солдатская памятка», «Две Европы», «Кто победит», «Смерть тиранам», «Царский манифест», «9 января».

Начали устраиваться почти каждое воскресенье сходки матросов за городом, в лесу близ Малахова кургана. На этих сходках разъяснялись матросам причины существования самодержавного строя, причины русско-японской войны, положение рабочих и крестьян, их собственное положение, а также часто выдвигался лозунг за немедленное прекращение войны.

Чтобы бороться с все возрастающей пропагандой во флоте и морских командах, адмиралом Чухниным рассылался ряд инструкций и приказов [1]), в которых он называл все революционные течения «течениями, противными нравственности, государственности и закону, которые только на словах обещают рай на земле», и призывал всех верующих в бога «не верить льстивым словам агитаторов».

После первого восстания распропагандированные матросы начинают пред'являть своему начальству ряд требований. Так, командой броненосца «Екатерина II» [2]), где пропаганда имела больше всего успеха, были пред'явлены следующие требования:

---

[1]) См. приложение 1.

[2]) Кирилл. «11 дней на «Потемкине».

1) Сокращение службы во флоте до 3 лет (был семилетний срок).

2) Точное определение продолжительности рабочего дня.

3) Матросы должны получать жалованье, достаточное для содержания семьи.

4) В несчастных случаях или болезни к матросам должны применяться те же правила, что и к рабочим, безразлично, произошел ли случай во время или после работы.

5) Деньги, назначенные на пищу матросов, должны расходоваться под их непосредственным контролем, ввиду этого съестные припасы должны получаться самими матросами; повара должны быть выбраны товарищами.

6) Отмена титулования офицеров и отдания чести.

7) Военные суды должны состоять поровну из офицеров и матросов. Суды должны быть выборные.

Следующим взрывом вооруженного восстания было восстание 14 июня 1905 года на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и вскоре за ним на учебном судне «Прут». Затем последовало 15 ноября 1905 года севастопольское восстание, в котором участвовали, во главе с крейсером «Очаков», контр-миноносцы: «Свирепый», «Заветный» и три миноносца №№ 265, 268 и 270.

Пропаганда в сухопутных воинских частях Одесского военного округа начинает регулярно вестись только к концу 1905 года. В казармы начинают проникать прокламации, издаваемые за границей центральным органом партии с.-д. [1]) «Искра»: 1) «Война против войны», 2) «Ко всему рабочему народу», 3) «Международный жандарм», 4) «К обществу», 5) «Кому помотают».

Вместе с прокламациями начинают появляться нелегальные газеты: «Казарма», «Солдат» (вся тайная типография газеты «Солдат» 27 августа 1906 года арестована в Севастополе полицией [2]), «Военный Листок», «Солдатская Газета».

В 1905 году и первой половине 1906 года волнения в пределах Одесского военного округа были в следующих частях [3]):

1) 20 июня 1905 года — в Херсонском дисциплинарном батальоне (бунт).

2) 12 ноября 1905 года — в 49-м пехотном Брестском полку (в Севастополе, присоединение к восставшим).

3) 12 ноября 1905 года — в Севастопольской крепостной саперной роте (присоединение к восставшим).

4) 29 ноября 1905 года — в 231-м Котельничском резервном батальоне.

5) 5 декабря 1905 года — в 277-м Ингульском полку (в городе Николаеве).

---

[1]) Владимир Бонч-Бруевич. «Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей партии».

[2]) Лефортовский архив, дело 16 отд. глав. штаба, № 6, секр., 1906 г.

[3]) Там же, № 161, секр., 1906 г.

6) 18 декабря 1905 года — в 52-м пехотном Виленском полку (в городе Феодосии).

7) 13 декабря 1905 года — в 12-й роте 280-го пехотного Балаклавского полка (станция Ясиноватая).

8) 6 и 7 июня 1906 года — в 1-м и 2-м батальонах севастопольской крепостной артиллерии.

9) 12 июня 1906 года — в 11-м и 12-м саперных батальонах (в Одессе).

10) 9 июля 1906 года — во 2-й сотне 41-го Донского казачьего полка.

11) 22 июля 1906 года — в 3-й Донской отдельной казачьей сотне (Юзовка, Бахмутского уезда).

В конце лета 1905 года[1]) в Одессе начали функцию военные организации при местных комитетах партий с.-р. и с.- д., которые специально начали заниматься пропагандой среди войсковых частей.

В военной организации партии с.-д. состояли: вольноопределяющиеся 273-го пехотного Дунайского полка: Михайлович, Зусман, Зарницкий и ефрейтор Жемчужников; 274-го пехотного Ставучанского полка ефрейтор Политовский; 205-го пехотного Измаильского полка солдаты: Смелянский и Демиденко; 11-го саперного батальона унтер-офицер Михайличенко; 16-го стрелкового полка вольноопределяющийся Рутнивецкий; Одесского морского батальона рядовой Ареновский.

Этой военной организацией устраивались сходки на квартире у зубного врача Соловья или на берегу моря, близ дачи «Отрада». На сходках представители от воинских частей снабжались необходимой нелегальной литературой и прокламациями.

Одновременно в одесском военном госпитале среди больных усиленно вела революционную пропаганду сестра милосердия Ожаровская.

После ареста зубного врача Соловья сходки стали устраиваться в молочной лавке в доме № 56 по Большой Арнаутской улице.

Революционная пропаганда с особенным успехом воспринималась у сапер, в Измаильском и Дунайском пехотных полках.

В ночь на 17 января 1906 года на массовой сходке на квартире у Зарницкого почти все участники этой организации были арестованы, но дело пропаганды было сделано: почти во всех частях одесского гарнизона были образованы полковые, батальонные и ротные революционные центры.

В 1906 году революционная волна захватывает и офицерство. Так, в Одесском округе был громкий судебный процесс поручика Пиотровского, судимого за революционную пропаганду среди войск, и за это же был арестован сотник 22-го Донского казачьего полка Минаев; наконец, летом 1906 года в Одессе был образован «союз одесских офицеров». Не менее характерным фактом является образование, под председательством генерала Мищенко, «союза обновления армии».

---

[1]) Лефортовский архив, дела глав. штаба № 6, секр., 1906 г.

III. ВОССТАНИЕ НА «ПОТЕМКИНЕ-ТАВРИЧЕСКОМ».

Как было сказано выше, революционная пропаганда в Черноморском флоте началась давно. Подготовлялось восстание всей эскадры. Подготовкой этого восстания тщательно занимался Крымский социал-демократический союз, который вырабатывал план всеобщего военного восстания сначала на Юге, а затем и по всей территории России [1]). Общее восстание во флоте должно было вспыхнуть в конце июня месяца во время больших морских маневров. Наиболее преданными делу революции считались броненосцы «Екатерина II», «Синоп», «Потемкин», затем следовали «Георгий Победоносец» и учебное судно «Прут». Непосредственное руководство над всеми действиями судовых команд было в руках «матросской централки», т.-е. центрального матросского комитета.

Кирилл в своей книге «11 дней на «Потемкине» так определяет кровавые события 14 июня 1905 года:

«Известно, что бунт на «Князе Потемкине» не был фактом случайным и неожиданным. Это — частичный и преждевременный взрыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить огненным кольцом весь русский Черноморский флот».

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический», водоизмещением в 12.500 тонн, со скоростью 16 узлов в час, был вооружен 5 минными аппаратами, 48 орудиями и спущен на воду только к концу 1904 года. Это был лучший броненосец и гордость Черноморского флота. В конце июня месяца 1905 года ему было назначено артиллерийское испытание у острова Тендер. После испытания «Потемкин» должен был присоединиться к севастопольской эскадре и отплыть на большие морские маневры.

Порядки и режим на новом броненосце были воплощением всех отвратительных традиций, господствовавших тогда в Черноморском флоте. Здесь происходили жестокие мордобития. Офицеры, несмотря на циркуляр, требующий «уважать человеческое достоинство подчиненных», частенько наделяли их затрещинами и пинками. Особенной жестокостью в этом отношении отличался командир броненосца капитан Голиков, совершенно не учитывавший и не желавший понимать начавшееся в Севастополе революционное движение среди матросов.

---

[1]) Лефортовский архив, дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба, № 44, секр., 1905 г. Кирилл. «11 дней на «Потемкине».

Накануне ухода «Потемкина» к острову Тендер на броненосец тайно явились делегаты с «Екатерины II» и «Синопа». Они хотели узнать мнение матросов насчет восстания. С тех пор как определился план последнего, происходили частые совещания между революционерами заинтересованных судов. Революционеры эскадры не были уверены в достаточной революционности «Потемкина», так как присутствие на броненосце большого числа «малообработанных» новобранцев внушало серьезное опасение. Поведение же «Потемкина» имело громадное значение, так как это был самый сильный броненосец в эскадре.

На этом тайном совещании накануне ухода «Потемкина» было решено, что революционный комитет броненосца созовет на Тендере, в лесу, общее собрание матросов. Если оно выскажется за ближайшие революционные действия, то будет выбран день восстания, и это решение будет сообщено другим судам, когда «Потемкин» 15 июня придет в Севастополь за остальной эскадрой.

12 июня, в 2 часа дня, взяв с собой 2.000 боевых и учебных снарядов, «Потемкин» вышел с севастопольского рейда в открытое море, взяв курс на Одессу, вблизи которой находится остров Тендер.

Взрыв восстания. Утром 13 июня броненосец подошел к острову Тендер. В тот же день миноносец № 267, временно прикомандированный к броненосцу, отплыл в Одессу за провизией. На нем отправились с «Потемкина» несколько матросов, во главе с лейтенантом Макаровым. Вернулись они вечером, привезя на броненосец гнилое мясо и вести о восстании в Одессе. Недоброкачественное мясо было обнаружено матросами «Потемкина» на другое утро. Матросы в волнении стали собираться около того места, где было подвешено мясо. Узнал это и командир броненосца, явился на место происшествия в сопровождении старшего врача Смирнова. Последний, осмотрев мясо, заявил строгим тоном: «Это ничего не значит; время летнее, мясо хорошее; достаточно его слегка помыть соленой водой и удалить места, где завелись черви». Данное об'яснение вызвало ропот собравшихся матросов. Услышав ропот, капитан Голиков приказал немедленно разойтись и поставил дневального у мяса, которому дано было распоряжение записывать фамилии тех, кто будет подходить и смотреть мясо. После этого инцидента команда решила не есть супа, в который будет положено червивое мясо. Когда раздался сигнал к завтраку, никто из матросов не пошел за супом, а стали требовать от повара приготовить им чай. Об отказе матросов есть суп из червивого мяса было сейчас же доложено капитану Голикову, который приказал немедленно собраться и построиться всем матросам. К собравшейся команде он вышел окруженный всеми офицерами и двумя врачами и начал грозить матросам расстрелом, если они будут упорствовать и не есть супа. После грозного напоминания об участи забывающих воинскую дисциплину он вызывает вперед желающих есть суп. Никто не трогается с места. Тогда он приказывает вызвать караул и стрелять. Видя бесполезность сопротивления (дабы не сорвать задуманный план), все вышли вперед. Случайно застряли на месте человек 30 матросов из задних рядов Видя это, старший офицер броненосца

Гиляровский отдал приказ отставшим матросам не трогаться с места и, чтобы приказ его был в точности исполнен, вместе с вахтенным офицером Левенцовым загородил им дорогу. Приближающемуся караулу он приказал окружить отставших матросов. Вдруг среди гробовой тишины раздался голос матроса Вакулинчука: «Братья, отчего вы нас покидаете?». Этот крик отчаяния пробудил всех, и в толпе матросов начался зловещий ропот. Тогда Гиляровский приказал караулу стрелять, но последний отказался исполнить его приказание. Гиляровский выхватывает винтовку у соседнего матроса и гонится за Вакулинчуком. В это время появляются вооруженные матросы, во главе с матросом Матюшенко, которые успели разобрать винтовки и патроны. Голиков с офицерами думали подавить восстание оружием, но напрасно. В это время, в результате схватки старшего офицера с Вакулинчуком, последний, смертельно раненый, падает в воду, но его сейчас же оттуда вытаскивают матросы, а появившегося тяжело раненого Гиляровского бросают за борт. За ним следуют артиллерийский офицер Неупокоев и мичман Тон.

Видя жестокую поголовную расправу с офицерами, некоторые матросы начали кричать: «Не нужно мстить в одиночку, нужно вывести офицеров на ют и судить их в присутствии всего экипажа». Более всех озлобил против себя капитан Голиков. Матросы его начали искать. Вскоре он был найден, расстрелян и выброшен за борт. Еще были убиты и выброшены за борт старший врач Смирнов, вахтенный офицер Левенцов и прикомандированный от военного министерства поручик Григорьев. Остальные офицеры были обезоружены и арестованы. Завладев броненосцем, революционная команда решила прежде всего присоединить к себе миноносец, для чего офицеры были вызваны на броненосец и арестованы.

Завладев обоими судами, повстанцы решили итти в Одессу, чтобы поддержать бастующих рабочих. В Одессе в это время на Пересыпи происходили кровавые события, вызванные арестом полицией 10 июня уполномоченных из рабочих. Собравшаяся перед полицейским управлением толпа освободила рабочих [1]), но волнение не утихло. 13 июня произошли кровавые схватки городских рабочих с казаками. Возбуждение создалось страшное, и 14-го ожидалась всеобщая забастовка. «Потемкин» в Одессу пришел 14-го вечером.

Появление броненосца на рейде Одессы было для всех неожиданностью. Никто не знал истинной причины его прихода. Военные власти вначале воспрянули духом, думая, что в лице «Потемкина» у них сильное средство для усмирения беспорядков в порту и на Пересыпи; бастующие рабочие и революционные организации поглядывали на него с тревогой и опасением.

«Потемкин» в Одессе. Но утро 15 июня разрушило иллюзии одной и опасения другой стороны.

---

[1]) Лефортовский архив, дела глав. штаба, № 337, секр., 1905 г., № 233, секр., 1905 г.

В порту у самого конца мола была сооружена палатка из парусов; у входа в палатку стоял караул из матросов. В палатке лежал труп умершего от ран матроса Вакулинчука, свезенного на берег командой броненосца для похорон.

На груди у него, на скрещенных руках, лежала записка [1]):

«Господа одесситы. Перед вами лежит тело зверски убитого матроса Григория Вакулинчука, убитого старшим офицером эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» за то, что Вакулинчук заявил, что борщ не хорош. Осеним себя крестным знамением и скажем: «мир праху его». Отомстим кровожадным вампирам. Смерть угнетателям! Смерть кровопийцам! Да здравствует свобода!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Один за всех и все за одного».

Около палатки сразу же появилась огромная толпа рабочих и обывателей. Матросы подробно рассказали историю своего восстания против начальства и заявили, что теперь они готовы с оружием в руках встать на защиту рабочих людей и помогать им прогнать всех подлых и жадных вампиров, сосущих кровь трудящегося народа. «Но мы нуждаемся в угле, провианте и воде, без которых нам невозможно вести войну», — заключили матросы свой рассказ перед собравшимся народом.

После этой речи матросов громадная толпа, вся как один человек, начала кричать:

«Да здравствует свобода! Долой самодержавие! Провизии матросам! Угля!».

И несколько сот человек бросились на близстоящий пароход с утлем, подняли на нем якорь и приготовились итти к броненосцу. Через некоторое время подошел миноносец и отвел на буксире пароход с утлем и рабочими к «Потемкину». Матросы, охранявшие труп Вакулинчука, распространяли напечатанные на машинке прокламации.

К казакам и армии [2]).

Матросы «Князя Потемкина» обращаются к вам, солдаты и казаки, складывайте свое оружие и давайте все — под общей кровлей — завоюем свободу своему народу.

Мирных же жителей города Одессы просим выехать подальше, так как в случае принятия против нас насильственных мер превратим Одессу в груду камней.

Организация матросов «Князь Потемкин-Таврический».

От команды броненосца «Князь Потемкин-Таврический.

Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу на борьбу за свободу; пришел последний час нашего страдания, — долой самодержавие!

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, № 337, секр., 1905 г., № 223, секр., 1905 г.

[2]) Лефортовский архив, дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба, № 44, секр., 1905 г.

У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно, без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. При сопротивлении город будет разрушен.

Когда через некоторое время караул у трупа должен был покинуть свой пост, то французскому консулу было послано письмо следующего содержания:

Его высокопревосходительству французскому консулу в Одессе
от броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

Почтеннейшая публика города Одессы! Командой броненосца «Князь Потемкин-Таврический» сегодня, 15 июня, было с корабля свезено мертвое тело, которое и было передано в распоряжение рабочей партии для предания земле по обычному обряду. После чего, пройдя несколько времени, была прислана этим рабочим на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертвого тела, казаки разогнали. Тело оставлено без надзора. Команда броненосца просит публику города Одессы: 1) не делать препятствия в погребении матроса с корабля; 2) учредить общее со стороны публики наблюдение над правилами; требовать от полиции, а также и казаков прекратить свои напрасные набеги, почему это все бесполезно; 3) не противодействовать доставлению необходимых продуктов для команды броненосца рабочей партией; 4) команда просит публику города Одессы о выполнении всех перечисленных выше требований. В случае если во всем этом будет отказано, то команда должна будет прибегнуть к следующим мерам: будет произведена по городу орудийная стрельба изо всех орудий. Почему команда предупреждает публику и, в случае возникновения стрельбы, просит удалиться из города тех, которые не желают участвовать в противодействии. Кроме того, нам ожидается помощь из Севастополя для этой цели — несколько броненосцев, и тогда будет хуже.

Таким образом через короткий промежуток времени вся Одесса знала о цели прихода «Потемкина».

На борт броненосца стали приезжать представители местной социал-демократической организации (в том числе товарищи Кирилл и Фельдман), а также депутаты от некоторых воинских частей одесского гарнизона, с известием о готовности их присоединиться к «Потемкину».

«Революционный центр» команды, во главе с матросами Матюшенко, Резниченко и Куликом, решили собрать всю команду и избрать комитет, который управлял бы судном и продолжал бы дело восстания

Команда избрала единогласно комитет из следующих матросов: Резниченко (машинист), Денисенко (машинист), Курилов (старший комендор), Бредихин (матрос из строевой команды), Савотченко (машинист), Ведермейер (старший сигнальщик), Заволотин (техник), Самойленко (рулевой), Никиткин (кочегар), Дымченко (фельдфебель строевой команды), Сопрыкин (писарь), Скребнев (машинист), Шестидесятый (машинист), Матюшенко (минер) и другие, всего 25 человек.

Командиром же судна был выбран прапорщик Алексеев. Остальных арестованных офицеров, кроме механика Коваленко, доктора Голенко и кондукторов, решено было высадить на берег.

В присутствии представителей местной социал-демократической организации был поставлен вопрос о предстоящем плане действий. После долгих дебатов пришли к следующему решению [1]): «Так как многочисленная команда броненосца далеко не одинаково революционно настроена, то пока воздержаться от каких-либо наступательных действий, в виде высадки десанта, а ждать прихода и встречи с эскадрой, большая часть которой, при наличии сочувствия на каждом судне, перейдет на сторону восставших».

Вечером к «Потемкину» присоединился военный пароход «Веха». Все офицеры были арестованы и свезены на берег, кроме судового врача.

В это время в Одесском порту начался сильный пожар [2]) и кровавое столкновение.

К вечеру набралось в гавань очень много босяков, которые начали грабить таможенные магазины. Главным образом они набросились на склады вина, а, напившись, стали разбивать кабаки и перепились окончательно. Пьяные до потери сознания, они бегали по порту и поджигали его в разных местах. Пожар охватил всю гавань, окруженную отрядами полиции и войск; тысячные толпы рабочих стремились пробраться в город, двигаясь сплошной массой вверх по набережной.

Отряды полиции и войск, которым приказано было предотвратить начавшиеся грабежи, стали открывать огонь, не разбираясь, как по шныряющим хулиганам, так и по толпам спасавшихся от пожара рабочих. Прорваться в город не было никакой возможности. Было масса убитых и раненых, которые грудами лежали на спусках и проходах в гавань.

Видя огненную бурю, бушующую в гавани, и узнав о самоуправстве полиции, «комитет» броненосца хотел немедленно же открыть огонь по набережной, где видны были войска и полиция. Это решение еще было подкреплено заявлением депутатов одного из полков, прибывших опять на «Потемкин», который уверял, что у них есть значительная организованная группа солдат, готовых немедленно перейти к активным действиям, если их поддержат с броненосца.

Но командир броненосца [3]) прапорщик Алексеев отказался привести в исполнение решение «комитета», мотивируя бесцельностью ночной стрельбы при отсутствии на орудиях электрических приборов для прицеливания.

Бомбардировка была перенесена на другой день.

На следующее утро была послана, во главе с товарищем Фельдманом, депутация к командующему войсками генералу Коханову, с требованием разрешить открытые похороны убитого матроса Вакулинчука. Растерявшийся генерал Коханов и градоначальник разрешили похороны и известили «комитет» броненосца об этом разрешении через особо посланного на «Потемкин» офицера.

---

[1]) Кирилл. «11 дней на «Потемкине».

[2]) Лефортовский архив, дела 3 стола 2 отд. глав. штаба, № 44, секр., 1905 г., и 16 отд. глав. штаба, №№ 337, секр., и 223, секр., 1905 г.

[3]) Кирилл. «11 дней на «Потемкине».

Генерал Коханов, который после «потемкинской истории» за бездействие власти и прием депутации от «мятежников» был смещен с должности командующего войсками (военным министром генералом Редигером ему приказано было подать в отставку) и заменен генералом бар. Каульбарсом, оправдывался в своих донесениях тем [1]), что, принимая депутацию, думал предотвратить бомбардировку города и выиграть время до подхода более надежных частей и тяжелой артиллерии.

Посланный офицер передал разрешение командующего войсками на немедленные похороны Вакулинчука и гарантировал полную неприкосновенность матросов, которые пойдут провожать его на кладбище. Они должны были итти только без оружия. Условия командой были приняты, и Вакулинчук был похоронен в тот же день.

Похороны эти носили торжественный характер. За катафалком шло 12 матросов, а за ними толпа рабочих с певчими и со священником. Почти на всем пути шествия процессии стояли шпалерами войска, которые отдавали честь. Но не обошлось и без перестрелки и столкновения с полицией, которая неудачно хотела оттереть рабочих от гроба. Толпа к концу похорон возросла до 3.000 человек.

В это время на броненосце было получено известие об аресте матросов, посланных в город за провизией, и о том, что в городском театре происходит военный совет всех высших властей Одессы. Решено было немедленно открыть огонь по городу.

«Потемкин» развел пары, вышел в море и произвел 5 выстрелов по городу. Бомбардировка городу не принесла никакого существенного вреда, но моральное действие ее было большое. Она навела панику и внесла деморализацию в ряды войск, а в ряды рабочих вдохнула уверенность в возможности полного успеха в борьбе.

После бомбардировки вечером опять была отправлена депутация к командующему войсками со следующими требованиями:

1) Беспрепятственная закупка всего необходимого для броненосца.
2) Полная неприкосновенность матросов на берегу.
3) Прекращение зверств в городе со стороны полиции и казаков.
4) Вывод всех войск из города и передача его во власть населения и, как гарантия этого, свободное вооружение народа из арсеналов города.

Но генерал Коханов, извещенный о скором приходе в Одессу всей Черноморской эскадры, депутацию не принял.

Еще раньше, как только выяснились причины и цель прихода «Потемкина» в Одессу, генерал Коханов послал телеграмму главному командиру Черноморского флота адмиралу Чухнину с извещением о приходе взбунтовавшегося броненосца и с просьбой прислать подкрепление.

На это Чухнин ему ответил, что послана эскадра адмирала Вишневецкого в составе 3 броненосцев («Три Святителя», «Двенадцать Апостолов», «Георгий Победоносец»), минного крейсера «Казарский» и

---

[1]) Лефортовский архив, дела 16 отд. глав. штаба, №№ 337, секр., и 223 секр., 1905 г.

4 контр-миноносцев с категорическим приказанием в случае сопротивления потопить «Потемкин».

«Потемкин» и эскадра. Вскоре была опять получена телеграмма, что вышла еще эскадра адмирала Кригера в составе 2 броненосцев («Ростислав» и «Синоп») и 4 эскадренных миноносцев, и что адмиралу Кригеру поручено соединенными силами ликвидировать «Потемкин».

Рано утром беспроволочный телеграф «Потемкина» перехватил депеши, которыми переговаривались еще не соединившиеся эскадры Кригера и Вишневецкого с Одессой.

«Потемкин» сейчас же привел себя в полную боевую готовность. «Веху» обратили в плавучий госпиталь и подняли на ней флаг красного креста.

«Комитет» броненосца твердо решил принять бой, но первым не стрелять [1]).

Вскоре на горизонте показались дымки приближающейся эскадры. «Потемкин» приготовился итти ей навстречу, но эскадра исчезла за горизонтом.

Около 10 часов утра опять показалась эскадра контр-адмирала Вишневецкого, в составе трех броненосцев («Три Святителя», «Двенадцать Апостолов», «Георгий Победносец»), минного крейсера «Казарский» и четырех контр-миноносцев.

«Потемкин» поднял якорь и полным ходом пошел ей навстречу, а на его мачте взвился сигнал: «Стать на якорь или буду стрелять». Эскадра замедлила ход, а аппарат «Потемкина» принял следующую депешу: «Черноморцы, мы удручены вашим поступком. Безумцы, что вы хотите? Контр-адмирал Вишневецкий». На это «Потемкин» ответил: «Пожаловать адмиралу к нам. Гарантируем безопасность». Но эскадра опять круто повернула и скрылась за горизонтом. Вернулся на свое прежнее место и «Потемкин».

Часа через два опять показалась эскадра и послала «Потемкину» депешу: «Золотые черноморцы, что вы делаете? Безумцы, покайтесь». «Потемкин» ответил: «Требуем к себе адмирала». На это эскадра сигнализировала: «Пришлите ваших депутатов на флагманское судно «Три Святителя». «Потемкин» неумолимо возразил: «Если хочешь, приходи на «Потемкин» разговаривать» и быстрым ходом шел навстречу эскадре.

Теперь уже навстречу «Потемкину» шли соединенные эскадры адмиралов Вишневецкого и Кригера в составе эскадренных броненосцев: «Три Святителя», «Ростислав», «Синоп», «Двенадцать Апостолов» и «Георгий Победоносец» (броненосец «Екатерина II» был оставлен в Севастополе, как ненадежный элемент), минного крейсера «Казарский» и 6 миноносцев.

«Потемкин» смело врезался в эскадру, в которой на приказ адмирала Кригера стрелять команда «Синопа» и «Георгия Победоносца» ответила дружным «ура» в честь восставших, и среди прочих судов

[1]) Кирилл. «11 дней на «Потемкине».

эскадры началось сильное замешательство. Описав круг, эскадра и «Потемкин» опять пошли друг другу навстречу. С адмиральского судна сигнализировали: «Извольте стать на якорь». На что с «Потемкина» последовал ответ: «Всем офицерам оставить броненосцы и с'езжать на берег».

Но адмирал Кригер, боясь восстания, пустил эскадру полным ходом в открытое море, держа курс на Севастополь. «Потемкин» начал ее преследовать.

Об этом молчаливом бое адмирал Чухнин так доносил Николаю II [1]):

Петербург. Его императорскому величеству.

Командир броненосца «Георгий Победоносец» донес мне: 17 июня вся эскадра под командой Кригера собралась у Одессы, не будучи изготовлена к бою. Построившись в строй фронта, пошла по направлению к молу. Навстречу ей вышел «Потемкин-Таврический», готовый к бою. При прорезывании строя броненосцев, когда «Князь Потемкин-Таврический» поравнялся с «Георгием Победоносцем», команда последнего устроила овацию, и когда по сигналу эскадра повернула на 16 румбов, команда «Георгия Победоносца» бросилась на мостик и не позволила управлять кораблем, раздались крики: «Долой офицеров». Эскадра удалилась, и на сигнал, что команда бушует, получился ответ итти в Севастополь. Команда спустила шлюпку, посадила всех офицеров, кроме лейтенанта Григорьева, лишившего себя жизни, и на буксире миноносца № 267, перешедшего на сторону «Князя Потемкина-Таврического» (командир миноносца был свезен уже на берег), свезла их на берег в 7 милях от Одессы. По разборе дела можно ожидать того же и на всех судах. Не имея сведений ни из Одессы ни из Севастополя, — боюсь, что море в руках мятежников, — решил не выходить.

Подробное донесение всеподданнейше представляю вашему императорскому величеству почтою. 306. Подп. вице-адмирал *Чухнин*.

После присоединения «Георгия Победоносца» революционная эскадра вернулась опять в Одессу.

На «Георгий Победоносец» сейчас же отправились матрос Матюшенко, тов. Кирилл и тов. Фельдман для установления революционного порядка на броненосце, выбора командира и комитета.

Комитет был выбран из 25 матросов, командиром броненосца — боцман Кузьмин, а его помощником — фельдфебель Воронов.

Вечером опять появилась эскадра Кригера, пожелала вступить в переговоры и выслала депутатов на контр-миноносце, который остановился в море. Повстанцы, в свою очередь, выслали депутатов: Матюшенко, Кирилла и других на катере, но миноносец, увидя приближение катера, повернул и исчез за горизонтом.

Предвидя нападение эскадры, командующему войсками было послано следующее предупреждение [2]):

---

[1]) Николаевское отделение архива Черноморского флота, дело николаевской портовой конторы, № 6, 1905 г.

[2]) К и р и л л. «11 дней на «Потемкине».

Г-ну командующему войсками Одесского военного округа.

Заявление.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический», броненосца «Георгий Победоносец», миноносца № 267 и госпитального судна «Веха», ввиду возможного на нее нападения остальной части Черноморской эскадры, считает своим долгом заявить, что она твердо решила вступить в этот бой за великое дело освобождения всего угнетенного народа России.

Поэтому, во избежание могущих произойти несчастных жертв и повреждений как с жителями порта и города, так и с различными судами, наша эскадра ставит вам в обязанность немедленно принять все надлежащие меры для самого широкого оповещения жителей об угрожающей опасности горожанам и частным судам.

Командир флагманского судна эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» (подписи не было).

Приложена судовая печать.
Дня 17 июня 1905 г.

Измена «Георгия». День 18 июня готовил повстанцам тяжелый удар. Дело в том, что на «Потемкине» и на «Георгий Победоносец» были оставлены кондуктора, как люди, сведущие в морском деле. Они начали сразу же вести агитацию за добровольное возвращение в Севастополь, рисуя различные ужасные кары, которые ожидают впоследствии бунтовщиков.

На «Георгии Победоносце», где революционная часть команды была малочисленна, эта агитация имела большой успех, и броненосец на другой же день после своего присоединения снялся с якоря и на всех парах начал уходить в Севастополь.

«Потемкин» стремительно погнался за ним, подняв боевой сигнал. Тогда «Георгий Победоносец» круто повернул и пошел в порт, где с полного хода врезался в песок. Придя в порт, он сейчас же известил начальство о своем желании сдаться.

Измена «Георгия» вызвала на «Потемкине» сумятицу, перешедшую в полную растерянность. Раздались голоса части малосознательной команды, подстрекаемой кондукторами: «В Румынию! В Румынию!». И броненосец вместе с миноносцем полным ходом вышел в море, взяв курс на Констанцу. «Веха» же осталась в Одессе.

Вот как доносит обо всем происшедшем с «Вехой» оставленный на ней судовой врач [1]):

Командиру Николаевского порта.

Судового врача портового судна «Веха» лекаря Королева

Рапорт.

15 сего июня портовое судно «Веха», придя на рейд Одессы, было остановлено взбунтовавшейся командой эскадренного броненосца «Князь

[1]) Николаевское отделение архива Черноморского флота, дело николаевской портовой конторы, № 6, 1905 г.

Потемкин-Таврический». Командир и трое прапорщиков, весь офицерский состав были насильно свезены на берег в Одессу; мне разрешено было остаться вместе с командой судна «Веха». 16 июня на «Веху» было привезено с броненосца «Князь Потемкин-Таврический» для лечения 12 человек из числа команды больных и раненых, список которых при сем прилагаю; для помощи мне с броненосца «Князь Потемкин-Таврический» было прислано два санитара, из них один остался на «Вехе». «Вехе» было приказано сделать два изображения на трубе красного креста, выкинуть на мачтах флаги с красным крестом, и таким образом обратили «Веху» в плавучий госпиталь для броненосца «Князь Потемкин», приказали отойти в сторону и все время насильно с оружием в руках заставляли команду «Вехи» подчиняться и исполнять свои требования.

18 июня вечером, около 7 часов, «Князь Потемкин» скрылся в море, приказав перед выходом «Вехе» грузить уголь с парохода «Петр Регир», затем следовать за собой. «Веха», приняв уголь часов в 9 вечера, снялась с якоря и, видя, что броненосец «Князь Потемкин» скрылся из вида, взяла курс на Очаков, куда благополучно и прибыла около 4 часов утра.

19 июня согласно приказания пом. лоц. командира г. Очакова «Веха» около полдня вышла из г. Очакова и под управлением лоцмана прибыла 19 июня в 8 час. вечера в Николаев. По приказу глав. доктора николаевского морского госпиталя, все 12 человек больных броненосца «Князь Потемкин» были немедленно свезены в госпиталь, о чем вашему превосходительству и доношу; считаю своим нравственным долгом заявить, что команда «Вехи» была глубоко потрясена насилием над своим любимым командиром, полковником Эйхон и офицерами, все время заявляла мне незаметно от «потемкинцев» свое желание остаться на «Вехе» и боязнь, как бы их всех не забрал «Князь Потемкин» и не потопил «Веху», стойко переносили свое несчастие и при первой возможности постарались освободиться от державшего ее в своих руках «Князя Потемкина».

Судовой врач «Вехи» *В. Королев.*

Гор. Николаев, 20/VI, 1905 г., № 15.

«Потемкин» в Констанце. «Потемкин» пришел в Констанцу вечером 19 июня и стал на внешнем рейде.

На борт броненосца сейчас же прибыли румынские офицеры и командир русского стационера «Псесуапе» узнать о цели прихода «Потемкина». Любопытство их было удовлетворено и им передано два воззвания: «Ко всему цивилизованному миру» и «Ко всем европейским державам».

На просьбу повстанцев о закупке провизии и угля румынские офицеры ответили, что властям города необходимо для этого разрешение из Бухареста.

После этого они покинули броненосец.

Содержание врученных им воззваний было следующее [1]):

Ко всему цивилизованному миру!

Граждане всех стран и всех народов. Перед вашими глазами проходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русский народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

[1]) Кирилл. «11 дней на «Потемкине».

Разорение, нищета и бесправие, до которых русское правительство довело многострадальную Россию, переполнили чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования. Могучий крик многомиллионной русской груди: долой рабские цепи деспотизма и да здравствует свобода! — как гром, раскатился по всей необ'ятной России.

Но царское правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей стране.

Однако обезумевшее самодержавие забыло одно, что темная и забитая армия — это сильное орудие его кровавых замыслов — есть тот же самый народ, те же самые сыны трудящихся масс, которые решили добиваться свободы. И армия рано или поздно поймет и сбросит, наконец, с себя позорное пятно палачей своих же отцов и братьев. И вот мы, команда эскадренного броненосца «Потемкин-Таврический», решительно и единодушно делаем этот первый шаг. Пусть все те братские жертвы рабочих и крестьян, которые пали от солдатских пуль и штыков на улицах и полях нашей родины, снимут с нас свое проклятие, как с их убийц.

Нет, мы не убийцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И наш общий девиз — смерть или свобода для всего русского народа. Мы требуем непременной приостановки бессмысленного кровопролития на полях далекой Манчжурии. Мы требуем непременного созыва всенародного Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. За эти требования мы единодушно готовы вместе с нашим броненосцем пасть в бою или выиграть победу.

Мы глубоко уверены, что честные и трудящиеся граждане всех стран и всех народов откликнутся горячим сочувствием нашей великой борьбы за свободу.

Долой самодержавие! Да здравствует Учредительное Собрание!

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и миноносца № 267.

Ко всем европейским державам.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» начала решительную борьбу против самодержавия. Оповещая об этом все европейские правительства, мы считаем своим долгом заявить, что мы гарантируем полную неприкосновенность всем иностранным судам, плывущим по Черному морю, и всем иностранным портам, здесь находящимся.

Команда эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

На другой день матрос Матюшенко отправился в порт в надежде закупить провизию, но вернуться ему пришлось разочарованным. Румынское правительство запретило повстанцам производить какие-либо закупки в порту.

Для большей убедительности ему была вручена копия следующей телеграммы [1]):

Майору Негру, капитану порта.

Бухарест, № 102, 8 час. 10 мин. утра.

Постарайтесь убедить русских матросов, что наше правительство будет их считать иностранными дезертирами и, следовательно, оно пред-

[1]) Кирилл. «11 дней на «Потемкине».

оставит им свободу сейчас же, как только они оставят свое судно и высадятся на берег без оружия, и еще с условием, чтобы они сдали корабль неповрежденным. Сейчас, как только они примут это условие, им будет предоставлена свобода выбора отправиться или в Болгарию или же поступить на частные пассажирские суда. После этого предписываю вам занять военным караулом оставленные суда и помочь матросам закупить себе провизию.

Генерал *И. Лаговари.*

№ 253.
(Мин. иностран. дел).

Поход в Феодосию и сдача «Потемкина» румынам. После чтения этой телеграммы, которая произвела на матросов тяжелое впечатление, решено было итти обратно в Россию, в Феодосию.

Появление «Потемкина» в Феодосии привело в панику «отцов города», которые согласились исполнить все требования повстанцев и доставить на броненосец провизию и уголь. Но военное начальство смотрело на это дело иначе и конфисковало провизию и уголь, предназначенные администрацией города «Потемкину». Тогда «комитет» броненосца решил добыть уголь силой из стоявшей в порту шаланды, и отправил для этого на катере вооруженных матросов, с товарищем Фельдманом во главе.

Пока часть матросов поднимала якорь, чтобы вести шаланду к «Потемкину», на берегу появился взвод пехоты под командой офицера, который неожиданно дал три залпа по катеру и шаланде. Было несколько человек убито и ранено.

Матросы в панике, оставив часть своих товарищей на шаланде, начали полным ходом уходить на катере под защиту орудий «Потемкина». А там среди команды, видевшей всю картину неожиданного обстрела катера, началась сумятица. Одни кричали и требовали немедленного открытия огня по городу, другие, подстрекаемые кондукторами, настаивали на необходимости ити опять в Румынию и сдаться.

Наконец, «оппозиционная» часть команды взяла верх и «Потемкин» пошел опять в Констанцу, куда прибыл 25 июня и сдался румынским властям.

Часть матросов, принимавшая главное участие в восстании, сошла на берег и при содействии тов. Раковского разместилась и осталась в Румынии. Другая часть вернулась в Россию искать монаршей милости.

«Потемкин» был переименован в «Пантелеймона», разоружен и вместе с миноносцем № 267 отведен в Севастополь.

IV. БУНТ В ХЕРСОНСКОМ ДИСЦИПЛИНАРНОМ БАТАЛЬОНЕ.

Дисциплинарные батальоны появились в России, примерно, в 1878 году. Им придавалось значение «исправительных учреждений», главным образом, для солдат, виновных в нарушении воинской дисциплины и воинского устава. В батальонах имелся состав кадровый, т.-е. офицеры, ефрейторы, унтер-офицеры и солдаты, попавшие туда в качестве «воспитателей» и «надсмотрщиков», и состав заключенных, т.-е. солдат, попавших туда в наказание и для исправления. В дисциплинарных батальонах, кроме наказаний, предусмотренных дисциплинарным уставом, закон предоставлял право командиру батальона дать заключенному, переведенному в разряд штрафованных, до 100 ударов розгами; ротному командиру — до 30 ударов. Не приходится говорить, что подобная система исправления озлобляла солдат как против их непосредственного начальства, так и против тех, кто дал это зверское право совершенно не считаться с человеком.

Когда в России началось революционное движение и волны его захватили воинские части, в дисциплинарные батальоны стали попадать «политически неблагонадежные» солдаты, в частности в Херсонский дисциплинарный батальон попало несколько матросов, принимавших участие в первых волнениях в Черноморском флоте. Следовательно, дух протеста, в связи с общим начавшимся движением, был занесен и в стены батальона [1]).

Бунт 20 июня 1905 года произошел на почве личного недовольства батальонным начальством и порядками батальона. Все заключенные были очень недовольны командиром батальона полковником Давыдовым, командиром 3-й роты капитаном Миргородским, унтер-офицерами Коваленко и Карасевым и решили от них избавиться. 19 июня вечером заключенные 3-й роты Золотарев, Глидун, Рогачев, Пархоменко и Харчук постановили дела в долгий ящик не откладывать и произвести расправу на другой день утром, во время батальонного учения. Решено было устроить беспорядок в 3-й роте, во время которого Рогачев и Пархоменко должны были убить полковника Давыдова и капитана Миргородского и унтер-офицеров Глидун — Карасева, Харчук — Коваленко.

На другой день утром, когда все роты батальона были выстроены, и началось батальонное учение, в 3-й роте рядовой Тобус начал демонстративно шевелиться в строю после команды «смирно». Командир

[1]) Лефортовский архив, дело 16 отд. глав. штаба № 147, 1905 г.

батальона, полковник Давыдов, обращает внимание на беспорядок в строю ротного командира 3-й роты капитана Миргородского. Пока капитан Миргородский был занят водворением порядка в своей роте, на полковника Давыдова налетают несколько солдат с ружьями наперевес, в том числе Рогачев и Пархоменко, и начинают колоть его штыками. Полковник Давыдов отбивается шашкой и падает весь в крови. Происходит общее замешательство. На помощь полковнику Давыдову спешит капитан Миргородский, унтер-офицеры Карасев и Коваленко. Миргородский и Коваленко были ранены штыками. Нападавшие, видя, что к Миргородскому и Давыдову спешат другие на помощь, бросились на берег Днепра в кусты и скрылись. Полковник Давыдов, получивший 5 штыковых ран, для водворения полного порядка и успокоения вызвал вперед музыкантов и пропустил батальон церемониальным маршем. Этим сразу же водворил в строю дисциплину, за что был произведен в дальнейшем в генералы.

Вскоре все участники бунта, в количестве 31 человека, были арестованы и преданы военному суду. Из них 24 августа 1905 года были расстреляны: Рогачев, Пархоменко, Ермишев и Харчук. Но волнения и заговоры в дисциплинарном батальоне не прекращались, виной этому был и оставшийся в живых участник первого бунта Золотарев, у которого при обыске было найдено интересное письмо:

«Здравствуй товарищ Александр,

я очень рад, что наше письмо повлияло на Р. Е. и П. Я. читал, как ты держался на суде, и отзыв прокурора о тебе прекрасный, вообще все вы, как говорится, не вдарили лицом в грязь.

Я очень рад, что тебя оправдали на суде. Мы сильно возмущены приговором суда, приговоривший 5 человек к смертной казни. Нельзя отнестись к этому факту хладнокровно, тем более что и силы остались, которые можно использовать. Наверно, у вас есть много недовольных приговором суда, на этой почве много можно сделать. Только нужна энергия, воля, а главное — пожертвование собой для общего и своего дела. Я не сомневаюсь, что у тебя она есть, это ты доказал на факте. Помнишь, как ты говорил мне, когда мы с тобой встретились, я убедился, что ты человек не одних только слов, но и дела. С моей стороны я все силы употреблю, чтобы помочь нашему общему делу. Время настало не спать, а действовать. Россия пробудилась от сна, ее уже не убаюкаешь разными льстивыми обещаниями, народ требует своих прав, он не сложит рук. Смерть или свободу, — как сказали петербургские, одесские и другие товарищи. Недолго осталось мучиться всем нам, отделенных стеной от всего мира. Она скоро рухнет, в этом нет никакого сомнения. Последняя опора самодержавия рухнула, казаки Донской области и офицеры открыто выразили свой протест против обязанностей, возлагаемых на них правительством к исполнению полицейских обязанностей. Донское дворянство поддерживает протест казаков, они говорят, что казаки не должны исполнять полицейских обязанностей, — это, мол, умаляет их боевую славу. Недалек тот миг, когда они выступят открыто в руках с оружием. Ваш геройский пример не пропадет даром; наверное будет лучшее обращение, хотя это мелочь в сравнении с тем, что нужно было бы сделать. Но это хороший урок в будущем. Все ошибки можно удалить с пользой для дела. Интересное мнение конвойных о приговоре к смертной казни, говорят, что казаки и солдаты откажутся их казнить,

наверное, предложат нам, но нас 35 человек все, как один, тоже откажемся. Вообще все общественное мнение на нашей стороне, даже все офицерство. Нет сомнения, приговор смертной казни не приведут в исполнение. Это не больше, как средство запугивания, жаль будет, если те 5 человек подадут прошение о помиловании, хотя я в этом сомневаюсь. Итак, не сомневайся в том, что мы спустя рукава будем относиться ко всему случившемуся; нет, нас трогает это, оно дает надежду, поддерживает в том, что скорей приближается к нашей заветной мечте. Итак, да здравствует 31 человек, герои своего дела. Всем жму руку и посылаю товарищеский привет. Постарайся меня известить о получении письма, так как я не уверен, что оно может дойти, и не могу послать тебе адрес. Но можно это таким образом: мы гуляем от 9½ до 11 часов утром и от 2½ до 4 часов вечера. Можно записку перебросить через забор; пиши только, что получил.

Друг Михаил, июля 1905 года».

Золотарев, как опасный элемент, вошедший в связь с местной революционной организацией, был переведен в Бобруйский дисциплинарный батальон в феврале 1906 года.

В сентябре 1906 года был открыт опять большой заговор среди заключенных, который был направлен к поголовному истреблению командного состава и массовому побегу. Заговор был открыт и виновные были размещены по другим батальонам с увеличением срока заключения.

V. ВОССТАНИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ.

Восстание 15 ноября 1905 г.

После бунта на «Потемкине» волнения и пропаганда во флоте не только не прекращались, а, напротив, перекинулись в сухопутные части севастопольского гарнизона. Особенно восприимчивыми в этом отношении были саперы и отчасти крепостные артиллеристы.

Чтобы понять, как выросли кровавые события 15 ноября 1905 года [1]), необходимо обрисовать, как переживал Севастополь манифест 17 октября.

18 октября 1905 года в Севастополе было полное ликование. Улицы были полны народом; везде оживленно и радостно толковали о смысле и значении манифеста. На Екатерининской улице, около музея севастопольской обороны, был большой митинг, посвященный событиям дня. На этом митинге впервые выступил лейтенант Шмидт. Но появившаяся рота пехоты, во главе с севастопольским полицмейстером, разогнала собравшуюся публику.

Вечером на улицах города появилась большая толпа рабочих и матросов с флагами, которая направилась к воротам тюрьмы требовать освобождения политических заключенных.

Вызванная боевая рота Белостокского пехотного полка без предупреждения дала в безоружную толпу несколько залпов. Было убито 6 человек и 40 ранено. Это событие возмутило население Севастополя.

В 10 часов утра на следующий день на Приморском бульваре состоялся огромный митинг. На этом митинге был выделен «совет депутатов от народа», куда вошли среди других деятелей лейтенант Шмидт и присяжный поверенный Резников.

«Депутаты от народа» вместе с городским головой Максимовым собрали экстренное заседание городской думы, на котором был вынесен протест по поводу расстрела безоружной толпы, и послана об этом телеграмма графу Витте.

Постановление, вынесенное думой, заключалось в следующем:

1) вывесить на видном месте лист протеста, в котором позором заклеймить имена убийц из местного начальства;

---

[1]) Лефортовский архив, дело 3 стола 2 отд. глав. штаба № 44, секр., 1905 г. Иосиф Гелис. «Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г.».

2) удалить из города жандармского полковника и полицеймейстера;
3) удалить из города казаков.
4) устроить на следующий день, 20 октября, торжественные похороны-демонстрацию первых жертв;
5) устранить полицию и передать охрану города милиции из рабочих;
6) уничтожение навсегда смертной казни в России;
7) об'явление амнистии всем восставшим раньше в Черноморском флоте и, в частности, «потемкинцам».

20 октября состоялись торжественные и многолюдные похороны первых жертв. На кладбище при огромном стечении народа у вырытых могил многими ораторами были произнесены речи, посвященные моменту и памяти безвременно погибших.

Но самую сильную речь, вызвавшую в толпе многочисленные рыдания, произнес лейтенант Шмидт, который сказал [1]):

«У гроба подобает творить одни молитвы, но да уподобятся молитве слова любви и святой клятвы, которую я хочу произнести здесь вместе с вами.

Когда радость переполнила души усопших, то первым их движением было итти скорее к тем, кто томится в тюрьме, кто боролся за свободу, и теперь, в минуты общего великого ликования, лишен этого высшего блага. Они, неся с собой весть радости, спешили передать ее заключенным, они просили выпустить их, и за это были... убиты. Они хотели передать другим высшее благо жизни — свободу, и за это лишились самой жизни.

Страшное, невиданное преступление.

Великое, непоправимое горе.

Теперь их души смотрят на нас и вопрошают безмолвно: что же вы сделаете с этим благом, которого мы лишены навсегда, как воспользуетесь свободой, можете ли вы обещать нам, что мы—последние жертвы произвола?..

И мы должны успокоить смятенные души усопших, мы должны поклясться им в этом.

Клянемся им в том, что мы никогда не уступим никому и одной пяди завоеванных нами человеческих прав.

Клянемся им в том, что всю работу, всю душу, самую жизнь мы положим за сохранение свободы нашей.

Клянемся им в том, что свою свободную и общественную работу мы все отдадим на благо рабочего, неимущего люда.

Клянемся им в том, что между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а что мы все отныне будем равные, свободные братья великой, свободной России.

Клянемся им в том, что доведем их дело до конца и добьемся всеобщего избирательного, равного для всех права.

Клянемся им в том, что, если нам не будет дано всеобщее избирательное право, мы снова провозгласим великую всероссийскую забастовку. Клянусь», — окончил оратор.

«Клянусь», — раскатилось громом по всем окрестностям».

После этой речи лейтенант Шмидт 21 октября, по приказу адмирала Чухнина, был арестован и отправлен на броненосец «Три Святителя».

[1]) Иосиф Гелис. «Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г.».

Затем адмиралом Чухниным был отдан строжайший приказ, запрещающий военным участвовать на митингах рабочих; к Приморскому бульвару, ставшему местом регулярных митингов, с 4 ноября стали посылаться боевые дозоры, а ворота казарм флотских экипажей — охраняться караулами. Затем, так как местному начальству стало известно о начавшемся брожении среди войск гарнизона, то к Севастополю начали постепенно стягиваться надежные воинские части, а стоящие на рейде суда были обезоружены.

Но, несмотря на строгий запрет участвовать военным вместе с рабочими на митингах, стали устраиваться многочисленые военные митинги, на которые приходили портовые рабочие, на них солдаты и матросы призывались к солидарности с рабочими в организованной борьбе за политические свободы.

Кроме того, матросы на этих митингах в своих резолюциях требовали немедленного освобождения лейтенанта Шмидта, чего им и удалось добиться.

Лейтенант Шмидт был 11 ноября освобожден, с обязательством нигде не выступать на митингах.

Толчком к началу восстания послужило следующее событие.

11 ноября на площади, между казармами флотских экипажей и казармами Брестского полка, собрался многолюдный митинг, в котором участвовали вместе с матросами пришедшие с работ портовые рабочие. Из брестцев на митинге присутствовала только часть запасных.

Начало восстания. В это время подошли боевые роты от экипажей флотской дивизии, от морского учебного отряда и учебная команда Белостокского пехотного полка, под командой штабс-капитана Штейна, сюда же прибыл начальник учебного отряда Черноморского флота, контр-адмирал Писаревский, одновременно заведующий морскими командами, расположенными в казармах, и отдал распоряжение: «стрелять в толпу, если она не разойдется».

Услышав это распоряжение, матрос боевой роты Петров тремя выстрелами смертельно ранил штабс-капитана Штейна и легко в лопатку адмирала Писаревского.

Петрова, крикнувшего «я убил адмирала», немедленно арестовали и отвели в морские казармы.

Но когда его арестовали, боевая рота учебного отряда пришла в крайнее возбуждение и под влиянием зажигательных речей ораторов вместе с другими матросами, бывшими на митинге, бросилась требовать его освобождения, и он был освобожден.

Присутствовавшая здесь боевая рота флотского экипажа сейчас же присоединилась к восставшим, а возглавлявшие ее офицеры были арестованы.

Раненый Писаревский и Штейн были отправлены в госпиталь, в котором Штейн вскоре скончался.

Настроение восставших матросов было бурное.

Сейчас же было организовано два митинга: один — во дворе морских казарм, другой — между морскими казармами и казармами Брестского полка.

На этих митингах было решено продолжать начатое и об'явить забастовку, а также произвести выборы депутатов в тех частях, где они еще не избраны, а к воротам флотских казарм поставить боевую роту восставших, под начальством матроса Петрова. Вороницын в своем докладе на конференции военных и боевых организаций РСДРП об этом моменте говорит так:

«В ночь с 11 на 12 ноября происходили выборы в ротах и экипажах. В общем к забастовке в первую ночь примкнуло около 2.000 матросов, находившихся в экипажах, и часть солдат Брестского полка. На судах тоже происходило брожение».

На совещании собравшихся в ночь с 11 на 12 ноября депутатов было решено: офицеров разоружить, а арестованных из-под ареста освободить и немедленно удалить из казарм, а на 12 ноября организовать по городу мирную демонстрацию с оркестром музыки и пойти прежде всего в Брестские казармы, чтобы привлечь солдат к движению [1]).

На следующий день утром были отправлены делегаты в Брестский полк для связи и для производства выборов депутатов.

Делегаты были встречены командиром полка полковником Думбадзе, который им ответил, что без предписания начальства он не может их допустить в казармы для этой цели.

Через некоторое время делегаты опять явились к Думбадзе, но не получили никакого определенного ответа.

Делегаты вернулись обратно, а Думбадзе поехал к коменданту крепости с докладом, что у него в полку началось брожение. Комендант крепости генерал Неплюев приказал ему возвращаться в полк, заявив, что приедет туда же вместе с начальником 13-й пехотной дивизии генералом Седельниковым.

Когда полковник Думбадзе под'ехал к казармам своего полка, то увидел, что ведь двор запружен восставшими матросами и рабочими и там происходит митинг, на котором ораторы, в том числе унтер-офицер Брестского полка Фролов, призывают брестцев присоединиться к восставшим, арестовать офицеров, отправить депутатов в штаб флотской дивизии и двинуться с матросами и рабочими к казармам Белостокского полка.

В это время к восставшим подходили с песнями солдаты 49-го запасного батальона и часть крепостных артиллеристов, которых повстанцы встречали громкими криками «ура».

Приехавший полковник Думбадзе отправился в офицерское собрание, где были собраны офицеры полка.

В это время для воздействия на брестцев прибыл в казармы комендант крепости ген. Неплюев и начальник 13-й пехотной дивизии ген.

---

[1]) Лефортовский архив, дело 3 стола 2 отд. глав. штаба № 44, секр., 1905 г. И. Гелис. «Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г.».

Седельников; обоим матросы пред'явили требование приказать войскам не стрелять в них, когда они пойдут в город.

Комендант отказался [1]), за что был вместе с генералом Седельниковым арестован. Но, долго не решаясь итти в город, матросы потребовали от генерала Неплюева, чтобы он ехал в экипаже впереди демонстрации, так как в него войска стрелять не будут. Отсутствие наличия пулеметов у восставших было одной из причин боязни итти в город. Неплюев отказался.

Видя бесполезность дальнейших переговоров, арестованных офицеров отвели во флотские казармы и приставили к ним караул.

Тем временем другая часть матросов, под предводительством унтерофицера Фролова, ворвалась в офицерское собрание Брестского полка, обезоружила командира полка и всех офицеров, не лишая их в то же время свободы.

Демонстрация. Тем временем организованная демонстрация направилась в город. Впереди шел матрос с андреевским флагом, за ним флотский оркестр и стройные ряды безоружных матросов, брестцев, артиллеристов и солдат 49-го запасного батальона. Позади шли рабочие, над головами которых развевались знамена с надписями: «Да здравствует свобода и РСДРП», «Вечная память борцам за свободу».

Когда демонстранты показались на Новосильцевской площади, то выстроенный там Белостокский полк, под командой своего командира полковника Шульмана, взял на-караул и под звуки гимна стал пропускать демонстрацию, но так как остановившиеся демонстранты начали напирать и обходить полк, то командир полка, повернув свой полк кругом, направил его в казармы, а затем в поле в лагери. Демонстранты последовали было за ним, но, видя, что он уходит в поле, повернули назад и вернулись в город.

К моменту прохождения демонстрантов по Историческому бульвару пулеметы были сняты, чтобы вскоре опять появиться на том же месте.

Белостокцы же только в 5 часов дня вернулись в казармы и начали готовиться к предполагавшемуся (как ходили в городе слухи) вооруженному нападению на них матросов, брестцев и артиллеристов.

В это время началась железнодорожная забастовка, и станция Севастополь прекратила движение поездов.

Генерал Неплюев думал заменить бастующих железнодорожников крепостной саперной ротой, но вооруженные саперы присоединились к матросам и рабочим.

К саперам, еще задолго до начала восстания, начали проникать прокламации революционного содержания, главными распространителями которых являлись солдаты Барышев и Булат, связанные с с.-д. организацией.

---

[1]) «Лейтенант Шмидт». Письма, воспоминания и документы под редакцией Максимова. Доклад ротмистра Васильева.

В связи с общим недовольством и начавшимся движением в войсках произошли первые столкновения с начальством на экономической почве. Затем, под влиянием агитации Булата и Барышева, последовал отказ сапер заменить бастующих железнодорожников, отказ итти в патрули и караулы для содействия гражданским властям и далее вооруженное присоединение к восставшим матросам.

После начала железнодорожной забастовки в штабе флотской дивизии, под руководством Севастопольского Комитета РСДРП был образован Совет Матросских, Рабочих и Солдатских Депутатов.

Постоянным председателем был избран социал-демократ Воронцын [1]), а активными членами руководящего ядра Совета были социал-демократы Вольская, Смидович и Канторович.

Заседания Совета происходили систематически, и им была намечена программа работ по восстанию, которая им выполнялась и проводилась в жизнь.

По распоряжению Совета, в городе поддерживался порядок, ходили по улицам патрули, которые обезоруживали офицеров, задерживая трусливых беглецов и громил.

Во главе восставших частей гарнизона были поставлены революционные командиры Петров, Фролов и Барышев.

Во время одного из заседаний Совета явилась депутация от артиллеристов и заявила, что артиллеристы присоединятся к матросам в том случае, если они выпустят арестованных генералов Неплюева и Седельникова. Большинство депутатов решило освободить генералов, и они были освобождены.

К вечеру 12 ноября среди солдат Брестского полка началась реакция, и они стали понемногу выходить из флотских казарм в поле, куда был вызван священник и ими принесена присяга, а затем вместе с присоединившимися офицерами весь Брестский полк пошел на подкрепление белостокцев.

Совет Депутатов обратился к брестцам с воззванием [2]), надеясь их вернуть на революционный путь. Воззвание гласило:

«К солдатам Брестского полка.

Товарищи, братья. Мы, матросы Черноморского флота, обращаемся к вам с горячим словом убеждения: не верьте тому, что говорят вам вечные насильники и кровопийцы наши, офицеры и попы... Третьего дня ночью, когда вы были в своих казармах, они убеждали вас, будто мы — враги народные, будто мы хотим ограбить вас, отнять вашу кассу.

Вы поддались их лживым словам, ушли из казармы, забрали кассу, готовились защищаться от нашего нападения. А они, негодяи, спаивали вас водкой и заставляли приносить присягу.

Товарищи, ваши офицеры подло лгут вам; никогда в мыслях мы не имели кого-нибудь грабить, никогда не изменяли мы родине, всегда поступали и поступаем по совести и разуму своему. Лгут они все это потому, что боятся, чтобы вы не соединились с нами в наших требова-

[1]) Иосиф Гелис. «Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г.».
[2]) «Лейтенант Шмидт». Воспоминания сестры.

ниях. Они хотят обмануть вас, хотят сделать вас слепым орудием в своих, не раз уже народной кровью забрызганных руках, хотят натравить и направить вас против нас и против всех, стоящих за народные нужды.

Братья солдаты, мы не грабители и не изменники какие; только не стало мочи у нас сносить дольше притеснения начальства и проклятые порядки российские.

И мы все, как один, выставили требования, которые каждый из вас может прочесть. Мы требуем, чтобы солдат был признан человеком, чтобы улучшили нам пищу и увеличили жалованье, чтобы уменьшили срок службы, чтобы обращались с нами по-людски, а не по-скотски, чтобы и солдатам даны были те права, которые возвещены всему народу манифестом 17 октября, — право свободно собираться, свободно обсуждать свои и общенародные нужды, свободно читать газеты и книги. Мы требуем, наконец, со всем великим русским народом, чтобы немедленно было созвано всенародное Учредительное Собрание.

Пусть будут всем народом выбраны представители, которые устроят русскую землю, которые одни смогут и улучшить жизнь рабочего и крестьянина, наделить землей и упорядочить наше солдатское житье. Наше дело — правое, наше дело — не только наше солдатское, но и всенародное.

Солдаты, не давайте спаивать себя, не поддавайтесь лжи и обману, не слушайте офицеров и попов. Отказывайтесь стрелять в своих товарищей и братьев. Следуйте примеру крепостной артиллерии, саперной роты и тех из ваших товарищей, которые перешли на нашу сторону.

Присоединяйтесь к нашим требованиям, вместе с нами бороться до конца за свои человеческие права и за святое народное дело!

Товарищи братья, да здравствует свободный солдат!

Да здравствует единение войск с народом!

Да здравствует всенародное Учредительное Собрание!

Депутаты от матросов и солдат».

13 ноября утром весь Брестский полк вернулся в свои казармы, а 15-го, под начальством своего командира, полковника Думбадзе, принимал деятельное участие в кровавом подавлении восстания.

Восстание на судах. На судах, стоящих на рейде, восстание вспыхнуло, когда демонстранты проходили обратно с Исторического бульвара в город.

Первый красный флаг поднялся на «Пантелеймоне» (бывшем «Потемкине»), но вскоре был сорван офицерами и «верными матросами».

Рядом с «Пантелеймоном» стоял под красным флагом крейсер «Очаков» и несколько мелких судов.

К 13 ноября в Севастополь прибыли эшелоны Литовского, Измаильского, Симферопольского пехотных полков и Крымский конный полк.

Город был об'явлен на военном, а крепость — на осадном положении, и вся власть перешла в руки командира 7-го армейского корпуса генерала барона Меллера-Закомельского.

Утром 13 ноября на берег с'ехали депутаты «Очакова», «Пантелеймона» и других судов для согласования действий флота с восставшими в городе.

Судовые депутаты отлично сознавали, что для успеха восстания недостает руководителя, популярного в массе, хорошо знающего военное дело, и потому когда на происходившем во дворе флотских казарм

митинге стало известно о готовящемся вооруженном подавлении восстания, то повстанцы решили пригласить за день перед тем освобожденного из-под ареста и выбранного пожизненным членом Севастопольского Совета Рабочих Депутатов лейтенанта Петра Петровича Шмидта, собиравшегося уехать в Одессу для поднятия восстания в торговом флоте.

Шмидт был противник всякого вооруженного конфликта, а в революции он ставил себе цель достижения «всеобщего равенства» и «народного представительства» от всех классов общества.

Он так описывает момент своего решения пойти на «Очаков» [1]. «Бросить несчастных матросов я не мог и согласился руководить ими в том случае, если они отбросят все требования, кроме Учредительного Собрания. Поддержать их могла только эскадра, а эскадра далеко еще не была готова к этому.

Но вот 14-го ко мне прибегает депутат-матрос и еще разные лица с известием, что Чухнин разоружил броненосцы, и что казармы, где собралась мятежная команда, окружает артиллерия, чтобы завтра, 15-го, начать бойню. Тогда я, сознавая, что все совершенно погибло, решил ехать на «Очаков», открыто поднять эскадру в защиту казарм».

Выработанные же требования матросов и солдат, которые были расклеены по городу накануне восстания, были следующие [2]:

Требования матросов и солдат.

1) Освободить всех политических матросов и солдат на поруки и передать их гласному суду.

2) Удаление из города всех боевых рот, казаков и снятие военного положения, отмена смертной казни.

3) Неприкосновенность личности депутатов.

4) Полная свобода вне службы. Право посещать все общественные места и собрания.

5) Устройство библиотек и читален за счет казны. Выписка книг и журналов по желанию нижних чинов.

6) Вежливое обращение офицеров с нижними чинами на «вы» и отмена титулов вне службы.

7) Увеличение жалованья от 5 до 10 рублей в месяц. В плавании жалованье матросам должно быть увеличено еще в два раза больше. Увольняемым в запас должно быть выдано единовременное пособие в 50 рублей.

8) Уменьшение срока службы: для солдат до 2 лет, а для матросов до 4 лет.

9) Все посторонние работы, как, например, погрузка угля и ремонт казарм, должны производиться наемными рабочими.

10) Немедленно освободить всех запасных и окончивших сроки действительной службы, а также увольнение всех сверхсрочно-служащих.

11) Ежегодный месячный отпуск с сохранением жалованья, дорога за счет казны.

12) Офицеры не должны иметь никаких военных прислуг для своих домашних надобностей.

---

[1]) «Лейтенант Шмидт». Письма, воспоминания, документы под редакцией Максакова.

[2]) «Лейтенант Шмидт». Воспоминания сестры.

13) Ограничить частое служение, т.-е. несение служебных обязанностей без пользы: бесполезные судовые работы, например, спускание и подымание шлюпок, гонка их около судов, безвременное отправление шлюпок на берег. Применить паровые или какие-нибудь двигательные силы, а не мускульные силы.

14) Оклад на приварочное довольствие: для армии — каждый день 15 копеек, а для матросов в море каждый месяц — 13 рублей 60 копеек, на суше — 8 рублей. Право распоряжаться продовольственной суммой принадлежит команде, как во флоте, так и в армии. Не делать никаких вычетов из этой суммы, остатки выдавать каждому на руки.

15) Устроить склады с обмундировочными вещами и выдавать одежду по чекам: для матросов в год на 60 рублей, а для солдат на 40 рублей. Оставшиеся суммы от обмундирования выдавать каждый год как матросам, так и солдатам.

16) Получившим какое-либо увечье на службе должна выдаваться пожизненная пенсия, но не менее 60 рублей в год, при чем в комиссии для назначения пенсии и определения степени увечья должны участвовать представители нижних чинов, выбранные командой.

17) Офицеры должны ежедневно заниматься с нижними чинами по два часа в служебное время.

Сверх этого, матросы и солдаты присоединяются к всеобщим российским требованиям: 1) немедленного созыва Учредительного Собрания на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования и 2) 8-часового рабочего дня.

План захвата эскадры, высказанный Шмидтом на заседании Совета, сводился к следующему: для того, чтобы обезвредить судовое офицерство, предполагалось хитростью захватить флагманский броненосец «Ростислав» и поднять сигнал: «адмирал требует к себе командиров», арестовать их и посадить на «Очаков». После ареста офицеров, при наличии судовых революционных центров, легко склонить в свою сторону колеблющиеся части команд.

Захватив всю эскадру, Шмидт предполагал выйти в море и послать царю телеграмму с требованием созыва Учредительного Собрания.

14 ноября в день именин царицы Марии Федоровны были совершены все церемонии, положенные для царского праздника, на всех судах эскадры как под андреевским, так и под революционными флагами.

В городе видно было сильное движение приходивших войск. На Северной стороне устанавливались полевые орудия, а на углу Пушкинского переулка и набережной Южной бухты, около дома городского головы Максимова, были поставлены пулеметы.

В 3 часа дня на оставленный своими офицерами за сочувствие к восставшим во флотских казармах крейсер «Очаков» прибыл лейтенант Шмидт, который обратился к команде с речью, где указывал на те идеалы, за которые должен бороться каждый свободный гражданин в начавшемся великом деле, о необходимости для этого стремиться всеми силами, чтобы восстание захватило всю эскадру, и что оно тогда будет успешно, если восстанет армия. Затем он говорил о недопустимости какого бы то ни было кровопролития.

В ночь с 14 на 15 ноября начался спешный захват судов. Были захвачены и отведены к «Очакову» контр-миноносцы «Свирепый»,

Заветный» и три миноносца №№ 265, 268, 270 и несколько мелких судов.

В 8 часов утра на «Очакове» взвился красный флаг и был поднят сигнал: «Командую флотом. Шмидт». На восставших судах также взвились красные флаги.

Лейтенантом Шмидтом была отправлена царю следующая телеграмма [1]):

«Славный Черноморский флот, храня заветы и преданность царю, требует от вас, государь, немедленного созыва Учредительного Собрания и не повинуется более вашим министрам.

Командующий флотом *П. Шмидт*».

15 ноября утром по городу были расклеены следующие об'явления [2]):

«В случае каких-либо насилий со стороны казаков по отношению к гражданам я вынужден буду принять решительные меры.

Командующий флотом *П. Шмидт*».

Об'явление командующего, избранного восставшими военными силами:

«Если мои люди, арестованные властями, не будут освобождены, или с ними учинено какое-либо насилие, то я также поступлю с офицерами, находящимися у меня на борту крейсера; начну по старшинству.

Командующий Черноморским флотом *Шмидт*».

В 11 часов утра Шмидт на контр-миноносце «Свирепый», на котором развевался красный флаг, а оркестр музыки играл революционные гимны, начал об'езд эскадры. Сам Шмидт стоял на командирском мостике.

Со «Свирепого» неслось громкое «ура», подхваченное стоявшей на берегу публикой и на некоторых судах, мимо которых проходил миноносец, но большинство судов сочувствия не выражало, так как все «неблагонадежные» матросы были заблаговременно свезены на берег. Только на «Ростиславе» на мгновение взвился красный флаг, и сейчас же опять был сменен андреевским.

Шмидт на «Свирепом» направился к транспорту «Прут», где содержались арестованные «потемкинцы».

Подойдя к «Пруту», Шмидт потребовал освободить арестованных, но, получив отказ, приказал арестовать командира, всех офицеров и отвезти их на «Очаков», а арестованных освободить (они перебрались также на «Очаков»).

Тем временем были арестованы офицеры «Пантелеймона» и крейсера «Гридень» и отвезены также на «Очаков».

---

[1]) «Лейтенант Шмидт». Письма, воспоминания, документы, под редакцией Максакова.

[2]) Иосиф Гелис. «Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г.».

Около полудня на некоторых из судов, стоявших на рейде, появились портреты царя, послышались звуки гимна, подхваченные солдатами полевой артиллерии, стоявшей на Северной стороне [1]).

Затем все смолкло, и на рейде наступила жуткая тишина.

Повстанцам нужно было для успеха предприятия выполнить две задачи: во-первых, вооружить «Пантелеймон» и завладеть минным заградителем «Буг», на котором был большой запас мин и пироксилина. Имея его около себя, «Очаков» был гарантирован от обстрела.

Первую задачу пыталась выполнить флотская дивизия, пославшая к «Пантелеймону» на портовом катере «Пригодный» ударники и замки к орудиям, но катер не успел подойти, так как начался бой.

Расстрел восставших судов. Для выполнения второй задачи около 3 часов дня от «Очакова» отвалил паровой катер «Ника», с целью буксировать «Буг» к «Очакову». Когда он, уже имея на буксире «Буг», проходил мимо канонерки «Терец», то раздалась команда: «Отдать буксир или стрелять буду». Так как катер продолжал плыть, то с «Терца» раздался орудийный выстрел. Попавший снаряд взорвал на катере котлы и потопил его. Контр-миноносец «Свирепый» бросился на помощь катеру, но был встречен огнем с «Ростислава» и выведен из строя. «Буг», опасаясь взрыва мин, открыл кингстоны (клапаны) и пошел ко дну.

Одновременно начался обстрел «Очакова» и казарм флотской дивизии.

«Очаков» и восставшие суда начали обстреливать «Ростислав», крепостная артиллерия и поставленные на берегу орудия 13-й артиллерийской бригады; флотские же казармы обстреливались крепостной артиллерией с Константиновской батареи, полевой артиллерией с Северной стороны, пулеметами с Исторического бульвара.

Когда началась канонада, на «Очакове» был поднят сигнал «имею много пленных офицеров», но расчеты лейтенанта Шмидта, что, дорожа арестованными на крейсере офицерами, адмирал Чухнин прикажет прекратить огонь, не оправдались.

«Очаков» успел сделать только 6 ответных выстрелов, как на нем запылало зарево пожара. Он принужден был поднять белый флаг, его примеру последовал «Пантелеймон» и миноносцы; последние были приведены в полную негодность. Бой закончился в 4 часа 45 минут.

Когда начался пожар на «Очакове», то все там находившиеся принуждены были спасаться на катерах, шлюпках и вплавь, раненых же спасти не было никакой возможности, и они погибли в огне.

Видя, что оставаться на «Очакове» не было никакой возможности, лейтенант Шмидт бросился в воду и поплыл к миноносцу № 270, на котором находился его сын. Миноносец, подобрав Шмидта, направился к берегу, но был подбит снарядом с «Ростислава» и пошел ко дну, а Шмидт вместе с сыном подобраны катером и доставлены на «Ростислав».

[1]) Лефортовский архив, дело 3 стола 2 отд. глав. штаба № 44, секр., 1905 г.

Пока происходила эта драма на рейде, на суше шел обстрел флотских казарм, который продолжался до 3 часов ночи. Огонь был настолько силен, что осажденные совершенно не имели возможности получать с'естные и боевые припасы, так как обстреливались как самые казармы, так и вся местность впереди и рядом с ними.

Оружием и патронами матросы, надеявшиеся на мирную победу, не запаслись в должной мере, а начавшаяся бомбардировка была для них полной неожиданностью.

После артиллерийской подготовки, оказавшей на осажденных главным образом моральное влияние, полковник Думбадзе повел на штурм казарм свой полк. Штурм закончился к 6 часам утра.

При штурме казарм было захвачено 1.611 человек, 12 пулеметов, много винтовок, револьверов и освобождено 19 человек арестованных офицеров.

Потери сторон были следующие: в Брестском полку убитых — 2, раненых — 1; у повстанцев убитых — 3, раненых — 4. Всего на рейде и на суше арестовано свыше 2.000 человек.

Расправа. 17 ноября над делом восстания работала следственная комиссия под председательством генерала Колосова, при чем дело участников восстания на «Очакове» было выделено и передано военно-морскому суду, под председательством полковника Александрова.

Суд над Шмидтом и матросами происходил в крепости Очакове, начался 7 февраля и окончился 18 февраля 1906 г.

Лейтенанту Шмидту был вынесен приговор: смертная казнь через повешение (замененная впоследствии расстрелом), а его помощникам на «Очакове», кондуктору Частнику, машинисту Гладкову и комендору Антоненко — смертная казнь через расстреляние.

Приговор был приведен в исполнение на острове Березани 6 марта 1906 года.

За участие в восстании на берегу было отдано под суд: 180 матросов, 127 солдат саперной роты, 25 солдат Брестского полка, 2 солдата 49-го запасного батальона, 5 солдат-артиллеристов и 11 гражданских лиц.

Подсудимые были разбиты на две группы. Когда началось судебное разбирательство, то обе группы его бойкотировали и не присутствовали на суде.

Первой группе был вынесен приговор 15 июня 1906 года [1]).

По этому приговору были приговорены к расстрелу: Зимин, Касимов, Кудымовский и Рыбалка, к бессрочной каторге — Лукьянов, к каторге на различные сроки — 32 человека, к арестантским ротам на срок от 1 года до 5 лет — 32 подсудимых.

Одного приговорили к заключению в военную плавучую тюрьму на 4 месяца и одного в гражданскую тюрьму на 2 года 3 месяца. 8 человек было оправдано.

Смертную казнь приговоренным заменили вечной каторгой.

---

[1]) И. Гелис. «Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г.».

13 ноября 1906 года был вынесен приговор второй группе.

По этому приговору:

Смертная казнь через повешение: Канторовичу и квартирмейстеру 33-го флотского экипажа Захарию Циома.

Смертная казнь через расстреляние: унтер-офицеру Максиму Барышеву.

Каторжные работы без срока: студенту Вороницыну (ввиду несовершеннолетия), машинисту Николаю Симоненко и рядовому Якубу Киршенштейну.

С остальными подсудимыми суд расправился сурово, приговорив их к сроку от 4 до 20 лет крепости.

Тридцать восемь подсудимых за недоказанностью обвинения оправданы. Остальные приговорены в исправительные арестантские отделения и к ссылке на поселение на разные сроки.

Из второй группы приговоренных смертная казнь была заменена каторгой.

Так закончилось севастопольское восстание 15 ноября 1905 года.

Бунт в севастопольской крепостной артиллерии 6 июня 1906 г.

После восстания 15 ноября адмирал Чухнин доносил морскому министру [1]): «Военная буря затихла, революционная — нет. Русские люди, неведомо для них, ведут к междоусобной войне, самоуничтожению. Все это понимают, нет величия духа для противодействия».

Действительно, мятеж затих с арестом Шмидта и других участников восстания, но суд, а затем расстрел Шмидта и трех матросов, — все это послужило горючим материалом для новых брожений, волнений, бунтов и недовольств как среди населения, так и среди войск.

В севастопольском гарнизоне продолжали происходить тайные сходки матросов и солдат, главным образом в кофейнях «Ланжерон» и «Арарат», где выступавшие ораторы призывали к бойкоту Думы и к требованию созыва Учредительного Собрания.

Волнения теперь захватили не сдержавших свое слово во время восстания «не стрелять по повстанцам» крепостных артиллеристов.

6 июня вечером [2]) солдаты 1-го батальона крепостной артиллерии заявили после переклички дежурному офицеру подпоручику Рождественскому свои требования об отмене ранних занятий, о выдаче простынь, об улучшении пищи и начали производить беспорядок, громко выражая свое недовольство заведенными в их части порядками. После долгих увещаний солдаты успокоились. В это время было получено распоряжение из штаба крепости о командировании дежурной роты в распоряжение полицмейстера. Дежурная 1-я рота стала строиться, но солдаты других рот заявили, что ее не выпустят. Пока шли бесполезные уговоры, распоряжение это по миновании надобности было

[1]) Лефортовский архив, дела 3-го стола 2 отд. гл. штаба № 45, дек. 1905 г. и № 18, 1906 г.

[2]) Там же.

отменено. Утром лагери, в которых помещался 1-й батальон, были окружены брестцами и крымскими драгунами под начальством полковника Думбадзе, батальон был обезоружен и перевезен на Северную сторону, на Михайловскую батарею (в казармы). На другой день вечером обезоруженный 1-й батальон крепостной артиллерии разбил пирамиды с ружьями по соседству расположенного с ним 2-го батальона и вместе с ним завладел на Северной стороне несколькими фортами.

Выступление было вскоре бескровно ликвидировано отрядом Думбадзе, а виновные арестованы.

Движения в воинских частях.

277-й пехотный Ингульский полк. 277-й пехотный Ингульский полк был расположен в городе Николаеве. Николаев — портовый город с большим рабочим населением, так как здесь было много доков и судостроительный завод. Происходившие в России события нашли себе горячий отклик среди рабочих Николаевского порта и перекинулись в Ингульский полк. Но в Ингульском полку волнения 5 декабря 1905 года [1]) выразились лишь в требовании об увольнении запасных, прибывших из маршевых батальонов.

Они были в тот же день ликвидированы.

52-й пехотный Виленский полк. 52-й пехотный Виленский полк был расположен в городе Феодосии. В связи с событиями в Севастополе в Феодосии забастовали железнодорожники и портовые рабочие. Город был об'явлен на военном положении. Волнения рабочих передались в полк, и часть солдат полка решила поддержать рабочих.

Утром 18 декабря [2]) одна из рот Виленского полка, расположенная в казармах Алтунжи, отказалась итти в караул и потребовала к себе командира полка полковника Герцика.

Прибывшему полковнику Герцику были пред'явлены следующие требования:

1) Немедленно уволить солдат, которые окончили установленные сроки службы.
2) Обращение на «вы».
3) Улучшение одежды.
4) Выдать следуемые деньги к 20 декабря (суточные за содействие гражданским властям).
5) Увольнение со двора в свободное от занятий время.
6) Нести караульную службу, а не полицейские обязанности.
7) Чтобы никто не был арестован за свои требования.

Выслушав эти требования, командир полка напомнил о «присяге», о незаконности заявления скопом и сказал, что обо всем доложит на-

[1]) Лефортовский архив, дело 16 отд. глав. штаба № 6, секр., 1906 г.
[2]) Там же.

чальству, но просил построиться и итти в караул. Рота осталась при своих решениях.

Когда командир полка вернулся и доложил о случившемся начальнику гарнизона, последний приказал послать учебную команду Виленского полка с пулеметами взять силой казармы и арестовать виновных. Приказание его было исполнено, казармы после обстрела были заняты, а взбунтовавшаяся рота арестована.

Волнения в 11-м и 12-м саперных батальонах.

Одесса после «потемкинских дней» продолжала кипеть, как в котле. Забастовки и демонстрации не прекращались. Было произведено покушение на командующего войсками округа генерала барона Каульбарса.

Части одесского гарнизона в своем большинстве явно сочувствовали происходившим событиям. Пропаганда среди них не прекращалась.

В первых числах июня прибыл с Дальнего Востока распропагандированный 12-й саперный батальон [1]) и был расположен в лагерях недалеко от Одессы, в деревне Морозовке, совместно с 11-м саперным батальоном.

11-й саперный батальон был настроен революционно. В нем была даже офицерская группа, которая руководила движением.

12 июня был устроен совместный митинг и принята следующая резолюция:

1) Начальствующих лиц в частях не уничтожать.

2) Постепенно проводить экономические требования, не нарушая порядка.

3) В случае возникновения в городе волнений, в народ не стрелять, а поддерживать порядок и прекращать грабежи.

4) Послать петицию трудовой группе Государственной Думы с выражением сочувствия.

5) Производить дальнейшие собрания с целью подготовки масс к сопротивлению в случае разгона Государственной Думы.

Прибывшее на место митинга начальство пыталось вначале ликвидировать митинг, но, видя, что ничем не нарушается порядок, не приняло никаких репрессивных мер. Генерал Каульбарс так доносил обо всем случившемся военному министру:

«По всему округу замечается опасение чего-то тяжелого; полагаю, что большинство населения терроризировано. Неблагоприятные вести получаются из городов и уездов, особенно положение обострилось в Керчи. Принимаю посильные меры. В лагере 11-го и 12-го саперных батальонов замечается глухое брожение, покуда там порядок не нарушается» [2]).

Николаем II по докладу ему этой телеграммы военным министром ген. Редигером подчеркнуты в тексте слова «глухое брожение» и положена беспомощная резолюция: «Неужели нельзя предупредить?».

[1]) Лефортовский архив, дело 16 отд. глав. штаба № 6, секр., 1906 г.
[2]) Там же, дело 3 стола 2 отд. глав. штаба № 59, секр., 1906 г.

Заключение.

Первыми на призыв революционеров откликнулись матросы.

Восстание на «Потемкине» послужило сигналом для восстаний и волнений в других воинских частях; оно послужило преддверием к кровавым севастопольским событиям 15 ноября 1905 года.

Насколько широко охватило революционное движение войска Одесского военного округа, — можно судить по тому, что волнения передались и в казачьи части, ставившиеся всегда в пример верности самодержавному строю, а в движении начали принимать активное участие и офицеры.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Приказ командира Николаевского порта февраля 22 дня 1905 года № 128/110.

Об'являю по вверенному мне управлению нижеприводимый приказ главного командира Черноморского флота и портов Черного моря от 15 сего февраля, за № 183:

«За последние годы в командах Черноморского флота, вследствие многих посторонних причин, распространились пагубные учения, чрезвычайно опасные как для сохранения нравственности, так и для общественного благосостояния и порядка, обеспечивающего безопасность. Распространители этих учений стараются внушить нижним чинам, которых они уловили в свои сети, что существующий порядок следует разрушить, и что разрушители сумеют на место его создать другой порядок, где не нужно будет ни полиции, ни какой другой охраны, ни даже войска, а что на свете все пойдет как-то так, что пропадет и неправда, пропадут преступления против чужой собственности, разбойники покаются и станут лучшими людьми, — одним словом, стоит только им дать власть, как людей с обыкновенными грехами не станет, будут только одни беспорочные жители, — такие, например, как они, эти проповедники. Известно, что слово без дела мертво есть, что пример — лучший учитель, следовательно, последователи этого учения должны в действиях своих учителей видеть все добродетели, которых эти проповедники не находят в настоящем строе общества и государства, т.-е. они должны быть добры, ревностны в работе, отдавать свое добро неимущим, отказывая себе во всем, прощать виновных перед ними, должны быть безупречно честны и прежде всего должны действовать открыто. Так всегда действуют люди, желающие просвещать других. Между тем, что мы видим в действиях этих учителей, из которых масса малограмотных людей, слепо повторяющих чужие слова, которые они даже не понимают. Первым делом и на словах и во всех их действиях везде видим насилие. Вместо честного и открытого служения тем понятиям, которые они считают истиной, вместо воздействия на окружающих примером своей настойчивости в чистой и безупречной жизни, вместо помощи и поддержки слабых, они поступают везде обратно, пользуются подпавшими под их влияние, как защитой, за спиной которых, как за защитой, они прячутся и находятся в безопасности, зная, что мало понимающие, в чем дело, и темные люди ответят за их безобразия потерей свободы, а может быть, и жизнью. Какое им дело до этого? Им эти простые люди нужны только как средство для достижения целей совершенно другого рода, для их собственного возвеличения, для достижения власти. Проповедуя свободу слова и действия для всех, они первым делом заставляют других следовать за ними, а кто не хочет, — принуждают силой; этого мало: они употребляют разбойническое насилие из-за угла, в темную ночь, до убийства включительно.

Будучи осведомлен о подобной пропаганде, которая ведется среди команд, по вступлении в должность счел необходимым лично переговорить с ближайшими вашими начальниками квартирмейстерских званий, чтобы они, в свою очередь, сказанное мной передали бы вам, предостерегли бы от увлечения наущениями, которые незаметно могут увлечь кого-нибудь с пути исполнения закона и правильного понимания долга перед государством,

чтобы не запутался бы кто-нибудь в лживых учениях, мало понятных для вас. Хитросплетения этих учений изучать не так легко. Простой грамотности для этого мало, надо посвятить длинные годы для изучения их, необходимо изучить многие науки исторической жизни всего человечества. Насколько это дело не просто разрешается,—можно видеть из того, что люди, посвящающие всю свою жизнь изучению этих теорий, никогда не сходятся в своих заключениях. Величайшие умы человечества постоянно оспаривают один другого. В течение всей жизни человечества постоянно возникают все разные учения, часто совершенно противоположные. Почему же это так? Да потому, что на свете непреложного ничего нет, кроме слова божьего, а дела рук человечества вечности не имеют, так как они не происходят от первоначальной истины. Если люди, умудренные всеми знаниями, которые только доступны человеку, изучившему все, что до них ум человеческий изучил и открыл, все-таки не могут сказать истины, чтобы ее совершенно основательно другой человек не оспаривал бы, то как же вам можно верить учителям, толкающим вас на путь беззакония и разрушения того, что выработано тысячелетним трудом целого нашего племени, при чем те, которые взяли на себя учительство, сами едва грамотны, что прямо видно из бессмысленного повторения затверженных пустых слов без какого-либо представления, что же должно следовать за предполагаемым пересозданием жизни.

Видимо, зло пустило глубокие корни, и, к крайнему сожалению, некоторые уже стояли на скользком пути падения в пропасть, откуда выход к свету труден, скорее можно погибнуть, чем выйти на дорогу. Совершенно так же, как в обыденной жизни, ежели кто, споткнувшись, во-время не остановится, то незаметно для себя начнет опускаться все ниже, пока не совершит какого-либо преступления, после которого остается только бежать от общества и обратиться в разбойника.

Вот по подобному же скользкому пути многих из вас стараются вести вожаки нового модного учения, разрушения основ общества для создания райского блаженства на земле. Не есть ли это соблазн, подобный соблазну первородного греха, где тоже указывалось, что, совершив его, человек познает все и вкусит величайшее блаженство, которое от людей скрывается? В действительности же вкушение запретного плода повело к падению человека. Можно ли добиться чего-нибудь хорошего ехидной подпольной работой, злой жизнью, преступлениями и силой, нарушая чужие права и обычаи, сложившиеся преданиями многих поколений? Конечно, нет. Преступление, кроме преступления, ничего не дает. Улучшение и изменение жизненных условий может совершиться только постепенно, без ломки жизни других людей, только изменяя обстановку настолько, насколько это не причиняет особой боли физической или нравственной, насколько назреет нужда в этих изменениях.

Враги отечества, враги его силы и порядка, решились попробовать расстроить силы государства в его основании, т.-е. расстроить военную силу. Свили для этого свое гнездо и в Севастополе, как средоточии флота, где много людей полуобразованных, каковые легче всего поддаются всяким внушениям, как люди, воображающие, что они очень умные и превзошедшие премудрость учения. Поймав в свои сети некоторое количество таких людей и считая, что почва достаточно подготовлена, пользуясь возбуждением толпы, темные заблудившие люди, служащие орудием других, держащихся далеко от всякой опасности, подготовили беспорядки 3 ноября, искусственно начав буйство и разрушение, приведшее многих из вас к суду и наказанию.

Взвесив обстоятельства дела, я пришел к заключению, что это преступление не могло быть делом, задуманным большим числом из вас, так как для этого не было никакого повода, что это дело некоторой шайки, воспользовавшейся вашей темнотой и малым воспитанием в правилах уважения старших и закона. Придя к такому заключению, я решил об'ехать все суда, находящиеся в резерве, и посетил все экипажи лично. Насколько позволило время, постарался об'яснить вам, как зарождается государство, как оно растет, как необходима для охраны его существования сила; как в зародыше

общества каждый человек сначала себя и свой дом защищает сам с своими близкими, с увеличением племени, при образовании государства, появляются наемные защитники, потом, при дальнейшем развитии, защита государства и внутреннего порядка возлагается на некоторых избранных из среды общества, обязанных служить по жребию, и, наконец, в наше время обратились к общей воинской повинности, существующей в главных государствах мира. Раз'яснил всю бессмысленность действий толпы, потерявшей разум. Указал все последствия таких действий толпы и особенно в данное тяжелое для государства нашего время. Указал, какой неисчислимый вред материальный и нравственный причинили вы своими беспорядками, как своим преступлением сыграли в руку нашим врагам, как послужили косвенной причиной, может быть, лишней гибели новых бойцов нашей армии, ваших же братьев, как унизили свою родину в глазах всего света, дав возможность относиться презрительно ко всем русским, которые, даже среди военной своей силы, потеряли любовь к родине и потеряли разум настолько, что во время войны играют в руку своему врагу и поносят самих себя. Я счел долгом открыто говорить с вами; результаты оправдали мою веру в то, что громадное большинство совершивших преступление сделало его только по темноте, по непониманию, по какому пути и кто на этот путь толкал вас. Постепенно все почти вошло в норму, хотя смутьяны напрягают все свои усилия, чтобы снова толкнуть вас на опасный путь потери разума и на преступление, но успеха у них нет. С того времени эти потерявшие разум люди пользуются всяким случаем, чтобы сочинять бессмысленные ругательства и поношения, составляют возбудительные воззвания к вам, призывая на восстание, на непослушание и прочее. Одно бессмысленное повторение одних и тех же слов показывает, насколько мало развиты те, которые хотят руководить не только вами, но и целым государством. Разбрасываемые почти ежедневно десятками и сотнями воззвания их как в порту, так и у казарм, подбираются и непрочитанными приносятся и уничтожаются.

Рассчитывая на малую осмысленность толпы, в воззваниях беспрерывно указывается, как на притеснение вас, на то, что вас мучают усиленными караулами и патрулями, забывая, что чьи же действия вызвали усиление патрульной службы, кто этому виной, как не они же, доброжелатели.

Кто мало ценит ваш здравый смысл, надо думать, сами имеют его мало, думая бессмысленными, безосновательными ругательствами и ложью привлечь вас на свою сторону.

Говоря о всем этом, я хочу указать, до какого попрания божеского и всякого человеческого закона могут доходить люди, раз они теряют свой разум и воображают себя не тем, что они есть, а людьми особенными, призванными для каких-то особых целей.

Подстрекательства, которые сыплются на вас дождем, действуют и в других местах для той же цели обессиления и уничтожения нашего государства; эти темные силы руководят тайными партиями, среди которых развиваются мысли, ведущие людей на страшные преступления, как постыдное и гнусное преступление 4 февраля в Москве.

В Москве, матери русского царства, под главенством которой вырос весь строй государства со всеми учреждениями, со всеми понятиями, свойственными нашему племени, нашей душе, под чьей рукой выросла сила, отстоявшая наш народ от порабощения другими народами, и вот в этой-то матери городов русских на своем посту честного служения государству погибает от руки низкого убийцы дядя государя. По этому ли пути желательно итти? Это ли путь, который ведет к чести, счастию и славе? Нет, это — путь гнусности и позора, бесчестящего русское имя. Идя за партией, признающей доступными все средства для уничтожения исторически сложившегося строя государства, лишь бы только достигнуть свои цели, стать управителями государства, прикрываясь, якобы, радением об общем благе, мы приведем родину к краю страшного погрома, может быть, гибели. Бывали и в прежние годы лихие годы на Руси, когда наши соседи старались погубить наше царство теми же средствами, что и теперь, но тогда наши

соседи не были так сильны, население было редкое, дорог не было, о телеграфах и прочих изобретениях не было и понятия, оружие было не такое, как теперь; почему тогда можно было, ежели не без ущерба, то все-таки обособиться, залечить свои болезни и оправиться. Теперь не то; теперь если мы пойдем дорогой раздора и самоуничтожения, то на нас немедленно обрушится все окружающее и поработит нас. Это ли желательно? Видимо, мы потеряли разум, что не стали понимать, что делаем и на кого работаем.

Необходимо и в нашем частном деле здесь, в Севастополе, очистить себя от проказы, так глубоко в'евшейся в наше тело. Необходимо воскресить в себе дух любви к родине, который так основательно стараются искоренить наши доброжелатели и наши потерявшие бога и разум соотечественники. Без веры в бога и его заповеди любви, без любви к родине и самоотверженного служения ей нет спасения от пожирающей нас страшной болезни равнодушия и безразличия к бедствиям отечества.

Уверен, что, продолжая работать над собой и поучаясь истинным понятиям о государстве, знакомясь более с историей нашего государства, вы изгоните из среды вашей все следы вредного и преступного направления мыслей заблудившихся умов».

Контр-адмирал *Загорянский-Кисель.*

Архив Черноморского флота, Николаевское отделение Северного военного порта. Дело Николаевской портовой конторы за 1905 г. № 6, стр. 38.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Список воинских частей военных округов, в которых происходили волнения.

Киевский военный округ.

Г. Киев — 3-я саперная бригада.
» 2-й конно-горный дивизион.
Г. Полтава — 33-й пехотный Елецкий полк.
» 34-й » Севский полк.
Г. Курск — 123-й пехотный Козловский полк.
Г. Харьков — 269-й пехотный Богодуховский полк.
» 202-й » Старобельский полк.
Г. Чугуев — 201-й пехотный Лебединский полк.
Г. Ровно — 127-й пехотный Путивльский полк.

Одесский военный округ.

Г. Одесса — 11-й и 12-й саперные батальоны.
Г. Севастополь — 49-й пехотный Брестский полк.
» Крепостная саперная рота.
» 1-й и 2-й батальоны крепостной артиллерии.
» 49-й запасный батальон.
Г. Херсон — Херсонский дисциплинарный батальон.
Г. Николаев — 277-й пехотный Ингульский полк.
Г. Феодосия — 52-й пехотный Виленский полк.
М. Юзовка — 3-я отдельная Донская казачья сотня.
Ст. Ясиноватая (Екатерининской ж. д.) — 12-я рота 280-го пехотного Балаклавского полка.

Список судов и команд Черноморского флота, в которых происходили волнения.

1. Севастопольская флотская дивизия.
2. Севастопольские береговые команды.
3. Броненосец «Князь Потемкин-Таврический».
4. » «Георгий Победоносец».
5. » «Екатерина II».
6. Крейсер «Очаков».
7. Учебное судно «Прут».
8. Портовое судно «Веха».
9. Миноносец № 267.
10. » № 265.
11. » № 268.
12. » № 270.
13. Контр-миноносец «Свирепый».
14. » » «Заветный».

П. ЧЕРКАСОВ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОЙСКАХ СИБИРСКОГО И ТУРКЕСТАНСКОГО ВОЕННЫХ ОКРУГОВ.

I. ВВЕДЕНИЕ.

В годы описываемых событий Сибирь и Туркестан только что начинали выходить из своей оторванности от метрополии, благодаря только что закончившейся постройке сибирской магистрали и Ташкент-Оренбургской железной дороги, почему особенности края давали себя чувствовать весьма сильно.

Для правильной оценки событий, имевших место 20 лет тому назад, автор счел необходимым предпослать описанию волнений в войсках общую характеристику той обстановки, в которой войскам Сибири и Туркестана пришлось жить и действовать.

Источником как для этого, так иногда и для описания самых волнений войск служили автору, главным образом, статьи местной периодической печати и отчасти корреспонденции в столичной и в подпольной по тому времени печати.

Более развитая в культурном отношении Сибирь имела более богатую числом и качеством прессу, а так как она при этом в октябре 1905 года нашла в себе силу сбросить цензурный гнет, то со страниц сибирской печати представилось возможным почерпнуть много красочных подробностей из жизни революционных городов и восставших войск Сибири.

Не то в Туркестане, где в наиболее острые моменты революции частные газеты левого направления приостанавливались изданием, а официальные органы печати реагировали на богатые событиями дни только перепечаткой распоряжений местных властей.

В силу этого общественные настроения в Туркестане и участие левых партий в революционизировании населения и войск описаны более бледно, а самые факты волнений в войсках почерпнуты почти исключительно из официальных донесений военного начальства, отличающихся крайней сухостью изложения и не всегда полной достоверностью содержания.

Наиболее ценный материал — судебные дела, в виде заключений военных прокуроров по предварительным следствиям, представилось возможным использовать только для описания красноярского и ташкентского восстаний; в основу описания иркутского восстания также положен рапорт начальника иркутского губернского жандармского управления 8 декабря 1905 г., № 14, любезно предоставленный автору тов. Максаковым.

Ввиду ограниченных размеров работы, волнения в войсках на политической почве описаны с предельной полнотой, имевшие же в своей основе лишь нарушение дисциплины или только экономические причины — с возможной краткостью.

II. СИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ.

Социально-политическая обстановка. Сибирь — эта богатейшая не только в России, но и во всем мире страна по разнообразию своих природных условий и естественных богатств — до проведения Сибирской железной дороги жила своей, совершенно обособленной жизнью.

Будучи мало обследована в отношении своих природных условий, Сибирь в культурном отношении была также забытым краем; представление о Сибири конца прошлого века было неразрывно связано с понятием о каторге, «Владимирке» и политических ссыльных.

Уже издавна, со времени Радищева, Сибирь была страной изгнания для борцов за свободу. В ее селах и городах перебывали многие тысячи представителей русской интеллигенции, рабочего класса, крестьянства. Революция 1905 года застала в Сибири две хорошо организованные левые партии: социал-демократическую рабочую партию и партию социал-революционеров. По данным, которыми располагала правительственная власть, к 1905 году в пределах Сибири организовалась группа социал-революционеров в Томске и комитеты Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии в Томске, Красноярске, Чите и Иркутске [1]). Развитию их деятельности, охватившей впоследствии всю Сибирь, содействовали два обстоятельства: проведение Сибирской железнодорожной магистрали и русско-японская война.

Коренное сибирское население, как городское, так и сельское, было зажиточное.

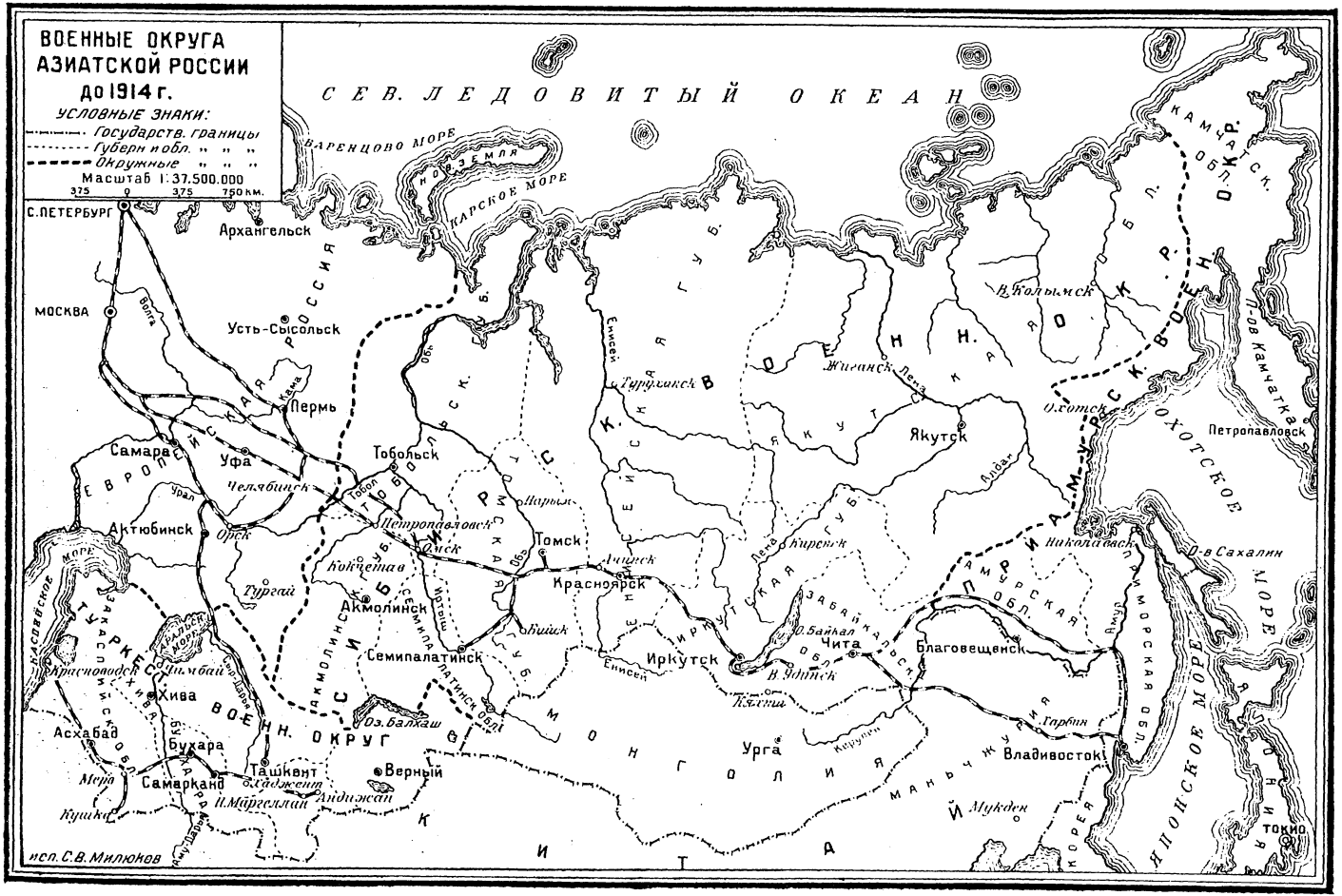
Промышленность была в зачаточном состоянии, почему рабочий класс был незначителен. Но с приступом к работам по постройке великого сибирского пути в 1894 году, а впоследствии и с началом его эксплоатации в Сибирь потекли широкой волной рабочие, мастеровые, техники, инженеры, а начавшаяся пробуждаться промышленность вбирала в себя все новые кадры рабочих и служащих, и уже в 1904 году число служащих и рабочих на одной только Сибирской железной дороге достигало 56½ тыс. человек [2]).

Война с Японией, обратившая Сибирь в базу манчжурских армий, дала новый толчок развитию разных видов промышленности и привлекла, главным образом в крупные центры Сибири, много пролетариата из Европейской России.

---

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 2 ст., 2 отд., № 39, 1906 г., стр. 127.

[2]) Газета «Сибирская Жизнь», 1905 г., № 10.

ВОЕННЫЕ ОКРУГА АЗИАТСКОЙ РОССИИ до 1914 г.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Государств. границы
Губерн и обл. „ „ „
Окружные „ „ „
Масштаб 1:37.500.000
375 0 375 750 км.
СЕВ. ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
БАРЕНЦОВО МОРЕ
КАРСКОЕ МОРЕ
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
С.ПЕТЕРБУРГ
МОСКВА
Архангельск
Усть-Сысольск
Пермь
Самара
Уфа
Челябинск
Актюбинск
Оренбург
Тобольск
Петропавловск
Омск
Томск
Красноярск
Кокчетав
Акмолинск
Семипалатинск
Тургай
Барнаул
Бийск
Иркутск
Якутск
Чита
Благовещенск
Николаевск
Хабаровск
Владивосток
Петропавловск
Охотск
Хива
Асхабад
Бухара
Самарканд
Ташкент
Верный
Джаркент
Андижан
Кашгар
Урга
Мукден
Токио
Корея
Сахалин
ЕВРОПЕЙСКАЯ РОССИЯ
ТУРКЕСТАНСКИЙ ВОЕНН. ОКРУГ
СИБИРСКИЙ ВОЕНН. ОКРУГ
ЯКУТСКАЯ ВОЕНН. ОКРУГ
АМУРСКИЙ ВОЕНН. ОКРУГ
КАМЧАТСКИЙ ВОЕНН. ОКРУГ
ЯКУТСКАЯ ОБЛ.
П-ов КАМЧАТКА
ОХОТСКОЕ МОРЕ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
АМУРСКАЯ ОБЛ.
ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛ.
ПРИАМУРСКИЙ ГЕНЕР. ГУБ.
ЯКУТСКАЯ ГУБ.
ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБ.
ИРКУТСКАЯ ГУБ.
СЕМИПАЛАТИНСКАЯ ОБЛ.
АКМОЛИНСКАЯ ОБЛ.
ТОБОЛЬСКАЯ ОБЛ.
ТУРГАЙСКАЯ ОБЛ.
СЫРДАРЬИНСКАЯ ОБЛ.
ФЕРГАНСКАЯ ОБЛ.
СЕМИРЕЧЕНСКАЯ ОБЛ.
ЗАКАСПИЙСКАЯ ОБЛ.
МОНГОЛИЯ
МАНЬЧЖУРИЯ
КИТАЙ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
Обь
Енисей
Лена
Амур
Урал
Волга
Камa
Иртыш
Ишим
Тобол
Сырдарья
Амударья
Чу
Или
Мерв
Кушка
Оз. Балхаш
Оз. Байкал
Хинган
Гобийская пустыня
Жиганск
Верхоянск
Колымск
В. Колымск
Нарым
Минусинск
Кяхта
Гирин
В. Удинск
Николаевск
О-в Сахалин
Японские о-ва
Корея
Токио
Мукден
Урга
Кашгар
Джаркент
Верный
Ташкент
Самарканд
Бухара
Асхабад
Хива
Красноводск
Петропавловск
Благовещенск
Владивосток
Якутск
Иркутск
Чита
Красноярск
Томск
Омск
Тобольск
Пермь
Уфа
Самара
Актюбинск
Тургай
Акмолинск
Семипалатинск
Кокчетав
Петропавловск
Архангельск
Усть-Сысольск
Москва
С.Петербург
Исп. С.В. Милюков

В Омске, например, число рабочих и мелких служащих, по самому скромному подсчету, определялось в 3½—4 тыс. человек [1]).

Так образовалась та среда, в которой революционные партии нашли благоприятные условия для своей работы в период, предшествовавший революции 1905 г., и вот почему в момент ее возникновения революционные партии оказались во многих городах Сибири настолько хорошо организованными и сплоченными, что были в состоянии проявить совершенно неожиданно для местной власти огромную энергию и деятельность.

В одной из своих телеграмм (29 октября 1905 г., № 292) [2]) командующий войсками Сибирского военного округа ген. Сухотин, рисуя положение на сибирской магистрали, характеризует партию «красных» «ничтожной по числу, сильной своей организацией, что позволяет ей, — как доносил Сухотин, — имея много инженеров в своем составе, терроризировать громадное большинство железнодорожных служащих и рабочих, желающих работать».

Другой военный администратор, генерал Гродеков, заменивший в 1906 году ген. Линевича на посту главнокомандующего армиями на Дальнем Востоке, одним из мотивов для образования самостоятельного иркутского генерал-губернаторства выставил признание, что «Иркутск враждебен русской государственности», ибо в нем слишком много ссыльного элемента [3]).

Из дальнейшего изложения будет видно, какое сильное влияние в местной жизни Сибири играли социалистические организации. Здесь я хочу отметить лишь один факт, достаточно красноречиво рисующий настроение если не всего, то части населения.

В день об'явления войны с Японией группа гимназистов читинской гимназии делала сбор среди учащихся на нелегальные цели [4]), а 18 октября 1905 года учащиеся всех учебных заведений г. Читы выставили требование о созыве Учредительного Собрания. То же мы видим и в других центрах Сибирии: Томске, Омске, Иркутске. Таким образом учащаяся молодежь составляла слой населения, на который социалистические партии могли также в известной мере рассчитывать.

Противоположный лагерь составляла крайняя правая партия, представители которой, являясь воплощением тьмы, грубости и невежества, выступали защитниками «исконных русских начал» и, противясь всяким реформам и проявляя при этом крайнюю нетерпимость, не останавливались перед насилиями и убийствами [5]).

Имея опору в администрации, которая открыто поддерживала их, черносотенцы являлись сильным, хорошо организованным противником, с которым революционным партиям пришлось столкнуться в первые же дни свободы. Наиболее яркое выступление черносотенцев имело место

[1]) Газета «Восточное Обозрение». Иркутск, 1906 г., № 10.
[2]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 3 ст., 2 отд., 1905 г., № 50.
[3]) Там же, 3 ст., 2 отд., 1906 г., № 78.
[4]) Газета «Забайкалье», 1905 г., № 249.
[5]) Газета «Восточное Обозрение», 1905 г., № 223.

в Томске 19 октября, где на глазах бездействовавших войск было сожжено здание управления Сибирской железной дороги со скрывшимися там манифестантами и служащими дороги. В городах Красноярске, Чите и Иркутске, где в освободительное движение были втянуты находившиеся там войска, крайние правые почти без боя уступили свои позиции левым, которые оказались в указанных выше городах фактическими хозяевами положения.

Войска явились тем решающим фактором, который придал всему движению ярко-революционный характер и позволил, благодаря особым условиям обстановки, сложившейся тогда в Сибири, сделать первый, хотя и очень кратковременный, опыт революционизирования этого края.

Положение Сибири в военном отношении. В военно-административном отношении вся Сибирь от Урала до Байкала представляла единый Сибирский военный округ, куда вошли губернии: Томская, Тобольская, Енисейская, Иркутская и области: Акмолинская, Семипалатинская и Якутская.

Военно-административным центром края являлся г. Омск; в Иркутске хотя и был военный генерал-губернатор, но власть его на войска не распространялась. Непосредственно к Иркутской губернии прилегала Забайкальская область с главным городом Читой. Эта область входила в театр войны и подчинялась главнокомандующему армиями на Дальнем Востоке.

С возникновением войны с Японией в 1904 году Сибирь явилась основной базой питания манчжурских армий и транзитным театром для подкреплений и предметов снабжения, непрерывным потоком лившихся по сибирской магистрали.

В силу этого в первые же месяцы войны Сибирский военный округ должен был отдать на формирование армий все свои полевые и резервные войска и в то же время принять на себя задачу по охране великого сибирского пути, протянувшегося от границы Казанского военного округа (ст. Зырянская) до ст. Иркутск и отсюда в пределах Забайкальской области до границы Приамурского военного округа.

Охрана 3.356 километров железнодорожного пути с громадным количеством дорожных сооружений потребовала выделения 15 дружин государственного ополчения из 16 сформированных в Сибири (14.000 ополченцев), поэтому к октябрю 1905 года и моменту всероссийской забастовки в распоряжении командующего войсками Сибирского военного округа на всей обширной территории Сибири (12 милл. *км*²) оставались: 8 запасных пех. батальонов, 1 запасный саперный батальон, 1 дружина государственного ополчения, 2 дивизиона и 3 запасных сотни казаков, всего 15 сотен, и разбросанные по мелким населенным пунктам 49 местных команд [1]).

Помимо малочисленности, состав дружин запасных войск был мало благоприятен, чтобы выдержать удары надвигающейся революции. Как только был заключен Портсмутский мир и появились признаки эва-

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 3 ст., 2 отд., 1906 г., № 43.

куации армий, в дружинах и запасных батальонах возникла тяга домой. Считая невозможным задерживать ополченцев и запасных на службе, так как такая задержка создавала благоприятную почву для развития агитации в войсках со всеми ее последствиями, ген. Сухотин потребовал от главнокомандующего смены в первую очередь охранных дружин головными эшелонами полевых войск, эвакуированных из Манчжурии, для чего была назначена бригада 13-го армейского корпуса; эта же последняя, после проследования всего корпуса по железной дороге, должна была обеспечить высадку в главнейших пунктах Сибири 4-го Сибирского корпуса, который, по занятии квартир, сменял бригаду 13-го корпуса на охране дороги [1]).

Только такой планомерный порядок давал возможность, по мнению ген. Сухотина, обеспечивая непрерывность эвакуации с Дальнего Востока, упрочить свое положение в крае. Но осуществление этого плана на первых же порах встретило затруднение в забастовке на железной дороге, где не только прекратилось всякое движение, но даже не подавались на восток теплушки.

Приходилось отвоевывать дорожные участки от забастовочных комитетов, и только в конце ноября в Забайкалье и Сибири было высажено 10½ батальонов 36-й пехотной дивизии 13-го армейского корпуса, из них 3 батальона Можайского полка на станциях Забайкальской железной дороги и 7½ батальонов на станциях Сибирской дороги и в г. Омске для усиления его гарнизона.

Но части 13-го корпуса, сохранившие в своем составе запасных, оказались неблагонадежными, хуже «верных» ополченцев; самая перевозка запасных производилась без всякого плана. Эшелоны отправлялись из Харбина распоряжением начальника военных сообщений тыла армий вперемежку с эшелонами запасных и моряков из Владивостока, вследствие чего образовались пробки, надолго задерживающие планомерное движение поездов, что и послужило главной причиной буйства и самоуправства запасных [2]).

К началу декабря на сибирской магистрали воцарился полный хаос. «Штаб армии сделал все возможное, чтобы движение эшелонов шло в трудно описуемом порядке, — жаловался ген. Сухотин военному министру [3]). — Для обеспечения передвижения выслан вперед совсем деморализованный по составу корпус, затем двинуты эшелоны одних матросов запасных без вооруженного конвоя, с начальниками совершенно бездействующими, по графику и в числе поездов, который не в силах принять Сибирская дорога в силу недавней продолжительной забастовки и современного нервного состояния рабочих. Эшелоны двигаются по графику, неизвестному для моего округа, самовольством, буйством добиваются на мелких станциях пропуска вне очереди...».

Такая деятельность военного начальства создала благодарную почву для агитации среди возвращающихся эшелонов солдат, которые

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 3 ст., 2 отд., 1905 г., № 50.
[2]) Там же, 1906 г., № 20, стр. 83.
[3]) Там же, 1906 г., № 50, стр. 121.

искали виновных, чтобы выместить на них свою злобу за задержки в пути, и, главным образом, обрушивались на железнодорожных служащих, производя над ними насилия и нанося побои. Агитация эта, не ограничиваясь сеянием недовольства в войсках, а преследовала более широкие цели: выставляя военное начальство виновным в хаосе на железной дороге, а себя — сторонниками планомерной эвакуации войск, организаторы забастовки привлекали на свою сторону войска, а организуя одновременно перерывы в движении, стремились добиться скопления войск на станциях, чтобы тем вызвать беспорядки в целях осуществления поставленных задач (телегр. управляющего Уфимской губернией военному министру 16 декабря 1905 года) [1]).

Агитация велась и среди войск охраны. Ей особенно легко поддавались солдаты, ожидавшие своей очереди увольнения в запас. Их пришлось уволить, ибо, «несмотря на все убеждения, под влиянием сильного напора пропагандистов и за совершенным отсутствием всякого доброго влияния офицеров, призванные из запаса явно переходили к бунту» [2]).

Всего приведенного достаточно, чтобы видеть, в каком состоянии политического брожения находилась Сибирь в октябре — декабре 1905 года. Великая Сибирская дорога находилась в руках вольной солдатской стихии, которая диктовала свою волю и военной и путейской администрации и забастовочным комитетам, а главный начальник края оставался безгласным свидетелем всего происходившего, без войск и без возможности передать свои распоряжения иначе как посредством нарочных, так как шифрованные депеши не передавались. Сведениями о том, что происходит на местах, он пользовался от проезжающих частных лиц [3]).

Разбросанные вдоль сибирской магистрали редкие городские населенные пункты оказались отрезанными от административного центра и, будучи предоставлены самим себе, в последние месяцы 1905 года стали жить каждый своей самостоятельной жизнью.

В таком же положении полной изолированности оказались и гарнизоны, в них расположенные. Выбитые из колеи привычной обстановки жизни, чувствуя стихийную силу революционного движения, захватившего все слои городского населения за исключением ничтожной кучки черносотенцев, войска, т.-е. солдаты и офицеры, оказались на распутьи. Солдатская масса в общем вела себя инертно и только в Красноярске и Александровске, как видно будет ниже, резко выявила свою «бунтарскую природу», но по разным поводам и причинам.

Офицерство впервые почувствовало, что почва под ногами заколебалась, что с упадком дисциплины в войсках авторитет их исчез, но что нет другого выбора, как итти либо с солдатами за народ, либо против них и народа. Меньшинство, притом ничтожное, выступило

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 3 ст. 2 отд., 1906 г., №.23.
[2]) Там же, № 50.
[3]) Там же, № 76.

на стороне солдат, стремясь овладеть движением, большинство совершенно устранилось, сохраняя выжидательное положение.

Конец ноября и первая половина декабря 1905 года были наиболее критическим моментом для правительственной власти, которая фактически во многих городах Сибири перестала существовать.

Только с 23 декабря, когда последовал высочайший указ об об'явлении на военном положении уездов, примыкающих к сибирской магистрали, и начали прибывать полки 4-го Сибирского корпуса, ген. Сухотин, по его словам, почувствовал себя хозяином положения.

Только теперь мог он рассчитывать приступить к ликвидации центрального стачечного комитета в Томске и его отделов, присвоивших себе все функции управления железной дороги, а также и к подавлению вооруженных восстаний и бунтов. Но и центральная власть, обеспокоенная полной отрезанностью Сибири от Европейской России, как только почувствовала твердую почву под ногами, решила силою «сломить дух сопротивления и мятежа в Сибири», для чего 13 декабря телеграммой через Нагасаки ген. Линевичу предписано было командировать ген. Ренненкампфа из Манчжурии с отрядом войск по Забайкальской и Сибирской железным дорогам с задачей «обуздания мятежного духа среди части телеграфных и железнодорожных служащих и восстановления полного их подчинения законной власти».

20 декабря аналогичная задача была поставлена командиру 7-го арм. корпуса, ген. Меллер-Закомельскому, направленному из Москвы через Самару и Челябинск в Сибирь.

Успешное продвижение этих отрядов по сибирской магистрали облегчило задачу ген. Сухотина по борьбе с революционными вспышками, и к середине января последний оплот революции, г. Чита, к большой досаде генералов Сухотина и Меллера, «сдался без боя».

После этого краткого обзора событий, имевших место в Сибири в октябре — декабре 1905 года, перейдем к изложению вооруженных восстаний в Красноярске, Чите и Иркутске и военного бунта в Александровске, из которых каждое имело свои особенности.

Вооруженное восстание в Красноярске. Красноярск, губернский город Енисейской губернии, являлся одним из крупнейших железнодорожных центров на пути между Омском и Иркутском. Здесь, среди нескольких тысяч железнодорожных рабочих и служащих, Красноярский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии имел многих приверженцев. Поэтому, как только вспыхнула октябрьская забастовка, он принял на себя руководящую роль и в течение двух с небольшим месяцев являлся фактическим хозяином города[1]).

14 октября, на второй день после об'явления начала забастовки, на ст. Красноярск, в железнодорожных мастерских комитетом партии собирается митинг рабочих, на котором выносится решение закрыть все учебные заведения и приостановить занятия в некоторых прави-

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 16 отд., 1906 г., № 20 и Енисейский губ. архив. Данные предварит. следствия по делу о восстании 2-го железнодор. батальона.

тельственных учреждениях. Продолжительность забастовки об'явлена в три дня [1]).

17 октября рабочие приступили к работам, но в полдень были получены агентские телеграммы, из которых было видно, что стачечное движение в России еще не улеглось.

Комитетом было устроено тотчас соединенное собрание рабочих мастерских и депо, на котором решено было возобновить стачку в Красноярске и продолжать ее до восстановления движения по железным дорогам. Забастовка на этот раз приняла более широкий характер, распространившись на служащих всех частных, общественных и правительственных учреждений, на лавки и ремесленные заведения.

Для управления делами забастовавших, разбора жалоб частных лиц, раздачи пособий и пр. была выбрана комиссия из рабочих и мелких служащих, избравшая своим представителем члена комитета РСДРП.

Все дела решались или комиссией, или общим собранием рабочих, или народом на митингах, в зависимости от важности и характера дела. Как на общие собрания, так и на митинги вызывались для дачи об'яснений частные лица и чиновники, в том числе и военные, как, например, воинский начальник.

Они являлись и беспрекословно подчинялись требованиям рабочих или митинга.

Власти бездействовали; большинство населения признавало только вновь организованные учреждения; некоторые члены администрации отправляли обращавшихся к ним лиц к председателю Красноярского Комитета РСДРП. Так продолжалось до получения манифеста 17 октября, когда на сцену выступают черносотенцы.

21 октября они делают попытку ворваться в Народный Дом, где происходил митинг. Во время столкновения с охраной из последней убито 2 и ранено 3 чел., а из черносотенцев убито и ранено около 20 человек.

Прибывшие войска оставались безучастными зрителями. Осада продолжалась до 12 час. ночи, когда черносотенцы и войска отошли. Во время осады в Народный Дом явился солдат 2-го железнодорожного батальона и от имени 60 своих товарищей заявил, что они берут на себя охрану участников митинга [2]).

Это — еще первый робкий шаг. Пройдет еще свыше месяца, пока обе роты 2-го железнодорожного батальона, квартировавшие в Красноярске, открыто перейдут на сторону народа.

Батальон этот считался вполне надежной частью и, в качестве таковой, был командирован из Манчжурии в распоряжение командующего войсками Сибирского военного округа для обслуживания железнодорожного участка от Иркутска до Омска в случае ожидавшейся забастовки на железной дороге. Две роты высадились в Иркутске, а

[1]) Газета «Начало», 1905 г., № 3.
[2]) Там же, № 6.

остальные две роты и штаб батальона в конце августа прибыли в Красноярск.

Состав солдат батальона считался за незначительным исключением вполне благонадежным и, видимо, не без основания, так как железнодорожники первое время относились враждебно к чинам батальона и временами препятствовали им в работе. Командир батальона рассчитывал даже на благотворное влияние солдат на рабочих, но не прошло и двух месяцев, как настроение солдат железнодорожного батальона резко переменилось. Постоянные сношения с рабочими железнодорожных мастерских и железнодорожными служащими привели солдат к сознанию солидарности своих интересов как экономических, так и общественных. Увольнение в запас солдат срока службы 1898 года и старше не внесло успокоения. Временно задержанные и также подлежащие увольнению в запас солдаты пред'явили командиру батальона требование об их увольнении и стали усиленно посещать митинги рабочих в красноярских железнодорожных мастерских.

Командир батальона, не имея возможности снестись, вследствие забастовки почты и телеграфа, со штабом округа, уволил запасных собственной властью, но и эта мера не внесла успокоения в среду солдат. Они были уже настолько распропагандированы, что совершенно не слушались офицеров. Один только прапорщик Кузьмин, принадлежавший к крайней левой партии, приобретал все больший авторитет среди солдат батальона.

Заведывающий передвижением войск Сибирского района, считая 2-й железнодорожный батальон крайне вредным очагом революционной пропаганды, заражающим проходящие войска, действующим в полной солидарности с рабочими, просил убрать батальон с линии, так как положиться на него в случае забастовки нельзя (телеграмма 6 декабря 1905 года [1]).

Вслед за этим последовало распоряжение военного министра о направлении батальона в Барановичи, но дальнейший ход событий помешал своевременно вывести его из Красноярска.

Первый случай своевольства и неповиновения имел место в 3-й роте, которой приказано было 21 ноября выехать на станцию Обь. Солдаты сначала отказались было ехать, не желая отделяться от 4-й роты. «Один в поле не воин, — говорили они, — нас постепенно поделят на взводы и отделения, раз'единят, а потом перебьют». Из этих слов можно притти к заключению, что среди солдат-железнодорожников уже создавался какой-то план действий, и что они сознавали враждебность атмосферы, среди которой им приходилось действовать.

22 ноября их удалось уговорить выехать, но, вскоре по прибытии на ст. Обь, солдаты потребовали от командира роты вернуться в Красноярск, мотивируя это тем, что на ст. Обь рота лишена заработка, а подлежащие увольнению в запас солдаты могут быть удовлетворены заработанными деньгами и одеждой только в Красноярске.

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 2 ст., 3 отд., 1906 г., № 62

Ввиду того, что солдаты дали понять, что уедут сами, командир роты вынужден был согласиться на требование роты и выехал с ней в Красноярск. В дороге он получил телеграмму без подписи «выньте из цейхгауза патроны», и одновременно с этим солдаты роты, знавшие, видимо, содержание телеграммы, потребовали выдачи им патронов. Получив отказ, солдаты приказали каптенармусу открыть вагон-цейхгауз и разобрали патроны.

По прибытии в Красноярск утром 6 декабря в помещение роты явился прапорщик Кузьмин во главе 4-й роты и толпы рабочих с красным знаменем, на котором красовалась надпись «Да здравствует свобода!».

Прапорщик Кузьмин, который все время сносился с 3-й ротой по телеграфу, с нетерпением ожидал ее возвращения, чтобы начать действовать.

Ему было уже известно о выступлении войск в Чите и Иркутске и о переходе власти в этих городах в руки революционных организаций.

Накануне прибытия 3-й роты, 5 декабря им был организован солдатский митинг, на котором, по обсуждении постановлений читинского и иркутского гарнизонов, от имени солдат красноярского гарнизона была вынесена резолюция о присоединении к их требованиям. Резолюция заканчивалась заявлением, что только единение солдат с народом и, в особенности, с рабочим классом «может вывести нас из того бесправного положения, в котором мы находимся».

Требования солдат были формулированы в семи пунктах:

1) Немедленное увольнение всех запасных.
2) Обеспечение семейств убитых и раненых.
3) Вежливое обращение с солдатами.
4) Отмена смертной казни и военных положений.
5) Амнистия политических.
6) Всеобщее избирательное право.
7) Учредительное Собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

С целью добиться от командира батальона удовлетворения тех требований, которые находились в его правах, прапорщик Кузьмин решил 6 декабря подкрепить эти требования внушительной демонстрацией с участием рабочих и общенародным митингом, организацию которого взял на себя местный комитет соц.-дем. раб. партии.

Построив 3-ю и 4-ю роты и рабочих в одну общую колонну, прапорщик Кузьмин повел ее с пением революционных песен через весь город в помещение железнодорожных мастерских на митинг.

На митинге, кроме указанных выше требований, был добавлен ряд чисто экономических, а именно: об усилении довольствия, выдаче на руки одежды первого срока и др., и решено пред'явить их командиру батальона, а также потребовать от начальника гарнизона освобождения всех содержащихся на гауптвахте арестованных, в случае же отказа — освободить их силой.

День 6 декабря, ознаменовавшийся открытой демонстрацией единения войск и пролетариата, был днем разрыва с прошлым, днем начала фактической революции в Красноярске.

С этого дня события в городе идут быстрым темпом, направляемые революционным комитетом, во главе которого стали представители крайних левых партий: прапорщик Кузьмин, бывший студент Александр Мельников (с.-д. большевик) и лесной ревизор Мокюшко.

Уже 8 декабря солдаты-железнодорожники, ввиду отказа командира батальона удовлетворить их требования, об'явили забастовку. Караульную службу они продолжали нести, а из служебных обязанностей исполняли лишь те, которые они считали необходимыми для удовлетворения своих нужд. Офицеры были устранены от своих обязанностей. Управление батальоном было вверено «солдатскому комитету» в составе выборных председателя, прапорщика Кузьмина, 17 членов-солдат и одного секретаря. Все распоряжения и приказы должны были исходить за подписью председателя и трех членов комитета. В распоряжение комитета перешли оружейный склад, денежный ящик и весь обоз.

Первым распоряжением комитета было лишение всех офицеров денщиков, для чего по квартирам офицеров были разосланы вооруженные патрули. О всех этих мероприятиях и о смене командования было об'явлено в приказе по батальону (8 декабря 1905 года, № 342).

На следующий день, 9 декабря, демонстрация была повторена, но в более крупном размере, с явной целью привлечь на свою сторону 3-й пех. Сибирский запасный батальон, составлявший гарнизон города, с тем, чтобы, заручившись его поддержкой, освободить арестованных, содержавшихся на главной гауптвахте.

Командир 3-го Сибирского запасного батальона, опасаясь нападения на казначейство, выставил для его охраны две роты, но когда колонна демонстрантов подошла к воротам двора, где находились роты, то солдаты этих рот выбежали со двора и смешались с толпой, а затем, по требованию демонстрантов, к ним присоединились и остальные солдаты батальона, не бывшие в строю.

Лишив начальника гарнизона возможности оказать какое-либо противодействие, манифестанты направились на гауптвахту и, ворвавшись в караульное помещение, освободили всех арестованных. И здесь они не встретили никакого сопротивления со стороны караула. Но успех был только наполовину. Возможное противодействие со стороны запасного батальона было действительно предупреждено, но солдаты последнего были всецело поглощены мыслью о скорейшем увольнении в запас.

По освобождении арестованных солдат из гауптвахты они были отведены строем на продовольственный пункт, где и содержались до народного суда, который должен был вынести решение об их участи.

Суд состоялся 12 декабря в Народном Доме.

Председателем суда был выбран прапорщик Кузьмин, членами — солдат Скоморохов, один офицер и один штатский. Обвиняемые вызывались по списку, а Скоморохов громко читал, кто за что судился и

к какому наказанию был приговорен. После чего, обращаясь к народу, спрашивал: «Простить или наказать?». Присутствовавшая на митинге публика вставала и кричала: «Освободить!».

Таким порядком освободили от наказания около 30 человек, после чего суд был закрыт, а всем оправданным выданы за подписью прапорщика Кузьмина с печатью Соц.-Дем. Партии записки об освобождении их народным судом от наказания.

Необходимо отметить, что с момента об'единения солдат с народом губернские и городские власти были устранены от дел [1]). Власть перешла к Совету Рабочих Депутатов г. Красноярска, который выделил три исполнительных комиссии для: а) наблюдения за движением войсковых эшелонов, б) сношения с выборными депутатами от солдат и в) заведывания делами внутреннего распорядка во всех промышленных предприятиях города.

10 декабря, когда решено было выборных от солдат включить в Совет, то последний принял название «Об'единенного Совета Депутатов от солдат и рабочих». С того же времени Совет принял на себя охрану города и гарантию личной и имущественной безопасности его жителей [2]).

Богатый событиями день 10 декабря ознаменовался еще выходом в свет первого номера соц.-дем. печатного органа «Красноярский Рабочий», где было помещено об'явление Об'единенного Совета о свободе слова, собраний, печати и свободе предвыборной агитации во всенародную городскую думу.

Для беспрепятственного печатания как газет, так и воззваний, прокламаций и об'явлений рабочими 9 декабря были захвачены губернская и частная типографии.

С этих пор проходящие через ст. Красноярск эшелоны войск и, конечно, войска гарнизона все время до конца революции в Красноярске снабжаются непрерывно агитационной литературой. Насколько широко было поставлено это дело, можно судить по тому, что воззвание «К солдатам» было размножено в 20.000 экземпляров.

Положение, создавшееся в г. Красноярске в декабре 1905 года, и ту роль, которую играли там войска, хорошо обрисовывает телеграмма томского губернатора министру внутренних дел от 13 декабря 1905 года, приводимая ниже: «Из перехваченных на железнодорожном телеграфе записок видно, что в Красноярске Социал-Демократическая Партия, проявляет открытую революционную деятельность, предлагает Об'единенному Совету солдат и рабочих взять под свой контроль все правительственные учреждения. Об'единенный Комитет уже начал контролировать распоряжения красноярской губернской администрации, разрешив напечатать воззвание губернатора. На митинге в Красноярске из солдат и народа происходил народный суд, на котором разбирались дела солдат, задержанных во время демонстрации, все освобождены; для

[1]) Газета «Сибирская Жизнь», 1905 г., № 258.
[2]) Там же, № 262

представления об'яснения был вытребован начальник гарнизона, который от дачи показаний отказался. Союз типографщиков захватил губернскую и частную типографии. На митинге была высказана мысль о необходимости уничтожения постоянной армии и замены ее вооружением всего народа» [1]).

Однако, как мы видели выше, события в Красноярске не могли не привлечь к себе внимания главного начальника края генерала Сухотина, который, обманувшись в своих расчетах на полевые части 13-го арм. корпуса, нетерпеливо выжидал, когда им на смену прибудут в главные города Сибири части 4-го Сибирского корпуса, сформированного из резервных частей округа.

В Красноярск были направлены батальон 8-го Омского Сибирского пех. полка, 7-й Сибирский пех. Красноярский полк, сотня Томского казачьего дивизиона и полсотни красноярских казаков. Все эти части могли сосредоточиться не ранее 28 декабря.

Между тем в Красноярске события шли своим чередом. 13 декабря забастовка в железнодорожном батальоне прекратилась, ввиду согласия командира батальона удовлетворить экономические требования солдат.

С этих пор власть в батальоне раздвоилась. Батальонная канцелярия работала под руководством командира батальона, а всем внутренним распорядком жизни ведал «солдатский комитет». Денежный ящик, в котором хранилось свыше 12.000 руб., равно как и все цейхгаузы, находились попрежнему в распоряжении солдат, но командир батальона тоже имел право делать выемку из денежного ящика, однако не иначе, как в присутствии трех членов солдатского комитета.

Такое неопределенное положение в батальоне продолжалось до 20 декабря, когда командиру батальона был вновь пред'явлен целый ряд экономических требований с угрозой забастовки, «если на все требования не будет дано удовлетворительного ответа к 5 часам 23 декабря».

Новое обострение отношений с командиром батальона явилось результатом агитации, которая велась в эти дни на митингах.

Дело в том, что командир батальона, имея предписание перевезти батальон в Барановичи, об'явил об этом солдатам, предоставляя им высказаться за или против переезда.

Предложение это не только вносило раскол в среду солдат, среди которых были желающие уехать в Барановичи, но и срывало всю революционную работу, проделанную уже в Красноярске. 3 декабря солдаты подтверждают свое прежнее постановление «до тех пор оставаться в Красноярске, пока не будет созвана городская дума на основе всеобщего избирательного права».

Эта же тема, в связи с предложением командира батальона, дебатируется на всех митингах в эти дни, и 16 декабря выносится снова постановление «еще раз решительно отказаться от поездки в Барановичи до конца выборов в городскую думу».

---

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 3 ст. 2 отд., 1905 г., № 62.

По ряду этих постановлений в такой короткий промежуток времени можно судить, что вопрос о выезде из Красноярска, поднятый командиром батальона, сделался злобой дня, и разрыв отношений с ним, в виде пред'явленного ему ультиматума, устранявший влияние командира на солдат, был продиктован желанием найти выход из создавшегося положения.

Но с 23 декабря начали прибывать эшелоны войск, направленных на усмирение Красноярска.

Омский батальон прибыл раньше всех, и агитация среди солдат этого батальона имела некоторый успех. Революционеры могли также рассчитывать если не на содействие, то хотя бы на бездействие красноярских казаков, часть которых бывала на митингах и выражала свои симпатии освободительному движению и даже дала обещание не стрелять в солдат и рабочих. Загадкой оставалось настроение Красноярского полка, но когда стало известным, что полк, несмотря на все принятые меры агитации, настроен враждебно к революционерам, то, ввиду неизбежности вооруженного столкновения, решено было оказать красноярцам организованное сопротивление [1]), об'единив все силы, которыми располагала революционная партия.

Жители города были оповещены об этом решении об'явлением, за подписью солдатского комитета 2-го железнодорожного батальона, такого содержания: «Граждане! Вызывающий образ действий правительственных войск по отношению к нашим солдатам, а также намеченные действия администрации заставили нас принять решительные меры к самозащите и отступить в сборный цех железнодорожных мастерских. Правительство совершило насилие. Свободу, об'явленную нами, мы при помощи рабочих решили защищать до последней крайности».

Решено было занять железнодорожными ротами и рабочими трех'этажное каменное здание сборного цеха железнодорожных мастерских, куда железнодорожные солдаты должны были снести запасы оружия и боевых припасов, и упорно в нем защищаться.

28 декабря, в день прибытия последнего эшелона Красноярского пехотного полка, 3-я и 4-я роты, в составе 206 человек, из казарм перешли в здание главных мастерских, где уже было собрано около 300 человек железнодорожных рабочих, в том числе 22 женщины. Всего, как потом оказалось при сдаче, на вооружении находились 374 винтовки, 16 револьверов и 10 шашек, т.-е. около трети мужчин было безоружных. Запас патронов был невелик, так как сдано было всего 10.200 штук патрон, т.-е. в запасе оставалось еще около 30 патронов на винтовку.

Мастерские состояли из нескольких построек, окруженных деревянным забором. Здание главных мастерских представляло каменное строение, состоящее из ряда соединенных между собой сараев, в которых размещались цехи: сборный, токарный и др. По прибытии в ма-

[1]) Газета «Сибирская Жизнь», 1905 г., № 258.

стерские прапорщик Кузьмин приступил к организации обороны. При нем образовался штаб из нескольких солдат и штатских лиц.

Рабочим были розданы оружие и патроны из числа запасного, принесенного с собой солдатами, и все они были поделены на десятки со старшими во главе.

В здании сборного и токарного цехов шла лихорадочная работа. Солдаты и рабочие заделывали окна и баррикадировали двери бревнами, шпалами и различными частями машин.

Были сделаны запасы провизии и воды и организована врачебная помощь, в лице трех докторов, фельдшера, фельдшерицы и сестер милосердия.

К 6 часам вечера того же дня отряд, в составе 3 батальонов (11 рот) и 4 пулеметов Красноярского полка, учебной команды 10-го Омского полка и 2 сотен казаков, окружил сборный цех и прилегающие к нему здания и прервал сообщение его с городом. Началась осада, продолжавшаяся пять дней.

Красноярский Комитет Социал-Демократической Партии выпустил воззвание, приглашая граждан пустить в ход все средства, чтобы снять осаду, для чего рекомендовалось организовать забастовку, бойкотировать офицеров, участвовавших в подавлении восстания, не платить налогов.

31 декабря депутация от Сибирского областного союза, в составе Караулова, Макарова и Колосова, явилась к вр. и. д. генерал-губернатора генералу Редько с просьбой о снятии военного положения, о начатии переговоров с осажденными и о принятии всех мер к избежанию кровопролития; указывали, что революционеры не только не причинили городу никакого вреда, но, напротив, они организовали охрану жителей в тревожные дни октября, и что во время захвата ими власти в городе было гораздо спокойнее, нежели теперь, при военном положении.

Указывали депутаты также и на опасность, угрожающую городу, если за недостатком паровозов, вследствие прекращения работ в депо, в Красноярске скопятся воинские эшелоны, что грозит погромами и грабежами.

Чтобы избежать кровопролития и дать понять восставшим всю бесплодность дальнейшего сопротивления, ген. Редько приказал пропустить делегацию в цех, которая передала требования, выставленные восставшими: снятие осады и полная неприкосновенность всех находившихся в цехе, после чего солдаты и рабочие приступают к исполнению своих обязанностей и работам. Осажденные заявили при этом, что если по зданию будет открыта стрельба, то они ни за что не сдадутся и взорвут себя на воздух: «Лучше умереть почетной смертью, чем сдаться», — говорили они делегатам.

Условия, выставленные осажденными, были признаны военным начальством неприемлемыми, благодаря, главным образом, требованию о безнаказанности солдат, и осада продолжалась [1]).

---

[1]) Газета «Сибирская Жизнь», 1906 г., № 8.

Ввиду бесплодности переговоров решено было лишить осажденных топлива и воды и прервать телефонную связь, которая поддерживала осажденных с городом и вокзалом.

Прибывшие в Красноярск несколько сотен казаков дали возможность совершенно изолировать мастерские от города.

Постепенно приближаясь к зданию мастерских, 2 января войска заняли вагонный цех, где находилось топливо и аппарат водоснабжения.

Осажденные пред'явили требование очистить занятые помещения, угрожая стрельбой, но войска остались на месте.

Того же 2 января осажденным вновь было предложено сложить оружие, при чем генерал Редько соглашался даже выпустить рабочих с оружием, а солдат под конвоем отправить в казармы, где и содержать их арестованными до выяснения их участи, так как полное прощение их невозможно, при чем он обещал просить о смягчении их участи. Однако осажденные не согласились на эти условия, так как солдаты, сдав оружие, опасались насилий со стороны казаков, и пред'явили новое требование, чтобы их отправили в место постоянного квартирования 2-го железнодорожного батальона, в г. Барановичи, сохранив им оружие, и что там они будут отвечать за свои действия перед судом.

Тогда, чтобы поскорее покончить с осадой и не рискуя штурмовать здание без содействия артиллерии, которой в гарнизоне не было, решено было выморозить осажденных, для чего стрельбой из пулеметов разбить в здании окна.

Расчет был и на моральный эффект пулеметной стрельбы на солдат и рабочих. Но и эта мера не дала ожидаемых результатов.

Обстрел из пулеметов вызвал ответный огонь осажденных, и завязавшаяся перестрелка продолжалась три часа. С прекращением ее вновь была допущена в здание депутация от города. Переговоры долго не приводили ни к чему, несмотря на отсутствие горячей пищи и вообще с'естных припасов. Но страшная стужа при разбитых окнах в 30 градусов мороза и отсутствие топлива заставили итти на уступки.

В результате переговоров восставшие сдались на следующих условиях: их всех отвели в тюрьму, отобрав у них оружие. Мастеровым было обещано, что их скоро выпустят. Солдатам было обещано просить о смягчении их участи [1]).

Всего из цеха вышло и было отправлено в тюрьму 296 гражданских лиц и 183 солдата 2-го железнодорожного батальона, всего 479 человек. Кроме того, за время осады было задержано и отправлено в тюрьму пытавшихся выйти из мастерских 48 гражданских лиц и 24 солдата.

За время осады революционеры потеряли убитыми 1 и ранеными 3 солдат железнодорожного батальона, 7 рабочих и 1 женщину, в войсках осаждавших было убито 3 казака и 1 солдат 7-го Красноярского полка и ранено три солдата того же полка [2]).

Прапорщик Кузьмин успел скрыться.

---

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 3 ст. 2 отд., 1906 г., № 23.
[2]) Там же, 16 отд., 1906 г., № 20.

По делу о красноярском восстании было предано военному суду 115 солдат 2-го железнодорожного батальона и 82 гражданских лица. Временный военный суд в Красноярске в приговоре, вынесенном 7 февраля 1907 года, признав солдат виновными в восстании, а гражданских лиц — пособниками в их преступлении, приговорил 9 солдат в каторжные работы на сроки от 8 до 4 лет, в исправительные арестантские отделения: двоих — на 3 года, остальных — на разные сроки от 1½ лет до 1 года. Гражданские лица были приговорены в исправительный дом и тюрьму на сроки от 1½ лет до 3 месяцев.

Читинское восстание. Город Чита, на перепутьи между городами Харбином, где было сосредоточено управление тылом манчжурских армий, и Иркутском, являлся центром Забайкальской области. Здесь имел пребывание начальник области, он же командующий войсками, в ней расположенными, и наказный атаман Забайкальского казачьего войска.

С момента всероссийской забастовки в октябре 1905 года и вплоть до появления ген. Ренненкампфа в январе 1906 года г. Чита представляет собой редкую для того времени картину открытого и притом мирного, без всякого принуждения, перехода войск гарнизона, как солдат, так и офицеров, на сторону народа.

В области было неспокойно. Помимо широкого рабочего движения, признаки недовольства начинали проявляться и среди остальных жителей. Встревоженное ужасными слухами о погромах, значительное по числу еврейское население Читы волновалось, также волновались казаки и крестьяне, доведенные до разорения неурожаями, страшной дороговизной жизни, отсутствием подвоза хлеба, обессиленные мобилизациями, в особенности казаки, у которых все годные работники 1½ года уже отсутствовали на войне, а после заключения мира долго еще задерживались в Манчжурии. В Чите нехватало хлеба, и бывали дни, когда перед закрытыми дверями пекарен и булочных собирались толпы народа. Постройка огромных госпиталей у Читы стянула тысячи рабочего люда, а с сентября область стали наводнять голодные и озлобленные сахалинцы.

Наконец, проходящие из Манчжурии через область запасные, скопляясь на каждой станции, а в особенности в Чите, открыто волновались, требуя немедленной отправки домой.

Последние признаки дисциплины, ранее державшейся только на страхе, исчезли, и солдаты мелких команд под влиянием всеобщего возбуждения были готовы на все. Можно было ожидать повторения владивостокских ужасов [1]).

В распоряжении начальника области не было совершенно кадровых войск. Все его требования о присылке войск на усиление гарнизона оставлялись штабом главнокомандующего манчжурских армий без удовлетворения, на запасные же части положиться было нельзя. Поэтому для лиц, знакомых с положением дел в области, каковыми были члены революционных партий, было ясно, что авторитет власти покоится лишь

[1]) Газ. «Сибирская Жизнь», 1906 г., № 109.

на престиже, реальной же силы за ней нет, почему захват власти не представит труда.

В такой обстановке Читинский Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии решил начать действовать. Не об'являя войны местной власти, даже вполне считаясь с нею, он сумел организовать рабочих, учащихся, городское население в лице городской думы и, наконец, гарнизон в виде союза солдат и союза военнослужащих — двух организаций, бывших между собой в контакте.

Комитет РСДРП организует городскую милицию, во главе которой ставит комитет городской обороны, во главе войск он ставит депутатов от солдат и военнослужащих, на которых мог всецело положиться.

Чтобы проследить, как постепенно нарастала под влиянием политической пропаганды в печати и на митингах волна революционного настроения в войсках, не лишены интереса те постановления и резолюции, которые выносились на митингах и собраниях.

На первом митинге 22 ноября, организованном в читинских мастерских, в котором приняли участие до 3.000 чел. солдат и казаков, было постановлено требовать:

1) Полного применения к солдатам манифеста 17 октября.

2) Отмены отдания чести вне службы.

3) Установить срок действительной службы в 2 года, в запасе — 8 лет (вместо только что установленного 3-летнего срока действительной службы и 19 лет в запасе).

4) Отмены празднования царских дней.

5) Для казаков уравнять срок службы с другими войсками, дать казенную лошадь и обмундирование.

6) При неудовлетворении этих требований в 7 дней добиваться их удовлетворения силой оружия.

7) Освободить с гауптвахты арестованных, разобрав предварительно их виновность. Виновных оставить под арестом.

8) Послать делегатов от войск вместе с представителями рабочих от имени РСДРП в Манчжурию для осведомления армии, что задержка в отправке войск происходит не по вине железнодорожных служащих [1]).

Здесь, кроме бытовых и служебных требований, мы видим и требования, подсказанные общественными мотивами, и слияние требований казаков с общесолдатскими. Казаки перестают быть элементом, противопоставляемым солдатам. В Чите они действуют солидарно.

Через два дня, 25 ноября, от имени солдат и казаков читинского гарнизона и вновь прибывших частей вырабатывается для подачи командующему войсками Забайкальской области новая петиция, с перечислением значительно большего числа требований, чем в предшествовавшей петиции, и с подробной их мотивировкой.

Вся петиция (приложение 1-е) состоит из 15 пунктов. Из них пять касаются служебных интересов солдат. В них повторяется высказанное уже требование о сокращении срока действительной службы и вводятся

[1]) Газета «Зауралье», 1905 г., № 242.

новые: об укомплектовании войск местными призывными, введении восьмичасового рабочего дня для солдат всех родов войск, включая сюда все обязательные учебные и служебные занятия; отмена казенной прислуги, полное уничтожение дисциплинарных взысканий властью начальников, взамен чего вводится наказание по суду, состоящему из начальника и выборных лиц из солдат роты; стремление к ограждению личности солдата от произвола начальника.

Большое место отведено в петиции правам солдата как гражданина, из которых многие, прежде казавшиеся недоступным идеалом, ныне вошли в обиход жизни.

В пунктах петиции, относящихся к просвещению солдат, намечена широкая программа, осуществленная ныне целиком в Красной армии.

Не оставлено без внимания и тяжелое материальное положение раненых, тяжело больных и вообще инвалидов, а также семей убитых на войне, которым проектировалось назначить щедрое пособие, гарантировавшее им безбедное существование. Таким образом петиция читинского гарнизона, исчерпывающим образом охватывающая все нужды солдата, в общем верно наметила те реформы, которые оказались осуществимыми только после падения царского режима.

Политический момент, переживаемый страной, нашел свое отражение в требовании освобождения из тюрем всех военнослужащих, пострадавших за освободительное движение, и в заявлении о сочувствии войск гарнизона борьбе рабочих и крестьян за освобождение.

Заканчивалась петиция заявлением, что только Учредительное Собрание может быть правомочным выразителем народных интересов.

В этой петиции сильно сказывается влияние РСДРП. Солдаты понемногу отходят от своих узко-служебных интересов, приобщаясь к общегражданскому освободительному движению.

В этот же день, 25 ноября, состоялось первое собрание офицеров, военных врачей и военных чиновников читинского гарнизона, в числе 109 человек [1]), положившее начало союзу военнослужащих и потому названное впоследствии учредительным собранием союза.

В своей резолюции союз открыто высказался за поддержку революции:

> «Приветствуя резолюцию солдат читинского гарнизона и вновь прибывших частей, выработанную на двух военных митингах, мы, военнослужащие читинского гарнизона, — гласила резолюция, — как истинные сыны России, решительно заявляем, что существующее самодержавное правительство, вся деятельность которого направлена во вред народа, признаем лишенным доверия страны и поэтому все исходящие от него приказы и распоряжения не подлежащими исполнению, если они идут во вред народу...».

Далее, для установления порядка в стране и формы правления, отвечающей интересам народа, союз требовал немедленного созыва Учре-

[1]) Газета «Зауралье», от 2 декабря 1905 г., и «Сибирская Жизнь», 1906 г., № 109.

дительного Собрания, а до того «мы об'являем, что всеми силами будем помогать борцам за народную свободу и наше оружие будем употреблять только против врагов освободительного движения».

Выставив на своем заявлении такой воинственный лозунг, союз военнослужащих шел в своих требованиях впереди солдат. Естественно возникал вопрос о слиянии союза военнослужащих с организацией солдат, так как только таким путем при сочувствии и поддержке общественных сил можно было создать сильные воинские части.

Вопрос об'единения офицеров и солдат был настолько важным и действенным, что в полном своем об'еме был поставлен уже 27 ноября, т.-е. через два дня после возникновения союза, на собрании членов союза военнослужащих в присутствии приглашенных солдат-делегатов от всех частей гарнизона и большого числа невоенных. В ряде речей был поставлен ребром вопрос о распаде армии, если офицеры останутся в стороне от освободительного движения или пойдут против него. Один из ораторов закончил свою речь горячим призывом: «Пойдем же, товарищи, в ряды к солдатам, в казармы. Забудем в себе начальника и, идя вместе с солдатом, поведем армию не против народа, а за народ, за добытую им кровью своей свободу».

Остается неизвестным, какая резолюция была вынесена на собрании; можно думать, что вопрос о слиянии обоих союзов был решен в положительном смысле, но Совет Солдатских и Казачьих Депутатов читинского гарнизона сумел почувствовать классовый смысл офицерского решения, и 1 декабря на своем собрании постановил: «К союзу офицеров и чиновников читинского гарнизона не примыкать, а действовать совершенно самостоятельно и для каждого отдельного предприятия устраивать отдельные совещания из членов обоих союзов».

Ввиду такого решения Совета Солдатских и Казачьих Депутатов на собрании союза военнослужащих 2 декабря вынесено было аналогичное постановление:

> «Союзы солдат и офицеров и чиновников читинского гарнизона не сливать в один, но в полной мере согласовать их действия. Для этого в заседаниях бюро союза должны принимать участие уполномоченные от комитета солдатских депутатов. Они принимают участие в обсуждении всех вопросов, но решение бюро не является обязательным для каждой стороны. В случае если бы стороны столковались и пришли к единому решению, то и тут каждая из сторон сохраняла за собой самостоятельность, лишь стремясь к согласованию своих действий с действиями другого союза».

Недоверие солдатской массы не могло перебороть и открытое выступление союза на стороне солдат, выразившееся в вынесенном на заседании 29 ноября решении всецело присоединиться по всем пунктам петиции солдат и казаков читинского гарнизона, поданной командующему войсками Забайкальской области 25 ноября, и требовании исполнения их. Чтобы продемонстрировать перед солдатской массой свою благонамеренность, союз постановил, выполняя одно из требований петиции, обязать всех членов союза вернуть казенную прислугу в те-

чение недели в свои части, что, кстати сказать, не было выполнено до конца существования союза.

Здесь уместно будет осветить вопрос, как реагировала военная власть, в лице ее высшего представителя, военного губернатора и командующего войсками области, на определенно враждебную позицию к существующему строю, занятую войсками, в лице всех солдат и если не всех, то большей части офицеров и военных чиновников читинского гарнизона.

Генерал Холщевников принадлежал к числу тех немногих представителей власти, которые разделяли убеждение, что манифест 17 октября не делает никаких исключений для военных в отношении свобод, и что армия, составляющая часть народа, не может и не должна оставаться в стороне от освободительного движения [1]). Однако союз военнослужащих он отказался признавать, высказав это открыто на митинге 27 ноября, считая его незаконным.

Применять силу против представителей крайних течений, при наличии свободы слова и собраний, ген. Холщевников считал недопустимым. Притом он оценивал Читинский Комитет Социал-Демократической Партии как партию порядка и, притом, как реальную величину, сильную своей организацией, опирающуюся на организационные массы железнодорожных рабочих, городского населения в лице городской думы, действующей по ее указке, и, наконец, на войска, — поэтому все мероприятия, проводимые комитетом партии непосредственно или под его влиянием, встречали неизменно поддержку генерала Холщевникова [2]).

При таком взгляде на положение вещей не приходится удивляться, что генерал Холщевников, высший представитель гражданской и военной администрации в Забайкальской области, постепенно сдает одну за другой все позиции власти.

22 ноября, с его молчаливого согласия, в городе вместо полиции появилась городская милиция, подведомственная комитету городской обороны.

24 ноября по требованию толпы народа он освобождает из тюрьмы одного политического арестанта и двух казаков, арестованных за оскорбление офицера, и посылает главнокомандующему манчжурскими армиями телеграмму об освобождении политических арестантов (матросы с транспорта «Прут») из акатуйской тюрьмы.

26 ноября депутация рабочих железнодорожных мастерских и депо требует устранения коменданта станции Чита, и генерал Холщевников без разбора дела немедленно его устраняет.

Но на поданную ему 25 ноября Советом Солдатских и Казачьих Депутатов петицию генерал Холщевников реагирует полным удовлетворением лишь по одному пункту — об установлении восьмичасового рабочего дня. Улучшение пищевого, вещевого и денежного довольствия (жалованье солдату 5 рублей в месяц), как это понимали и сами депу-

[1]) Газета «Страна», 1906 г., №№ 69, 70.

[2]) Из речи генерала Холщевникова на собрании военнослужащих читинского гарнизона 5 декабря 1905 года. Газета «Забайкалье», № 253, 1905 года.

таты, было невозможно за отсутствием на этот предмет денег в казначействе.

В читинском отделении Государственного банка хранилось около 50 милл. рублей, но о захвате банка вместе с другими правительственными учреждениями возник вопрос только в последние дни существования революционной власти. Возможно, что революционеры в то время об этих деньгах и не знали.

Удовлетворение остальных требований, изложенных в петиции и касавшихся отмены денщиков, вежливого обращения с солдатами, свободы жизни в казармах и уничтожения дисциплинарных взысканий, не требовало вмешательства командующего войсками, так как они были проведены в жизнь самими солдатами при поддержке союза военнослужащих.

Один только пункт петиции, касавшийся службы казачьего населения, встретил категорический отказ генерала Холщевникова, что вызвало со стороны Совета Солдатских и Казачьих Депутатов распоряжение об усилении агитации среди казаков. Из этого видно, что обе стороны были одинаково склонны более к действию убеждением, чем путем репрессий.

Однако на «безоблачном» до сего времени горизонте взаимных отношений официальной власти старого порядка и новой революционной власти, провозвестника нового строя, появилась туча.

В последних числах ноября в г. Читу на постоянные квартиры прибыл Читинский пехотный полк 4-го Сибирского корпуса, один из тех, которого с таким нетерпением ожидал ген. Сухотин, чтобы приступить к водворению порядка во всей Сибири. Настроение Читинского полка, как солдат, так и офицеров, оказалось резко враждебным тем порядкам, которые установились в г. Чите, а подсылаемые агитаторы не имели успеха.

Чтобы избежать возможного столкновения и выяснить позицию читинцев, по инициативе ген. Холщевникова, 1 декабря состоялось частное собрание союза военнослужащих, на которое были приглашены офицеры и чиновники Читинского полка.

Выступавшие ораторы, преимущественно организаторы союза военнослужащих, старавшиеся завербовать новых членов, в своих речах высказали открыто, что правительство, опирающееся на армию, будет свергнуто, если армия открыто выступит на стороне народа, почему от читинцев зависит ускорить этот процесс, если они присоединятся к известной резолюции союза 25 ноября и тем самым войдут в союз. Но читинцы, дав уклончивый ответ, что им многое из происходившего в гарнизоне еще недостаточно ясно, от принятия резолюции уклонились.

Не больше успеха имело и второе собрание союза военнослужащих с читинцами 5 декабря под председательством самого командующего войсками. На собрании обсуждался вопрос о мерах для предупреждения черносотенной манифестации, ожидавшейся на завтра, 6 декабря, к которой, как ожидали в городе, должен бы примкнуть и Читинский полк.

На поставленный ребром вопрос командир полка ген. Румшевич ответил, что, сочувствуя освободительному движению, он не считает

возможным подчинение армии какой-либо политической партии и будет действовать так, как ему прикажет высший над ним начальник. Всякую агитацию с целью уничтожения дисциплины и возбуждения антагонизма между офицерами и солдатами командир полка считал недопустимой [1]). Не ограничиваясь этим, командир полка обратился с воззванием к жителям города, в котором указал, что офицеры и солдаты 2-го пех. Сибирского Читинского полка возмущены нелепыми слухами о принадлежности полка к какой-то партии, стремящейся к насилиям над гражданами, что они сочувствуют освободительному движению и передаче законодательной власти представителям народа и что задача армии — обеспечение родины от внешних врагов.

Далее говорилось в воззвании:

«Мы считаем позором подавление какой бы то ни было политической партии силою оружия и употребление последнего против манифестаций, протекающих мирным порядком. В борьбе различных политических партий Читинский полк не принимает на себя полицейских обязанностей, но в случае возникновения беспорядков, угрожающих окончиться кровопролитием, мы, читинцы, впредь до сформирования милиции достаточной силы, будем считать долгом по требованию гражданских властей принять участие в предупреждении и прекращении братоубийственной войны — резни».

Терпимость к чужим убеждениям, выставленная как девиз в Чите, дала возможность мирно уживаться в одном и том же гарнизоне войскам, перешедшим на сторону революции, с войсками, оставшимися верными царю, почему до последнего дня революционной Читы, просуществовавшей до середины января, мы не встречаемся ни с какими эксцессами среди войск читинского гарнизона.

Между тем широкое прокламирование новых порядков службы и быта войск, введенных в войсках читинского гарнизона, в местной газете «Зауралье», а с 7 декабря во вновь созданном органе Читинского Комитета Соц.-Дем. Рабочей Партии «Забайкальской Рабочей Газете», нашло себе отклики в других гарнизонах Забайкалья и Сибири. Одним из первых примкнул к требованиям, выставленным Читинским Советом Солдатских и Казачьих Депутатов, нерчинский гарнизон. Он делегировал 14 депутатов, которые, войдя в Читинский Совет, для полного с ним контакта, во всем его поддерживали.

Как только газеты дошли до Сретенска, и там возникает военно-революционная организация.

Даже в ближайшем тылу манчжурских армий послышался отклик, пока еще слабый, на читинские события.

В Хайларе солдаты войск гарнизона и пограничной стражи потребовали права сходок и выбора депутатов от каждой роты, сотни и батареи для обсуждения своих нужд.

В г. Харбине собравшиеся по приказанию начальника тыла ген. Надарова для обсуждения своих нужд офицеры и чиновники уклонились

[1]) Газета «Забайкалье», 5 декабря 1905 г., № 253.

в оценку современного политического положения и после горячих прений вынесли резолюцию, в которой, от лица манчжурских армий выражая свои чувства благодарности за установление нового государственного строя в России, доводили до сведения царя, что манчжурская армия будет всеми силами защищать проведение в жизнь манифеста 17 октября [1]).

Так как резолюция эта встретила резко-отрицательное отношение ген. Надарова, то группа наиболее сознательных офицеров, считаясь «с новыми формами жизни, с одной стороны, а с другой — с той агитацией, которую ведет революционная партия», чтобы посеять рознь среди офицеров и солдат и развалить армию, приняла решение стремиться к восстановлению дисциплины не путем репрессий, а путем тесного сближения с солдатами, вежливого с ними обращения, разъяснения им начал манифеста 17 октября, дабы предотвратить возможность революционных вспышек в войсках. Не обошлось, однако, и без натравливания против стачечных комитетов, на которые свалили вину в медленной эвакуации войск. Это не помешало, однако, собранию признать необходимым войти в соглашение с железнодорожной администрацией для согласования действий в деле эвакуации армии.

Между тем не тревожимая пока извне Чита продолжала жить своеобразной жизнью, где мирно уживались войска двух совершенно противоположных режимов, а правительственная власть продолжала постепенно сходить на-нет.

Совет Солдатских и Казачьих Депутатов решает расширить зону своих действий привлечением на свою сторону казачьего населения. В воззвании от имени Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии от 6 декабря [2]) (приложение 2-е) Совет, обрисовав тяжелые условия жизни и службы казачьего населения, указывает, что улучшение экономических условий жизни надо искать в ликвидации кабинетских земель, для чего необходимо созвать Учредительное Собрание, а до того времени казаки приглашались силой захватить кабинетские земли, лес, сенокосы и не посылать своих сыновей для службы в войска, пока казаки не будут уравнены с другими сословиями. «Подымайтесь, товарищи казаки, — гласило воззвание, — примыкайте к борьбе рабочего народа за всенародное Учредительное Собрание и к дальнейшей его борьбе за полное освобождение от гнета богатства и капитала. Рабочие и солдаты помогут вам».

Воззвание попало на благодарную почву, и в казачьих станичных округах посыпались одно за другим постановления об из'ятии из пользования кабинета лесов и сенокосов, а вслед за тем последовал местами и насильственный их захват.

Среди городского населения чиновники и служащие правительственных учреждений, подобно военнослужащим, об'единились в союз

[1]) Газета «Сибирская Жизнь», 1906 г., № 25.
[2]) Газ. «Забайкалье», 1905 г., № 249.

Делами внутренней охраны и безопасности городского населения ведал комитет обороны.

Наконец, 21 декабря, с разрешения военного губернатора, в ведение города перешла почтово-телеграфная контора.

Длительная забастовка почтово-телеграфных служащих, прекратившая уже в течение месяца все сношения, сильно задевала интересы населения. В поиске выхода из создавшегося положения комитет РСДРП, опираясь на солдатский союз, решил попытаться испросить согласия ген. Холщевникова на передачу конторы в ведение городской управы в расчете на то, что таким путем можно будет склонить чиновников к открытию ее действий. 21 декабря согласие было дано, а 22 декабря печати и часовые сняты и контора перешла в ведение временного комитета по ее заведыванию, куда вошли представители обеих упомянутых выше организаций [1]).

Примеру Читы последовали и другие города (Благовещенск, Троицкосавск), что позволило устранить надвигавшийся кризис, вызванный длительным перерывом сношений.

19 декабря союз военнослужащих утверждает устав союза [2]), не оставляющий более никаких сомнений в его антиправительственном характере. Документ этот заслуживает внимания.

> Целью существования союза устав ставит созыв Учредительного Собрания. По об'явлении о времени его созыва союз перестает существовать.
>
> Для достижения этой основной цели ближайшей задачей союз ставит себе широкую пропаганду в армии тех идей, которые дадут ей возможность послужить народу, а именно:
>
> 1) что армия и флот должны составить единый всероссийский союз;
>
> 2) что они должны категорически отказать правительству в помощи в его борьбе с народом, и
>
> 3) будучи вынуждены выступить с оружием в руках против народа, войска обращают это оружие против самого правительства.

Устав таким образом предусматривал пропаганду и действия, направленные против царского правительства, иначе говоря, призывал к восстанию.

Союз обязывался защищать и оказывать материальную поддержку семьям тех членов, против которых будет направлено преследование со стороны существующего правительства. Он брал на себя обязанность политического образования своих членов путем лекций, устройства библиотек и пропаганды идей союза путем печати. Средства союза составлялись путем % вычета из содержания.

Ни одно из положений устава в действительности в жизнь проведено не было и самый союз вскоре распался, вследствие полного равнодушия его членов к принятым на себя обязанностям. Громадное большинство совершенно перестало посещать собрания, хотя формально отказав-

[1]) Газета «Сибирская Жизнь», 1906 г., № 11.
[2]) Газета «Забайкалье», 19 декабря 1905 г., № 261.

шихся от звания члена и вышедших из состава союза было всего пять человек [1]).

На Читу надвигалась гроза в лице карательной экспедиции ген. Ренненкампфа.

Но еще до его появления в ночь на 23 января в Читу начали прибывать первые эшелоны 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии и при их содействии начались аресты и обыски.

Среди арестованных оказались 80 солдат 3-го резервного железнодорожного батальона и до 200 лиц разных званий и положений. В городе было отобрано при обысках около 1.000 винтовок, но значительно большее их количество было найдено в железнодорожных мастерских, где было также из'ято большое количество бомб, ручных гранат и около 100 пуд. пироксилина [2]). Оружие и огнеприпасы были захвачены в самом начале восстания из находившегося на станции поезда с артиллерийскими запасами.

17 февраля в Читу прибыл генерал Ренненкампф и стал чинить суд и расправу. Генерал Холщевников оказался под арестом в одиночной камере арестного дома. Той же участи подверглись все бывшие деятели союза военнослужащих.

Военнослужащие отделались сравнительно легко. Из преданных военно-полевому суду 41 солдат разного рода войск 28 было оправдано, один приговорен к бессрочным каторжным работам, прочие к разного рода наказаниям.

По делу о военном союзе было предано военному суду в Чите 12 офицеров по обвинению в устройстве преступного сообщества и подготовлении вооруженного восстания, но суд признал их виновными лишь в созыве митинга без разрешения начальства и приговорил к аресту на срок 1—3 месяца. Главный военный суд, куда это дело поступило по протесту прокурора, приговор этот отменил и передал на новое рассмотрение суда Дальнего Востока [3]).

Ген. Холщевников, преданный ген. Ренненкампфом военному суду за бездействие и превышение власти, в заседании читинского временного военного суда 12 мая 1906 года был приговорен к заключению в крепости на 1 год и 4 месяца с исключением со службы. Командир Читинского полка ген. Румшевич, преданный суду за бездействие власти, отделался выговором, но затем был уволен в отставку.

Но среди гражданского населения военно-полевой суд произвел большие опустошения. В одном только марте месяце в Чите было казнено 15 человек.

Так закончила свое краткое существование под давлением царских палачей читинская республика, возникшая на почве тесного единения войск с пролетариатом и возможная благодаря энергичной деятельности Читинского Комитета РСДРП.

---

[1]) Газ. «Забайкалье», 1906 г., № 7.

[2]) Газ. «Сибирская Жизнь», 1906 г., № 14; «Военный Голос», 1906 г., № 179; «Сибирские Вопросы», 1906 г., книга I.

[3]) Газета «Сибирская Жизнь», 1906 г., № 183.

Забастовка войск иркутского гарнизона в ноябре—декабре 1905 г. Волна всеобщей забастовки, залившая всю Россию, достигла Иркутска 13 октября [1]).

В этот день на собрании служащих Забайкальской железной дороги решено было с 14 октября об'явить забастовку на железной дороге, вследствие чего с 15 октября движение поездов по Забайкальской жел. дороге прекратилось.

В гор. Иркутске закрылись магазины, к забастовавшим примкнули служащие городского общественного управления, банков и некоторых правительственных учреждений.

С первого дня забастовки начались митинги, собиравшие тысячи людей.

Местные комитеты социал-демократической рабочей партии и партии социал-революционеров, работавшие все еще в подполье, выпустили 60 тысяч агитационных листков, а для руководства забастовкой образовали стачечный комитет, принявший на себя также задачу по обслуживанию главнейших нужд населения, главным образом его питания.

Стачечный комитет не задавался пока еще целью захвата власти, а смотрел на забастовку, как на мирную демонстрацию политических желаний народных масс.

Но местная административная власть, в лице иркутского военного генерал-губернатора генерала графа Кутайсова, встревоженная размахом ярко выраженного общего недовольства почти всех слоев населения города, опасаясь восстания, естественно ищет опоры в войсках, и 16 октября по гарнизону отдается приказ с указанием ряда мер для подавления восстания.

Одновременно с этим были запрещены митинги, а ораторов и агитаторов стали арестовывать.

Гарнизон Иркутска к тому времени составляли 1-й и 2-й Сибирские запасные пехотные батальоны, 1-я и 2-я сотни Иркутского казачьего дивизиона, учебная и конвойная команды, юнкерское училище и прибывший временно на усиление гарнизона батальон 141-го Можайского полка 13-го арм. корпуса, всего до 10.000 чел. Кроме того, на линии железной дороги в распоряжении завед. передвижением войск находились части 3-го железнодорожного батальона и военно-телеграфной роты.

Опираясь на эту вооруженную силу, местная власть 18 и 19 октября производит ряд арестов, что готово нарушить мирное до сих пор течение забастовки, но 22 октября появление, наконец, манифеста сразу разряжает накалившуюся атмосферу.

Генерал-губернатор вплоть до своей отставки в декабре 1905 года остается лишь зрителем событий, происходящих в Иркутске. Не стесняемые, таким образом, местной властью, революционные силы после 22 октября открыто выступают на общественной арене.

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 16 отд., 1906 г., № 16. Рапорт нач-ка иркутского губ. жанд. управления 8 декабря 1905 г., № 14, о бунте в войсковых частях иркутского гарнизона.

22 октября было постановлено признать за стачечным комитетом власть временного правительства и взять управление городом в руки стачечного комитета. Городская управа беспрекословно передала ему свои полномочия и признала себя комиссией от комитета. В свою очередь, в стачечный комитет были включены два члена управы [1]).

Повидимому, к этому периоду относится телеграмма, с которой генерал-губернатор обратился к ген. Линевичу, главнокомандующему армиями в Манчжурии, ища у него помощи и поддержки:

«В Иркутске образовалось временное революционное правительство, мятеж в полном разгаре, резня неизбежна, войск недостаточно» [2]). Эта телеграмма наглядно свидетельствует о той панике, в которой пребывала высшая административная власть в крае, и о полной атрофии власти, что, как и в Чите, создавало весьма благоприятную почву для развития деятельности революционных партий.

Как и в других городах Сибири, в Иркутске прежде всего было приступлено к формированию дружин для самообороны.

Среди последних особенно выделялась по своей организованности и численности боевая дружина местного комитета РСДРП, в которую вошли почти все местные железнодорожные рабочие, вооруженные браунингами [3]).

Впоследствии под влиянием непрекращающихся убийств и грабежей формируется Иркутский Об'единенный Комитет самообороны, куда вошли и представители только что организованного торгово-промышленного союза, обязавшиеся добровольно вносить на ее содержание 5% с вносимой ими квартирной платы.

30 октября Иркутский Комитет РСДРП созывает первый открытый митинг в зале общественного собрания для обсуждения манифеста 17 октября.

Широкая и притом свободная пропаганда новых идей должна была захватить в свой круг войска гарнизона, которые держались пока обособленно, но внутри которых шло глухое брожение, вызванное, главным образом, распоряжением ген. Сухотина о задержке увольнения запасных, а также недовольством на усиленную караульную службу, тесноту размещения и плохое качество хлеба, выпекавшегося из затхлой муки.

Опасения возможного бунта солдат и боязнь погромов, пожаров и грабежей вызывает постановку на митинге, созванном соц.-дем. партией 21 ноября, вопроса об отношении граждан к грядущим событиям. Впервые на этом митинге выступает солдат Александровский с речью о казарменной дисциплине, обезличивающей солдата и делающей его слепым орудием в руках правительства.

В своей резолюции собрание постановило потребовать немедленного увольнения задержанных запасных, выразить сочувствие солдатам и напомнить им, что народ добивается политической свободы не

[1]) Газ. «Начало», 1905 г., № 3.
[2]) Газ. «Военный Голос», 1906 г., № 179.
[3]) Газ. «Сибирская Жизнь», 1905 г., № 244.

только для них, но и для солдат, почему они не должны смотреть на народ, как на своих внутренних врагов, как о том учат воинские уставы [1]).

В случае неувольнения запасных до 24 ноября солдаты должны были отказаться нести службу.

Этот митинг положил начало общению солдат с народом, а когда в тот же день генерал-губернатор, по представлению военного начальства, немедленно, не ожидая приказа военного министра, разрешил уволить в запас солдат 4-х старших возрастных классов, то эта мера, совпавшая с решением митинга, еще более укрепила эту связь.

В это же время революционными партиями был выпущен и распространен среди солдат и офицеров гарнизона ряд воззваний: «К солдатам», «Ко всем солдатам», «От офицера к солдатам», «Господам офицерам» и «Товарищи офицеры».

Агитация нашла для себя благоприятную почву в среде офицеров и врачей. В иркутском гарнизоне находилось большое число прапорщиков запаса в запасных батальонах и призванных из запаса врачей. Последние принадлежали к составу запасных госпиталей, развернутых в Иркутске на 8.000 мест, но к моменту революции насчитывавших не более 200 больных.

Врачи первые и откликнулись на призыв, постановив на своем совещании 22 ноября изложить в печати о положении военно-санитарного дела в Иркутске и заявить свой протест перед лицом общества, к начальству же по этому вопросу не обращаться.

Естественно, что они примкнули к движению среди войск и оказались в числе наиболее активных деятелей.

Офицерский состав в общем относился очень пассивно к обнаружившемуся среди солдат движению, большинство из них с началом забастовки перестало являться на службу, многие укрылись в юнкерское училище под охрану юнкеров.

Солдаты таким образом были предоставлены самим себе и весьма возможно, что брожение среди них вылилось бы в бурную форму, но этого не случилось благодаря тому, что с первых же дней волнений в солдатскую среду было внесено организующее начало.

Уже 23 ноября среди прапорщиков запаса и младших офицеров выделилась небольшая группа лиц, несомненно сочувствовавших солдатскому движению.

Собравшись по собственной инициативе в общественном собрании для обсуждения причин брожения среди солдат и выяснения, какое положение следует занять в этом движении офицерам, чтобы предотвратить возможность насилия, они пришли к заключению, что забастовка солдат неизбежна, если не будут удовлетворены их требования по увольнению запасных и реорганизации армии на началах права свободы и человечности, возвещенных манифестом 17 октября.

Бурного характера забастовки, по их мнению, можно было избежать лишь в том случае, если офицеры не оставят солдат и на общих

[1]) Газ. «Сибирская Жизнь», 1906 г., № 13.

с ними собраниях будут стремиться выяснить волнующие солдат вопросы. О своем постановлении собравшиеся офицеры (27 человек) решили довести до сведения начальства, по примеру врачей, через местную печать.

Отказываясь от непосредственного обращения к военному начальству, указанная группа уже порывала с ним и заняла если пока еще не враждебную, то обособленную позицию.

Обособленность эта дала себя особенно почувствовать на собрании офицеров и чиновников гарнизона, созванном 25 ноября начальником гарнизона для выяснения вопроса о настроении войск, причинах недовольства, о мерах, необходимых для предотвращения могущего возникнуть бунта и его проявлений среди населения.

Представители указанной выше группы, в лице поручика Осберга, штабс-капитана Неплюева, прапорщиков запаса Золотарева и Патушинского и военных врачей Образцова и Свиридова, открыто выступили сторонниками солдат, указывая на серьезность причин, вызывавших волнения и коренящихся в условиях быта, службы и правового положения солдат.

Большинство офицеров действительной службы отрицало существование революционного брожения, признавая в то же время факт недовольства среди солдат на почве экономических условий и заметный упадок дисциплины. Последний они приписывали главным образом дурному примеру прапорщиков запаса, небрежно относящихся к служебным обязанностям и слишком попросту обращающихся с солдатами.

Несмотря, однако, на такое расхождение во взглядах, указанной выше группе лиц удалось убедить собрание, что наиболее целесообразной мерой для предотвращения беспорядков является собеседование офицеров с солдатами для выяснения их требований с тем, чтобы затем те требования, которые в правах местного начальства, были немедленно удовлетворены, а остальные представлены высшему начальству. Собрание закончилось полной победой указанной группы. Не только восторжествовала ее точка зрения на ход событий в Иркутске, изложенная в резолюции 23 ноября, но собрание офицеров гарнизона выразило ей в конце концов полное доверие, предоставив представителям группы выбор депутатов от войск на предстоящее совещание офицеров и солдат гарнизона.

В отношении офицеров начальником гарнизона было предложено присутствовать на совещании тем из них, «кто не чувствует за собой вины перед солдатами».

Совещание состоялось на следующий же день 26 ноября в казармах 1-го запасного батальона. Председателем был выбран вольноопределяющийся унтер-офицер 2-го запасного батальона Подкулинский и помощником — прапорщик запаса Золотарев. Обсуждались вопросы, касавшиеся бытовых сторон солдатской жизни, при чем было решено: потребовать улучшения быта, равноправия личности офицера и солдата, отмены института денщиков, сокращения срока службы и свободного устройства митингов. В случае отказа в удовлетворении этих требований было решено об'явить забастовку.

Детальная разработка требований была возложена на комиссию из солдат под председательством Подкулинского. Эта комиссия в тот же день вошла в соглашение с союзом купцов города о скидке для солдат с цен на хлеб и о прекращении продажи водки, что подняло ее авторитет как среди солдат, так и среди населения.

27 ноября на митинге иркутских граждан, на котором присутствовали и солдаты, выразили горячее приветствие солдатам гарнизона представители Иркутского Комитета РСДРП и были заслушаны телеграммы из Харбина, Севастополя, Владивостока, Читы, касающиеся настроения и движения среди войск, телеграмма начальника гарнизона г. Иркутска командующему войсками Сибирского военного округа с просьбой об увольнении запасных всех сроков службы и доклад о бывшем накануне солдатском собрании. Впервые в Иркутске чисто военные дела были вынесены на обсуждение граждан, чем была сделана первая брешь в этой все еще неприступной крепости.

На этом же митинге делегат Забайкальской железной дороги доложил о переходе дороги в руки служащих и о предположении перевезти все войска из Манчжурии в течение 3½ месяцев.

28 ноября, по решению инициативной группы офицеров и врачей, о которой упоминалось выше, в здании городского театра был созван общегарнизонный митинг для оглашения выработанных комиссией Подкулинского требований.

Согласия военного начальства на это собрание не испрашивалось, поэтому этот акт являлся открытым разрывом указанной группы, овладевшей доверием войск, с начальством гарнизона. Военное начальство, в лице начальника гарнизона ген.-майора Ягодкина и командира 1-й запасной бригады ген. Ласточкина, знало о созыве митинга, но помешать не могло, так как в гарнизоне не было ни одной части, на которую можно было положиться.

Казаки — это обычное орудие подавления всякого недовольства и беспорядка — на этот раз изменили.

С возникновением волнений иркутские казаки оказались активнейшим элементом среди недовольных и представляли собой, как показали последующие события, главный оплот революционеров.

С этих пор, т.-е. с 28 ноября, ген. Ласточкин, фактически несший обязанности начальника гарнизона, занимает выжидательное положение, но, чтобы быть ближе к войскам, не терять с ними связи и для собственной безопасности, он переезжает из гостиницы, где до того жил, в канцелярию 1-го запасного батальона и своим влиянием и личным примером держит эту часть в относительном порядке, в то время как 2-й запасный батальон, командир которого поспешил рапортоваться больным, пришел в полное расстройство.

На митинг в здание городского театра собралось до 1.000 представителей от двух запасных батальонов, конвойной и учебной команд, казаков, телеграфной роты и батальона Каширского полка, задержанного в Иркутске по пути из Манчжурии. К выработанным требованиям было добавлено на митинге несколько новых, касавшихся удаления

некоторых нелюбимых солдатами офицеров. Требования были в тот же день пред'явлены генералу Ласточкину с тем, чтобы на следующий же день он дал ответ, согласен ли удовлетворить требования, если не все, то хотя бы частично.

На митинге было решено, если требования будут отклонены, то об'явить забастовку; последняя должна выразиться в отказе от несения службы. Комитету делегатов предложено было выработать план проведения забастовки. Участники митинга дали клятву не проливать крови и обещали применять оружие только для защиты своей жизни от насилия [1]).

Характерной особенностью этого митинга было отсутствие на нем гражданских лиц, — они не допускались. Исключение было сделано лишь для представителей печати.

Требования солдат иркутского гарнизона были сведены в 25 пунктов. По характеру своему они могут быть разделены на служебные, экономические, правовые и политические.

В числе первых, кроме увольнения в запас задержанных на службе чинов и сокращения караульного наряда, упоминается о сокращении срока действительной службы до 2 лет, об ограничении времени занятий шестью часами и об отмене несения полицейской службы, наконец, вводилось выборное начало для низших начальствующих лиц.

Видное место в ряду пред'явленных требований занимали экономические требования, а именно требовалась выдача пособия бедным солдатам при увольнении в запас, увеличение кормовых денег увольняемым на родину, увеличение пайка, увеличение жалованья до 5 рублей в месяц, улучшение одежды, обуви.

Ведение ротного хозяйства возлагалось на комиссию в составе одного офицера и четырех солдат — все выборные.

В правовом отношении требовалось вежливое обращение, отмена титулования офицеров и отдания чести вне службы, право устранения офицеров за грубое и жестокое обращение, отмена грязных работ и института казенной прислуги, свободная отлучка из казарм и ношение штатского платья вне службы, отмена арестов всех видов, уничтожение военных и полевых судов, военных тюрем, дисциплинарных батальонов и телесных наказаний, немедленное освобождение арестованных в дисциплинарном порядке, а также содержащихся под стражей до суда и следствия.

Введение общегражданского суда для воинских чинов за все преступления и учреждение товарищеского суда для маловажных проступков.

В политической части своих требований иркутский гарнизон высказался за всеобщее обучение и отмену смертной казни, амнистию всем воинским чинам, пострадавшим за религиозные убеждения, за свободу совести, право собраний, неприкосновенность корреспонденции

[1]) Газ «Русское Слово», 2 декабря 1905 г.

и непривлечение войск для подавления манифестаций, не имеющих характера погрома или грабежа.

Все эти требования были распространены и на казаков, но, кроме того, в специальных статьях было постановлено передать в распоряжение казаков капитал казачьего населения, находившийся в распоряжении генерал-губернатора, пособия казакам за павших лошадей выдавать им на руки и привлекать в комиссии по браковке собственных лошадей, обмундированию и снаряжению казаков наравне с офицерами.

Во всей программе требований общегражданские мотивы совершенно отсутствовали, они вылились только в особом постановлении собрания выразить сочувствие общенародным требованиям: о созыве Учредительного Собрания и о безвозмездной передаче всей земли народу на основе уравнительного пользования [1]). (Приложение 3-е.)

На митинге среди солдат было распространено воззвание Сибирского Союза партии соц.-революционеров: «Солдаты, посмотрите, что вокруг вас делается».

В тот же день «по всем городам России военным чинам, редакциям всех газет и пр.» была дана краткая информация о всем происходящем в Иркутске и о главнейших требованиях иркутского гарнизона. Телеграмма эта имела большое агитационное значение. Она, несомненно, подогрела настроение восставших в других городах, и особенно в Чите.

На следующий день, 29 ноября, был созван второй общегарнизонный митинг для выслушания ответа командира бригады на требования солдат. Руководящее положение на митинге в этот день заняли уже представители революционных организаций, наравне с инициативной группой офицеров и врачей.

Находя, что требования солдат удовлетворены лишь в самых несущественных чертах, участники митинга постановили об'явить забастовку и действовать сообща с местными революционными организациями, а тем офицерам, которые не примкнут к солдатам, предложить в 12-часовой срок оставить город.

Тут же был оглашен выработанный предварительно комитетом делегатов план забастовки: часть караулов снимается, канцелярии прекращают занятия, казенная прислуга работает за плату и т. п. Всем внушалась мысль о мирном характере забастовки, хотя и с оружием в руках. Для поддержания порядка в городе решено было подавлять самым решительным образом всякие попытки хулиганов и черносотенцев к нападениям и грабежам.

Офицеров, известных своим непримиримым отношением к движению среди солдат, преимущественно из числа старших, решено было арестовать и выбрать вместо них сочувствующих движению солдат [2]).

Было об'явлено, что город ассигновал деньги на уплату вознаграждения солдатам и казакам за несение караульной службы в городе, и

---

[1]) Газ. «Восточное Обозрение», 1905 г., № 265.
[2]) Газ «Восточное Обозрение», 1905 г., №№ 268, 271.

тут же председатель митинга вручил выборному командиру Иркутского казачьего дивизиона урядннку Сизых первый взнос — триста рублей.

Принято было решение овладеть артиллерийским складом и оружием, находящимся в частях войск.

Так как на всех митингах присутствовали переодетые агенты охранного отделения [1]), то о всех решениях тотчас становилось известным военному начальству, которое имело возможность и время принять те или иные меры.

29 ноября вечером, на тайном совещании группы некоторых офицеров, солдат и представителей революционных и либеральных организаций, было решено для руководства забастовкой, а затем, смотря по ходу действий, и захвата власти организовать военный стачечный комитет. В состав его вошли от гарнизона: поручик Осберг А. А., прапорщик запаса Муратов И. И., вольноопределяющиеся Подкулинский, Куренев, Аникин, Тонагель и Тимофеев, рядовые Подлинский и Гордон и урядник казачьего дивизиона Белоусов, от либеральных организаций — инженер князь Андронников и от революционных: от соц.-рев. — Михалевич и от соц.-дем. — лекарь Мандельберг.

Первым актом комитета было назначение на важнейшие военные должности в гарнизоне своих доверенных лиц.

Были выбраны и назначены начальником гарнизона поручик Осберг, комендантом — прапорщик Золотарев, командиром 2-го зап. батальона — капитан Суетов и командиром казачьего дивизиона — выбранный уже казаками урядник Сизых.

Утром 30 ноября вызванная из Черемхова рота местного гарнизона, по распоряжению ген. Ласточкина, арестовала некоторых из выборных начальников и доставила на городскую гауптвахту.

Был арестован также и поручик Осберг, явившийся к ген. Ласточкину с требованием отпустить на митинг тех солдат запасного батальона, которых ген. Ласточкину удалось, благодаря своему влиянию, удержать в казармах.

Узнав об его аресте, прискакали казаки, зарядили ружья, окружили все помещение канцелярии и вместе с солдатами и толпой, бывшей на улице, стали ломиться в запертые двери. Ввиду неизбежного кровопролития поручик Осберг предложил ген. Ласточкину отпустить его, дав слово явиться на другой день утром. Появление Осберга успокоило несколько толпу, но казаки, подстрекаемые урядником Сизых, решили арестовать, в свою очередь, ген. Ласточкина, грозя его растерзать. Только появление среди казаков популярного сотника Сутулова успокоило их и дало возможность увести их на митинг. Сутулов был вызван агентом охраны, который, будучи с ним знаком, убедил Сутулова, что он может спасти Ласточкина, если фиктивно присоединится к движению и вступит в командование дивизионом.

---

[1]) Рапорт начальника иркутского губ. жанд. упр. 8 декабря 1905 г., № 14.

В виде протеста против действий начальника гарнизона и для демонстрации своей силы, военный стачечный комитет решил произвести демонстративное шествие по городу и освободить арестованных, содержащихся на гауптвахте.

В колонну под командой поручика 2-го Сибирского запасного батальона Осберга, выборного начальника гарнизона, вошло две роты от 1-го и 2-го запасных пех. батальонов, часть Иркутской конвойной команды и Иркутского казачьего дивизиона, всего вместе с офицерами, врачами и гражданскими лицами до 5.000 человек. Колонна с пением революционных песен направилась к главной гауптвахте, где освободила содержащихся там двух прапорщиков запаса и 48 арестованных солдат.

Из находящегося рядом с гауптвахтой цейхгауза воинского начальника были взяты хранившиеся там винтовки (30 шт.) и патроны [1]). Были также сняты чины телеграфной роты с телеграфа и телефона.

Намерение овладеть артиллерийским складом было отложено, ввиду не вполне выясненного настроения роты Каширского полка, охранявшей склад, и отсутствия уверенности в том, что она не будет стрелять.

Городское управление весьма сочувственно относилось к забастовавшим, что выразилось предложением угощения всем участникам манифестации и ассигнованием, как мы видели выше, в распоряжение военного стачечного комитета денег для уплаты солдатам за несение караульной службы [2]).

Такая отзывчивость «отцов города» на нужды солдат может быть об'яснена желанием задобрить солдат, в связи с циркулировавшими все время по городу слухами о намерениях темной солдатской массы избить офицеров, а также поджечь и разграбить город.

В тот же день, 30 ноября, революционерами вновь были разосланы во все главнейшие города Сибири и России телеграммы с извещением, что в Иркутске войска перешли на сторону народа, и что город в руках революционеров, а вечером состоялось собрание офицеров и врачей гарнизона, на которое явилось до 200 человек.

На этом собрании была выработана резолюция, согласно которой выбранная из офицеров комиссия должна была разобраться со всеми хозяйственными вопросами забастовавших частей, а также заняться разработкой новых требований, пред'явленных солдатами на происходивших собраниях.

Особой депутации было поручено об'явить генералу Ласточкину состоявшееся постановление и предложить свое посредничество для умиротворения забастовавших солдат. Ген. Ласточкин предложения эти отверг и об'явил, что дальнейшее движение будет подавлено силой. В этот день в Иркутск прибыл первый эшелон Иркутского сибирского пехотного полка, в составе 300 человек, на которых ген. Ласточкин

---

[1]) Лефортовский архив, 16 отд., 1906 г., № 36.
[2]) Газ. «Восточное Обозрение», № 273.

мог вполне положиться. Иркутцы об'явили, что они не только не примкнут к движению, но окажут самое активное сопротивление.

Когда о заявлении ген. Ласточкина и настроении Иркутского полка стало известно совещанию, то это произвело на членов собрания угнетающее впечатление. Присутствующим стало ясно, что время упущено, и что дело идет о ликвидации восстания.

Виноватым оказался поручик Осберг, на которого посыпались обвинения в недостаточно энергичном руководстве бунтом.

После взаимных препирательств, придя к заключению о необходимости ареста ген. Ласточкина, члены собрания разошлись.

1 декабря была сделана попытка ареста ген. Ласточкина. Для этого были собраны все находившиеся в распоряжении стачечного комитета военные силы (две сборные роты 1-го и 2-го запасных батальонов, две сотни казаков и команда).

Но когда войска узнали, что тут же на дворе находятся части Иркутского полка, враждебно к ним настроенные, и что все попытки убедить иркутцев не стрелять в своих товарищей остаются без успеха, солдаты и казаки разошлись по домам.

Неудачная попытка ареста ген. Ласточкина произвела на казаков деморализующее впечатление.

Не дремала и агентура, пустившая слух о 8 пулеметах, будто бы имеющихся у иркутцев, что окончательно поколебало казаков. К тому же главный зачинщик, поднявший казаков, урядник Сизых был предусмотрительно командирован сотником Сутуловым, вместе с пятью наиболее революционно настроенными казаками в поселок Иннокентьевский для переговоров с стоявшей там сотней, где и был арестован.

Тщетны были усилия военного стачечного комитета, члены которого провели всю ночь в канцелярии дивизиона, поддержать революционное настроение казаков, на которых, собственно, и держалось все восстание. Оно явно шло на убыль.

2 декабря, узнав об аресте урядника Сизых и его товарищей, казаки, решив окончательно порвать с восставшими, отправили депутатов принести повинную ген. Ласточкину, прося его освободить арестованных.

Последний отказал казакам в их просьбе, а когда дивизион, по его требованию, прибыл к нему в полном составе, то он об'явил казакам, что простить он их не может, но будет ходатайствовать об их помиловании.

Слова эти были восторженно встречены казаками, которые с песнями отправились домой.

Отпадение казаков сразу отозвалось на настроении остальных частей гарнизона. К тому же в этот же день последовало распоряжение об увольнении в запас солдат нескольких сроков службы. Очередной митинг не мог состояться за неприбытием солдат.

По той же причине не мог состояться митинг, назначенный 3 декабря союзом военнослужащих иркутского гарнизона. Этот союз, организованный группой офицеров, из числа бывших на собрании

23 ноября, разработал программу своих требований, которую хотел представить на обсуждение солдат.

Восстание, видимо, приходило к концу. Ввиду распространившихся по городу слухов, что военный стачечный комитет распался и некоторые члены его уже арестованы, вечером 3 декабря группа офицеров и врачей, всего около 40 человек, в большинстве сочувствующих движению, собралась в общественном собрании для обсуждения создавшегося положения и тех мер, которые необходимы для безболезненной ликвидации движения.

Собрание констатировало, что забастовка солдат иркутского гарнизона явилась отражением волнений, охвативших всю Россию, и вызвана, главным образом, удержанием на службе запасных, что пред'явленные солдатами иркутского гарнизона требования об'ясняются назревшей необходимостью радикально изменить экономические и правовые условия солдатского быта, и что благодаря вмешательству в забастовку группы офицеров, содействовавших мирному ее течению, был предотвращен бунт солдат, грозивший ужасами как для офицеров, так и для мирного населения Иркутска.

Усматривая в этих обстоятельствах данные, оправдывающие действия некоторых солдат и офицеров, которые могли считаться не вполне корректными, собрание постановило настаивать, чтобы все участники забастовки и ее руководители — солдаты, не подвергались за это участие никаким репрессиям.

Но военная власть, находившаяся до того в состоянии вынужденного бездействия, а теперь с прибытием всего Иркутского Сибирского пехотного полка значительно окрепшая, была иного мнения.

4 декабря последовали аресты ряда наиболее видных членов военной организации.

Были арестованы: капитан Суетов, прапорщик Золотарев, поручик Ильинский, шт.-капитан Неплюев, сотник Сутулов, урядник Сизых и два солдата Барановский и Живцин.

Главари восстания поручик Осберг и унтер-офицер Подкулинский, а также пор. Домусчи успели скрыться.

Этим актом иркутская забастовка может считаться законченной.

Усилия революционных партий поднять настроение солдат путем общенародного митинга, имевшего такой успех в ноябрьские дни, не оправдались.

На созванном в тот же день митинге среди тысячной толпы граждан оказалось всего 20 солдат, и то исключительно госпитальных команд.

Отсутствие солдат сказалось и на настроении толпы.

Она мирно разошлась, несмотря на вызов, брошенный ей ген. Ласточкиным, который не пожелал даже принять депутатов, посланных к нему для пред'явления не требования, а просьбы освободить арестованных.

Впоследствии по делу о военной забастовке в Иркутске было привлечено до 100 человек солдат и несколько офицеров.

Из гражданского населения было выслано 1.500 человек и заключено в тюрьмы 750 человек [1]).

Бунт Александровской местной команды. Александровская местная команда [2]) была расположена при Александровской центральной каторжной тюрьме. Команда несла службу внешней охраны тюрьмы, а также конвоировала партии ссыльных в Якутск.

8 ноября 1905 года команда справляла свой ротный праздник. После молебна солдаты получили по чарке водки и улучшенную пищу.

Первая полурота почти вся заступила в караул при тюрьме. В казарме оставались только небольшая часть людей этой полуроты и вся вторая полурота.

После обеда фельдфебель приказал солдатам этой последней разместить снег на солдатском катке, но унтер-офицер Кленский, а за ним рядовой Апрелков и другие заявили, что в праздник на работу они не пойдут, и стали кричать, чтобы никто не ходил; а Кленский заявил фельдфебелю: «Мы на работу не пойдем, устроим забастовку», рядовой же Васильев обругал фельдфебеля и бросился на него с кулаками. Фельдфебель приказал Васильеву отправиться под арест, но те же нижние чины и другие, к ним присоединившиеся, не допустили ареста, а затем бросились к карцерам и освободили арестованных в этот же день начальником команды Кобелева и Сафронова; последнего подняли на руки и несли его с криками «ура», «свобода».

Начальник команды, получив от фельдфебеля сведение о начинающихся волнениях, отправился во вторую полуроту и приказал барабанщику и горнисту бить тревогу. По тревоге вышли только люди, оставшиеся от наряда первой полуроты, а из второй никто не вышел.

Когда начальник команды вошел в казарму, то навстречу ему понеслись крики «ура», «свобода». Так как в шуме ничего нельзя было разобрать, то начальник команды вызвал из полуроты Кленского, Апрелкова и Шаврина, о которых ему доложил фельдфебель, как о зачинщиках беспорядков, и узнал от них, что причина недовольства солдат в том, что мала порция мяса, не выдают валенок, мало папах, мало жалованья и амуничных денег.

Он приказал, чтобы на следующий день каждый отдельно заявил ему о своих нуждах, на что один из солдат, Апрелков, дал обещание, что беспорядков не будет.

Затем часть 2-й полуроты вышла на каток, где, под управлением Апрелкова, Шаврин, Махотин, Кленский и другие пели «марсельезу» и «дубинушку». По возвращении в казарму Апрелков увещевал солдат «не бунтовать».

В это время в казарму прибежал денщик начальника команды и сказал, что в Иркутск послана телеграмма о присылке батальона.

---

[1]) Газета «Сибирская Жизнь», 1906 г., № 82.
[2]) Там же, № 147.

Известие это подлило масла в огонь. Сейчас же в полуроте раздались крики, призывающие вооружиться и разбить цейхгауз. Апрелков стал останавливать товарищей и убеждать добиваться своих желаний мирным путем; за это Томилов упрекнул Апрелкова, сказав, что теперь он отвертывается от товарищей, хотя сам начинал. Апрелков все же долго уговаривал не трогать патронов. В это время Рассказов заиграл тревогу, и собравшиеся по тревоге солдаты стали разбирать ружья; кто не хотел этого делать, заставляли силой, при чем командовал всем Кленский, другие бегали по казармам с винтовками, грозя заколоть всякого, кто не пойдет ломать цейхгауз.

Разобрав винтовки, разбили окна, разгромили казарму, а потом вошли на двор, где Кленский построил солдат, а затем одна часть пошла в 1-ю полуроту, где разгромила ее кухню и столовую, а другая, во главе с Кленским, разбила дверь цейхгауза и взяла из него ящики с патронами и перенесла их в казарму. Там патроны разобрали и открыли стрельбу по квартире начальника команды.

Затем все партии направились в село, где одна партия направилась к винной лавке, взломала дверь и разобрала водку, а другие — к волостному правлению, чтобы освободить арестованных. Так как таковых там не оказалось, то и эти партии направились к винной лавке, где взломали кассу и разобрали водку. Во время разгрома лавки, по свидетельству сидельца, один из солдат кричал: «Мирных жителей не трогать, мы не грабители... Бей все казенное. Долой самодержавие! Да здравствует революция!».

Отсюда часть солдат, во главе с Кленским, Шавриным, Рассказовым, направилась к почтово-телеграфной конторе и сначала пыталась оборвать провода, но когда это ей не удалось, то Шаврин, разбив окно, столкнул винтовкой со стола телеграфный аппарат.

Вернувшись в казарму, те же Кленский, Рассказов и Кузьминых порвали царские портреты, а другие в это время разграбили артельную лавку и продолжали пить водку.

Затем снова пошли за патронами в цейхгауз, здесь поднялась затихшая было стрельба, и в это время неизвестно кем был убит Апрелков. Около 3 часов ночи были подожжены казармы 1-й полуроты, цейхгауз, кухня и гимнастика.

Иркутский генерал-губернатор в своем донесении министру внутренних дел выставил причиной бунта постоянное соприкосновение с политическими, в особенности во время их конвоирования в Якутск и обратно.

По делу о восстании в Александровской местной команде были преданы военно-окружному суду в г. Иркутске унтер-офицер М. Кленский, два ефрейтора и 38 рядовых.

Приговором суда унтер-офицер Кленский и 4 рядовых были приговорены к бессрочной каторге, 10 человек оправданы, а остальные приговорены к каторге на разные сроки, частью же в арестантские роты и дисциплинарный батальон.

Заключение.

В четырех небольших очерках изложены с возможной полнотой вооруженные выступления войск, имевшие место в Сибири в 1905 году.

В Красноярске и Чите эти выступления имеют ярко революционную окраску, они проходят при ближайшем участии, а иногда и под непосредственным руководством социалистических партий.

Войска и войсковые революционные организации, в виде об'единенного Совета солдат и рабочих (Красноярск) и Совета Солдатских и Казачьих Депутатов (Чита), тесно спаявшись с пролетариатом, составляют там единый фронт.

В Иркутске революционный под'ем в войсках значительно слабее, войска стремятся выдержать свою особую от народных масс линию поведения. Военный стачечный комитет, поглощенный всецело заботой удержать в повиновении солдатскую массу, не может играть видной роли в общественных организациях, возникших во время революции.

В свою очередь, последние, находясь все время под угрозой бунта солдат, видят в войсках не опору для революционных действий, а тлеющий костер, который необходимо потушить ценою каких угодно мер. Это взаимное недоверие остается неизжитым до ликвидации восстания и отражается на всем его ходе.

Совершенно особняком стоит бунт Александровской местной команды, с уклоном, чуждым тем выступлениям, где во главе освободительного движения стояли революционеры.

Несмотря на такой разнородный характер восстаний, в них можно заметить две общих для Сибири черты, а именно: краткость процесса вовлечения войск в революционную борьбу и длительность самих восстаний.

Октябрьская забастовка застает сибирские войска на определенно враждебной и, в лучшем случае, безразличной позиции по отношению к так сильно выявившемуся среди народных масс освободительному движению.

Но уже в ноябре (Чита, Иркутск) и декабре (Красноярск) пассивность сменяется вооруженным выступлением на стороне народа.

Потребовалась громадная напряженная работа революционных партий, чтобы в такой короткий срок заставить солдат перейти в свой лагерь.

Главным средством для втягивания войск в революцию и для обработки их с точки зрения социально-политической явилась пропаганда путем митингов, получивших широкое распространение во всей Сибири. Печатное слово в газетах, агитационных листках и воззваниях, на которые в Сибири тоже не скупились, было доступно лишь более культурному слою, громадный же процент неграмотных среди коренного населения Сибири и в войсках среди запасных делал это средство агитации для народной массы малодоступным.

На митингах, устраиваемых по преимуществу социал-демократической партией, солдаты и казаки с офицерами или без них, но на

равной с ними ноге, обсуждая свои нужды, постепенно вовлекались в круг более широких интересов, социальных и государственных. Еще большее в этом отношении значение имело участие казаков и солдат в общенародных митингах. На них они приучались отождествлять свои солдатские нужды с нуждами рабочих и крестьян. За этим первым шагом недалек был и следующий, где сознание гражданина брало верх над дисциплиной, вбитой в солдата и казака долголетней службой.

Так, постепенно революционизируясь, солдаты и казаки Сибири превращались в «бунтарей».

Такая открытая продолжительная и беспрепятственная пропаганда могла иметь место лишь благодаря сложившейся в октябре — декабре военно-политической обстановке в Сибири, о чем была речь в начале статьи.

Она же об'ясняет и длительность самих восстаний, которые продолжались в Красноярске и Чите 2—3 месяца и только в Иркутске — 2 недели.

Выше упоминалось о процессе революционизирования войск, — данные очерка дают возможность судить и о его результатах.

В Красноярске, где на сторону революции перешла только горсточка войск, восстание приводит к вооруженному столкновению войск. В Иркутске, где революционеры располагают наибольшим количеством войск (10.000 человек), они больше всего связаны в своих действиях; активной силой революции, подобно двум железнодорожным ротам в Красноярске, служат в Иркутске две сотни казаков, тоже и в Чите, где на одной высоте с казаками стоят железнодорожные и телеграфные части.

Социальный состав железнодорожных и телеграфных рот (мастеровые, техники, мелкие служащие почты и телеграфа) вполне об'ясняет восприимчивость этих частей к лозунгам, провозглашенным революцией. Но что выдвинуло в первые ряды восставших войск иркутских и забайкальских казаков, в то время как томские и красноярские казаки в эти же дни принимают деятельное участие в подавлении красноярского восстания? Причину этого надо искать не в социальном составе, а в экономическом положении казачьих войск в Сибири.

Забайкальское казачество за десятилетие 1895—1905 гг. выдержало три мобилизации и две войны: боксерское восстание в Китае в 1901 году и русско-японскую войну. Эта последняя подорвала силы забайкальского казачества, так как война оторвала от семейного очага свыше 50% взрослого мужского населения. В станицах остались лишь дети, женщины и старики. Хозяйства были заброшены, все годные лошади были взяты в поход. Плохая обработка полей привела к неурожаю в 1905 году. Казачьим семьям грозил голод.

Не лучше было положение иркутских казаков. Из 400 казаков этого общества было мобилизовано 340. Семьи их так же бедствовали, как и забайкальских казаков, особенно же плохо было положение семей городских казаков, вследствие все возраставшей дороговизны на предметы первой необходимости.

Столь сильное экономическое истощение, в связи с задержкой на службе казаков, несмотря на заключение мира, создавало благоприятную почву для агитации среди них. Но у забайкальских казаков, кроме того, оставался еще издавна неразрешенный свой аграрный вопрос, создавшийся на почве земельной тесноты, вследствие непомерно разросшегося аппетита управления кабинетскими землями (т.-е. землями, принадлежащими лично царю), с которым они до сих пор тягаться не могли и несли всевозможные притеснения и обиды.

Все эти обстоятельства были своевременно учтены революционерами, и казаки пошли за теми, кто первый поднял голос протеста во имя улучшения их материального быта и правового положения.

Состав сибирских пехотных запасных войсковых частей оказался менее податливым революционной агитации. Революционные лозунги с трудом проникали в толщу запасных, в большинстве зажиточных крестьян сибирских или восточных губерний России, живших только одной мыслью поскорее раз'ехаться по домам.

Удовлетворение этого требования в большинстве случаев вело к ликвидации недовольства и поводов к беспорядкам. Это явление имело место повсюду в Сибири, но особенно характерно оно выявилось в Омске, в месте пребывания самого командующего войсками Сибирского военного округа, где назревавшие уже волнения в войсках гарнизона прекратились, как только был назначен день роспуска запасных.

Роль сибирских запасных частей в революционном движении сказалась в участии на шумных митингах, уличных демонстрациях, в крайности в отбитии и освобождении арестованных, вообще в таких действиях, где преданность делу революции не подвергалась тяжелым испытаниям.

Но чуть дело принимало серьезный оборот — как то было в Чите и Иркутске в конце восстания, — запасные части первыми выбывали из строя. Вот почему, несмотря на многие тысячи вооруженных солдат, которые числились в революционном лагере, фактически революционеры располагали только немногими сотнями казаков и солдат, которые только и составляли активную силу революции.

Третью категорию войск составляли войска 4-го Сибирского корпуса: Красноярский, Читинский, Иркутский, Енисейский и Омский полки. Революционная пропаганда, несмотря на все принятые для этого меры, не коснулась их. Они сохранили полный внутренний порядок, дисциплину и, по прибытии из Манчжурии в сибирские города, послужили опорой для восстановления старой власти.

Разгадку их поведения надо искать в их социальном составе. Полки эти входили в 1-ю и 2-ю пехотные резервные сибирские бригады, комплектовавшиеся преимущественно из уроженцев Сибири, в большинстве зажиточных и притом враждебно настроенных к пришлому элементу, каковым преимущественно являлись революционеры.

Эти свойства сибирских пехотных частей были хорошо известны генералу Сухотину, который терпеливо ожидал их прибытия из Ман-

чжурии, вполне уверенный, что с их появлением порядок в Сибири будет быстро восстановлен.

Особенности военного и социально-политического положения в Сибири осенью и зимой 1905 года, позволившие революционерам не только поднять восстание в войсках и в рабочих массах, но и направлять в течение сравнительно длинного промежутка времени, действуя совершенно открыто, ход революции, вызвали необходимость создания новых органов революционной власти.

Такими органами явились Об'единенный Совет Солдатских и Рабочих Депутатов в Красноярске, Совет Солдатских и Казачьих Депутатов в Чите и военный забастовочный комитет в Иркутске.

В Красноярске и Чите эти органы составляются из элементов, проявивших наибольшую революционность, и пользуются всей полнотой власти; в Иркутске военный комитет ведает только войсками, что вполне отвечает характеру иркутского восстания и того малого доверия, которое питали там к войскам революционные организации.

Имеющиеся материалы не дают возможности дать оценку деятельности этих органов, делавших еще только первые шаги; из того, что сказано о их деятельности в очерке, можно заключить, что общественная безопасность, нужды населения и войск находили к себе внимательное отношение, почему Советы привлекли к себе симпатии населения.

Итак, военная и социально-политическая обстановка в Сибири осенью 1905 года создала исключительно благоприятное положение для революционного переворота путем захвата власти при помощи войск. Но политическая незрелость, неблагоприятный состав и непреодолимая тяга домой солдат Сибирских запасных батальонов вырвали их из рук революционных партий несмотря на необычайно напряженную агитационную работу среди этих войск. В силу этого сколько-нибудь широкое развитие освободительное движение принять не могло, так как главная масса войск в гарнизонах Сибири оказалась мало подготовленной.

III. ТУРКЕСТАНСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ.

Волнения в туркестанских войсках на революционной почве не ограничились одним 1905 годом, с одинаковой почти силой они продолжались и в 1906 году, почему в настоящем очерке рассматриваются случаи волнений за оба эти года.

Социально-политическая обстановка Туркестана. Туркестанский военный округ, обнимавший средне-азиатские владения России, вошедшие ныне в состав Узбекской и Туркменской союзных и Киргизской автономной республик, так же, как остальные военные округа империи, был затронут революцией, но в значительно более слабой степени. Об'яснения этому надо искать в особенных условиях политической и социальной жизни Туркестана, которые придавали ему характер колонии.

Составляя самую южную окраину бывшей Российской империи, отделенный от нее на западе Каспийским морем, а на севере безбрежными пустынями и степями, постройка через которые Ташкент-Оренбургской железной дороги только что заканчивалась, населенный почти исключительно туземцами-мусульманами, в массе которых европейцы — русские, армяне, евреи и др. народности — составляли ничтожное меньшинство, в то же время являвшееся господствующим классом населения, — Туркестан держался, как это показало андижанское восстание 1898 года, не на преданности населения существовавшему режиму, а на силе штыка.

Всякие крупные беспорядки среди русского населения, а особенно среди войск, по мнению высшей русской администрации того времени, могли поколебать среди туземцев престиж русской власти и вызвать движение ярко мусульманской окраски, направленное против европейцев вообще [1]).

Так же смотрела на этот вопрос и бо́льшая часть русского коренного населения и войсковые начальники, в руках которых это обстоятельство являлось отличным средством агитации для удержания войск в повиновении.

Эта известная настороженность по отношению к туземному населению вела к быстрому и энергичному подавлению всяких попыток к волнениям и беспорядкам как среди населения, так и среди войск,

---

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 7 отд., 1907 г., № 113, стр. 30.

в случае их возникновения, и она же давала право высшей администрации края, в лице туркестанского генерал-губернатора и военных губернаторов, рассчитывать если не на поддержку, то на сочувствие большей части европейского населения и верность войск.

Русское городское население, сосредоточенное преимущественно в крупных административных центрах, каковыми являлись: Ташкент, Самарканд, Нов. Маргелан, Андижан, Коканд, Чарджуй, Мерв, Асхабад (ныне Полторацк) и Красноводск, состояло преимущественно из семейств лиц административной службы и военнослужащих как действительной службы, так и отставных, и весьма ограниченного числа ремесленников и торговцев, имевших хороший заработок. Ряды домашней прислуги и чернорабочих пополнялись по преимуществу из туземцев, ими же пользовалась и слабо развитая в Туркестанском крае промышленность.

Таким образом, городское население Туркестана по своему классовому составу имело мелкобуржуазный характер. Крупные капиталисты среди русских насчитывались единицами, значительно больше их было среди туземцев, игравших крупную роль в экономической жизни края.

Такой же характер имело и русское землевладельческое население, вкрапленное отдельными крупными поселками в гущу туземного населения. Обладая большими земельными наделами, имея обеспеченный сбыт своих продуктов в соседние города, русское пришлое крестьянство жило зажиточно и имело большею частью кулацкий характер, так как беспощадно эксплоатировало туземную бедноту в качестве наемной рабочей силы.

Русскому земледельческому населению не только не было никакого повода к аграрным волнениям, наоборот, оно было самым кровным образом заинтересовано в том, чтобы авторитет русской власти оставался непоколебимым.

С крушением его они теряли право на существование, так как не было никакого сомнения, что туземцы силой восстановят свое право на отнятые у них русской властью по размежеванию или самовольно поселенцами земли и иные угодья.

В настроении русского сельского населения власть была настолько уверена, что в целях самообороны снабдила его берданками и, как показали позднейшие события 1905 и 1906 гг., нисколько не обманулась в нем.

Таким образом, русское коренное население края, ни городское ни сельское, за исключением маленькой группы русской интеллигенции (учителя, учащиеся, адвокаты), не представляло благодарного материала для революционного движения.

Совсем иной характер имели железнодорожные служащие и рабочие, сосредоточенные в значительном количестве в железнодорожных центрах: Ташкенте, Асхабаде (Полторацке), Черняеве, Чарджуе, Мерве, Кизил-Арвате, где имелись обширные депо и мастерские, а в Ташкенте и Асхабаде, кроме того, управления дорог, в первом — Ташкент-Оренбургской и втором — Средне-Азиатской.

Общее число рабочих и служащих достигало 15 тыс. человек [1]).

Эти представители пролетариата и явились тем активом революции, который приобщил Туркестан к освободительному движению, охватившему всю Россию, и вовлек в революционное движение войска.

В самом начале Октябрьской революции железнодорожные служащие и рабочие сорганизовались в средне-азиатское отделение союза железнодорожных служащих. Комитет отделения, образовавшийся в Асхабаде при управлении дороги, направлял деятельность по всей линии Средне-Азиатской железной дороги. Имея в своих руках транспорт и телеграфную связь, располагая в крупнейших городах края, как мы видели выше, готовыми кадрами для выступления против правительственных властей, поддерживая непосредственную связь с бюро союза железнодорожников в Москве, комитет в эпоху октября 1905 года представлял собой политический центр, боровшийся, по мере сил и возможности, с Ташкентом, военно-административным центром края.

Гарнизоны, лишенные всякой связи с центром в момент забастовки, оказались предоставленными самим себе. Войсковые начальники, оставшиеся вне всякого руководства, должны были действовать по собственному разумению.

И мы увидим, что в то время как в Ташкенте политическая атмосфера сразу раскаляется благодаря применению вооруженной силы 19 октября при разгоне митинга, в Асхабаде примирительная политика начальника Закаспийской области и командира 2-го Туркестанского корпуса ген. Уссаковского дает возможность избежать всяких эксцессов в течение всего 1905 года.

Правда, это достигается ценою полного невмешательства войск в забастовочное движение и предоставления полной свободы действий комитету союза, который вплоть до увольнения ген. Уссаковского становится фактическим хозяином области.

Забрав в свои руки все управление Средне-Азиатской железной дорогой, комитет проводит в ноябре 1905 года вторую забастовку, в виде протеста против подавления восстания 1-го Ташкентского резервного батальона в ночь с 15 на 16 ноября.

Он же принимает самое деятельное участие в ликвидации кушкинского инцидента, вызванного комендантом крепости ген. Прасоловым, который, предупреждая возможные волнения в войсках крепости, арестовал и предал военно-полевому суду нескольких служащих дороги.

Ниже мы увидим, что комитет союза железнодорожников, являясь в Туркестане главным руководящим центром всего революционного движения, имел в той или иной форме связь с войсками.

Положение Туркестана в военном отношении. Основу русских вооруженных сил в Туркестане составляли Туркестанские стрелковые батальоны в числе 32-х, сведенные в восемь бригад и расположенные преимущественно побригадно в крупных центрах края. Кроме того, имелись 1-я и 2-я Туркестанские резервные пехотные бригады из че-

[1]) Газ. «Асхабад», 1905 г., № 209.

тырех батальонов каждая, 1-я и 2-я Туркестанские артиллерийские бригады, Туркестанский и Закаспийский саперные батальоны, Туркестанская понтонная рота, Туркестанская железнодорожная бригада в составе 1-го и 2-го Закаспийских железнодорожных батальонов и отдельная Кушкинская полевая железнодорожная рота. Конницу составляли 1-я Туркестанская казачья дивизия, части которой находились в Ташкенте и Самарканде, и Закаспийская отдельная казачья бригада в Асхабаде и Мерве.

Все полевые и резервные части были сведены в два корпуса: 2-й Туркестанский, обнимавший территорию от Каспийского моря до р. Аму-Дарьи, и 1-й Туркестанский — на восток от этой реки.

Для плавания по р. Аму-Дарье содержалась Аму-Дарьинская флотилия, комплектуемая новобранцами на общих основаниях и отчасти вольнонаемными.

В городах с многочисленным туземным населением, как, например, Ташкенте (100 тыс.), Самарканде (50 тыс.), Коканде (100 тыс.), Ходженте и некоторых других, были сооружены русскими или приспособлены для обороны имевшиеся там «крепости», в виде небольшого форта, обнесенного земляным валом со рвом или высокой глинобитной стеной с воротами. Внутри такой «крепости» находились казармы для всего или только части гарнизона и склады огнестрельных припасов. На вооружении их имелись артиллерийские полевые орудия устарелых типов, а для обслуживания последних — крепостные артиллерийские роты.

Крепости имели назначением служить оплотом войск и убежищем для администрации и русского населения в случае восстания туземцев.

Особенно обширная крепость была сооружена в Ташкенте, где были расположены казармы 1-го Ташкентского резервного батальона, Туркестанских артиллерийских парков и Туркестанской крепостной артиллерийской роты.

Совершенно особое значение имела крепость Кушка, расположенная непосредственно у самой границы Афганистана на пути к афганской крепости Герат. Располагая очень слабыми с технической стороны крепостными сооружениями, в виде отдельных земляных укреплений на окружающих высотах, она могла в любую минуту подвергнуться нападению афганцев, почему была насыщена значительным количеством войск.

Всякие волнения в войсках крепости грозили расстройством ее обороноспособности, а в связи с перерывом сообщения по железной дороге и связи по телеграфу могли поставить крепость, в отношении задачи, на ней лежащей, по обеспечению границы, в критическое положение. В то же время полная изолированность крепости и удаленность ее от центра края благоприятствовали попытке революционного захвата ее взрывом изнутри.

В отношении «благонадежности» войска, как это можно было предвидеть заранее и как это подтвердилось событиями революционных 1905 и 1906 гг., были далеко не равноценны.

Безупречными в смысле дисциплины и чувства долга считались казачьи части [1]), ниже других стояли железнодорожные и саперные части. Стрелковые и резервные части по оценке командующего войсками округа, данной уже в 1907 году, занимали среднее место. Справедливость требует, однако, отметить, что в стрелковых частях крупные беспорядки характера военного бунта, как видно будет из изложенного, имели место только в 1906 году в Асхабаде, в разгар же революции они оставались на противной стороне и тем содействовали ее ликвидации.

Саперные и железнодорожные части комплектовались почти исключительно из мастеровых и рабочих; командир 1-го Закаспийского железнодорожного батальона характеризует классовый состав солдат своего батальона следующими словами: «Хлебопашцы, не испорченные городской жизнью, со взглядами консервативными составляют небольшое меньшинство, главную же массу составляют мастеровые, известные своей нравственной распущенностью, а за последние годы — и революционным настроением под влиянием социальной пропаганды» [2]).

Отсюда ясно, что по своему социальному составу войска эти являлись наиболее подготовленными для вовлечения в революционную борьбу.

Особенно же благоприятно сложились для этого условия службы железнодорожных войск.

В 1905 году Средне-Азиатская железная дорога продолжала еще находиться в военной эксплоатации, т.-е. обслуживалась железнодорожными батальонами, а именно: 1-й Закаспийский железнодорожный батальон, со штабом в Асхабаде, обслуживал участок железной дороги от Красноводска до Чарджуя, а 2-й Закаспийский железнодорожный батальон, имея штаб в г. Самарканде, обслуживал остальной участок дороги от г. Чарджуя до г. Андижана. Начальник Туркестанской железнодорожной бригады, военный инженер генерал-майор Ульянин, являлся одновременно и начальником дороги, проще говоря, дорога была милитаризирована.

Обслуживание железной дороги вызывало необходимость разброски этих батальонов мелкими частями по всей линии, при чем солдаты, назначенные на службу дороги для исполнения обязанностей от начальника станции до стрелочника и от машиниста до кондуктора, совершенно отрывались от своих рот. Жили они не в казармах, а в железнодорожных домах вместе с вольнонаемными служащими или на вольнонаемных квартирах. Такие «деповские», как их называли, солдаты находились в номинальном подчинении командиров своих рот, получая от них жалованье, порционные деньги и обмундирование, фактически же они находились в ведении начальников различных служб железной дороги.

---

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 7 отд., 1907 г., № 231.

[2]) Лефортовский архив, доклад командира 1-го Закаспийского жел.-дор. батальона 16/X 1906 г., № 1278.

В силу таких условий службы и быта большая часть солдат железнодорожных батальонов жила в совершенно исключительных условиях полной свободы своих общественных отношений, вне надзора своего непосредственного строевого начальства.

Работая на одном паровозе, за одним станком, проводя вместе все свободные часы, железнодорожные солдаты, естественно, сблизились с рабочими и служащими дороги, с которыми у них были общие как материальные, так и служебные интересы и одинаковые классовые стремления.

Строевое начальство, как более далекое и требующее постоянного порядка, подтянутости и соблюдения дисциплины, являлось для таких солдат элементом враждебным; такие взаимоотношения служащие и рабочие дороги старались развить и поддержать. Отсюда озлобленное, враждебное отношение к офицерскому составу, которое в остальных родах войск в эти годы здесь почти не наблюдается [1]).

Таким образом, наиболее революционный элемент туркестанских войск еще задолго до вспышки революции находился в тесном единении с наиболее революционной средой местного населения, железнодорожным пролетариатом. Естественно поэтому, что при первом же его выступлении ближайшую поддержку должны были оказать железнодорожные войска. Так оно и произошло в действительности.

Чтобы возможно полнее охарактеризовать состояние туркестанских войск, в котором их застала революция, необходимо указать еще на массовую пропажу оружия из казарм и складов оружия и патронов, особенно участившуюся в частях округа, начиная с 1904 года [2]).

Так, за 6 месяцев 1905 года было похищено 111 револьверов и 160 винтовок разных образцов.

Постоянные донесения о пропаже оружия вызвали на одном из них резолюцию военного министра: «Если так пойдет, то мы останемся без оружия. Надо вновь обратить внимание начальства и начать карать, — иначе не заставить быть бдительным» [3]).

Единичные случаи похищения оружия были обычным явлением в туркестанских войсках. Этим занимались солдаты-армяне, при посредстве обывателей-армян переправлявшие это оружие в Афганистан, выручая при этом большие деньги. Но массовые пропажи оружия, имевшие место в 1904 и 1905 гг., позволяют ставить их в связь с политическим моментом, с подготовкой к восстанию. Так, 30 августа 1905 года в лесном складе в Ташкенте был обнаружен в земле склад оружия: ружей, револьверов, патронов, преимущественно, как добавляет газета, старых образцов [4]).

Революционное движение в туркестанских войсках. Из ряда беспорядков в войсках Туркестана наиболее крупными по масштабу являются военный мятеж солдат 1-го Ташкентского резервного батальона в ночь

[1]) Лефортовский архив, дело гл. штаба, 7 отд., 1907 г., № 113, стр. 8.
[2]) Там же, 16 отд., 1906 г., № 51.
[3]) Там же, 16 отд., 1905 г., № 317, стр. 155.
[4]) Газ. «Русский Туркестан», 1905 г., № 191.

с 15 на 16 ноября в Ташкенте, забастовка части войск асхабадского гарнизона 14—17 июня 1906 г. и вооруженное восстание Туркестанского и Закаспийского саперных батальонов 3 июля того же года.

Ввиду того, что как здесь перечисленные, так и другие, более мелкие волнения находятся большею частью в тесной между собой связи, при изложении их принят хронологический порядок на фоне общереволюционного движения в Туркестанском крае.

Первые случаи массового неповиновения солдат, но без явных пока признаков революционных выступлений, имели место весной и летом 1905 года.

24 мая в саперном лагере под г. Ташкентом солдатами Туркестанского саперного батальона и военно-телеграфной роты были разгромлены кухонные очаги, опрокинуты котлы и вылит приготовленный ужин, на другой день последовал с их стороны отказ выйти на занятия.

16 июня в г. Самарканде команда в 20 чел. 5-й роты 7-го Туркестанского саперного батальона «не оказала должного уважения и повиновения» встретившемуся штаб-офицеру, а когда 5 солдат этой команды были под конвоем отправлены под арест, то солдаты 5-й роты силой освободили арестованных.

В мае — сентябре в ряде частей по всему Туркестанскому округу последовали коллективные заявления рот, батарей и парков о недовольстве своими фельдфебелями, вследствие их строгости и требовательности по службе, с требованием об их удалении [1]).

Все эти совершенно новые явления в жизни туркестанских войск, отличавшихся высокой дисциплинированностью и отличной выучкой, вр. и. д. командующего войсками округа ген. Сахаров считал не случайными, а стоящими в тесной связи «с распространением в народе вредных веяний и политических лжеучений, которые тем легче ими воспринимаются, что обещают улучшение тяжелого положения и сулят наделение землей» [2]).

Утешая себя тем, что первый случай имел место в саперных частях, «худших в нравственном отношении и наименее благонадежных в политическом отношении», а беспорядок в стрелковом батальоне произошел «по пагубному примеру сапер, преступление которых, вследствие медленности судебного расследования, оставалось долго без возмездия» (действительно, только 31 декабря 1905 г. в приказе начальника штаба 1-го Туркестанского корпуса об'явлено о наложении строгого ареста на 56 сапер на 7 суток каждому) [3]), командующий войсками находил, что пропаганда пока еще «не успела пустить глубоких корней в туркестанских войсках».

Но когда 1 сентября 1905 г. начальник главного штаба уведомил о решении военного министра политически неблагонадежных солдат Кавказского и Одесского округов, в числе 12-ти, перевести в войска

---

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 16 отд., 1905 г., №№ 276, 285
[2]) Там же, № 51.
[3]) Там же, № 186, стр. 48.

Туркестанского военного округа для назначения в гарнизоны малонаселенных пунктов, то командующий войсками запротестовал, указывая, что в округе их и без того много, что пропаганда широко распространена, почему убедительно просил меру эту отменить, дабы сохранить войска округа.

Из этого следует, что в самих войсках округа недостатка в горючем материале не было. О надлежащем политическом просвещении войск заботились и со стороны, о чем можно судить по ряду случаев обнаружения прокламаций в казармах, на дворах и у солдат, состоящих казенной прислугой. Бывали случаи, что распространителями прокламаций являлись сами же солдаты [1]).

Данные следственного производства по делу [2]) о мятеже 1-го Ташкентского резервного батальона устанавливают, что среди войск ташкентского гарнизона летом 1905 года велась тайно революционная пропаганда: «Во дворе дома сарта Тазея Юсупова жил отставной учитель Федоров с семьей, принадлежавший к крайней революционной партии; рядом жили известные своей революционной деятельностью доктор Чернобородов [3]) и прапорщик запаса Зурабов. Еще с конца лета на квартиру к Федорову ходило много солдат и вольных, по преимуществу рабочих. Много народа ходило и к доктору Чернобородову. Солдаты обыкновенно собирались к вечеру, начиная с 4 час. дня. Главным образом ходили саперы и солдаты 1-го Ташкентского резервного батальона, но бывали и артиллеристы»...

Октябрьская забастовка и манифест 17 октября всколыхнули все русское население в крупнейших центрах Туркестана. В Ташкенте и Самарканде на улицах появились толпы демонстрантов из рабочих и учащихся. 18 октября в Ташкенте толпа железнодорожных рабочих с присоединившимися к ней учащимися и городскими жителями, всего до 4—5 тыс. человек, направилась через весь город к тюрьме, требуя, на основании манифеста, освобождения содержащихся в тюрьме политических заключенных. Отряды войск преградили ей дорогу, и толпа цели не достигла.

Во время демонстрации враждебного отношения к войскам со стороны толпы не наблюдалось, наоборот, при встрече с солдатами демонстранты приветствовали их криками и поднимали вверх шапки [4]).

Но 19 октября такая же встреча имела роковые последствия. Толпа рабочих и граждан, собравшаяся у здания городской думы и не

[1]) Приказ по Туркестанскому военному округу 11 октября 1905 г., газ. «Русский Туркестан», 1905 г., № 227.

[2]) Архив штаба Туркестанского военного округа. Заключение по следственному производству о восстании нижних чинов 1-го Ташкентского резервного батальона и Ташкентского артиллерийского склада в ташкентской крепости в ночь с 15 на 14 ноября 1905 года.

[3]) Предполагавшийся перевод его в крепость Кушку не состоялся, так как мастеровые главных ташкентских мастерских подали заявление об оставлении его на ст. Ташкент. Газ. «Русский Туркестан», 1905 г., № 191.

[4]) Газ. «Русский Туркестан», 1905 г., №№ 227 и 228.

исполнившая приказа губернатора разойтись, была разогнана залпами стрелков и нагайками казаков, при чем было 4 убитых и 12 раненых.

Похороны жертв этого столкновения послужили поводом к внушительной демонстрации, к которой примкнула бо́льшая часть населения города.

Среди многочисленных венков имелись венки с надписью: «Товарищам, борцам за свободу, от нижних чинов», «Павшим за свободу от писарей ташкентского гарнизона» и «Борцам за свободу от группы нижних чинов ташкентского гарнизона», а четвертый венок имел надпись: «Слава товарищам, погибшим в борьбе за свободу, от солдат социал-революционеров».

Венки свидетельствовали, что в ташкентском гарнизоне несомненно имелись революционные ячейки в войсках.

Более активная ячейка 2-го Закаспийского железнодорожного батальона, в г. Самарканде, выступила с воззванием, где от имени солдат этого батальона, протестуя против применения войск для подавления народного движения, заявила ряд требований политического и правового характера с угрозой, что применение против них насилия вызовет и со стороны солдат батальона такой же ответ.

Помещенное в местной газете «Самарканд» (№ 230) воззвание это (приложение 4-е) имело сильное агитационное значение, и его следует считать первой чисто революционной вспышкой в туркестанских войсках.

Требования, выставленные солдатами-железнодорожниками, можно подразделить на требования общего характера, касающиеся всей армии, и частные, касающиеся батальона.

К числу первых надо отнести требования политического и правового характера, а именно:

1) Распространение на нижних чинов армии и флота прав гражданства, дарованных манифестом 17 октября всем гражданам, т.-е. права пользования вне военной службы свободой слова, собраний и свободой коллективных заявлений жалоб и требований, как необходимых условий политического и гражданского воспитания.

2) Установление обязательного для всех 2-летнего срока службы.

3) Неприкосновенность корреспонденции.

4) Уничтожение батальонных судов, как не соответствующих своему назначению, и учреждение судов более справедливых.

5) Амнистия всем нижним чинам, потерпевшим за свои политические убеждения.

Из требований второй категории наиболее существенными были.

1) Учреждение клуба железнодорожных солдат для собраний; свободная по желанию нижних чинов выписка в библиотеку книг, газет и журналов.

2) Немедленная отмена надзора за солдатами, замешанными в политических делах [1]).

[1]) Газ. «Самарканд», № 230.

С этого же времени, т.-е. со дня 19 октября, наблюдается и под'ем общественного настроения в Ташкенте. Уже на следующий день кружком местной интеллигенции создается организация для открытой политической пропаганды среди населения путем митингов, с целью вызвать в наиболее отсталых слоях интерес к социальным и политическим вопросам современной жизни.

Несмотря на запрещение, митинги эти посещаются солдатами и становятся проводником революционных идей в войска.

6 ноября, когда один из ораторов, актер Дальский, говорил, что для достижения революционных целей необходимо, чтобы войска присоединились к движению, при чем восхвалял Марсельский полк, принимавший участие во французской революции, бывшие тогда на митинге солдаты по поводу этой речи выражали свое шумное одобрение.

13 ноября на митинге в цирке присутствовала уже толпа солдат. Из этой толпы одним из солдат была передана оратору бумага, в которой оказались изложенными требования, пред'являемые солдатами правительству. Когда читали эти требования, то солдаты по прочтении каждого пункта шумно выражали свое удовольствие.

В эти ноябрьские дни пропаганда все ширится, охватывает почти весь ташкентский гарнизон и находит себе подходящую почву в 1-м Ташкентском резервном батальоне, где разгорается мятеж.

Военный мятеж 1-го Ташкентского резервного батальона. Ташкентский резервный батальон [1]), входивший в состав 1-й Ташкентской резервной бригады, был расположен в казармах, находящихся в крепости. Эта последняя находилась на окраине русской части города, ближайшей к вокзалу, была обнесена валом со рвом, а местами — стеной. Войти в крепость можно было только через ворота и калитки, имевшиеся в крепостной ограде.

Кроме Ташкентского батальона, в крепости были расположены Ташкентский артиллерийский склад, Ташкентский резервный артиллерийский парк, 1-й Туркестанский летучий парк и Туркестанская крепостная артиллерийская рота.

Главные ворота находились в расположении Ташкентского батальона, а одна из калиток — крепостной артиллерийской роты. В крепости имелись значительные склады огнеприпасов, артиллерийские орудия и взрывчатые вещества. Остальные войска гарнизона Ташкента были размещены в казармах в разных частях города, вне крепости.

Организаторы восстания имели в виду взрывом изнутри овладеть крепостью и угрозой стрельбы по городу заставить власти капитулировать. В дело организации восстания был вовлечен широкий круг лиц, и тайна сохранена не была.

Вот что по этому поводу установлено было следственной властью [2]):

14 ноября в общественном собрании на заседании народно-прогрессивной партии какой-то молодой человек раздавал прокламации

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 16 отд., 1905 г., № 343.
[2]) Данные следственного производства, указанные выше.

о том, что в Ташкенте ожидается повторение кронштадтских событий, но что мирные жители «не должны беспокоиться».

15 ноября солдаты в разговорах с гражданскими лицами определенно указывали на вероятность восстания среди войск. «Будет терпеть, — говорил один из солдат на заданный ему вопрос, что происходит в войсках, — войска уже выходят против правительства. Еще не все согласны, — добавил он, — но это должно решиться сегодня. Три выстрела из крепости оповестят об этом соглашении».

На Воскресенском базаре в большой толпе народа, среди которой было много солдат, открыто говорили, что будут беспорядки, что войска в крепости восстанут первыми и что рабочие присоединятся к солдатам.

Слухи о готовящихся в войсках беспорядках дошли и до офицеров Ташкентского резервного батальона и артиллерийского склада, но никаких мер к предупреждению их принято не было. Самый факт восстания войск, по понятиям того времени, царившим в офицерских кругах, считался абсолютно невозможным, почему и слухам не придавалось должного значения.

К тому же внимание высшего военного начальства и войск было отвлечено в другую сторону.

Среди железнодорожных рабочих, под влиянием появившейся в газ. «Русский Туркестан» инсинуации на самаркандский гарнизон [1]), началось брожение, достигшее в ночь с 14 на 15 ноября таких размеров, что явилось опасение о возможности движения толпы рабочих в город. Ввиду этого были вызваны войска и заняты заранее определенные пункты, закрывавшие доступ в город. Еще до выхода войск из казарм в двух батальонах были обнаружены агитаторы, которые, при попытке их задержать, отстреливались из револьверов и ранили двух солдат.

Все эти данные не оставляют сомнения в том, что восстание в Ташкентском резервном батальоне не возникло стихийно, а было планомерно подготовлено и имело связь с движением среди железнодорожных рабочих, хотя и не было согласовано во времени.

Организованность восстания, хотя и весьма неудовлетворительная, проявляется и в самом ходе его, насколько оно было установлено данными предварительного следствия.

К Ташкентскому резервному батальону присоединяются солдаты Ташкентского артиллерийского склада, Туркестанского резервного артиллерийского парка и 1-го Туркестанского летучего парка, только одна Туркестанская крепостная артиллерийская рота из войск и учреждений, квартировавших в крепости, оставалась в стороне от движения, что сразу подорвало успех восстания, так как артиллерийские орудия, снаряды, взрывчатые вещества, на которые особенно рассчитывали организаторы восстания, не могли быть использованы.

---

[1]) Перепечатка из газ. «Самарканд», № 235, заметки, будто ген. Сахаров приказал казакам зашить пули в концы нагаек. Об этом же были распространены прокламации среди рабочих.

Сигнал к восстанию подала 5-я рота 1-го Ташкентского резервного батальона.

В 9 часов 30 мин. вечера 15 ноября, после вечерней переклички, солдаты одели шинели и, словно по команде, все сразу бросились к пирамидам с ружьями, разобрали ружья и с криками «ура» сбежали по лестнице вниз в помещение 3-й роты, где к ним присоединилась большая часть солдат этой роты, видимо, их поджидавших.

Затем люди обоих рот бросились в помещение 2-й и 4-й рот, где вместе с другими своими товарищами этих рот угрозами заколоть и перестрелять заставляли солдат этих рот также одеваться и выходить с винтовками на двор.

Угрозы сопровождались разбитием стекол в окнах и стрельбой в них, так что в помещении этих рот слышен был свист пролетавших пуль. Под впечатлением этих угроз и стрельбы большинство солдат 2-й и 4-й рот, частью вооружившись винтовками, также вышли на двор казарм батальона.

В казармы ташкентцев проникли также солдаты Ташкентского резервного и летучего парков и выгоняли обнаженными шашками тех солдат, которые не желали выходить на плац.

Главными действующими лицами в Ташкентском батальоне были несколько солдат 5-й роты, а именно рядовые: Яков Кравченко, Борис Чумак-Жунь и Дмитрий Нечаев и 3—4 солдата 3-й роты.

В 3-й роте, как только в 5-й роте послышались крики «ура», рядовой Иван Платонов бросился к пирамидам с ружьями, оборвал цепочку, схватил винтовку и в сопровождении нескольких человек, видимо, заранее подготовленных, бросился к канцелярии роты, где хранились патроны, оторвал запертую на замок дверь и, разбив прикладом ружья патронный ящик, схватил несколько пачек патронов, после чего и другие люди роты стали их разбирать.

Затем тот же Платонов в сопровождении Близнова бросился в помещение 4-й роты, крича всем, чтобы они выходили: «пришли саперы батареи, всех вас перебьем и винтовки ваши переломаем». Были и такие выкрики: «выходи все сейчас; если сегодня не добьемся своего, то уже никогда не добьемся».

Таким образом в центре заговора находились 5-я и 3-я роты. Для агитации во 2-ю и 4-ю роты перед самым бунтом являлись солдаты 5-й и 3-й рот, но успеха не имели.

В словах их «потому ничего не выходит, что не все согласны» сквозит неуверенность в успехе заговора и недовольство плохой его организацией.

Чтобы исчерпать до конца все проблески организованности в описываемом восстании, остается еще добавить несколько фактов.

Когда по выходе из казарм на плацу внутри крепости образовалась огромная толпа в несколько сот человек, шумно бурлившая, то от нее отделилась часть и направилась на валы крепости, где открыла стрельбу, и затем, распространяясь по валу, стремилась привлечь на свою сторону

солдат артиллерийских парков, которые вышли из своих помещений и заняли смежную с ними часть вала. Но только часть солдат дала себя увлечь в казармы батальона, но и та скоро вернулась назад. Другая часть солдат резервного батальона направилась к казармам Туркестанской крепостной артиллерийской роты с целью привлечения ее на свою сторону и овладения орудийным парком и пороховыми погребами. Эта задача была чрезвычайно важной, так как она давала возможность упрочить положение восставших в крепости, но выполнение оказалось не под силу. Находившийся при артиллерийской роте командир роты кап. Александров лично сам и через посредство солдат роты завязал переговоры с восставшими, чтобы затянуть время. Это ему удалось вполне. В 2 часа ночи через охраняемую крепостной ротой калитку в крепостном валу прошел в крепость 1-й Туркестанский стрелковый батальон и почти одновременно через главные ворота крепости, охраняемые сторожевым постом Туркестанского артиллерийского парка, вошли внутрь крепости пять рот 2-го и 3-го Туркестанских стрелковых батальонов и полубатарея. Организаторы восстания не подумали о том, чтобы отдать охрану этих ворот в верные руки, как и о том, чтобы какой бы то ни было ценой овладеть пороховыми складами, артиллерией и обеспечить за собой проход в крепость через калитку.

В результате, как только войска проникли в крепость и 1-й Туркестанский стрелковый батальон дал залп, восставшие заперлись в казармах резервного батальона, но утром под угрозой стрельбы из орудий сдались.

Обращает на себя внимание тот прием, который применили восставшие, чтобы привлечь на свою сторону прибывшие на усмирение войска.

Постепенно приближаясь и переговариваясь с прибывшими, они старались расстроить их ряды, смешаться с ними и таким путем распылить своих противников.

Командир 1-го Туркестанского стрелкового батальона, который со своим батальоном явился последним в ряду вызванных войск, заметив, что фланги его рот обтекаются восставшими, и что стойкость его солдат подвергается испытанию, воспользовался несколькими выстрелами, раздавшимися со стороны восставших, и в ответ на них произвел один залп.

Ошеломленная залпом толпа бросилась в казармы, ища укрытия за стенами здания, и стала готовиться к обороне. С этой минуты мятеж мог считаться ликвидированным.

По показаниям восставших солдат, целью их восстания было улучшение внутреннего быта, для чего предполагалось, будто бы, собрать в крепости митинг всего гарнизона, чтобы угрозой захвата складов оружия и огнеприпасов заставить военное начальство удовлетворить требования солдат.

Каковы же эти требования? В беседе с командиром роты Ташкентского батальона, капитаном Янушевым, который один из всех

офицеров батальона пошел на плац к бунтовавшей толпе, чтобы личным влиянием «образумить» солдат своей роты, обступившие его солдаты пред'явили такие требования:

1) Искоренение неприличного, грубого и резкого обращения в отношении солдат.
2) Удаление командира батальона и командующего 5-й роты, которыми солдаты были недовольны.
3) Недовольство оскорбительным тоном последнего приказа по округу, в котором указывали на выражения: «негодные солдаты» и «место родины — каторга».
4) Требование отпусков из казарм, хотя с той же свободой, как это было ранее. (Во избежание распропагандирования войск отлучки из казармы были сильно стеснены в 1905 году.)
5) Отпуск семейных солдат ежедневно.
6) Увольнение в январе в запас солдат срока службы 1902 г.
7) Беспрепятственное посещение митингов.
8) Снабжение приличной одеждой.
9) Увеличение приварочного оклада.
10) Увеличение оклада жалованья, числа годовых вещей и амуничных денег.
11) Освобождение неправильно осужденного военно-окружным судом рядового 2-й роты Прокофьева.

Требования, даже по тому времени очень скромные, и могли быть заявлены, подобно другим частям войск, без подкрепления их вооруженным выступлением.

Последнее, несомненно, преследовало более широкие цели.

Восставшие ожидали, что в крепость прибудут ходжентцы (Ходжентский резервный батальон, стоявший в лагерных бараках под Ташкентом) и саперы, но, с другой стороны, необходимо отметить, что появившиеся в разгар мятежа среди возбужденной толпы солдат ораторы, призывавшие арестовать временно командовавшего войсками ген. Сахарова и изменить существующий в государстве строй, не нашли себе отклика в солдатской массе не только в действиях, но даже и в выставленных ими требованиях.

Военный суд, рассматривавший дело о восстании в Ташкенте, нашел в таком поведении солдат даже повод к ходатайству о смягчении их участи.

Суд признал, что, несмотря на усиленную пропаганду революционеров, возбуждавших солдат речами даже в ночь на 16 ноября, подсудимые, признанные виновными, не ответили на призыв примкнуть к революции, а откликнулись лишь на требования улучшения общих условий их быта и службы и хотя нарушили долг службы, «но ничем не выразили даже малейшего сочувствия призыву к нарушению верноподданнического их долга».

В имеющихся материалах нет указаний на те планы, которыми задались восставшие, но из всего описанного здесь можно притти к заключению, что они ожидали присоединения к восставшему Ташкентскому батальону большей части гарнизона Ташкента, а главное — железнодорожных рабочих, но военное начальство еще накануне изоли-

ровало их от города, а быстрым занятием крепости потушило бунт в самом зародыше.

На подавление восстания в Ташкенте комитет Средне-Азиатской железной дороги ответил об'явлением на следующий день (16 ноября) забастовки по всей линии железной дороги от Красноводска до Ташкента (около 1½ тыс. километров).

Выпущенная вслед за сим прокламация, а также возникшие среди железнодорожников волнения, вследствие запрещения им участвовать в похоронах убитых солдат Ташкентского батальона, не оставляли, по мнению вр. генерал-губернатора генерала Сахарова, сомнения о полнейшей связи между мятежом и агитацией революционных партий среди железнодорожных рабочих [1]).

Почти одновременно начались волнения во многих железнодорожных ротах, расположенных по линии, чему особенно содействовало распространение преувеличенных сведений о потерях, понесенных ташкентцами, которые оценивались в 900 чел., между тем как в действительности было убито 4 и ранено 22 солдата Ташкентского батальона и 1 офицер и 3 солдата 3-го Туркестанского стрелкового батальона.

Так, 17 ноября в 4-й роте 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, расположенной в Кизил-Арвате, были удалены от командования офицеры, и солдаты отказались исполнять их приказания.

На ст. Казанджик находившаяся там команда того же батальона, вопреки приказания начальника команды, собралась на митинг со служащими дороги, на котором было постановлено «выразить протест военному начальству против произвола, допустившему ужасную резню в Ташкенте, выразить ему негодование, а также требовать предания гласному суду временного генерал-губернатора Сахарова вместе с его сообщниками»...

В телеграмме, адресованной центральному забастовочному комитету из Кизил-Арвата, требуя «удаления генерала Сахарова и всех убийц ташкентцев» сообщалось, что «служащие, горожане и нижние чины решили забастовку продолжать до удовлетворения требований нижних чинов всей Средней Азии, предания суду Сахарова и его соучастников в кровавой распре, а также до полной гарантии со стороны правительства в том, что все бастующие нижние чины будут вполне неприкосновенны».

Впервые в Туркестане солдаты-железнодорожники открыто выступают совместно с железнодорожными служащими и рабочими не по экономическому, а чисто политическому мотиву.

Отголосок ташкентских событий имел место и в гор. Самарканде, где чинами 2-го Закаспийского железнодорожного батальона была потребована выдача на руки оружия на случай предполагавшейся вооруженной борьбы с казаками и стрелками.

В самом Ташкенте ближайшим последствием военного мятежа был арест 10 лиц крайней партии (Борейша, Мейер, Морозов, Михин,

[1]) Газ. «Туркестанские Ведомости», 1905 г., № 2597.

Саксаганский, Федоровы (2), Зурабов, Шавдия и Кржижевский), «вызывающий образ действий которых внушал вр. генерал-губернатору ген. Сахарову основательные подозрения о прикосновенности к призыву к вооруженному восстанию».

Ближайшим же поводом к аресту явились речи на митингах 20 и 21 ноября с призывами к отдельным и массовым убийствам [1]).

Удаление, хотя и временное, наиболее энергичных деятелей революционных партий в разгар восстания и привело к упадку начавшегося было в населении революционного под'ема, который в дальнейшем почти уже не наблюдается.

Итак, в октябрьские дни мы можем наблюдать в войсках асхабадского гарнизона лишь зачатки революционной пропаганды среди солдат и первые слабые попытки наиболее сознательных из них использовать в свою пользу неясность манифеста 17 октября.

К изложенному выше необходимо добавить, что развитию брожения среди войск как солдат, так и офицеров, больше всего способствовал сам командир 2-го Туркестанского корпуса ген. Уссаковский. Последний для об'явления войскам гарнизона манифеста устроил парад и при этой торжественной обстановке после прочтения манифеста поздравил войска «с дарованной свободой».

Тщетно старшие войсковые начальники, как бы предвидя те волнения, которые произведет слово «свобода» в среде солдат, добивались получить от командира корпуса раз'яснения о пределах этой свободы. Ген. Уссаковский предоставил это толкование разумению самих начальников. Вследствие этого в асхабадском гарнизоне никто не знал, что можно и чего нельзя. Войсковые начальники и офицеры, пытавшиеся держать солдат в рамках строгой дисциплины, вызывали озлобление среди солдат, толковавших неосторожно брошенное слово «свобода» так, как они того хотели.

На этой почве, естественно, возникли указанные выше беспорядки, не выходящие, однако, за пределы казарм.

Отсутствие революционных лозунгов в требованиях солдат гарнизона и отсутствие даже среди солдат-железнодорожников интереса к воззванию, выпущенному 2-м Закаспийским железнодорожным батальоном по поводу событий в Ташкенте 19 октября, и сосредоточение внимания солдат на удовлетворении их материальных нужд свидетельствуют о слабой еще агитационной работе революционных партий в войсках, несмотря на наличие в Асхабаде такого революционного центра, каким являлся стачечный комитет Средне-Азиатской железной дороги.

Движение в войсках асхабадского гарнизона. Приводимые ниже две официальные бумаги исчерпывающим образом рисуют волнения в асхабадском гарнизоне [2]), почему и приводим их целиком.

---

[1]) Газ. «Русский Туркестан», 1905 г., № 252, и «Туркестанские Ведомости», № 2596.

[2]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 3 ст. 2 отд., 1905 г., № 62 и архив штаба Туркестанского фронта, справка по судной части 11 декабря 1906 г.

26 октября 1905 года министр внутренних дел сообщает военному министру:

«В Асхабаде чины гарнизона беспрепятственно присутствуют на сходках, участвуют в денежных сборах в пользу забастовщиков, не слушают офицеров и произносят на сходках противоправительственные речи. Пользуясь беспорядками, забастовщики 23 октября ходили близ казарм, приглашая солдат присоединиться к ним, на что многие согласились. 24 октября солдаты батареи напали на проходившую мимо казарм толпу манифестантов и начали отнимать портрет царя, в схватке револьверными выстрелами ранено 4 артиллериста. Начальник области [1]) мер к прекращению беспорядков не принимает».

В ответ на это письмо 1 декабря 1905 г., № 1923, вр. командующий войсками округа ген. Сахаров сообщил следующее: 22 октября в 6-м Геоктепинском резервном батальоне на сходке мед. фельдшер Белоусов, унтер-офицеры Баскаков и Шабанов и рядовой Воловник раз'ясняли манифест 17 октября и просили у командира батальона разрешения собирать сходки для выбора уполномоченных для заявления своих нужд. После об'явления незаконности такого желания сходки прекратились.

Того же 22 октября, в 3 часа дня, фельдшерский ученик 1-го Закаспийского стрелкового батальона Лисиненко, 2-го батальона Колтухов и указанный выше рядовой Воловник собрали сходку на плацу 4-го Закаспийского стрелкового батальона. Когда командир 4-го батальона приказал им удалиться, то они заявили, что имеют право собирать сходки, за что были арестованы.

24 октября толпа манифестантов с красным флагом с хором музыки 1-го Закаспийского жел.-дор. батальона подошла к казармам 1-го Закаспийского стрелкового батальона, напором выломала ворота и ворвалась во двор. Хор играл «марсельезу», а манифестанты кричали, приглашая к себе солдат. Вызванная командиром батальона рота выстроилась против ворот, а другая, прибывшая с дежурства с вокзала, арестовала оркестр железнодорожного батальона, после чего манифестанты разошлись, а хор музыки был отпущен в свои казармы.

Того же 24 октября у ворот 5-й горной батареи произошло столкновение между толпой, провожавшей патриотическую манифестацию мусульман с портретом царя, и солдатами батареи, при чем из толпы было сделано несколько выстрелов, солдаты не стреляли, но в толпе оказалось несколько раненых и ушибленных. Вмешательство офицеров прекратило возможную свалку.

Случаев неисполнения приказаний и неповиновения со стороны солдат оказываемо не было.

Перечисленные случаи произошли на почве манифеста 17 октября, а потому с моей стороны, — доносил генерал-губернатор, — во избежание дальнейших недоразумений сделано распоряжение о раз'яснении солдатам войск округа, что означенным манифестом предоставляются права

[1]) Ген. Уссаковский.

только гражданам и что этими правами солдаты могут воспользоваться лишь по окончании действительной службы.

Независимо от этого, приказанием по военному округу категорически воспрещено всем солдатам присутствие на сходках, собраниях и всяких митингах.

13 ноября солдаты 3-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, квартирующей в Асхабаде, и служащие на дороге предполагали собрать сходку для обсуждения вопроса о привлечении к следствию 6 музыкантов, участвовавших в манифестации и подлежащих увольнению в запас, и по поводу прокламации солдат 2-го Закаспийского жел.-дор. батальона (приложение 4-е), к которой, однако, они отнеслись равнодушно; их больше интересовал хозяйственный вопрос — неудержание 5% в хозяйственные суммы батальона из жалованья, получаемого на железной дороге, и о выдаче мундирной одежды второго срока при увольнении в запас. При изложенном расспросе солдаты вели себя вполне спокойно, почтительно и не проявляли никаких нарушений чинопочитания.

Движение в остальных частях округа и в крепости Кушка. Чтобы покончить с волнениями, имевшими место в 1905 году, остается упомянуть, что 13 — 15 ноября солдатами Аму-Дарьинской флотилии в г. Чарджуе на митинге, собранном с разрешения начальства, но без допуска посторонних лиц, были выработаны требования, касавшиеся быта солдат и экономических условий, связанных с их специальной службой (8-часовой рабочий день, отмена нагрузки и выгрузки судов и др.). Большая часть этих требований оказалась вполне справедливой, и они были удовлетворены [1]).

Наконец, в конце декабря в Туркестанской понтонной роте, в г. Ходженте, вспыхнули волнения на почве недовольства командиром роты и порядками службы. Они выразились в массовом нарушении воинской дисциплины. Вопросы экономические и политические не играли в этом выступлении никакой роли [2]).

В тесной временной связи с событиями в Ташкенте на противоположном конце Туркестанского военного округа разыгрался инцидент в крепости Кушка, нашумевший в свое время на всю Россию.

К сказанному уже о положении этой крепости остается добавить, что она была совершенно изолирована от остальной части Туркестана. Только железнодорожная ветка до Мерва протяжением 350 *км*, да телеграфная проволока давали возможность поддерживать связь с военно-административными центрами — Асхабадом и Ташкентом. Особенно важна была связь с последним, так как комендант крепости находился в непосредственном подчинении командующего войсками округа,

---

[1]) Архив штаба Туркестанского военного округа. Заключение по следственному производству о беспорядках в ноябре 1905 года в Аму-Дарьинской флотилии.

[2]) Там же. Заключение по следственному производству о 30 солдатах Туркестанской понтонной роты, обвиняемых в вооруженном восстании.

связь же эту можно было поддерживать только через мервский уезд, имевший поэтому для крепости важное стратегическое значение.

Поэтому, когда 16 ноября началась всеобщая телеграфная забастовка, а на следующий день прекратилось движение по железной дороге в связи с ташкентскими событиями, то крепость Кушка оказалась совершенно отрезанной от сношений с внешним миром.

18 ноября на вокзале состоялся митинг, на котором присутствовало до 200 солдат. Митинги среди железнодорожных служащих начались еще 13 ноября, и комендант воспретил солдатам их посещать, но руководителям движения удавалось их привлекать.

Среди выступавших на митингах был и офицер телеграфной роты поручик Андреев, которого комендант приказал арестовать.

На митинге 18 ноября было вынесено постановление о замене властей крепости выборными лицами из среды восставших, и в тот же день вечером комендант крепости ген. Прасолов об'явил крепость Кушку на осадном положении, что дало ему полномочия на производство арестов наиболее активного элемента, выявившегося на митингах. Среди арестованных оказались инженер путей сообщения Соколов, инженерный десятник Морозов, слесарь Лазаренко, монтер Симонов и подрядчик Беленький. Все эти лица были преданы военно-полевому суду по обвинению в подготовке восстания. Весть об этом с быстротой молнии разнеслась по всей России и вызвала вмешательство центральной власти и протесты всех железнодорожных организаций. Решение свое комендант крепости мотивировал в следующих словах [1]):

> «Я, комендант крепости, 19 сего ноября, бескровно подавив угрожавший опасными последствиями возникший и обострившийся мятеж, проникавший было в среду воинских частей, в настоящую минуту не могу хладнокровно взирать, что вверенная мне моим императором крепость до сего времени, от 16 до 25 ноября с. г., находится в положении как бы блокады со стороны ясно обнаруженного внутреннего врага государства, и если этот враг в самоослеплении будет продолжать такой же образ действий, заслуживающий полного негодования и возбуждающий кровную обиду для сердца истинного патриота, то на насилие я отвечу ему силою же, не упуская возможности впредь испросить на сие зависящего разрешения и одобрения от законного моего начальства, как только к тому представится возможность»...

Содержание в этой речи, произнесенной в заседании совета 27 ноября, действительно повлияло на развитие восстания в крепости, но, не довольствуясь этим, комендант решил силою восстановить сообщение крепости с Ташкентом и Асхабадом.

Положение, которое создалось в крепости Кушка, да и вообще в Туркестанском крае, хорошо обрисовано в телеграмме ген. Сахарова от 24 ноября начальнику Средне-Азиатской железной дороги в ответ на жалобу последнего на действия ген. Прасолова [2]).

---

[1]) Журнал совета обороны крепости Кушка 27 ноября 1905 г., № 3. См. приложение 5-е.

[2]) Газ. «Русский Туркестан», 1905 г., № 250.

«Благодаря деятельности революционеров я не имею сношения с Кушкой. Коменданту крепости, отрезанной хотя бы и внутренними врагами, предоставляется полная самостоятельность действий.

Полевой суд не обязательно приговаривает к смертной казни.

Дело суда — выяснить вину и применимость наказания. Полное отсутствие у местных революционеров понимания нашего положения на окраине и полное отсутствие патриотизма.

События последних дней в Ташкенте, а также и мотивы настоящей забастовки железной дороги не дают мне уверенности в том, что в приграничной крепости не было необходимости в исключительных мерах, во всяком случае, лишенный возможности сноситься с Кушкой и достоверно знать, что происходит там, и оказать поддержку коменданту крепости в случае нужды, я не считаю возможным стеснять его действия путем сношений по телеграфу, не будучи уверен, что телеграммы не будут искажены».

Из гарнизона крепости был сформирован отряд в составе 5 рот Кушкинского резервного батальона, с пулеметной командой и 2 рот 8-го Закаспийского стрелкового батальона, с которыми ген. Прасолов и отправился по железной дороге в Мерв, а оттуда в Чарджуй, куда прибыл 3 декабря.

В этот же день в Чарджуй прибыл эшелон войск со стороны Ташкента и сквозное сообщение было восстановлено, что совпало как раз с прекращением забастовки на Средне-Азиатской железной дороге, вызванной ташкентскими событиями.

В Мерве и Чарджуе, по распоряжению ген. Прасолова, было арестовано несколько наиболее активных железнодорожных и телеграфных служащих и отправлены в крепость Кушка.

Из Чарджуя ген. Прасолов отправился в сторону Асхабада, с намерением арестовать командира 2-го Туркестанского корпуса ген. Уссаковского, которого он обвинял в попустительстве, и разогнать центральный железнодорожный стачечный комитет, но 6 декабря на ст. Каахка, в 120 *км* от Асхабада, эшелон Прасолова нагнал командированный из Ташкента ген.-квартирмейстер округа, который пред'явил Прасолову приказ о возвращении на Кушку.

Решительный образ действий ген. Прасолова и его появление на линии железной дороги, а особенно в Чарджуе, где обстановка складывалась весьма благоприятно для вооруженного восстания и захвата власти, благодаря наличию здесь базы Аму-Дарьинского флота, железнодорожных частей и рабочих, и особенно колеблющемуся настроению 17-го Туркестанского стрелкового батальона, составлявшего гарнизон Чарджуя, сыграли большую роль в неуспехе восстания в этом пункте.

Революционное движение в 1906 году.

Предупредительные мероприятия правительства. Волна волнений в войсках охватила в 1905 году всю Россию, и для правительства не осталось сомнений, что, «не ограничиваясь пропагандой своих

идей среди различных слоев народных масс, революционеры пытаются вносить смуту в войсках, дерзко призывая их к измене и восстанию» [1]).

Необходимы были меры противодействия и в числе их на первое место стал вопрос об улучшении быта солдат, так как в преобладающем числе случаев первопричиной волнения в войсках являлись плохие экономические условия. На удовлетворение главнейших требований солдат (улучшение довольствия и обмундирования) совет государственной обороны провел кредит в 37 милл. руб., несмотря на сопротивление министра финансов, об'ясняемое крайне тяжелым финансовым положением государства, высказав при этом, что «безопасность отечества от внутренних и внешних врагов может считаться обеспеченной только в том случае, если насущные потребности солдат будут удовлетворены».

Таким образом победителями в борьбе с правительством за улучшение своего быта вышли войска.

Но, сделав войскам эту уступку, оправившееся от неожиданности правительство открыло кампанию против тех военных начальников и командиров, которые в пережитые дни общей смуты, вместо репрессий, искали выхода из положения путем примирительной политики с солдатской массой.

В числе первых должен был оставить свой пост начальник Закаспийской области и командир 2-го Туркестанского арм. корпуса ген. Уссаковский, назначенный в распоряжение военного министра. Причиной его увольнения послужила его терпимость к событиям и нежелание прибегать к насилию там, где можно было обойтись без него, поводом же явился его отказ восстановить движение по железной дороге военной силой во время ноябрьской забастовки, ибо, по его мнению, военная эксплоатация не давала возможности восстановить движение по всей линии, что лишало бы некоторые области совершенно всякого снабжения, которое в период забастовки все же производилось распоряжением комитета.

Одновременно с этим правительством были проведены мероприятия по борьбе с железнодорожными и почтово-телеграфными забастовками, дававшие право местной власти об'являть охваченные забастовкой местности на положении усиленной и чрезвычайной охраны, а военным начальникам, не ниже командиров бригад, вводить военное положение.

Ряд таких мер и арест в войсковых частях всех активных элементов, причастных к волнениям в войсках, привлечение их к судебной ответственности, аресты и высылки общественных элементов, признанных местной властью вредными для государственного порядка, привели к тому, что до половины 1906 года в Туркестанском округе в войсках было спокойно, но по мере того как отношения правительства и Думы ухудшались и исчезали надежды на широкое улажение конфликта с правительством, повышалось настроение в обществе, а с тем вместе

[1]) Правительственное сообщение. «Туркестанские Ведомости», 17 января 1906 г., № 2623.

и в войсках, которое более всего выразилось в асхабадском и ташкентском гарнизонах.

Забастовка войск асхабадского гарнизона. В Асхабаде поводом к волнениям [1]) послужил приговор батальонного суда 2-го Закаспийского стрелкового батальона, которым три солдата первой роты были присуждены к отдаче в дисциплинарный батальон за нарушение особых обязанностей караульной службы, результатом чего был побег арестанта.

13 июня часть солдат 1-й роты заявила протест на суровость приговора, к этому протесту присоединился весь батальон и, с целью заставить командира батальона отменить приговор суда, солдаты, вооружившись винтовками и боевыми патронами, потребовали к себе командира батальона и заявили ему, что не дадут товарищей подвергнуть наказанию, определенному судом, и, кроме того, пред'явили 35 требований, касавшихся улучшения быта и облегчения службы.

Когда 15 июня, в срок, назначенный солдатами для исполнения их требований, они исполнены не были, то солдаты удалили из батальона командира и офицеров и выбрали на их место начальников из солдат.

В этот же день 3-я рота 1-го Закаспийского железнодорожного батальона пред'явила командиру батальона письменное требование об улучшении быта, изложенное тоже в 35 пунктах (приложение 6-е), и вооружась винтовками.

В числе этих требований политические совершенно отсутствуют, только в 35-м пункте сделано заявление, что, кроме выставленных чисто солдатских требований, «мы вместе с народом будем добиваться исполнения всех требований, пред'явленных Государственной Думой».

На следующий день, 16 июня, во 2-й Закаспийский стрелковый батальон прибыл вр. командующий 2-м Туркестанским корпусом генерал Уссаковский, чтобы уговорить солдат вернуться к законному порядку, но, несмотря на данное им обещание удовлетворить все требования, которые будут признаны правильными, уговоры успеха не имели.

Войска уже потеряли веру в обещания.

16 же июня рабочие депо Асхабад пред'явили начальнику Средне-Азиатской железной дороги ряд требований, угрожая забастовкой. К рабочим присоединился 1-й Закаспийский железнодорожный батальон.

Для предупреждения забастовки на ст. Асхабад был выслан 3-й Туркестанский стрелковый батальон, но не успел он еще дойти до вокзала, как к нему навстречу вышли солдаты железнодорожного батальона с ружьями, а за ними толпа рабочих из депо. Стрелки смутились. Пользуясь их замешательством, железнодорожные рабочие и солдаты смешались с ними в общую толпу и хотели увлечь их с собой. Командиру батальона и офицерам удалось, хотя и с большим трудом, вывести солдат из толпы и вернуться в свои казармы. Но соприкосновение солдат батальона, в котором устраивались уже сходки и выраба-

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 16 отд., 1906 г., № 10.

тывались разные требования, с толпой забастовавших не прошло бесследно. Стрелки 3-го батальона, придя в свои казармы, вынесли постановление примкнуть ко 2-му стрелковому батальону, но затем одумались и решения своего не выполнили.

Для военного начальства было ясно, что применить 3-й батальон, как силу против забастовавших, было нельзя. Точно так же и часть солдат 1-го Закаспийского железнодорожного батальона к вечеру вернулась в казармы, поставила в пирамиды ружья и потребовала об'явления наряда на следующий день, другая же часть присоединилась ко 2-му Туркестанскому стрелковому батальону.

В этот же день Кушкинская железнодорожная полевая рота, находившаяся на эксплоатации Фирюзинского под'ездного пути, прекратила на нем движение, сняла с линии всех служащих и, силою разобрав ружья и патроны и удалив офицеров, составила и пред'явила ряд требований командиру роты, требуя немедленного их исполнения под угрозой отказаться от подчинения военному начальству и силою оружия воспротивиться всякой попытке к подавлению устроенного ими беспорядка.

Забастовка войск разрасталась, мирные средства для противодействия ей были, по мнению генерала Уссаковского, уже исчерпаны, почему решено было подавить ее вооруженной силой, ядро которой должен был составить 1-й Закаспийский стрелковый батальон и Кубанская казачья батарея, находившиеся в лагерях, и казачьи полки 1-й отдельной Закаспийской казачьей бригады. Кроме того, был вызван из Мерва один стрелковый батальон и одна сотня казаков.

Однако на этот раз дело обошлось без кровопролития. Под влиянием, вероятно, сведений о сосредоточении войск среди солдат 2-го Закаспийского стрелкового батальона начался раскол, и вечером 17 июня первой отделилась учебная команда, а 18-го сначала 1-я и 2-я, а через несколько часов и остальные две роты принесли повинную, ходатайствуя о помиловании.

Так же мирно закончилась забастовка и в Кушкинской полевой железнодорожной роте, как только начальником железнодорожной бригады было обещано удовлетворить главное их требование об уплате за эксплоатацию Фирюзинского под'ездного пути и дано обещание, что против них не будут приняты репрессивные меры.

Волнения, имевшие место в Асхабаде, хотя и не захватили целиком, но отразились и на поведении полевых артиллеристов, которые до сих пор не без основания считались наиболее консервативным элементом. 17 июня, узнав о вызове 4-й Кубанской казачьей батареи в Асхабад для подавления беспорядков, солдаты батарей 2-й Туркестанской артиллерийской бригады, расположенных в том же лагере, воспрепятствовали ее выступлению и уговорили казаков не уходить. Батарея выступила только на следующее утро, по прибытии сотни казаков, высланной за ней из Асхабада.

Имеющиеся данные не дают фактического материала для установления внутренней связи между движением среди железнодорожных рабочих

и войсками, но обзор событий 13—18 июня не оставляет сомнений, что выступление войсковых частей асхабадского гарнизона было приурочено к определенному времени, но недостаток организации и руководства не дал этому выступлению массового характера. Наиболее активный элемент (2-й Закаспийский стрелковый батальон и 1-й Закаспийский железнодорожный батальон) оставался в меньшинстве, и его революционная тактика разбивалась о пассивность большинства (3-й Закаспийский стрелковый батальон и 2-я Туркестанская артиллерийская бригада).

Не прошло и двух недель после волнений в Асхабаде, как с новой силой на двух противоположных концах Туркестанского военного округа, в Ташкенте и Красноводске, вспыхнули беспорядки в войсках под знаком общевойсковой революционной солидарности.

Вооруженное восстание сапер в Ташкенте. 3 июля со станции Ташкент [1]) должны были быть отправлены 18 солдат, осужденных за бунт в ташкентской крепости в ночь на 16 ноября 1905 г. На вокзале их встретила толпа рабочих из железнодорожных мастерских и из города, собравшаяся для выражения сочувствия осужденным и, при возможности, их освобождения. Когда поезд, в составе одного паровоза и одного вагона с арестованными, готов был тронуться, рабочие его не пустили. На помощь сопровождавшей арестантов команде была вызвана сотня 5-го Оренбургского казачьего полка и 3-й Туркестанский стрелковый батальон. После долгих уговоров толпа отпустила поезд, отправившийся на ст. Черняево, и войска отправились в казармы.

Между тем известие об отправлении осужденных с ташкентского вокзала дошла до саперного лагеря (в 5—7 *км* от вокзала). Находившиеся здесь Туркестанский и Закаспийский саперные батальоны разобрали ружья и патроны и, не обращая внимания на увещания командиров и офицеров, толпами побежали на вокзал для освобождения арестантов. На пути к ним присоединились и солдаты 2-й роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона. Но вместо поезда с арестантами саперы наткнулись на стрелковые цепи, расположенные впереди вокзала. Сюда были уже стянуты по тревоге 5-й Оренбургский казачий полк, 3-й и 4-й Туркестанские стрелковые батальоны и пулеметная рота, занявшие вокзал и подступы к нему.

Саперы открыли одиночный огонь по стрелкам, которые, в свою очередь, отвечали тем же. Но когда до линии стрелков дошла с противной стороны команда: «саперы, заряжай», то был открыт огонь из пулеметов, который сразу вывел из строя 15 сапер. Это так на них подействовало, что, побросав винтовки, саперы бросились в лагерь. На другое утро саперы беспрекословно сдали оружие.

Всего по этому делу было предано суду: Туркестанского стрелкового батальона — 35 человек, Закаспийского саперного батальона — 31 чел. и 2-й Закаспийской железнодорожной роты — 18 человек.

---

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 7 отд., 1906 г., № 253/3, стр. 553, и газета «Туркестанские Ведомости», 1906 г., № 2714.

Вооруженное выступление 1-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона в Красноводске. Почти аналогичная история произошла в Красноводске [1]), но окончилась без пролития крови.

16 июля сюда прибыл поезд с солдатами Туркестанской понтонной роты, осужденными к отдаче в дисциплинарный батальон. До посадки на пароход они были переведены с вокзала в тюрьму. Весть об этом облетела весь город. Ударили в набат.

Солдаты 1-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона решили силою освободить арестованных и, собравшись в казарме, потребовали от командира роты выдачи винтовок, а когда получили в этом отказ, то взяли их силой, равно как и патроны к ним.

Затем в сопровождении большой толпы мастеровых из депо двинулись к тюрьме. Но в это время вызванный по тревоге Красноводский резервный батальон занял подступы к тюрьме, пароходной пристани и вокзалу. Для выяснения настроения солдат Красноводского резервного батальона железнодорожники послали к ним своего парламентера, но до солдат его не допустили, а офицеры об'явили ему, что к пристани железнодорожники безнаказанно не пройдут.

Подбадриваемые мастеровыми и криками отдельных солдат резервного батальона, что они стрелять не будут, солдаты 1-й железнодорожной роты хотели было пробиться силой, но в это время к ним подошел вр. командующий Красноводским резервным батальоном и об'яснил им, что если даже красноводцы и допустят освободить осужденных, то последние от этого ничего не выиграют, так как тогда прибудут новые батальоны и пострадавших окажется еще больше. Доводы эти оказались настолько убедительными, что железнодорожная рота вернулась в казармы, а тем временем осужденных успели переправить на пристань и посадить на пароход, который сейчас же отошел.

Оба выступления войск как в Ташкенте, так и в Красноводске, разделенные между собой временем и пространством, подсказаны одним и тем же чувством товарищеской солидарности в революционной борьбе за лучшее будущее. Они вспыхнули, как искра, и так же быстро погасли. В них не приходится искать планомерной подготовки, не приходится удивляться отсутствию организованности, но зато налицо то психологическое настроение, которое почти мгновенно обратило солдат в бунтовщиков.

Это настроение создала революция 1905 г. и последующие события. В 1906 г. уже не требовалось той длительной агитационной работы, какая велась левыми партиями, чтобы вызвать волнение в войсках осенью 1905 г.

Теперь почва была подготовлена, и восстания вспыхивали без непосредственного участия революционеров.

В эти же богатые событиями дни июля 1906 года подобная же вспышка, также выражавшая протест против судебных репрессий, произошла в Ферганской области в гор. Нов. Маргелане.

---

[1]) Архив штаба Туркестанского фронта. Справка по судной части 11 дек. 1906 г. Газ. «Асхабад», 1906 г., № 115.

Бунт солдат 5-й роты 4-го Андижанского резервного батальона

Два унтер-офицера этой роты [1]) были приговорены к отдаче в дисциплинарный батальон за неповиновение.

15 июля после вечерней переклички по заранее условленному сигналу с криками «ура» солдаты 5-й роты бросились к баракам остальных рот, призывая их присоединиться к ним для выручки арестованных унтер-офицеров.

Затем, расхватав винтовки и патроны, открыли стрельбу вверх. Прибывшему тотчас командиру батальона удалось прекратить бунт обещанием освободить арестованных.

Бунтами войск в Красноводске и Нов. Маргелане закончился целый ряд волнений, охвативших некоторые части войск Туркестанского военного округа в период с весны 1905 года до середины лета 1906 года.

Заключение.

Из всех волнений в войсках Туркестанского военного округа, имевших место в 1905 году, только мятеж 1-го Ташкентского резервного батальона 15—16 ноября имеет ярко революционную окраску.

В нем чувствуется организованность, широкая постановка цели и стремление использовать едва еще начинавшее проникать в войска понимание солидарности своих интересов с интересами всего народа в целом. Однако недочеты в организации оказались столь существенными, что мятеж был ликвидирован в течение одной ночи.

Столь же крупным по масштабу должен был быть и мятеж в крепости Кушка, но бдительность коменданта крепости помогла затушить тлеющее пламя мятежа в самом его зародыше.

Только через год, в июле 1906 года, делается вторая попытка мятежа в Асхабаде (Полторацке), которая, однако, очень быстро ликвидируется, не прибегая к оружию.

Особенности Туркестана, как колонии, придают всем выступлениям войск чисто военный характер, беспорядки ограничиваются пределами казарм, они не захватывают народных масс. Не было также, видимо, достаточных сил, чтобы слить выступления войск с движением среди железнодорожных рабочих и служащих, единственных представителей пролетариата в Туркестане.

И те и другие действуют порознь, почему успеха не имеют.

Делу организации восстаний много вредило наличие в крупных центрах края больших войсковых групп (гарнизонов), разложить которые целиком было делом очень трудным, вследствие разнородности их состава (в Асхабаде в 1906 году это было почти достигнуто, но полному успеху помешали казачьи части), почему правительственная власть всегда могла располагать частями верных себе войск.

---

[1]) Архив штаба войск Туркестанского военного округа. Справка судебной части 11 декабря 1906 года.

В этом отношении особенно выделялись казаки. Наоборот, железнодорожные войска, вследствие классового их состава и условий службы, оказались в противоположном лагере.

Ни одно крупное выступление войск не проходит без их участия, мелкие же части железнодорожных войск, разбросанные по линии железной дороги, не упускают случая, чтобы в той или иной форме показать свою революционность.

Полная «неблагонадежность» этих частей вызывает в августе 1906 г. разоружение некоторых рот (в Ташкенте, Асхабаде, Красноводске), у остальных отнимается ручное оружие и боевые комплекты патронов [1]), а в 1907 году состояние железнодорожных войск представляется настолько безнадежным, что возникает предположение о полном их упразднении [2]).

Обращаясь к поводам и причинам, вызвавшим восстание войск Туркестанского военного округа, позволим себе сослаться на вывод, сделанный командующим войсками округа в отчете за 1905 год [3]).

В этом последнем на основании результатов судебного расследования по делам о беспорядках в войсках «во всех случаях выяснилось, что нижние чины, виновные в нарушении долга службы, были вовлечены в это преступление усиленной пропагандой революционной партии, которая воспользовалась их слабым умственным развитием и строила успех своей агитации, главным образом, на почве возбуждения недовольства нижних чинов существующими условиями их быта и службы».

Прилагаемая (приложение 7-е) прокламация Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии «К солдатам», распространявшаяся среди туркестанских войск в 1905 году, дала революционным солдатским ячейкам готовые перечни требований по четырем главнейшим рубрикам: экономическое положение, служебное, внеслужебное положение солдата и гражданско-политические права.

Действительно, программа, очень подробно устанавливающая порядок повседневной службы и быта солдата, очень мало отводит места разъяснению политических прав и совсем не ставит революционных задач.

Если вывод этот, указывающий на политическую незрелость туркестанских войск, верен для 1905 года, то события 1906 года показали, что туркестанские войска за один только год сделали в этом отношении значительный шаг вперед.

Вооруженные выступления войск в Ташкенте, Красноводске и отчасти в Асхабаде имеют уже в своей основе не борьбу за улучшение экономических условий быта солдата, а являются по существу демонстрацией солидарности с революционным движением в целом.

---

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 16 отд., 1906 г., № 10.
[2]) Там же, 7 отд., 1907 г., № 113.
[3]) Там же, 16 отд., 1906 г., № 10.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Требования солдат и казаков читинского гарнизона[1]).

Господину командующему войсками Забайкальской области и наказному атаману Забайкальского казачьего войска.

Мы, солдаты и казаки всех частей читинского гарнизона и вновь прибывших частей, собравшись на второе солдатское собрание в здании железнодорожных мастерских, предоставленном нам рабочими социал-демократической рабочей партии, обсуждали свои нужды и пришли к следующим решениям:

Мы требуем единодушно, как действительные, так и запасные:

1) Восьмичасовой рабочий день. В эти 8 рабочих часов должны входить все обязательные занятия солдат: строевые и словесные занятия, разборка, сборка и чистка оружия, учебные прогулки, чистка амуниции, уборка казарм, домашние и кухонные занятия, а в казачьих частях, кавалерии и артиллерии — чистка и уборка лошадей и конюшен.

Черные хозяйственные работы, как-то: мойка полов, уборка отхожих мест и т. п. должны производиться не солдатами, а по вольному найму.

2) Отмена казенной прислуги. Отмена посылки солдат на посторонние им работы.

3) Свобода и неприкосновенность личности: начальник не должен ни ругаться ни бить солдат, все должны обращаться к солдатам вежливо и говорить «вы». Называть офицера по чину с прибавкой слова «господин».

Честь отдается лишь при исполнении служебных обязанностей приложением руки к фуражке и только по желанию самих солдат. Никто из начальства не должен рыться по сундукам, постелям солдат и т. п.

Письма должны с почты приноситься прямо в роту и отдаваться солдату нераспечатанными.

Повестки на денежные письма солдат получает сам и сам идет на почту за деньгами. Солдат может читать и приносить в казарму какие угодно книги без разрешения и без надписи командира.

Свободный выход из казармы во всякое неслужебное время с заявлением лишь дежурному по роте.

Беспрепятственный пропуск в казармы родных и знакомых солдат. Отмена вечерней переклички. Право вне службы одевать штатское платье.

4) Снять военное положение, снять усиленную охрану и не употреблять солдат и казаков для полицейской службы и усмирения освободительных народных волнений.

5) Полное уничтожение дисциплинарных взысканий властью отдельных начальников. Всякие служебные проступки наказываются судом, состоящим из начальника и выборных от солдат в присутствии роты. Преступления против общих гражданских законов и злоупотребления начальства должны быть подсудны гласному гражданскому суду с участием присяжных заседателей.

Отменить следующие виды взысканий: темный карцер, сажание на хлеб и воду и постановку под ружье или под шашку и под ранец.

---

[1]) III отд. Госархива. Газ. «Солдатская Жизнь», 1905 г., № 1.

6) Свобода собраний, т.-е. свобода собираться для обсуждения своих нужд, дел и т. п. без всякого разрешения и без присутствия офицеров, если только они не приглашены самими солдатами. Право присутствования на собраниях и митингах, устраиваемых вольными людьми, например, рабочей партией, право посещать все общественные места без всяких ограничений.

7) Свобода союзов, т.-е. право устраивать солдатские общества, например, для устройства театров, библиотек, совместных чтений, для выбора народных представителей и т. п.

8) Свобода стачек, т.-е. право сговариваться и сообща подавать заявление какому угодно высшему начальству, минуя нежелательных.

9) Обязательное обучение неграмотных, устройство библиотек с выпиской книг, газет и журналов без вмешательства начальства.

Мы знаем, что удовлетворение перечисленных требований отчасти не во власти командующего войсками области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска. Но в настоящее время, когда правительство, подавляя народное волнение, не считается со своими собственными законами, мы решаем:

Если правительство нарушает свои законы во вред и на горе народа, то нельзя считаться со старыми, силой навязанными, не народом установленными законами самодержавия, когда речь идет о благе народа, а потому исполнению наших справедливых желаний и требований со стороны командующего войсками и наказного атамана Забайкальского казачьего войска не видим никаких препятствий; решительно на них настаиваем, в случае неблагоприятного ответа за последствия не ручаемся.

Для улучшения общего военного быта, в виде временной и переходной меры к замене настоящей армии всеобщим вооружением рабочего класса, мы вместе с солдатами и казаками других городов будем стремиться к следующему:

1) Сокращение действительной службы до 2 лет и запаса до 8 лет.

2) Новобранцы должны призываться и служить на своей родине или вблизи от нее.

3) Мы требуем, чтобы правительство назначило всем раненым и неизлечимо заболевшим в последнюю японскую войну и в прежние войны пенсию: в Восточной Сибири для холостых не менее 20 рублей в месяц и для семейных — не менее 30 руб. на мужа и жену, прибавляя по 5 руб. на каждого ребенка.

Семьям убитых выдавать пенсию: матерям, сестрам до замужества и бездетным вдовам по 15 руб. в месяц, на каждого ребенка по 5 рублей.

4) Выдача семьям запасных пособий за все время службы их кормильцев на действительной службе.

5) Батальонные и военно-окружные суды должны быть отменены и дела, им подсудные, должны рассматриваться в общих гражданских судах с участием присяжных.

6) Принимая во внимание, что не все пострадавшие за освободительное движение освобождены последним манифестом, и что прежде всего не освобождены военнослужащие и осужденные военными судами, мы требуем освобождения всех борцов за народное дело.

Наконец, принимая во внимание, что теперь по всей России восстал рабочий класс под знаменем социал-демократической рабочей партии, а за ним поднимется и крестьянство, мы заявляем, что мы, сами крестьяне и рабочие, сочувствуем их борьбе, вместе с рабочей партией отвергаем Государственную Думу, где не будет наших истинных представителей, и будем добиваться Учредительного Собрания, избранного всем народом, без различия сословий, наций и пола, с равной для всех, богатых и бедных, образованных и необразованных, подачей голосов, выбранных прямым и тайным голосованием.

Солдаты и казаки читинского гарнизона и вновь прибывших частей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Воззвание Совета Солдатских и Казачьих Депутатов читинского гарнизона к казакам Забайкальской области[1]).

Братья казаки. В далекой Сибири, в глухих заброшенных станицах живете вы одинокой жизнью. Ваша жизнь тяжела и безотрадна. Молча шлете вы своих сыновей-кормильцев на военную службу, отдаете им лучших коней, разоряете хозяйство, чтобы купить форменную одежду и прочее снаряжение. Плохо житье российского крестьянина, но по сравнению с вашим оно гораздо легче покажется. Там все-таки не отнимают у вдовы-матери ее единственного сына-кормильца, не отнимают последнюю опору у отца. У вас же берут всех без разбора.

С малых лет попадаете вы в кабалу и угнетение к войсковому начальству. Жизнь в станице хуже, чем в иной казарме. Офицеры давят и мучают вас не только в полках, но и в станицах. Прослужив 4 года, вы не делаетесь свободными, а всю жизнь остаетесь под властью начальников. Мало того: вас не только угнетают, вас разоряют, — солдату по прибытии в полк так или иначе дают казенную одежду, вооружение, снаряжение, а в иных частях и лошадь.

Плохо солдатское платье, а казачье еще хуже; снарядить казака в войско — значит разорить всю семью. Мало того, что берут из семьи здорового и сильного работника, — берут еще лучшую лошадь, заставляют заводить свою одежду, оружие и снаряды, что обходится не менее 300 рублей.

Как до службы, так и после нее нет вам покоя от войскового начальства. Каждый год, как стая хищников, налетает на вас войсковая комиссия, придирается к вам, бракует коней и одежду, заставляет разоряться и заводить новое. Не всякий казак может справиться с этими чрезмерными расходами, не всегда находятся у него нужные деньги. Тогда начальство покупает на станичный счет, самого же, как несчастного раба в варварских странах, как барского крепостного былых времен, запрягает в работу по дешевой цене, пока не возместит затраченное.

Вот какую службу, какие повинности наложило на вас правительство!

И за все это офицеры и войсковое начальство без всякого спроса и против вашей воли забирает у вас лучшие леса и луга, забирает сотнями десятин на душу, оставляя вам плохую малопригодную землю.

Много земель в Забайкальской области, конца краю не видно им, начальство же и здесь сумело устроить вам малоземелье. К счастью для вас, под боком у вас находятся земли доброго помещика, самого богатого в России барина, самого большого купца и фабриканта. Эти земли — земли «кабинета его величества». Не казенные эти земли, а личная собственность царя. Доходы с этих земель идут не в казну, а на личные нужды царской семьи. Как же распоряжается этот богатый помещик своей собственной землей? Его всегда называют всемилостивейшим. Милостиво он поступает со своими соседями-земледельцами? Помогает ли он в нужде, отдает ли им земли, которых у него так много? На что тратит миллионные доходы, которые приносит ему его имущество? Ведь не все же разворовывают его управляющие и чиновники. И у других помещиков крадут управляющие, а все-таки большая часть попадает в руки барина. То же и тут. Хоть и крадут чиновники, все же бóльшая часть доходов с кабинетских земель идет в руки хозяина. Счастье ведь, братья казаки! Только почему же вместо пользы кабинет приносит вам одно горе и несчастье? Кто нежданно-негаданно послал вам хищного ворона — землемера? Кабинет его величества. Кто отбирает от вас лучшие заведомо казацкие леса? Кабинет. Кто держит казаков в кабале? Кабинет. Почему этот явный грабеж остается безнаказанным? Для чьей пользы все это делается? Подумайте сами, братья казаки!

---

[1]) Газ. «Казарма», 4 апреля 1906 г., № 3.

Может быть, вы поймете тогда, что значит картина, где Александр III беседует с волостными старшинами. Может быть, вы поймете царские слова: «Слушайте ваших предводителей дворянства. Всякая собственность священна»... Тогда поймете, почему крестьянские волнения против помещиков подавляются царскими войсками с такой зверской жестокостью. Тогда ясно станет, почему войска, по приказу свыше, избивают, воруют, грабят и режут крестьян лишь за то, что те от голоду забирают помещичьи амбары, косят помещичьи луга, рубят в хозяйских лесах. Кто-то боится, что примеру русских крестьян последуют уральские, алтайские и забайкальские и разделят имения всемилостивейшего барина. Может быть, понимаете теперь, почему петербургских рабочих, пошедших 9 января с прошением к царю, с прошением о хлебе, земле и свободе встретили свинцовым огнем и положили более 3 тысяч на месте. Тогда поймете, почему народ требует созыва всенародного Учредительного Собрания, которое должно учредить новый порядок жизни на Руси; поймете, почему царь соглашается созвать Государственную Думу, которая будет состоять почти из одних помещиков, купцов и фабрикантов, и ни за что не хочет согласиться, чтобы выборы были *всеобщие,* без различия сословий, наций, пола, *равные* для богатых и бедных, образованных и необразованных, *прямые* и *тайные,* чтобы нельзя было подкупить и запугать избирателей. Тогда поймете, почему рабочая партия не доверяет царю и добивается, чтобы на место царского правительства было установлено народное правление выборным и сменяемым главой государства, т.-е. демократическая республика.

Проснитесь, братья казаки. Доколе вы будете терпеть и молча сносить притеснения царских чиновников? Время не ждет. Рабочие и крестьяне давно вышли на борьбу. Присоединяйтесь и вы к общему делу. Кабинетские, казенные и удельные, монастырские и помещичьи земли должны быть возвращены народу. Забирайте кабинетские земли, изгоняйте дармоедов-чиновников и землемеров, берите себе леса и сенокосы, забирайте себе рубленый лес и скошенное сено. Постановите также не посылать своих сыновей в войско, пока казаки не будут уравнены в правах с другими сословиями. Подымайтесь, товарищи казаки. Примыкайте к борьбе рабочего народа за всенародное Учредительное Собрание и к долголетней борьбе освобождения от гнета богатства и капитала. Рабочие и солдаты помогут вам.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

Требования воинских чинов иркутского гарнизона, заявленные на соединенном собрании солдат и офицеров.

§ 1.

1. Немедленное увольнение запасных всех частей войск, команд, управлений и лечебных заведений по 1903 год, пользующихся правами по образованию, и 1903 г. как солдат, так и казаков, особенно последних, так как прав по образованию казаки Енисейской и Иркутской губерний лишены.

2. Увольнение в запас матросов Черноморского и Балтийского флотов, присланных на службу в части войск Сибирского округа и окончивших уже обязательный срок действительной службы. Упомянутым матросам, переведенным в войска, время, проведенное ими во флоте, должно быть зачислено в срок действительной службы.

3. Увольнение в запас воинских чинов на основании 56 ст. по изменившемуся семейному положению.

§ 2.

1. Лишенные трудоспособности, вследствие полученных ран и увечий, воинские чины должны получать пенсию, вполне достаточную для их суще-

ствования и воспитания детей, — в размере не менее 15 рублей в месяц для бездетных и 25 рублей для семейных.

2. Воинские чины, представившие свидетельство о бедности, при увольнении в запас должны получить единовременное пособие от местного воинского начальника в размере 15 рублей семейным и 10 р. холостым.

3. Немедленная выдача пособий семьям запасных солдат, казаков и матросов со дня призыва и по день увольнения в запас от того воинского начальника, у которого они состоят на учете.

§ 3.

Выдача воинским чинам, увольняемым на родину, путевых, кормовых и фуражных денег: следующим по сибирским дорогам не менее 70 коп. в сутки, а по дорогам Европейской России — 40 коп., а также распространить выдачу кормовых до места призыва на тех запасных, которые, по их заявлению, временно пожелают остаться в месте их увольнений. Размещение в вагонах по 25 человек.

§ 4.

1. Сокращение срока действительной службы всех родов оружия с таким расчетом, чтобы служба продолжалась не более 2 лет, а во флоте, специальных войсках и для медицинских фельдшеров — не более 3 лет.

2. Общая продолжительность службы не должна превышать 10 лет.

3. Отбывание воинской повинности в мирное время в месте призыва.

Примечание. Ввиду этого необходимо немедленно ввести бесплатное обязательное обучение.

§ 5.

Немедленное освобождение в иркутском гарнизоне всех арестованных в дисциплинарном порядке, а также арестованных до суда и следствия. Рассмотрение их дел судом в течение 2 недель, при чем время, проведенное под арестом до суда, должно быть засчитано в срок наказания.

§ 6.

Сократить посты в гор. Иркутске, уменьшить караулы, в которых не представляется существенной надобности (как, например, у иркутского генерал-губернатора, коменданта железнодорожной станции), отменить ординарцев и посыльных у отдельных лиц.

§ 7.

Немедленная полная амнистия всем воинским чинам, пострадавшим за религиозные и политические убеждения.

§ 8.

Немедленная отмена смертной казни, военных и полевых судов, уничтожение военных тюрем, дисциплинарных рот и батальонов, полное уничтожение для воинских чинов телесного наказания.

§ 9.

Введение общего гражданского суда для воинских чинов за все преступления

§ 10.

Учреждение товарищеского суда для маловажных проступков.

§ 11.

Повсеместная отмена военного положения, усиленной и чрезвычайной охраны.

§ 12.

Отмена видов ареста: строгого, усиленного и смешенного.

§ 13.

1. Камеры для арестованных должны удовлетворять требованиям гигиены и благоустройства, кроме того, в них должно быть достаточное число кроватей с матрацами и подушками и умывальники. Арестованные должны размещаться с расчетом по полторы куб. саж. воздуха на каждого.

2. Еженедельное отправление арестованных в баню и снабжение бельем тех, у кого его нет.

3. Свободный допуск к арестованным посетителей, для чего должна быть устроена особая приемная.

4. Разрешение арестованным беспрепятственно пользоваться всякого рода книгами, газетами и журналами.

§ 14.

1. Полная свобода совести для воинских чинов.

2. Устройство библиотек и читален на казенный счет, куда должны допускаться все книги и журналы по выбору самих воинских чинов.

3. Устройство в казармах вечерних классов, преподавание в которых может производиться или самими солдатами и офицерами или приглашенными для этого постоянными лицами.

4. Предоставление права свободного посещения библиотек, театра, концертов, ресторанов, публичных лекций и т. п.

5. Предоставления права посещения и устройства митингов, а также образования свободных союзов из воинских чинов, где бы они могли обсуждать все свои нужды, без участия начальствующих лиц, кроме сочувствующих им, но без права решающего голоса. Собрания союзов и митинги должны быть открыты для представителей печати.

6. Отмена названия «нижний чин».

7. Вежливое обращение с солдатами и замена «ты» на «вы».

8. Отмена титулования офицеров и отдания им чести в свободное от службы время. Полное уничтожение остановки во фронт.

9. Право подачи жалоб не по команде, а во всякое время во всяком месте и в любой форме. Право коллективных заявлений.

10. Полная неприкосновенность корреспонденции и безотлагательная выдача денежных писем, посылок и т. п. Бесплатная пересылка простой солдатской корреспонденции.

11. Медицинский осмотр должен быть не публичен.

12. Ограничение времени занятий 6 часами в сутки, с условием окончания занятий не позже 2 часов дня, полное освобождение от нарядов на службе и на работы в остальное время дня.

13. Запрещение будить воинских чинов ранее чем за час до начала занятий.

14. Отмена грязных работ (например, очистка отхожих мест).

15. Предоставление полной свободы отлучек из казарм в свободное от службы время, с заявлением только дежурному.

16. Предоставление права ношения штатской одежды в свободное от службы время. Право курения на улице в форменном платье.

17. Отпуск на вольные работы должен производиться лишь с согласия самих воинских чинов, при чем из заработанных денег одна треть идет в пользу товарищей, несущих за них службу, а остальные деньги должны выдаваться на руки работающим.

18. Уничтожение эксплоатации музыкальных команд начальниками. Распределение заработанных музыкантами денег должно производиться на тех же началах, как и по отношению к вольным работам.

§ 15.

1. Казармы и другие помещения для солдат должны вполне отвечать гигиеническому, санитарному и техническому благоустройству; при размещении воинских чинов в казарме на каждого должно полагаться по полторы куб. саж. воздуха.

2. Должна быть отдельная койка для каждого с тюфяком, подушкой, одеялом и тремя переменами постельного белья.

3. Должен быть для каждых двух воинских чинов один шкап.

4. Устройство отдельной умывальной комнаты.

5. Устройство отдельной столовой со шкапами, где должна храниться чайная и обеденная посуда, при чем на каждого солдата должен быть чайный и столовый прибор, состоящий из тарелки, вилки, ножа и ложки.

6. Устройство бань, прачечных и сушилок, при чем мойка белья должна производиться не самими воинскими чинами. До устройства бань должны быть выдаваемы воинским чинам банные деньги и по куску мыла.

§ 16.

1. Для ведения ротного хозяйства составляется комиссия из офицера (выборного) и четырех солдат, по одному человеку со взвода, выбранных солдатами; на обязанности комиссии лежит закупка и осмотр провианта, фуража, других продуктов; комиссия обязана ежемесячно отдавать отчет в своих действиях роте.

2. Увеличение артельных сумм до размера, необходимого для удовлетворения всех нужд солдата.

3. Пища должна быть разнообразная, из двух блюд, вкусная, сытная и хорошего качества, при чем мяса на каждого должно приходиться по одному фунту, хлеба выдавать по полтора фунта черного и полтора белого.

4. Каждому воинскому чину полагается 3 фунта сахару в месяц, а чай должен быть байховый.

5. В каждой столовой необходимо устроить медный луженый куб, в котором должен быть постоянно кипяток.

6. Кроме обеда, должен быть ужин из одного блюда.

§ 17.

Увеличение жалованья всем воинским чинам до 5 руб. в месяц; кроме жалованья, казакам выдавать еще ремонтные деньги на поправку седел и прочего конского снаряжения.

§ 18.

1. Улучшение мундирной одежды и сапог, при чем на каждого воинского чина должны выдаваться в год два мундира и двое шаровар. Одежда должна пригоняться на каждого отдельно.

2. Прием предметов снаряжения, вооружения и обмундирования должен производиться комиссией, состоящей из выборных солдат и офицеров.

§ 19.

1. Низшие начальствующие должны быть избираемы самими солдатами.

2. Офицеры, замеченные в грубом, дерзком и жестоком обращении с солдатами, казаками и матросами, должны быть по требованию последних устранены.

§ 20.

Отмена дядек для новобранцев.

§ 21.

Уничтожение казенной прислуги у начальствующих лиц.

§ 22.

1. Воинские чины не должны нести полицейской службы и подчиняться полицейским чинам.

2. Солдаты и казаки не должны участвовать в подавлении всяких манифестаций и демонстраций, не имеющих целью погрома и избиения мирных жителей.

§ 23.

Капитал казачьего населения Иркутской и Енисейской губерний, приблизительно в сумме 180.000 руб., из'ять из ведения иркутского генерал-губернатора. Он должен быть вложен на текущий счет казаков этих губерний в государственный банк; проценты с капитала должны выдаваться исключительно в пособия казакам как состоящим на действительной службе, так и на льготе. Капитал должен всецело находиться в распоряжении казаков этих губерний, которые и должны выработать подробные правила пользования процентами.

§ 24.

Пособия казакам за павших лошадей выдавать на руки деньгами, чтобы казак сам мог купить себе любую лошадь.

§ 25.

Собственная лошадь, обмундирование и снаряжение казаков не должны браковаться без участия комиссии, выбранной из казаков и младших офицеров.

Дополнение к требованиям.

§ 26.

1. Фельдшера, находящиеся при ротах, эскадронах и батареях, должны подчиняться только врачам, а не строевым начальникам.

2. Программа фельдшерских школ должна быть расширена.

3. Разрешение военным фельдшерам частной практики как на службе, так и в запасе.

§ 27.

Зачисление в срок действительной службы времени пребывания в юнкерских и военных училищах и тем лицам, которые по каким-либо причинам не достигнут офицерского звания.

§ 28.

Немедленное устранение от командования и должностей подполковников: Вербицкого, Кашкарова, Тышко, Блотницкого и шт.-кап. Степанова.

§ 29.

Отправление на родину ратника ополчения Кунгурцева, находящегося под надзором в 8-й роте 2-го запасного батальона; пересмотр дела рядового 2-го запасного батальона Ивана Щербинина, осужденного в дисциплинарный батальон, и прекращение предварительного следствия по обвинению казаков: урядника Иркутского казач. дивизиона Белоусова и приказного Немчинова.

§ 30.

Полная неприкосновенность личности как членов комитета, так и всех солдат.

Собранием солдат и офицеров 27 и 28 ноября единогласно постановлено: выразить самое горячее свое сочувствие общенародным требованиям: 1) о созыве Учредительного Собрания на основе всеобщей, прямой, равной и тайной

подачи голосов, без различия пола, национальности и вероисповедания и 2) о безвозмездной передаче всей земли трудящемуся народу на основе уравнительного пользования.

28 ноября 1905 года.

Напечатано по распоряжению Об'единенного Комитета солдат и офицеров.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

Воззвание солдат 2-го Закаспийского железнодорожного батальона [1]).

В последние дни казаки и частью солдаты русской армии, к позору всей армии, запятнали невинной кровью народной свои руки в угоду палачам.

Вместе с тем лучшие из солдат и офицеров возвысили свой возмущенный голос против убийц — солдат и офицеров, идущих рука-об-руку с полицией, хулиганами и казаками против родного народа.

Мы поддерживаем их, товарищи, мы поддерживаем борющийся народ, мы об'являем, что свобода, за которую он борется, есть наша свобода, кровь, проливаемая убийцами, — наша кровь, крестьяне, рабочие и все борцы за свободу — наши родные братья.

Вместе с убиваемым народом мы кричим: «Да здравствует свобода! Долой убийц! Да здравствуют солдаты, помогающие народу бороться против палачей!».

Мы заявляем, что наше оружие должно быть обращено против тех, кто посылает нас на убийства наших братьев. Товарищи, поддержите ваших товарищей, ташкентских солдат, нас и 1-й Закаспийский батальон...

Пусть знают палачи, что мы не друзья их, а враги, не рабы, а российские граждане, борющиеся за свободу народа. Мы решили придерживаться всеми силами мирных средств борьбы за наши требования. Мы не разбойники, а мирные люди.

Поэтому мы требуем от начальства принять все меры к тому, чтобы против нас не выставлялась военная сила во избежание печальных последствий, ибо на насилие мы ответим насилием.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

Журнал Совета обороны крепости Кушки 27 ноября 1905 г. № 3 [2]).

1. Против законного правительства дерзновенно действует целая корпорация самозванных управителей, терроризируя наше отечество разного рода репрессивными мерами:

а) приостановка службы почтовых учреждений империи;

б) закрытие движения по железным дорогам;

в) бездействие правительственного телеграфа;

г) распространение крайних социальных идей не только между гражданскими чинами, но между военнослужащими.

2. Вышесказанные дерзновенные действия имеют проявления:

а) доставляются на Кушку лишь крайнего направления газеты с сенсационными сведениями;

---

[1]) III отделение Госархива. Газ. «Начало», № 6, 19/XI 1905 года.

[2]) Газ. «Асхабад», 1905 г., № 213.

б) по телеграфу передавались и передаются разного рода сведения, необходимые агитаторам распоряжения по преступной деятельности и назойливые требования, адресуемые коменданту крепости (требование депутатов от митинга об освобождении арестованных офицеров Андреева, Розанова и Иконникова), с разного рода по отношению к нему угрозами от какого-то преступного общества, не имеющего права даже мечтать о возможности подчинения лиц, закаленных верною присягою престолу.

3. В настоящую минуту не составляет секрета, что успех преступных деятелей является результатом их многолетней тщательно обдуманной подготовки и преступного развития умов наибольшей массы лиц, обслуживающих в настоящее время оные государственные учреждения, коих можно уподобить кровеносной и нервной системе человеческого организма.

Таким образом можно себе представить следующую картину настоящего положения дел в нашем дорогом отечестве:

а) Государственное дело парализировано: не только уничтожены взаимные сношения частных лиц, но и все правительственные распоряжения не могут достигать до верных исполнителей истинной службы, а равно ни о каких происшествиях последним невозможно доносить установленным порядком.

б) Невзирая на вопиющие потребности государственной жизни (как-то: подвоз припасов в голодающие губернии), самозванное правительство благоволит разрешать только такие передвижения, которые клонятся в явную пользу его преступной деятельности (поезда увольняемых в запас солдат).

в) При тщательном ознакомлении с пропущенными на Кушку телеграммами за подписью начальствующих лиц у коменданта невольно возникает мысль об их подложности.

4. Короче говоря, смута несомненно существует и тяжело отражается на благополучии русского народа, в наибольшей своей массе совершенно не сочувствующего такому порядку вещей и вполне удовлетворенного высокой монаршей милостью, выраженной высочайшим манифестом 17 октября с. г., в коем повелевалось общественным слоям умиротвориться и обратиться к нормальной жизни и деятельности.

Наконец, весь кушкинский гарнизон и обыватели были глубоко потрясены слухом о возмутительных событиях, и никто не хотел верить, что и священная кровь монарха пролилась в переживаемое смутное время (?). Если еще что осталось незыблемо прочным, то это надежда на милосердие божие, что промысл небесный спасет Русь в настоящее ее время.

Я, комендант крепости, с 19 сего ноября бескровно подавив угрожающий опасными последствиями возникший и обострившийся мятеж, проникавший было в среду воинских частей, в настоящую минуту не могу хладнокровно взирать, что вверенная мне моим императором крепость до сего времени, от 16 до 25 ноября с. г., находится в положении как бы блокады со стороны ясно обнаруженного внутреннего врага государства, и если этот враг в самоослеплении будет продолжать такой же образ действий, заслуживающий полного недовольства и возбуждающий кровную обиду в сердце истинного патриота, то на насилие я отвечу ему силою же, не упуская возможности впредь испросить на сие зависящего разрешения и одобрения от законного моего начальства, как только к тому представится возможность.

Основная сила тысячелетней Руси зиждилась на глубокой вере в истинного бога, на пламенной любви к своему венценосному помазаннику божию и на сердечной надежде, что все лучшие сыны отечества дружно пойдут против супостата и противников основных законов империи. Согласно вышесказанной ст. 108, при чрезвычайных обстоятельствах я вынужден к чрезвычайной мере. С нами бог.

Комендант крепости Кушки ген-майор *Прасолов.*

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

Требования солдат 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, заявленные 15 июня 1906 года[1]).

Мы, солдаты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, заявляем вам, командиры, что мы больше не хотим быть бесправными людьми, на которых вы смотрите как на рабочую машину, эксплоатировать и издеваться над которой может всякое начальство.

Поэтому мы заявляем протест против такого положения и для улучшения нашего быта требуем немедленного исполнения следующих пунктов:

1. Освобождения арестованных и восстановления в правах всех товарищей, пострадавших за политические убеждения.

2. Отобрания от офицеров всей казенной прислуги, как-то: денщиков, вестовых и т. п., так как такая роль не соответствует званию солдата — защитника отечества.

3. Немедленное увольнение в запас армии нижних чинов сроков службы 1902 и 1903 годов.

4. Вежливое обращение начальствующих с нижними чинами и обязательное обращение на «вы», так как обращение на «ты» является пережитком крепостного права.

5. Отмена наказаний за маловажные проступки, как-то: неумелое отдание чести и т. п.

6. Отмена батальонных судов и передача дел о нижних чинах гражданскому суду.

7. Предоставление права подавать жалобы на офицеров прямо в суд.

8. Отмена статьи устава, навязывающей солдату лакейские обязанности, как-то: подавание галош, пальто, отворяние дверей и т. п.

9. Немедленно прекратить пользование войсками в полицейских целях, участие в арестах, обысках и т. п.

10. Беспрепятственное увольнение со двора в свободное от занятий время и допущение в казармы знакомых, как военных, так и штатских.

11. Неупотребление солдат ни на какие работы, кроме ротно-хозяйственных.

12. Устройство батальонных и ротных библиотек и выписка любых газет и книг по выбору самих солдат.

13. Отменить статьи устава, предоставляющие право начальствующим вскрывать солдатские письма, а также предоставить право получения всякой корреспонденции самими солдатами, по удостоверении личности получателя командиром части.

14. Все отпуски от казны, как денежные, так и натурою, выдавать нижним чинам на руки полностью, без всяких вычетов, своевременно.

15. Полная свобода посещения всякого рода собраний и признать законным право устройства солдатских собраний для обсуждения своих нужд.

16. Установить отпуски от 1 до 4 месяцев с сохранением содержания и всех видов довольствия, с правом бесплатного проезда по сухопутным и водным путям.

17. Установить в батальонных и ротных мастерских 6-часовой рабочий день.

18. Отменить караульную службу, превышающую норму, определенную уставом, и согласно устава освободить возвратившихся из караула от занятий на сутки и перед нарядом освободить с обеда.

19. Все экономические хозяйственные суммы должны расходоваться на личные нужды нижних чинов по их усмотрению.

20. Наградные деньги распределять между всеми нижними чинами без исключения поровну, без всяких отчислений в хозяйственные и другие суммы.

---

[1]) Лефортовский архив, дело глав. штаба, 1906 г., № 10.

21. От нижних чинов, вступающих в брак, не отбирать подписок в том, что они не будут просить о зачислении на довольствие семейств, но, наоборот, семьи всех нижних чинов зачислять на квартирное довольствие и прочее.

22. Об'яснить причину отобрания от нижних чинов пособия, выданного товарищами-рабочими кизил-арватских мастерских семействам нижних чинов, снятых с дороги.

23. Выяснив обстоятельства снятия с дороги 7 нижних чинов и ареста 3 из них, немедленно восстановить их в правах.

24. На будущее время на поверке об'являть об арестах нижних чинов, кто кем и за что арестован.

25. Отстранить капитана Спектора и фельдфебеля Гусева из батальона.

26. Устроить столовую при штабе батальона и приобрести посуду для каждого нижнего чина.

27. Выяснить разницу между старым и новым окладом на шитье сапог, и тем, кто получил давно построенные и уже гнилые сапоги, выдать дополнительно деньгами; вообще же все готовые вещи выдавать непостроенными.

28. Выдачу гнилого мыла заменить отпуском денег.

29. Нижним чинам, служащим на дороге, установить плату не менее 60 коп. в день.

30. Выпускать нижних чинов на службу дороги по срокам и специальности.

31. Распределить несение караульной службы поровну между всеми нижними чинами батальона.

32. Обратить особое внимание на улучшение быта нижних чинов музыкантской команды, как-то: улучшение пищи и своевременную выдачу всех заигранных денег без всяких вычетов.

33. Всем уволенным в запас армии нижним чинам, состоящим на службе дороги, по увольнении их в запас, предоставлять те же самые должности без всяких ограничений.

34. Тем нижним чинам, кои до призыва на службу занимали должности в правительственных частных и иных учреждениях, предоставить по увольнению в запас те же должности или же выдать единовременное вознаграждение в размере не менее 50 руб., о чем начальство должно озаботиться заблаговременно.

35. Выставляя наши чисто солдатские требования, мы заявляем, что, кроме них, мы вместе с народом будем добиваться исполнения всех требований, пред'явленных Государственной Думой. Исполнение наших требований ожидаем до 4 часов дня 18 июня с. г.

Нижние чины 1-го Закаспийского железнодорожного батальона.

15 июня 1906 года, гор. Асхабад.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7.

Прокламация, излагающая в систематизированном виде солдатские требования [1]).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К солдатам.

В настоящее время, когда все население России поднялось, чтобы нанести решительный удар умирающему самодержавию, вы, солдаты, сыны на-

[1]) Архив штаба Туркестанского военного округа.

рода, должны поддержать делом требования рабочих — ваших отцов и братьев, которые поэтому являются и вашими требованиями, вы должны стать в ряды восставших рабочих против их угнетателей. После свержения самодержавия вы должны поддержать требования рабочих — уничтожить постоянное войско и заменить его народной милицией. Для успешного выполнения всего этого вам необходимо теперь же приступить к возобновлению армии и тех условий [?], в которых вы живете, и необходимо просвещать малосознательных посредством улучшения жизни солдат.

Итак, вы должны выставить следующие требования:

I. Требования экономические:

8-часовой рабочий день. В это время должны входить все обязательные занятия солдат: гимнастика, уборка казарм, учебные занятия, учебная прогулка, домашние и кухонные работы, разборка и сборка винтовок и револьверов, чистка и осмотр оружия, чистка амуниции и т. д. 8-часовой рабочий день в военных мастерских, музыкантских командах, канцеляриях, хлебопекарнях и т. д.

Увеличение жалованья нижним чинам. Норма должна быть выработана самими солдатами. Казенное содержание, принимая в соображение и другие солдатские нужды вне его.

Увеличение раскладок на довольствие пищей. Солдаты должны вести артельное хозяйство, без участия офицеров своими выборными. Должен быть введен в раскладку казенный чай и сахар по 2 раза в день и ежедневная мясная пища. Горячая пища в караулах.

Увеличение одежды и обуви. Выдача ежегодно одного комплекта в собственность. Выдача трех пар сапог (или товаром), прием сапог (или товара) выборными из солдат. Отмена обязательной формы сапог, прием полотна (дачек) выборными от солдат; дачки на 6 пар белья и 6 гимнастических рубах в год. Увеличение амуничных денег (на шитье сапог и белья) по действительной необходимости и местным ценам.

Улучшение казарм. Просторное помещение по гигиеническим нормам для жилья. Особый зал для гимнастических занятий. Топка печей не по казенным «сезонам», а по состоянию погоды, температура не ниже известного градуса, обязательно койки вместо нар. Казенные одеяла, подушки, наволочки и простыни чистые не реже 2 раз в месяц [1]).

Казенная баня и мыло каждую неделю. Казенная стирка белья.

Полный воскресный отдых (кроме караулов). Полный отдых после всякой суточной службы (караулов, дежурств, дневальств и т. п.) до следующего дня.

Уничтожение вольных работ, которые вызываются лишь нищенским жалованьем солдат — «45 коп. в месяц» и заставляют солдат наниматься на каторжный труд по крайне низким ценам, сбивая плату у вольных рабочих, и введение летних отпусков на побывку (что при 4-годичной службе имеет большое значение), хотя бы на месяц. Бесплатный проезд на пароходах и железных дорогах. Для остающихся летние каникулы не менее месяца в самое жаркое время лета.

Полное уничтожение офицерского пользования солдатами, как мастеровыми, рабочими, и личными услугами.

2. Служебные:

Сокращение срока службы в одинаковый срок службы для всех, без льгот по образованию. Отбывание службы в своей местности.

Неупотребление войск для полицейской службы и для «усмирения» рабочих-стачечников и крестьян.

---

[1]) Требования перепеч. из «Искры».

Право каждого солдата поступить в офицерскую школу (военные училища, юнкерские и т. п.) по окончании срока службы. Все, желающие быть офицерами, обязательно должны отбыть срок действительной солдатской службы.

Офицеры — только учителя военного дела.

Офицеры — начальники только во время караулов, маневров, войны.

Начальствующие нижние чины — фельдфебель, унтер-офицер, ефрейтор и т. п. — независимо от их производства в чин по их знаниям назначаются в роты по выбору солдат и смещаются по требованию большинства.

По решению большинства нижних чинов части войск (взвода, полуроты, роты, батальона, полка и т. п.) командир этой части должен быть смещен.

Хозяйственные должности, как неофицерские, так и офицерские (артельщик, инструктор, каптенармус, заведующий хозяйством и т. д.), замещаются по выбору солдат.

Уничтожение нелепых и тяжелых воинских пережитков.

Уничтожение «циркулярных» (церемониальных) маршей и учебной маршировки с вытягиванием ног и стуканием подошвой об землю.

Уничтожение держания на выпаде и прицеле долее существенно необходимого времени.

Новобранцы (молодые солдаты) пользуются всеми правами наравне с другими относительно занятий и работ, т.-е. таким же 8-часовым рабочим днем.

Отмена дядек для новобранцев. Обучать первичным приемам должны унтер-офицеры под обязательным наблюдением офицеров. Обучение примером без всякого прикосновения руками.

Обязательное обучение неграмотных. Школы полковые и другие с гражданскими учителями; обучение же должно поручаться офицерам и другим военным.

Полное уничтожение дисциплинарных (властью отдельных начальников) наказаний, карцеров, ареста. Все наказания за дисциплинарные поступки по суду, с участием присяжных (из солдат, по выбору) гласно.

Преступления против общих законов и злоупотребления начальства рассматриваются гласно в общих судах государства с участием присяжных.

Уничтожение дисциплинарных батальонов, увеличение срока службы, разряда штрафованных, военных тюрем, заключения в темных карцерах и «на хлебе и воде».

Уничтожение постановки под ранец и улучшение караульных помещений.

Приказы по полкам должны выдаваться по 1 экземпляру каждому солдату. Общий пересмотр и выработка воинских уставов внутренней службы, гарнизонного, строевого, дисциплинарного и т. д. при полном участии выборных от солдат, сообразно выработанным солдатами требованиям.

Уничтожение всяких ограничений в правах службы для «инородцев».

3. Внеслужебные:

Обращение на «вы» каждого начальника с каждым солдатом. Невмешательство начальствующих в личную жизнь солдат.

Офицеры не имеют права делать обыски, вскрывать письма солдат и т. п. Письма должны получаться прямо в казармы, а не через полковые штабы.

Свобода солдатских собраний в неслужебное время для обсуждения своих нужд, дел и т. д. без всякого разрешения и присутствия офицеров, кроме как по приглашению солдат. Полная свобода слова на собраниях.

Казарменные библиотеки, просветительные предприятия, развлечения. Театр, музыка, хор и т. п. устраиваются самими солдатами без разрешения и вмешательства офицеров, кроме как по приглашению солдат, свободный выбор солдатами книг, газет, журналов и т. п.

Свободный доступ в казармы родных и знакомых солдат в неслужебное время.

Отмена отдания чести офицерам в общественных местах, отмена запрещения посещать театры, библиотеки, собрания и т. п.

Полное уничтожение личной службы денщиками у офицеров и их семейств, «камчадалами» у подпрапорщиков, фельдфебелей, унтеров, каптенармусов и т. д.

Отмена обязательного исполнения религиозных обрядов и разных принуждений, не гонять в церковь к исповеди, к причастию, на «беседы священника» и т. д.

Агитация перечисленных выше требований должна вести к главной цели, к формулированию наших требований.

4. Гражданско-политические:

Солдат должен пользоваться всеми гражданскими и политическими правами наравне со всеми гражданами. В случае избрания на общественную должность служба отсрочивается, недослуженный срок оканчивается после.

Войско служит не правительству, а народу (стране, отечеству). Какие бы то ни было военные действия и война должны решаться голосованием всего народа, следовательно, и самих солдат.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8.

Записка о беспорядках в частях войск Туркестанского военного округа и о проявлениях революционного характера в этом крае за период времени [1]) *с ноября 1905 года по ноябрь 1906 года* [2]).

Беспорядки в частях войск Туркестанского военного округа и заметное брожение среди нижних чинов стали особенно проявляться с половины ноября 1905 года, совпадая со временем общих забастовок во внутренней России и Туркестанском крае.

Общероссийская смута, общее шатание, вследствие слабого умственного развития, упадок дисциплины и единичные преступления революционного характера в войсках округа наблюдались как в среде нижних чинов, так равно изредка и между офицерами, много ранее, так, например: 17 июля 1905 года поручик 19-го Туркестанского стрелкового батальона Голиев обвинялся за возбуждение нижних чинов к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, за обсуждение с ними аграрного вопроса в духе социалистических идей, за чтение прокламации и т. п. 3 августа 1905 г. рядовой ташкентского артиллерийского склада Рудницкий собственноручно составлял прокламацию, в которой призывал нижних чинов к бунту и неповиновению. 10 августа 1905 года того же склада мастеровой Корецкий обвинялся за хранение книги революционного содержания.

26 августа писаря того же склада Чубукин и Рыбин и рядовой Рудницкий обвинялись в принадлежности к ташкентской революционной партии. В октябре 1905 года унтер-офицер телеграфной роты Соломенцев обвинялся в том, что поучал своих учеников в школе зауряд-прапорщиков тому, что присяга не имеет значения и что вместо царя следует выбрать президента. 22 октября 1906 года рядовой 6-го Геок-Тепинского резервного батальона

---

[1]) Часть записки о проявлениях революционного характера в крае не печатается.

[2]) Документ любезно представлен в распоряжение Истпарта ЦК ВКП(б) Истпартом Средне-Азиатского бюро ЦК.

Воловников возбуждал нижних чинов к неповиновению. 9 ноября рядовой 1-го Закаспийского железнодорожного батальона Псарский обвинялся в распространении прокламаций среди нижних чинов.

Эти, случайно замеченные и разобранные судебными властями, единичные преступления дают право заключить, что вредная, растлевшая дисциплину пропаганда начала проникать в части войск за 4—5 месяцев ранее, чем начались в войсках округа массовые беспорядки.

Революционные партии спешили воспользоваться тем, что вооруженные силы государства в массе отвлечены военными действиями с Японией, и деятельно пропагандировали в частях, оставшихся гарнизонами в городах Европейской и Азиатской России, вооруженное восстание против существующего правительства. Они воспользовались тем, что офицеры слишком доверчиво относились к искони верным царю и присяге солдатам, не допуская в среде их отступников, воспользовались слабым умственным развитием нашего солдата, проникли в их среду и начали настойчиво, энергично пропагандировать свои учения, возбуждать к бунту и неповиновению.

Был случай накануне восстания частей, расположенных в ташкентской крепости: 15 ноября, в чайной 1-го Туркестанского саперного батальона, подполковник Григорьев заметил постороннее лицо в солдатской шинели, которое при его появлении тотчас же бежало через обозный двор, отстреливаясь от преследовавших. По некоторым данным можно было предполагать, что это был врач Чернобородов, ныне высланный на год в Петро-Александровск за принадлежность к революционной партии. Нижние чины Чернобородова не выдали [1]).

Смелые энергичные агенты социал-демократических партий, социал-революционеров, народников и анархистов не встретили должного противодействия со стороны ближайших начальников, офицеров, оказавшихся неподготовленными к борьбе с разлагающими армию учениями и не имеющими тесной внутренней связи со своими подчиненными нижними чинами; посредством прокламаций, устных бесед и своих повременных изданий агенты этих партий подорвали авторитет офицеров и склонили на свою сторону более неустойчивых из нижних чинов, которые стали вожаками остальной массы.

Чтобы подкупить солдат и привлечь на свою сторону, революционеры прибегли к составлению целого ряда требований к начальствующим лицам, в число которых вошли пункты, касающиеся улучшения солдатского быта. В оппозиционной газете «Самарканд» такой документ был целиком опубликован; по своему содержанию он распадался на три части: 1) воззвание явно революционного характера, до наименования правительства палачами и угрозы ответить насилием за насилие; стиль этого воззвания дает основание предполагать, что оно было внушено нижним чинам извне и целиком сочинено для них; 2) общие требования и 3) частные требования. При составлении этих требований, в особенности частных, в значительной степени было заметно творчество и самих нижних чинов.

В большинстве случаев, при массовых беспорядках в частях округа, воззвание под рубрикой 1-й не играло главенствующей роли, и солдаты предъявляли начальству требования, касающиеся быта и материального их благосостояния.

Копии этих требований приложены в конце сей записки (приложение А).

Революционеры в данном случае потерпели неудачу: для крестьянина-землепашца вопросом первой важности явился вопрос аграрный, а для солдата — его быт и материальное благосостояние; вопросы же о преимуществах Учредительного Собрания перед парламентом, или наоборот, как того, так и другого занимали мало.

Первыми проявили неповиновение властям нижние чины ташкентского артиллерийского склада, мастерских этого склада и Ташкентского резерв-

[1]) Впоследствии выяснилось, что это был студент Виктор Федоров, с.-р., в 1906—1907 гг. известный боевик северн. лет. отряда п. с.-р.

ного батальона, т.-е. части, расквартированные смежно, в крепости. Неповиновение вылилось в форме вооруженного восстания в ночь на 16 ноября 1905 года, при чем упомянутыми нижними чинами было пред'явлено 11 пунктов требований последних категорий, т.-е. об улучшении общих условий их быта и службы.

Из приложенной при сем описи № 1 дел революционного характера видно, что это восстание подготовлялось еще с августа месяца, когда некоторые нижние чины ташкентского артиллерийского склада, которым не удалось скрыть своей преступной деятельности, не понесли кары на основании указа правит. сената 22 октября 1905 года, и, надо полагать, дело пропаганды после этого еще более усилилось; агенты революционных партий начали действовать еще более смело и настойчиво, тем более, что со стороны офицеров названных частей не проявлялось достаточной бдительности и должного противодействия, между тем как бывший командир 1-го Туркестанского армейского корпуса, генерал-лейтенант Мациевский, до сведения которого дошел слух о возможности вооруженного восстания в одной из частей ташкентского гарнизона, а именно во 2-м Ходжентском резервном батальоне, предупреждал беду. 12 ноября он беседовал с офицерами, врачами и чиновниками ташкентского гарнизона по поводу текущего смутного времени, при этом подтверждал им и нижним чинам корпуса о воспрещении принимать участие или даже присутствовать на митингах, сходках, манифестациях, сборищах гражданских лиц и рабочих. Им обращалось внимание командиров частей на то, что ротные командиры не умеют раз'яснить нижним чинам, насколько преступно нарушение этого приказания для чинов, носящих воинское звание (приказ по корпусу № 214).

Следствием по этому делу вполне выяснено, что революционеры усиленно возбуждали восставших нижних чинов речами, даже в ночь на 16 ноября, но, тем не менее, те не ответили на их призыв и не примкнули к революции, а откликнулись лишь на требования по улучшению общих условий солдатского быта и службы.

Вооруженное восстание в 1-м Ташкентском резервном батальоне в команде ташкентского артиллерийского склада и мастерских этого склада было подавлено вооруженною же силою, которую составляли 1-й, 2-й и 3-й Туркестанские стрелковые батальоны, в которых дисциплина поддерживалась неустанными заботами командиров этих частей и офицерами, которые в то тяжелое время безвыходно находились в среде своих подчиненных нижних чинов, имели с ними постоянное общение, толковали интересующие солдат вопросы, учась для сего правильно понимать и ясно усваивать целый ряд крупных государственных реформ, уже осуществленных и ожидаемых.

Дело о вооруженном восстании нижних чинов 1-го Ташкентского резервного батальона, ташкентского артиллерийского склада и мастерской сего же склада, по данным следственного производства, представляется в следующем виде [1]).

В ночь на 16 ноября 1905 года нижние чины 1-го Ташкентского резервного батальона, ташкентского артиллерийского склада и мастерской сего же склада, быв недовольны существующими, установленными законом и уставом, порядками в войсках, согласились силою исторгнуть от военного начальства распоряжения, согласные с их желаниями. С этой целью, по выработанному заранее плану, они в ночь с 15 на 16 ноября 1905 года, бросились после вечерней поверки к оружию, разобрали его и хранившиеся в частях, на случай тревоги, боевые патроны и вышли из своих казарм внутрь крепости, призывая другие части войск к восстанию криками и условными выстрелами кверху, при этом некоторые из восставших предлагали убийством офицеров и арестом высших начальников устранить препятствия к достижению намеченной цели, но этот призыв не встретил сочувствия и под-

[1]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1905 г., № 26.

держки среди бунтующей массы. Затем восставшие силою стали уводить из казарм тех нижних чинов, которые не решались или не хотели к ним присоединиться, угрожая уклоняющимся от участия переколоть и перестрелять, врываясь для сего в казармы, разбивая окна и даже стреляя в них для устрашения колеблющихся. Хотя каких-либо требований высшим военным начальникам, прибывшим в крепость, не пред'являли, но в разговоре с капитаном 1-го Ташкентского резервного батальона Янушевым, пытавшимся (еще до прихода войсковых частей для усмирения) прекратить беспорядок уговором толпы, ему были высказаны восставшими пожелания, касающиеся исключительно улучшения в быте и условиях службы, при чем выяснилось, что целью восстания было достижение этих улучшений угрозой захвата склада оружия и припасов крепости. Когда же в крепость прибыли войсковые части для подавления беспорядков (1-й, 2-й и 3-й Туркестанские стрелковые батальоны), то заговорщики, не подчинившись приказанию военных начальников прекратить беспорядки и с целью воспротивиться приведению этого приказания в исполнение, стали приглашать и прибывшие войска присоединиться к ним, а затем, видя безуспешность своего призыва и с намерением силою заставить прибывающих нарушить долг службы, стали в них стрелять, хотя эта стрельба была произведена и не всей массой восставших, а лишь немногими из них отдельными лицами, но такие действия мятежников вызвали необходимость силою оружия восстановить порядок. Огонь по мятежникам был открыт 1-м Туркестанским стрелковым батальоном; сначала был дан залп, а затем открыта стрельба пачками. Огонь продолжался минуту или полторы. Бунтовщики сначала отвечали огнем же, но потом разбежались, главным образом в казармы 1-го Ташкентского резервного батальона, однако до утра не сдавались. Когда же утром прибыла артиллерия, то бунтовщики из'явили покорность и выдали оружие и зачинщиков смуты.

Результатами ночной перестрелки были следующие потери: убито офицеров 1, нижних чинов 4, ранено: офицеров 1, нижних чинов 29, контужено 5 нижних чинов.

Дело о восстании нижних чинов 1-го Ташкентского резервного батальона, ташкентского артиллерийского склада и мастерской сего же склада рассматривалось туркестанским военно-окружным судом; приговором названнаго суда за участие в восстании осуждено: 1) в каторжные работы 6 нижних чинов, 2) в дисциплинарные батальоны или роты — 15 нижних чинов, 3) к заключению в военной тюрьме, с заменой такового содержаия под арестом на хлебе и воде, с переводом в разряд штрафованных — 48 нижних чинов.

После восстания, в исполнение высочайшего повеления, 1-й Ташкентский резервный батальон был раскассирован. Роты названного батальона вместе с командирами их и младшими офицерами были отправлены в 1-ю, 2-ю, 3-ю, 6-ю и 7-ю Туркестанские стрелковые бригады, по роте в каждую бригаду; взамен каждая из названных бригад на сформирование Ташкентского батальона дала по одной роте от бригады. Командир батальона был удален от командования батальоном (ныне в отставке); против же начальствующих лиц частей войск, принимавших участие в восстании в ночь на 16 ноября, как из нижних чинов, так и офицеров в силу особого постановления туркестанского военно-окружного суда, по приказанию командующего войсками, возбуждено судебное преследование по обвинению в бездействии власти, а против бывшего командира батальона полковника Горбунова — по обвинению в преступлениях, предусмотренных 217, 219 ст.ст. воинск. уст. о наказаниях.

Из дела о беспорядках в ташкентской крепости видно, что главными подстрекателями и руководителями здесь была небольшая группа нижних чинов ташкентского артиллерийского склада и мастерских, которая, пользуясь совместным расквартированием с ротами 1-го Ташкентского резервного батальона в стенах крепости, старалась склонить этот батальон к вооруженному восстанию и, под шум беспорядка, захватить оружие в складах.

Командир корпуса генерал-лейтенант Мациевский, в приказе своем № 218, между прочим, об'явил: «похвально вели себя: учебная, музыкантская

и писарская команды, а также все караульные нижние чины, бывшие в ту ночь в нарядах, что показывает, что начальники их не потерялись, и что беспорядки были делом небольшой кучки злых людей, рассчитывающих под шум беспорядка захватить оружие в складах. К счастью, это не случилось, благодаря распорядительности начальника крепостной артиллерии, действиям прибывших стрелков, а главное — тому обстоятельству, что большинство людей не понимали цели тревоги, а совершили, нарушив присягу, большую вину перед царем, родиной и своей частью несознательно».

Беспорядки в Аму-Дарьинской флотилии в гор. Чарджуе[1]).

Беспорядки в Аму-Дарьинской флотилии, собственно в командах нижних чинов, выразились в выработке на общем собрании требований и пред'явлении их начальству.

14 ноября 1905 года, получив разрешение вр. и. д. начальника Аму-Дарьинской флотилии, команды пароходов названной флотилии собрались в казарме береговой роты, в числе около 200 человек. Здесь ими были выработаны требования, которые затем были переданы присутствовавшему на собрании штабс-капитану Белугину для представления начальству. Последний принял от нижних чинов флотилии требования только после того, как убедил нижних чинов флотилии заменить этот заголовок и назвать просьбами, которые затем и представил начальству.

Просьбы эти распадались на 2 части: одни касались быта солдата вообще, другие же больше касались флотилии, так, например: отмена нагрузки и выгрузки судов нижними чинами, установление 8-часового рабочего дня на берегу и окончание работы с закатом солнца в плавании и пр. Выработкой этих требований и пред'явлением их начальству все и ограничилось; никаких дальнейших беспорядков между нижними чинами флотилии не было, и нижние чины исправно несли службу и исполняли работу.

О действиях тех влиятельных в своей среде нижних чинов, которые вместе с вольнонаемными служащими флотилии внушали остальной массе мысль о сходке и выработке требований, обращенных к начальству, чем и создали во флотилии неблагоприятную для служебного порядка и дисциплины обстановку и которые были обнаружены, имеется в производстве у военного следователя дело.

Из дела по беспорядкам в Аму-Дарьинской флотилии не видно, чтобы нижние чины имели целью примкнуть к революционному движению в крае или к забастовкам.

Очевидно, их интересовал исключительно вопрос рабочий и близко их касающийся бытовой солдатский.

Беспорядки в ротах 1-го и 2-го Закаспийских железнодорожных батальонов за время ноябрьской 1905 г. забастовки.

Главною причиною неподобающего поведения нижних чинов железнодорожных батальонов является в высшей степени ненормальное их положение, как военнослужащих, среди подавляющего большинства вольнонаемного рабочего, мастерового класса.

С одной стороны, масса рабочих, среди которых революционная пропаганда, уже давно начатая, не только прочно утвердилась, но и приобрела вполне организованную форму, с другой стороны, полное отсутствие наблюдения военного начальства за нижними чинами.

---

[1]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1905 г., № 29.

В этих воинских частях в руках военного начальства только служебный наряд и войсковая хозяйственная часть; нижние же чины совершенно ускользают из-под наблюдения; ротный командир и младшие офицеры совершенно не знают своих нижних чинов и не имеют ровно никакого влияния на их поведение, а тем более на их образ мыслей; офицеры в действительности не могут даже знать, где находятся вверенные их надзору нижние чины, так как о посылке одиночных нижних чинов не было заведения сообщать в роту, почему солдаты могли вполне свободно с любым поездом отправляться гулять или на устраиваемые революционерами и забастовщиками митинги.

Помимо сего, из всех дел о беспорядках в 1-м и 2-м Закаспийских железнодорожных батальонов, перечисленных ниже сего, видно полное бездействие и даже попустительство со стороны ближайшего начальства: винтовки и боевые патроны разбирались нижними чинами для вооруженного сопротивления, с разрешения офицеров, некоторые сходки собирались также с их разрешения, и, наконец командиром 2-го Закаспийского железнодорожного батальона рассматривались требования нижних чинов совместно с «делегатами» из их среды [1]).

2-я рота (в Мерве).

В 1-м Закаспийском железнодорожном батальоне беспорядки имели место во 2-й, 4-й, 6-й ротах и Казанджикской команде.

17 ноября 1905 года около казармы 2-й роты собралась громадная толпа, среди которой почти терялись нижние чины. Едва командир роты штабс-капитан Иохалясов подошел к толпе, как раздался возглас: «Дать нам оружие», а затем поднялся крик с требованием оружия и отдельные возгласы, что их, нижних чинов, также могут ночью перерезать казаки, как в Ташкенте солдат-резервистов. Успокоить толпу и нижних чинов за общим шумом было невозможно, почему штабс-капитан Иохалясов, посоветовавшись с заведывающим оружием поручиком Пинским, решил сам выдать часть винтовок, что исполнил тут же, раздав 106 винтовок.

Во время забастовки до 25 ноября нижние чины на работы не выходили, кроме того, нижними чинами была подана штабс-капитану Иохалясову петиция, одним из пунктов которой было требование смены его, как командира роты.

Дело находится в производстве у военного следователя.

4-я рота (в Кизил-Арвате).

В ночь на 17 ноября 1905 года нижними чинами роты была получена телеграмма, в которой сообщалось, что в Ташкенте, по приказанию начальства, вырезано 1.200 солдат 1-го Ташкентского резервного батальона и предлагалось нижним чинам в виде протеста присоединиться к общей забастовке.

Телеграмма эта вызвала в нижних чинах 4-й роты недоумение, многих взволновала, и было решено пригласить командующего ротой штабс-капитана Островского для совещания и обсуждения телеграммы. Штабс-капитан Островский высказал свое мнение по поводу телеграммы, что телеграмма ложная, и старался успокоить нижних чинов, чего, однако, не достиг. Тогда же нижние чины просили выдать им винтовки для обороны. Штабс-капитан Островский, хотя и заявил, что находит это излишним, но, тем не менее, разрешил выдать винтовки.

17 ноября утром была собрана сходка нижних чинов. На сходке этой было решено заявить протест по поводу происшедшего в Ташкенте и выразить его устранением офицеров от командования, неисполнением их приказаний, неотданием чести и нетитулованием, о чем и было сообщено офицерам через выбранных на этой же сходке «делегатов» из нижних чинов;

[1]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1905 г., № 27.

несмотря на указание офицеров нижним чинам на противозаконность их поведения, они, тем не менее, остались при своем решении, следствием чего явилась для офицеров невозможность исполнять обязанности службы.

На сходке 19 ноября, под влиянием более благоразумных нижних чинов и ввиду получения сведений о спокойствии в других гарнизонах, было постановлено прекратить забастовку, это решение было передано офицерам теми же «делегатами», заявившими, что нижние чины просят их опять приступить к исполнению своих обязанностей.

Дело находится в производстве у военного следователя.

6-я рота (в Иолотани).

Брожение среди нижних чинов роты началось с 16 ноября, после получения делегатской телеграммы о том, что в Ташкенте казаки вырезали 1.200 человек нижних чинов 1-го Ташкентского резервного батальона, и что забастовали Кушкинские телеграфная и железнодорожные роты и саперный батальон в Мерве. Получив же от делегатов сообщение, что центральный забастовочный комитет постановил не принимать для передачи по телеграфу никаких телеграмм без подписи военных делегатов, нижние чины роты, с целью отправки и получения телеграмм, выбрали из своей роты делегатов и довели об этом до сведения командующего ротой подпоручика Бисерова, а когда стало известно, что генерал Прасолов идет, будто бы, с специальной целью против 6-й роты, то нижние чины, несмотря на успокоения со стороны подпоручика Бисерова, хватались за винтовки, с целью оказать сопротивление.

Дело находится в производстве у военного следователя.

Казанджикская команда (в Казанджике).

17 ноября 1905 года начальник команды нижних чинов 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, находившийся на станции Казанджик, Средне-Азиатской железной дороги, подпоручик Гришечко-Климов (ныне умерший) получил уведомление, что никто из подчиненных ему нижних чинов не явился на работу. Придя в команду, подпоручик Гришечко-Климов застал нижних чинов в сильном возбуждении, которое было вызвано телеграммой об избиении нижних чинов 1-го Ташкентского резервного батальона. Несмотря на все его старания убедить нижних чинов в неправдоподобности этого известия, последние продолжали волноваться и заявили Гришечко-Климову о том, что состоится немедленно сходка, совместно с вольнонаемными служащими железной дороги для прочтения вышеупомянутой телеграммы и для выражения своего негодования по поводу ташкентских событий. Кроме того, нижние чины предложили подпоручику Гришечко-Климову устраниться от заведывания командой и не мешать их действиям. Когда же Гришечко-Климов не разрешил нижним чинам команды итти на сходку, то они обратились с тою же просьбой к штабс-капитану 1-го Закаспийского железнодорожного батальона Гриневу, с разрешения которого и отправились на сходку.

Дело находится в производстве у военного следователя.

Беспорядки во 2-м Закаспийском железнодорожном батальоне[1]).

В ноябре месяце 1905 года от имени нижних чинов команды батальонного штаба 2-го Закаспийского железнодорожного батальона и нижних чинов того же батальона, находившихся в то время в гор. Самарканде, были по-

[1]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1905 г., № 27 и 1906 г. № 11.

даны командующему этим батальоном подполковнику Угрюмову требования, распадавшиеся на две части: общие, в коих намечены были желательные изменения в порядке службы всех русских войск вообще, и частные, относившиеся к быту лишь 2-го Закаспийского железнодорожного батальона. Требования эти были приняты подполковником Угрюмовым и рассматривались им в присутствии и при участии делегатов от нижних чинов; кроме того, нижними чинами были пред'явлены требования очистить казенную квартиру, занимаемую заведывающим хозяйством, под библиотеку и читальню для нижних чинов; выдать винтовки и боевые патроны на случай предполагавшейся нижними чинами вооруженной борьбы с казаками и стрелками, каковые требования и были удовлетворены подполковником Угрюмовым, равно как и просьба нижних чинов разрешить им присутствовать на панихиде по убитым в Ташкенте бунтовщикам.

Подполковник Угрюмов приказом войскам округа 1906 года № 62 устранен от должности командующего 2-м Закаспийским железнодорожным батальоном и о противозаконных его поступках производится следствие.

Дело находится в производстве у военного следователя.

5-я рота (в Черняеве) [1]).

В ноябре месяце 1905 года нижние чины разных рот 1-го и, преимущественно, 2-го Закаспийского батальона, находившиеся на службе в районе расположения 5-й роты последнего из названных батальонов, произвели разного рода беспорядки, выразившиеся в следующем:

В начале ноября 1905 года нижними чинами был призван на бывшую в Черняеве сходку фельдфебель роты, и в его присутствии поставлен был на голосование вопрос, оставить ли его или удалить из роты.

По получении в Черняеве гектографированного списка требований, напечатанных нижними чинами 2-го Закаспийского железнодорожного батальона в газете «Самарканд», нижние чины стали волноваться и агитировать в пользу того, что необходимо присоединиться к требованиям, высказанным штабом 12 ноября в столовой 5-й роты. Состоялась сходка, на которой нижние чины (около 180 человек) решили присоединиться к этим требованиям, избрали двух делегатов из своей среды и послали их в штаб батальона в гор. Самарканд об'явить там об их присоединении, при чем о принятом решении нижними чинами было доведено до сведения ротного командира капитана Бута.

Получив сведение от телеграфистов (нижних чинов), что капитан Бут дал телеграмму командующему батальоном подполковнику Угрюмову о том, что делегаты уехали самовольно и их следует задержать, нижние чины на станции Черняево 19 ноября собрались на новую сходку, куда пригласили капитана Бута. Здесь один из нижних чинов, по просьбе собравшихся (около 400 человек), прочитал список требований к нему отдельных нижних чинов и общее всех постановление «убрать его (капитана Бута) из роты и о немедленном его выезде из Черняева»; ввиду изложенного капитан Бут на другой день уехал в Самарканд.

Для более правильной оценки поведения 5-й роты необходимо добавить следующее: на смотру генерал-лейтенанта Мациевского эта рота представилась в хорошем виде. Командир корпуса вынес такое впечатление от этого смотра, что эта рота имела постоянную готовность помочь гражданским властям приводить в порядок беспокойную часть населения, смущаемую «злыми людьми» (приказ по корпусу № 226), но при опросе жалоб оказалось, что 85 нижних чинов не получили денег от казны и за рабочих [2]). Все

[1]) Дело канцелярии военного прокурора туркестанского военно-окружного суда, 1906 г., № 112 (по общей описи).

[2]) Работу?

эти жалобы оказались справедливыми и подлежащими удовлетворению. Это обстоятельство вполне характеризует незаботливое отношение ближайших начальников к подчиненным нижним чинам и дает право предполагать, что при другом к ним отношении эта рота не примкнула бы к общим беспорядкам, имевшим место во 2-м Закаспийском железнодорожном батальоне во время ноябрьской 1905 года забастовки.

Дело находится в производстве у военного следователя.

(Дела о беспорядках в вышепоименованных ротах 1-го и 2-го Закаспийских железнодорожных батальонов в настоящее время находятся в производстве у военных следователей).

Те из пользовавшихся влиянием среди своих товарищей нижних чинов, побуждавших их принять участие в составлении требований, с целью добиться разных изменений в порядке военной службы и условий быта и к другим незаконным действиям, которые были обнаружены, по приказанию командующего войсками, были откомандированы к батальонам 4-й Туркестанской стрелковой бригады в Термез, куда и были отправлены в январе месяце 1906 года.

Против офицеров железнодорожных батальонов в период перечисленных здесь беспорядков возбуждены следующие дела:

1) Через военного следователя о командующем батальоном полковнике Угрюмове, по обвинению в бездействии власти, предусмотренном 3 и 7 п.п. 144 и 145 ст.ст. воинск. уст. о наказ. и выразившемся в том, что он пригласил делегатов своего батальона в канцелярию, где угощал их чаем, сам с ними пил чай, позволил при этом сидеть в своем присутствии, исполнял все требования делегатов, в том числе требования выдать нижним чинам винтовки и боевые патроны на случай вооруженной борьбы с казаками и стрелками и заменить командира 5-й роты капитана Бута поручиком Краинским.

Подполковник Угрюмов на время следствия и суда удален от командования батальоном.

По данным дознания о беспорядках в 1-м Закаспийском железнодорожном батальоне возникают обвинения:

2) на командующего 2-й ротой штабс-капитана Протопопова в том, что он разрешил нижним чинам вверенной ему роты присутствовать на панихиде по убитым в ночь с 15 на 16 ноября в Ташкенте мятежникам, нижним чинам 1-го Ташкентского резервного батальона.

3) На командующего 2-й ротой 1-го Закаспийского железнодорожного батальона штабс-капитана Иохалясова в том, что исполнил приказание забастовавших рабочих и нижних чинов вверенной ему роты выдать им винтовки на случай борьбы с казаками и самолично выдал нижним чинам 106 винтовок.

4) На командующего 6-й ротой поручика Бисерова в том, что не только допустил нижних чинов вверенной ему роты до выбора двух делегатов, но и настоял выбрать еще двух, с целью отправки и получения через них телеграмм ввиду того, что центральный комитет не принимал телеграмм без подписи военных делегатов.

5) На штабс-капитана Гринева в том, что, вопреки неразрешения заведывающего Казанджикской командой подпоручика Гришечко-Климова собираться нижним чинам этой команды для прочтения телеграмм о событиях в Ташкенте и на Кушке, ввиду настойчивой просьбы нижних чинов, разрешил им собраться с вольнонаемными на митинг, чтобы выслушать имеющиеся у делегатов телеграммы из Ташкента.

6) На субалтерн-офицеров: Подгурского, Борисоглебовского, Кондратьева, Антоновского, Доброхотова, Костромина, Рухлинского и Скорблина в том, что 22 ноября ими была послана командирам всех рот, командиру батальона и отдельно находящимся на линии офицерам телеграмма с предло-

жением просить командующего войсками принять меры против действий коменданта Кушки, если телеграмма о его действиях справедлива.

7) На штабс-капитана Гринева, подпоручиков Варпаховского и Гришечко-Климова в том, что ответною телеграммой из'явили желание ходатайствовать перед командующим войсками принять меры против действий коменданта Кушки, что они 24 ноября послали телеграмму офицерам следующего содержания: «Присоединяемся к мужественному почину товарищей, просим защитить неправильно схваченных лиц на Кушке от грозящей им смерти. Аресты политическим побуждениям крепости Кушка не прекратились. Получено известие об аресте техника Симонова, Паркевича, Тодреса и унт.-офицера Ш., возившего жалованье».

8) Независимо изложенного возникает обвинение еще на штабс-капитана Арендт в том, что он, будучи в нетрезвом виде, в ночь с 16 на 17 ноября в Мерве остановил патрульных 9 нижних чинов, в числе коих был за старшего унтер-офицер 7-го Закаспийского стрелкового батальона Перетрухин, сначала предлагал патрульным пить пиво, а когда последовал со стороны Перетрухина отказ от предложения, то вступил с ним в разговор и, узнав, что названный унтер-офицер готов в случае надобности по приказанию начальства употребить оружие против мятежников, стал укорять его за такую готовность.

Беспорядки в Туркестанской понтонной роте, квартировавшей в гор. Ходженте (ныне квартирующей в Термезе) в декабре месяце 1905 года[1]).

Нижние чины Туркестанской понтонной роты в Ходженте, быв недовольны ближайшим своим начальством и вообще своим бытом и служебными порядками, с целью добиться смещения с должности начальников и изменения существующих порядков военной службы, произвели беспорядки, выразившиеся в том:

а) что 25 и 26 декабря 1905 года нижние чины названной роты нанесли побои и. д. фельдфебеля, двум унт.-офицерам, ефрейтору и рядовому;

б) что 25 того же декабря не исполнили приказания командира роты построиться, а с криком, шумом и свистом, окружив командира роты и напирая на него, дерзко стали выкрикивать различные требования и претензии по службе, продолжая таковой беспорядок в течение 2 часов;

в) что 26 декабря воспротивились исполнению приказания командира роты об арестовании рядового Ремезова, умышленно не исполнили приказание командира роты построиться и, как 25 декабря, окружив его с криком и шумом, стали требовать об'яснения о причине арестования Ремезова;

г) что тогда же, узнав, что, вследствие производимых ими беспорядков, выстраивается с винтовками 5-я рота 12-го Туркестанского стрелкового батальона во дворе своей казармы, они, с целью оказать открытою силою вооруженное сопротивление стрелкам, разобрали винтовки и, взломав запертый шкап в канцелярии роты, вынесли оттуда ящик с 600 боевыми патронами, которые и поделили между собою, а затем, произведя из окон казармы несколько выстрелов, разбрелись с винтовками по городу и как 26, так и 27 декабря производили на улицах шум и беспорядок, стреляли из винтовок, врывались в винные лавки и с угрозами требовали водки, приставали к жителям и нанесли ряд оскорблений словами и действием начальствующим лицам, прекратив эти беспорядки только к утру 28 декабря.

Дело о беспорядках в Туркестанской понтонной роте рассмотрено туркестанским военно-окружным судом; приговором названного суда осуждено за участие в беспорядках:

1) в каторжные работы 7 нижних чинов, 2) в исправительные арестантские отделения — 5 нижних чинов, 3) в дисциплинарные батальоны — 13, 4) под арест на хлебе и воде с переводом в разряд штрафованных — 1.

[1]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, № 28.

Беспорядки в 6-й роте 2-го Закаспийского железнодорожного батальона 26 мая 1906 года[1]).

26 мая 1906 года в Новом Маргелане часть нижних чинов квартирующей там 6-й роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона, в числе 65 человек, собралась утром в столовой роты и решила принести жалобу командующему ротой на фельдфебеля роты Занько. Когда же об этом по приходе в казармы стало известно из доклада фельдфебеля командующему ротой шт.-капитану Авшарову, то он, не желая выслушивать от них жалобы не в установленной законом форме, приказал нижним чинам через младшего унт.-оф. разобрать винтовки и выйти на ученье; но они хотя на плац и вышли, но без винтовок. На лично отданное приказание командующего ротой уже на плацу разобрать винтовки и построиться на учение, нижние чины продолжали стоять молча и приказания не исполнили.

По немедленном донесении об этом случае начальнику маргеланского гарнизона последний прибыл в роту и выяснил, что единственной целью нижних чинов было поговорить с ротным командиром и принести ему жалобу на постоянное грубое и несправедливое обращение к ним фельдфебеля роты Занько, который довел их своими незаконными действиями до того, что они вынуждены были просить об удалении его из роты.

Фельдфебель Занько был немедленно устранен от должности, а нижние чины, раскаявшись в совершонном, просили прощения, и в роте восстановился тотчас полный порядок.

Командующий войсками, рассмотрев дело о беспорядках в 6-й роте, приказал: назначить следствие с целью выяснить злоупотребления, допущенные фельдфебелем, для предания его суду; командира роты арестовать на гауптвахте на трое суток; младшего офицера подпоручика Шутихина перевести немедленно ближе под надзор командира батальона.

Беспорядки в 5-й батарее 1-й Туркестанской артиллерийской бригады 3 июля 1906 года (в Термезе)[2]).

3 июня 1906 года в урочище Термез вр. командующий батареей 1-й Туркестанской артиллерийской бригады капитан Фовицкий, будучи недоволен людьми батареи за безрезультатную стрельбу, когда батарея возвращалась домой, приказал фейерверкерам спешиться и вести лошадей в поводу, а прислуге слезть с орудий и следовать домой не обычным ближайшим путем, а кружным, почему номера эти явились домой в 2 часа дня, а обедали в 3-м часу.

Затем вр. командующий батареей приказал фельдфебелю в субботу и воскресенье (3 и 4 июня) никого из нижних чинов батареи в отпуск не увольнять, о чем и было сообщено фельдфебелем нижним чинам батареи в субботу после вечерней переклички.

Того же 3 июня, согласно приказания вр. командующего батареей, батарея три раза выстраивалась для поверки наличия людей. В воскресенье 4 июня, когда люди после обедни отдыхали в казарме, дежурный по батарее скомандовал: «взводным получить фляжки»; когда фляжки были получены и взводный фейерверкер, во исполнение приказания вр. командующего батареей, переданного через фельдфебеля, скомандовал: «выстраивайся на прогулку», то большая часть нижних чинов под разными предлогами в строй не выходила, вышло от каждого взвода 5—6 человек, а всего от батареи человек 20. Когда вслед за сим капитан Фовицкий, по докладу фельдфебеля, явился в казарму 1-й полубатареи, поздоровался с нахо-

---

[1]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1906 года, № 51.

[2]) Дело канцелярии военного прокурора туркестанского военно-окружного суда, 1906 год, № 501 (по общей описи).

дившимися там нижними чинам (30—50 человек), то ни один из них на приветствие не ответил. На вопрос капитана Фовицкого, что желают нижние чины, послышался ответ: «не надо». Когда же тот же обер-офицер переспросил «чего не надо? меня?», то послышались голоса: «так точно». Когда же около 6 часов вечера того же 4 июня, по приказанию начальника термезского гарнизона, в батарею явился войсковой старшина Бобров, командир 2-й Оренбургской казачьей батареи, то люди 5-й батареи встретили его должным приветствием и в полном порядке исполняли его приказания отправиться на прогулку.

Дело о беспорядках в 5-й батарее находится в производстве у военного следователя.

Беспорядки во 2-м и 3-м Закаспийских стрелковых батальонах, 3-й роте 1-го Закаспийского железнодорожного батальона и Кушкинской полевой железнодорожной роте в июне 1906 года.

2-й Закаспийский стрелковый батальон [1]).

13 июня во 2-м Закаспийском стрелковом батальоне батальонным судом были приговорены к отдаче в дисциплинарный батальон три нижних чина первой роты за нарушение особых обязанностей караульной службы. Нижние чины названного батальона, недовольные приговором батальонного суда и существующими формами довольствия в войсках, с целью заставить командира батальона отменить этот приговор и вопреки приказаний своих начальников, вооружились винтовками и боевыми патронами, потребовали к себе командира батальона и заявили ему, что они не дадут товарищей подвергнуть наказанию, определенному судом, и, кроме того, пред'явили командиру батальона 35 требований, касавшихся улучшения быта и облегчения службы, назначив срок исполнения этих требований к 4 часам пополудни 15 июня. Когда же к назначенному времени пред'явленные ими требования не были исполнены, то они, удалив из батальона командира батальона и офицеров, выбрали таковых из среды нижних чинов батальона и в батальон офицеров не пускали. Сдались же только 18 июня, после того как в Асхабад собрался отряд достаточной силы для их усмирения.

Временный военно-окружный суд в гор. Асхабаде приговорил к каторжным работам: бессрочно одного стрелка, на 20 лет — 6 унтер-офицеров и 4 стрелков, на 4 года — 1 унт.-офицера; в исправительные арестантские отделения: на 3 года — 1 унт.-офицера; на 2 года — ефрейтора; в дисциплинарный батальон: на 1 год — одного стрелка; к аресту на хлеб и воду: 8 недель — 24 унт.-офицеров с лишением звания, на три недели — 16 ефрейторов, 65 стрелков, 2 младших нестроевых с праволишением; лишение унт.-офицерского звания — 1 унтер-офицера.

3-я рота 1-го Закаспийского железнодорожного батальона.

Брожение среди нижних чинов 3-й роты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона и прикомандированных к ней для несения службы нижних чинов других рот обнаружилось еще 5 июня, выразившись в том, что нижние чины, бросив работы и собравшись самовольно в школе батальона, согласились заявить о некоторых из своих нужд начальству и, пригласив командира батальона, пред'явили ему требования как экономического характера, так и об изменении в батальоне существующего порядка службы.

---

[1]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1906 год, № 26.

16 же июня брожение среди 3-й роты вылилось уже в форму восстания; так, узнав, что 3-й Закаспийский стрелковый батальон, по требованию начальства, явился на ст. Асхабад для их обезоружения, они, с целью воспрепятствовать распоряжению начальства их обезоружить и ввести стрелков во двор из казарм и, вопреки приказания начальства не брать оружия, бросились в роту, силою захватили оружие и патроны и, войдя во двор, чтобы помешать стрелкам исполнить данное им приказание, смешались с их рядами, уговорили их не итти против железнодорожных солдат и привели названный стрелковый батальон в такое расстройство, что командир батальона не выполнил задачи, для которой был приведен батальон, и должен был увести его в казармы.

Временный военно-окружный суд в гор. Асхабаде приговорил по этому делу двоих в дисциплинарный батальон на 2 года, к аресту на хлебе и воде с переводом в разряд штрафованных и потере некоторых прав и преимуществ по службе: одного — на семь недель, сто тридцать восемь — на 6 недель; к строгому аресту — десять на 12 суток.

3-й Закаспийский стрелковый батальон.

Среди нижних чинов 3-го Закаспийского стрелкового батальона так же, как и во 2-м Закаспийском стрелковом батальоне, происходило сильное брожение, хотя оно и не проявилось в столь резкой форме, как во 2-м батальоне. Так, люди 3-го батальона устраивали сходки, вырабатывали на этих сходках требования, а 16 июня, когда батальон был отведен с железнодорожной станции Асхабад в казармы в беспорядке, волнение среди нижних чинов достигло такой степени и дисциплина была настолько подорвана, что батальон был близок к открытому возмущению и готов был примкнуть ко 2-му Закаспийскому стрелковому батальону.

Вр. военно-окружный суд в гор. Асхабаде приговорил по этому делу: в исправительные арестантские отделения на 5 лет — одного стрелка, к аресту на хлебе и воде на 8 недель — одного стрелка.

Кушкинская полевая железнодорожная рота.

Волнения в асхабадском гарнизоне коснулись и Кушкинской полевой железнодорожной роты, находившейся тогда в лагере в м. Ак-Тепе и обслуживавшей Фирюзинскую ветку Средне-Азиатской железной дороги. 16 июня 1906 года нижние чины роты, по взаимному между собою соглашению, прекратив несение служебных обязанностей и бросив места службы, самовольно собрались в лагерь у ст. Ак-Тепе, где силой расхватав находившиеся под охраной караула ружья, разбили патронные ящики и разобрали патроны и вопреки категорического приказания командира роты разойтись не только не разошлись, но угрозами заставили его и офицеров роты оставить роту, после чего сообща составили ряд незаконных требований, которые 17 июня пред'явили командиру роты, требуя немедленного их исполнения под угрозой отказа от дальнейшего подчинения военному начальству и от всяких занятий по обслуживанию Фирюзинской ветки, имея также в виду силою оружия воспротивиться всякой попытке к подавлению устроенного ими беспорядка. 18 июня нижние чины роты решили прекратить беспорядок, но при условии, что против них не будут предприняты репрессивные меры, и никто не будет арестован. Им это было обещано и об'явлено, что со стороны местных властей против них ничего не будет предприниматься, но как распорядится судебная власть, — это будет зависеть от нее самой. В 12 часов дня 18 июня нижние чины во время смотра начальника бригады заявили, что они прекращают беспорядок и будут нести службу в полном повиновении и исправности.

Временный военно-окружный суд в гор. Асхабаде по этому делу приговорил: одного нижнего чина — на 12 лет в каторжные работы (возбуждено ходатайство о смягчении наказания), в дисциплинарный батальон — двое

на 3 года, двое на 1 год и один на 2 года; к аресту на хлебе и воде с переводом в разряд штрафованных и потерею некоторых прав и преимуществ по службе: шесть — на 6 недель, шестьдесят — на четыре недели; строгому аресту двое — на 20 суток и двадцать четыре — на 14 суток.

Беспорядки в 5-й горной батарее 2-й Туркестанской артиллерийской бригады 14 июня 1906 года.

14 июня 1906 года в гор. Чарджуе, при следовании 5-й горной батареи 2-й Туркестанской артиллерийской бригады из гор. Асхабада в гор. Керки, когда взводный фейерверкер во исполнение полученного им накануне приказания и. д. фельдфебеля батареи стал выстраивать батарею для следования с бивуака на пристань у Фарабского берега для нагрузки батарейного имущества на баржу, то нижние чины батареи заявили, что они устали и сейчас не пойдут, так как туда 7 верст и обратно ходить каждый день трудно; когда же после доклада о происшедшем в батарею явился и. д. фельдфебеля и приказал батарее строиться, то нижние чины ответили, что они становиться не будут и не пойдут, когда же вслед за сим и. д. фельдфебеля сказал, что он доложит об этом командиру батареи, то нижние чины ответили: «иди и докладывай».

Дело о неисполнении нижними чинами 5-й батареи приказания начальства, переданного через фельдфебеля и дежурного по батарее, находится в следственном производстве у военного следователя.

Беспорядки в Асхабадском артиллерийском складе 16 июня 1906 года[1]).

В связи с беспорядками, имевшими место во 2-м и 3-м Закаспийских стрелковых батальонах и 2-й роте 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, находятся и беспорядки, происшедшие 16 июня 1906 года в Асхабадском артиллерийском складе, выразившиеся в том, что нижние чины названного склада, в числе 34 человек, 16 июня 1906 года, согласившись итти на солдатский митинг, состоявшийся во 2-м Закаспийском стрелковом батальоне, вопреки приказанию по округу, запрещающему нижним чинам посещение каких-либо митингов или собраний, потребовали от наблюдавших за работами поручика Дмоховского и чиновника Яхтмана прекращения работы и разрешения итти на митинг, каковые требования последними, ввиду настойчивости, проявленной нижними чинами, и были удовлетворены. Приказом войскам округа 1906 года № 378 поручик Дмоховский и чиновник Яхтман и 35 нижних чинов Асхабадского артиллерийского склада преданы туркестанскому военно-окружному суду. Дело как о поручике Дмоховском и чиновнике Яхтмане, так и о нижних чинах названного склада рассмотрено. Приговором туркестанского военно-окружного суда поручик Дмоховский и чиновник Яхтман подвергнуты содержанию на гауптвахте по 1 месяцу каждый; из 35 нижних чинов, преданных суду, оправданы 6, присуждено к военной тюрьме 10, к дисциплинарному взысканию — 18 нижних чинов. Об одном нижнем чине дело не рассмотрено.

Беспорядки в 1-й, 2-й, 4-й и 6-й пеших батареях 2-й Туркестанской артиллерийской бригады[2]).

Волнения в частях асхабадского гарнизона отразились и на 1-й, 2-й, 4-й и 6-й батареях 2-й Туркестанской артиллерийской бригады, находившихся в ла-

[1]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1906 года, № 36.

[2]) Дело канцелярии военного прокурора туркестанского военно-окружного суда, 1906 г., № 284 (по настольному реестру).

гере в 8 верстах от Асхабада и выразились в следующем: 17 июня 1906 года нижние чины поименованных батарей, желая воспрепятствовать выступлению из лагеря 4-й Кубанской казачьей батареи, которая должна была выступить из лагеря для подавления беспорядков в асхабадском гарнизоне, собрались в парке указанной батареи и уговаривали казаков не уходить из лагеря. После же сигнала «тревога» нижние чины тех же батарей, не желая строиться, хотя получили на это приказание и. д. начальника артиллерии 2-го Туркестанского армейского корпуса, вместо того собрались кучками и о чем-то совещались.

К 6 часам утра 18 июня батареи одумались, принесли раскаяние и Кубанская казачья батарея беспрепятственно выступила в Асхабад.

Так как ни дознанием ни предварительным следствием не удалось установить, кто именно из нижних чинов принял непосредственное участие в беспорядках, и в чем выразилась преступная деятельность отдельных лиц, то дело это командиром 2-го Туркестанского армейского корпуса, согласно заключения военно-прокурорского надзора туркестанского военно-окружного суда, за необнаружением виновных прекращено дальнейшим производством.

Вооруженное восстание нижних чинов Туркестанского и Закаспийского саперных батальонов и 2-й роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона 3 июля 1906 г.[1]).

3 июля 1906 года нижние чины Туркестанского и Закаспийского саперных батальонов вечером в лагере под городом Ташкентом, сломав замки у ружейных пирамид и ротных цейхгаузов, вооружились винтовками, захватив хранившиеся в цейхгаузах, а также в запертых ящиках под пирамидами боевые патроны, двинулись все сообща, всего в числе трех рот Туркестанского и двух рот Закаспийского саперных батальонов из лагеря, несмотря на уговоры, увещания и приказания начальствующих лиц, к вокзалу Средне-Азиатской железной дороги, чтобы силою освободить отправляемых в тот день из Ташкента арестантов — нижних чинов, приговоренных в каторжные работы за участие в бывших ранее в частях гарнизона восстаниях. Когда саперы подошли к железнодорожной станции Ташкент, то к ним присоединились нижние чины 2-й роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона, которые также были вооружены, после чего все совместно двинулись по железнодорожному пути по направлению к вокзалу, где, будучи встречены вызванными для их усмирения и защиты вокзала войсками и получив предупреждение, что в случае их дальнейшего движения будут стрелять, они, открыв по этим войскам огонь боевыми патронами, с криком «ура» бросились вперед к вокзалу, остановились же и рассеялись лишь после того как против них была открыта стрельба из винтовок и пулеметов, оставив на месте происшествия одного убитого и несколько раненых и побросав часть своих винтовок. К 11 часам вечера саперы и железнодорожные солдаты, принимавшие участие в беспорядках, собрались у себя в лагере и казармах. На другой день, 4 июля, утром у восставших были отобраны без всякого с их стороны сопротивления винтовки и патроны, и порядок был восстановлен.

Пострадавших нижних чинов после происшествия оказалось: 1) убит один нижний чин Закаспийского саперного батальона; 2) ранено пулями 15 человек, в том числе 8 — Закаспийского, 4 — Туркестанского саперных батальонов, 2 — 2-й роты Закаспийского железнодорожного батальона и одно гражданское лицо; 3) получили более или менее тяжкие раны штыками и различные повреждения и ушибы во время отступления и бегства после стрельбы из пулеметов 20 человек, в том числе 7 — Закаспийского, 11 — Туркестанского саперных батальонов и 2 — железнодорожной роты.

---

[1]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1906 г., № 28.

По делу о вооруженном восстании 3 июля 1906 года нижних чинов Туркестанского и Закаспийского саперных батальонов и 2-й роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона предано суду приказом войскам округа (1906 г., № 512) 85 человек, в том числе 36—Туркестанского, 31—Закаспийского саперных батальонов и 18—2-й роты 2-го Закаспийского железнодорожного батальона.

Беспорядки среди нижних чинов команды парохода «Цесаревич», баржи «Волга» Аму-Дарьинской флотилии 12 июля 1906 г.[1]).

На 11 июля 1906 года назначен был по утвержденному расписанию срочный рейс в уроч. Термез из Чарджуя парохода Аму-Дарьинской флотилии «Цесаревич» с буксируемой этим пароходом баржой «Волга».

Вследствие разных технических затруднений названный пароход 11 июля отвалить не мог и был готов к отвалу 12 июля.

К тому времени баржа «Волга» была уже нагружена, при чем нагрузка совершена была по вновь установленному во флотилии правилу наемной артелью рабочих. Оказалось, что для правильного буксирования баржи по техническим соображениям необходимо было перегрузить с нее часть груза на пароход. Так как этот последний с 11 июля числился в плавании, то работу перегрузки должны были исполнить команда баржи и парохода, а не вольнонаемная артель. Поэтому командир парохода «Цесаревич» и отдал соответственное приказание означенным командам через начальников из нижних чинов. Команды отказались исполнить полученное приказание на том основании, что по вновь установленному правилу они не обязаны производить работу погрузки. Тогда командир названного выше парохода, штабс-капитан Семенов, построил команду, выяснил им, что отданное приказание совершенно согласно с правилами и законом и что если бы даже оно и было не согласно с правилами, то все-таки нижние чины должны исполнить приказание своего начальника, ибо, в противном случае, будут отвечать по закону за явное восстание. Несмотря на такое об'яснение, команда все-таки отказалась совершить нужную перегрузку. Штабс-капитан Семенов подал тогда рапорт о происшедшем начальнику флотилии, следствием чего было командирование на пароход для раз'яснения обстоятельств дела и для осуществления рейса старшего офицера во флотилии капитана Красовского. После об'яснения названного офицера командам, с какого именно времени пароход находится в плавании, эти последние из'явили согласие совершить требуемую перегрузку, что и было ими исполнено на первой же стоянке.

Дело о беспорядках среди нижних чинов парохода «Цесаревич» и баржи «Волга» находится в производстве у военного следователя.

Беспорядки в 5-й роте 4-го Андижанского резервного батальона 15 июля 1906 года[2]).

14 июля 1906 года приговором батальонного суда 4-го Андижанского резервного батальона были приговорены к отдаче в дисциплинарный батальон два унтер-офицера 4-й роты, которые затем, по распоряжению начальства, были арестованы на гауптвахте. Нижние чины 5-й роты, имея намерение добиться освобождения этих унтер-офицеров из-под ареста, как неправильно, по их мнению, осужденных, 1-го числа того же июля месяца, по окончании вечерней

[1]) Дело канцелярии военного прокурора туркестанского военно-окружного суда, 1906 г., № 530 (по общей описи). Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1906 г., № 53.

[2]) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1906 г., № 34.

поверки, по данному, заранее условному сигналу, с криком «ура» бросились через барак своей роты к баракам 1-й, 2-й и 3-й рот своего батальона, крича нижним чинам этих рот, чтобы они присоединились к ним выручать товарищей, а затем бегом вернулись в свой барак и здесь, несмотря на уговоры фельдфебеля и унтер-офицеров роты, расхватали винтовки, оборвав цепочки, связывавшие их, кинулись к запертому ротному цейхгаузу и забрали хранившиеся там боевые патроны. Отсюда уже с оружием в руках они побежали вновь к баракам 1-й, 2-й и 3-й рот своего батальона и к расположенной по соседству 3-й роте 3-го Туркестанского стрелкового батальона, сделав несколько выстрелов кверху, кричали нижним чинам этих рот, чтобы те присоединились для выручки товарищей, а затем, когда в лагерь приехал командир 4-го Андижанского резервного батальона полковник Борейша и стал их расспрашивать о причине волнения, то они, между прочим, пред'явили ему требования об освобождении находящихся под арестом нижних чинов батальона, в том числе и двух унтер-офицеров, осужденных в дисциплинарный батальон; при чем успокоились и ушли к себе в барак лишь после того, как командир батальона обещал им на следующий день освободить названных унтер-офицеров.

По делу о беспорядках в 5-й роте 4-го Андижанского резервного батальона приказом по 1-му Туркестанскому армейскому корпусу от 14 октября 1906 года, № 235, преданы туркестанскому военно-окружному суду 52 нижних чина, в том числе 51 — 5-й роты 4-го Андижанского резервного батальона и 1 — 9-го Туркестанского стрелкового батальона.

Беспорядки в 1-й роте 1-го Закаспийского железнодорожного батальона 16 июля 1906 года[1]).

16 июля 1906 года нижние чины 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, узнав о прибытии в Красноводск арестантского поезда с нижними чинами Туркестанской понтонной роты, осужденными в дисциплинарный батальон за беспорядки, произведенные в декабре 1905 года, и решившись силою освободить означенных осужденных из-под стражи и не допустить отправления их для отбытия наказания в Европейскую Россию, они собрались в казарму 1-й роты и потребовали от прибывшего туда вр. командующего ротой подпоручика Бобкова выдачи им винтовок с тем, чтобы, вооружившись, итти для освобождения арестованных, а когда получили в этом отказ, то бросились к цейхгаузу и, оттеснив защищавших этот цейхгауз подпоручика Бобкова с двумя нижними чинами, вытащили оттуда винтовки и, разобрав их, разбили затем хранившийся в казарме ящик с патронами и разобрали их. Построившись затем на дворе казармы, двинулись вооруженные и сопровождаемые толпой рабочих к казармам Красноводского резервного батальона, нижних чинов которого рассчитывали склонить на свою сторону для совместных вышеуказанных противозаконных действий, но, дойдя до вокзала и увидев у казармы Красноводский резервный батальон, выстроившийся в полной боевой готовности для преграждения их дальнейшего движения, остановились; убедившись затем в решительности чинов батальона употребить для их усмирения оружие и вняв увещаниям командующего Красноводским резервным батальоном подполковника Рчеулова, они возвратились в свою роту и сдали свое захваченное оружие.

По делу о беспорядках в 1-й роте 1-го Закаспийского железнодорожного батальона командиром того же батальона приказом № 304 преданы туркестанскому военно-окружному суду 77 нижних чинов, и обвинительный акт об них военным прокурором предложен туркестанскому военно-окружному суду 13 ноября 1906 года, но дело названным судом еще не рассматривалось.

[1]) Дело канцелярии воен. прокурора туркестанского военно-окружного суда, 1906 г., № 515 (по общей описи) Дело судной части штаба Туркестанского военного округа, 1906 г., № 52.

При обзоре всех перечисленных здесь дел о массовых беспорядках в воинских частях округа нельзя не отметить, что во всем виноваты начальники нижних чинов. Командир 1-го Туркестанского армейского корпуса по поводу непорядков вообще в воинских частях так излагает свою оценку этого грустного явления в нашей армии в приказе своем сего года № 166: «В каждой части, как бы хорошо она ни была дисциплинирована, всегда найдется десяток людей недовольных или, вернее, «больных волею и разумом», за коими нужен надзор, вне которого они неминуемо дурно влияют на более слабых, нетвердых в понимании своего долга, большинство же, когда не в строю, толпа, примыкает к кажущейся ей силе.

На обязанности нашей — начальников, от самых младших (начальников отделений, команд) до самых старших — лежит служебным примером, порядочностью и заботливостью вести подчиненных к честному и верному исполнению долга. Избегая ненужной критики, не высказывая в присутствии служащих своих неудовольствий, приветливым отношением к своим подчиненным и доверием к старшим, каждый начальник должен внушать, что честная служба заключается в исполнении долга и сознании, что служишь делу, не оценивая его известными личными удобствами или выгодами.

Только тот счастлив, кто доволен настоящим его положением, ибо не в средствах и удобстве заключается счастье, а в спокойной совести».

Ежели начальники стоят близко к подчиненным, разумно требовательны, интересуются внутреннею их жизнью, то от них не может ускользнуть начало всякого брожения, вот тут-то обязанность начальников — притти на помощь слабым и массе и силою своего слова и нравственным влиянием на подчиненных привлечь их на свою сторону, тогда сразу обнаружится, кто мутит, и таковых легко из'ять.

Ежели, к несчастью, брожение возымело известную силу, то начальник должен, не теряясь, принять решительные меры вначале, тогда он не даст злу разрастись и жертв будет меньше.

Тот же начальник, который стоит в стороне, вдали от подчиненных, никогда не в состоянии будет прекратить зло, а в себе несет зачатки гибели вверенной ему части.

«Умирать каждому однажды, честное же имя служаки и части сохранится навеки».

Настоящий приказ целиком относится ко всем изложенным здесь беспорядкам в частях округа, и можно с уверенностью сказать, что многое бы не случилось в жизни туркестанских войск, если бы офицеры прониклись преподанными здесь истинами.

Помимо перечисленных выше массовых беспорядков, в частях войск Туркестанского военного округа были еще единичные случаи преступлений, носящие революционный характер.

Опись этим делам, составленную на основании данных, взятых в деле канцелярии военного прокурора туркестанского военно-окружного суда, при сем прилагается.

Г. КОРОЛЬКОВ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОЙСКАХ КАВКАЗСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.

Особенности округа. В состав Кавказского военного округа входили все губернии и области Северного Кавказа и Закавказья. Здесь на пространстве свыше 411 тысяч квадратных верст проживало более 10 миллионов населения, представляя конгломерат народностей и наречий, число которых доходило до 100.

В промышленном отношении губернии и области Кавказа считались отсталыми. Почти всюду преобладали домашние и кустарные промыслы. Последними было занято свыше 4.000 человек [1]). Некоторое развитие получил горный промысел (нефть, марганец, руды). На этих промыслах было зарегистрировано: в Бакинской губ. — до 10.000 рабочих, в Елисаветпольской губ. — более 7.000, в Тифлисской губ. — более 6.000, в Кубанской области — более 4.000 и в Кутаисской губ. — до 4.000 рабочих. Кроме того, много рабочих было на цементных (Новороссийск) и керосиновых (Баку) заводах и в железнодорожных мастерских, а также на пристанях в портах.

Войска Кавказского военного округа также имели свои особенности. В их рядах сохранялись боевые традиции многолетних войн с горцами при захвате Кавказа. Здесь не было той враждебности между родами оружия, какая наблюдалась в России. Пехота, стрелки, драгуны, казаки, саперы, артиллеристы и туземные части были проникнуты куначеством (род дружбы) и отлично уживались между собой. Ограниченное число полигонов и стрельбищ при недостатке железных дорог заставляло все части ежегодно проводить по нескольку месяцев в передвижениях, благодаря чему войска втягивались в походную жизнь.

---

[1]) Ежегодник Центр. Стат. Ком. за 1905 г., стр. 115 и след.

I. СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ.

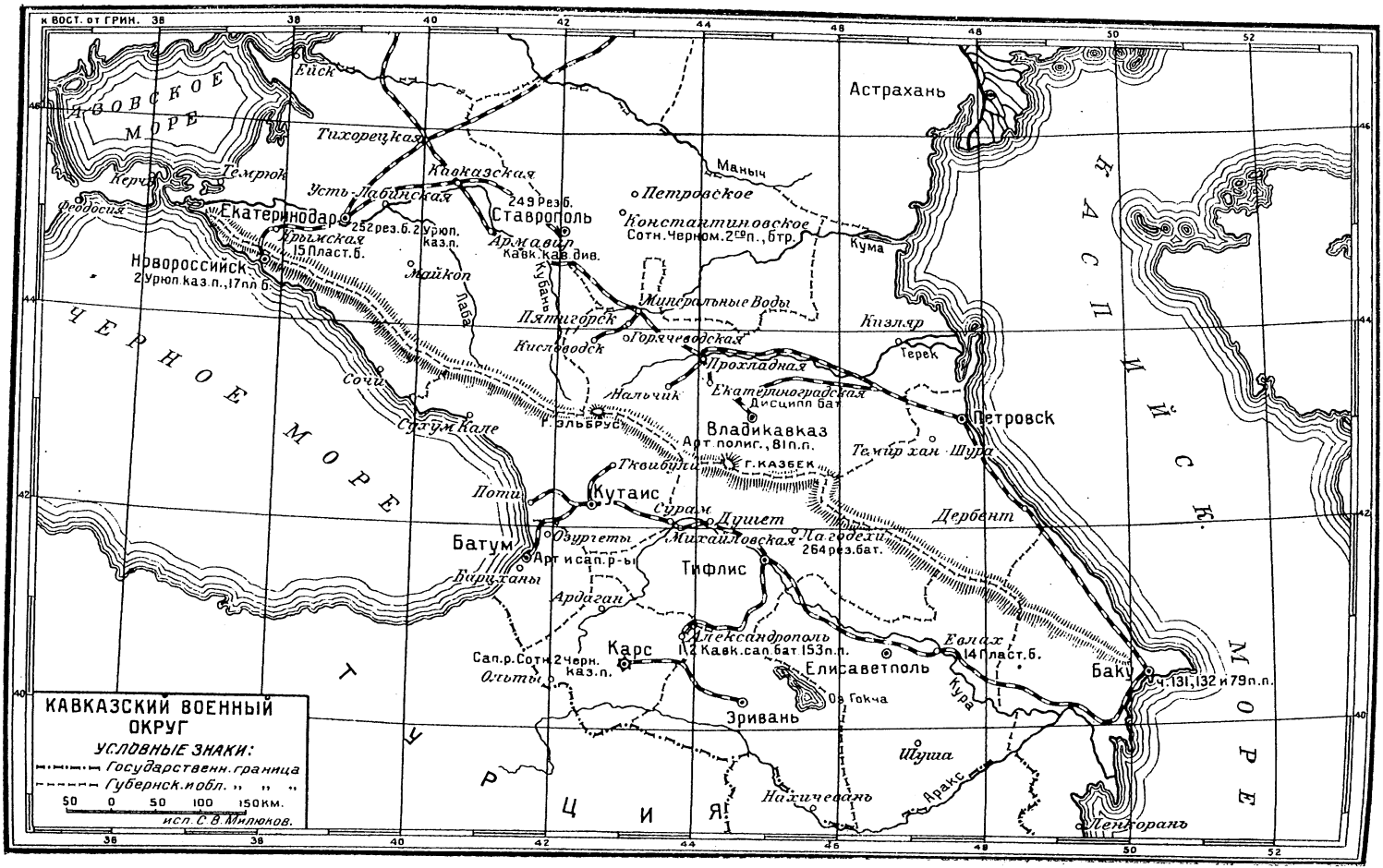
Екатеринодар. Составляя административный центр Кубанской области и значительный торговый и промышленный узел, Екатеринодар (ныне Краснодар) имел более 65 тысяч жителей, среди которых преобладали мещане, армяне, рабочие и очень мало казаков. Город управлялся по общему положению об управлении городами, т.-е. имел выборную думу, не входившую в компетенцию казачьих порядков. Наказный атаман по отношению к городу являлся просто губернатором. Пролетарский элемент населения доходил до 40 % и представлял значительную величину. Политически сознательных пролетариев было не так много, но эти немногие представляли спаянное ядро преимущественно железнодорожных рабочих.

Для столь большого города наличный гарнизон был очень мал — 1-я Кубанская казачья батарея, 252-й пехотный резервный Анапский батальон и местная команда. С началом волнений после расстрела рабочих в Петербурге 9 января гарнизон был усилен 2-м Урупским полком, призванным со льготы [1]), но из этого полка пришлось отправить три сотни в Новороссийск, а потом одну роту анапцев на станцию Кавказскую.

Политическая работа Кубанского Комитета Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии шла почти исключительно среди рабочих и очень мало находила отклика среди солдат и еще меньше среди казаков. Так продолжалось дело до появления манифеста 17 октября. Этот манифест привел многих в полное недоумение и дал толчок всем занимавшим нерешительную позицию. Политический порыв захватил войска и тем облегчился доступ пропаганде в стены казарм, тем более, что со стороны ближайшего начальства не последовало никаких ни распоряжений ни раз'яснений. Начавшаяся забастовка почтово-телеграфных служащих отрезала от сношений с Тифлисом и Петербургом. Местной власти было предоставлено самостоятельно выходить из создавшегося положения. Во главе этой власти находился наказный атаман и военный губернатор области ген. Одинцов. При такой обстановке политическая пропаганда могла получить широкое распространение, и она не осталась безрезультатной.

---

[1]) Казак был обязан служить 12 лет, из них 4 года в 1-м полку, 4 года во 2-м полку и 4 года в 3-м полку. 1-й полк всегда находился на службе большей частью вне пределов своего войска, а 2-й и 3-й полки распускались по домам, но должны иметь коня и оружие и по первому зову являться на службу. Такое положение этих полков называлось л ь г о т о й.

к ВОСТ. от ГРИН.
Азовское море
Керчь
Темрюк
Кавказская
Усть-Лабинская
Екатеринодар
Ставрополь
249 Резб.
Петровское
Маныч
Астрахань
Каспийское м.
Крымская
15 Пласт.б.
Новороссийск
2 Урюп. каз.п., 17 пл.б.
Майкоп
Лаба
Кубань
Армавир
Кавк. каз. див.
Константиновское
Сотн. Черном. 2 оп., бтр.
Кума
Минеральные Воды
Пятигорск
Кисловодск
Горячеводская
Кизляр
Терек
Прохладная
Нальчик
Екатеринодарская
Дисципл. бат.
Черное море
Сочи
Сухум Кале
Эльбрус
Владикавказ
Арт. полиг., 81 п.п.
Петровск
Темир хан Шура
Г. КАЗБЕК
Тквибули
Поти
Кутаис
Сурам
Душет
Дербент
Батум
Озургеты
Михайловская
Пагодеси
264 рез. бат.
Арт. и сап. р-ы
Тифлис
Бурханы
Ардаган
Александрополь
Евлах
14 Пласт.б.
Сап. р. Сотн. 2 Черн. каз. п.
Карс
12 Кавк. сап. бат. 153 п.п.
Елисаветполь
Баку
ч. 131, 132 и 79 п.п.
Ольты
Оз. Гокча
Кура
Зривань
Турция
Шуша
Нахичевань
Аракс
Ленкорань
Каспийское море
КАВКАЗСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Государственн. граница
Губернск. и обл. „ „ „
50 0 50 100 150 км.
исп. С. В. Милюков.

Удивительно скрытно 252-й резервный Анапский батальон подготовлялся к политическому выступлению, обсуждая небольшими группами план ближайших своих действий. С утра 16 (29) ноября шла более деятельная работа, но она прошла незамеченной офицерами, которые в 5 часов вечера спокойно разошлись после окончания занятий. Тотчас по их уходе солдаты приступили к выборам начальников, затем разбили ящики с караульными патронами, освободили своих арестованных товарищей, находившихся на батальонной гауптвахте, и отправили до 200 человек за батальонным знаменем, хранившимся на квартире командира батальона полковника Лучинского [1]).

Узнав по телефону о начавшихся в батальоне беспорядках, полковник Лучинский отправился с докладом к начальнику гарнизона ген. Одинцову. К моменту возвращения полковника Лучинского к его квартире подходили солдаты, посланные за знаменем. Выборные от солдат пред'явили командиру чисто экономические требования — улучшение пищи, улучшение одежды, выписка газет и свободный уход из казарм по личным делам, а также отдачу знамени для хранения его в казармах [2]). В ответ на требование полковник Лучинский выдал знамя солдатам, которые обещали доставить письменное изложение своих требований и отправились в казармы.

Положение военного начальства было критическим, в его распоряжении оставалось три сотни казаков, конная батарея и местная команда. Охрана учреждений и поддержание порядка в городе требовали больших нарядов, и на случай возникновения серьезных волнений оставалось мало сил. Справиться с восставшим батальоном, на стороне которого могли оказаться все рабочие, не представлялось никакой возможности и оставалось только выигрывать время и ограничиваться моральным воздействием. В целях этого воздействия командир батальона приказал всем офицерам прибыть в казармы на занятия в обычное время.

После прибытия знамени в казармы его поместили у денежного ящика под охраной часового, а все солдаты собрались на общий митинг. Выслушав нескольких ораторов, было принято решение об'явить полную забастовку, пока не будут выполнены все требования. Вопрос о совместных действиях с рабочими остался нерешенным, но делегаты для посылки к казакам были выбраны, и им дано поручение уговорить казаков не стрелять в анапцев, если начальство начнет применять к усмирению батальона вооруженную силу [3]).

На следующий день, 17 (30) ноября, все офицеры явились на занятия, но солдаты ни одного из них не пустили в казармы. Прибыл командир батальона и мог убедиться, что вверенный ему батальон выступил против своего начальства. Вскоре к казармам приехал начальник гарнизона. Вышедшая из казарм делегация передала собравшемуся началь-

---

[1]) Дело суд. отд. глав. штаба, № 161 — 3174, стр. 36.
[2]) Там же.
[3]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 10 и 11.

ству изложенные в письменном виде свои требования, заключавшие в себе до 40 отдельных пунктов. Между ними находились пожелания о сокращении срока службы до 2 лет, упразднении денщиков, отмене отдания чести, выборе командиров рот [1]). Делегаты заявили, что забастовка будет продолжаться до выполнения всех требований.

Следует отметить умелое руководство забастовкой. Всем солдатам было запрещено пьянство и всякие насилия над гражданами, для наблюдения за порядком наряжались от батальона патрули.

Недалеко от казарм батальона находился местный лазарет. Туда была отправлена 17 (30) ноября особая делегация, которой удалось присоединить к забастовке фельдшеров и служителей. К этому времени в лазарете находилось 75 больных. Оставив при них кашевара и двух уборщиков, все остальные забастовали и переселились в казармы батальона. Этим работа трех врачей лазарета была до крайности осложнена [2]).

Вечером 17 (30) ноября был устроен большой митинг, на котором выступали члены Кубанского Комитета [3]), и под их влиянием забастовка приняла более революционный характер. Солдаты овладели цейхгаузом с мобилизационным запасом оружия, часть которого была послана в Новороссийск для вооружения рабочих. Известие о восстании анапцев дошло до Тифлиса и попало в местные газеты, ловившие всякие слухи ввиду почтовой забастовки, но кавказское начальство поторопилось об'явить, что эти сведения не имеют никакого основания [4]). Правда, штаб округа донесения об этих событиях получил только в январе 1906 г.

С 19 ноября (1 декабря) почти ежедневно в батальоне устраивались митинги, на которых присутствовали рабочие и городские жители. Забастовка батальона протекала спокойно. Прибывший в город временный командир 2-го Кавказского корпуса ген. Жиляй и начальник 63-й резервной бригады ген. Верещагин, с своей стороны, пытались оказать на анапцев моральное воздействие, но их попытка окончилась неудачей. Начавшаяся подготовка к выборам в I Государственную Думу изменила общую политическую работу, часть солдатских требований была удовлетворена, и забастовка батальона постепенно замирала, тем более, что в город ожидался пластунский батальон. 21 декабря (3 января) забастовка батальона была признана законченной.

Новороссийск. Административный центр недавно образованной Черноморской губернии и порт на берегу обширной Цемеской бухты с опаснейшими зимними ветрами (бора), на станции железной дороги самый большой в России элеватор, число жителей свыше 16 тысяч человек — вот главные данные для Новороссийска к началу 1905 г. Гарнизон города составляла одна местная команда, но начавшееся среди рабочих брожение заставило командировать сюда сначала одну роту

---

[1]) «Право» за 1905 г., №№ 48—49, стр. 397.
[2]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 20.
[3]) Газета «Начало» за 1905 г., № 9.
[4]) Газета «Тифлисский Листок» за 1905 г., № 296.

249-го пехотного резервного Майкопского батальона, а потом еще три сотни 2-го Урупского казачьего полка. Этих сил было едва достаточно, чтобы нести наряды по окарауливанию казначейства, почты, элеватора и других сооружений. Об открытой борьбе с революцией не могло быть и речи. Черноморский губернатор ген. Трофимов ясно сознавал тяжелое положение и тщетно просил Тифлис об увеличении гарнизона.

Такое положение города давало возможность проводить революционную работу вполне планомерно. Образовался городской революционный комитет, который организовал прежде всего выдачу пособий безработным, каковых насчитывалось до 5.000 человек, так как в город прибыли рабочие с ближайших цементных заводов. После событий в Екатеринодаре революционный комитет получил часть винтовок и мог вооружить до 500 рабочих [1]). Это уже составило большую для города силу. Революционный Комитет овладел городской думой и вступил в управление городом, избегая всякого столкновения с войсками и стараясь привлечь их на свою сторону. Эти две силы находились рядом и каждая делала свое дело, не мешая друг другу. Ген. Трофимов принужден был покинуть город, прося о присылке войск, ввиду забастовок на железных дорогах, морским путем, хотя бы из Одессы.

Как ни странно, но революционная пропаганда скорее всего была воспринята казаками, из которых многие были недовольны тем, что были сняты со льготы [2]) и принуждены оставить свои семьи в тяжелом положении.

Остальные три сотни 2-го Урупского полка, находившиеся в Екатеринодаре, также постепенно примыкали к революционному движению, и среди них стала созревать идея вернуться на льготу и заняться своим хозяйством. Для них простая забастовка, как это сделал 252-й пех. резервный Анапский батальон, оказывалась неприемлемой. Все дело вели урядники и фельдшера, т.-е. казачья интеллигенция. Пользуясь от'ездом командира полка, войскового старшины Котрохова, для осмотра сотен в Новороссийске, 1-я, 3-я и 5-я сотни 16 (29) декабря собрались на общий митинг и вопрос об уходе на льготу решили в положительном смысле [3]), но при непременном условии присоединения к ним расположенных в Новороссийске сотен. Для уговора последних была послана выбранная делегация, для которой забастовочный комитет предоставил вагон и паровоз. Эта делегация прибыла в Новороссийск раньше командира полка, которому ввиду забастовки железной дороги весь путь пришлось проделать верхом.

Делегация нашла сотни урупцев подготовленными к выполнению революционного акта, но, когда дело дошло до принятия окончательного решения, часть казаков уклонилась. За немедленный уход на льготу высказалась вся 2-я сотня и значительная часть 4-й сотни. Принимая

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 34, стр. 3.
[2]) См. примечание на стр. 339.
[3]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 16 и 18.

во внимание, что сотни в Екатеринодаре готовы, делегация решила оставить несогласных в Новороссийске, а с остальными отправиться в Екатеринодар. Забастовочный комитет предоставил казакам поезд, но с условием не допускать в вагоны ни одного офицера.

Ко времени посадки урупцев в Новороссийск прибыл командир полка войсковой старшина Котрохов и пытался пристроиться к эшелону для обратного возвращения в Екатеринодар, но не был допущен. Оставшиеся верными начальству 6-я сотня и 34 казака 4-й сотни были в постоянном наряде по охране и не могли быть полезны войсковому старшине Котрохову, которому пришлось вновь совершить путешествие верхом и опоздать к событиям, совершавшимся в Екатеринодаре, а забастовка почтовых служащих не позволяла дать знать о случившемся по телеграфу.

По прибытии урупцев из Новороссийска весь полк собрался на митинг, на котором было решено разослать приготовленное воззвание и отправиться на льготу. В этом воззвании сказано: «Мы остаемся верными присяге и родине, так как нас 22 ноября 1904 г. призвали со льготы для войны с Японией, но вместо этого нас заставляли охранять гостиницы, публичные дома, разгонять плетьми собирающихся для беседы граждан, даже стрелять в безоружных. 17 октября монарх дал свободу, но нам запрещают посещать митинги и плохо кормят, поэтому мы *настаиваем* на отправлении нас на льготу, так как наши семьи голодают. Нас упрекают в бунте, но наказный атаман нас не принял, ибо мы отказались стрелять в солдат Анапского батальона. Мы решили уйти на льготу в свои станицы и требуем: 1) созыва Государственной Думы на основании свободного избрания депутатов, 2) освобождения всех пострадавших в борьбе за свободу, 3) удовлетворить нас довольствием и 4) не наказывать нас за эти требования» [1]).

Этот коротенький документ ясно рисует настроение казаков, их недовольство несением полицейской службы, их своеобразное толкование манифеста 17 октября и сильную боязнь за последствия своего поступка — самовольного ухода на льготу.

При содействии забастовочного комитета казаки 2-го Урупского полка были посажены в вагоны и довезены до станции Усть-Лабинской, откуда они походным порядком отправились в свои станицы Майкопского отдела. Среди них еще долго продолжалось брожение при поддержке иногородних, и они не вернулись на службу. Ген. Одинцов поручил станичным сходам оказать на них нравственное воздействие, но это не имело никакого влияния. Командированный из Петербурга для расследования беспорядков на Кубани ген. Дукмасов в июне 1906 г. доносил [2]) военному министру, что «положение 2-го Урупского полка продолжает оставаться неопределенным».

С уходом значительной части урупцев гарнизон Новороссийска оказался в более тяжелом положении, так как город полностью был

---

[1]) «Право» за 1906 г., № 4, стр. 336.
[2]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 53.

в руках революционного комитета. Гарнизон продолжал нести службу, было заметно его утомление и создавалась возможность его перехода на сторону революции. Это обстоятельство и настоятельная необходимость открыть порт для торговых операций привели к тому, что в Новороссийск был спешно направлен карательный отряд. В его состав вошли две сотни прибывшего в Екатеринодар пластунского батальона и три конных орудия. Начальником отряда назначен с правами временного генерал-губернатора командир Кубанской конно-артиллерийской бригады ген. Пржевальский.

Этот отряд 2 (15) января 1906 г. без боя вступил в город, городской голова Никулин был отрешен от должности, от рабочих была потребована сдача оружия [1]).

Ставрополь. Аграрный вопрос в Ставропольской губернии не был столь острым, чтобы вызвать волнения, но среди населения было много старообрядцев, частью сосланных при Николае I, частью переселившихся от преследований за свои религиозные убеждения. С началом революционных волнений началось религиозное движение среди старообрядцев с целью добиться свободы культа. Ставропольский губернатор ген. Свечин разрешил старообрядцам устроить с'езд для обсуждения их нужд. Этот [2]) с'езд собрался в Ставрополе и открылся 7 (20) июня 1905 г. Православное духовенство неодобрительно отнеслось к этому и всячески противодействовало правильному ходу занятий на с'езде. На этой почве возникли беспорядки в городе и постепенно распространились почти на всю губернию. Политические партии воспользовались создавшимся положением и усилили свою деятельность, вследствие чего на сходах начали появляться требования не только религиозной свободы, но и гражданской. Расположенный в Ставрополе 249-й пехотный резервный Майкопский батальон (одна рота командирована в Новороссийск) также проявлял признаки недовольства, и губернатор ген. Свечин просил о присылке войск. В его распоряжение наместником ген. Воронцовым-Дашковым были назначены 2-й Горско-Моздокский полк (Терского войска) и 2-й Кавказский полк (Кубанского войска). Для большей внушительности этих небольших сил прибыла 3-я батарея Кавказской резервной артиллерийской бригады (из Пятигорска). Прибывшие части подверглись политической пропаганде, которая имела у них частичный успех.

Манифест 17 октября сначала вызвал шумные манифестации и общее ликование, но дальнейшая бездеятельность правительства в развитие этого манифеста и продолжение прежней карательной системы воздействия привели к охлаждению. Учитывая момент, местная группа Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии усилила свою деятельность и организовала несколько противоправительственных манифестаций. К одной из таких манифестаций примкнула часть солдат Майкопского батальона. Командир этого батальона полковник Кутлаев решил строгими мерами пре-

[1]) «Право» за 1906 г., № 1, стр. 56.
[2]) Газета «Кавказ» за 1905 г., № 162.

кратить политические выступления, но применил эти меры крайне несдержанно и возбудил против себя весь батальон. 10 (23) ноября майкопцы об'явили забастовку, изгнали всех офицеров и устроили баррикады для обороны своих казарм. На устраиваемых митингах представители революционных партий говорили речи, раз'ясняли создавшееся положение и помогали выработать требования для пред'явления их начальству [1]). Содержание этих требований не удалось отыскать ни в делах ни в прессе, но можно думать, что эти требования были тождественны с требованиями солдат в Екатеринодаре.

Растерявшийся губернатор Свечин в своих донесениях наместнику [2]) просил о присылке новых войск, так как казачьи полки заняты службой в селениях губернии.

Забастовка Майкопского батальона протекала самым мирным образом и постепенно затихла. Политическая работа была направлена в новое русло — подготовки выборов в Государственную Думу.

Наибольшие волнения в губернии сосредоточились в селениях Петровском и Константиновском, и для их прекращения было решено прибегнуть к вооруженной силе.

В селение Петровское был направлен 2-й Горско-Моздокский казачий полк под командой войскового старшины Скороходова. 4-я и 5-я сотни этого полка получили приказание разогнать митинг, на который собралось свыше 3.000 человек. 14 (27) ноября эти сотни прибыли в селение. Собравшаяся на митинг толпа вступила с казаками в самую мирную беседу, но в то же время окружила их вплотную со всех сторон. Казаки оказались стиснутыми и лишенными возможности действовать оружием. Между тем начали раздаваться революционные возгласы и начались речи. Было приказано этим сотням разогнать митинг и арестовать агитаторов. Стиснутые со всех сторон, казаки [3]) не могли выполнить приказания, и их признали неповинующимися. Тогда командиры сотен решили вывести сотни из толпы, что удалось выполнить с большим трудом и очень медленно.

В селение Константиновское был послан 2-й Черноморский казачий полк с 3-й батареей Кавказской артиллерийской резервной бригады, во главе с полк. Золотаревским. Эта батарея сочувствовала крестьянскому движению, но не решалась перейти открыто на их сторону.

По предложению полковника Золотаревского, для разгона митинга был принят такой план. Казаки лавой окружают толпу, а батарея сделает несколько холостых выстрелов для устрашения, после чего казаки начнут атаку. В случае сопротивления или упорства толпы казаки перед атакой откроют ружейный огонь, а батарея даст несколько выстрелов шрапнелью. Во время движения к селению солдаты-артиллеристы выражали свое негодование по поводу приказа стрелять в народ

[1]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 161—3174, стр. 6.
[2]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 62, стр. 44.
[3]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 253, ч. VI, стр. 315.

боевыми снарядами, заявив, что не только сами не будут этого делать, но и откроют огонь по казакам, если последние будут стрелять в безоружный народ.

По прибытии к селению выяснилось, что толпа приготовилась дать отряду отпор. Полковник Золотаревский приказал 1-й сотне с демонстративной целью обстрелять толпу. Казаки спешились, рассыпали цепь, но категорически отказались начать огонь. Командир сотни под'есаул Пучков тщетно старался уговорить казаков. Его угрозы привели к неожиданному результату: сотня села на коней и ушла из отряда назад [1]).

Полковник Золотаревский назначил другие сотни и приказал батарее открыть огонь шрапнелью. Солдаты отказались выполнить это приказание. Тогда командующий батареей штабс-капитан Перковский и взводный командир поручик Дударов с револьверами в руках заставили солдат выполнить приказание [2]). После нескольких выстрелов цель экспедиции была достигнута.

Между тем 1-я сотня предложила созвать общий митинг для обсуждения случившегося, но полковник Золотаревский приказал разоружить сотню и начать расследование. Начальник штаба Терского войска полковник Миткевич-Желток всю вину сотни свалил на 3-ю батарею, тем более, что казаки были принуждены вскоре выразить «раскаяние». Дело ограничилось дисциплинарными взысканиями. Какие последствия получились для виновной батареи, — в делах нет никаких сведений.

Армавир — торговый центр. К 1905 г. число жителей перевалило за 20.000 человек, и селение тщетно ходатайствовало о переименовании в город. Внешний вид селения был совершенно городским: большие кирпичные дома, хорошие магазины, тротуары, уличные фонари. Здесь был расположен Кавказский запасный кавалерийский дивизион. Рабочие с местных фабрик и железнодорожники устраивали противоправительственные манифестации и выступления. Эти последние своим под'емом захватили дивизион. Солдаты стали собираться на митинги, появились политические ораторы. Под влиянием их речей вырабатывались требования, содержание которых, вероятно, было тождественно с другими.

16 (29) декабря особая делегация вручила эти требования командиру дивизиона полковнику барону фон-Тизенгаузену, крайне удивленному проявлением революции среди солдат. После этого весь дивизион вышел на улицу для манифестации [3]), три эскадрона сделали прогулку, но не были поддержаны населением.

Екатериноградская станица. Многие казачьи станицы отличаются своей величиной и многочисленностью своего населения. Станица Екатериноградская относится к типу таких станиц, имея более 16.000 жителей и несколько оптовых и розничных торговых фирм. Здесь нашел

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 253, ч. VI, стр. 345.
[2]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 59, стр. 60.
[3]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 38.

себе приют дисциплинарный батальон, именуемый по названию станицы Екатериноградским. Этот батальон не поддерживал общей славы своими жестокостями, и заключенные в нем солдаты не имели данных жаловаться на свою злосчастную судьбу. Во главе батальона стоял бывший командир роты юнкеров в Тифлисском юнкерском училище полковник Дидебулидзе. Тяжелее других была участь тех солдат, которые приговариваются к отбыванию наказания в военной тюрьме. Таких тюрем было мало, и за отсутствием в них мест приговоренные к тюрьме отбывали наказание в дисциплинарных батальонах, отсиживая положенный им срок в одиночных карцерах. Таких заключенных в батальоне было 8 человек.

В станице более трети населения принадлежало к составу иногородних, для которых успех революции был крайне выгоден. Среди них распространялись политические лозунги, и они, имея сношения с заключенными, делились с ними своими надеждами. Таким путем дошел до заключенных манифест 17 октября и толковался ими самими, для чего заключенные потихоньку собирались в небольшие группы. Более всего интересовали заключенных статьи манифеста об амнистии, в них они искали статей для своего досрочного освобождения. Желание скорее достигнуть своей цели заставляло более решительных начать действовать. После обеда 3 (16) декабря в отдельных кучках стали обсуждаться предложения об устройстве манифестации; предложение было принято, но план действий не был выработан.

Утром 4 (17) декабря 381 заключенных решили выполнить намеченную манифестацию. Они выломали двери карцеров, в которых содержались приговоренные к военной тюрьме, затем разобрали свое оружие (винтовки у заключенных не имели штыков), прихватили портрет царя, вышли во двор, силою открыли ворота и вышли на улицу. После небольшой заминки шествие направилось по направлению к железнодорожной станции [1]).

Полковник Дидебулидзе немедленно вызвал находящуюся в станице роту 84-го пехотного Ширванского полка (60 штыков) и приказал станичному атаману собрать казаков (собралось 120 конных и пеших). Ближайшей задачей полковник Дидебулидзе считал оттеснить восставших от дороги к станции и направить их в степь, так как считал возможным, что железнодорожники окажут им поддержку.

Этот маневр удалось выполнить, и толпа манифестантов, имея впереди портрет царя, была сбита на дорогу в соседнюю станицу Прохладную. Часть заключенных поодиночке выходила из толпы с намерением укрыться в станице, некоторые из них возвращались в свои казармы. При выходе из станицы в степь численность манифестантов уменьшилась наполовину. Степной простор позволил полковнику Дидебулидзе выполнить маневр окружения оставшихся манифестантов при содействии конных казаков. Тогда командир батальона под угрозой открыть огонь потребовал сдачи оружия. Не имея ни штыков ни па-

[1]) Дело суд отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 26 и 27.

тронов, толпа беспрекословно выполнила требование и под конвоем была направлена назад в казармы.

По прибытии в казармы весь батальон был выстроен, сделана перекличка, записаны отсутствующие и потребована выдача зачинщиков. Таковых оказалось 50 человек, которые тотчас были арестованы. Вскоре стали возвращаться укрывшиеся в станице, и к вечеру 4 (17) декабря восстание в батальоне закончилось.

Пятигорск. Небольшой город Пятигорск составлял административный центр отдела Терского войска и жил на средства от больных, лечившихся здесь минеральными источниками. Политические движения коснулись города очень мало, и то под влиянием железнодорожных служащих, комитет которых избрал своим пребыванием станцию Минеральные Воды, откуда отходит ветка к Пятигорску и продолжается до Кисловодска. Гарнизон города состоял из следующих частей: 250-й пехотный резервный Ахульгинский батальон, Кавказская резервная артиллерийская бригада, часть батарей которой находилась в командировке, местная команда и местный лазарет. Начальником гарнизона считался атаман отдела ген. Грамматин.

Манифест 17 октября нарушил мирную жизнь города. Фельдшера и служители местного лазарета первые пожелали использовать манифест и обещанные им свободы. Обсудив между собой этот вопрос, они решили, что их мало, и для большей внушительности надо привлечь остальные части гарнизона. Вошли в сношение с железнодорожниками и получили от них кое-какую литературу и нескольких агитаторов. Вечером 17 ноября делегация фельдшеров прибыла в казармы Ахульгинского батальона для приглашения солдат на общий митинг и для выработки и пред'явления общих от гарнизона требований. Казармы ахульгинцев были расположены в двух группах зданий на значительном расстоянии друг от друга. Фельдшерская делегация попала в Верхние казармы. Из числа находившихся здесь солдаты учебной команды ответили решительным отказом, 1-я рота колебалась, но 4-я рота, музыканты и все мастеровые без всяких колебаний из'явили свое согласие [1]).

Оставалось узнать решение товарищей в Нижних казармах. Делегация фельдшеров и значительная часть ахульгинцев с музыкой направились туда, перешли по мосту через р. Подкумок. 5-я рота батальона и одна из батарей примкнули по первому слову. Командир Ахульгинского батальона полковник кн. Макаев как только узнал о происшествии, явился к мосту через реку Подкумок с целью повлиять на солдат и побудить их не покидать казарм, но бывшие на мосту не пропустили полковника к казармам, где на летучем митинге было решено немедленно освободить содержащихся на гауптвахте товарищей.

Быстро организованное шествие с портретом царя направилось через мост в город по направлению к гауптвахте. В небольших городах слухи распространяются необычайно скоро. К солдатскому шествию стали присоединяться горожане, стали подходить офицеры, часть кото

[1]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 43.

рых держалась в стороне, часть примыкала к солдатам, но не надолго. Подойдя к гауптвахте, солдаты потребовали освободить всех арестованных. Караул от Ахульгинского батальона не оказал сопротивления и все арестованные были освобождены силою. Выполнив эту задачу, солдаты вернулись в свои казармы, наметив на следующий день общий митинг.

18 и 19 ноября (1 и 2 декабря) состоялись шумные митинги, обсуждались требования, батальонное знамя из квартиры командира батальона водворили в казармах, но продолжали нести караульную службу. Все офицеры были удалены и не допускались в роты, все делалось своим выборным начальством. Ген. Грамматин опасался разгрома города и для предотвращения такого события решил призвать казаков из ближайшей Горячеводской станицы и вооружить их ружьями из мобилизационного запаса Ахульгинского батальона. Полковник кн. Макаев согласился на такую комбинацию, и все дело зависело от возможности получить винтовки из оружейного цейхгауза батальона, что можно было сделать только при согласии солдат.

Утром 20 ноября (3 декабря) солдатская делегация вручила свои требования командиру полка и начальнику гарнизона. Между тем казаки в станице Горячеводской начали собираться и готовились итти за получением оружия. Это обстоятельство было замечено ахульгинцами и учитывалось ими, как намерение начальства усмирить их силою казаков. При таком толковании не могло быть и речи о выдаче казакам оружия, напротив, приближение их к казармам принято за начало враждебных действий, и ахульгинцы сами бросились избивать казаков. В начавшейся потасовке оказались убитые и раненые. Ген. Грамматин отказался от своей мысли, а полковник кн. Макаев разрешил часть артельных сумм расходовать на улучшение пищи и чайное довольствие.

Кроме указанного столкновения, волнение среди ахульгинцев протекало совершенно мирно. С восстановлением движения по железной дороге ожидалось прибытие войск для усмирения гарнизона, и он постепенно перешел к старому положению.

Владикавказ — административный центр Терской области с 43 тысячами жителей. Владикавказ находится у подошвы гор при начале Военно-Грузинской дороги через Главный хребет. Близ города находился единственный для Северного Кавказа артиллерийский полигон с саперным городком. Сюда для практической стрельбы собирались все батареи 2-го Кавказского корпуса. Летом 1905 г. часть батарей находилась в карательных отрядах, но зато появились новые. Для войны с Японией формировались горные батареи, и одна из них (18-я горная), формировавшаяся в Москве, была прислана на владикавказский полигон. Эта батарея еще в Москве прониклась революционными идеями и принесла их с собою. Эти идеи дали ростки, распространяясь на другие батареи полигона. Собирались небольшие митинги, обсуждались политические вопросы, но дело развивалось медленно [1]).

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1905 г., № 59, стр. 36.

Зачинщица этого брожения, 18-я горная батарея пожелала быть руководительницей движения и вечером 13 (26) июля тремя шрапнельными выстрелами подала сигнал для сбора на общий митинг, на который явились представители почти всех батарей полигона и особенно много было от батарей 21-й артилл. бригады. На митинге было решено об'явить забастовку и удалить всех офицеров, если они не будут сочувствовать движению. Выработка плана действий и требований была отложена на будущее. Наместник Кавказа гр. Воронцов-Дашков, узнав об этом брожении солдат на полигоне, приказал 18-ю горную батарею немедленно отправить в Сарыкамыш.

С 14 (28) июля в батареях начали проявляться случаи неповиновения и перемена общего настроения солдат, что не укрылось от офицеров, и начальством принято решение обезоружить батареи при первом резком проявлении революционного настроения. Случаи неисполнения приказаний все учащались, и утром 30 июля (12 августа) в некоторых батареях солдаты отказались мыть орудия и на замечания офицеров отвечали дерзостями. Решено было обезоружить батарею.

Это обезоружение было выполнено без кровопролития. Батальоны стоявшего в городе 81-го пехотного Апшеронского полка ночью окружили лагерь артиллеристов и сопротивляющихся арестовали [1]).

Этот эпизод не прошел для полка бесследно. Явилось сожаление к арестованным кунакам-артиллеристам, вина которых искупалась манифестом 17 октября. В полку начали устраиваться митинги, явились политические ораторы и брожение охватило весь полк. Были выработаны требования и 8 (21) ноября пред'явлены начальству. Благодаря такту командира 1-й бригады 21-й пехотн. дивизии ген. Фофанову брожение в полку прошло самым мирным образом, и солдаты сами добровольно прекратили забастовку, о чем упомянули в своих требованиях [2]). Эти требования были изложены в 15 пунктах, которые сводятся к следующему: улучшение обращения со стороны офицеров, заведение солдатских библиотек, свобода собраний, удаление со службы сверхсрочнослужащих (как маленьких казнокрадов), увеличение жалованья до 5 рублей в месяц рядовому, улучшение пищи, назначение ареста только по суду, улучшение системы обучения, нежелание нести полицейскую службу, нежелание усмирять рабочих, увольнение задержанных на службе (по случаю войны), освобождение арестованных за беспорядки. Требования кончаются указанием, что они — верные сыны отечества и не желают продолжать беспорядки в полку.

---

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1905 г., № 59, стр. 48.
[2]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1905 г., № 62, стр. 35.

II. ЗАКАВКАЗЬЕ.

Войска Северного Кавказа находились среди своих соплеменников, имели с ними связи, разделяли их стремления и при своих выступлениях могли рассчитывать найти в населении поддержку. Совершенно в ином положении находились войска в Закавказье. Они были окружены туземцами, не понимали их языка и стремлений, часто видели к себе враждебное отношение, особенно усилившееся с началом карательных экспедиций для подавления аграрных беспорядков, и при своих выступлениях не могли рассчитывать на поддержку населения. Эта особенность должна была проявиться в характере войсковых волнений. Там, где русские были в значительном числе, волнения принимали более широкий размах. Там, где русских почти не было, волнения сводились к резкому нарушению дисциплины и быстро затихали.

Баку. Этот старинный город на берегу большой и хорошо укрытой от волнений бухты являлся не только административным центром губернии, но также крупным промышленным пунктом, благодаря присутствию богатых залежей нефти. К 1905 г. Баку имел до 180.000 жителей, из которых более 40.000 рабочих. Из этого числа русских рабочих было до 25%, армян — до 20%; эти народности давали более квалифицированных рабочих. Татар было до 40%, и на остальные народности приходилось до 15% [1]).

После манифеста 17 октября начались патриотические манифестации, в противовес которым политические партии организовали свои манифестации. Общий политический под'ем захватил войска. Среди них началось брожение, к ним проникли агитаторы и подготовлялось выступление. Оно состоялось 2 (15) декабря. По нескольку рот от 131-го Тираспольского, 132-го Бендерского (оба полка прибыли из Киевского округа) и 79-го Куринского полков, несколько батарей 33-й арт. бригады, части пограничной стражи с музыкой устроили торжественное шествие по городу, направляясь к Баиловскому мысу, где открыли митинг [2]). В толпе солдат было замечено до 300 вооруженных.

На этом митинге было принято решение привлечь на свою сторону остальные части гарнизона. В районе Баиловского мыса находились казармы Каспийского флотского экипажа и казармы всегда квартирующего в городе 262-го резервного Сальянского полка. Сальянцы счита-

---

[1]) Газета «Русские Ведомости» за 1905 г., № 259.
[2]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 35.

лись преданными правительству и с них было решено начать. Окружив казарму, толпа потребовала немедленного к ней присоединения. Бывшая в казармах 2-я рота сальянцев ответила отказом и стала готовиться к обороне с оружием в руках. Толпа направилась к соседней казарме сальянцев, занятой 5-й батареей 33-й артиллерийской бригады, но артиллеристы категорически отказались присоединиться. Тогда толпа вновь направилась ко 2-й роте сальянцев.

Пока происходили эти события, командир 262-го резервного Сальянского полка полковник Вальтер не терял времени. Почти весь полк был в этот день в наряде, но он из остатков рот образовал сводную роту и сам с нею направился к казарме 2-й роты, вызвав по пути учебную команду. Полковник Вальтер подходил ко 2-й роте почти одновременно с возвращением туда толпы манифестантов. Сюда же спешили на рысях две сотни 2-го Хоперского казачьего полка. Увидев вооруженную силу, манифестанты уклонились от встречи и направились к квартире ген. Фадеева с намерением арестовать его. Полковник Вальтер догадался о плане манифестантов и направил сводную роту переулками опередить голову манифестации. Сводная рота преградила дальнейший путь близ квартиры временного генерал-губернатора, куда из другой улицы выходил батальон 83-го Самурского полка. По приказанию полковника Вальтера, сводная рота зарядила ружья. Щелканье затворов произвело на манифестантов сильное впечатление, и они повернули назад к Баиловскому мысу. Следом за ними двинулись сводная и 2-я роты сальянцев и обе сотни хоперцев. Манифестанты нашли приют в казармах Каспийского флотского экипажа. Открылся митинг, началось обсуждение требований, полились политические речи. Между тем сальянцы успели смениться и, сдав караулы, спешили присоединиться к своему командиру. Отряд перед морскими казармами численно возрастал, создавалась серьезная угроза. Митинг стал затихать, манифестанты небольшими кучками стали расходиться по своим местам, и к вечеру во всех частях наступило спокойствие.

Так окончилась попытка политического выступления нескольких рот гарнизона без определенного плана действий, без предварительной подготовки и без предварительного соглашения с рабочими.

Елисаветполь — административный центр губернии, столица когда-то бывшего Ганжинского ханства, с населением до 35.000 человек, среди которых было много немцев-виноградарей. Здесь происходила жестокая армяно-татарская резня, особенно в ноябре. Был назначен временный генерал-губернатор и усилен гарнизон. Для последней цели сюда был направлен 14-й пластунский батальон, составленный из взятых со льготы казаков Майкопского отдела Кубанского войска. Этот батальон благополучно доехал до станции Евлах, но здесь запротестовал и отказался следовать дальше. Никакие убеждения не могли поколебать решения пластунов, и 4 (17) декабря елисаветпольский губернатор приказал вернуть батальон обратно на родину [1]).

[1]) «Право» за 1906 г., № 6, стр. 510.

Карс. Крепость и административный центр области, город представлял торговый пункт с населением более 20.000 чел. Жизнь гарнизона проходила спокойно до появления манифеста 17 октября. С его появлением начались толки среди гарнизона, но со стороны начальников не было сделано даже попыток об'яснить его и происходящие в России события. Такое положение для крепостной саперной роты казалось невыносимым, и саперы, без участия своих унтер-офицеров, 10 (23) ноября потребовали от командира роты прочтения этого манифеста. Тщетно последний указывал на необходимость ожидать его об'явления в приказе. Наиболее ярых требователей командир роты приказал арестовать, но рота дружно за них заступилась [1]).

В 154-м пех. Дербентском полку почти в то же время одна из рот не ответила на приветствие своего командира. Расследование этого случая навело на следы проникновения в роту социал-революционной пропаганды [2]).

Еще более серьезный случай неповиновения произошел во 2-м Черноморском казачьем полку. Под влиянием агитации 6-я сотня полка 23 ноября (6 декабря) отказалась итти на занятия, кроме верховой езды. Распоряжением начальника 2-й Кавказской казачьей дивизии ген. Еглевского сотня была обезоружена и утром 24 ноября (7 декабря) продолжала настаивать на отказе от занятий и требовала увольнения на льготу. Это являлось бунтом, и сотню решено отправить в Ольты в подчинение командира 1-го Горско-Моздокского полка. Выступая, сотня из'явила раскаяние в своем поступке [3]).

Александрополь — уездный город с 30.000 жителей и старая крепость-склад. Под городом артиллерийский и саперный полигоны для всех войск Закавказья. Летом на полигонах собирались все батареи 1-го Кавказского корпуса и небольшие команды от всех войск для обучения саперному делу. Здесь же располагались лагерем 1-й и 2-й Кавказские саперные батальоны. Большинство сапер принадлежало к рабочему классу, они имели сведения о происходящих в России событиях и обсуждали их в своей среде. Горя сочувствием к общему делу рабочих, они решили проявить это сочувствие открытым выступлением. 25 июля (7 августа) они не только отказались выйти на занятия, но захватили и обезоружили многих офицеров, а затем пред'явили требование об освобождении всех политических заключенных [4]).

Очевидно, что такое единичное выступление было заранее осуждено на полную неудачу. На другой же день 26 июля (8 августа) войска оцепили саперный лагерь, отрезав сапер от всяких сообщений, и начальник гарнизона начальник 39-й пех. дивизии ген. Тарновский потребовал выдачи зачинщиков. Утром следующего дня саперы выдали 27 своих товарищей, которые были немедленно арестованы.

---

[1]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1905 г., № 304—6955, стр. 187.
[2]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1905 г., № 232—5365, стр. 293.
[3]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 21.
[4]) Там же, стр. 158.

Этот случай не прошел бесследно для гарнизона. Среди солдат начались толки. Манифест 17 октября внес новую струю и усилил брожение. Агитационная литература попадала в казармы. В 153-м пех. Бакинском полку обнаружены прокламации. Командир 80-го пех. Кабардинского полка полковник Левицкий поручил своей охотничьей команде (полковые разведчики) проследить, как получается литература, и где происходят сходки.

8 (21) ноября полковнику Левицкому стало известно место сходки, и он предложил начальнику гарнизона оцепить сходку солдат-бакинцев эскадронами 45-го драгунского Северского полка и переловить участников, но получил отказ [1]).

Движение продолжало расти. 24 ноября (8 декабря) состоялась большая сходка, начальник гарнизона получил требование о немедленном увольнении выслуживших срок солдат. На этот раз ген. Тарновский предложил полковнику Левицкому оцепить митинг и арестовать сопротивляющихся, но он отказался выполнить такое распоряжение под предлогом, что его полк находится на охране железной дороги. В результате этих трений полковник Левицкий был уволен в отставку, а вместе с разрешением уволить в запас солдат срока службы 1901 и 1902 гг. все волнения в гарнизоне прекратились.

Лагодехи — небольшое селение Тифлисской губернии, служившее штаб-квартирой 264-го резервного Лорийского полка, в рядах которого находилось до 75% туземцев, преимущественно грузин. Ряд продолжительных забастовок железных дорог почти прекратил подвоз продуктов, и базарные цены стали быстро повышаться, что возмутило лорийцев, и они заявили торговцам свой протест. Этот протест не мог понизить цен, тогда 14 (27) ноября лорийцы начали избивать торговцев на базаре. Офицеры пытались установить порядок, но солдаты бросали в них камнями, а затем толпа в 70 — 80 солдат с криком «бей их» бросилась на офицеров. Это была вспышка общей вражды туземцев к русским.

Этот случай дал повод местной социал-революционной группе вмешаться и совершенно изменить характер начавшегося в полку движения. Под влиянием агитации лорийцы 16 (29) ноября представили свои требования [2]), большею частью экономического характера. Рядом с указанием общей дороговизны они требовали введения чайного довольствия, прибавки жалованья, выдачи денег вместо сапог (туземцы не любили русских тяжелых сапог и предпочитали им свои легкие — чусты), выписки газет и улучшения обращения офицеров.

Командир полка нашел возможным установить чайное довольствие на экономию артельных сумм, открыл при полковой лавочке буфет с газетами и почти успокоил волнение. Для ознакомления с текущими политическими событиями устраивались собеседования.

[1]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 19—123, стр. 54.
[2]) Там же, стр. 124.

Батум. Благодаря небольшой, но удобной бухте город Батум в короткое время перетянул к себе почти весь вывоз из Закавказья и к 1905 г. имел более 28.000 жителей. Для обороны порта здесь была построена крепость, получившая название Михайловской. Портовые работы привлекли в Батум много рабочих, почти исключительно туземцев. Наличие большого числа представителей пролетариата дало возможность организовать политические выступления с 1901 года, особенно усиливавшиеся в 1903 году. Наступивший 1905 г. еще более усилил политическую работу, и удалось найти путь в казармы войск гарнизона.

После манифеста 17 октября политическая пропаганда усилилась, и 30 ноября (13 декабря) в городе и окрестностях началось более сильное восстание. Сразу создалась обстановка, угрожающая целости крепости [1]). Комендант крепости ген. Пожидаев об'явил крепость на осадном положении и потребовал спешного отпуска 100.000 рублей для приведения верков в оборонительное состояние. Военное министерство немедленно распорядилось переводом этих денег. С своей стороны, наместник Кавказа предоставил губернатору Батумской области ген. Паркау права временного генерал-губернатора.

Общий революционный под'ем населения постепенно передавался частям гарнизона, в рядах которого находилось до 10% туземцев. Более сильное брожение обнаружилось среди артиллеристов форта № II у с. Барцхана. Здесь происходили митинги, говорились речи, вырабатывался план совместных с населением действий. Вскоре брожение охватило весь гарнизон, кроме крепостного пехотного батальона. В это время Батум был отрезан от Тифлиса, так как вся железная дорога от Батума до Сурамского перевала (станция Михайловская) была в руках революции, вследствие чего не представлялось возможным прислать в Батум подкрепления. Тогда военный министр решает послать в Батум члена военного совета ген. Васильева и сформированную в Москве при 7-м гренадерском Самогитском полку для Туркестанского округа пулеметную роту [2]). Ген. Васильев с пулеметной ротой должны были погрузиться на пароход в Одессе и под конвоем броненосцев итти морем в Батум. Наместник Кавказа гр. Воронцов-Дашков считал командирование ген. Васильева излишним, так как рассчитывал, что назначенный временным генерал-губернатором ген. Паркау сумеет справиться с восстанием. Тем не менее командировка ген. Васильева состоялась.

Кавказское начальство, не имея возможности послать войска из Тифлиса, направило в Батум с Кубани два пластунских батальона, которые должны быть по железной дороге доставлены в Новороссийск и отсюда морем перевезены в Батум.

Сформированный из льготных казаков Уманского отдела 17-й пластунский батальон благополучно доехал до Новороссийска по восстановлении в нем правительственной власти, но, узнав о месте и цели своего

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. гл. штаба за 1905 г., № 79, стр. 18.
[2]) Там же, стр. 124.

назначения, 12 (25) января 1906 г. решительно отказался от погрузки на пароход. Никакие увещания не помогали, и временный генерал-губернатор Новороссийска ген. Пржевальский приказал батальону вернуться в станицу Уманскую. Здесь батальон был разоружен, началось расследование, во время которого батальон принес «раскаяние», и наказный атаман ген. Одинцов приказал вернуть пластунам их винтовки [1]).

Сформированный из льготных казаков Темрюкского отдела 15-й пластунский батальон по пути в Новороссийск узнал о своем назначении и 13 (26) января 1906 г. на станции Крымской также категорически отказался продолжать дальнейший путь. Наказный атаман ген. Одинцов приказал вернуть батальон в станицу Славянскую и произвести расследование [2]).

На донесении наказного атамана о неповиновении пластунских батальонов Николай II положил такую резолюцию: «Вот не ожидал, чтобы пропаганда могла коснуться пластунов; об'явить им, что они опозорили себя в моих глазах». Эта царская резолюция ясно показывает, как далек был самодержец от понимания происходящих событий и переживаемого исторического момента.

Пока происходила неудачная перевозка пластунов, ген. Паркау собрал около себя более надежные части — крепостной пехотный батальон и две сотни 2-го Черноморского казачьего полка, — 28 декабря (10 января) окружил ими митинг забастовавших артиллеристов и сапер и потребовал прекращения забастовки, сдачи оружия и выдачи зачинщиков. Не получая продолжительное время никакого ответа, ген. Паркау приказал открыть огонь. После первых же выстрелов присутствующие на митинге солдаты из'явили полное согласие на выполнение требования временного генерал-губернатора. Так к концу декабря в Батуме было восстановлено спокойствие, и гарнизон продолжал нести службу.

---

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 59, стр. 13.
[2]) «Право» за 1906 г., № 6, стр. 510.

Г. КОРОЛЬКОВ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОЙСКАХ ПРИАМУРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.

Особенности округа. Дальний Восток или Приамурский военный округ состоял из двух областей — *Приморской и Амурской*. Некоторое время в составе этого округа находилась Забайкальская область, но в 1905 г. она была включена в состав Иркутского военного округа.

Приморская область включала в себя всю береговую полосу Тихого или Великого океана с прилегающими островами. Занимая обширную территорию, свыше 620 тысяч квадратных верст, и включая в себя полуострова Чукотский, Камчатку, Муравьева-Амурского и остров Сахалин, область населена весьма слабо, так как жителей к началу 1905 г. считалось не более 246 тысяч человек [1]). Амурская область находилась почти в таких же условиях, — здесь на пространстве 395 тысяч квадратных верст проживало около 145 тысяч человек. Северные части округа находились в поясе *вечной мерзлоты,* тогда как южные части лежали на одной широте с Флоренцией и Неаполем, но холодные течения из Северного Ледовитого океана в такой степени охлаждали воздух, что климатические условия южной части округа летом напоминали Украину, а зимою — Пермь.

Эти отдаленные области заселялись медленно, и часть первых поселенцев смешалась с туземцами, образовав род метисов, говорящих своим особым наречием, состоящим из искаженных русских слов с примесью туземных. Русские и метисы в Приморской области составляют 52% всего населения, а в Амурской области — до 86% населения. Остальное население — туземцы и переселившиеся позднее китайцы и корейцы. Все туземные племена принадлежат к монгольской расе и постепенно вымирают под влиянием болезней, спиртных напитков и вытеснения их русскими в худшие местности с неблагоприятными для жизни условиями.

Почти половина русского населения принадлежала к казачьему сословию. Уклад их жизни мало отличался от уклада жизни крестьян. Многие из казаков своими ближайшими предками (деды и отцы) считали бывших ссыльных и каторжников. Казаки и крестьяне-переселенцы были наделены землей с избытком, помещиков здесь почти не было, и почва для аграрных волнений была неблагоприятной.

---

[1]) Ежегодник Центр. Стат. Комит. за 1905 г., стр. 16 и 41.

Рабочий класс сосредоточивался преимущественно в торговых центрах, какими являлись города Владивосток, Хабаровск и Благовещенск. Здесь находились немногие казенные и частные заводы и мастерские, впитавшие в себя значительное число рабочих. Остальная часть рабочих была рассеяна по копям и приискам.

Война с Японией внесла в край большое оживление. Работа на заводах была усилена, потребовались новые рабочие силы. Трудность подвоза в Манчжурию всего необходимого для действующей армии вызвала появление *новых промыслов* [1]).

Сложившаяся обстановка облегчала проникновение в пределы округа и в тыл манчжурских армий работников подпольных организаций, почва для которых отчасти была подготовлена политическими ссыльными и неудачами России в течение всей войны. После заключения мира с Японией создались условия, вызвавшие недовольство среди солдат, стремящихся уйти в запас и вернуться на родину, где происходили аграрные волнения. Возвращение солдат на родину откладывалось на неопределенное время и создавало крайнее напряжение в подготовке для них зимних помещений. Общее состояние в войсках способствовало проникновению нелегальной литературы; агитация велась беспрепятственно.

Войска округа частью находились на позициях в Манчжурии, частью прикрывали побережье и район крепости Владивосток. В пределах округа были развернуты многие из тыловых организаций, существующих казарм обычно недоставало для размещения новых формирований. Все это привело к тому, что во многих местностях численность войск превосходила число постоянных жителей. Эта особенность приводила к тому, что всякое политическое выступление обрекалось на неудачу без поддержки войск. Отсюда вытекала необходимость усиления пропаганды в войсках и установления самого тесного общения войск с населением.

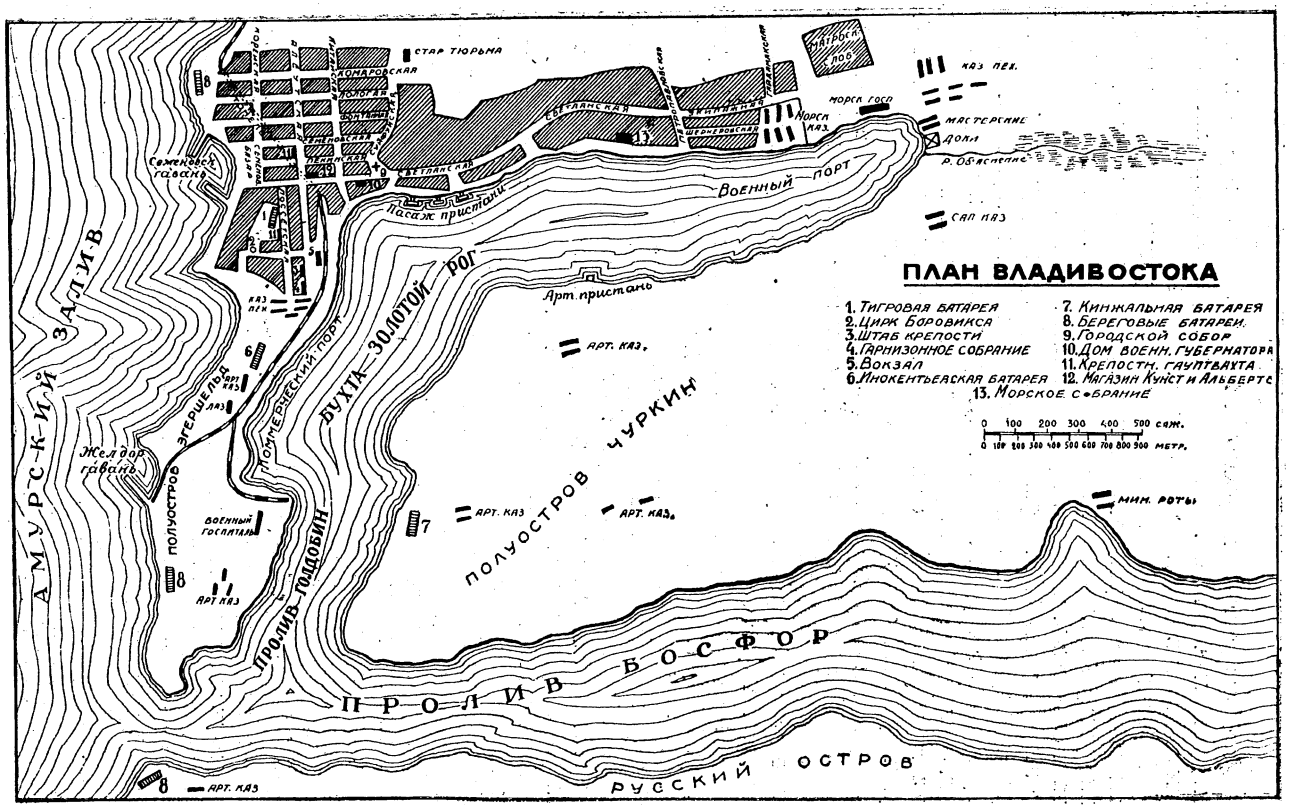
Административным центром Приамурского военного округа был Хабаровск, об'явленный городом из бывшего селения Хабаровки. Командующий войсками округа ген. Хрещатицкий исполнял также обязанности приамурского генерал-губернатора. Административным центром Приморской области является Владивосток. Пользуясь правами порто-франко (без всякой пошлины ввозить товары из-за границы), последний в короткое время перерос все города Дальнего Востока и к началу 1905 г. имел более 38 тысяч жителей. К этому времени Хабаровск имел только несколько более 16 тысяч, а Благовещенск, административный центр Амурской области, — около 37 тысяч человек. Владивосток, как военный и торговый порт, привлек к себе наибольшее число рабочих. Строившаяся здесь крепость также способствовала увеличению числа рабочих. Такое положение Владивостока учитывалось политическими организациями, и здесь оказался центр политической пропаганды. Эта особенность создала условия, благодаря которым Владивосток стал крупной ареной для проявления революционного движения.

[1]) Шитье сапог, шитье шуб, производство консервов и др.

ДВИЖЕНИЕ ВО ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТИ.

Уже первым посетителям полуострова Муравьева-Амурского бросилось в глаза большое сходство местности с Константинополем, поэтому пролив, отделяющий Русский остров от материка, получил название *Босфора*, а вдающаяся в материк бухта названа *Золотой Рог*. Замеченное первыми исследователями берегов сходство касается только названных пролива и бухты, так как в остальном существует значительная разница. Бухта Золотой Рог оказалась очень удобной для стоянки судов, ибо на рейде почти вечный штиль. Берега бухты оказались приглубы, и большие суда могут подходить почти к берегу. В силу этой особенности бухты, в 1862 г. сюда был перенесен военный порт, для которого была отведена вся восточная часть с хорошим рейдом. Для прикрытия флота в 1870 г. была заложена первая батарея, и к началу русско-японской войны здесь выросла целая крепость с несколькими сухопутными фортами. Война вызвала усиление всех крепостных работ и постройку новых батарей и укреплений, не исключая Русского острова.

Город расположен на северном берегу бухты Золотой Рог, и почти параллельно берегу проложена лучшая улица, Светланская, названная так в честь фрегата, впервые посетившего эту бухту. Светланская улица на своем западном конце упирается в Семеновский базар, для обслуживания которого устроена каботажная Семеновская гавань на берегу Амурского залива. Южнее расположена каботажная гавань Уссурийской железной дороги. Полуостров Эгершельд, отделяющий бухту Золотой Рог от Амурского залива, был предоставлен для войсковых казарм и госпиталей. На противоположном конце города, в так называемом Гнилом Углу (по причине болот), находились учреждения военного порта, казармы моряков и казармы пехотных, саперных и артиллерийских частей. Полуостров Чуркин, отделяющий бухту Золотой Рог от пролива Босфор, почти весь был предоставлен для расположения крепостной артиллерии, а в одной из бухт пролива Босфор поместились минные войска. В пределах города на Посьетской улице находилась на Тигровой горе батарея для обстреливания входа в Золотой Рог, здесь же находились крепостной флагшток с флагом и салютационная батарея. На полуострове Эгершельде находилась Инокентьевская батарея для обстрела Амурского залива и продольного обстреливания бухты Золотой Рог. Передовая крепостная позиция была вынесена на хребет, разделяющий Первую и Вторую речки.

ПЛАН ВЛАДИВОСТОКА
1. Тигровая батарея
2. Цирк Боровикса
3. Штаб крепости
4. Гарнизонное собрание
5. Вокзал
6. Иннокентьевская батарея
7. Кинжальная батарея
8. Береговые батареи.
9. Городской собор
10. Дом военн. губернатора
11. Крепостн. гауптвахта
12. Магазин Кунст и Альберс
13. Морское собрание
0 100 200 300 400 500 саж.
0 100 200 300 400 500 600 700 800 900 метр.
АМУРСКИЙ ЗАЛИВ
ПРОЛИВ БОСФОР
РУССКИЙ ОСТРОВ
ПОЛУОСТРОВ ЧУРКИНА
ПОЛУОСТРОВ ГОЛДОБИНА
ПРОЛИВ ГОЛДОБИНА
БУХТА ЗОЛОТОЙ РОГ
ВОЕННЫЙ ПОРТ
Арт. пристань
Пассаж пристани
Семеновская голосна
Желдор гавань
Военный госпиталь
Морск. каз.
Морск. госп
Мастерские
Доки
Р. Объяснения
Мин. роты
Арт. каз.
Каз. пех.
Сап. каз.
Стар. тюрьма

Изложенные мною подробности видны из плана города и необходимы для более ясного понимания событий, происходивших во Владивостоке почти в продолжение четырех месяцев.

Войска гарнизона крепости, пользуясь разрешением коменданта крепости ген. Казбека, устраивали митинги, продолжали слушать политических ораторов и производить выборы уполномоченных и, наконец, образовали солдатский комитет. Председателем комитета был избран Шпер. Его заместителем был выбран Ланковский, врач Уссурийской железнодорожной бригады [1]). Эти лица приобрели среди гарнизона большую популярность и играли значительную роль во всех последующих событиях. Солдатский комитет, оказавшийся в руках либерально-эсеровских «вождей», направил свои усилия не к организации боеспособных отрядов революции, а к поддержанию в городе спокойствия.

На действия солдатского комитета оказывал большое влияние образовавшийся в городе Союз союзов, состоявший из нескольких рабочих и интеллигентских союзов. Руководство Союзом союзов находилось в руках либерало-эсеров. Это сказалось на ограниченности солдатского комитета.

На военном рейде Владивостока находился крейсерский отряд адмирала Иессена. Для предохранения судовых команд от политической пропаганды он решил выйти в море и увел с собой крейсера «Россия», «Богатырь» и Громобой» в залив де-Кастро, но потом недостаток продовольствия заставил адмирала искать убежища в порту, и он избрал японский порт Нагасаки, где продолжал оставаться до получения распоряжений от морского министерства [2]).

Вместо ген. Казбека, вынужденного подать в отставку, комендантом крепости был назначен ген. Селиванов, командовавший в войне с Японией 2-м Сводным стрелковым корпусом и получивший потом назначение командующим войсками Иркутского военного округа.

Б. Голионко в своей статье «Революционные события 1905—1906 гг. в Приморьи» отмечает следующее:

Известие о манифесте 17 октября получено было во Владивостоке около 20 октября (2 ноября) и опубликовано было 23 октября (5 ноября). Известие это застало местные социал-демократические силы неподготовленными к немедленному использованию создавшегося положения в целях организации имевшейся налицо готовой вооруженной силы, и, кроме того, они были слишком слабы. Под влиянием полученных сведений о положении дел в остальной России события во Владивостоке приняли стихийный характер, без всякого почти руководства, особенно в первый момент.

В день получения известия о манифесте состоялось торжественное заседание городской думы, состав которой, по тогдашнему положению, избирался из крупных цензовых элементов. На это заседание прибыло много горожан, а также рабочих и солдат. Когда думой, состоявшей

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 59, стр. 1.
[2]) Газета «Ковенский Телеграф» за 1906 г., № 308.

исключительно из местной буржуазии, был оглашен проект «благодарственной телеграммы на имя Николая за дарование народу свободы», среди рабочих и солдат послышались протесты и свистки, в результате чего эта телеграмма была послана только от имени думы, а не от всего населения города, как предполагалось ее инициаторами. С получением сведений из центра местные власти вначале растерялись и заняли выжидательное положение.

Наступили «дни свободы». 21 октября (3 ноября) в здании музея состоялся первый многолюдный митинг, созванный обществом народных чтений, с участием рабочих, солдат и матросов. Второй и третий митинги были устроены в здании цирка Боровиска. На третьем митинге присутствовало около трех тысяч человек.

Видя нарастающее движение масс и получив успокоительную информацию от центрального правительства, местные власти начали чинить препятствия к устройству митингов, для чего было издано несколько приказов о воспрещении чинам армии и флота посещать таковые.

Эта мера вызвала только усиление недовольства и брожение в воинских частях. Устроителями митингов явились преимущественно представители либеральной интеллигенции, не могшие, разумеется, дать направления революционному чувству рабочих и солдатских масс, в результате чего накопившееся у них чувство протеста и озлобления вылилось в стихийное выступление 30 — 31 октября (12 — 13 ноября).

Социал-демократические работники на митингах почти не выступали, так как не было сильных ораторов, но предпочитали вести работу в гуще солдатских и рабочих масс, революционизируя их и подготовляя почву для дальнейшей борьбы.

Осведомленные о готовящемся выступлении власти приняли меры к локализации его. В этих целях в первую очередь стоявшие на рейде и представлявшие собою грозную боевую силу крейсера «Россия», «Громобой» и «Богатырь» были высланы в плавание на долгое время. На рассвете 30 октября (12 ноября) в море был выслан также и транспорт «Шилка».

Выступление гарнизона началось 30 октября (12 ноября) с флотского экипажа, около 1 часа дня. Часть же матросов, около 2.000 человек, кроме того, собралась около базара. По выходе из экипажа моряки тут же на улице выделили делегацию к коменданту крепости Казбеку, чтобы получить разрешение на посещение митингов, но эта делегация ничего не добилась, так как комендант умышленно уклонился от дачи каких-либо об'яснений.

Вскоре к морякам присоединился Хабаровский резервный полк, насчитывавший в своем составе, вместе с запасными, до 10.000 человек, а также и группы рабочих. Толпа все увеличивалась. Когда возвратилась делегация моряков и рассказала о том, что она не была принята, то возбуждение всей массы собравшихся войск и рабочих достигло крайних пределов.

Но это возмущение не было организационно оформлено.

В это время группою подозрительных подвыпивших лиц, из-за какого-то инцидента на базаре с мелочным торговцем, начал производиться разгром базарных лавок. К этой группе примкнула натравленная ею часть запасных солдат. Подозрительные лица, явившиеся на базар еще в самом начале выступления, усердно угощали водкой попадавшихся запасных и матросов. С началом же погрома они начали призывать толпу громить магазины, рестораны, иностранные фирмы и пр... Менее сознательная часть запасных и матросов поддалась этому провокационному маневру, в результате чего ряд лавок, магазинов, ресторанов был разгромлен, а возникшим при этом пожаром уничтожена значительная часть и частных домов.

Накопившееся у моряков озлобление против офицеров выразилось в сожжении морского офицерского собрания, здания военно-морского суда, четырех офицерских флигелей, квартиры командира флотского экипажа и старшего помощника командира порта; в квартире же самого командира порта были выбиты окна.

Власти всячески пытались спровоцировать выступление, а потом устроить кровавую бойню, но она не удалась: вызванные начальником гарнизона воинские части, в количестве 12 батальонов, с артиллерией и пулеметами, отказались открыть огонь по толпе и оставались безучастными зрителями происходившего, а некоторые, по официальным документам, «приняли даже участие в насилии».

На коммерческой пристани войсками были захвачены ящики с шампанским, которое солдаты и роспили; когда же туда прибыл начальник штаба крепости Будберг, то его встретили ружейными выстрелами, заставившими его быстро ретироваться.

Утром 31 октября (13 ноября) несколько наиболее беспокойных батальонов были выведены за город. Около этого же времени собравшаяся вблизи собора большая толпа возбужденно настроенных матросов потребовала коменданта крепости и командира порта. Когда прибывший к ним комендант обещал принять меры к удовлетворению их нужд, матросы заставили его прочесть манифест 17 октября и затем пред'явили требование о разрешении нижним чинам посещать митинги, а также и ряд экономических требований. После этого толпа с оркестром музыки подошла к гауптвахте и потребовала освобождения арестованных; на последовавший же отказ ею была разгромлена гауптвахта и освобождены все арестованные (около ста человек, в том числе несколько женщин), которые тут же и присоединились к толпе. От гауптвахты толпа направилась к тюрьме и также освободила всех заключенных.

К вечеру волнение гарнизона и моряков в городе само по себе как будто бы улеглось.

Одновременно произошло выступление и в районе бухты Диомид в 1-й и 2-й Владивостокских крепостных, Восточно-Сибирской и Ново-Киевской минных ротах. По следственному материалу прокурора военно-окружного суда выступление минных рот носило следующий характер:

«30 октября, около 7 час. вечера, около казарм 2-й Владивостокской минной роты образовалась толпа минеров, которая с криком «ура» и другими возгласами с шумом направилась к казармам 1-й роты, где потребовала выхода солдат из казарм, предлагая итти к полковнику Золотареву и требуя его к себе. Фельдфебель 1-й роты подвергся насилию, но сумел пробежать к квартире полковника Золотарева с предупреждением; толпа же продолжала кричать и, разбивая окна камнями, двинулась к флигелю, занимаемому офицерами, с таким натиском, что все офицеры, бывшие во флигеле, едва успели через задний двор бежать, спасаясь кто в кусты, кто на транспорт «Смельчак».

Толпа, разгромив квартиру полковника Золотарева, с криком: «бей их белоручек» и т. п. двинулась к флигелю, занимаемому младшим офицером; видя это, группа офицеров вышла навстречу толпе и один из них скомандовал «смирно». На мгновение минеры остановились, но затем из толпы был брошен камень в офицеров, которым один из них был ранен. Этим офицером был произведен выстрел вверх. Двое офицеров вступили с минерами в об'яснения, но крики «бей их белоручек», «свободу надо», «не хотели слушать, — так камня на камне не оставим» — прерывали эти переговоры. Продолжая бить стекла в помещениях, минеры двинулись к караульному дому, где потребовали освобождения арестованных, которые и были освобождены. Разгромив после этого дом командира транспорта «Смельчак», минеры направились в город, и на участке минных рот восстановилось спокойствие».

По имеющимся в следственном деле показаниям офицеров, волнение в минных ротах вызвано было, главным образом, «всеобщим социальным движением», охватившем всю Россию. Ими же отмечался факт наличия среди солдат минных рот революционной агитации, путем распространения прокламаций и «неправильного» толкования манифестов 6 августа и 17 октября.

За участие в этом восстании 22 минера были преданы, на основании 2 пункта 260 и 262 ст. ст. 24-й книги СВП 1869 г., изд. 3, приморскому военно-окружному суду.

После событий 30 — 31 октября (12 — 13 ноября), показавших полное революционное единодушие всего гарнизона, власти стушевались, и наступил момент некоторого безвластия. 3 (16) ноября был опубликован приказ главнокомандующего об увольнении запасных солдат и об изменении порядка вознаграждения солдат за работу по крепости.

Вторая вспышка. 11 (24) ноября прибыл из Японии первый пароход «Терек» с пленными солдатами, принадлежавшими к составу Квантунгской крепостной артиллерии. По распоряжению коменданта крепости для их размещения были назначены казармы на полуострове Чуркине. Эти защитники Порт-Артура в течение своего плена получали много брошюр и листков, издаваемых Росс. Соц.-Раб. Партией, и по прибытии во Владивосток вошли в связь с местным комитетом этой партии, стремясь услышать раз'яснения по многим вопросам. На другой же день по прибытии 12 (25) ноября они устроили у себя в казарме митинг, который проходил чрезвычайно шумно, и дежурный офицер капитан Новицкий решил разогнать шумевших порт-артурцев [1]). Для этой цели

1) Газета «Русские Ведомости» за 1905 г., № 301.

он отправился на место митинга и потребовал, чтобы собравшиеся немедленно разошлись. Это требование встретило дружный отпор, и наиболее ярые артиллеристы стали спорить с дежурным офицером, окружив его тесным кольцом. В пылу спора и охватившего солдат негодования один горячий канонир ударил капитана Новицкого. Последний выхватил свой револьвер и застрелил этого канонира. Оставшиеся в первый момент остолбенели и дали дорогу офицеру, но скоро пришли в себя и бросились вновь на капитана Новицкого с явной целью отомстить ему за смерть товарища. Упрожая револьвером, капитан постепенно отступал и, наконец, укрылся в ближайшем здании Чуркинского военного собрания.

Порт-артурцы окружили собрание и настоятельно требовали выхода дежурного офицера. В это время в собрании находилось за обеденным столом несколько офицеров. Они поочередно выходили к солдатам и пытались их уговорить успокоиться и разойтись. Более других старался поручик Лилеев, но злобно настроенные солдаты стали его бить, и от полученных ран он к вечеру умер. Эпизод с поручиком Лилеевым показал, что дело принимает серьезный характер, и по телефону было дано знать в штаб крепости и вызваны ближайшие 13-я и 14-я роты владивостокской крепостной артиллерии с винтовками для усмирения порт-артурцев.

Последние, видя безуспешность своих требований, решили войти в собрание силой [1]). Они взломали двери и ворвались в комнаты. Боясь быть растерзанным, капитан Новицкий предпочел застрелиться. В начавшейся свалке из числа находившихся офицеров были тяжело ранены в голову штабс-капитан Тимофеев и поручик Трофимов, легко ранены штабс-капитан Шкляренко и поручики Митряковский и Жаворонков. Прибывшие 13-я и 14-я роты разогнали порт-артурцев и всех сопротивляющихся арестовали.

К месту происшествия штаб крепости направил две сотни уссурийских казаков, а ген. Казбек приказал всех арестованных собрать в изолированной казарме и окружить ее постами, чтобы воспрепятствовать сношениям с заключенными. Одновременно с этим был усилен наряд патрулей и раз'ездов в городе.

Это событие нарушило мирное течение жизни войск и могло вызвать новые волнения. Солдатский комитет вынес постановление, запрещающее всякие частичные выступления, как срывающие общее дело революции. Однако событие на Чуркине продолжало обсуждаться среди солдат, и местная полиция с особой тревогой следила за настроением солдатских масс. В городе ходили слухи, что запасные требуют отправки их на родину в 5-дневный срок, угрожая в противном случае убить всех офицеров и разгромить город окончательно [2]). Несомненно, среди запасных шло брожение, подогреваемое неполучением с родины никаких вестей в силу забастовки почтово-телеграфных служащих.

---

[1]) Газета «Начало» за 1905 г., № 2.
[2]) Газета «Русское Слово» за 1906 г., № 309.

Начальник тыла манчжурских армий всю вину на задержку отправления запасных свалил на забастовку железных дорог. Узнав об этом, забастовочные комитеты решили организовать сами перевозку запасных солдат [1]).

Выработка требований. Революционное настроение постепенно захватывало и офицеров, которые часто посещали политические собрания, устраиваемые Союзом союзов и политическими партиями. Наконец, более 160 офицеров устроили свое собрание и постановили присоединиться к требованиям восставшего народа и, в частности, поддерживать Союз железнодорожников и программу Союза союзов. Из своей среды они выбрали офицерский комитет [2]). Этот комитет вошел в контакт с солдатским комитетом. Видную роль в офицерском комитете играл военный инженер подполковник Петровский.

Подготовив предварительной разработкой требования от гарнизона крепости, солдатский комитет назначил общие митинги для их обсуждения. На этих митингах должны были быть выборные представители от всех частей войск и от офицерского комитета, сверх того, могли присутствовать с правом голоса все желающие солдаты, матросы и офицеры. Митинги состоялись 7 (20), 9 (22) и 12(25) декабря.

На этих митингах после подробного обсуждения все предложенные требования были приняты в окончательной редакции. Требования гарнизона крепости были таковы [3]):

1) Армия должна находиться на стороне революционного народа до открытия Учредительного Собрания, после чего армия остается вне политических партий.

2) Солдат должен считаться полноправным гражданином, он только призван в ряды армии для обучения военному делу, поэтому правительство должно принять все меры для сокращения срока обучения.

3) Для достижения лучшего экономического положения солдат следует: а) уменьшить срок службы, б) отменить все льготы по отбыванию воинской повинности за полученное образование, в) увеличить жалованье солдата до 3 рублей в месяц, г) создать для солдат собрания, по примеру офицерских, д) отменить вольные работы и е) изменить характер наказаний в дисциплинарном порядке.

4) В политическом отношении должно быть установлено: а) свободный уход из казарм, когда нет службы, б) свободное посещение политических собраний, в) офицера считать начальником только на службе, а в остальное время признавать старшим товарищем, г) отмена военных судов, д) отмена паспортов, е) амнистия всем политическим заключенным.

Эти требования были изложены в 24 пунктах и вечером 15 (28) декабря пред'явлены письменно коменданту крепости ген. Казбеку, а утром 16 (29) декабря прибыл ген. Селиванов и немедленно вступил

---

[1]) Газета «Амурский Край» за 1905 г., № 135.
[2]) Там же, № 140 (прибавление).
[3]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1906 г., № 52—795, стр. 23.

в должность коменданта крепости. Новый комендант запретил митинги. Наряд раз'ездов и патрулей был увеличен и им приказано силой разгонять солдат и матросов, если они начнут собираться даже в небольшую толпу [1]).

Командующий войсками округа приказал ввести во Владивосток 10-ю Восточно-Сибирскую стрелковую дивизию [2]), так как считал совершенно ненадежными части 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии.

Третья вспышка. Принятые новым комендантом меры выполнялись довольно строго. Особенно старательно действовали казачьи раз'езды, применявшие нагайки для разгона всякой группы солдат и матросов. Перед солдатским комитетом выросла новая задача — созвать общий митинг для решения вопроса, как провести в жизнь выработанные требования. Представители офицерского комитета просили коменданта крепости разрешить общее собрание из представителей всех частей гарнизона, но получили резкий отказ. Тогда председатель Союза союзов Волкенштейн лично просил коменданта разрешить общегарнизонное собрание под ответственностью Союза союзов, но также получил отказ.

Солдатский комитет оказался перед необходимостью итти вразрез с требованиями коменданта крепости. Было решено выборным от всех частей собраться 2 (15) января, считая по два делегата от каждых 100 человек. Приглашение разослано во все части, не исключая казачьих. В приглашении разрешалось прибыть на митинг сверх делегатов всем желающим как солдатам, так и офицерам, а равно городским жителям [3]).

В назначенное время этот митинг состоялся [4]). На митинг прибыли почти в полном составе Сибирский флотский экипаж и Сибирский полуэкипаж. Последний состоял исключительно из рабочих, обслуживающих мастерские и доки морского ведомства. Присутствовало много офицеров и горожан. Первым был поставлен вопрос освобождения 400 порт-артурцев, заключенных в изолированной казарме на полуострове Чуркине после события 12 (25) ноября. Было решено с просьбой об освобождении послать особую делегацию, и она немедленно была избрана и отправлена. Митинг еще не закончился, когда возвратившаяся делегация доложила о своем успехе [5]). Комендант крепости сдержал свое слово, и к вечеру порт-артурцы, за исключением 4 человек, оставленных под особым надзором, были освобождены.

Вторым вопросом обсуждался порядок проведения в жизнь выработанных требований гарнизона. После многих дебатов остановились на решении об'явить мирную забастовку, план которой должны выработать совместно солдатский и офицерский комитеты. Окончательное

[1]) Газета «Дальний Восток» за 1905 г., №№ 270 и 271.
[2]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 4, стр. 341.
[3]) Газета «Дальний Восток» за 1905 г., № 276.
[4]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 4, стр. 341.
[5]) Газета «Владивостокский Листок» за 1906 г., № 4.

решение должно быть вынесено на следующем митинге, который назначен на 10 (23) января.

Последним вопросом обсуждалась просьба к коменданту крепости о назначении постоянного места для гарнизонных митингов.

Об'единенное заседание солдатского и офицерского комитетов для выработки плана забастовки состоялось 8 (21) января под председательством доктора Ланковского. Узнав о месте этого собрания, комендант крепости приказал разогнать его и арестовать более видных членов. Доктор Ланковский, Шпер, подполковник Петровский и много солдат и матросов было арестовано и посажено в крепостную гауптвахту, отремонтированную после разгрома 31 октября (13 ноября).

Этот поступок ген. Селиванова окончательно восстановил против него весь гарнизон крепости. Особенное негодование вызвал арест членов солдатского комитета и, в частности, доктора Ланковского и Шпера. Об их освобождении тщетно просили офицеры и председатель Союза союзов Волкенштейн.

Предстоящая забастовка войск гарнизона тревожила ген. Селиванова, и он решил прежде всего обезоружить матросов, считая их зачинщиками всех беспорядков. Это решение должно было быть выполнено в ночь на 10 (23) января, но матросы оказали самое упорное сопротивление, приготовившись пустить в дело оружие. Утром 10 (23) января они собрали спешный митинг [1]) и, считая общий митинг гарнизона в опасности, решили принять на себя его охрану. Для лучшего вооружения они разбили склад и разобрали винтовки и патроны. Таким образом матросы желали только помешать разгону ген. Селивановым гарнизонного митинга, назначенного на этот день в помещении городского цирка Боровиска (бывш. Соломонского).

Захват матросами оружия ген. Селиванов считал подготовкой к вооруженному восстанию и, с своей стороны, вызвал пулеметную роту 10-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии для охраны штаба крепости, помещающегося на Алеутской улице почти против вокзала железной дороги и рядом с гарнизонным собранием. Приближение толпы к штабу крепости должно считаться за нападение и служить моментом для открытия огня.

Около 2 часов дня 10 (23) января из морских казарм (на Шефнеровской улице) с оружием и с музыкой стройными рядами вышел весь Сибирский флотский экипаж [2]). В строю моряков не было ни одного офицера. Дул сильный ветер, обычный для этого времени года, и был сильный мороз (23 градуса). Матросы прошли всю Светланскую улицу и демонстративно свернули на Алеутскую, чтобы пройти близ штаба крепости и через Первую Морскую улицу выйти на Посьетскую, где находился цирк Боровиска, и куда собирались на митинг представители от всех частей гарнизона и много горожан. Проходя близ штаба крепости, матросы видели пулеметы, и это еще более убедило их, что

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 59, стр. 1.
[2]) Газета «Владивостокский Листок» за 1906 г., № 14.

готовится нападение на митинг. Придя к цирку, матросы поставили кругом сильные караулы и выставили наблюдательные посты, обеспечив тем спокойное обсуждение вопросов на митинге.

Желая спровоцировать бойню, ген. Селиванов вызвал к пулеметам сильное прикрытие. В штабе крепости и гарнизонном собрании собрались начальствующие лица и прибыл сам комендант крепости.

На митинге прежде всего поставили вопрос об освобождении доктора Ланковского, Шпера и других арестованных товарищей. Было решено еще раз попытаться просить коменданта крепости об их освобождении и привлечь на свою сторону военного губернатора Приморской области ген. Флуга. Для выполнения этого решения была выбрана делегация, в составе шести офицеров и трех солдат. Эта делегация прежде всего направилась к ген. Флугу. Он согласился передать просьбу делегации, но категорически заявил, что он сам не сочувствует такой просьбе и, будь на месте коменданта, решительно отказал бы в просимом освобождении. Делегация, вместе с ген. Флугом, направилась на квартиру коменданта крепости, но его там не было. Установить, где находится ген. Селиванов, не представлялось возможным, и делегация вернулась обратно в цирк с докладом о своей неудаче.

На митинге тотчас раздались голоса за освобождение арестованных силою. Было решено всем митингом направиться к коменданту крепости и в последний раз потребовать освобождения арестованных, а в случае отказа прибегнуть к силе.

С оркестром музыки впереди и под охраной вооруженных матросов, которые замыкали шествие, участники митинга направились через Первую Морскую улицу к штабу крепости. Ген. Селиванов приказал пулеметной роте открыть огонь, как только демонстрация повернет по Алеутской улице к штабу крепости. Ничего не подозревавшие демонстранты вышли под звуки марсельезы на Алеутскую и повернули к штабу крепости [1]). Пулеметы тотчас же начали стрелять, музыка оборвалась, толпа бросилась назад, оставив убитых и раненых. Убитыми оказались 28 человек, в том числе народоволка Людмила Волкенштейн.

Во многих частях войск состоялись митинги для обсуждения событий; 32-й Восточно-Сибирский стрелковый полк вышел с оружием в руках и направился в морские казармы с предложением силою освободить арестованных товарищей. За поздним временем это предложение решено было выполнить на следующий день — 11 (24) января.

День 11 (24) января начался выступлением артиллеристов на Инокентьевской батарее. Рано утром солдаты потребовали от командира батареи ключи от погребов, угрожая в случае отказа взломать двери и обстрелять город и бухту. Ключи были выданы. Затем батарея потребовала прибытия коменданта крепости. Опасаясь выполнения угрозы, ген. Селиванов с несколькими офицерами штаба крепости и плац-ад'ютантами прибыл к Инокентьевской батарее. Артиллеристы потребо-

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 59, стр. 1 и 2.

вали освобождения арестованных 8 (21) января товарищей, но получили решительный отказ. Тогда они решили расстрелять коменданта. Сделав несколько холостых выстрелов из винтовок, солдаты попросили сопровождающих ген. Селиванова офицеров отойти в сторону и три назначенных артиллериста залпом выстрелили из своих винтовок в коменданта крепости, ранив его. Подбежавшие офицеры отнесли генерала в ближайший лазарет.

Это событие привело начальствующих лиц к полной растерянности, и явилось опасение за целость города и крепости. В донесениях все события извращались и в таком виде попадали в донесения главнокомандующего манчжурскими армиями ген. Линевича [1]). По этим донесениям, 10 (23) января ген. Селиванов отбил нападение «вооруженной толпы», причинив ей урон в 10 убитых и 40 раненых, а 11 (24) января он при содействии 32-го Восточно-Сибирского стрелкового полка усмирял восставшую Инокентьевскую батарею и при этом был опасно ранен. Положение обрисовывалось в самом мрачном виде: половина города и ледоколы в руках восставшего гарнизона, крепость и город находятся в крайней опасности.

В действительности ни крепости ни городу никакой опасности не грозило. Гарнизон требовал только одного — освобождения арестованных товарищей. На этом настаивала Инокентьевская батарея, ту же цель преследовала вооруженная масса, собравшаяся у морских казарм. Отсюда вся она, состоявшая в большинстве своем из солдат 32-го Восточно-Сибирского стрелк. полка и матросов Сибирского флотского экипажа, направилась по Светланской и Алеутской улицам к крепостной гауптвахте для освобождения арестованных членов солдатского комитета. Около полудня возбужденная масса подошла к гауптвахте. Находившийся здесь комендант города подполковник Сурменев категорически отказал в освобождении арестованных. Озлобленные отказом солдаты подняли подполковника Сурменева на штыки. Затем они ворвались в помещения, смяли караул, разбили двери карцеров и камер и освободили всех арестованных, устроив им овацию. После этого, приняв решение не выполнять никаких распоряжений начальства, солдаты разошлись по своим казармам.

При содействии Союза союзов был собран вечером 11 (24) января общий митинг, на котором были приняты такие постановления:

1) Потребовать строгого следствия для выяснения виновников предательской стрельбы 10 (23) января без предварительного предупреждения, как этого требует устав.

2) Виновных в этой стрельбе предать суду с применением к ним законов военного времени.

3) Об'явить газете «Дальний Восток» порицание за подстрекательство.

4) Благодарить солдат за их содействие революционному народу.

---

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 59, стр. 2.

Это решение было расклеено на более видных местах и по экземпляру послано всем начальствующим лицам.

Союз союзов решил устроить торжественные похороны жертв 10 (23) января. Переговоры по этому вопросу были поручены подполковнику Петровскому, который убедил ген. Модля, временного коменданта крепости, не только дать разрешение, но произвести погребальный салют. По соглашению с забастовочным комитетом Уссурийской железной дороги место для могилы выбрано среди небольшого сквера у вокзала. По соглашению с начальником артиллерии крепости салютационная батарея на Тигровой горе должна салютовать 50 выстрелами.

Торжественные похороны жертв 10 (23) января (кроме солдат) состоялись 13 (26) января при большом стечении солдат, матросов и горожан. При опускании гробов в могилу Тигровая батарея салютовала, а роты произвели троекратный залп. Порядок поддерживался самими участниками, все прошло спокойно без замешательств, говорились речи и отмечали заслуги Людмилы Волкенштейн. По окончании церемонии все разошлись с пением революционных песен.

На другой день после этих похорон ген. Модль собрал начальников всех частей гарнизона с целью выяснения настроения солдат. Однако рано утром он пригласил к себе подполковника Петровского и Шпера и долго совещался с ними. Этот эпизод стал известен начальникам частей, и они ограничились молчаливым порицанием, только командир 37-го Восточно-Сибирского стрелк. полка полковник Радецкий подал командующему войсками округа рапорт, в котором изложил действия ген. Модля, как изменника, и просил о переводе в другую часть, считая для себя постыдным служить под начальством такого генерала. За этот рапорт полковник Радецкий впоследствии был уволен в отставку.

На совещании начальников частей было признано: падение дисциплины, полная ненадежность частей и их переход на сторону революции. Результат этого совещания стал известен ген. Линевичу, и он решил водворить во Владивостоке «порядок», послав туда сильный отряд под командой ген. Мищенко [1]). В состав этого отряда предназначены: а) 3-я Восточно-Сибирская дивизия, б) один пластунский батальон, в) Терская казачья бригада и г) 1-я Забайкальская казачья батарея. Эти части должны быть по железной дороге перевезены из Харбина в Раздольное, назначенное сборным пунктом отряда. Отсюда по окончании сосредоточения отряд должен был походным порядком двинуться к Владивостоку. Ген. Мищенко были предоставлены права начальника всех вооруженных сил на полуострове Муравьева-Амурского.

Пока названный выше отряд собирался, во Владивосток успел прибыть бывший начальник 53-й пехотной дивизии ген. Артамонов и 16 (29) января вступил в должность коменданта крепости. Успокоительными приказами [2]) и разными обещаниями он стремился поддерживать внешний порядок. В противовес торжественным революционным похо-

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 37, стр. 4 и 6.
[2]) Газета «Владивостокский Листок» за 1906 г., №№ 12 и 14.

ронам он устроил торжественные похороны убитого коменданта города подполковника Сурменева. Меры нового коменданта крепости в связи с начавшейся подготовкой к выборам в I Государственную Думу внесли некоторое успокоение в настроение гарнизона.

Это спокойствие войск во Владивостоке позволило ген. Мищенко не ожидать сосредоточения всего своего отряда, и он решил 20 января (2 февраля) выступить в поход. К этому времени прибыли все части отряда, кроме 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, которая только приступила к посадке в Харбине. Находившийся в Раздольном отряд полковника Май-Маевского был присоединен к отряду ген. Мищенко.

По прибытии во Владивосток ген. Мищенко немедленно начал применение репрессивных мер [1]). Прежде всего были арестованы артиллеристы Иннокентьевской батареи в числе 194 человек и отправлены в изолированную казарму на полуострове Чуркине. Затем 32-й Восточно-Сибирский стрелковый полк был удален из пределов крепости и расположен в селении Иман. За стрелками последовали матросы, которых разместили в селе Спасском.

Сменивший ген. Линевича в должности главнокомандующего ген. Гродеков не только утвердил эти меры ген. Мищенко, но и приказал удалить из крепостного района всю 8-ю Восточно-Сибирскую стрелк. дивизию, 2-ю крепостную минную роту, 14-ю и 15-ю роты крепостной артиллерии и роты Уссурийской железнодорожной бригады. Постоянный гарнизон крепости должны были составить более надежные 3-я и 9-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии.

Приамурский военно-окружный суд (во Владивостоке) вынес 85 смертных приговоров: 10 солдат и 44 гражданских лица — к повешению и 27 солдат и 4 гражданских лица — к расстрелу. Главнокомандующий ген. Гродеков утвердил из них к исполнению 24 приговора, а остальным (61 человек) казнь была заменена другими наказаниями.

В гарнизоне между тем, особенно среди матросов, неудачные революционные вспышки продолжались.

Движение в Благовещенске.

Благовещенск — административный центр Амурской области, был крупным торговым и промышленным пунктом в крае. К началу 1905 г. город имел свыше 37.000 жителей. Амурская область состояла из двух отдельных частей: земли Амурских казаков и казенные земли, составлявшие три горных приставства. В Амурской области и городе Благовещенске до появления манифеста 17 (30) октября сохранялся полный порядок, так как область считалась на военном положении, а с отменой этого положения некоторую тревогу внес мир с Японией. Получив южную часть острова Сахалина, японцы немедленно выселили оттуда всех каторжан и ссыльных на материк, и, по соглашению приамурского

[1]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 37, стр. 32, 53 и 57.

генерал-губернатора с министром внутренних дел, было решено водворить их в пределах Забайкальской области. Для этой цели ссыльных и каторжан отправили на пароходах вверх по р. Амуру, но они успели добраться только до Благовещенска, так как река замерзла и навигация прекратилась [1]). Размещение и довольствие всех перевозимых ложилось обузой на местную власть.

Манифест 17 (30) октября сразу вызвал наружу все, что таилось в сознании населения: стали формироваться легальные политические партии, много казачьих станиц вынесло приговоры о выходе из казачьего сословия при условии оставления за собой всех станичных земель и угодий, казаки 2-го и 3-го Амурских полков разошлись по своим станицам, а казаки 1-го полка волновались желанием выйти из казачьего сословия; в области всюду была упразднена полиция и ее решено было заменить милицией, но формирование затягивалось, и казакам 1-го полка приходилось заменять временно полицию, что они выполняли с явной неохотой. Наказный атаман войска и военный губернатор области ген. Путята, по требованию казаков, разрешил собрать казачий с'езд. Начались народные митинги, и все население охватил сильный под'ем.

Этот под'ем передался служащим в войсковом правлении и, несмотря на все усилия сотника Толстокулакова, все писаря и мастеровые разных хозяйственных команд об'явили забастовку и прекратили свои работы [2]). Ген. Путята окончательно растерялся, управление войском и областью ушло из его рук.

15 (28) декабря открылся казачий с'езд. 1-й Амурский казачий полк начал разлагаться и проявлять неповиновение. Пограничный комиссар полковник Лубенцов и командир 1-го Амурского полка полковник Кузнецов, по мнению главнокомандующего, оказывавшие вредное влияние на казаков, были отчислены от должностей и высланы из пределов области; 1-й Амурский полк отправлен в Никольск-Уссурийский, а на его место прибыл 1-й Нерчинский полк Забайкальского войска. Однако эти меры не могли внести полного успокоения, и пришлось послать в Благовещенск 4 батальона и 2 батареи. В то же время был возбужден вопрос об увольнении ген. Путяты [3]).

---

[1]) Газета «Амурский Край» за 1905 г., № 120.
[2]) Дело суд. отд. глав. штаба за 1905 г., №№ 434—7295, стр. 16.
[3]) Дело 3 ст. 2 отд. глав. штаба за 1906 г., № 37, стр. 62.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ в ВОЙСКАХ в 1904, 1905 и 1906 ГОДАХ.

1904 ГОД.

Число.

МАЙ.

2. Волнения в 6-м саперном батальоне в Киеве перед отправлением на войну.

НОЯБРЬ.

3. Вооруженное выступление матросов в Севастополе.

1905 ГОД.

ИЮНЬ.

14. Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».
16. Восстание на учебном судне «Прут».

ИЮЛЬ.

13. Восстание в 244-м Борисовском резервном батальоне в Екатеринбурге. Митинг артиллеристов на полигоне во Владивостоке.
15. Восстания в 71-м пех. Белевском и 72-м пех. Тульском полках в Ново-Александрии.
Выступление 1-го Балтийского флотского экипажа в Либаве.
20. Вооруженное восстание в Херсонском дисциплинарном батальоне.
25. Выступление 1-го и 2-го Кавказских саперных батальонов в Александрополе.

СЕНТЯБРЬ.

10. Выступление команды запасных солдат в г. Витебске.
12. Выступление в дисциплинарном батальоне в г. Бобруйске.

ОКТЯБРЬ.

23. Митинг матросов и солдат в г. Кронштадте. Пред'явление экономических и политических требований.
24 и 25. Митинги в частях войск кронштадтского гарнизона.
26. Начало восстания кронштадтского гарнизона.
28. Разоружение и аресты восставших матросов и солдат в Кронштадте.
Волнения в артиллерийских частях крепости Свеаборг. Пред'явление экономических и политических требований.
Вооруженное выступление солдат и матросов во Владивостоке.
Манифестация и разгром гауптвахты и тюрем во Владивостоке.

НОЯБРЬ.

Число.

1. Собрание военных делегатов на фабрике Морозова в Москве.
2. Митинг представителей 62-й пех. дивизии в г. Двинске.
3. Восстание учебного унтер-офицерского батальона в Риге.
5. Волнения в 26-й артиллерийской бригаде в Гродне.
8. Волнения в 81-м пех. Апшеронском полку во Владикавказе.
   Волнения в Александровской местной команде.
10. Выступление крепостной саперной роты в Карсе.
    Забастовка в 249-м Майкопском резервном батальоне в Ставрополе.
    Пред'явление требований 115-м пех. Вяземским и 177-м пех. Изборским полками в Риге.
11. Волнения в электро-технической роте в Петербурге.
12. Волнения в 49-м Брестском пех. полку в г. Севастополе.
    Волнения в Севастопольской крепостной саперной роте.
    Выступление вернувшихся из японского плена порт-артурцев во Владивостоке.
    Выступление железнодорожной бригады в г. Барановичах.
14. Выступление 2-го Черноморского казачьего полка и батареи Кавказской резервн. артиллер. бригады в с. Константиновском, Ставропольской губ.
    Митинг делегатов гродненского гарнизона.
    Волнения в Аму-Дарьинской флотилии в г. Чарджуе.
    Массовые аресты в электро-технической роте в Петербурге.
15. Вооруженное восстание в Севастополе.
    Восстание 1-го Ташкентского резервного батальона в г. Ташкенте.
16. Волнения в 264-м Лорийском полку в с. Лагодехи, Тифлисской г.
    Волнения в 16-м пех. Ладожском полку в Ломже.
    Волнения в 252-м пех. Анапском резервном батальоне в Екатеринодаре.
    Волнения в 6-й роте 1-го Закаспийского жел.-дор. батальона в Иолотани.
17. Солдатский митинг 1-го саперного батальона на фабрике т-ва Соколовской мануфактуры при ст. Струнино, Владим. губ.
    Выступление 3-й гвардейской артиллерийской бригады в Варшаве.
    Волнения в 250-м пех. Ахульгинском резервн. батальоне в Пятигорске.
    Волнения в 1-й и 4-й ротах 1-го Закаспийского жел.-дор. батальона.
18. Вооруженное выступление 3-й саперной бригады в Киеве.
    Солдатский митинг в крепости Кушке.
19. Волнения в 251-м Котельническом резервном батальоне в г. Вятке.
    Волнения во 2-м конно-горном дивизионе в Киеве.
21. Митинг гарнизона в г. Остроленке.
    Митинг иркутского гарнизона и переход войск на сторону восставших.
22. Митинг солдат и казаков в г. Чите.
23. Волнения в 269-м Богодуховском и 202-м Старобельском пех. пол. в Харькове и 201-м Лебединском полку в Чугуеве.
    Волнения во 2-м Черноморском казачьем полку в Карсе.
    Организация Совета Солдатских и Казачьих Депутатов в г. Чите.
24. Волнения в 153-м Бакинском пех. полку в Александрополе.
    Волнения в 24-м Нежинском пех. полку в г. Острове, Ломжинской губ.
25. Волнения в 127-м Путивльском пех. полку в Чугуеве.
    Учредительное собрание военнослужащих в г. Чите.
26. Конспиративные собрания революционной группы в Ростовском гренадерском полку для подготовки восстания в московском гарнизоне.
27. Волнения в 3-й запасной артиллерийской бригаде и 26-й Восточно-Сибирской горной батарее.
29. Волнения в 251-м Котельническом резервном батальоне.
    Начало забастовки в войсках иркутского гарнизона. Организация военно-стачечного комитета в г. Иркутске.
30. Уличная демонстрация войск в г. Иркутске.

Число.

ДЕКАБРЬ.

2. Организация Окружной военной организации Московского Комитета РСДРП.
   Арест трех агитаторов в Ростовском гренадерском полку.
   Волнения в войсках гарнизона г. Баку.
3. Начало восстания в Ростовском гренадерском полку в Москве.
   Избрание солдатского полкового комитета из 20 делегатов в Ростовском полку в Москве.
   Пред'явление солдатских требований о свободах в Ростовском полку в Москве.
4. Провозглашение выборного командира в Ростовском полку.
   Волнения в 14-м Кубанском пластунском батальоне на ст. Евлах, Елисаветпольской губ.
   Волнения в дисциплинарном батальоне в станице Екатериноградской, Терской области.
   Ликвидация выступления иркутского гарнизона.
5. Первый полковой солдатский митинг в Ростовском полку.
   Ночной митинг в 1-м Донском казачьем полку в Москве.
   Волнения в 277-м пехотном Ингульском полку в г. Николаеве.
   Начало волнений в красноярском гарнизоне.
6. Воззвание Московского Сов. Раб. Депутатов и революционных организаций с призывом ко всеобщей забастовке.
7. Начало всеобщей политической забастовки с 12 час. дня.
   Разоружение полиции солдатами 1-го саперного батальона в г. Александрове.
   Общее городское собрание военных делегатов гарнизона г. Брянска.
8. Городской митинг рабочих и солдат в г. Александрове, Владимирской губ.
   Забастовка во 2-м железнодорожном батальоне в г. Красноярске.
10. Организация Об'единенного Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в г. Красноярске.
12. Волнения в 137-м Нежинском пех. полку в Москве.
13. Волнения в 12-й роте 280-го Богуславского пех. полка на ст. Ясиноватая.
15. Казачий с'езд в г. Благовещенске.
16. Похищение плана Кремлевских казарм по заданию военной организации РСДРП.
    Волнения во 2-м Урупском казачьем полку в Екатеринодаре и Новороссийске.
    Волнения в Кавказском кавалерийском запасном дивизионе в г. Армавире.
18. Волнения в 52-м пехотном Виленском полку в г. Феодосии.
20. Волнения в 1-м и 109-м челябинских военных госпиталях.
21. Волнения среди запасных в 78-й пех. дивизии.
22. Беспорядки на ст. Пенза при прохождении 20-го саперного батальона.
25. Волнения в Туркестанской понтонной роте в г. Ходженте.
26. Волнения в минной и саперной крепостных ротах в г. Усть-Двинске.
28. Волнения в артиллерийской и саперной крепостных ротах в Михайловской крепости, в г. Батуме.
    Осада войсками красноярского гарнизона железнодорожных мастерских.

1906 ГОД.

ЯНВАРЬ.

2. Волнения в войсках саратовского гарнизона.
10. Обстрел мирной манифестации во Владивостоке.

Число.

11. Восстание Инокентьевской батареи во Владивостоке, поддержанной Сибирскими флотскими экипажами и 32-м Восточно-Сибирским стрелковым полком.
13. Волнения в 15-м Кубанском пластунском батальоне на ст. Крымская, близ Екатеринодара.
22. Волнения в 17-м Кубанском пластунском батальоне в Новороссийске.
23. Ликвидация восстания в г. Чите.

АПРЕЛЬ.

22. Конференция военных делегатов в Москве, с участием представителей от Вильны, Петербурга, Двинска, Витебска, Варшавы, Севастополя и других пунктов.

МАЙ.

22. Волнения в 123-м Козловском пехотном полку в г. Курске.
28. Вооруженное выступление 33-го Елецкого пехотного полка в г. Полтаве.

ИЮНЬ.

1. Трехдневная забастовка в 3-м Финляндском полку в г. Або.
   Выступление Моршанского и Вильманстрандского полков в г. Вологде при похоронах политического ссыльного.
4. Организация подпольной военной группы из 20 человек в 1-м лейб-драгунском Московском полку в г. Твери.
6. Волнения в 1-м и 2-м батальонах севастопольской крепостной артиллерии.
   Митинг в гвардейском Преображенском полку в г. Петербурге.
7. Волнения в 138-м Болховском полку в лагерях под Казанью.
   Вооруженное выступление 138-го Болховского пехотного полка в г. Казани.
8. Митинг в 10-м Новоингерманландском пехотном полку в г. Туле.
9. Конспиративная сходка солдат 10-го Малороссийского гренадерского полка в Нижнем-Новгороде.
12. Волнения в 11-м и 12-м саперных батальонах в г. Одессе.
    Волнения в 214-м Мокшанском резервном пехотном полку в г. Златоусте.
14. Волнения в 215-м Бузулукском резервном пехотном полку в г. Самаре.
    Перестрелка с полицией восставшего 7-го кавалерийского запасного полка при усмирении крестьян села Поповки, Тамбовской губ.
17. Волнения в 9-м Ингерманландском пехотном полку в г. Калуге.
18. Митинг казаков в 32-м Донском казачьем полку в Нижнем-Новгороде.
    Выступление 1-й и 3-й гренадерских артиллерийских бригад в лагерях при селе Клементьеве, Московской губ.
19. Начало вооруженного выступления 7-го кавалерийского запасного полка в г. Тамбове.
    Открытый митинг солдат 1-й и 3-й гренадерских артиллерийских бригад.
20. Пред'явление солдатских требований о свободах в 7-м кавалерийском полку в г. Тамбове.
21. Волнения в 244-м Борисовском резервном пехотном батальоне в г. Самаре.
    Митинг в 7-м кавалерийском запасном полку в г. Тамбове.
23. Волнения в Борисовском резервном батальоне в г. Самаре.
    Арест военной организации в 239-м Окском батальоне в г. Нижнем-Новгороде.

Число.

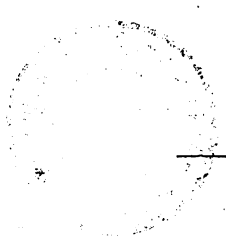
23. Солдатский митинг 6-й саперной бригады в лагерях при селе Любуцком, Калужской губ.
Начало судебного следствия о восстании в 7-м кавалерийском запасном полку в г. Тамбове.
26. Арест главных руководителей восстания в 7-м кавалерийском запасном полку.
27. Волнения в 229-м Коротоякском резервном пехотном полку в г. Воронеже.
Перестрелка восставших солдат 7-го кавалерийского запасного полка с карательным отрядом 52-го Нежинского драгунского и Борисоглебского пехотного полков.
28. Арест 40 активных участников вооруженного выступления 7-го кавалерийского запасного полка в г. Тамбове.

ИЮЛЬ.

2. Волнения в 214-м Мокшанском пехотном резервном полку в г. Екатеринбурге.
5. Волнения в 34-м Севском пехотном полку в г. Полтаве.
9. Волнения в 1-м батальоне Преображенского гвардейского полка в Петербурге.
Волнения во 2-й сотне 41-го Донского казачьего полка в г. Ростове-на-Дону.
10. Волнения в 215-м Бузулукском пехотном полку в лагерях близ Самары.
16. Волнения в минной роте в крепости Свеаборг.
18. Вооруженное выступление 306-го Ковровского и 238-го Клязьминского резервных батальонов в селе Лыскове, Нижегородской губ.
Начало восстания в крепости Свеаборг.
19. Выступление гарнизона кронштадтской крепости.
Восстание на крейсере «Память Азова».
20. Восстание в крепости Свеаборг и на Скауддене.
22. Волнения в 3-й Донской отдельной казачьей сотне в местечке Юзовке, Бахмутского уезда.
25. Митинг в деревне Лужках, Орловской губ., в 219-м Юхновском и 220-м Епифанском резервных полках.
26. Организация Московского Совета Всероссийского военного союза.
Волнения в 216-м Инсарском резервном пехотном полку в г. Пензе.

АВГУСТ.

24. Организация военно-революционной группы в 32-м казачьем полку в Нижнем-Новгороде.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.

Бр.— броненосец; бат. — батальон; в.-о. — вольноопределяющийся; в. кн. — великий князь; в.-адм. — вице-адмирал; гор. — город; г.-м. — генерал-майор; д. — деревня; еф. — ефрейтор; инж. — инженер; кр. — крейсер: кап. — капитан; каз. — казарма; к.-адм. — контр-адмирал; м. сол. — молодой солдат; м. — матрос; оф. — офицер; о-в — остров; пор. — поручик; пол. — полковник; пр. — прапорщик; р. — река; ряд. — рядовой; рез. — резервный; сол. — солдат; ур. — урядник; у.-о. — унтер-офицер; шт.-кап. — штабс-капитан.

Або, гор. 30.
Абосская группа (Финл. военн. орган.) 28.
«Абрек», кр. 64.
Абрамов, Вас., ряд. 102.
Аверьянов, Ив., ряд. 108, 112.
Авшаров, шт.-кап. 330.
Агеев, Алексей, ряд. 111.
Агеев, г.-м. 45, 49, 85, 86, 87.
Адлерберг, ген. 75, 76, 114.
Адмиралтейство зав. (в Петербурге) 17.
Адрианов, пол. 93, 95.
«Азия», судно 36.
Азовский полк 187.
Акмолинская обл. 239.
Ак-Тепе 332.
«Александр II»,кр. 52, 61, 69.
Александр Михайлович, в. кн., 36.
Александр III, 166, 309.
Александр-шанц 103, 105.
Александров, гор. 132, 133.
Александров, кап. 291.
Александров, пор., 101.
Александров, пол. 59, 106, 112, 224.
Александров, оф. 85.
Александров, Конст., м. сол. 111.
Александров, Павел, ряд. 62, 107, 111.
Александрова 242.
Александровск, гор. 241.
Александровская местная команда 273, 274, 275.
Александровская ул. (в Кронштадте) 9.
Александровский мех. завод 17.
Александровский о-в (в Свеаборге) 40, 44, 50, 71, 84, 85, 86, 87, 90, 94.
Александрополь 355.
Алексеев, пр., 201, 202.
Алексеев, Алексей, ряд. 91.
Алексеев, Мих., у.-о. 61.
Алексеев, Мих., ряд. 111.
Алеутская ул. (во Владивостоке) 370, 371, 372.
«Алмаз», судно 36.
Алтунали, каз. (Феодосия) 226.
Амакин, ряд. 87.
Амиранов, Вас., ряд. 111.
Аму-Дарья, р. 282.
Аму-Дарьинская флотилия 282, 296, 298, 324, 335.
Амур, р. 374.
«Амурец», мин. кр. 94.
Амурская обл. 358, 373.
Амурский залив 360.
«Амурский Край», газ. 367, 374.
Амурский казачий полк:
1-й 374
2-й 374
3-й 374.
Ананьин, кап. 101.
Анапский 252-й рез. пех. бат. 339, 340, 343, 344.
Андижан, гор. 280, 283.
Андижанский 4-й рез. бат. 304, 335, 336.
Андреев, кап. 105.
Андреев, пор. 108, 297.
Андреев, подпол. 99.
Андреев, оф. 315.
Андреев, Павел, у.-о. 111.
Андреевский, пол. 171.
Андрианов, пол. 85, 87.
Андрианов, подпор. 112.
Андронников, кн., инж. 269.
Аникин, в.-о. 269.
Анисимов, кап. 60, 104, 109, 110, 112.
Антонович, Вас., ряд. 112.
Антоненко, комендор 224.
Антонов, Фед., ряд. 111.
Антоновский, оф. 328.
Антупаев, шт.-кап. 110.
Ануфриев, Ив., оф. 111.
Анциферово, д. 110.
Апрелков, ряд. 273, 274.
Апшеронский 81-й пех. полк 351.
Арайс, студент 162.
Арапов, с.-д. 123.
«Арарат», кофейня, 225.
Арендт, шт.-кап. 329.
Ареновский, ряд. 196.
Армавир, гор. 347.
Армейский корпус:
7-й 219, 242.
10-й 190.
13-й 240, 248, 262.
20-й 163.
21-й 187.
Арнаутский бульвар (в Одессе) 196.
Артамонов, ген. 372.
Артемьев, ген. 171.
Артиллерийская бригада:
1-я 125.
2-я 191.
21-я 351.
23-я 187.
26-я 168, 178.
33-я 352, 353.
Артиллерийский о-в (в Свеаборге) 40, 44, 49, 71, 84, 85, 86, 87, 94.
Арцышевский, шт.-кап. 130, 131.
Астраханский каз. полк 131.
Астраханский 12-й грен. полк 129, 146, 153.
«Асхабад», газ. 281, 303, 314.
Асхабад, гор. 280, 281, 282, 283, 284, 295, 296, 297, 298, 300, 301, 302, 304, 305, 317, 331, 332, 333, 334.
Асхабадский артилл. склад 382.
Афганистан 282.
Ахульгинский бат. 349, 350.

Бажинов, кононир 189.
Баиловский мыс 352, 353.
Байкал, оз. 239.
Бакинская губ. 338.
Бакинский 153-й пех. полк 355.
Бакланов, Ив., ряд. 61.
Баку 338, 352.
Балаклавский 280-й пех. полк 196.
Балтийская ж д. 17.
Балтийский зав. 17.
Балтийский флот 6, 36, 37, 38, 42, 52, 65, 69, 91, 166.
Балтийский флот. экипаж:
1-й 166.
5-й 166.
6-й 166.
Балтийское море 11.
Баранов, оф. 85.
Баранов, пор. 182, 184, 186.
Баранов, Ив., ряд. 110.
Баранов, Пав., еф. 112.
Баранов, Сергей, рабочий 132, 133, 134.
Баранова Асафа, ф-ка 132, 133.
Барановичи, гор. 171, 244, 248, 251.
Барановский, сол. 272.
Барцхан, село 356.
Барышев, ряд. 217, 218.
Барышев, Максим, у.-о. 225.
Басин, сол. 32.
Баскаков, у.-о. 295.
Басов, лейт. 94, 95.
Батум 356.
Батумская обл. 356.
Бахмутский уезд 196.
Бачуров, у.-о. 31.
Беклемишев, к.-адм. 58.
Бекман, ген. 163, 165.
Белевский 71-й пех. полк 177.
Беленький, подрядчик 297.
Белицкий, ряд. 86.
Беломорский 13-й пех. полк 176.
Белоруссия 160.
Белостокский пех. полк 213, 217.
Белостокский уезд 160, 174.
Белоусов, ур. 269, 313
Белоусов, фельдш. 295.
Белугин, шт.-кап. 324.
Белявский, ген. 166.
Беляев, ген. 12, 14.
Беляев, подпор. 62.
Беляев, пор., 103, 106, 112.
Бендерский 132-й пех. полк 352.
Березань, о-в 224.
Березовский, ряд. 86.
«Беркут», судно, 64.
Берлин, гор. 193.
Берлинский, кап. 2-го ранга 113.
Берн 193.
Бессарабская губ. 193.
Билибин, Ив., мич. 87, 88.
«Биржевые Ведомости», газ. 24.
Бирилев, морск. мин. 36.
Бисеров, пор. 326, 328.
Благовещенск, гор. 260, 358, 359, 373, 374.
Блотницкий, подпол. 313.
Близнов 290.
Бобков, подпор. 336.
Бобров, старш. 331.
Бобруйск, гор. 171.
Бобруйский дисц. бат. 212.
Богатов, подпор. 103.
«Богатырь», кр. 50, 84, 86, 119, 361, 362.
Богданов, Алексей, ряд. 111.
Богданов, Дмитрий, ряд. 111.
Богданов, Пантел., ряд. 111.
Богодуховский 269-й пех. полк 181.
Богородский уезд 110.
Богоявленская ул. (в Кронштадте) 11, 81, 99, 100.
Бойцов, Алдр., еф. 111.
Боконин, прап. 188.
Большаков 71.
Большаков, Макс., баталер 94.
Больдер-Аа 164.
Бонч-Бруевич, В. 193, 194.
Борейша 293.
Борисоглебский, оф. 328.
Борисоглебский полк 143, 144.
Борк, шт.-кап. 45.
Боровиска цирк 363, 369.
Борценковский, прап. 182.
Босфор, пролив 360.
Бострем, кап. 1 р. 119.
Бочарная ул. (в Кронштадте) 11, 100.
Бранденбург, фон, кап. 100, 101.
Бредихин, машинист 201.
Брестские каз. (в Севастополе) 216.
Брестский 49-й пех. полк 195, 215, 216, 218, 219, 224.
Брест-Литовск 97.
Брест-Литовский уезд 160, 174.
Брунспарк (в Гельсингфорсе) 51.
Брянск 134.
«Буг», судно 223.
Будапешт 193.
Будберг, ген. 363.
Булавский, м. 9, 18.
Булат, ряд. 217, 218.
Булашевич, кап. 130.
Булов, пор. 108.
Бунд 161.
Бурак, фельдш. 117.
Бурыгин, взв. 91, 92.
Бут, кап. 327, 328.
Бутаков, лейт. 119.
Бухарест 207.
Буш, лейт. 117.
Быстров, прап. 104, 109, 112.
Быстряков, Петр., ряд. 111.
Вакулинчук, Гр., м. 199, 200, 202, 203.
Вальтер, пол. 353.
Вандово, д. 137.
Варпаховский, подпор. 329.
Варшава 123, 175, 177.
Варшавская губ. 174.
Варшавская ж. д. 17.
Варшавский воен. окр. 174, 177.
Варшавское ген.-губер-о 160.
Васелла, Мих., ряд. 61.
Васильев, ряд. 273.
Васильев, ротм. 217.
Васильев, Ив., еф. 111.
Васильев, Мих., ряд. 91.
Васильев, Никол., у.-о. 111.
Васильевы, братья 123.
Васильковский бул. (в Киеве) 186, 187.
Васильковское укрепление 183.
Васютин, ряд. 183.
Ведермейер, сигнальщик 201.
Великий океан 358.
Вена 193.
Венедиктова, Анна 76.
Вербицкий, подпол. 313.
Верещагин, ген. 342.
«Вестник Казармы», газ. 30, 32, 37.
«Вечерняя Почта», газ. 128.
«Веха», пароход 202, 204, 206, 207.
Викторов, ряд. 87.
Виленская губ. 160.
Виленский 52-й пех. полк 196, 226, 227.
Виленский военн. окр. 160, 163, 164, 174.
Вильманстранд, гор. 149, 150.
Вильмандстрандская группа (Финл. военн. орг.) 28.
Вильна 123, 161, 167.
Виноградов, ряд. 111.
Виноградов, В. К., фейерверкер 70, 84, 85.
Виноградов, Петр, ряд. 72, 111.
Виндавский 180-й полк 166.
Висла, река 177.
Витебск, гор. 123, 160, 161, 170.
Витте, министр 17.
Вишневецкий, адм. 203, 204.
Владивосток 36, 256, 358, 359, 361, 365.
«Владивостокский Листок», газ. 368, 369, 372.
Владивостокская крепостн. артиллерия 366.
Владивостокская крп. минная рота:
1-я 364, 365.
2-я 364, 365, 373.
Владикавказ 350.
Владимиров, м. 4.
Власов, канонир 76.
Власов, кап. 85.
«Воевода», кр. 64.
Военно-Грузинская дорога 350.
«Военный Голос», газ. 263.
«Военный Листок», газ. 195.
Войтинский, Вл. 1.
«Волга», баржа 335.
Волгин, прап. 110.
Волкенштейн, 368, 369.
Волкенштейн, Людмила 372.
Волков 12.
Воловик, ряд. 295.
Воловников, ряд. 321.
Вологда 149.
Вологодская конвойная команда 150.
Вологодский 155.
Волховской 138-й пех. полк 135.
Волынская губ. 180.
Волынский, пор. 108, 112.
Вольская, с.-д. 218.
Воробьев, Н. М., ряд. 70, 84, 85.
Воронеж 147, 148.
Воронежская губ. 155.

Воронежский дисцип. бат. 148.
Вороницин, студент 225.
Воронов, фельдф. 205.
Воронцов, ряд. 91.
Воронцов-Дашков, ген. 345, 351, 357.
Воскресенский базар (в Ташкенте) 289.
Восточная Сибирь 307.
«Восточное Обозрение», газ. 238, 268.
Восточно-Сибирская минная рота 364.
Восточно-Сибирская стрелковая дивизия:
3-я 372, 373.
5-я 261.
8-я 368, 373.
9-я 373.
10-я 368, 369.

Восточно-Сибирский 32-й пех. полк 370, 371, 373.
Востриков, М., м. 73.
Врочинский, кап. 59, 106, 112.
Выборг 38, 48, 64, 170.
Выборгская группа (Финл. военн. орган.) 28.
Выборгский камень 90.
Выборгский полк 30.
«Выстрел», пароход 46, 50, 85.
Всероссийский военный союз 124, 125, 126, 153.
Всехсвятское, село 125.
Вторая, речка 361.
Вяземский полк 163.
Вятский 102-й пех. полк 169.

Галкина ул. (в Кронштадте) 11.
Ганенфельдт, полк. 113.
Гвардейская бригада:
1-я 53, 54.

Гвардейская дивизия:
1-я 33, 54.
2-я 33.
3-я 177.

Гелис, Иосиф 214, 216, 218, 222, 224.
Гельсингфорс 34, 40, 41, 44, 46, 48, 49, 50, 55, 63, 78.
Гельсингфорсская группа (Финл. военн. орган.) 28, 97, 98.
Гельцер, сестры 162.
Геоктепинский 6-й рез. бат. 295, 320.
«Георгий Победоносец», бр. 197, 203, 204, 205, 206.
Герард, финл. ген.-губ. 72.
Герасимов, пол. 54, 69.
Герасимов, фельдф. 85.
Герасимов, Никон, у.-о. 108.
Герасимов, П. Г., фейерверкер 70, 84.
Герасимов, Тихон, у.-о. 72, 111.
Герат, гор. 282.
Герцик, пол. 226.
Гиляровский, оф. 199.
Гиппенрейтер, шт.-кап. 186.
Гирин, Ив., у.-о. 111.
Гирс 2-й, оф. 119.
Гладков, машинист 224.
Гладко, подпол. 183, 184, 186.
Глебко, Т., м. 73, 117.
Глидун, ряд. 210.
Глуховский 16-й драгун. полк 176, 177.
Глушановский, кап. 72, 86.
Глушков, подпол. 85.
Гнилой Угол (во Владивостоке) 360.
Голеевский, подпол. 105.
Голенко, д-р 201.
Голиев, пор. 320.
Голиков, кап. 198, 199.
Голионко, Б. 362.
Голованов, Ф., м. 73.
Головачев, пол. 113.
Голосеевский лес 183.
«Голос Курска», газ. 189.
«Голос Правды», газ. 31.
«Голос Солдата», газ. 182.
Голянд, Ф. В. 123.
Гончаренко, Дм., кочегар 94.
Гончаров, Мих., ряд. 111.
Горбунов, пол. 323.
Гордон, ряд. 269.
Горная батарея:
5-я 295.
18-я 350.

Горско-Моздокский полк:
1-й 354.
2-й 345, 346.

Горчаков, Гав., ряд. 111.
Горячеводская станица 350.
Господская ул. (в Кронштадте) 11.
Госпитальный, о-в (в Свеаборге) 40.
Государственная Дума 1, 20, 29, 31, 34, 35, 37, 38, 55, 64, 73, 74, 75, 78, 82, 83, 84, 99, 132, 148, 191, 225, 227, 300, 317, 342, 344, 346, 373.
Грамматин, ген. 349, 350.
Гренадерская артилл. бригада:
1-я 136, 137.
3-я 136, 137.

Гренадерская дивизия:
1-я 128, 129.
2-я 146.
3-я 153.

Гренадерский лейб-гвардейский полк 33, 54.
Грибаренко, вахмистр 142
Григорьев, пор. 199.
Григорьев, подпол. 112.
Григорьев, пол. 108, 321.
Григорьев, Яков, ряд. 108, 111.
«Гридень», кр. 222.
Гринев, шт.-кап. 326, 328, 329.
Гришечко-Климов, пор. 326, 328, 329.
Гродеков, ген. 238, 373.
Гродна 168, 178.
Гродненская губ. 160, 174.
«Громобой», кр. 36, 52, 361, 362.
Громов, оф. 85.
Грохары, маяк 50.
Грошев, вахмистр 142.
Гулин, пол. 61, 62, 106.
Гусаров, врач 74.

Давыдов, кондуктор, 64.
Давыдов, пол. 210, 211.
Дальний Восток 180, 188, 227, 238, 239, 240, 261, 358, 359.
«Дальний Восток», газ. 368, 371.
Дальский, актер 288.
Данилов, ген.-ад. 54.
Данилов, оф. 85.
Данилов, Алексей, ряд. 111.
«Двенадцать Апостолов», бр. 203, 204.
Двинск, гор. 123, 161, 169.
Двинский полк 52, 107.
Дегерэ, о-в (в Свеаборге) 40, 50, 90, 92.
Демиденко, ряд. 196.
Демиевка (Киев) 186.
Денисенко, машинист 201.
Дербентский 154-й пех. полк 354.
Детинич, Т. Я., нестр. 70, 84, 85.
Джунковский, губернат. 137.
Дидебулидзе, пол. 348.
Димитриев, Фед., ряд. 111.
«Димитрий», с.-р. 57.
Диомид, бухта 364.
Дмитриев, фейерверкер 92.
Дмоховский, подпор. 105.
Дмоховский, пор. 111, 333.
Днепр, река 211.
Добровольский, кап. 2 р. 61.
Доброхотов, оф. 328.
Договорный о-в (в Свеаборге) 40, 50.
Долгов, пор. 182.
Долженков, Павел, еф. 111.
Домусчи, пор. 272.
Дорошенков, Трофим, у.-о. 72, 108, 112.
Донская отдел. каз. сотня 3-я 196.
Донской казачий полк:
1-й 149.
16-й 191.
22-й 196.
32-й 146, 147.
41-й 196.

Драгомиров, ген. 180.
Драгунский лейб-гвардейский полк 107.
Дракке, ген. 187.
Дубасов, моск. ген.-губ. 127.
Дубовский Ив., ряд. 111.
Дударов, пор. 347.
Дукмасов, ген. 344.
Думбадзе, пол. 216, 219, 224.
Дунайский 273-й пех. полк 196.
Дурнов, Алдр, у.-о. 112.
Дурново 122.
Дуров, подпор. 103.
Дымченко, фельдфеб. 201.
Дюргорден, парк (в Гельсингфорсе) 48.

Евменов, еф. 106.
Егерский полк 22.
Еглевский, ген. 354.
Егоров, м. 56, 58.
Егоров, Вас., ряд. 110, 111.
Егоров, Георгий, еф. 111.
Егоров Матвей, нестр. 111.

Егунов, кап. 103.
«Екатерина II», бр. 194, 197, 198.
Екатерининская ул. (в Кронштадте) 11, 99, 100.
Екатерининская Бол. ул. (в Кронштадте) 101.
Екатерининская Мал. у. (в Кронштадте) 101.
Екатерининская ул. (в Севастополе) 213.
Екатерининский парк (в Кронштадте) 101.
Екатериноградская станица 347.
Екатериноградский дисц. бат. 348.
Екатеринодар, гор. 343, 344, 345, 346.
Екатеринославская губ. 193.
Елецкий 33-й пех. полк 181, 190, 191, 192.
Елизаров 71.
Елисаветполь, гор. 353.
Елисаветпольская губ. 338.
Емельянов, А. П., подпор. 45, 46, 49, 51, 70, 84, 85.
Енисейская губ. 239, 242, 309, 313.
Енисейский 94-й пех. полк 52, 56, 57, 59, 67, 68, 69, 98, 105, 117, 277.
Епифанский 220-й пех. рез. полк 154.
Ермишев, ряд. 211.
Ермохин 71.
Ефимов, Дм., еф. 111.
Ефимов, Петр, фейерверкер 109.
Ефремов, у.-о. 106.
Жаворонков, пор. 366.
Жадановский, подпор. 182, 184, 186, 187, 188.
Жаков, подпор. 65.
Железнодорожный батальон:
2-й 242, 243, 244, 245, 249, 251, 252.
3-й 262.
Железнодорожная бригада 171.
Железнодорожный резервн. бат. 3-й 261.
Жемчужников, еф. 196.
Женева, гор. 193.
Живцин, сол. 272.
Жилин, жанд. пол. 48.
Жиляй, ген. 342.
Жилянская ул. (в Киеве) 187.
Жуков, пол. 141.

«Забайкалье», газ. 238, 256, 258, 259, 260, 261.
Забайкальская ж. д. 242, 262, 266.
Забайкальская обл. 239, 240, 252, 253, 255, 256, 306.
Забайкальская 1-я каз. батарея 372.
«Забайкальская Рабочая Газета» 258.
Забайкальское казач. войско 252, 306, 374.
Завацкий, у.-о. 184, 187.
«Заветный», контр-миноносец 195, 222.
Заволошин, техник 201.
Загорянский-Кисель, к.-адм. 232.
Зайцев, м. 101.
Зайцев, оф. 85.
Закавказье 338, 352, 354, 356.
Закаспийская обл. 281.
Закаспийская 1-я отд. казачья бригада 282, 301.
Закаспийский жел.-дор. батальон:
1-й 282, 283, 293, 295, 296, 300, 301, 302, 303, 314, 315, 316, 317, 321, 324, 325, 326, 327, 328, 331, 333, 336.
2-й 282, 283, 287, 293, 294, 296, 302, 314, 324, 325, 326, 327, 328, 330, 334, 335.
Закаспийский саперн. батальон 282, 285, 302, 334, 335.
Закаспийский стрелк. батальон:
1-й 295, 301.
2-й 300, 301, 302, 331, 332, 333.
3-й 302, 331, 332, 333.
4-й 295.
7-й 329.
8-й 298.
Залогина ф-ка 135.
Занько, фельдфеб. 330.
Запасный батальон:
1-й 265, 266, 270.
2-й 265, 266, 270.
49-й 217, 224.
Запасная бригада 1-я 266.
Заркевич, подпор. 60, 104, 105, 109, 112.
Зарницкий, в.-о. 196.
«Зауралье», газ. 253, 254, 258.
Зборовский, мичман 63.
Зендриков, С., м. 73.
Зимин 224.
«Знамя», газ. 125.
Золотарев, пол. 365.
Золотарев, прап. 265, 269, 272.
Золотарев, ряд. 210, 211.
Золотаревский, пол. 346, 347.
Золотой Рог, бухта (у Владивостока) 360.
Зонн, подпол. 94.
«Зорька», газ. 31.
Зубарев, ряд. 86.
Зубков, пор. 182, 184, 186.
Зурабов, прап. 286, 294.
Зусман, в.-о. 196.
Зырянская, станция 239.
Зюбелевич («Даша») 55, 61.

Иванов, подпор. 88.
Иванов, пор. 7
Иванов, шт.-кап. 103, 109, 110.
Иванов, Алексей, у.-о. 90, 91, 92.
Иванов, Алексей, нестр. 111.
Иванов, Ив., ряд. 108.
Иванов, К. И. 72, 73, 110.
Иванов, Конст., ряд. 110.
Иванов, М. И., фейерверкер 70, 84.
Иванов, Макс 85, 92.
Иванов, Михаил, у.-о. 111.
Иванов, Мих., ряд. 111.
Иванов, Петр, у.-о. 111.
Иессен, адм. 361.
Изборский полк 163.
Измаильский 205-й пех. полк 196, 219.
Иконников, оф. 315.
Ильин, кап. 88, 90, 91, 92.
Ильинский, пор. 272.
Ильичев, Степан, у.-о. 111.
Иман, село 374.
Ингерманландский 9-й пех. полк 137.
Ингульский 227-й полк 195, 226.
Инженерный о-в (в Свеаборге) 45, 49.
Иннокентьевская батарея 360, 370, 371, 373.
Иоанн Кронштадтский 10.
Иолотань 326.
Иохалясов, шт.-кап. 325, 328.
Ипатов, сол. 75, 76.
Иркутск 236, 238, 239, 242, 243, 262, 263, 264, 266, 268, 270, 272, 273, 275, 276.
Иркутская губ. 239, 309, 313.
Иркутск. конвойная команда 270.
Иркутский военн. округ 361.
Иркутский казачий дивизион 262, 269, 313.
Иркутский Комитет РСДРП 263, 266.
Иркутский Объединенн. Комитет 263.
Иркутский Сибирский пех. полк 119, 270, 271, 272, 277.
Исаков, подпор. 87.
«Искра», газ. 195, 318.
Исторический бул. (в Севастополе) 217, 223.
Истпарт Ср.-Аз. бюро ЦК ВКП (б) 320.
Истпарт ЦК ВКП (б) 320.
Итальянский пруд 112.

Каахка, станция 298.
Кабанов, Егор, еф. 111.
Кавалерийский запасный 7-й полк 138, 139, 141, 143, 151.
Кавказ 97, 338, 356.
«Кавказ», газ. 345.
Кавказская запасн. 2-я бригада 141.
Кавказская казачья 2-я дивизия 354.
Кавказская резервн. артилл. бригада 345, 346, 349.
Кавказская, станица 339.
Кавказский военн. округ 285, 338.
Кавказский казачий 2-й полк 345.
Кавказский корпус:
1-й 354.
2-й 342, 350.
Кавказский саперн. бат.
1-й 354.
2-й 354.
Казаков, Вениамин, ряд. 61.
Казанджик, станция 293, 326.
Казанский военн. окр. 239.

Казанцев, ряд. 90.
Казаринов, Николай, у.-о. 105, 111.
«Казарма», газ. 18, 30, 116, 118, 182, 195, 308.
Казарский», мин. кр. 203, 204.
Казбек, ген. 361, 363, 365, 367.
Калакин, Сергей, ряд. 111.
Калинин 134.
Калишская губ. 174.
Калуга 137.
Калужская губ. 145, 155.
Кальске, с.-д. 164.
Камчатка 358.
Камчатский пех. полк 182.
Канторович, с.-д. 218, 225.
Карагодов, Ив., м. 73.
Карасев, у.-о. 210, 211.
Карпов, кап. 94, 95.
Караулов 250.
Карс, гор. 354.
Карягин, Ив., ряд. 112.
Каспийский пех. полк 35.
Каспийский флотск. экипаж 352, 353.
Каспийское море 279, 282.
Кассимов 224.
Кастро, залив 362.
Каульбарс, ген. 203, 227.
Каширский полк 266.
Кашкаров, подпол. 313.
Келецкая губ. 174.
Кемпе, Ив., у.-о. 111.
Керки, гор. 333.
Керчь, гор. 227.
Киев, гор. 180, 181, 182.
Киев 2-й, станция 186.
Киевская губ. 180.
Киевская ул. (в Воронеже) 148.
«Киевск. Новости», газ. 183.
Киевский военн. окр. 180, 191, 352.
Киевский Комитет РСДРП 182.
Киевский полк 125.
Кизил-Арват 280, 293, 325.
Кийска, Алдр., ряд. 112.
Кирилл 194, 197, 201, 202, 204, 205, 207, 208.
Киргизская автон. республика 279.
Киршенштейн, Якуб, ряд. 225.
Киселев, Фед., у.-о. 111.
Кисловодск 349.
Кисловский переулок (в Москве) 123.
Клауз, ген. 177.
Клейгельс, ген. 180.
Клементьево, село 136.
Кленский, М., у.-о. 273, 274.
Клименко, Ив., м. 88.
Климов, Фед., ряд. 91.
Ключевой, о-в (в Свеаборге) 40.
Клязьминский 238-й рез. бат. 151.
Княжеская ул. (в Кронштадте) 101.
Кобелев 273.
Кобызев, Фед., ряд. 111.
Коваленко, механик 201.
Коваленко, у.-о. 210, 211.
Ковальчук, Фед., м. 73.
Ковенская губ. 160.
«Ковенский Телеграф», газ. 361.
Ковровский 306-й рез. батал. 151.
Козин, Дм., ряд. 111.
Козин, Степан, ряд. 111.
Козлов 138.
Козлов, пол. 80.
Козлов, Н., лазар. служитель 86.
Козловский 123 й пех. полк 126, 181, 188, 189, 190, 192.
Козье Болото (в Кронштадте) 103.
Кожин, у.-о. 88.
Кожин, Алексей, ряд. 88.
Коканд, гор. 280, 282.
Кок, кап. 47, 72.
Колинкович, прап. 182.
Коллин, шкипер 91.
Колосов 250.
Колосов, ген. 224.
Колпино 32.
Кольцов, Фед., ряд. 111.
Комарницкий 117, 118.
Комарницкий, Н., м. 73.
Комаров, Дм., ряд. 111.
Комаров, Ив. ряд. 111.
Комендантский о-в (в Свеаборге) 40, 45, 46, 49, 50, 84, 85, 86, 87.
Конаков, П. П. 72, 73, 110.
Конаков 111.
Кондаков, подпор. 101.
Кондратьев, оф. 328.
Конно-горный артилл. дивизион 2-й 181, 189.
Конно-Гренадерский полк 33.
Коновалов, Степ., ряд. 111.
«Константин», батарея 103.
«Константин», форт 7, 56, 60, 61, 62, 69, 72, 73, 81, 103, 104, 105, 107, 108, 109, 110, 111, 112.
Константинов, Кирилл, ряд. 111.
Константиновская дамба 106.
Константиновское 346.
Константца, гор. 206, 207.
Конорский 4-й пех. полк 146.
Коптюх, А., с.-р. 63, 64, 119.
Копылов, И. А. 86.
Коренев, кап. 104.
Коренев, шт.-кап. 60, 109, 112.
Корецкий, мастеровой 320.
Корнейчук, Як, кононир 109.
Коровин, фельдф. 183.
Королев, лекарь 206, 207.
Корольков, Вас., свящ. 62.
Коротков, Фед., еф. 111.
Короточкин, Р., м. 73.
Коротоякский 229-й пех. полк 148.
Коса (в Кронштадте) 61, 62. 101, 102, 105, 106, 107.
Коссаговский, ген. 300, 301.
Кострома 122.
Костромин, оф. 328.
Котельнический 231-й резервный батал. 195.
Котлин, о-в 14.
«Котлин», газ. 16, 18.
Котляр, пол. 82.
Котрохов, старшина 343, 344.
Коханов, ген. 202, 203.
Коханский, Е. Л., подпор. 45, 50, 70, 84, 85.
Кочергин, прап. 186, 188.
Кравченко, Фед., ряд. 112.
Кравченко, Як., ряд. 290.
Краинский, пор. 328.
Краковское предместье ул. (в Варшаве) 175.
«Красавец», с.-р. 57.
«Красная Летопись», журнал 70, 75, 76, 164.
Красная ул. (в Кронштадте) 59.
Красненков, И., м. 73.
Красноводск 280, 283, 293, 302, 303, 304, 305.
Красноводск. резервн. батал. 303, 336.
Краснодар, гор. 339.
Красное Село 32, 33.
Краснопевцев, Алдр., ряд. 111.
Краснописцов, пор. 108, 112.
Красносельские драгуны 9.
Красноярск 236, 239, 241, 242, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 275, 276, 278.
Красноярский Комитет РСДРП 242, 243, 250.
«Красноярский Рабочий», газ. 247.
Красноярский Сибирский 7-й пех. полк 248, 277.
Красноярский Совет Рабоч. и Солд. Деп. 247, 249, 250, 251, 275, 278.
Красовский, кап. 335.
Крашенинников, П., машинист 73.
Кремлевские казармы (в Москве) 145.
Кречмар, ряд. 91.
Кржижевский 294.
Кригер, адм. 204, 205.
Криницкий, кап. 2-го ранга 99.
«Кровавое воскресенье» 162.
Кромский 217-й пех. рез. полк 143.
Кронштадт 4, 5, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 24, 25, 26, 29, 32, 34, 36, 37, 38, 41, 42, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 61, 62, 63, 65, 66, 68, 69, 74, 75, 76, 78, 91, 105, 107, 112, 113, 115, 117, 118, 166, 169.
Кронштадтская военн. орг. 28, 35, 41, 75, 76, 114, 116.
Кронштадтская крепостная артиллерия 60, 81, 109.
Кронштадтская крепостная минная рота 59, 60, 105, 107, 112.
Кронштадтский военно.-рев. Комитет 74, 75.
Кронштадтский крепостной пех. батальон:
1-й 9, 59, 61, 62, 66, 75, 102, 106, 107, 110.
2-й 7, 11, 59, 60, 62, 66, 80, 103, 107, 110.
Кронштадтский крепостной полк 52.
Кронштадтский саперн. батальон 105, 107.
Кронштадтское шоссе 103, 106.

Кронштадтские ворота 106.
Крымская, станция 357.
Крымский конный полк 219.
Крюков, Вас., фельдш. 111.
Крюков мост (в Петербурге) 25.
Кубанская обл. 338, 344, 356.
Кубанская казач. батарея.
1-я 339.
4-я 301, 334.
Кубанская конно-артилл. батарея 345.
Кубанский комитет РСДРП 330, 342.
Кубанское казачье войско 345, 353.
Кудрявцев, Гр., фельдфеб. 109.
Кудымовский 224.
Кузин 71.
Кузнецов, закройщик 142.
Кузнецов, пол. 374.
Кузнецов, А., м. 73.
Кузьмин, боцман 205.
Кузьмин, прап. 244, 245, 246, 247, 249, 250, 251.
Кузьмин, шт.-кап. 72, 86.
Кузьминых 274.
Кукарцев, А., м. 73.
Куклинов, Фед., ряд. 111.
Кукушкин, Григорий, ряд. 111.
Кулик, м. 201.
Кульбаков, Ефим, м. 71, 94.
Кунгурцев, ряд. 313.
Курашев, Вас., ряд. 112.
Куренев, в.-о. 269.
Курилов, комендор 201.
Куринский 79-й пех. полк 352.
Курлов, ген. 175, 176.
Курляндская губ. 160, 167.
Курск 181, 188, 189.
Курская губ. 180.
«Курская Жизнь», газ. 189.
Курский Комитет РСДРП 190.
Курский 125-й пех. полк 186.
Кутаисская губ. 338.
Кутайсов, граф 262.
Кутлаев, пол. 345.
Кутузов, кап. 142.
Кучеренко, ряд. 183, 184.
Кушка, крепость 282, 296, 297, 298, 314, 315, 328, 329.
Кушкинская полевая жел.-дор. рота 282, 301, 326, 331, 332.
Кушкинский резерв. бат. 298.
Кушкинская телеграфная рота 326.
Лавров, оф. 85.
Лагерный, о-в (в Свеаборге) 40, 42, 43, 44, 46, 47, 49, 50, 71, 84, 85, 86, 87, 90, 91, 92, 94.
Лаговари, ген. 209.
Лагодехи, селение 355.
Ладожский 16-й пех. полк 124, 176.
Лазаренко, слесарь 297.
Лайминг, ген. 43, 44, 89, 92.
Ламбург, Сергей, нестр. 111.
«Ланжерон», кофейня, 225.
Ланковский 361, 369, 370.
Лаптинен, бывш. фельдф. 48.
Ласточкин, ген. 266, 267, 269, 270.
Лебедев, Ив., кононир 109.
Лебединский 201-й пех. полк 181.
Левашева 123.
Левенцов, оф. 199.
Левицкий, пол. 355.
Лейб-гвардии артилл. бригада 1-я 60, 103, 113.
Ленин 24.
Леонтьева завод 17.
Лесснер, завод 17.
«Летучий», миноносец 64.
Либава, гор. 36, 38, 116, 166, 167.
Либавский 6-й пех. полк 170.
Ливрон, де-, мичман 48, 95.
Лилеев, пор. 366.
Линевич, ген. 238, 242, 263, 372, 373.
Лисий Нос 35.
Лисиненко, фельдш. ученик 295.
Лисицкий, Е., м. 73.
Литва 160, 167.
Литке, станция 59, 103, 106, 108, 110, 111.
Литке, форт 112, 114.
Литовский полк 175, 219.
Лифляндская губ. 160, 162, 167.
Лобановский, пол. 69, 103.
Лободин, м. 64.
Лович, гор. 175.
Лодзь 175.
Лозанна 193.
Лозинский, кап. 1-го ранга р. 63, 64.
Ломжа 176.
Ломжинская губ. 160, 174.
Лондон 193.
Лорийский 264-й рез. пех. полк 355.
Лосев, кап. 100.
Лосиный остров 125.
Лубенцов, пол. 374.
Лужки, д. 154.
Лукьянов 224.
Лучинский, пол. 340.
Лысково, село 151, 152.
Лытиков, ряд. 43, 89.
Люблин 175.
Люблинская губ. 174.
Любуцкий лагерь 137.
Любуцкое, село 145, 146.
Лящук, Е., м. 73.
Мазуров, оф. 63.
Майкопский отдел 353.
Майкопский 249-й резервн. пех. бат. 343, 345, 346.
Май-Маевский, ген. 373.
Макаев, кн., пол. 350.
Макаров 250.
Макаров, лейтенант 198.
Макаров, мин. вн. дел 35.
Максаков 235.
Максимов, гор. голова 213, 221.
Максимов, Григ., ряд. 111.
Максимов, Евг., ряд. 110, 111.
Малахов, ген. 127, 129.
Малахов курган 194.
Малетенков, Федор, оф. 111.
Малоземов, инж. 74.
Малороссийский 10-й гренад. полк 136, 147.
Малороссийский 116-й пех. полк 165, 166.
Мальман, пол. 113.
Мальцев, оф. 59.
Мамаева 76.
Мандельберг, с.-д. 269.
Манчжурия 2, 144, 208, 242, 243, 252, 253, 263, 266, 277, 278, 359.
Мариинско - Благовещенская ул. (в Киеве) 187, 188.
Мария Федоровна, ц-ца 221.
Марсельский полк 288.
Мартенс, доктор 79.
Мартов, 17.
Марухевич, подпол. 60, 103, 105.
Марченков, Семен, ряд. 112.
Маслов 17.
Маторин, Сергей, у.-о. 112.
Матюшенко, м. 199, 201, 205, 208.
Матюшенко, пол. 182.
Махотин 273.
Мациевский, ген.-лейт. 322, 323, 327.
Машина, З. М. 123.
Медведев, ряд. 89.
Медведь, село (Новг. губ.) 34.
Мей, в.-о. 184, 185.
Мейер 293.
Меллер-Закомельский, ген. 219, 242.
Мельников, Алдр., с.-д. 246.
Мерв, гор. 280, 282, 296, 298, 325, 326, 329.
Мещерский, подпор. 103.
Миллионная ул. (в Киеве) 185.
Миловидов, в..о. 128.
Мин, ген. 132.
Минаев, сотник 196.
Минин, подпол. 94.
Миних, фон-, подпол. 81.
Минеральные Воды, станция 349.
«Минер», пароход 60, 61, 109, 110, 111.
Миноносец:
№ 265—195, 222.
№ 267—208, 209.
№ 268—195, 222.
№ 270—195, 222, 223.
Минск 102, 161, 170.
Минская губ. 160
Минтусов, ряд. 106.
Миргородский, кап. 210, 211.
Миргородский 168-й пех. полк 187.
Миткевич-Жолток, пол. 347.
Митряковский, пор. 366.
Михайличенко, у.-о. 196.
Михайлов, Вас., ряд. 111.
Михайлов, Георгий, у.-о. 43, 44, 88, 92, 93.
Михайлов, Ив., ряд. 111.
Михайлов, Семен, ряд. 111.
Михайлов, Федор, ряд. 111.
Михайлович, в.-о. 196.
Михайловская, батарея 226.
Михайловская, крепость (в Батуме) 356.
Михайловская ул. (в Кронштадте) 13, 75, 102.

Михайловский, о-в (в Свеаборге) 40, 44, 45, 46, 49, 50, 51, 71, 84, 85, 86, 87, 90, 91, 94.
Михалевич, с.-р. 269.
Михеев, Егор, минер 94.
Михин 293.
Михневич, подпор. 88.
Михневич, пор. 90, 91.
Михолапов, пор. 189.
Мицкевичу памятник 175.
Мишенков, Семен, нестр. 111.
Мишенев, ряд. 108, 112.
Мишин, ген. 182.
Мищенко, ген. 196, 372, 373.
Модль, ген. 372.
Мозжевелов, Петр, фельдшер 94.
Можайский 141-й пех. полк 240, 262.
Моисеенко, Архип, боцманмат 94.
Молодцов, Петр, ряд. 111.
Мокюшко, лесной ревизор 246.
Монахов, сол. 168, 169.
Морозов 293.
Морозов, десятник 297.
Морозов, оф. 85.
Морозова ф-ка 131.
Морозовка, д. 227.
Морская 1-я, ул. (во Владивостоке) 370.
Морские казармы (в Кронштадте) 100.
Морской собор (в Кронштадте) 101.
Моршанский уезд 151.
Моршанский полк 149, 150.
Москаев, И., м. 73.
Москва 68, 82, 122, 123, 124, 127, 129, 131, 138, 144, 149, 154, 155, 156, 157, 166, 242, 281, 350.
Московская военн. орг. 123.
Московская губ. 110, 155.
Московская 1-я инженерная дистанция 144.
Московская ул. (в Киеве) 182, 184, 185.
Московский военн. округ 127, 129, 130, 132, 134, 137, 146, 155, 156, 157.
Московский Комитет РСДРП 123, 124.
Московский Совет Раб. Деп. 121.
Московский лейб.-гвард. полк 54, 113.
Московский 1-й лейб-драгунский полк 135.
Московский гренад. полк 131.
Московско - Виндаво - Рыбинская ж. д. 17.
Московское Окружное инженерное управление 144.
Московско - Ярославско - Архангельская Ж. д. 125, 150.
Муравьев 71.
Муравьева - Амурского полуо-в 358, 359, 372.
Муратов, И. И., прап. 269.
Муромов, Андрей, нелегал. 76.
Муромский 21-й пех. полк 176.
Мышлаевский, ген. 163.
Нагасаки, гор. 242, 361.
Надаров, ген. 258, 259.
Назаров 71.
Назаров, баталер 94.
Назаров, кондуктор 87.
Наличная, ул. (в Кронштадте) 99, 100.
Наполеона кодекс 160.
«Народный Листок», газ. 150.
Насал 71.
Натара, пол. 85, 87.
«Начало», газ. 162, 168, 169, 263, 314, 342, 366.
«Наша Жизнь», газ. 178.
Неаполь 358.
Негру, майор 208.
Нежинский 52-й драгунск. полк 138, 143.
Нежинский 137-й пех. полк 144.
Нелидов, шт.-кап. 2.
Немилов, пол. 184, 186.
Немчинов, приказный 313.
Неплюев, ген. 216, 217.
Неплюев, шт.-кап. 265.
Неронов, подпол. 42, 43, 71, 88, 89, 92.
Нерчинский 1-й казачий полк 374.
Несвижский полк 124, 131.
Нестеренков, Як., ряд. 102.
Неупокоев, оф. 199.
Нефедов, Илья, ряд. 111.
Нефедов, Степан, ряд. 111.
Нечаев, пол. 141.
Нечаев, Дм., ряд. 290.
Нижегородская военн. организация 154.
Нижегородская губ. 151, 155.
Нижегородский Штаб, лагерь 176.
Нижний-Новгород 136, 146, 153.
Низовский 24-й пех. полк 176, 177.
«Ника», катер 223.
Никитин, оф. 85.
Никитин, Антип, ряд. 111.
Никитин, Д., м. 73.
Никитин, кочегар 201.
Никифоров, кап. 85.
Николаев, гор. 195, 207, 226, 229.
Николаев, оф. 86.
Николаев, Яков, еф. 111, 112.
Николаевская жел. дор. 17.
Николаевский морск. госпиталь 102.
Николаевский, о-в (в Свеаборге) 40, 51.
Николаевский проспект (в Кронштадте) 13, 101, 102.
Николаевский 90.
Николай Николаевич, в. к. 14, 15.
Николай I 345.
Николай II 54, 192, 357, 363.
Николайчук 71.
Никольские ворота (в Киеве) 182.
Никольские казармы 182,183, 185.
Никольск-Уссурийский, гор. 375.
Никонов, в.-адм. 6, 7, 11, 12, 13, 15, 18.
«Новая Жизнь», газ. 6, 10, 13, 14, 22, 24.
Новгород 34.
Новиков, пор. 90, 91.
Новиков, подпор. 88.
Новицкий, шт.-кап. 365.
Ново-Александрия, гор. 177.
Новое Адмиралтейство, завод 30.
Новожилов, П., м. 73.
Новоингерманландский 10-й пех. полк 148.
Ново-Киевская минная рота 364.
Новороссийск 339, 342, 344, 345, 356, 357.
Новосильцевская площадь (в Севастополе) 217.
Новочеркасский полк 119.
Новый Маргелан, гор. 280, 303, 304, 330.
Новый Петергоф 32.
Ноздрин, ряд. 89.
Нельто, кап. 102.
Норов, ряд. 87.
Нотара, пол. 45.

Образцов, военн. врач 265.
«Обручев», бат. 103, 109.
Обь, станция 244.
Одесса 82, 169, 193, 195, 196, 198, 199, 201, 203, 205, 206, 220, 227, 343.
Одесский военн. округ 193, 196, 206, 228, 285.
Одесский морской бат. 196.
Одесский пех. полк 182.
Одинцов, ген. 340, 357.
Огурцов, кондуктор 64.
Озеров, Михаил, ряд. 61.
Озеров, г.-м. 33.
Окский 239-й рез. батальон 153, 154.
Октябрьская революция 281.
Олонецкий 14-й пех. полк 176.
Ольшанский, Н. 48, 70, 75, 76.
Омск 238, 239, 240, 242, 243, 277.
Омский Сибирский 8-й пех. полк 248, 249, 250, 277.
Онипко, чл. Гос. Думы 73, 75, 99.
Опасный, о-в (в Свеаборге) 40.
Ораниенбаум 14, 32, 33, 54.
Орел, гор. 154.
Оренбургская 2-я каз. батарея 231.
Оренбургский 5-й казач. полк 302.
Орешко, шт.-кап. 88.
Орлов, артиллерист 105, 109.
Орлов, Мих., ряд. 112.
Орловская губ. 155.
Осберг, А. А., пор. 265, 269, 270, 271, 272.
Осипов, Мих., ряд. 111.
Осовец, гор. 175.
Остзейский край 160.
Остров, гор. 177.
Островский, шт.-кап. 325.
Остроленка 176, 177.
Отдельная кавал. бригада 1-я 163.
«Отрада», дача 196.
Очаков, гор. 207.
«Очаков», кр. 195, 219, 220, 221, 222, 223, 224.
«Павел», форт 8.

Павлов, г.-м. 62, 106.
Павлов, Дм., ряд. 111.
Павловская каз. (в Кронштадте) 14.
Павловская ул. (в Кронштадте) 8, 9, 10, 13, 81.
Павловский полк 14, 22.
Павлюков, ряд. 109.
Павлючук, Вячеслав, боцманмат 94.
Палачев, Мих., ряд. 111.
«Память Азова», кр. 63, 64, 65, 69, 70, 73, 119.
«Память Меркурия», кр. 194.
«Пантелеймон» (быв. «Потемкин»), бр. 222, 223.
Панферов, кап. 2-го ранга 113.
Пареевский, ряд. 90.
Париж 193.
Паркау, ген. 356, 357.
Паркевич 329.
Партия с.-р. 38, 161.
Парфенов 71.
Пархоменко, ряд. 210, 211.
Патурин, Тимофей, ряд. 112.
Патушинский, пр. 265.
Первая речка 360.
Пересыпь (в Одессе) 199.
Перетрухин, у.-о. 329.
Перковский, шт.-кап. 347.
Пермь 358.
Перновский 3-й грен. полк 125.
Першин 87.
Песоцкий, ряд. 184.
Песочная ул. (в Кронштадте) 11, 81, 100.
Петербург 1, 4, 5, 11, 12, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 24, 26, 28, 32, 34, 38, 48, 49, 53, 54, 55, 56, 63, 67, 68, 69, 76, 77, 78, 90, 96, 116, 123, 129, 130, 163, 339.
Петербургская военн. орган. 27, 30, 74.
Петербургская орг. РСДРП 1
Петербургская ул. (в Кронштадте) 81, 99.
Петербургский военн. округ 1, 2, 12, 14, 15, 18, 21, 27, 30, 33, 34, 35, 38, 78.
Петербургский Комитет РСДРП 74, 123.
Петербургский Совет Раб. Деп. 1, 4, 16, 17, 18, 19, 25, 26, 78.
Петергоф 32, 35, 36.
Петергоф Новый 32.
Петро-Александровск 321.
Петров, м. 215, 216, 218.
Петров, пол. 15.
Петров, шт.-кап. 108, 112.
Петров, А., ряд. 90.
Петров, Петр, у.-о. 90.
Петрович, ген. 163, 164, 166.
Петровка, село 151.
Петровская ул. (в Кронштадте) 101.
Петровский, подпол. 367.
Петровский, пол. 372.
Петровское, с. 346.
Петрозаводский 103-й пех. полк 169.
Петроков, гор. 175.
Петроковская губ. 174.
Петропавловская крепость (в Петербурге) 22, 24.
Петухов, мичман 85.
Пехотная дивизия:
4-я 176.
6-я 177.
9-я 190.
13-я 216.
21-я 351.
24-я 14.
36-я 240.
39-я 354.

Печерск (в Киеве) 182.
Печерский базар (в Киеве) 182, 185, 186.
Печерский плац (в Киеве) 186.
Пилькевич, пор. 183, 184, 186, 187, 188.
Пинский, пор. 325.
Пиотровский, пор. 96.
Писаревский, к.-адм. 215.
Платонов, Ив., ряд. 290.
Плотников, с.-д. 165.
Плоцкая губ. 174.
Пластунский батальон:
14-й 353.
17-й 356.

Победоносцев 82.
Повалихин, Вас., ряд. 111.
Поволоцкий, инж. 168.
Погожев, мичман 64.
Подградный, сапожник 184.
Подгурский, лейт. 119.
Подгурский, оф. 328.
Подкулинский, у.-о. 265, 266, 269, 272.
Подкумок, р. 349.
Подольская губ. 180.
Подрядчиков, Зиновий, ряд. 111.
Подлинский, ряд. 269.
Пожидаев, ген. 357.
Позняков, Борис, пропагандист, 171.
Полесье 160, 161.
Поликарпов, Алдр., у.-о. 111.
Политовский, еф. 196.
Полковников, ген. 191.
Полубинский, подпор. 108, 112.
Полтава 181, 190, 191.
Полтавская губ. 180.
Полторацк 280, 304.
Польша 16, 17, 160, 161, 176.
«Понтонер», минн. катер 105, 109, 112.
Понтонный батальон:
4-й 182, 184, 185.
5-й 182, 183, 184, 185, 186.
6-й 59, 112.

Потеляев, Фед., ряд. 112.
Попов, Ант., вахмистр 142, 143.
Попович, Лука, у.-о. 112.
Поппен, фон, ген. 163.
Порт-Артур 365.
Портсмутский мир 239.
Постов, Степан, драгун 135.
Посьетская ул. (во Владивостоке) 360, 369.
«Потемкин», бр. 163, 166, 195, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 213, 219, 228.
Потемкинская ул. (в Петербурге) 37.
Потресов 17.
Потыкалов, Алдр., ряд. 111.
«Право», газ. 162, 166, 167, 175, 176, 342, 344, 345, 353, 357.
Прасолов, ген. 281, 297, 298, 315, 326.
Преображенский полк 14, 24, 25, 32, 33, 34, 118.
Пресненская боевая организ. 155.
Пресненская застава 125.
Пржевальский, ген. 345, 357.
Приамурский военн. округ 239, 358, 359.
Прибалтийский край 172.
Привислинский край 160.
«Пригодный», катер 223.
Приморский бульвар 213, 215.
Приморская обл. 358, 359, 361.
Приходько, Петр 94.
Прозоров, ряд. 89, 90.
Прокопенко, еф. 183.
Прокофьев, ряд. 292.
Прокофьев, пор. 99, 100.
Прокофьев, Алдр., ряд. 112.
Прокофьев, Вас., ряд. 112.
Прокофьев, Петр, ряд. 111.
Протасов, ряд. 184.
Протопопов, шт.-кап. 328.
Прохладная, станица 348.
Прохоров, пр. 125.
«Прут», транспорт 195, 197, 256.
Прутков, у.-о. 32.
«Псесуане», судно 207.
Пташинский, кап. 99.
Пулеметная рота 36-я 125.
Пульмана завод 17.
Пурвин, Оскар, у.-о. 61.
Путивльский 127-й пех. полк 181.
Путята, ген. 374.
Пучков, под'есаул 347.
Пушкинский переулок (в Севастополе) 221.
Пьянков, шт.-кап. 109.
Пятигорск 345, 349.

«Работник», судно 114.
Радецкий, пол. 372.
Радищев 236.
Радом, гор. 175.
Раево, село 125.
Раевский, пол. 43, 71, 89, 92.
Раздольное 372, 373.
Рассказов 274.
Рачков, Петр, канонир 109.
Ревель 38, 41, 48, 55, 63, 64, 65, 78, 116, 119, 166, 171, 172.
Редигер, военн. министр 33, 35, 84, 122, 135, 137, 138, 144, 163, 175, 203.
Редько, ген. 250, 251.
Резервная бригада 63-я 342.
Резников, прис. пов. 213.
Резниченко, м. 201.
Рембертов, д. 177.
Рембертовский полигон 177.
Ремезов, ряд. 329.
Ренненкампф, ген. 242, 252, 261.
Рерберг, кап. 103.

«Ретивый», миноносец 64.
Рига 161, 162, 163, 164, 165, 166.
Рижский залив 160.
Рижская латышская республика 166, 172.
Рижский. уезд 160.
Рингваль, Иоганн, шкипер 91.
Ровно, гор. 181.
Рогачёв, ряд. 210, 211.
Роговицкий 71.
Родионов, кап. 1-го ранга 58, 61.
Рождественский, подпор. 225.
Розанов, еф. 315.
Романенко, ген.-лейт. 80.
Романенко, С., ряд. 86.
Российск. Соц.-Дем. Рабоч. Партия 28, 41, 69, 77, 96, 97, 114, 117, 122, 123, 154, 161, 164, 216, 217, 218, 236, 242, 243, 253, 259, 263, 305, 317, 345, 365.
Россия 16, 35, 44, 47, 65, 83, 97, 114, 115, 116, 117, 118, 121, 144, 160, 171, 184, 193, 208, 209, 210, 211, 214, 236, 242, 254, 259, 262, 270, 281, 297, 310, 317, 321, 336, 338, 342, 354, 359, 361, 365.
«Россия», кр. 36, 361, 362.
«Ростислав», бр. 204, 221, 222, 223.
Ростов-Ярославский 122, 136.
Ростовский гренад. полк 124, 127, 129, 130, 132, 155.
Рудницкий, ряд. 320.
Рудомино, пол. 141.
Рузский уезд 136.
Румыния 193, 206, 208, 209.
Румшевич, ген. 257, 261.
Русин, кап. 1-го ранга 119.
«Русские Ведомости», газ. 177, 253, 266.
«Русское Слово», газ. 267, 366.
Русский о-в 360.
«Русский Туркестан», газ. 284, 286, 289, 294, 297.
Русь 21.
«Русь», газ. 15.
Рутнивецкий, в.-о. 196.
Рухлинский, оф. 328.
Рчеулов, подпол. 336.
Рыбалка 224.
Рыбин 320.
Рюмаев, Николай, ряд. 72, 111.
Рябый, у.-о. 184.
Рязань 135, 154.
Рязанская губ. 155.

Савин, В., ряд. 92.
Савин, Ив., ряд. 111.
Савин, Сергей, еф. 111.
Савинков, Дав., ряд. 90.
Савицкий, подпор. 60, 112.
Савицкий, пор. 104, 109.
Савостьянов, М., м. 73.
Савотченко, машинист 201.
Садовский, ротмистр 81.
Саксаганский 294.
Салтыков, Петр, драгун 135.
Сальянский 252-й пех. полк 352, 353.
Самара 242.
Самарканд, гор. 280, 282, 283, 285, 286, 287, 293, 327.
«Самарканд», газ. 287, 289, 321, 327.
«Самарская Газета» 8, 17, 22.
Самогитский 7-й грен. полк 125.
Самодранов, Алдр., ряд. 111.
Самойленко, рулевой 201.
Самурский 83-й пех. полк 97, 353.
Санцевич 71.
Саперная бригада:
3-я 181, 182.
6-я 137, 145, 146.

Саперный батальон:
5-й 182, 186.
6-й 180.
7-й 182, 186.
10-й 176.
11-й 196, 227.
12-й 196, 227.
13-й 227.
14-й 182, 184, 185, 186.

Саперный 1-й резервн. бат. 132, 133, 134.
Сарыкамыш 351.
Сафонов 273.
Сафонов, пор. 108, 112.
Сахалин, о-в 358, 374.
Сахаров, ген. 285, 292, 293, 294, 295, 297.
Свеаборг 19, 21, 29, 34, 38, 40, 41, 42, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 55, 63, 65, 66, 71, 72, 74, 78, 85, 86, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 97.
Свеаборгская крепостная артиллерия 84.
Свеаборгская минная рота 42, 43, 44, 88, 92.
Свеаборгский пех. полк 43.
Светланская ул. (во Владивостоке) 360, 369, 371.
Светловский, подпор. 99.
Свечин, ген. 345, 346.
«Свирепый», миноносец 195, 221, 222, 223.
Свиридов, военн. врач 265.
Свирский 199-й пех. рез. полк 34.
Свищевский, ген.-лейт. 88.
Сводный стрелк. 2-й корпус 361.
Святополк-Мирский, кн., министр 4.
Севастополь 26, 44, 123, 166, 169, 170, 193, 195, 205, 206, 213, 214, 216, 218, 219, 222, 224, 226, 266.
Севастопольская крепостн. артиллерия 196.
Севастопольская крепостная саперн. рота 217.
Севастопольский Комитет РСДРП 194, 218.
Севастопольский Совет Раб. Деп. 220, 223.
Северная казарма (в Кронштадте):
1-я 106.
2-я 102.
3-я 101, 102.

Северная сторона (в Севастополе) 221, 226.
«Северный», баркас 73.
Северный бульвар (в Кронштадте) 8, 101, 102.
Северный Кавказ 338, 339, 350, 352, 353.
Северный Ледовитый океан 358.
Северо-Западный край 160.
Северский 45-й драгунск. полк 355.
Севский 34-й пех. полк 181, 190, 191, 192.
Седлецкая губ. 174.
Седельников, ген. 217.
Селиванов, ген. 361, 369, 370, 371.
Селезнев, оф. 85.
«Семен», с.-р. 57.
Семенов, шт.-кап. 335.
Семенов, Илья, ряд. 111.
Семенов, Трофим, ряд. 111.
Семеновская гавань 360.
Семеновский базар (во Владивостоке) 360.
Семеновский полк 22, 32, 124.
Семипалатинская обл. 239.
Семянниковский завод 17.
Сеньков, Ив., у.-о. 111.
Сергеев, подпол. 60, 103, 105.
Сергеев, Алдр., ряд. 111.
Сергеев, Гавр., еф. 111.
Сергеев, Игнатий, ряд. 111.
Серебряников, Вас., ряд. 111.
Серпуховской 120-й пех. полк 102.
Сестрорецк, гор. 2.
Сестрорецкая ж. д. 17.
Сибирь 73, 234, 236, 238, 239, 240, 241, 242, 248, 257, 263, 270, 275, 276, 277, 278, 308.
Сибирская жел. дор. 239, 240, 242.
«Сибирская Жизнь», газ. 236, 247, 250, 252, 259, 260, 261, 263, 264, 273.
Сибирская пех. резервн. бригада:
1-я 277.
2-я 277.

Сибирский военн. округ 238, 239, 243, 277, 309.
Сибирский запасный батальон:
1-й 262.
2-й 262, 270.
3-й 246.

Сибирский 4-й корпус 240, 242, 248, 257, 277.
Сибирский полуэкипаж 368.
Сибирский Союз ПСР 268.
Сибирск. флотск. экипаж 368, 369, 371.
Сидоров, подпор. 62.
Сидоров, пор. 106.
Сизых, урядник 269, 271, 272.
Сильченков, Фед., ряд. 72, 108, 111.
Симола, станция 48.
Симоненко, Никол, машинист 225.
Симонов, монтер 297.
Симонов, техник 329.
Симферопольский полк 219.
Синкони, кап. 102.
«Синоп», бр. 197, 198, 204.

Скатудден, полуо-в 40, 46. 47, 48, 50, 66, 71, 94, 95.
Скворцов, еф. 184.
Скерневицы 175.
Скипидаров, ряд. 89, 90.
Скоморохов, ряд. 246.
Скорблин, оф. 328.
Скороходов, старшина 346.
Скребнев, машинист 201.
«Слава», бр. 50, 70, 84, 86, 90, 119.
Славянская, станица 357.
Слепцов, губернатор 135.
Слепченков, Алдр., ряд. 112.
«Слово», газ. 22.
Случановский, кап. 184.
«Смельчак», транспорт 365.
Смелянский, ряд. 196.
Смидович, с.-д. 218.
Смирнов, врач 198, 199.
Смирнов, шт.-кап. 183.
Смирнов, Григ., еф. 111.
Смирнов, Мих., ряд. 111.
Смитанко, ряд. 108.
Снарский, Максим, ряд. 110.
Снарский, Мих., ряд. 111.
Соборная пл. (в Кронштадте) 5.
Соборная ул. (в Кронштадте) 11, 13, 81.
Совет Матросских, Рабочих и Солдатских Депутатов 218.
Совет московского гарнизона 153.
Соколов, инж. 297.
Соколов, Владимир, ряд. 111.
Соколовская мануфактура 132.
«Солдат», газ. 195.
«Солдатская Беседа», газ. 71, 73.
«Солдатский Вестник», газ. 125.
«Солдатская Газета» 52, 58, 175, 195.
«Солдатская Доля», газ. 32, 33, 175.
«Солдатский Листок», газ. 169.
«Солдатская Мысль», газ. 30, 32, 71, 72, 73.
«Солдатская Жизнь», газ. 125, 182, 306.
Соловей, зубн. врач 196.
Соловьев 71.
Соловьев, минер 43.
Соловьев, ряд. 89, 90.
Соловьев, Фед., фельдшер 94.
Соломатин, Николай, ряд. 112.
Соломенцев, у.-о. 320.
Соломонского бывш. цирк 369.
Сольниченко, у.-о. 184.
Сопрыкин, писарь 201.
Сорочинский, шт.-кап. 102.
Соц.-дем. Польши и Литвы 161.
Соц.-рев. партия Литвы 161.
Спасское, село 373.
Спиридович, ген. 180.
Спиридонова, М. 135, 139.
Средняя Азия 293.
Средне-Азиатская ж. д. 280, 281, 283, 293, 294, 298, 326, 332, 334.
Сретенск 258.
Ставрополь 345.
Ставропольская губ. 345.
Ставучанский 274-й пех. полк 196.
Станиславский, доктор 188.
Старобельский 202-й пех. полк 181.
Степанов, ряд. 183.
Степанов, шт.-кап. 313.
Степанов, Алдр., ряд. 111.
Степанов, Антон, ряд. 111.
Степанов, Семен, еф. 111.
Степанов, Яков, минер 72.
Степановская ул. (в Киеве) 187.
Столыпин, министр 36, 122, 131, 132, 137.
Стояновский, шт.-кап. 58, 61.
«Страна», газ. 256.
Стрелковый гвард. полк 33.
Стрелковый зап. 5-й бат. 168.
Стрелковый полк 16-й 196.
Струнино, станция 132.
Сувалки 167.
Сувалкская губ. 160, 161, 174.
Суетов, кап. 269, 272.
Сумской полк 131.
Сурамский перевал 356.
Сурменев, подпол. 371, 373.
Сутулов, сотник 269, 271, 272.
Сухарева площадь 131.
Сухов, подпор. 108, 112.
Сухомлинов, ген. 180, 181, 185, 187, 188, 189.
Сухоруков, Вас., у.-о. 110.
Сухотин, ген. 238, 240, 242, 257, 263, 277.

Таврическая губ. 193.
Таврический полк 125.
Тамбов 138, 143.
Тамбовская губ. 155.
Тарновский, ген. 354, 355.
Татарченко 71.
Ташкент 280, 281, 282, 284, 285, 286, 288, 289, 292, 293, 294, 296, 297, 298, 302, 303, 305, 325, 326, 327, 328, 334.
Ташкент-Оренбургская ж. д. 279.
Ташкентская 1-я резервн. бригада 288.
Ташкентский артилл. склад 288, 289, 320.
Ташкентский рез. артилл. парк 288, 289.
Ташкентский 1-й рез. батальон 281, 282, 284, 286 288, 289, 290, 291, 293, 304, 322, 323, 325, 326, 328.
Твердый, шт.-кап. 62, 106.
Тверская губ. 155.
Тверь 122, 130, 135.
Теканов, Яков, ряд. 111.
Текутьев, Михаил, ряд. 111.
Темрюкский отдел 357.
Тендер, бухта 197, 198.
Тендер, о-в 198.
Теплухин, Мих., писарь 141.
«Терек», пароход 365.
«Терец», канонерка 223.
Термез, гор. 329, 330, 335.
Тер-Мкртычанц, студент 72, 73, 110.
Терпугов, ряд. 91.
Терская каз ачья бригада 372
Терская обл. 350.
Терское казачье войско 345, 347.
Тигровая гора 360, 372.
Тизенгаузен, фон, пол. 347.
Тимеров, лейт. 85.
Тимофеев, в.-о. 269.
Тимофеев, шт.-кап. 366.
Тимошенко 86.
Тираспольский 131-й пех. полк 352.
Титенков, Ив., ряд. 112.
Тифлис 339, 342, 343, 356.
Тифлисская губ. 338, 355.
«Тифлисский Листок», газ. 342.
Тиханов, В. Е., фейерв. 70. 84, 85.
Тихонов, Вас., ряд. 89.
Тихий океан 358.
Тобольская губ. 239.
Тобус, ряд. 210.
Товарков, Алдр., ряд. 111.
Тодрес 329.
Толбухин маяк 73, 114.
Толстокулаков, сотник 374.
Томашевич, ген. 76, 113.
Томск 236, 238, 239, 242.
Томская губ. 239.
Томский казач. дивизион 248.
Тон, мичман 199.
Тонагель, в.-о. 269.
Топленников, А., ряд. 111.
Торопыня, пор. 100.
Трепов, ген. 54, 82, 163.
«Три Святителя», бр. 203, 204, 214.
Троице - Сергиевский полк 123, 124.
Троицкосавск 260.
Трофимов, ген. 343.
Трофимов, пор. 366.
Трохимовский - Гришкевич, жанд. ротмистр 119.
Троцкий, Л. 17, 18, 22, 26.
Трубачев, С., директор гимназии 138.
Тубелевич, боевик 75, 76.
Тула 148.
Тульская губ. 155.
Тульский 72-й пех. полк 177.
Туркестан 234, 279, 280, 281, 284, 285, 286, 304, 320.
Туркестанская артилл. бригада:
1-я 282, 330.
2-я 282, 301, 333.
Туркестанская жел.-дор. бригада 282, 283.
Туркестанская 1-я казачья дивизия 282.
Туркестанская крепостн. артилл. рота 282, 288, 290, 291.
Туркестанская понтонная рота 282, 296, 303, 329, 336.
Туркестанская резервн. пех. бригада:
1-я 281.
2-я 281.

Туркестанская стрелковая бригада:
1-я 323.
2-я 323.

3-я 323.
4-я 328.
6-я 323.
7-я 323.

Туркестанский военный округ 279, 285, 286, 296, 299, 302, 304, 305, 317, 320, 321, 324, 325, 326, 329, 330, 331, 334, 335, 336, 337.
Туркестанский корпус:
1-й 282, 285, 322, 326, 337.
2-й 281, 282, 294, 298, 299, 300, 334.

Туркестанский летучий парк 288, 289.
Туркестанский саперн. батальон 282, 285, 302, 321, 334, 335.
Туркестанск. стрелков. батальон:
1-й 291, 322, 323.
2-й 291, 301, 322, 323.
3-й 291, 293, 300, 301, 302, 322, 323, 336.
4-й 302.
9-й 336.
12-й 329.
17-й 298.
19-й 320.

«Туркестанские Ведомости», газ. 294, 299.
Туркменская ССР 279.
Тышко, подпол. 313.
Тюсьбинская группа (Финл. военн. орг.) 28.

Уваров, подпор. 99, 100.
Угомонов, Вас., ряд. 111.
Угрюмов, подпол. 327, 328.
Узбекская ССР 279.
Украина 358.
Уланский его вел. полк 33.
Ульянин, ген.-м. 283.
Уманская, станица 357.
Уманский отдел 356.
Урал, горы 239.
Уральский 112-й пех. полк 167, 168.
Уральский 1-й казачий полк 187.
Уроч, станция 150.
Урупский 2-й казачий полк 339, 343, 344.
Урядников, Петр, ряд. 111.
«Успех», пароход 91.
Уссаковский, ген. 294, 295, 298, 299.
«Уссуриец», мин. кр. 94.
Уссурийская ж. д. 373.
Уссурийская жел.-дор. бригада 373.
Устинов, Кузьма, ряд. 111.
Устинов, ряд. 112.
Усть-Двинск, кр. 163, 164, 165, 166.
Усть-Двинская креп. минн. рота 162, 163, 164, 165, 166.
Усть-Двинская креп. саперная рота 162, 163, 164, 165, 166.
Усть-Двинский креп. артилл. батальон 163, 164, 165, 166.
Усть-Двинский 179-й пех. полк 163.
Уфимская губ. 241.

Фадеев, ген. 353.
Фарабский, берег 333.
Федоров, учитель 286.
Федоров, у.-о. 43.
Федоров 1-й, кап. 102.
Федоров, Виктор с.-р. 321.
Федоров, Гавр., ряд. 112.
Федоров, Григ., ряд. 112.
Федоров, Сергей, у.-о. 88, 89.
Федоров, Яков, ряд. 112.
Федоровы (два) 294.
Фельдман 201, 202, 205.
Феодосия 196, 209, 226.
Ферганская обл. 303.
Ферман, Конст., ряд. 110, 111.
Филимонов, Степан, еф. 111.
Филиппов, Мих., ряд. 72, 111.
Филиппов, Федор, канонир 92.
Финляндия 27, 28, 30, 35, 50, 78.
Финляндская военн. орган. 28, 30, 37, 40, 41, 47, 77, 96.
Финляндская ж. д. 17.
Финляндская орган. РСДРП 41.
Финляндский гвард. полк 59, 62, 106, 107.
Финляндский стрелковый полк:
1-й 49, 50, 51.
2-й 30, 94.
3-й 30.

«Финн», мин. кр. 47, 95.
Финский залив 38.
Фирулев, Петр, ряд. 111.
Фирюзинская ветка 332.
Флоренция 358.
Флоринский, жанд. ротмистр 163, 164, 166.
Флотский экипаж:
1-й 9, 10, 12, 81.
3-й 12.
4-й 9, 16, 81.
5-й 8, 10, 12, 102.
7-й 9, 10, 80, 81, 101.
8-й 24.
9-й 172.
10-й 8, 10, 102.
11-й 9, 58, 81, 101, 117.
12-й 81, 87.
14-й 24, 101.
16-й 58, 81.
18-й 24.
19-й 81.
20-й 9, 58, 81, 94.
33-й 225.

Флуг, ген. 371.
Фовицкий, кап. 330, 331.
Фомин, Карп, ряд. 111.
Фофанов, ген. 351.
Франко-Русский завод 17.
Фрезе, ген. 164, 167.
Фролов, у.-о. 216, 218.

Хабаровск 358, 359.
Хабаровский рез. полк 363.
Хавский, Афанасий, нестр. 111.
Хайлар, станция 258.
Харбин 240, 252, 258, 266, 372, 373.
Харчук, ряд. 210, 211.
Харьков 180, 181, 182, 192.
Харьковская губ. 180.
Херсон 193.
Херсонская губ. 193.
Херсонский дисц. батал. 210.
Ходжент 282, 296, 329.
Ходжентский резервн. батал. 292, 322.
Ходынский лагерь 125.
Холщевников, ген. 255, 256, 260, 261.
Хоперский 2-й казач. полк 353.
Хрещатицкий, ген. 359.
Хромов, ряд. 151, 152.

Царицинский полк 119.
Царство Польское 174.
Царьков, Егор, канонир 109.
Цемеская бухта 342.
Центральная группа (Финл. военн. орг.) 28, 29, 37, 40, 46, 97.
Центральн. Комитет РСДРП 56.
Центр. Комитет ПСР 35.
«Цесаревич», бр. 50, 70, 84, 85.
«Цесаревич», пароход 335.
Цеховский 71.
Циона, Захарий, квартирмейстер 225.
Цион, шт.-кап. 19, 21, 44, 45, 46, 61, 72, 86.
Цымбан, оф. 85.
Цынков, шт.-кап. 103.

Чарджуй, гор. 280, 283, 296, 298, 324, 333, 335.
Частник, кондуктор 224.
Чеботаева ул. (в Кронштадте) 76.
Чебыкин, полк. 163, 164.
Чеколаев, ряд. 85.
Челябинск, 242.
Ченстохов, 175.
Черемхово, 269.
Череноватов, Ефрем, ряд. 112.
Черепанов, подпор. 186, 188.
Черников, фельдфебель 87, 94, 95.
Черноморская губ. 180, 342.
Черноморский 2-й казач. полк 346, 357.
Черноморский флот 193, 194, 197, 203, 206, 210, 214, 215, 222, 229, 232.
Чернобородов, врач 286, 321.
Черноусов, еф. 43.
Черноусов, Игнат, ряд. 88, 89, 90.
Черняево 280, 302, 327.
Черков, Дм., нестр. 111.
Чита 82, 236, 239, 242, 252, 253, 257, 258, 259, 260, 261, 266, 275, 276, 278.
Читинский Комитет РСДРП 253, 256, 258, 261.
Читинский Сибирск. 2-й пех. полк 257, 258, 261, 277.
Читинский Совет Солд. и Казач. Деп. 255, 258, 275, 278, 308.

Чоглоков, пор. 188.
Чубукин, писарь 320.
Чугуев, гор. 181, 192.
Чукотский, полуостров 358.
Чуксанов, пол. 113.
Чумак-Жунь, Борис, ряд. 290.
Чуркин полуостров 360, 365, 366, 368, 373.
Чухнин, адм. 194, 203, 205, 214, 215, 220, 223, 225.

Шабанов, у.-о. 295.
Шавдия 294.
Шаврин, 273, 274.
Шавров, в.-о. 128.
Шамшин, у.-о. 88, 91.
Шанский, пол. 172.
Шарог, у.-о. 99.
Шаханов, ряд. 90.
Шаханов, нестр. 92.
Шабаев, Фед., ряд. 111.
Шебалин, м. 65.
Шеблум, машинист 91.
Шейдеман, подпор. 100, 101.
Шелепиха, д. 125.
Шелов, пол. 69, 105, 106, 109.
Шестаков, подпор. 43, 88, 89, 91, 92.
Шестидесятый, машинист 201.
Шестов, бомбардир 92.
Шефнеровская ул. (во Владивостоке) 369.
«Шилка», трансп. 363.
Ширванский 84-й пех. полк 348.
Широкая ул. (в Кронштадте) 58.
Широченко, фельдф. 92.
Широченко, оф. 85.
Шишков, у.-о. 88, 89.
Шкиперская ул. (в Кронштадте) 11.
Шкляренко, шт.-кап. 366.
Шмелев, Ив., ряд. 112.
Шмидт, лейтенант 213, 214, 215, 217, 218, 220, 221, 222, 223, 224, 225,
Шпер 361, 369, 370, 372.
Штейн, шт.-кап. 215.
Шульман, ген.-м. 61, 106.
Шумилов, Павел, нестр. 111.
Шумов, кап. 2-го ранга 59, 61.
Шутихин, подпор. 330.
Шуша, гор. 110.

Щербаков, хорунжий 149.
Щербаков, у.-о. 7.
Щербаков, Степ., ряд. 111.
Щербина, Ив., у.-о. 88, 91.
Щербинин, Ив., ряд. 313.
Щучинский уезд 160, 174.

Эгершельд, полуостров 360.
Элькин, подпор. 99, 100.
«Эмир Бухарский», судно, 47, 95.
Эпнеров, Алдр., ряд. 111.
Юганссон, Юган, ряд. 111.
Юго-Западный край 180, 189.
Южная бухта 221.
Южно-Русского о-ва завод 187.
Юзовка 196.
Юриссон, Ян, еф. 111.
Юров, С. машинист 73.
Юрчик, жанд. у.-о. 92.
Юсупов, Тазей, сарт 286.
Юхновский 219-й рез. пех. полк 154.

Ягненков 71.
Ягодкин, ген.-м. 266.
Якоби, г-жа 106.
Яковлев, Вас., еф. 111.
Яковлев, Ив., фельдш. 71, 94.
Яковлев, Н. М. 86.
Якутск 273, 274.
Якутская обл. 239.
Якушев, Алексей, ряд. 61.
Янсон, кондуктор 64.
Янушев, кап. 291, 322.
Япония, 2, 19, 20, 161, 236, 239, 321, 344, 350, 359, 361, 365, 374.
Ярославль 122.
Ярославский, Ем. 123.
Ярошевский, подпол. 72.
Ярошко, Яков, у.-о. 110.
Ясиноватая, станция 196.
Яхонтов, пор. 99, 100.
Яхтман, чиновник 333.